1672  1725

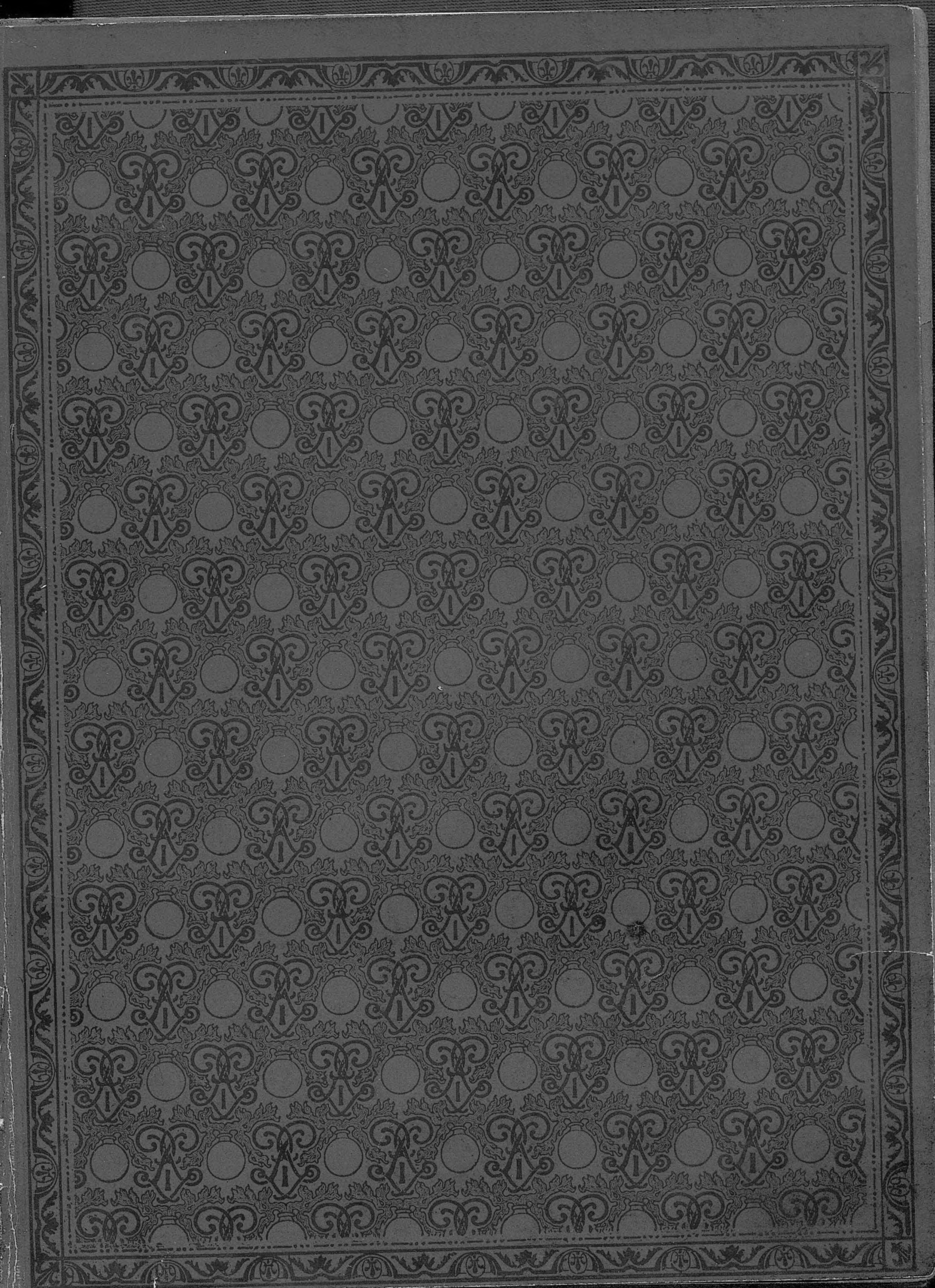




Исторія Петра Великаго



Изданіе товарищества М. О. Вольфъ

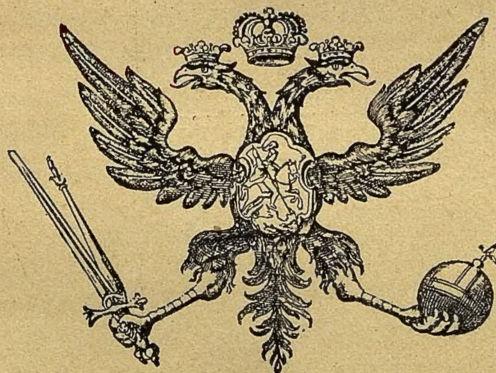




Не репродуцировать.

Исторія Петра Великаго

С. А. ЧИСТЯКОВА



Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. и пр на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Рисунокъ переплета акад. Н. С. Самокиша



ИЗДАНІЕ
Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 20 Ноября 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. 5—7.

Предисловіе

Великимъ, недосягаемымъ гигантомъ выдѣляется въ судьбахъ Россіи личность Петра Великаго. Для того, чтобъ объять всю дѣятельность этого гиганта, дать характеристику всѣхъ его подвиговъ, оцѣнить всѣ его реформы и дѣянія,—для этого нужны десятки томовъ, нужны обширныя научныя монографіи. Но и въ болѣе сжатомъ изслѣдованіи можно дать понятіе читателю о томъ, кто былъ Петръ, можно ознакомить съ тѣми его подвигами, которые заслужили ему названіе «Великаго».

Настоящая книга имѣетъ цѣлью дать именно сводъ того, что путемъ историческихъ изысканій извѣстно о Петрѣ,—сводъ, написанный не въ сухой формѣ лѣтописи, но въ видѣ интереснаго историко-біографическаго очерка, строго основаннаго на фактахъ, при чемъ имѣлось въ виду сдѣлать этотъ трудъ одинаково доступнымъ и занимательнымъ какъ для взрослаго читателя, такъ и для юноши.

Многочисленные рисунки, помѣщенные въ текстѣ, состоящіе частью изъ снимковъ со старинныхъ гравюръ, медалей, портретовъ, частью-же изъ копій съ извѣстныхъ картинъ, историческихъ сценъ и пр., имѣютъ цѣлью дополнить текстъ и сдѣлать его нагляднымъ.

Исторія
Петра Великаго



ТИТУЛЪ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ГЕОГРАФІИ.

НАЛИЧНИКЪ ОКНА ТЕРЕМНАГО ДВОРЦА ВЪ МОСКОВСКОМЪ КРЕМЛѢ.

ГЛАВА I.

Знакомство и бракосочетаніе царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной.

Боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ, по-тогдашнему, т.-е. болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ тому назадъ, человѣкъ образованный. Онъ зналъ даже по-латыни и немного современные европейскіе языки. Онъ входилъ въ частыя сношенія съ иностранцами, которые жили при Московскомъ дворѣ, часто приглашалъ ихъ къ себѣ, разговаривалъ съ ними и узнавалъ отъ нихъ много такого, чего русскіе въ то время не знали. У него въ домѣ была библіотека и онъ много читалъ.

Отъ природы у него былъ умъ глубокій, а чтеніе и сношенія съ иностранцами расширили его знанія, и потому онъ ото всѣхъ бояръ отличался здравымъ и мѣткимъ сужденіемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ отличалъ этого замѣчательнаго человѣка, приблизилъ его къ себѣ, далъ ему званіе стольника и поручилъ ему дѣла по управленію Малыя Россіи, т.-е. «приказалъ ему вѣдать приказъ Малыя Россіи».

Царь Алексѣй Михайловичъ призывалъ къ себѣ Артамона Сер-

гѣевича не за однимъ только дѣломъ, но часто и безъ всякаго дѣла, только за тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ. Вскорѣ царь до того полюбилъ боярина, что даже нарушилъ старинный обычай царей и самъ запросто отправлялся къ Матвѣеву въ гости. Это бывало рѣдко; но въ то время цари показывались народу только окруженные дворомъ; ѣздили въ монастыри, церкви, къ своимъ близкимъ родственникамъ, отправлялись на охоту, въ походъ, но къ простымъ дворянамъ или боярамъ не ѣздили.

Послѣ кончины первой супруги своей, Марьи Ильинишны, изъ рода Милославскихъ, царь Алексѣй Михайловичъ грустилъ и, чтобы развлечься, чаще прежняго призывалъ къ себѣ боярина Матвѣева и иногда заѣзжалъ къ нему. Однажды царь былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа и сказалъ Матвѣеву:

— Сегодня я къ тебѣ пріѣду ужинать запросто, но съ тѣмъ, чтобы ты никакихъ приготовленій не дѣлалъ и своего обычнаго домашняго порядка не перемѣнялъ.

— Государь,—отвѣтилъ Матвѣевъ, —я недостоинъ такого счастья, одно появленіе твое въ моемъ недостойномъ домѣ для меня праздникъ, и все перемѣняетъ, и изъ моей избы дѣлаетъ царскій чертогъ.

— Хорошо, хорошо, такъ жди меня сегодня, да смотри, запросто.

Бояринъ поспѣшилъ домой, призвалъ жену и приказалъ ей позаботиться о томъ, чтобы достойно встрѣтить высокаго гостя.

Во времена Алексѣя Михайловича, женщины и дѣвушки жили на своей отдѣльной половинѣ, никогда не показывались мужчинамъ, не выходили въ общество, заботились о хозяйствѣ, смотрѣли за работами своихъ прислужницъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, и ограничивались знакомствомъ съ другими боярскими женами и дочерьми; но и къ нимъ выходили обыкновенно съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ: или съ довѣренными комнатными прислужницами, или съ няней, или какою-нибудь старою родственницею.

Бояринъ Матвѣевъ не такъ строго придерживался старинныхъ обычаевъ, его жена и воспитанница—Наталья Кирилловна Нарышкина, правда, однѣ по улицамъ не ходили, но иногда являлись къ гостямъ и, безъ жеманства и лишней застѣнчивости, разговаривали съ ними. Наталья Кирилловна была дочь боярина Кириллы Полуектовича Нарышкина, искренняго друга Артамона Сергѣевича, жила въ его домѣ и воспитывалась въ немъ.

Извѣстіе о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ будетъ ужинать въ домѣ боярина, было и радостно, и тревожно; хозяйка и ея воспитанница позаботились о томъ, чтобы и кушанья были въ порядкѣ, и вина,

и медъ приготовлены; изъ поставцевъ достали самые лучшіе старинные, дорогіе золотые кубки, ендовы и ковши; онѣ со вниманіемъ осмотрѣли комнаты, поправили и замѣнили на лавкахъ обыденные ковры новыми персидскими и малиновыми бархатными пологами, шитыми золотомъ. Для



ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.
(Съ портрэта Веннера).

царя поставили большое малиновое спокойное кресло. Но, когда послышалось: «Ѣдетъ, ѣдетъ!» ушли на свою половину и ждали, что дальше будетъ.

Артамонъ Сергѣевичъ встрѣтилъ царя на крыльцѣ, растворилъ дверцы

кареты, помогъ ему выйти изъ нея и съ низкими поклонами проводилъ его въ домъ. Государь былъ веселъ и прошелъ прямо въ назначенную для него комнату, гдѣ стоялъ накрытый столъ, украшенный всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ боярина. Царь Алексѣй Михайловичъ сѣлъ на приготовленное для него кресло и сказалъ боярину:

— Я тебѣ говорилъ, что хочу у тебя ужинать запросто, а ты меня принимаешь только съ почестями; гдѣ-же твоя хозяйка? я хочу ужинать съ твоей семьей запросто; чарка вина изъ женскихъ рукъ для меня слаще.

Бояринъ поспѣшно вышелъ и приказалъ позвать жену, а воспитанницѣ подать царю вина въ золотой чаркѣ, на золотомъ подносѣ. Черезъ минуту дверь распахнулась, и боярыня, боярышня и единственный сынъ Артамона Сергѣевича, малолѣтній, красивый мальчикъ, въ праздничномъ нарядѣ, скромно вошли въ комнату, а боярышня съ низкимъ поклономъ поднесла царю чару дорогого заморскаго вина. Необыкновенная красота строгаго, умнаго лица Натальи Кирилловны поразила царя, и онъ съ удивленіемъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Государь,—сказалъ бояринъ,—вотъ передъ тобою вся семья моя; она бьетъ тебѣ челомъ и проситъ милостиво выпить вина и закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

— Артамонъ, скажи мнѣ, отчего ты скрывалъ отъ меня, что Богъ благословилъ тебя такою дочерью; я до сихъ поръ всегда думалъ, что у тебя только одинъ сынъ.

— Государь, я не скрывалъ ничего отъ твоего свѣтлаго разума; у меня дѣйствительно одинъ только и есть сынъ, что вотъ стоитъ передъ твоими свѣтлыми очами, а эта дѣвушка не дочь мнѣ по крови, а дочь по сердцу; это дочь друга моего, стольника и полковника рейтарскаго полка, Кириллы Нарышкина.

Царь взялъ чарку изъ рукъ молодой дѣвушки, потребовалъ, чтобы она и боярыня сѣли съ нимъ вмѣстѣ за столъ, и весело разговаривалъ съ обѣими женщинами.

Наталья Кирилловна была отъ природы очень умна и получила воспитаніе гораздо лучше того, какое обыкновенно въ то время давали молодымъ дѣвушкамъ. Когда первое смущеніе неожиданности прошло, она очень умно отвѣчала на вопросы высокаго гостя, очень мѣтко высказывала свои мысли и такъ заинтересовала царя, что онъ не замѣтилъ, какъ проходило время. Онъ въ шутку наконецъ сказалъ:

— Скажи мнѣ, красавица, разумница, ты, должно быть, ужь не разъ гадала о женихѣ, и можетъ быть у тебя ужь есть какой-нибудь молодецъ на примѣтѣ?



БОЯРИНЪ МАТВѢЕВЪ.

Гравюра XVII ст.

— Нѣтъ, государь,—отвѣчала она,—мнѣ жениховъ не надо, я живу въ домѣ этомъ такъ-же счастливо и спокойно, какъ птица въ родномъ гнѣздѣ, да и лѣта мои такія, что мнѣ рукодѣлье и ученіе больше по душѣ, чѣмъ мысли о гаданьяхъ, да о суженыхъ.

— Не таись, красавица, ты на возрастѣ, и о женихахъ помышлять

тебѣ не грѣхъ. Но, будь спокойна, не хлопочи, я самъ буду твоимъ сватомъ и пріищу тебѣ хорошаго и достойнаго тебя человѣка.

Боярышня ни слова не отвѣчала и только низко поклонилась царю. Послѣ ужина, когда царь остался одинъ съ Матвѣевымъ, онъ опять заговорилъ о Натальѣ Кирилловнѣ; хвалилъ ея красоту, ея живое соображеніе, умные отвѣты и мѣткія замѣчанія, и въ заключеніе прибавилъ:

— Да, Господь Богъ на храненіе далъ тебѣ драгоцѣнный алмазъ, береги его. Подумалъ-ли ты, какъ пристроить его, кому отдать это сокровище?

— Государь, много думалъ и не мало заботитъ меня мысль, что̀ будетъ съ моею избранной и любимою дочерью. Господь благословилъ ее красотою, умомъ и чистымъ сердцемъ, но не далъ земного богатства, а безъ него въ наше время трудно пристроиться.

— Не хлопочи, Артамонъ, ты слышалъ, я сказалъ боярышнѣ, что буду ея сватомъ и самъ пріищу ей жениха. Да, знаешь-ли, у меня на примѣтѣ есть человѣкъ, который не погонится за богатствомъ, которому только нужны душевныя качества и свѣтлая наружность. Для него твоя дочь какъ разъ пригодится; и такъ не заботься, а жди моего слова.

Артамонъ Сергѣевичъ съ жаромъ благодарилъ царя и съ низкими поклонами провожалъ его до колымаги, посадилъ въ нее, заперъ дверцы и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, не надѣвая шапки.

Прошло нѣсколько времени; царь по-прежнему былъ милостивъ къ Артамону Сергѣевичу, по-прежнему призывалъ его къ себѣ, по нѣскольку часовъ сряду бесѣдовалъ съ нимъ; иногда посылалъ съ нимъ бояринѣ и боярышнѣ сахарныя коврижки и другія сласти съ своего царскаго стола, что̀ въ то время было большой милостью.

И царь опять посѣтилъ боярина, но на этотъ разъ совершенно нечаянно, не предупредивъ его даже. Опять ужиналъ онъ вмѣстѣ съ боярыней и боярышней, и еще больше прежняго ему понравилась Наталья Кирилловна и, между прочимъ, онъ шутя напомнилъ ей свое обѣщаніе быть ея сватомъ и совѣтовалъ ей ждать, потому что суженый ея ему извѣстенъ. Наталья Кирилловна вспыхнула и покраснѣла, а царь любовался ея смущеніемъ.

Оставшись одинъ съ Артамономъ Сергѣевичемъ, царь опять заговорилъ о Натальѣ Кирилловнѣ:

— Я не шучу, я жениха твоей воспитанницѣ нашелъ; отъ нея зависитъ, захочетъ-ли она выйти за него.

— Государь, твоя воля назначить ей жениха; мое желаніе одно, чтобы человѣкъ былъ хорошій, да не нищій, а такой, которому богатаго приданаго не нужно, и самъ могъ бы прокормить жену, потому что, какъ

я уже говорилъ, Господь не далъ земного богатства моей названной дочери, да и у меня у самого нѣтъ лишняго.

— Повторяю тебѣ, женихъ мой человѣкъ честный, у него довольно достатка и про себя, и про жену, да и дѣтямъ достанется; я его коротко знаю, онъ за приданымъ не погонится, лишь бы умъ и сердце невѣсты были свѣтлы, здоровы и чисты. Женихъ, который у меня на примѣтѣ и тебѣ не безызвѣстенъ. Я и сегодня пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ за него.

— Я жду, государь, твоей милости, открой мнѣ, великій царь, кого ты удостаиваешь чести, что заботишься о немъ, и берешь на себя сватать его.

— Женихъ этотъ — я самъ, ты меня знаешь, гожъ-ли я?

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ поблѣднѣлъ, испугался и отъ волненія долго не могъ произнести ни слова, наконецъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Государь, ты шутишь со мною, недостойнымъ рабомъ твоимъ; ты изволишь издѣваться надо мною!



ЦАРИЦА НАТАЛІЯ КИРИЛЛОВНА.
(Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмит жѣ.

— Ничуть, я говорю тебѣ очень серьезно. Наталья Кирилловна пришлась мнѣ по душѣ, и ежели я ей любъ, то я сегодня же назову ее своею невѣстой; поди, спроси ее.

— Государь, будь милостивъ, не губи меня, недостойнаго раба твоего! Обрати гнѣвъ на милость, не шути моей семьей, пощади мою дочь!

— Что ты говоришь о пощадѣ, о гибели своей семьи, или ты не понимаешь меня, что-ли? Я хочу жениться на твоей воспитанницѣ, вотъ тебѣ моя царская воля, и я хочу, чтобы ты сейчасъ пошелъ и спросилъ ее: согласна-ли она?

— Государь,—воскликнулъ бояринъ, бросаясь на колѣни,—не губи меня! Понимаю твою царскую волю и готовъ отдать послѣднюю каплю крови, чтобы выполнить ее честно. Но ты, хотя и великій государь, но ты человѣкъ, и завистники неслышными шагами подползутъ къ тебѣ, смутятъ твой слухъ совѣтами, найдутъ тысячу тайныхъ путей, чтобы омрачить твой свѣтлый умъ, взведутъ на меня вины небывалыя, отнимутъ у меня твою дорогую для меня довѣренность, найдутъ средство оклеветать дочь мою, и ей, вмѣсто радости быть твоей женой, придется изнывать одино-

кой въ заточеніи, какъ и другимъ царскимъ невѣстамъ до нея приходилось; государь, ты самъ знаешь, это дѣло бывалое!

Въ глазахъ царя сверкнула молнія негодованія, и онъ воскликнулъ:

— Развѣ я не царь! Развѣ у меня нѣтъ своей воли? Кто осмѣлится пойти противъ меня?

— Государь, никто явно не посмѣетъ поморщиться, но клевета поползетъ по землѣ; она, какъ змѣя, извивается между цвѣтами и убиваетъ на выборъ неслышно и незамѣтно злыми навѣтами тѣхъ, кто ей не по нраву.

— Такъ по-твоему мнѣ отказаться отъ твоей воспитанницы, что-ли?— сердито спросилъ царь.

— Нѣтъ, государь, твоя воля для меня законъ, но я прошу тебя объ одномъ, не вели мнѣ идти къ Натальѣ Кирилловнѣ, не вели спрашивать ея согласія, не отступай отъ стараго обычая, прикажи собрать, какъ это изстари водится, нѣсколько дочерей изъ дворянскихъ семействъ, пусть между ними будетъ и моя дочь; посмотри на другихъ красавицъ, можетъ, тебѣ приглянется и другая, а ежели твой выборъ все-таки остановится на ней, то никто не скажетъ, что я хитростью и обманомъ опуталъ твое сердце и увлекъ тебя къ союзу съ незнатною дѣвушкой, недостойной тебя!

— Хорошо, сказалъ царь, пусть будетъ по твоему; я объявлю думѣ свою волю и прикажу выписать списки знатныхъ дѣвицъ. Навѣтовъ ты не бойся: ежели бы такіе и случились, я тебѣ докажу на дѣлѣ, что не вѣрю имъ, и клевета при мнѣ не проползетъ змѣей въ садъ мой и не убьетъ моего цвѣтка. Я на твое желаніе соглашаюсь только потому, что ты робокъ и можешь своими опасеніями запугать дѣвицу. Такъ ты, пожалуй, до поры до времени никому ничего не говори о нашемъ теперешнемъ разговорѣ и жди: я самъ все приведу къ концу.

Государь вышелъ изъ покоевъ боярина, милостиво простился съ нимъ; Артамонъ Сергѣевичъ проводилъ его до кареты, низко поклонился ему, посадилъ его и долго провожалъ глазами отъѣзжающую карету. Потомъ онъ, тихій и грустный, пошелъ въ свою образную, заперъ за собою дверь, долго молился и думалъ; не одна тяжелая, горькая слеза упала на коверъ, которымъ устланъ былъ полъ образной; лики угодниковъ мрачно смотрѣли на него изъ-подъ сверкающихъ каменьями золотыхъ окладовъ, и свѣтъ неугасимой лампады мягкимъ блескомъ искрился на ризахъ, дробился въ самоцвѣтныхъ камняхъ и сверкалъ въ слезахъ, остановившихся на щекахъ и на бородѣ молящагося.

Царь исполнилъ свое обѣщаніе; по его приказанію и по его ука-

занію, въ царскіе чертоги, по старинному обычаю, собрано было шестьдесятъ молодыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ, изъ самыхъ знатныхъ



РѢЗЬБА НА КРУЖКѢ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ВЪ ПАМЯТЬ ОБРУЧЕНІЯ ЦАРЯ СЪ НАТАЛЬЕЙ КИРИЛЛОВНОЙ.

(Изъ коллекціи П. О. Карабанова).

семействъ. Онѣ, по принятому правилу, провели тамъ нѣсколько дней; царь видѣлъ ихъ и выборъ его остался неизмѣненъ: Наталья Кирилловна сдѣлалась царской невѣстой. Объ этомъ было всенародно объявлено.

Но и Артамонъ Сергѣевичъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ дворцовыхъ покояхъ, въ сѣняхъ передъ Грановитой палатой нашли безъимянное письмо; это былъ доносъ на Матвѣева; его обвиняли въ чародѣйствѣ, въ знаніи приворотныхъ травъ, въ томъ, что онъ своими чарами опуталъ и отуманилъ разумъ царскій, приворотилъ его къ своей воспитанницѣ и такимъ образомъ за-



КРУЖКА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ВЪ ПАМЯТЬ ОБРУЧЕНІЯ ЦАРЯ СЪ НАТАЛЬЕЙ КИРИЛЛОВНОЙ.

(Изъ коллекціи П. О. Карабанова).

ставилъ его обойти дочерей болѣе знатныхъ бояръ и предпочесть имъ Наталью Кирилловну Нарышкину, небогатую и незнатную.

Въ тогдашнее время доносъ въ чародѣйствѣ и въ знаніи приворотныхъ травъ былъ доносъ чрезвычайно важный; онъ велъ за собою розыскъ съ пристрастіемъ и опалою, т.-е. слѣдствіе, при которомъ не-



ТРОНЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.
(Въ Московской оружейной палатѣ).

рѣдко употреблялись пытки, и оно оканчивалось или приговоромъ къ смерти, или изгнаніемъ изъ Москвы, заточеніемъ и ссылкой въ Сибирь.

Но царь Алексѣй Михайловичъ вспомнилъ слова Матвѣева о клеветѣ и клеветникахъ; взвѣсилъ заслуги боярина, оставилъ письмо съ доносомъ безъ вниманія и не приказалъ дѣлать слѣдствія, а напротивъ, еще болѣе прежняго приблизилъ бояриня къ себѣ и пожаловалъ ему

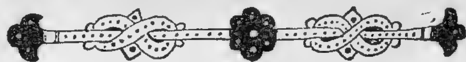
высокое званіе думнаго боярина [1]). Въ то же время царь приказалъ быть свадьбѣ 22 января 1671 года.

Приготовленія къ назначенному дню были окончены; съ утра вся Москва была въ волненіи; придворные спѣшили въ Кремль и въ Успенскій соборъ. Царь накапунѣ вечеромъ отправился къ патріарху Іосафу въ его Крестовую палату за благословеніемъ—на второй законный бракъ. Патріархъ разговаривалъ съ царемъ, благословилъ его и поднесъ ему икону Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; живопись иконы и чеканной, превосходной работы окладъ соотвѣтствовали своему назначенію. На другой день утромъ рано царь опять отправился въ Крестовую палату, еще разъ принялъ благословеніе патріарха и второй образъ, во всемъ похожій на первый; возвратился въ свои палаты и оттуда, въ сопровожденіи двора, отправился въ соборъ Успенія Пресвятыя Богородицы.

За государемъ комнатные и постельничьи несли теплыя подножья, ковры, или подстилки, изъ собольяго мѣха для царя и для его невѣсты.

За царемъ шли бояре, занимавшіе мѣсто посаженыхъ отцовъ высокаго жениха и невѣсты, далѣе тысяцкій, дружки, свахи; у царской свѣчи было два боярина, у свѣчи Натальи Кирилловны тоже два и такъ далѣе; поѣздъ былъ пышный, со всѣми обычаями, какъ то предписано было въ древнихъ постановленіяхъ. Вѣнчаніе было торжественное послѣ литургіи; его совершалъ протоіерей Андрей.

За первымъ свадебнымъ торжествомъ шли обычные пиры въ продолженіе нѣсколькихъ дней, до 7 февраля. Царь угощалъ придворныхъ, дворянъ, выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій и гостей, въ то время находившихся въ Москвѣ. По случаю радостнаго торжества царь оказалъ много милостей народу и своимъ близкимъ придворнымъ. Народу далъ льготы, а на площадяхъ были накрыты обѣденные столы.



---

[1]) Высшій придворный чинъ того времени—бояринъ «сидѣвшій» въ думѣ, царскомъ совѣтѣ.





МЕДАЛЬ РАБОТЫ ВЕРНЬЕ, ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ВМѢСТѢ СЪ ЦАРИЦЕЙ НАТАЛЬЕЙ КИРИЛЛОВНОЙ.

ГЛАВА II.

Рожденіе и дѣтство Петра Великаго.

ВЪ царскомъ домѣ было два царевича: Ѳеодоръ Алексѣевичъ, наслѣдникъ престола, явленный народу, т.-е. по обычаю того времени представленный народу и боярамъ, какъ законный наслѣдникъ, и второй сынъ Алексѣя Михайловича, Іоаннъ Алексѣевичъ. Но оба царевича были слабаго сложенія и очень часто хворали, такъ что нельзя было разсчитывать на ихъ долговѣчность; царь очень часто сожалѣлъ о томъ, что у него нѣтъ сына, крѣпкаго тѣломъ, способнаго нести всю тяжесть правителя такого огромнаго государства, какова Россія.

Радость царя Алексѣя Михайловича была безконечна, когда въ день Исаакія Далматскаго, т.-е. 30 мая 1672 года, родился царевичъ, въ первомъ часу ночи. Новорожденнаго нарекли Петромъ; этого имени до тѣхъ поръ еще не бывало въ царскомъ семействѣ; но имя было чисто-русское и пріятное народу.

Часъ спустя, царь послалъ гонцовъ извѣстить патріарха и бояръ, окольничихъ и ближнихъ людей о рожденіи царевича; не забылъ даже отправить съ тѣмъ же во всѣ важнѣйшіе московскіе монастыри и въ

Троицко-Сергіевскую лавру. Отъ имени царицы, съ той же вѣстью, были посланы со здравіемъ, какъ тогда говорилось, къ женамъ бояръ, окольничихъ и ближнихъ людей и вообще къ боярынямъ пріѣзжимъ ко двору, такъ называвшимся въ отличіе отъ боярынь постоянно жившихъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.

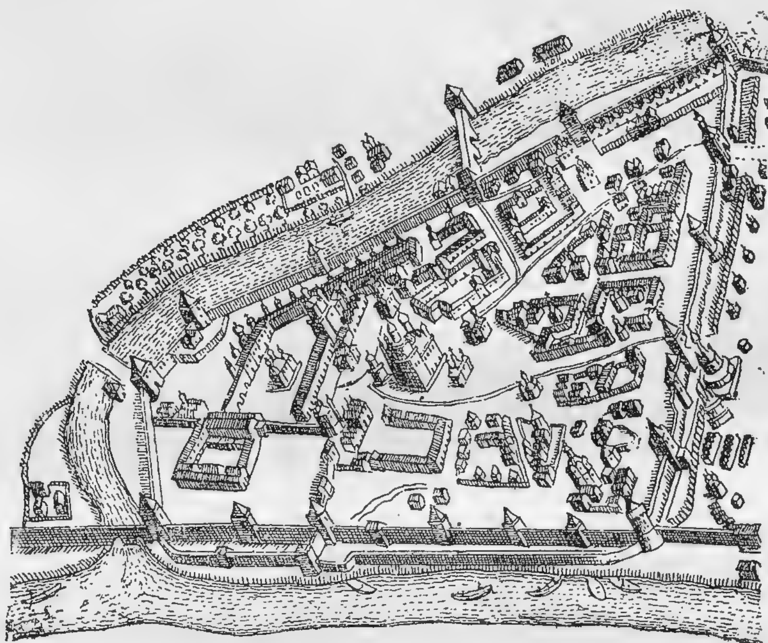
Въ пять часовъ утра заблаговѣстили въ большой колоколъ Успенскаго собора, вслѣдъ за тѣмъ во всѣхъ церквахъ московскихъ; и этотъ торжественный звонъ извѣстилъ москвичей о радостномъ событіи. Въ 5 часовъ утра приготовили все къ царскому выходу, и царь вмѣстѣ съ своими приближенными былъ уже на молебствіи въ Успенскомъ соборѣ. Въ соборѣ духовенство поздравило царя съ новорожденнымъ, а вслѣдъ за нимъ бояре и всѣхъ чиновъ выборные, присутствовавшіе на выходѣ. Изъ Успенскаго собора царь ходилъ на богомолье въ Архангельскій соборъ, въ Вознесенскій дѣвичій монастырь, поклониться праху своихъ родителей, оттуда въ Чудовъ монастырь, гдѣ долго молился надъ гробомъ святителя Алексѣя митрополита, наконецъ, еще прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ Благовѣщенскаго собора и возвратился во дворецъ.



УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ ВЪ XVII СТ.
(Старинная гравюра).

Въ столовой палатѣ царь возвелъ отца царицы, Кирилла Полуектовича Нарышкина, изъ думныхъ дворянъ въ окольничіе [1]), въ окольничіе же пожаловалъ и своего друга Артамона Сергѣевича Матвѣева. Вслѣдъ за тѣмъ и другимъ придворнымъ были оказаны повышенія и разныя милости.

На другой день въ Грановитой палатѣ былъ столъ; такъ какъ приготовиться къ такому большому обѣду, какъ слѣдуетъ, было недостаточно времени, то обѣдъ былъ данъ запросто; водкой и фряжскими винами



ВИДЪ КРЕМЛЯ ПРИ ЦАРѢ АЛЕКСѢѢ МИХАЙЛОВИЧѢ.
(Съ древней гравюры Фридля).

самъ царь угощалъ изъ своихъ рукъ бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, дьяковъ и полковниковъ стрѣлецкихъ. А прочимъ гостямъ: выборнымъ стрѣлецкимъ, сотникамъ, гостямъ и разныхъ чиновъ людямъ въ сѣняхъ подавали водку и сласти нарочно къ тому приставленные бояре.

По принятому изстари обычаю, черезъ нѣсколько времени послѣ перваго угощенія надлежало быть второму, съ большею торжественностію;

---

[1]) Окольничій—второй придворный чинъ того времени. Обыкновенно чины думнаго дв. и окольничаго принадлежали самымъ знатнымъ боярамъ

къ нему приглашенные должны были явиться съ подарками для новорожденнаго: но черезъ три дня, т. е. 3 іюня начинался постъ; въ посту пиршества не допускались, откладывать же пиръ на болѣе долгое время



ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.
(Гравюра Вортмана, съ древняго оригинала неизвѣстнаго мастера)

также было неудобно; приготовить подарковъ не было возможности, поэтому царь приказалъ дать обѣдъ въ самое заговѣнье, 2 іюня, запросто безъ мѣстъ и безъ зову. Столъ былъ накрытъ въ золотой царицы-

ной палатѣ. На столѣ красовались изъ сахару сдѣланный кремль, лебедь, гусь и орелъ; стояли коврижки цѣлыми горами и въ большихъ ендовахъ и фляжкахъ красовалися на столѣ взваръ медъ, и иностранныя вина. Пиръ былъ веселый; на немъ, такъ-же какъ и въ первый разъ, было до 400 приглашенныхъ. Царь поминутно то тому, то другому со стола давалъ блюдо съ сахарными яствами, бояринъ принималъ царское угощенье, тотчасъ передавалъ блюдо своимъ слугамъ и они его уносили домой. «Изъ своихъ рукъ великій Государь жаловалъ всѣхъ гостей водкою и ее заѣдали коврижками, яблоками, дулями, инбиремъ, смоквою, цукатами, вареными въ сахарѣ, и подобными закусками; передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, въ ковшахъ разносили взваръ». Священниковъ угощали за отдѣльнымъ столомъ въ сѣняхъ, передъ палатою.

Этимъ окончились торжества; наступилъ постъ, и начались приготовленія къ крещенію маленькаго царевича; таинство это назначено было въ день его ангела 29 іюня, въ праздникъ Св. Петра и Павла, а между тѣмъ, по принятымъ обычаямъ, для царевича нашли кормилицу; къ ней приставили мамъ; въ кормилицы была избрана боярыня, княгиня Львова, а мамами: боярыня Леонтьева и верховная—старая, всѣми уважаемая боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына; дядьками были назначены бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ и думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ; оба оставались въ этой должности до самаго конца и первый изъ нихъ умеръ въ глубокой старости, когда Петру было уже 15 лѣтъ.

Послѣ рожденія Петра, на другой день, слѣдуя постоянно принятымъ обычаямъ, царь Алексѣй Михайловичъ далъ указъ, чтобы съ новорожденнаго была писана мѣра. Это значило вотъ что: съ новорожденнаго взяли точную мѣрку длины и ширины плечъ, потомъ лучшему иконописцу приказано было написать образъ въ эту величину: призвали извѣстнаго въ то время живописца Симеона Ушакова, дали ему мѣру, и онъ на хорошей кипарисной доскѣ, длиною одиннадцати, а шириною трехъ вершковъ, нарисовалъ контуръ образа Живоначальной Троицы и апостола Петра; масляными красками онъ успѣлъ только окончить ризы, захворалъ и умеръ; лица впослѣдствіи дописывалъ другой, столько же талантливый живописецъ, Ѳедоръ Козловъ. Эта мѣра рожденія Петра и до сихъ поръ существуетъ; она виситъ надъ гробницей императора.

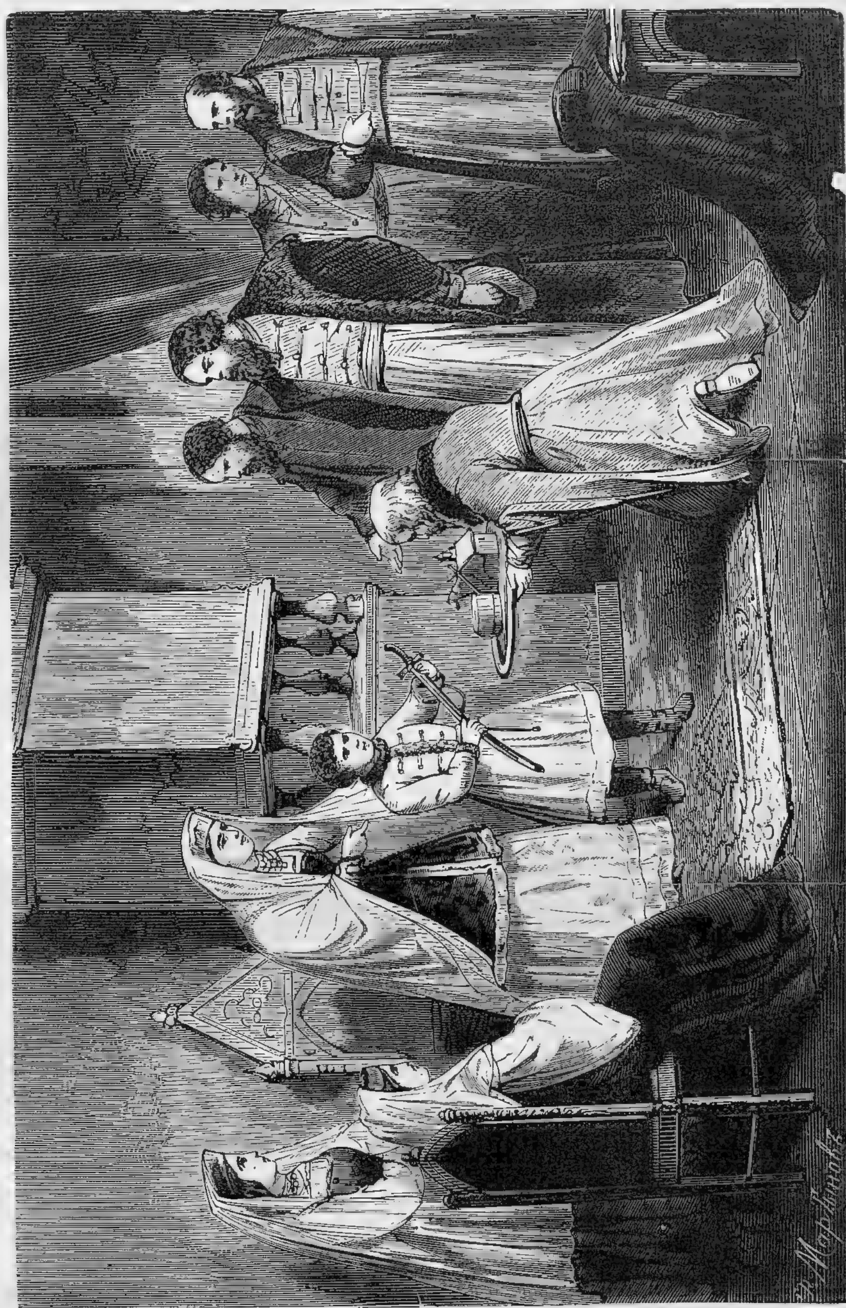
Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ происходило таинство крещенія; воспріемниками отъ купели были наслѣдникъ престола, царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и тетка его, царевна Ирина Михайловна.



РОЖДЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО 1672 г.
(Литографія Иванова по рисунку Б. Чорикова).

2

Извѣстій о первыхъ годахъ жизни Петра Великаго очень мало, но вѣроятно, первые два года онъ безвыѣздно жилъ въ Москвѣ. Когда Петру



МОСКОВСКІЕ КУПЦЫ ПОДНОСЯТЪ ПОДАРКИ ЦАРЕВИЧУ ПЕТРУ.
(Рисунокъ Г. Пиллоти).

исполнилось три года, для него были выстроены отдѣльныя хоромы; въ

нихъ стѣны, полы, оконныя рамы были обиты краснымъ сукномъ, полавочники на лавкахъ были тоже сшиты изъ краснаго сукна съ бѣлыми каймами; на нихъ разводы и рисунки были нашиты изъ желтаго и синяго сукна. Но въ новыхъ хоромахъ, должно быть, дуло изъ передней стѣны, поэтому ее выложили ватой, сверхъ нея обили полотномъ и все покрыли красною тафтою, подъ цвѣтъ сукна. По стѣнамъ шли скамьи и лавки; на нихъ въ 1674 г. сдѣлали мягкіе тюфяки, крытые такимъ же сукномъ, какъ стѣны, полъ и первоначальные полавочники. Кромѣ лавокъ и скамей въ комнатахъ у маленькаго царевича были два золоченыхъ рѣзныхъ кресла, крытыхъ желтымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ и съ красными сафьянными спинками.

Въ 1675 году для Петра сдѣлали столикъ, расписанный красками, золотомъ и серебромъ. На слѣдующій годъ въ его комнатахъ сдѣлано было еще одно улучшеніе; хоромы царевича были деревянныя, низкія, съ надворья можно было легко видѣть, что́ въ комнатахъ дѣлалось; это не могло быть пріятно, и поэтому лучшему оконному живописцу приказано было написать для оконныхъ рамъ на слюдѣ [1]) орловъ посерединѣ съ разводами и травами по угламъ, но такъ, говорилось въ приказѣ, чтобъ изъ покоевъ хорошо было видно, что́ дѣлается на улицѣ, а съ улицы въ покои ничего не было видно.

Алексѣй Михайловичъ не могъ нарадоваться на маленькаго Петра: это былъ живой, прекрасный младенецъ, съ черными сверкающими глазками, игривый и въ высшей степени милый мальчикъ; Наталья Кирилловна въ немъ души не слышала; она ни на минуту не разставалась съ нимъ и ежедневно радовалась его дѣтскимъ затѣямъ.

Въ день рожденія Петра, когда ему исполнилось три года, къ маленькому царевичу на поклонъ, съ поздравленіемъ приходили бояре и выборные отъ всѣхъ сословій люди. Царевича осыпали подарками; игрушекъ, соболей, золотыхъ и серебряныхъ вещей было множество. Живые глазки малютки съ любопытствомъ перебѣгали по разставленнымъ передъ нимъ блестящимъ игрушкамъ. Но, когда взоръ его остановился на маленькомъ ружьѣ и красиво сдѣланной саблѣ, онъ весь задрожалъ, глаза его сверкнули, и онъ схватилъ одною рукою ружье, другою саблю, прижалъ ихъ къ груди и воскликнулъ: «Возьмите все, мнѣ ничего больше не надо, дайте мнѣ ружье и саблю, это мнѣ любо!»

Царь поблагодарилъ купцовъ за подарки, поднялъ царевича, поса-

---

[1]) Стеколъ—тогда еще не умѣли дѣлать въ Россіи.

дилъ его къ себѣ на колѣни и сказалъ: «Такъ тебѣ нужны только сабля и ружье, а остальнаго не надобно».

— Не надобно,—повторилъ царевичъ,—но ружья и сабли никому не отдамъ!

— Хорошо, милый мой, они твои, береги ихъ, но подай мнѣ саблю, я тебя опояшу ею, какъ подобаетъ царскому сыну.

По приказанію царя позвали духовника; передъ иконами, въ образной положили саблю, духовникъ прочиталъ молитву, окропилъ саблю святой водой, а самъ царь ею опоясалъ сына, перекрестилъ его и сказалъ: «Отнынѣ ты воинъ Христовъ; ты опоясанъ мечемъ правды, смотри же, обнажай его только на правое дѣло, на защиту родной земли!» Потомъ поцѣловалъ маленькаго Петра и отдалъ ему ружье.

Во весь день царевичъ не выпускалъ сабли и ружья изъ рукъ; поминутно махалъ саблей или прицѣливался изъ ружья. Онъ не хотѣлъ даже ложиться спать, потому что не хотѣлъ разставаться съ новыми игрушками, и только тогда легъ въ постель, когда ему позволено было взять саблю съ собою. Съ этихъ поръ онъ каждый вечеръ ружье ставилъ подлѣ кровати, а саблю клалъ или подъ подушку, или рядомъ съ собою.

Царь видѣлъ, съ какимъ увлеченіемъ малютка предавался военнымъ забавамъ, и это ему нравилось, потому что показывало отважность и силу въ такихъ лѣтахъ, когда дѣти еще плаксивы и нѣжны; маленькій Петръ былъ твердъ и, какъ бы ни ушибался, какъ бы ни падалъ, никогда не кричалъ, не морщился, не плакалъ.

Живость и нетерпѣніе уже выказывались въ трехлѣтнемъ малюткѣ; впослѣдствіи же составляли основную черту его характера. Однажды, въ селѣ Коломенскомъ, царю представлялся австрійскій посланникъ; царица захотѣла тайно посмотрѣть на это представленіе и для этого сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, внимательно прислушивалась къ тому, что говорится, и смотрѣла на посольство въ маленькое окошечко. Трехлѣтній Петръ не понималъ, что по русскимъ обычаямъ царица не можетъ показываться иностранцамъ; онъ видѣлъ только, что матери хочется видѣть и слышать, что̀ происходитъ на аудіенціи; никѣмъ незамѣченный, онъ подбѣжалъ къ дверямъ, быстро распахнулъ ихъ и воскликнулъ: «Матушка, чего сидѣть тутъ одной, лучше смотри въ отпертыя двери!»

Такимъ образомъ царевичъ далъ иноземцамъ случай увидѣть московскую царицу, что было вовсе не легко.

Большую часть лѣта царица Наталья Кирилловна съ сыномъ прово-

дила въ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою; сюда же переселялся царь каждою осенью; тогда тихое село оживлялось; слышался звукъ охотничьихъ роговъ, лай собакъ и ржаніе лошадей; царь охотился съ своими боярами; иногда по вечерамъ раздавалась нѣмецкая музыка и въ особо-устроенномъ помѣщеніи давались драматическія представленія.

Петръ особенно любилъ село Преображенское, тамъ ничто не стѣсняло его; онъ проводилъ цѣлые дни въ саду и въ поляхъ. Въ Преображенскомъ у него было много товарищей, все однолѣтокъ съ нимъ; это были дѣти придворныхъ дворянъ и карлики, состоявшіе необходимую принадлежность царскаго дворца.

По приказанію царя Алексѣя Михайловича, дѣтямъ, или по тогдашнему выраженію робяткамъ, дано было много маленькихъ ружей, сабель, барабановъ и т. д. и Петръ игралъ съ ними въ солдаты. Любовь къ селу Преображенскому Петръ сохранилъ всю свою жизнь.



ПЕЧАТЬ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.




СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТА (ПОЛТИНА) ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ГЛАВА III.

Кончина царя Алексѣя Михайловича. - Θеодоръ Алексѣевичъ.—Изгнаніе Матвѣева.—Ученіе и забавы царевича Петра до десятилѣтняго возраста.—Кончина царя Θеодора Алексѣевича и избраніе на царство Петра.

НА четвертомъ году жизни Петра постигло большое несчастіе, онъ лишился отца. Царь внезапно заболѣлъ и послѣ десятидневныхъ страданій скончался.

Часа за три до своей кончины, онъ благословилъ на царство своего старшаго сына, царевича Θеодора, еще прежде явленнаго народу, какъ наслѣдника престола. Θеодоръ, красивый собою, былъ болѣзненный юноша и отличался слабохарактерностью; онъ легко поддавался совѣтамъ и вліянію окружающихъ его царедворцевъ.

Милости царя Алексѣя Михайловича къ Матвѣеву, непоколебимая твердость, съ какою бояринъ исполнялъ свое назначеніе, возбуждали зависть царедворцевъ; онъ мѣшалъ имъ во многомъ, и они начали клеветать на него.

Царю говорили, что Матвѣевъ не любитъ его, что онъ, изъ преданности къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и ея сыну, царевичу Петру, замышлялъ, какъ бы лишить Θеодора Алексѣевича престола и вмѣсто него возвести на престолъ маленькаго Петра и самому, вмѣстѣ съ царицею, управлять государствомъ. Говорили, будто въ послѣдніе дни жизни царя

Алексѣя Михайловича онъ уговаривалъ его, помимо царевича Ѳеодора, на царство благословить младшаго сына своего Петра, будто царица была съ нимъ за-одно, и этотъ замыселъ не удался только потому, что ее не допустили къ смертному часу ея супруга.

Молодой царь Ѳеодоръ сначала, въ продолженіе почти полугода, не обращалъ вниманія на змѣиныя клеветы враговъ Матвѣева. Но обвиненія ихъ становились настоятельнѣе, и царь рѣшился удалить отъ себя Матвѣева; однакожъ не имѣлъ достаточныхъ причинъ, чтобы судить его и наказать.

Однажды, онъ призвалъ къ себѣ боярина и сказалъ ему: «Сибирь— страна отдаленная; тамъ безпорядки большіе; мнѣ надобно послать туда человѣка вѣрнаго и разумнаго; я выбралъ для этого тебя и приказываю тебѣ ѣхать воеводою въ Верхотурье. Собирайся въ дорогу, вмѣстѣ съ семьею, съ женою и сыномъ; даю тебѣ недѣлю сроку для сборовъ».

Матвѣевъ понялъ, что царь желаетъ удалить его изъ Москвы, но онъ выслушалъ повелѣніе безъ жалобъ и безъ ропота; покорно поблагодарилъ царя за довѣренность и пошелъ собираться въ путь.

Со слезами простился онъ съ царицею Натальей Кирилловной и съ жаромъ обнималъ, цѣловалъ и благословлялъ нѣжно любимаго царевича Петра.

Матвѣевъ выѣхалъ изъ Москвы 2 іюля 1676 года, вмѣстѣ съ женою и съ сыномъ.

Царевичъ Петръ много потерялъ отъ того, что не могъ пользоваться совѣтами и руководствомъ Матвѣева, человѣка образованнаго и умнаго отъ природы. Самое воспитаніе Петра получило бы другое, лучшее направленіе, ежели бы имъ распоряжался Матвѣевъ, потому что бояринъ понималъ пользу ученія. Онъ своего сына воспитывалъ хорошо: маленькій Андрей, сынъ Артамона Сергѣевича, учился исторіи, ариѳметикѣ, географіи, латинскому и греческому языку у очень ученаго и хорошаго человѣка, переводчика посольскаго приказа Спафарія.

Семейная жизнь въ домѣ Матвѣева содѣйствовала развитію молодого Андрея; по стѣнамъ были развѣшаны картины хорошихъ художниковъ, въ кабинетѣ было много книгъ и рѣдкостей, встрѣчавшихся только въ царскихъ хоромахъ. Матвѣевъ радушно принималъ у себя иностранцевъ, разговаривалъ съ ними и учился у нихъ тому, чего въ русскомъ обществѣ узнавать не могъ; у него по стѣнамъ висѣли географическія карты и изображенія различныхъ европейскихъ городовъ.

Не успѣлъ Матвѣевъ уѣхать изъ Москвы, какъ завистники и враги его, громче прежняго, осыпали его обвиненіями. Лѣкарь Берловъ доносилъ, что Матвѣевъ, во время тяжкой болѣзни государя, хотѣлъ отравить



ЦАРЬ ѲЕОДОРЪ III АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

(Съ портрета Бенера).

его и для этого призывалъ къ себѣ Спафарія, совѣтовался съ нимъ, какъ это лучше сдѣлать; на неизвѣстномъ языкѣ призывалъ нечистыхъ духовъ и творилъ разныя заклинанія и волхвованія.

Доносъ этотъ остался не безъ слѣдствія; царь приказалъ догнать уѣхавшаго боярина, опечатать всѣ его вещи, отобрать ихъ, обыскать его, найти и отнять черную книгу и самого съ семействомъ отвезти въ Пустозерскъ, въ заточеніе.

Царскіе чиновники нагнали Матвѣева, опечатали все бывшее при немъ имущество, забрали всѣхъ людей и допрашивали ихъ, не отказываясь при томъ и отъ побоевъ. Напрасно люди Матвѣева клялись и божились, что никакого лѣчебника и никакой черной книги нѣтъ,— чиновники не вѣрили и производили обыскъ. Однако того, чего не было, нельзя было найти.

Слѣдствіе ничѣмъ не кончилось; но Матвѣевъ далѣе продолжалъ свое путешествіе не какъ воевода, отправляющійся на воеводство, а какъ государственный преступникъ, подъ конвоемъ, лишенный всѣхъ удобствъ, потерявшій все свое имущество. Такимъ образомъ, послѣ долгаго и труднаго путешествія, истощенный усталостью и горемъ, онъ прибылъ на берегъ Ледовитаго моря, въ пустозерскій острогъ.

Удаленіе боярина Матвѣева и его ссылка глубоко огорчили царицу Наталью Кирилловну; она видѣла, что онъ пострадалъ за свою преданность къ ней и что враги ея были тѣ же, что и враги боярина, и что, поражая ея воспитателя, хотѣли поразить ее.

Она еще болѣе прежняго удалилась въ свои уединенныя хоромы и съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдила за развитіемъ и здоровьемъ своего сына.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ оставался съ нею ласковъ, иногда заходилъ къ ней, чтобы полюбоваться бойкимъ, прекраснымъ и умнымъ братомъ. Его живость и ловкость, его отвѣты нравились царю, и онъ по цѣлымъ часамъ разговаривалъ съ царевичемъ и смотрѣлъ на его игры.

Но Петру былъ уже пятый годъ на исходѣ, и царь Θеодоръ однажды посадилъ его къ себѣ на колѣни, гладилъ его по кудрявой головѣ и сказалъ: «Тебѣ, голубчикъ, пора за дѣло, ты большой мальчикъ; оставь пока ружья и барабаны, да выучись читать».

Петръ обрадовался этому, захлопалъ въ ладоши и воскликнулъ:— «Хочу читать, дай мнѣ учителя; да, я буду учиться всему, всему, что только другіе знаютъ».

— Хорошо, мой умникъ, я тебѣ приищу учителя, и ты, съ благословеніемъ патріарха и съ Божіей помощью, возьмешься за дѣло!

По приказанію царя, для царевича написали букварь и часословъ

крупнымъ шрифтомъ и съ украшеніями; эти книги переплели въ алый бархатъ. Печатнаго букваря съ картинками и красивыми буквами должно быть не было, поэтому и предпочли сдѣлать букварь рукописный.

Книги были готовы; оставалось отыскать учителя; бояринъ Соковнинъ предложилъ къ царевичу въ учители—Никиту Моисеева Зотова изъ приказныхъ; бояринъ говорилъ, что знаетъ его, какъ человѣка знающаго, смирнаго, кроткаго и исполненнаго всякихъ добродѣтелей. Царь приказалъ немедленно представить себѣ Зотова, и на слѣдующій день Соковнинъ послалъ за нимъ, привезъ его съ собою во дворецъ и приказалъ дожидаться въ одной изъ переднихъ комнатъ. Зачѣмъ его ведутъ во дворецъ—Зотову не сказали.

Черезъ нѣсколько минутъ въ переднюю вошелъ одинъ изъ постельничихъ и спросилъ: «Кто здѣсь Никита Зотовъ?»

— Это я,—отвѣчалъ Зотовъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Государь приказалъ тебѣ явиться передъ его свѣтлыя очи! Ступай скорѣе, я тебѣ укажу, куда идти.



НИКИТА МОИСЕЕВИЧЪ ЗОТОВЪ.
(Съ гравированнаго портрета Осипова)

Зотовъ собрался съ духомъ, поручилъ свою душу Богу, перекрестился нѣсколько разъ и нетвердою поступью пошелъ вслѣдъ за постельничимъ. Царь встрѣтилъ его ласковою улыбкою, позволилъ ему поцѣловать свою руку и сказалъ, обращаясь къ бывшему тутъ Симеону Полоцкому: «Испытай Зотова, твердъ ли онъ въ чтеніи и письмѣ»

Симеонъ Полоцкій тотчасъ принялся за дѣло: заставилъ Зотова читать, потомъ переписать страницу, продиктовалъ ему и велѣлъ самому написать отъ себя сочиненіе. Чтеніемъ экзаменаторъ остался доволенъ; внимательно разсмотрѣлъ писаніе и объявилъ, что учитель хорошъ, что его чтеніе и письмо правильно, и его можно приставить къ царевичу.

Царь приказалъ Соковнину отвести Зотова къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и сказать ей, что присылаетъ ей учителя з ѣ л о д о б р а г о для маленькаго царевича.

Смущеніе Зотова съ каждымъ мгновеніемъ возрастало; онъ былъ

блѣденъ, какъ мертвецъ. Царица выслушала Соковнина, взяла Петра за руку, подвела его къ учителю и сказала: «Я узнала, что ты человѣкъ смирный, боишься Бога, что книжное ученіе тебѣ открыто—вручаю тебѣ моего единороднаго сына. Прими его, научи его мудрости книжной, страху Божію и житью честному, благочинному; соблюди его тѣло и сердце въ чистотѣ и научи его быть милосердымъ и справедливымъ!»

До сихъ поръ Зотовъ все еще недостаточно понималъ, зачѣмъ его требуютъ ко двору, но тутъ ему все стало ясно, и первое чувство его былъ страхъ; онъ упалъ передъ царицей на колѣни и, обливаясь горькими слезами, дрожа всѣми членами, проговорилъ: «Государыня милостивая, я недостоинъ такого высокаго назначенія; я недостоинъ прикасаться къ такому сокровищу, я не сумѣю сохранить его».

Царица продолжала: «Встань, прими изъ рукъ моихъ сына моего, не отказывайся отъ дѣла, которое поручаю тебѣ. Вставай, не стой на колѣняхъ!»

На слѣдующее утро въ хоромы царицы явился самъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ патріархомъ и съ церковнымъ причтомъ; отслужили молебенъ, патріархъ благословилъ царевича на ученіе, окропилъ его и книги святою водою и съ короткою назидательною рѣчью передалъ его Зотову. Зотовъ посадилъ царевича на приготовленное мѣсто, поклонился ему въ землю, развернулъ передъ нимъ книгу, далъ въ руки указку и ученіе началось. Патріархъ и царь присутствовали при первомъ урокѣ и послѣ его окончанія одарили учителя. Патріархъ далъ ему сто рублей, царь подарилъ ему домъ съ усадьбой, а царица дала ему двѣ пары богатаго придворнаго платья, со всѣмъ приличнымъ къ нему уборомъ.

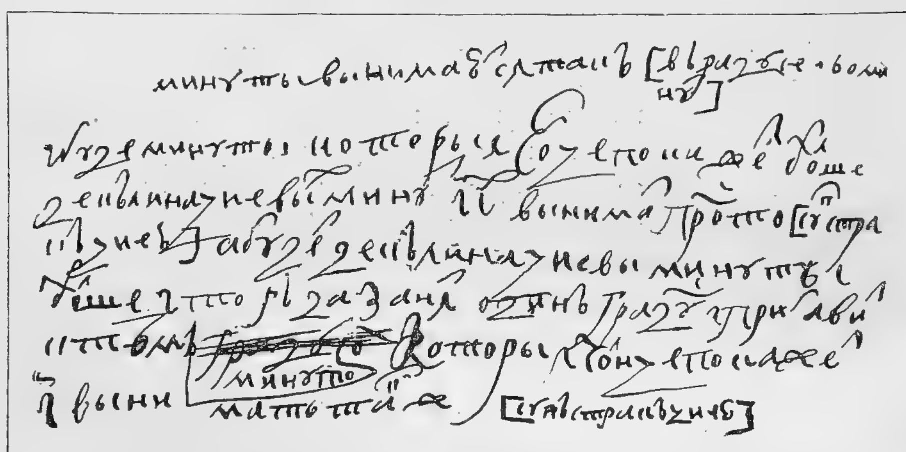
Чтобы царевичу удобно было читать, для него нарочно былъ сдѣланъ налой шириною въ $1^1/_2$ аршина, а вышиною въ аршинъ; обитъ онъ былъ ватою, покрытой алымъ атласомъ съ серебряными галунами; на этомъ налоѣ постоянно лежали книги царевича, и къ нему онъ подходилъ только во время занятій. Петръ учился прилежно съ рвеніемъ и въ очень короткое время выучился читать; но писать его начали учить только на восьмомъ году, что видно изъ того, что къ этому времени были отданы переплетать прописи и тетради—въ малиновый бархатъ.

Кромѣ Зотова у царевича въ это время былъ еще учитель Нестеровъ; онъ, вѣрно, былъ учителемъ церковнаго пѣнія, безъ чего въ то время не обходилось воспитаніе.

Зотовъ занимался своимъ воспитанникомъ съ любовью и прилежно; когда онъ замѣчалъ, что чтеніе, или письмо утомляетъ царевича, онъ прекращалъ занятія и разсказывалъ ему что-нибудь любопытное изъ исторіи Россіи или изъ географіи. Замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ ца-

ревичъ слушаетъ разсказы, какъ при этомъ глаза его сверкаютъ и въ голосѣ слышится волненіе, онъ рѣшился познакомить его со всѣмъ тѣмъ, что самъ знаетъ. Онъ сказалъ царицѣ, что для отдыха нужно бы имѣть книги съ кунштами (картинками), въ которыхъ бы говорилось о разныхъ чужеземныхъ и русскихъ народахъ и городахъ, гдѣ были бы въ лицахъ представлены разные случаи изъ старины. Да не худо было бы и на стѣнахъ, въ хоромахъ царевича, повѣсить картины съ такими же изображеніями.

Требованіе это очень понравилось царицѣ, и она сказала о томъ царю



СТРАНИЦА ИЗЪ УЧЕБНОЙ ТЕТРАДИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Минуты вынимаются такъ (въ радусе 60 минут) і буде минуты которыя солце покажет бо шэ декълинацкевых минутъ і их вынимат просто (супстракциею) а будет декълинациевы минуты болше і тогъда занят одинъ градус і прибавит ктѣмь минутом которыя солнце покажет и вынимать также (супъстракъциею).

Θеодору Алексѣевичу; онъ одобрилъ планъ. Въ библіотекѣ дворцовой отобрали всѣ книги съ рисунками, касательно предметовъ историческихъ и съ изображеніемъ городовъ, извѣстныхъ зданій и т. п. какъ въ Россіи, такъ и въ иностранныхъ государствахъ. Хорошимъ художникамъ приказано было написать такого же рода картины, преимущественно изъ библейской исторіи и исторіи Россіи, и ими увѣсили всѣ стѣны царевичевыхъ хоромъ.

Съ этихъ поръ разсказы Зотова пріобрѣли еще большую занимательность для Петра. По картинкамъ онъ узналъ различные города Европы и при этомъ пріобрѣлъ кое-какія географическія знанія. По картинамъ на стѣнахъ знакомился съ подвигами своихъ предковъ.

Петръ съ жадностію слушалъ слова своего учителя и такимъ образомъ запасался географическими и историческими свѣдѣніями.

Изображенія иностраннаго войска, оружія и кораблей особенно занимали Петра; его вопросамъ и разспросамъ не было конца; къ сожалѣнію, воспитатель не всегда умѣлъ отвѣчать на вопросы пылкаго и часто нетерпѣливаго ученика, которому хотѣлось бы все знать, однимъ взглядомъ объяснить себѣ непонятное.



МЕТАЛИЧЕСКІЙ ГЛОБУСЪ, ПО КОТОРОМУ ПЕТРЪ I УЧИЛСЯ ГЕОГРАФІИ. (Оружейная палата).

Царица большую часть года съ Петромъ проводила въ селѣ Преображенскомъ; она удалялась отъ придворныхъ козней и смутъ, чтобы вполнѣ предаться воспитанію сына. Въ свободные отъ ученія часы, царевичъ игралъ съ однолѣтними съ нимъ боярскими дѣтьми въ солдаты, но требовалъ чтобы они ходили стройными рядами, ружьемъ выкидывали и держали какъ настоящіе солдаты.

И въ этомъ случаѣ Петръ узналъ кое-что отъ своего учителя. Зотовъ изучилъ военный уставъ, составленный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; всѣ положенія солдата и оружейные пріемы были нарисованы красками; молодой царевичъ все это зналъ наизусть и требовалъ, чтобы его товарищи по игрѣ строго выполняли то, что было нарисовано на картинахъ. Онъ ни въ чемъ не отставалъ отъ товарищей, вмѣстѣ съ ними ходилъ по полямъ, вмѣстѣ маршировалъ и вмѣстѣ копался въ землѣ, дѣлая примѣрныя крѣпости и окопы.

Царица Наталья Кирилловна неотступно слѣдила за сыномъ, ни на одинъ часъ не покидала его; она опасалась за его здоровье и жизнь: несмотря не то, что она удалялась отъ придворной жизни, ей не всегда удавалось избѣгнуть происковъ враговъ.

У царя Өеодора главнымъ совѣтникомъ и любимцемъ былъ бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ; онъ вмѣстѣ съ Милославскими, родственниками царя по матери [1]), ненавидѣлъ весь родъ Нарышкиныхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и царицу, и всѣми силами старался вредить Нарышкинымъ.

Өеодоръ любилъ Наталью Кирилловну, но по слабости характера не защищалъ ни ея родственниковъ, ни ее лично отъ непріятностей, какія ей дѣлали Милославскіе и Языковъ. Такъ, однажды Языковъ пришелъ въ покои царицы и предложилъ ей перебраться съ сыномъ и со всѣмъ дворомъ въ другой домъ, потому что въ Кремлѣ тѣсно и покои царицы понадобились для чего-то другого. Но царица не согласилась оставить

---

[1]) Первой женой Алексѣя Михайловича была Марья Ильинишна—изъ рода Милославскихъ.

дворца; она опасалась, какъ бы враги ея не сдѣлали чего-нибудь дурного ей самой, а еще болѣе ея сыну. Поэтому она съ твердостью отказалась переѣхать въ другой домъ. Языковъ продолжалъ дерзко говорить съ царицей и называлъ ее упрямой ослушницей царской воли. Наталья Кирилловна залилась слезами отъ досады и отъ обиды, ей нанесенной.

Царевичъ былъ свидѣтелемъ этой сцены; не говоря ни слова, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, не смотря на всѣ его возраженія, быстро пошелъ въ чертоги царскіе. Увидѣвши царя, онъ подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за руку, нѣсколько разъ съ жаромъ поцѣловалъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ воскликнулъ: «Державный царь и любимый братъ мой! Приношу тебѣ жалобу на Языкова; онъ хочетъ меня съ матерью выгнать изъ дому отца моего, хочетъ насъ удалить отъ тебя, чтобы, подобно Годунову, умертвить меня, какъ царевича Димитрія. Ежели ты находишь, что тотъ домъ, куда ссылаешь меня съ матерью лучше Кремля, то иди туда съ нами и живи вмѣстѣ съ нами, чтобы жизнь наша не была въ опасности. Но отъ тебя, государь мой и защитникъ, я не пойду, и въ чужой домъ я не переѣду»! Потомъ, обратясь къ находившимся при царѣ боярамъ, воскликнулъ сквозь слезы: «Или я не сынъ державнаго царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла нѣтъ въ домѣ отца моего!»

Царь и всѣ присутствующіе были тронуты; Өеодоръ Алексѣевичъ обнялъ брата и сказалъ: «Будь спокоенъ, я до этого не допущу; я самъ все изслѣдую, и царицу мать твою удовлетворю!»

Петръ со слезами благодарилъ брата, который еще разъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ его. Радостный царевичъ поспѣшилъ къ матери и объявилъ ей, что самъ царь разберетъ все. Почти слѣдомъ за нимъ явился Өеодоръ Алексѣевичъ; онъ ласковыми словами успокоилъ царицу, говорилъ, что дерзкаго поведенія Языкова не одобряетъ, что даже у него и въ мысляхъ никогда не было изгонять ее изъ Кремлевскаго дворца, что онъ выдаетъ ей виновнаго Языкова головою, и она можетъ казнить его, какъ ей угодно будетъ. Государыня милостиво простила Языкова и сказала, что смерти его не хочетъ, но требуетъ къ себѣ и сыну своему должнаго отъ всякаго русскаго уваженія. Царь удалилъ Языкова на довольно долгое время отъ двора и далъ указъ, въ которомъ запретилъ, подъ страхомъ смерти, дѣлать царицѣ или царевичу малѣйшую непріятность.

Вліяніе Зотова на царевича и быстрые успѣхи его не нравились враждебной партіи придворныхъ; Милославскіе искали предлога, какъ бы удалить Зотова. Представился удобный случай: его вмѣстѣ съ другими послами отправили въ Крымъ, чтобы заключить миръ съ ханомъ; миръ этотъ состоялся въ 1681 году, и Зотовъ возвратился въ Москву.

Царевичу исполнилось десять лѣтъ, но на видъ онъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на лицѣ у него игралъ румянецъ здоровья, большіе черные глаза его сверкали, какъ два раскаленные угля; темнорусые волосы вились у него сами собою; движенія его были живы и граціозны.

Здоровье царя Ѳеодора Алексѣевича съ каждымъ днемъ ослабѣвало, и онъ часто говорилъ: «Дни мои сочтены, мнѣ не долго остается держать въ рукахъ кормило правленія; мнѣ нужно подумать о томъ, кому передать его. Достойнѣе всѣхъ мой младшій братъ Петръ: Богомъ онъ назначенъ царствовать, и не мнѣ ему мѣшать».

Но Языковъ и другіе бояре успокоивали царя и говорили ему: «Такіе-ли твои годы, государь, чтобы помышлять о смерти; ты кручинишься о томъ, что супруга твоя скончалась, и оттого тебѣ приходятъ такія мысли. Лучше избери себѣ новую подругу, оставь государству прямого наслѣдника; всѣ твои печали пройдутъ, а вмѣстѣ съ ними и твои болѣзни, ты выздоровѣешь и долго будешь царствовать».

Такія слова успокоивали болѣзненнаго Ѳеодора Алексѣевича, возвращали ему бодрость духа, и надежда на здоровье и на долгую жизнь опять появились у него. Наконецъ царь согласился вступить во второй бракъ; онъ избралъ себѣ дѣвицу изъ рода Апраксиныхъ; свадьбу отпраздновали тихо, даже безъ обыкновенныхъ торжественныхъ обрядовъ; но царь вскорѣ потомъ началъ видимо угасать и черезъ два съ половиной мѣсяца умеръ.

Наслѣдника послѣ себя онъ не назначилъ и ни одного изъ своихъ братьевъ не представлялъ по обычаю народу, не объявлялъ, какъ наслѣдника престола. Старшій послѣ Ѳеодора братъ былъ Іоаннъ, а младшій Петръ. Іоаннъ уже достигъ совершеннолѣтія, но у него были слабые глаза, да и вообще это былъ человѣкъ больной, совершенно неспособный управлять государствомъ. Петру было только десять лѣтъ: но его умъ, красота и живость всѣмъ нравились, на него привыкли смотрѣть, какъ на будущаго царя.

При дворѣ, послѣ кончины Ѳеодора, бояре раздѣлились на двѣ партіи: одна хотѣла возвести на престолъ старшаго брата и вмѣсто него управлять царствомъ, другая — младшаго; народъ и патріархъ были на сторонѣ Петра, потому что видѣли въ немъ необыкновенныя дарованія.

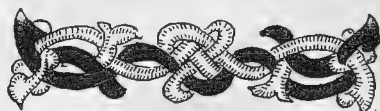
Лишь только царь закрылъ глаза, ударили въ большой колоколъ Вѣстникъ, и народъ со всѣхъ концовъ Москвы поспѣшилъ въ Кремль, чтобы проститься съ покойнымъ царемъ и поклониться новому царю. Когда обрядъ прощанія окончился, царевичи Іоаннъ и Петръ всѣхъ безъ исключенія допускали цѣловать руку. Между тѣмъ патріархъ, вмѣстѣ

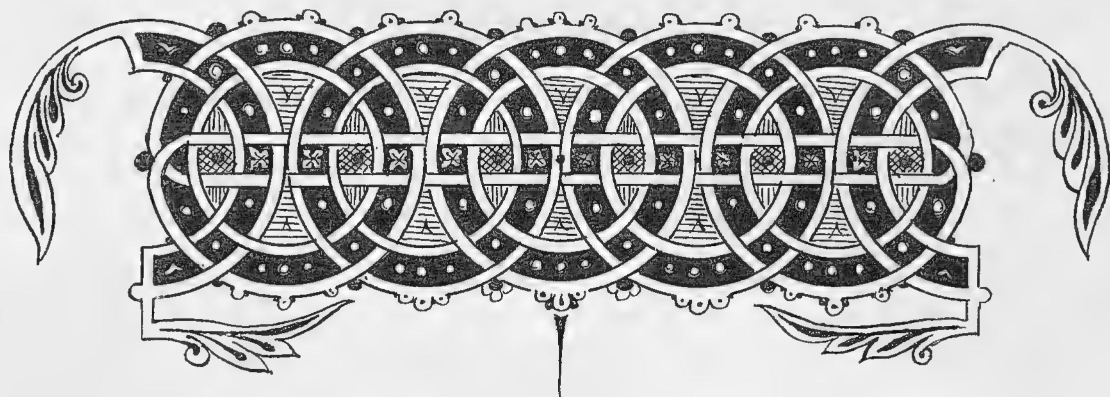
со всѣми государственными сановниками и съ духовенствомъ, ушли въ переднюю палату, чтобы рѣшить вопросъ, котораго изъ двухъ царевичей избрать на царство, и положили избрать царя по общему народному согласію. Патріархъ со всѣми властями и думными людьми вышелъ на крыльцо и велѣлъ всѣмъ чинамъ московскаго государства и всему народу собраться на площади передъ церковью Нерукотвореннаго Спаса. Нѣсколько минутъ спустя, патріархъ, съ духовенствомъ и боярами, вышелъ къ собравшемуся народу и сказалъ: «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ волею Божіею скончался, оставивъ послѣ себя двухъ братьевъ, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, но преемника себѣ не назначилъ; спрашиваю васъ, православные русскіе люди, скажите по чистой совѣсти, которому изъ двухъ царевичей быть царемъ? Кого вы назначите, тотъ и будетъ».

Пока патріархъ говорилъ, на площади была мертвая тишина, но когда онъ окончилъ, народъ заволновался, и всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Быть царемъ-государемъ царевичу Петру Алексѣевичу!»

Послѣ этого патріархъ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ боярамъ и царедворцамъ; и они, ни минуты не колеблясь, воскликнули: «Пусть царемъ-государемъ будетъ избранный народомъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ!» Патріархъ и всѣ чины государственные возвратились въ Кремлевскія палаты, и первосвятитель благословилъ десятилѣтняго Петра на царство. Въ тотъ же день всѣ московскіе жители, стрѣльцы, солдатскіе полки, бояре и духовенство присягнули Петру; вслѣдъ за Москвою присягнула и вся Россія.

Блестящія способности Петра были извѣстны всей Россіи, но ему было всего десять лѣтъ, и онъ самъ управлять государствомъ не могъ, поэтому мать его Наталья Кирилловна приняла на себя титулъ правительницы. Но патріархъ и государственные чины сдѣлали ошибку, не назначивъ ее правительницею, и тѣмъ дали возможность честолюбивымъ людямъ оспаривать у нея этотъ санъ и производить въ государствѣ несогласія и волненія. Царица поторопилась вызвать изъ заточенія опытнаго мудраго и преданнаго себѣ боярина Матвѣева.





ГЛАВА IV.

Стрѣльцы.—Стрѣлецкій бунтъ.—Гибель Нарышкиныхъ и другихъ бояръ.

Въ Москвѣ, кромѣ солдатскихъ полковъ, составленныхъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, со временъ царя Іоанна Васильевича Грознаго существовало постоянное войско стрѣлецкое. Первоначально это были люди вольные, которые обязаны были служить въ военной службѣ; для нихъ въ московскихъ предмѣстьяхъ правительство построило дома, назначило имъ содержаніе, дало одежду, оружіе и подчинило особому приказу, такъ и называвшемуся Стрѣлецкимъ.

Стрѣльцы жили въ особыхъ слободахъ съ своими семействами и мало-по-малу составили какъ бы отдѣльную касту; сынъ стрѣльца непремѣнно былъ тоже стрѣльцомъ; кромѣ того стрѣлецкое войско пополнялось охотниками; но вступать въ стрѣльцы было сопряжено съ трудностями. Чтобы сдѣлаться срѣльцомъ, надобно было: 1) быть человѣкомъ вольнымъ, не крѣпостнымъ; 2) новопоступающій долженъ былъ на дѣлѣ показать, что онъ хорошо стрѣляетъ и что ловокъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; 3) при поступленіи новобранца два старыхъ и уважаемыхъ стрѣльца должны были дать подписку, что новый стрѣлецъ не убѣжитъ.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ стрѣлецкаго войска въ Москвѣ было до 20 тысячъ. Прежде оно раздѣлялось на приказы, которые

были переименованны въ полки, а стрѣлецкіе головы стали называться полковниками.

Въ мирное время стрѣльцы должны были охранять спокойствіе Москвы, въ военное время они наравнѣ съ другими войсками отправлялись въ походъ, и такъ какъ лучше другихъ умѣли владѣть оружіемъ, то очень часто рѣшали сраженіе, брали города и т. д.

Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ во время пріема иностранныхъ пословъ, стрѣльцы выстраивались вдоль улицъ; лучшій, выборный стрѣлецкій полкъ, извѣстный подъ названіемъ Стремяннаго, сопровождалъ государя во всѣхъ его выѣздахъ изъ Москвы.



НАЧАЛЬНИКИ СТРѢЛЬЦЫ ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изъ казны отпускалось на стрѣльцовъ до 100,000 рублей жалованья, что по тогдашнему была огромная сумма денегъ. Оружіе и одежда были тоже отъ казны. Стрѣльцы были вооружены пищалями, бердышами, саблями; у каждаго полка было свое знамя и свои пушки. Одежда у стрѣльцовъ была одноформенная: цвѣтъ—по полкамъ; они носили суконные кафтаны алаго, синяго, малиноваго, голубого, зеленаго цвѣта, обшитые галунами и съ красивыми, иногда золотыми перевязями; сапоги—желтые, или красные, шапки бархатныя съ мѣховою опушкою.

Въ свободное отъ службы время, стрѣльцамъ позволено было заниматься торговлей и ремеслами: но они были освобождены отъ всякихъ городскихъ повинностей. Всѣ дѣла тяжебныя и гражданскія, кромѣ уголовныхъ, судились въ стрѣлецкихъ же приказахъ и собственнымъ начальствомъ, такъ что стрѣльцы составляли совершенно отдѣльную касту, съ отдѣльнымъ управленіемъ.

Первоначально, пока въ стрѣлецкомъ войскѣ сохранялся строгій порядокъ, это войско можно было назвать примѣрнымъ; но въ описываемое нами время во всѣхъ частяхъ управленія царствовали безпорядокъ и бозсовѣстное корыстолюбіе. За деньги можно было снять съ себя всякую вину и неправый всегда могъ оправдаться.

Народъ роцталъ на грабительство чиновниковъ, но громче всѣхъ роптали стрѣльцы. Строгій воинскій порядокъ въ стрѣлецкихъ полкахъ исчезъ; стрѣльцы исключительно занимались торговлей и промыслами, богатѣли и называли притѣсненіемъ и несправедливостью, когда полки должны были идти въ походъ, или отправлять службу. Но и полковники,

особенно при Өеодорѣ Алексѣевичѣ, употребляли свою власть во зло, грабили разбогатѣвшихъ стрѣльцовъ, или назначали имъ работы неположенныя, и поэтому притѣсненія для стрѣльцовъ были невыносимѣе, чѣмъ для остальныхъ жителей Москвы.

Неудовольствіе стрѣльцовъ выразилось еще въ царствованіе царя Өеодора. Оно не утихло и послѣ его смерти. Напротивъ: шестнадцать стѣлец-



ВООРУЖЕНІЕ СТРѢЛЬЦОВЪ XVII ВѢКА

кихъ и одинъ солдатскій — Бутырскій полкъ написали челобитныя, жалуясь на своихъ полковниковъ, и шумными толпами окружили дворецъ.

Бояре испугались грозныхъ кликовъ буйной, вооруженной толпы и, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, отставили полковниковъ, приказали насчитанныя на нихъ стрѣльцами деньги взыскать съ нихъ, а самихъ за притѣсненія стрѣльцовъ наказать батожьемъ. Началась кровавая расправа. Толпы стрѣльцовъ тѣснились передъ Разрядною избою, гдѣ полковниковъ держали на правежѣ; т.-е. били палками часа по два, пока они не уплачивали поданныхъ на нихъ счетовъ, которые иногда

доходили до 2000 рублей, или червонныхъ. Все дѣлалось какъ бы по приказанію правительства, но въ дѣйствительности по прихоти стрѣльцовъ, потому что полковниковъ держали на правежѣ, пока стрѣльцы не скажутъ: довольно!

Въ такомъ настроеніи были стрѣльцы; ихъ не трудно было взволновать еще больше и двинуть даже на законныя, выше поставленныя



ЦАРЕВНА СОФІЯ.

(Картина Беппера).

лица. Честолюбивая царевна Софія и ея родственники и приверженцы, Милославскіе, воспользовались этимъ настроеніемъ буйныхъ стрѣлецкихъ полковъ.

Царевна Софія ненавидѣла свою мачиху Наталью Кирилловну и ея родственниковъ, Нарышкиныхъ и боярина Матвѣева; кромѣ того, ей хотѣлось самой сдѣлаться правительницей государства, устранить Петра и управлять Русью вмѣсто неспособнаго, больного Іоанна. Буйство стрѣльцовъ, ихъ расправа съ полковниками указали ей путь, которымъ она можетъ достигнуть власти. Она въ слободы посылала довѣренныхъ людей,

которые распускали слухъ о томъ, что Петръ — царь незаконный, что престолъ слѣдуетъ по всѣмъ правамъ старшему брату, что Нарышкины злобствуютъ на стрѣльцовъ и, какъ только Матвѣевъ возвратится изъ ссылки, взыщутъ съ нихъ за всѣ безчинства и жестокости съ полковниками.

Стрѣльцы готовились къ бунту. Когда Матвѣевъ вернулся въ Москву, у заговорщиковъ, Хованскаго, Милославскихъ и другихъ, все было готово: медлить нельзя было; Матвѣевъ былъ опасный врагъ; ему нельзя было дать времени осмотрѣться и принять мѣры противъ стрѣльцовъ. День убіенія царевича Димитрія, 15 Мая, былъ назначенъ, какъ день бунта. Утромъ рано по стрѣлецкимъ полкамъ проскакали Милославскій и Толстой съ крикомъ:

— Нарышкины задушили царевича Іоанна. Идите въ Кремль на службу царскую! Спасайте Русь!

Стрѣльцы выбѣжали изъ своихъ домовъ, ударили въ набатъ, вооружились, взяли пушки и съ барабаннымъ боемъ, безъ полковниковъ и полуполковниковъ двинулись въ Кремль, при неистовыхъ крикахъ и ругательствахъ. Матвѣевъ въ это время былъ въ царской думѣ и вмѣстѣ съ боярами сходилъ съ лѣстницы, чтобы отправиться домой; но на лѣстницѣ встрѣтилъ его князь Урусовъ со словами:

— Стрѣльцы и солдаты бунтуютъ; они вошли въ Земляной городъ и идутъ въ Бѣлый *).

Матвѣевъ поспѣшно пошелъ назадъ въ царскіе покои и сказалъ царицѣ объ угрожающей опасности; немедленно Стремянному полку дано было приказаніе запереть всѣ кремлевскіе выходы и входы, но было поздно: стрѣльцы уже овладѣли воротами.

Набатъ, барабанный бой и неистовые крики раздавались въ Кремлѣ. Матвѣевъ и бояре послали за патріархомъ; онъ пришелъ вмѣстѣ съ посланнымъ; между тѣмъ бояре и царица положили вывести царя и царевича на крыльцо, показать ихъ стрѣльцамъ и такимъ образомъ отнять у непокорныхъ причину къ буйству. Царица взяла царя за руку одной рукой, а царевича другой, и вмѣстѣ съ ними, съ патріархомъ и боярами вышла на Красное крыльцо. Это неожиданное зрѣлище поразило толпу и она притихла.

— Чтожъ это такое?—говорили въ толпѣ,—царевичъ живъ? Да правда-ли это? Нѣтъ-ли тутъ подлога? Нѣтъ-ли обмана? — слышалось со всѣхъ сторонъ.

---

*) Земляной городъ и Бѣлый — это части Москвы, отдѣлявшіяся стѣнами.



15 мая 1682 года.

Картина А. I. Шарлеманя).

Нѣсколько стрѣльцовъ притащили лѣстницы, приставили ихъ къ крыльцу, взлѣзли на нихъ и, приставивъ лицо къ самому лицу царевича Іоанна, спрашивали:

— Впрямь-ли ты царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ? Кто изъ бояръ-измѣнниковъ тебя изводитъ, кто хочетъ погубить тебя?

— Меня никто не изводитъ, никто губить не хочетъ, и я ни на кого жаловаться не могу!—отвѣчалъ Іоаннъ.

Эта минута могла спасти многихъ; стѣльцы колебались; они видѣли,



СТРѢЛЕЦКІЙ БУНТЪ 1683 ГОДА.

(Картина Дмитріева).

что ихъ обманомъ завлекли въ Кремль; они готовы были возвратиться домой. Заговорщики не дремали, они видѣли, что стрѣльцы колеблются и готовы отступить, и ежели въ этотъ день ничего не выйдетъ, то надобно будетъ отъ всего отказаться, потому что въ другой разъ стрѣльцовъ не поймаешь на тотъ же обманъ. Въ заднихъ рядахъ послышались крики: «Да, царевичъ еще живъ, но его хотятъ извести, пусть выдадутъ царскихъ недоброхотовъ и измѣнниковъ Матвѣева и Нарышкиныхъ». «Нарышкинъ Иванъ примѣривалъ уже царскій вѣнецъ, онъ хочетъ быть царемъ на Руси, смерть ему, измѣннику!»

Это была искра, воспламенившая остывающихъ мятежниковъ; къ нимъ сошли бояре уговаривать и успокоивать ихъ, но они волновались пуще прежняго и обратились съ требованіемъ, чтобы великій государь приказалъ выдать имъ бояръ Ю. А. Долгорукаго, князя Г. Ромодановскаго, М. Ю. Долгорукаго, Кириллу Полуектовича Нарышкина, отца царицы и ея брата, Артамона Сергѣевича Матвѣева, И. М. Языкова и многихъ другихъ бояръ. На это имъ отвѣчали, что этихъ бояръ теперь нѣтъ въ Кремлевскихъ палатахъ и потому ихъ выдать нельзя; но этотъ отказъ раздражилъ стрѣльцовъ, и они начали кричать. Князь Черкасскій принялся усовѣщивать ихъ, но они затолкали его и разодрали на немъ кафтанъ. Въ это мгновеніе Матвѣевъ сошелъ съ крыльца, подошелъ къ рѣшеткѣ и началъ говорить съ ними; онъ припомнилъ имъ, какъ стрѣльцы всегда вѣрно служили царю, какъ укрощали бунты, какъ всегда были правдивы и храбры и какъ его удивляетъ ихъ теперешній мятежъ, которымъ они готовы помрачить свою прежнюю славу. Слова Матвѣева подѣйствовали, буйные крики затихли, и многіе просили Матвѣева, чтобы онъ замолвилъ за нихъ слово передъ царемъ и оправдалъ ихъ. Напрасно Хованскій дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобы они бросились на Матвѣева,— они не двигались съ мѣста, и Матвѣевъ возвратился на лѣстницу, чтобы донести царицѣ о томъ, что дѣлалось.

Однако заговорщики не теряли времени: они отобрали самыхъ отчаянныхъ и свирѣпыхъ стрѣльцовъ и повели ихъ въ обходъ черезъ сѣни Грановитой палаты и Красное крыльцо, въ тылъ къ Матвѣеву. Въ то же время и князь Михаилъ Долгорукій своею горячностью испортилъ общее дѣло; онъ на нихъ раскричался тономъ начальника, бранился, приказывалъ тотчасъ разойтись по домамъ и грозился жестоко наказать непокорныхъ. Стрѣльцы не любили и не уважали Долгорукаго; этотъ начальническій тонъ, эти ругательства раздражили ихъ; они вышли изъ себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на острія подставленныхъ копій, и полумертваго изрубили бердышами. Толпа опьянѣла при видѣ первой крови; въ то же мгновеніе, изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо взбѣгаютъ разсвирѣпѣвшіе стрѣльцы, схватываютъ Матвѣева; царица и князь Черкасскій хотѣли защитить его, но стрѣльцы вырвали его у нихъ изъ рукъ и сбросили на площадь, гдѣ его изрубили въ мелкіе куски.

Патріархъ было захотѣлъ остановить убійцъ, заговорилъ съ ними, но ему отвѣчали: «Не нужно намъ никакихъ совѣтовъ, мы сами разберемъ, кто намъ надобенъ, кто нѣтъ!» и, наклонивъ копья, съ шумомъ и гамомъ бросились во дворецъ отыскивать измѣнниковъ. Наталья Кирилловна, вся въ слезахъ, схвативши сына, ушла въ Грановитую па-

лату; вслѣдъ за нею всѣ разбѣжались, такъ что всѣ двери и входы Кремлевскіе остались незащищенными.

Стрѣльцы бѣгали по дворцу и искали Нарышкиныхъ. Въ комнатахъ царицы Натальи Кирилловны они нашли карлика, по празванію Хомяка, и, приставивъ копье къ его горлу, спросили: гдѣ скрываются Нарышкины?

Онъ отвѣчалъ:

— Аѳонасій Нарышкинъ спрятался подъ престоломъ церкви Воскресенія на Сѣняхъ!

Стрѣльцы радостно вскрикнули, гурьбою побѣжали въ указанную придворную церковь, вытащили несчастнаго изъ подъ престола, выволокли на паперть и изрубили въ куски. Еще одного Нарышкина, Ивана Ѳедоровича, нашли въ его домѣ и тоже убили. Кромѣ того истребляли всѣхъ бояръ, на которыхъ за что-нибудь сердились, и такимъ образомъ погибли десятки несчастныхъ жертвъ. По большей части несчастнаго выводили къ безоружному, оторопѣвшему простому народу и спрашивали: любо-ли?

На отвѣтъ—любо! сверкали мечи и бердыши, и остатки изрубленнаго волокли на Красную площадь; при этомъ передъ тѣломъ шли стрѣльцы и съ насмѣшкою кричали: «Разступитесь! Дайте мѣсто: ѣдетъ бояринъ Артамонъ Сергѣичъ, или: ѣдетъ князь Ромодановскій, Долгорукій, или: дорогу—ѣдетъ думный бояринъ»! и т. д.

Братъ царицы, Иванъ Кирилловичъ, отецъ ея Кирилла Полуектовичъ и сынъ несчастнаго Матвѣева, Андрей Артамоновичъ, скрывались во дворцѣ; сначала въ комнатѣ маленькой царевны Натальи Алексѣевны, потомъ въ комнатахъ царицы Марѳы Матвѣевны; мѣсто, гдѣ они прятались, было извѣстно одной только постельницѣ Клушиной.

На разсвѣтѣ, 17 мая, Клушина тайно отвела Нарышкина и Матвѣева въ темный чуланъ, завалила ихъ перинами и, по совѣту Матвѣева, оставила дверь отворенною настежь, чтобы не возбудить подозрѣнія стрѣльцовъ, ежели бы они опять пришли отыскивать. Въ этотъ день стрѣльцы и народъ опять хлынули въ Кремль и на этотъ разъ неотступнѣе прежняго требовали выдачи Нарышкина, грозясь перебить всѣхъ ослушниковъ-бояръ и говоря, что безъ него не уйдутъ изъ Кремля; «ежели его не выдадутъ добромъ, то разыщутъ его сами, и тогда пусть всѣ на себя плачутся!»

Испуганные бояре, на колѣняхъ, со слезами просили царицу пожертвовать братомъ для спасенія царства и избавить всѣхъ ихъ отъ смерти. Царица долго колебалась, наконецъ, подошла къ брату и отдала дѣло на его рѣшеніе. Благородный молодой человѣкъ рѣшился своею смертью искупить жизнь отца и другихъ родныхъ и согласился идти на

смерть. Его отвели въ церковь Спаса за золотою рѣшеткою; здѣсь шла обѣдня, его исповѣдали, причастили Св. Таинъ и особоровали, какъ умирающаго; по совѣту царевны Софіи, ему въ руки дали образъ Богородицы, надѣясь, что убійцы изъ-за иконы пощадятъ несчастнаго. Царица обвила руками шею брата и, судорожно рыдая и прижимая его къ груди, прощалась съ нимъ; у нея не доставало силы оторваться отъ него; она знала, что его ожидаетъ мучительная смерть. Прощаніе сестры съ братомъ показалось испуганнымъ боярамъ слишкомъ продолжительнымъ, и сѣдой, хилый князь Одоевскій воскликнулъ:

— Сколько вамъ, Государыня, ни жалѣть, а все-таки придется отдать его; а тебѣ, Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ за тебя.

Молодой Нарышкинъ ни слова не отвѣчалъ, а только высвободился изъ объятій царицы и твердою поступью пошелъ на церковную паперть. Лишь только стрѣльцы увидѣли его, какъ встрѣтили неистовыми криками: «А, вотъ онъ, измѣнникъ! Онъ хотѣлъ извести царей! Въ застѣнокъ его, пусть скажетъ, кто были его помощники, пусть признается, какимъ способомъ хотѣлъ изводить царевича!» Нарышкина схватили, поволокли въ Константиновскій застѣнокъ и пытали; но молодой страдалецъ вынесъ всѣ мученія и ни на себя, ни на кого другого ничего не показалъ. Измученнаго страдальца изъ застѣнка вытащили на площадь и изрубили.

Во все время стрѣлецкихъ неистовствъ, простой народъ толпился на площади и, когда стрѣльцы спрашивали: любо-ли? покорно отвѣчали: любо! и махали шапками. Кто не кричалъ и шапкой не махалъ, или кто выказывалъ сожалѣніе, того били и заставляли кричать.

Стрѣльцы видя, что правительство, запуганное и слабое, соглашается на все, предъявляли Натальѣ Кирилловнѣ все новыя и новыя требованія.

Измученная, лишенная родныхъ и приверженцевъ, Наталья Кирилловна соглашалась на все и думала только о томъ, какъ бы уберечь жизнь сына; незначительное число приверженныхъ ей бояръ уже бѣжали изъ Москвы и прятались въ своихъ помѣстьяхъ. Честолюбивая Софія вѣрно разсчитала; она могла воспользоваться слѣдствіемъ произведеннаго ею волненія и захватить верховную власть. Пользуясь общимъ смятеніемъ, она спокойно и твердо давала приказанія; она знала, что на ея сторонѣ стрѣльцы и бояре партіи Милославскихъ. Стрѣльцамъ она приказала раздать по 10 р. на человѣка и пожаловала имъ названіе вѣрной—надворной пѣхоты; начальство надъ ними отдала князю Хованскому, человѣку отсталому, съ предразсудками, но хитрому и честолюбивому.

Неизвѣстно, по чьимъ проискамъ отъ стрѣльцовъ опять явились

выборные люди, захватили съ собою купцовъ и посадскихъ и объявили, что пришли за тѣмъ, чтобы просить царствовать обоимъ братьямъ вмѣстѣ и такъ, чтобы первый царь былъ старшій—Іоаннъ, а второй—Петръ,



УБІЙСТВО НАРЫШКИНА ВО ВРЕМЯ СТРѢЛЕЦКАГО БУНТА.
(Картина М. Далькевича).

но въ концѣ просьбы, очень униженной, было прибавлено: ежели добромъ не исполнятъ ихъ челобитья, то—опять придутъ съ оружіемъ.

Собрали совѣтъ и послѣ многихъ толковъ рѣшили, что требованіе очень разумное, лучше всего быть двумъ царямъ; когда одинъ пойдетъ

на войну, другой будетъ дома управлять царствомъ. Мая 26 положено было: «царствовать обоимъ братьямъ вмѣстѣ», и колоколъ—Вѣстникъ далъ объ этомъ рѣшеніи знать всей Москвѣ. Стрѣльцы и по церквамъ, и на площадяхъ объявляли, что—«Отнынѣ на Руси два царя: Іоаннъ, какъ старшій, первый царь, а Петръ, младшій, второй царь». Стрѣльцовъ, между тѣмъ, ежедневно угощали въ Кремлѣ: каждый день по два полка. Когда оба царя были объявлены народу, стрѣльцы потребовали, чтобы вмѣсто Натальи Кирилловны, по малолѣтству Петра и болѣзни Іоанна, государствомъ управляла царевна Софія, и къ ней послано было посольство просить ее принять на себя «тяготу правленія». Она сначала отказывалась, но наконецъ снизошла на просьбы и приняла титулъ и власть Правительницы. И такъ, всѣ самыя завѣтныя желанія ея исполнились.

Казалось бы, все покончено, но стрѣльцы были не спокойны, они чувствовали, что поступили противузаконно и что рано, или поздно, но за избіеніе бояръ имъ придется отвѣчать. Къ тому-же ихъ за глаза называли бунтовщиками, крамольниками и убійцами. Это имъ не нравилось и они подали новую челобитную, въ которой защищались отъ этихъ названій и выписывали вины перебитыхъ ими бояръ. Въ заключеніе просили, чтобы на Красной площади поставленъ былъ столбъ съ обозначеніемъ именъ всѣхъ убитыхъ бояръ и съ яснымъ указаніемъ вины, за которую стрѣльцы ихъ убили; а для окончательнаго оправданія ихъ, стрѣльцовъ, пожаловать имъ оправдательныя грамоты съ красными печатями; въ грамотахъ запрещалось бы вѣрную надворную пѣхоту называть бунтовщиками, крамольниками, убійцами, измѣнниками и не порочить ихъ никакими другими обидными названіями.

И эта просьба стрѣльцовъ была уважена; столбъ на Красной площади былъ поставленъ, грамоты съ царскою печатью розданы въ полки.






МЕДАЛЬ ЦАРЕВИЧЕЙ ІОАННА И ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧЕЙ И ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

ГЛАВА V.

Раскольники и вѣнчаніе на царство двухъ царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича.

Тогда въ слободахъ появились раскольничьи пророки (какой-то изувѣръ Сергій); стрѣльцы начали поговаривать о томъ, что нужно утвердить старую вѣру, что новонапечатанныя *) книги не годятся, что онѣ измѣняютъ старинныя правила церковныя, что креститься надобно не тремя, а двумя пальцами.

Стрѣльцы отправились къ Хованскому и сказали ему, что у нихъ написана челобитная о возстановленіи старой вѣры. Хованскій спросилъ ихъ:

— Чего же вы хотите?

— Чтобы уничтожили новыя книги и чтобы служили обѣдню и клали крестное знаменіе по-старинѣ. Мы готовы доказать, какъ было по-старинѣ.

---

[1]) При Алексѣѣ Михайловичѣ стараніями патріарха Никона исправлены были богослужебныя книги, испорченныя невѣжественными переписчиками; но нашлись люди, которые стали говорить, что Никонъ испортилъ книги, измѣнилъ старыя церковныя правила, и не хотѣли повиноваться ему. Такъ возникъ расколъ въ русской церкви.

— Но есть-ли у васъ люди ученые, которые свое мнѣніе поддержать могутъ; вы знаете, я самъ придерживаюсь старой вѣры, но я съ патріархомъ и священнослужителями говорить не умѣю, потому что книжной мудрости не наученъ.

Стрѣльцы отвѣчали ему, что есть у нихъ люди свѣдущіе, инокъ Сергій и другіе.

Но Хованскій не вѣрилъ въ искусство и знаніе Сергія и сказалъ, что надобно бы поискать человѣка болѣе свѣдущаго; тогда раскольники вспомнили о знаменитомъ Никитѣ, священникѣ Суздальскомъ. Онъ уже однажды за проповѣдываніе и за преніе по расколу былъ подвергнутъ суду и спасся отъ смерти только тѣмъ, что торжественно отрекся отъ раскола; теперь же опять впалъ въ то же и еще яростнѣе прежняго распространялъ ученіе своей секты. Стрѣльцы указали на него Хованскому.

— Да, этотъ хорошъ, этотъ постоитъ за старую вѣру.

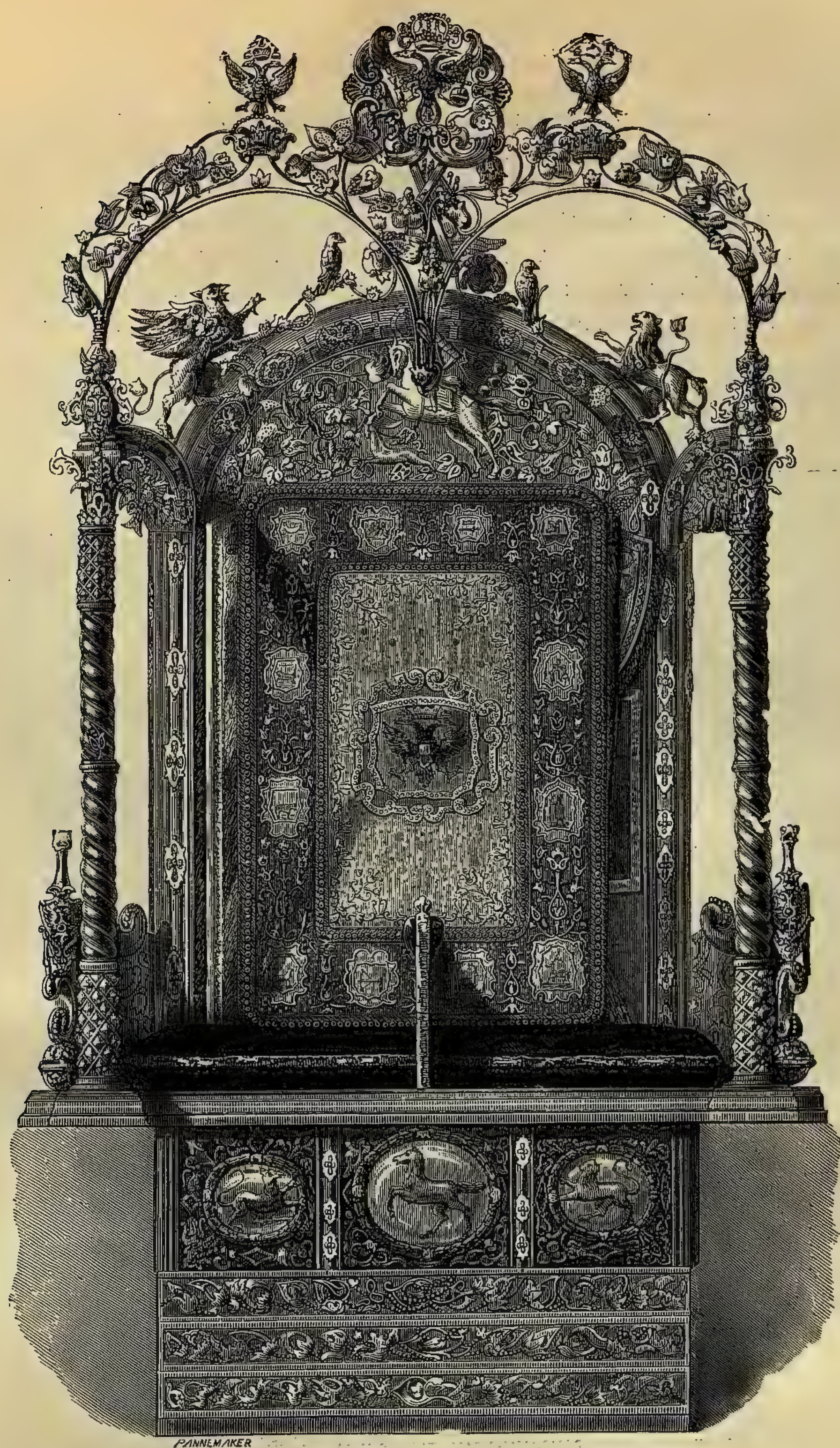
Отыскавъ Никиту, стрѣльцы отправились со своей челобитной въ Кремль: имъ хотѣлось, чтобы вѣнчаніе царей происходило по старой вѣрѣ. Царевнѣ Софьѣ и Хованскому удалось однако замедлить пріемъ челобитной.

Въ день вѣнчанія царей въ Успенскій соборъ принесли до начала служенія два царскихъ мѣста золотыхъ, украшенныхъ дорогими каменьями и подножками обитыми золотымъ бархатомъ. Эти два трона поставили на чертожномъ мѣстѣ по правую сторону, а по лѣвую патріаршее мѣсто съ золотой бархатной подушкой.

Въ восьмомъ часу утра къ патріарху въ крестовую палату собралось все духовенство, которое должно было служить, и оттуда, при трезвонѣ, со свѣчами, съ пѣніемъ патріархъ и за нимъ восемь митрополитовъ, четыре архіепископа, два епископа и шестнадцать архимандритовъ и игуменовъ шли торжественно, попарно, въ самыхъ лучшихъ одеждахъ, а дьяконы и дьячки въ золотыхъ стихаряхъ со свѣчами.

Патріарха въ соборѣ торжественно встрѣтили съ кадилами и съ пѣніемъ; онъ приложился къ мѣстнымъ иконамъ и пошелъ на приготовленное для него чертожное мѣсто, гдѣ облачился въ самыя великолѣпныя и дорогія святительскія ризы.

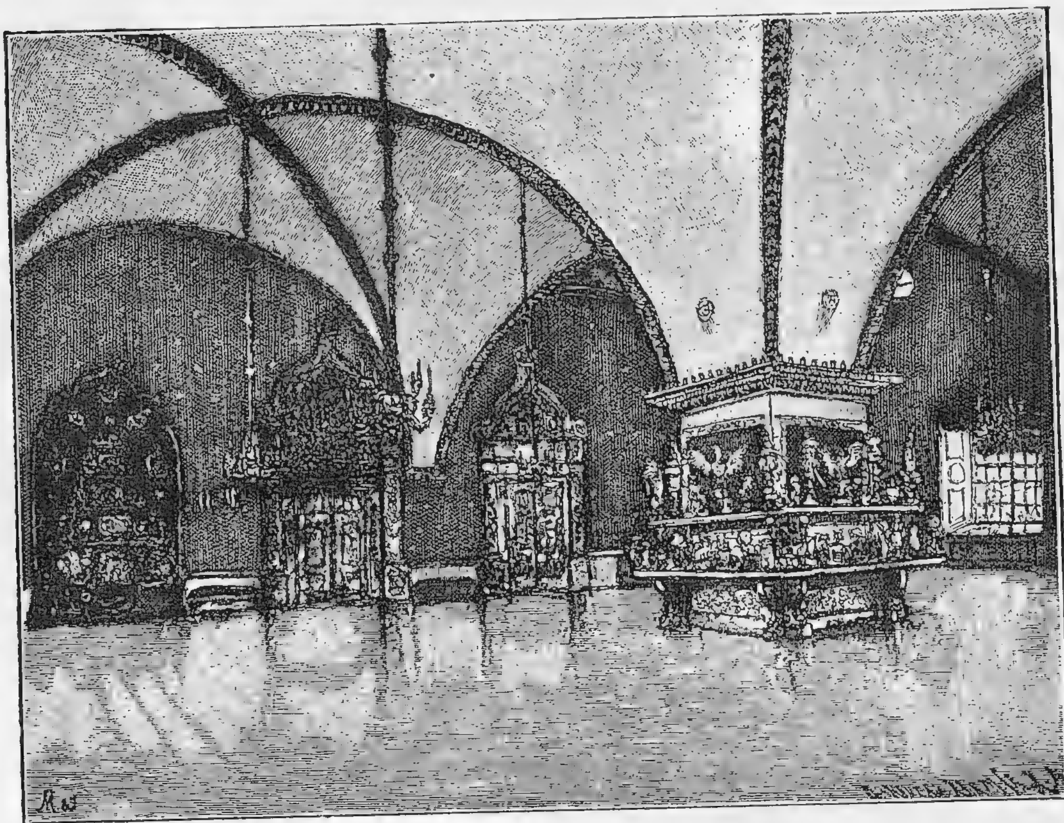
Въ то же время цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ вышли изъ палатъ, приложились къ иконамъ въ церкви Спаса Нерукотвореннаго и, сопровождаемые всѣми царедворцами и государственными людьми, пошли въ Грановитую палату; путь передъ ними духовникъ окроплялъ святою водою. Въ Грановитой палатѣ они сѣли на приготовленныя для нихъ мѣста; цари одѣты были въ золотые кафтаны, съ золо-



ДВОЙНОЙ ТРОНЪ ЦАРЕЙ ІОАННА И ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧЕЙ.

Московская оружейная палата.

тыми плетеными кружевами и съ широкими рукавами; на головахъ у нихъ были шапки съ дорогими мѣхами, золотыми бляхами—запонками—украшенными дорогими самоцвѣтными каменьями. Тутъ они пожаловали нѣсколькихъ ближнихъ бояръ въ высшія должности и званія. Потомъ приказали, назначеннымъ для того боярамъ, принести съ казеннаго двора царскія регаліи: святые кресты, сдѣланные изъ животворящаго древа истиннаго креста Христа Спасителя, съ золотыми цѣпями; бармы



ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА.

Мономаха, т. е. въ родѣ пелеринъ изъ тонкой золотой работы со вставленными въ нихъ образами Спасителя, Божіей Матери и другихъ Святыхъ—ихъ надѣвали на плечи; царскіе вѣнцы, или короны, сдѣланные въ видѣ шапокъ,—они были кованные золотые съ драгоцѣнными камнями и опушенные мѣхомъ; скипетры и державы. Для Петра всѣ царскія регаліи были вновь сдѣланы, но такъ хорошо и искусно, что ихъ нельзя было отличить отъ древнихъ.

Князь Голицынъ, ближній царскій бояринъ, хранитель государ-

ственной печати, пошелъ съ другими боярами за царскими регаліями. Ихъ клали на блюда, покрытыя пеленами, унизанными жемчугомъ и дорогими каменьями; два креста изъ животворящаго древа положили на блюда и прикрыли пеленою, два протоіерея на головахъ несли ихъ въ Грановитую палату; за ними бояре, на блюдахъ, несли другія принадлежности царскаго вѣнчанія. Впереди и по сторонамъ шествія шли посольскіе дьяки; колокольный звонъ не переставалъ.

Цари встрѣтили процессію въ дверяхъ Грановитой палаты; они благоговѣйно приложились къ животворящимъ крестамъ и къ бармамъ, и процессія пошла дальше къ Успенскому собору.



ЦАРСКІЙ НАПЕРСТНЫЙ КРЕСТЪ. (Московская оружейная палата).

У самаго порога собора встрѣтилъ ее патріархъ, съ оставшимся при немъ духовенствомъ, и, поклонившись крестамъ, принялъ ихъ и бармы изъ рукъ митрополитовъ; поддерживаемый двумя митрополитами понесъ ихъ къ амвону, на приготовленныя для нихъ мѣста; за нимъ несли прочія вещи. Животворящіе кресты, бармы, вѣнцы, скипетры и державы самъ патріархъ разложилъ на налои; потомъ окадилъ ихъ три раза, приложился къ крестамъ и бармамъ и возвратился на свое чертожное мѣсто. Вслѣдъ за патріархомъ къ крестамъ и бармамъ прикладывалось остальное духовенство.

Началась служба; пѣли канонъ, къ царямъ посланъ былъ вѣстникъ,

что къ вѣнчанію все готово. Изъ Грановитой палаты показалось шествіе: впереди шли стольники, дворяне и дьяки; близъ царей окольничіе, думные дьяки и комнатные ближніе люди. Передъ царями, съ крестомъ и святою водою, которою кропилъ путь, шелъ протоіерей Благовѣщенскаго собора. За царями—бояре, думные люди, стольники, выборные дворяне московскіе и др. чины.

Царей при входѣ въ соборъ пѣвчіе встрѣтили многолѣтіемъ;



БАРМЫ ВЫШИТЫЯ.
(Московская оружейная палата).

цари остановились, положили три земныхъ поклона и потомъ, обратившись къ патріарху, и ему поклонились; затѣмъ приложились къ мѣстнымъ иконамъ; патріархъ сошелъ съ чертожнаго мѣста, осѣнилъ царей животворящимъ крестомъ и окропилъ святою водою; патріархъ и цари поцѣловались, всѣ вмѣстѣ пошли къ чертожному мѣсту и сѣли.

Потомъ цари, обращаясь къ патріарху, ко всѣмъ чинамъ государственнымъ, ко всему народу Русскому, предъявили свои права на пре-

столъ и требовали отъ патріарха освященія своихъ правъ, посредствомъ благословенія ихъ на царство, мνропомазанія, возложенія вѣнцовъ и бармъ, какъ это освящено преданіемъ святой восточной церкви и по древнему царскому чину.

Выслушавъ рѣчь царей, патріархъ спросилъ:

— Како вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа?

Въ отвѣтъ на это, цари громко и отчетливо прочитали Символъ вѣры; по окончаніи, патріархъ возгласилъ:



СКИПЕТРЫ ЦАРЕЙ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА, АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА И ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА. (Московская оружейная палата).

— Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ вами! —и благословилъ ихъ.

Послѣ этого патріархъ сказалъ царямъ отвѣтную, наставительную рѣчь, которую окончилъ пожеланіемъ имъ долгаго и счастливаго царствованія, и чтобы домъ ихъ не прекращаясь долгіе времена царствовалъ надъ Россіей.

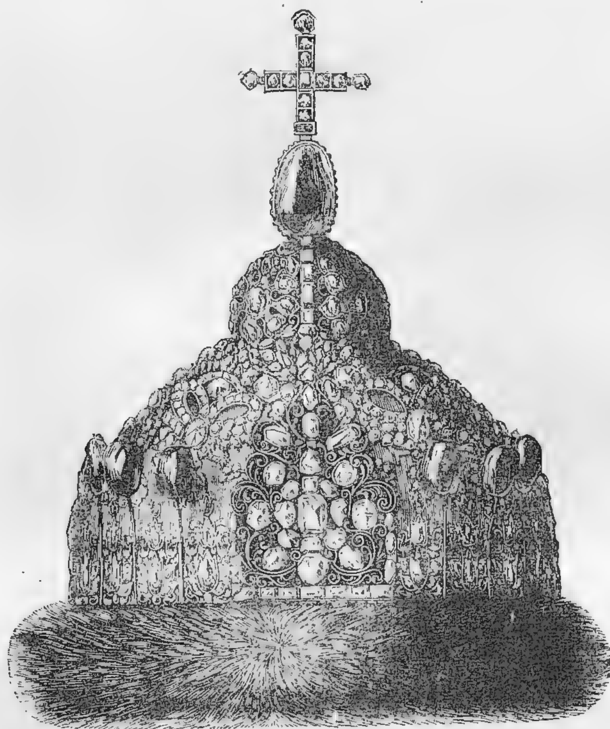
Послѣ рѣчи на царей возложены были царскіе одежды, регаліи и вѣнцы, при чтеніи установленныхъ молитвъ и пѣніи многолѣтія.

По окончаніи царскаго вѣнчанія, во время литургіи патріархомъ

совершенъ былъ обрядъ мvропомазанія царей на царство. Патріархъ помазалъ мvромъ чело, уста, грудь, шею, плечи, ладони, руки царей и при каждомъ помазаніи произносилъ:

— Печать дара Духа Святаго! Аминь.

Послѣ помазанія на царство цари пріобщились св. Таинъ. По окончаніи литургіи торжественное шествіе съ вѣнчанными царями въ прежнемъ порядкѣ вышло изъ собора. Цари ходили «на богомолье» въ другіе



ВѢНЕЦЪ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.
(Московская оружейная палата).

московскіе соборы, а затѣмъ вернулись въ Грановитую палату, гдѣ въ тотъ день происходилъ торжественный обѣдъ.

Между тѣмъ, стрѣльцы не успокоились, ходили къ патріарху требовать утвержденія старой вѣры, Никита-Пустосвятъ собралъ наконецъ самыхъ отчаянныхъ изувѣровъ, вмѣстѣ съ ними отслужилъ молебенъ, взялъ крестъ, а сообщники его—старинныя книги, иконы, налои; зажгли свѣчи и съ неистовыми криками пошли въ Кремль.

У правительства не было средствъ обуздать раскольниковъ; бунтъ готовъ былъ вспыхнуть; Хованскій твердилъ:

— Пусть патріархъ идетъ на площадь и успокоитъ волненіе, пусть

рѣчью своею докажетъ правоту свою, но ни царямъ, ни царицамъ, ни царевнамъ не слѣдуетъ показываться народу, не то бунтъ будетъ хуже прежняго.

Но царевна Софія съ жаромъ отвѣчала ему:

— Нѣтъ, не оставлю церкви и пастыря нашего. Если споръ необходимъ, то пусть онъ будетъ въ Грановитой палатѣ. Я иду туда, и кто хочетъ, пусть идетъ за мною; царица Наталья Кирилловна, царевны Татьяна



ПЕТРЪ I ВЪ КОРОНАЦІОННОМЪ ОДѢЯНІИ.

Михайловна и Марія Алексѣевна не отстали отъ нея. Патріарха извѣстили о рѣшеніи царевны и царицы, Софія звала его со всѣми святителями въ Грановитую палату, но предупредила, чтобы онъ шелъ не Краснымъ крыльцомъ, вокругъ котораго тѣснились раскольники, а другимъ, внутреннимъ ходомъ. Патріархъ не заставилъ себя ждать; между тѣмъ архіепископъ Холмогорскій Аѳанасій, епископъ Леонтій Тамбовскій, Митрофанъ Воронежскій и множество другихъ епископовъ, архимандритовъ и

игуменовъ съ самыми древними книгами и рукописями съ трудомъ прошли черезъ густыя толпы разъяренныхъ раскольниковъ, прямо черезъ Красное крыльцо въ Грановитую палату. Видъ старыхъ книгъ и рукописей обрадовалъ многихъ благочестивыхъ людей, и они надѣялись, что посредствомъ ихъ раскольниковъ можно будетъ убѣдить.

Когда въ Грановитой палатѣ все было готово, Хованскій вышелъ на площадь и объявилъ раскольникамъ, что царица и царевны сами хотятъ выслушать челобитную, поэтому зовутъ отцовъ въ Грановитую палату, потому что на площади имъ быть неприлично (зазорно).

— Идемъ!—воскликнулъ послѣ нѣкотораго колебанія Никита, и съ многочисленною толпою стрѣльцовъ и чернаго народу кинулся къ Красному крыльцу; въ это мгновеніе изъ дверей выходили священники, относившіе хартіи (рукописи) и книги въ Грановитую палату; въ дверяхъ произошло столкновеніе, посыпалась брань, начали толкаться; съ той и другой стороны вспыхнула давно таившаяся ненависть и началась драка. Стрѣльцы, по приказанію Хованскаго, бросились на священниковъ и принялись ихъ бить и разгонять во всѣ стороны.

Раскольники съ яростными криками ворвались въ Грановитую палату; ихъ нисколько не остановилъ и не смутилъ видъ царскаго дома.

Царевна Софія обратилась къ раскольникамъ съ вопросомъ: зачѣмъ они пришли? Зачѣмъ съ такимъ дерзкимъ и наглымъ видомъ ворвались въ царскія палаты, какъ къ иновѣрцамъ, незнающимъ Бога? И какъ они смѣютъ на площадяхъ всенародно проповѣдывать свои ереси и возмущать народъ?

Никита отвѣчалъ, что они пришли съ просьбою пересмотрѣть священныя книги и возстановить богослуженіе по-старинѣ, какъ оно было при прежнихъ царяхъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ!

Патріархъ отвѣчалъ: «Мы отъ себя ничего не внесли въ книги, но все заимствовали изъ божественнаго писанія; вы-же грамматическаго смысла не разобрали и потому не понимаете». Никита отвѣтилъ ему дерзостью, и тутъ-же въ палатѣ раскольники бросились на возражавшаго имъ архіепископа Аѳанасія и принялись бить его.

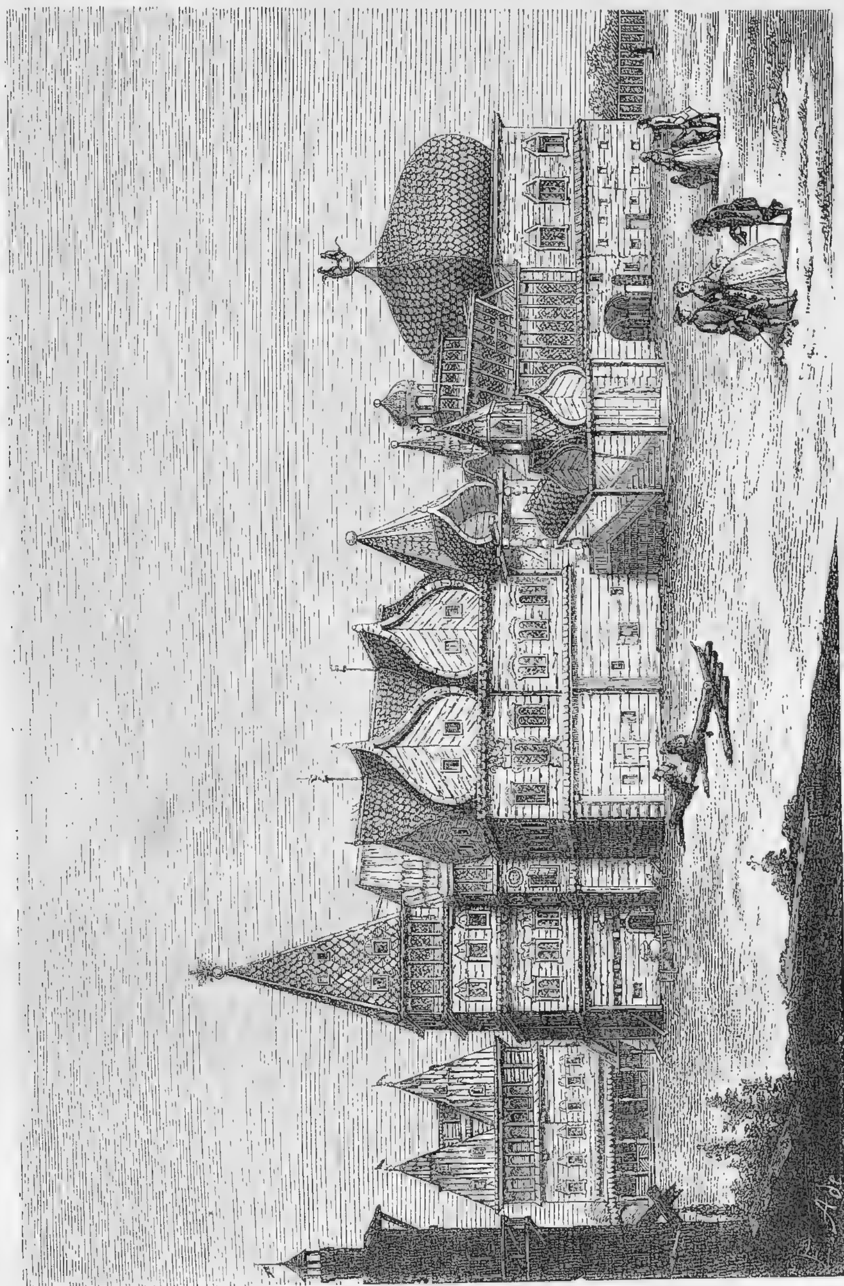
Въ это время молодой царь Петръ Алексѣевичъ вскочилъ съ своего мѣста, глаза его искрились и сверкали; напрасно Наталья Кирилловна пыталась удержать его: онъ снялъ съ себя вѣнецъ и съ одушевленіемъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Пока вѣнецъ этотъ на головѣ моей и душа въ тѣлѣ останется, не позволю возставать на истинную церковь и правую вѣру называть неправой; и такъ, какъ я самъ уважаю ее и называю своею матерью и



НИКИТА ПУСТОСВЯТЪ. (Картина В. Г. Перова).

вѣрую, что она истинная, правая, такъ и всѣмъ повелѣваю вѣровать!—Потомъ обратясь къ присутствующимъ духовнымъ лицамъ прибавилъ:



Коломенскій дворецъ.
(Съ гравюры XVIII вѣка).

— Что стоите? Чего испугались?

Въ то же время и Софія встала съ трона и воскликнула:

— Видите, что дѣлаетъ Никита, при насъ бьетъ архіерея, а безъ насъ и совсѣмъ убьетъ его!

Въ толпѣ раскольниковъ заговорили: «онъ не бьетъ архіерея: а только рукою отвелъ его, чтобы не говорилъ прежде патріарха, когда его не спрашиваютъ».

Царевна съ гнѣвомъ прикрикнула на раскольниковъ и приказала читать ихъ челобитную. Раскольники, какъ изступленные, не хотѣли слушать объясненій пастырей церкви, неистовыми криками перебивали и заглушали ихъ, осыпали ихъ бранью и упреками, и до того шумѣли, что послѣдніе пункты остались безъ отвѣта.

Царевна нѣсколько разъ съ огорченіемъ и досадой смотрѣла на бояръ и на патріарха; когда-же раскольники сказали, что Никонъ еретикъ, царевна не вытерпѣла и воскликнула:

— Нѣтъ, мы не можемъ болѣе терпѣть такой хулы! Если Никонъ и нашъ отецъ были еретики, то и всѣ мы тоже; братья не цари, и патріархъ не пастырь церкви. Намъ ничего больше не остается, какъ оставить царство!—и сошла съ трона.

Въ толпѣ мятежныхъ раскольниковъ послышались слова: «Давно пора! Въ монастырь вамъ, а не царствомъ мутить! Намъ-бы только цари-государи здоровы были, а и безъ васъ ваше мѣсто пусто не будетъ!» Но бояре окружили царевну, успокоили ее, обѣщались положить за нее головы и уговаривали ее вернуться въ свои покои.

Наконецъ, раскольники ушли, но на площадяхъ и улицахъ хвалились тѣмъ, что побороли своихъ противниковъ, переспорили патріарха и архіереевъ.

Народъ по прежнему оставался въ недоумѣніи, не зная, въ самомъ-ли дѣлѣ раскольники взяли верхъ; они пришли смотрѣть правду и ничего не видали. Царевна призвала къ себѣ выборныхъ всѣхъ полковъ; явились ото всѣхъ, кромѣ одного, самаго раскольничьяго—Титова полка. Царевна въ яркихъ краскахъ изобразила положеніе Россіи, ежели раскольники не перестанутъ мутить народъ. «Уже-ли вы промѣняете насъ на шестерыхъ чернецовъ, и предадите святѣйшаго патріарха на поруганіе?» Она напоминала имъ ихъ прежнюю преданность царскому дому, стыдила за теперешнее легкомысліе, буйство и равнодушіе, сулила награды за вѣрность и—достигла своей цѣли. Выборные Стремяннаго полка отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Мы, государыня, за старую вѣру не стоимъ; это не наше дѣло; это дѣло патріарха и собора.

Выборнымъ дана была большая денежная награда и на десять человѣкъ стрѣльцовъ выставлено было по ушату вина. Такое щедрое угоще-

ніе довершило начатое словами; стрѣльцы поклялись, что не станутъ защищать старой вѣры; отъ угощенія-же пришли въ такое неистовство, что бѣгали по улицамъ, били раскольниковъ и кричали:

— Вы бунтовщики, возмутили весь народъ!

Раскольники бросились бѣжать; ихъ начальниковъ, отцовъ, переловили; Никиту казнили безъ дальняго суда, Сергія сослали въ Ярославль въ монастырь; остальныхъ тоже сослали.

Но Хованскій ради своей выгоды продолжалъ мутить стрѣльцовъ. Цари, видя, что бунтъ не прекращается, уѣхали изъ Москвы въ село Коломенское. Хованскій нѣсколько разъ пытался возвратить ихъ въ Москву и даже старался напугать Софью разными небывалыми опасностями, но это ему не удалось. Къ 29 августа, именинамъ Іоанна Алексѣевича, царевна указомъ вытребовала изъ Москвы Стремянный полкъ, единственный изъ стрѣлецкихъ полковъ, вполнѣ преданный царскому дому и близкій къ нему; Хованскій указа не исполнялъ и полка не присылалъ. Нужно было послать еще нѣсколько подтвержденій Хованскому,—тогда только онъ отправилъ полкъ въ Коломенское, на царскую службу.



ЦАРИ ІОАННЪ И ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧИ.
(Франц. гравюра 1685 г.).



ОБЩІЙ ВИДЪ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.
(Съ фотографіи).

ГЛАВА VI.

Второй стрѣлецкій бунтъ.—Смерть Хованскихъ.—Возвращеніе въ Москву.—Потѣшные.

Наступило 1 сентября, т.-е. день новаго года; по стариннымъ обычаямъ въ этотъ день бывали церковное торжество и царскій выходъ съ большою пышностію, въ присутствіи всего двора, стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ. Хованскій послалъ просить царей въ Москву къ этому торжеству, но ему отвѣчали, что цари не будутъ, и онъ съ боярами можетъ присутствовать при патріаршемъ служеніи. Весь праздникъ вышелъ скучный и далеко не великолѣпный; бояръ въ Москвѣ не оказалось; всѣ они изъ нея повыѣхали: нѣкоторые присоединились къ царямъ, иные разъѣхались по своимъ деревнямъ; къ досадѣ патріарха изъ важныхъ лицъ при торжествѣ былъ только Хованскій и одинъ окольничій бояринъ. Народъ въ тревогѣ ожидалъ большихъ бѣдъ.

Между тѣмъ 2 сентября въ селѣ Коломенскомъ произошла большая тревога: у переднихъ дворцовыхъ воротъ нашли письмо съ надписью: «вручить государынѣ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ». Это былъ доносъ на Хованскаго и на сына его Андрея. Доносъ былъ написанъ отъ имени одного стрѣльца и двухъ посадскихъ, которые своихъ именъ однако-жъ не выставили. Въ бумагѣ говорилось, что Хованскіе призывали къ себѣ стрѣльцовъ и посадскихъ и сговаривались съ ними, какъ-бы возмутить стрѣльцовъ, придти съ ними въ Кремль, объявить царей еретическими дѣтьми и убить ихъ, вмѣстѣ съ царицею Натальей Кирилловной и царевной Софіей Алексѣевной, а остальныхъ царевенъ постричь въ мона-



СОБОРЪ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ВЪ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.
(Съ фотографіи).

шество и разослать въ монастыри; молодому-же Андрею Хованскому жениться на одной изъ царевенъ и черезъ нее наслѣдовать престолъ. Кромѣ того, смерти предать многихъ ближнихъ бояръ за то, что они не стоятъ за старую вѣру, а любятъ новую. Вслѣдъ за этимъ возмутить весь черный народъ, истребить помѣщиковъ и въ этой смутѣ Хованскому сдѣлаться царемъ. Стрѣльцовъ обѣщано пожаловать въ ближніе бояре и раздать имъ все имѣніе побитыхъ. Про себя доносчики говорили, что совѣсть не позволяетъ имъ поднимать руки на такое дѣло, и извѣщаютъ объ немъ государей, чтобы они могли помѣшать злу. Когда-же все утихнетъ, тогда доносчики придутъ сами объявить о себѣ; примѣты ихъ: у одного на правомъ плечѣ черная бородавка, у другого на правой ногѣ рубецъ.

Доносъ этотъ, какъ увѣряли современники, былъ ложный, составленный врагомъ Хованскаго, Милославскимъ; неизвѣстно, вѣрила ли ему сама царевна Софія, но какъ-бы то ни было, притворилась, что вѣритъ, и поспѣшно уѣхала со всѣмъ царскимъ семействомъ въ Савво-Сторожевскій монастырь близъ Звенигорода. Отсюда разослала окружные грамоты во Владиміръ, Суздаль и другіе города, призывая дворянъ и ратныхъ людей всѣхъ званій на защиту царей и государства отъ раскольниковъ, Хованскаго и мятежныхъ стрѣлецкихъ войскъ.

Дворяне, повинуясь своему долгу, начали снаряжаться въ походъ, приготовляли съѣстные припасы, вооружали своихъ челядинцевъ, сажали ихъ на коней изъ своихъ конюшенъ и вмѣстѣ съ ними, въ полномъ вооруженіи, спѣшили къ царямъ; за каждою такою толпою воиновъ тянулись телѣги, нагруженныя съѣстными припасами и палатками.

Стѣны и ограды Савво-Сторожевскаго монастыря казались ненадежными, и потому цари со всѣмъ дворомъ своимъ отправились въ Троицко-Сергіевскую лавру; но на пути туда, въ селѣ Воздвиженскомъ встрѣтили первые, довольно значительные, дворянскіе отряды. Тутъ-же пришло отъ Хованскаго письмо; онъ писалъ, что сынъ малороссійскаго Гетмана ѣдетъ въ Москву, и спрашивалъ, какъ его принимать. Царевна воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы написать Хованскому ласковое письмо съ указаніемъ, какъ принимать сына Гетмана, а для дальнѣйшихъ распоряженій вызывала его изъ Москвы въ село Воздвиженское.

Хованскихъ обмануло ласковое письмо царевны; онъ съ небольшимъ стрѣлецкимъ отрядомъ выѣхалъ по одной дорогѣ, а сынъ его Андрей съ другимъ, тоже незначительнымъ отрядомъ, по другой. Лишь только дошла вѣсть въ село Воздвиженское о томъ, что Хованскіе выѣхали изъ Москвы и приближаются, при дворѣ произошло волненіе; наскоро собрали думныхъ бояръ для суда надъ обвиняемыми, и съ значительнымъ отрядомъ дворянскихъ полковъ посланъ былъ князь Лыковъ, чтобы схватить Хованскихъ и подъ крѣпкимъ карауломъ привезти ихъ на судъ и расправу.

Въ 25-ти верстахъ отъ Москвы, Лыковъ раздѣлилъ свое войско, окружилъ обоихъ Хованскихъ одновременно, овладѣлъ ими безъ малѣйшаго сопротивленія и повезъ въ село Воздвиженское, гдѣ Хованскіе отецъ и сынъ были казнены въ самый день ангела царевны Софьи 17 сентября 1682 г.

Въ толпѣ, присутствовавшей при казни Хованскихъ, былъ младшій сынъ князя, Иванъ. Лишь только стемнѣло, онъ поскакалъ въ Москву, явился въ стрѣлецкія слободы и объявилъ, что общаго отца ихъ не стало.

— Убили его бояре, безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго!— говорилъ онъ.

— Переведутъ они и васъ, — кричалъ Языковъ, прискакавшій вмѣстѣ съ Хованскимъ изъ села Воздвиженскаго,—бояре хотятъ вырубить надворную пѣхоту; дорогою я видѣлъ несмѣтное множество вооруженныхъ людей; они со всѣхъ сторонъ идутъ къ Москвѣ, чтобы перебить въ слободахъ всѣхъ до послѣдняго стрѣлецкаго младенца, а дворы ваши хотятъ пожечь.

Стрѣльцы зашумѣли, начали разсуждать о томъ, какъ имъ спастися, и рѣшились засѣсть въ Москвѣ и защищаться. Въ полночь ударили въ набатъ, схватились за оружіе и разставили у всѣхъ воротъ крѣпкіе караулы. Заняли Кремль, съ пушечнаго двора взяли ружья, пушки, по-



СОБОРЪ И ДВОРЕЦЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ВЪ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.
(Съ фотографіи).

рохъ, ядра и свинецъ и приготовились встрѣтить нападеніе дворянскихъ полковъ.

Когда около царевны собралось сильное и вѣрное дворянство, готовое идти противъ непокорныхъ стрѣльцовъ, она послала въ Москву строгое повелѣніе: прекратить всѣ толки о казни Хованскихъ, не смѣть пугать московскихъ жителей, не вмѣшиваться въ дѣла царскія, и такъ какъ право милости, суда и казни виновныхъ самимъ Богомъ вручено царямъ, то стрѣльцамъ не только говорить объ этомъ, но и думать не позволено.

Въ то же время патріарху было дано знать, чтобы онъ призвалъ къ себѣ стрѣльцовъ, научилъ ихъ принести повинную, обѣщаться служить вѣрою и правдою, какъ по-старинѣ, прислать въ Троицкую лавру по 20 человѣкъ лучшихъ изъ каждаго полка, и тогда имъ все будетъ про-

щено, а за смуты въ Москвѣ никакихъ розысковъ и наказаній не производить.

Стрѣльцы долго колебались, они боялись потерять лучшихъ изъ своихъ братій; они не рѣшались послать ихъ въ Троицкій монастырь, какъ думали, на вѣрную смерть; но они чувствовали свое безсиліе при видѣ огромнаго войска, собравшагося подлѣ монастыря, и наконецъ рѣшились отправиться къ царевнѣ съ повинной. Царевна встрѣтила ихъ сначала гнѣвной рѣчью.

Стрѣльцы пали ницъ, признавали свою вину и просили пощады, клялись письменно и словесно впередъ служить вѣрно, утверждая, что никакого злого умысла на бояръ и на царей у нихъ нѣтъ, да и при себѣ никому не позволятъ поносить бояръ и правительство. Что пушки, порохъ, ядра и свинецъ у нихъ не растрачены и они готовы отдать все назадъ во всякое время.

Царевна похвалила стрѣльцовъ за то, что они повинились, и приказала патріарху привести къ присягѣ всѣ стрѣлецкія полки на вѣрную службу царскому дому.

Управленіе стрѣлецкимъ приказомъ царевна поручила Шакловитому, человѣку строгому и энергическому, который умѣлъ укротить необузданное войско и внушить ему уваженіе къ себѣ.

Что же дѣлалъ между тѣмъ царь Петръ Алексѣевичъ? Съ тѣхъ поръ, какъ явная опасность отъ стрѣльцовъ миновалась, царевна Софія Алексѣевна захватила всю власть въ свои руки; издавала указы безъ спроса и безъ всякаго участія своихъ братьевъ. При всякомъ случаѣ оскорбляла царицу Наталью Кирилловну, не позволяла ей не только вмѣшиваться въ дѣла правленія, но даже не позволяла ей занимать мѣста, ей приличнаго, какъ матери царя.

Обиженная Наталья Кирилловна удалялась отъ двора и съ сыномъ своимъ большую часть года проводила въ селѣ Преображенскомъ. Тутъ она грустила, тосковала, постоянно опасалась за жизнь своего сына и стерегла его, какъ орлица своего еще неоперившагося птенца.

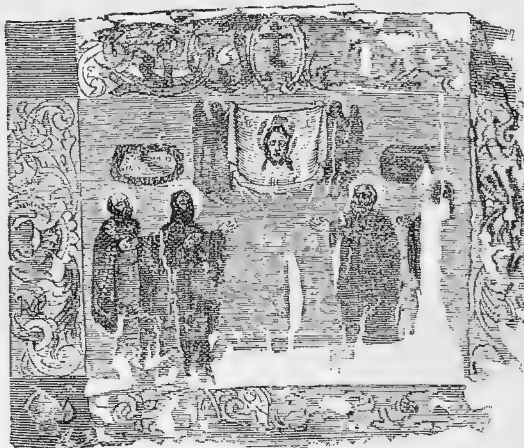
Петръ, какъ мальчикъ не по лѣтамъ умный, видѣлъ и понималъ, что́ вокругъ него дѣлается; внутри его горѣла жажда дѣятельности; ему хотѣлось бы все видѣть, все знать, а между тѣмъ видѣть было нечего, учиться не у кого. Зотова уже давно не было при немъ и вмѣстѣ съ нимъ всякое ученіе прекратилось. Молодой, двѣнадцатилѣтній царь послѣ стрѣлецкихъ смутъ скучалъ въ уединенномъ селѣ Преображенномъ.

Большую часть своего времени онъ проводилъ на дворѣ съ однолѣтними съ нимъ товарищами, которыхъ называли Потѣшными. Но Петръ не походилъ на остальныхъ дѣтей; у него и самыя игры и забавы при-

нимали другой, дѣловой характеръ. Онъ своихъ Потѣшныхъ одѣлъ по-нѣмецки, потому что отъ находившихся близъ него иностранцевъ и изъ картинъ (кунштовъ), съ которыми познакомилъ его еще Зотовъ, онъ зналъ о составѣ и костюмѣ иностранныхъ войскъ.

Чтобы не отнимать бодрости у своихъ товарищей, чтобы на дѣлѣ испытать всю трудность солдатской жизни, онъ самъ записался сначала барабанщикомъ, потомъ рядовымъ солдатомъ въ роту Потѣшныхъ.

Напрасно царица Наталья Кирилловна хотѣла отвратить его отъ этого, но царь жилъ вмѣстѣ съ своими Потѣшными, ѣлъ съ ними одну и ту же пищу, одѣвался, какъ они; однимъ словомъ не имѣлъ никакихъ преимуществъ передъ своими товарищами.



СТРѢЛЕЦКОЕ ЗНАМЯ 1684 ГОДА.
(Московская оружейная палата).

Онъ самъ чистилъ свою аммуницію, платье, оружіе, ходилъ въ караулъ и стоялъ на часахъ; а въ свободное отъ ученій и карауловъ время занимался столярнымъ мастерствомъ; самъ сдѣлалъ для себя тачку, въ которой возилъ песокъ, землю и камни, при постройкѣ земляныхъ укрѣпленій и валовъ.

Въ 1687 году царь Петръ познакомился съ женевскимъ уроженцемъ Лефортомъ, офицеромъ Бутырскаго солдатскаго полка; приблизилъ его къ себѣ, часто разговаривалъ съ нимъ, сдѣлалъ его начальникомъ своей потѣшной роты и требовалъ, чтобы онъ обучалъ Потѣшныхъ правильному строю и движеніямъ, уже принятымъ въ иностранныхъ полкахъ.

Лефортъ обрадовался этому назначенію и съ жаромъ занялся обученіемъ и обмундированіемъ Потѣшныхъ; ввелъ между дѣтьми строгую военную дисциплину. Петръ очень часто сдерживалъ свой пылкій характеръ, когда того требовала дисциплина, и это для него было труднѣе, чѣмъ спать и жить въ палаткѣ, копать землю лопатой, таскать камни и тяжести, или стоять въ караулѣ.

Молодой царь со всею пылкостію своего характера привязался къ военнымъ занятіямъ и къ своему учителю Лефорту; особенно полюбилъ онъ его за то, что онъ во время неудовольствій съ царевной Софіей

одинъ изъ первыхъ перешелъ на его сторону и пріѣхалъ къ нему въ Троицко-Сергіевскую Лавру.

Приближеннымъ къ Петру и Натальѣ Кирилловнѣ боярамъ не нравились забавы царя; они очень часто говаривали царицѣ, какъ неприлично для молодого царя дни и ночи проводить не въ покояхъ, а на дворѣ съ боярскими и простыми дѣтьми; бояре не разъ замѣчали, что онъ не научится управлять царствомъ, ежели будетъ проводить время въ однѣхъ потѣхахъ; не лучше ли ему присутствовать въ царской думѣ, или разговаривать только съ государственными людьми; если же забавляться, то лучше искать забавы приличной царю.

Наталья Кирилловна по совѣту бояръ и вмѣстѣ съ ними старалась отклонить своего сына отъ любимыхъ его военныхъ занятій съ Потѣшными. Въ Преображенское пригласили даже патріарха, чтобъ съ его помощью повліять на Петра.

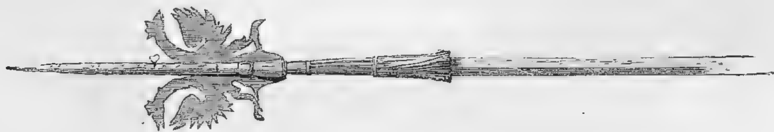
Царь очень терпѣливо выслушалъ наставленія патріарха и отвѣчалъ ему:

— Кто нибудь лишнее наговорилъ тебѣ, святой отецъ, о моихъ трудахъ.

Патріархъ признался, что бояре заботятся о его здоровьѣ и неоднократно при немъ сожалѣли о томъ, что онъ изнуряетъ себя.

На это Петръ отвѣчалъ: «Неразумное усердіе ослѣпляетъ бояръ; они не знаютъ, какъ европейскіе государи воспитываютъ своихъ дѣтей; тѣ съ самаго ранняго дѣтства учатся, не имѣютъ ни отдыха, ни покоя; ихъ держатъ строго, ни въ чемъ не даютъ имъ воли. Мои же всѣ занятія доставляютъ мнѣ удовольствіе и не только не ослабляютъ, а еще укрѣпляютъ меня. Къ тому же,—прибавилъ онъ глубоко вздыхая,—много времени проходитъ у меня, владыко, въ пустыхъ забавахъ, отъ которыхъ никто меня, однакожъ, не отвлекалъ!»

Послѣ этой неудачной попытки бояре не смѣли больше говорить прямо и старались различными забавами отвлекать его отъ Потѣшныхъ и простонародныхъ занятій съ ними, но и это не удавалось имъ.





ПЕТРЪ УЧИТСЯ АСТРОЛЯБІИ У ТИММЕРМАНА.
(Съ гравюры Шульца).

ГЛАВА VII.

Дальнѣйшее ученіе Петра.—Тиммерманъ.—Замыслы царевны Софіи.—Ботъ и Капитенъ Брантъ.—Постройка кораблей на Переяславскомъ озерѣ.—Дѣло Шакловитаго и паденіе Софіи.

Любознательности Петра не было предѣловъ. Однажды онъ долго разговаривалъ съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, и князь въ разговорѣ сказалъ, что у него былъ славный инструментъ, да, жаль, украли, а то онъ непремѣнно подарилъ бы его царю.

— Какой же это былъ инструментъ?—спросилъ царь.

— Имъ можно было дѣлать измѣренія, не сходя съ мѣста.

— Вотъ бы хорошо имѣть такой инструментъ,—воскликнулъ царь,—мнѣ непремѣнно надобно его достать.

Послѣ этого князя Долгорукаго назначили посломъ во Францію. Когда онъ пришелъ проститься съ царемъ, Петръ далъ ему приказаніе купить въ Парижѣ и привезти оттуда съ собою инструментъ, о которомъ говорилъ.

По возвращеніи изъ Парижа, Долгорукій поднесъ молодому четырнадцатилѣтнему Петру астролябію.

— Покажи мнѣ, какъ употреблять инструментъ,—воскликнулъ Петръ.

— Этого я не знаю, я только купилъ его.

Царю было досадно, какъ можно взять въ руки инструментъ и не умѣть употреблять его? Принялся Петръ разспрашивать придворныхъ, не умѣетъ-ли кто обходиться съ астролябіей, но никто не нашелся; наконецъ ему пришла мысль послать за нѣмцемъ-докторомъ и спросить его, не знаетъ-ли онъ человѣка, знакомаго съ астролябіей? Тотъ отвѣчалъ, что кажется знаетъ такого человѣка, голландца Франца Тиммермана. Его немедленно призвали ко двору; и царь началъ у него учиться математикѣ, фортификаціи и артиллеріи.



ПЕРВЫЙ РУССКІЙ СОЛДАТЪ СЕРГѢЙ ЛЕОНТІЕВИЧЪ БУХВОСТОВЪ.
(Съ портрета Махаева).

Вскорѣ Тиммерманъ сдѣлался неразлучнымъ товарищемъ-учителемъ Петра; но занятія не оканчивались класснымъ, комнатнымъ преподаваніемъ; свѣтлыя, огненныя способности Петра все схватывали на-лету и немедленно усвоивали узнанное; это можно видѣть по его сохранившимся до сихъ поръ тетрадямъ; на каждое ариѳметическое правило есть только одинъ примѣръ съ повѣркою. Геометрическія теоремы также скоро идутъ, а по чертежамъ видно, что каждая изъ нихъ находила примѣненіе въ дѣйствительности,—можно сказать, что Петръ не учился, а все какъ бы припоминалъ только уже давно извѣстныя ему вещи.

Самыя забавы его съ потѣшными приняли въ это время еще болѣе серьезный характеръ. Петру мало было тѣхъ Потѣшныхъ, какіе у него были подъ руками, и онъ объявилъ, что въ число ихъ принимаетъ охотниковъ всѣхъ званій. На призывъ его первый явился двадцатипятилѣтній, сильный, здоровый конюхъ Сергій Бухвостовъ. Государь съ радостью принялъ его и собственноручно вписалъ его имя въ списокъ, и съ тѣхъ поръ онъ числится первымъ солдатомъ Преображенскаго полка. Примѣру

Бухвостова послѣдовали другіе, и въ 1687 году къ пятнадцатилѣтнему Петру явилось столько охотниковъ поступать въ Потѣшные, что сформировались два полка въ двухъ смежныхъ селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ. Между охотниками было также много дворянъ и боярскихъ



ЦАРЕВНА СОФІЯ.
(Съ портрета, находящагося въ Романовской галлереѣ).

дѣтей; между ними были князь Голицынъ и Бутурлинъ; оба по молодости опредѣлены были барабанщиками, потому что солдатская служба была для нихъ слишкомъ трудна.

Около этого времени, подъ руководствомъ Тиммермана, на берегу Яузы, самимъ Петромъ и Потѣшными была построена крѣпость, кото-

рую Петръ назвалъ Пресбургомъ. Это первое иностранное названіе, употребленное Петромъ, показываетъ, что Петръ уже выучился голландскому языку и особенно полюбилъ иностранцевъ, отъ которыхъ уже кое-чему понаучился. Свою крѣпость Петръ вооружилъ пушками, а изъ конюшеннаго двора забралъ сбрую и лошадей подъ свою артиллерію; изъ солдатскаго Бутырскаго полка забралъ въ Потѣшные всѣхъ барабанщиковъ и флейтщиковъ; часть стрѣлецкаго Сухарева полка тоже присоединилъ къ своимъ Потѣшнымъ. Пушечная и ружейная пальба ежедневно раздавались съ крѣпостныхъ валовъ, а ученіе производилось съ утра до вечера.

Молодой царь тѣшился, но царевнѣ Софіи эти потѣхи не нравились; она не на шутку призадумывалась. Молодой царь, правда, не вмѣшивался въ государственныя дѣла; онъ предоставлялъ ей заключать съ Польшей миръ и начинать войну съ Крымомъ, но рано или поздно этому пылкому молодому человѣку надоѣстъ строить крѣпостцы, нападать на нихъ съ своими Потѣшными и защищать или брать ихъ для упражненія; придетъ пора, когда ему вздумается взять въ свои сильныя руки всѣ дѣла государственныя, и тогда ей, поневолѣ, придется жить въ затворничествѣ, какъ жили царевны до нея, или и совсѣмъ идти въ монастырь.

Мысли эти часто приходили царевнѣ; она не могла примириться съ ними и только думала о томъ, какъ бы удержать въ своихъ рукахъ верховную власть. Никакое средство для этого не казалось ей предосудительнымъ; она уже столько достигла, неужели ей теперь ото всего отказаться? Она ни передъ кѣмъ не осмѣливалась открыть своей души, самые приближенные ея люди, князь Голицынъ и Шакловитый, начальникъ стрѣлецкій, только вполовину знали, чего царевнѣ хочется.

Мысль о томъ, чтобы сдѣлаться русскою царицей, вмѣстѣ-ли съ братьями, или одной, не давала ей покою. Чтобы пріучить къ этому народъ заранѣе, она позволила съ себя сдѣлать портретъ въ полномъ царскомъ облаченіи съ короною и прочими царскими регаліями. Портреты эти распространяли въ Москвѣ; нѣсколько экземпляровъ было отправлено за границу.

Въ своей вѣчной тревогѣ, какъ бы не лишиться власти, Софія готова была прибѣгать даже къ чарамъ и волхвованію; при всемъ умѣ своемъ она вѣрила гаданіямъ. Она приблизила къ себѣ монаха Сильвестра Медвѣдева, совѣтовалась съ нимъ, заставляла его гадать по звѣздамъ о томъ, что ожидаетъ царевну; Медвѣдевъ занимался астрологіей и самъ вѣрилъ въ свое гаданіе—по теченію и стоянію звѣздъ.

Петръ не зналъ, до какой степени кипѣла на него злоба въ сердцѣ

царевны, какія рѣчи говорились объ немъ въ Кремлѣ, но онъ видѣлъ, къ чему ведутъ всѣ поступки сестры; онъ не одобрялъ, что она наравнѣ съ царями принимаетъ пословъ, что, нарушая всѣ заведенныя правила, наравнѣ съ царями является народу, что она не отъ царскаго, а отъ своего имени даетъ указы и требуетъ, чтобы ей отдавали такія-же почести, какія отдаются царямъ.

Такъ, въ крестный ходъ изъ Кремля въ Казанскій соборъ вспыхнула первая ссора между Петромъ и Софіею. Во время обѣдни Софія



ВИДЪ СЕЛА ИЗМАЙЛОВА, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

(Съ гравюры Зубова).

была въ Успенскомъ соборѣ наравнѣ съ обоими царями; когда готовились къ крестному ходу, Петръ подошелъ къ Софіи и сказалъ ей, чтобы она не ходила въ крестномъ ходу. Но она, ничего не отвѣчая, взяла только-что подновленную икону Божіей Матери и сама понесла ее. Петръ вспыхнулъ, отвернулся, вышелъ въ другія двери и уѣхалъ изъ Москвы. Софія видѣла, что Петръ ужъ не ребенокъ и что онъ готовъ вырвать у нея изъ рукъ правленіе; и она рѣшилась, ежели нужно, силою оружія удержать его. Шакловитый готовъ былъ помогать ей.

Онъ часто являлся въ стрѣлецкихъ слободахъ, жаловался на притѣсненія со стороны Льва Нарышкина и Бориса Голицына, самыхъ приближенныхъ къ Петру бояръ. Говорилъ, что потѣшные конюхи только и думаютъ о томъ, какъ-бы извести Надворную пѣхоту, отнять все правленіе у царевны, а царя Іоанна совсѣмъ лишить царства. Стрѣльцы слушали, охуждали Нарышкина, Наталью Кирилловну, Голицына и даже Петра, но ничего не предпринимали и оставались холодны. Шакловитый призывалъ ихъ къ царевнѣ; она выходила къ нимъ, поила водкой и говорила тоже о грозящей ей бѣдѣ, о притѣсненіяхъ, но не высказывала прямо, чего хочетъ; стрѣльцы также неопредѣленно отвѣчали ей:

— Мы готовы тебѣ служить, готовы за тебя и государей положить головы, прикажи только, что намъ дѣлать, и увидишь, какъ мы готовы тебѣ служить.

Петръ между тѣмъ занимался съ Тиммерманомъ, учился и съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ новыя знанія. Въ это время онъ поѣхалъ въ село Измайлово и по обыкновенію своему началъ повсюду ходить, все осматривать; съ нимъ былъ его неразлучный спутникъ и учитель; при всякомъ новомъ предметѣ онъ осыпалъ его вопросами. Въ Измайловѣ онъ приказалъ себѣ отпереть одинъ старый амбаръ, гдѣ лежали старыя негодныя вещи, принадлежавшія его двоюродному дядѣ Никитѣ Ивановичу Романову. Тутъ между всякимъ ненужнымъ хламомъ Петру бросилась въ глаза лодка, совсѣмъ незнакомаго ему устройства. Царь тотчасъ обратился къ Тиммерману съ вопросомъ: что это за лодка?

— Это англійскій ботъ.

— Гдѣ его употребляютъ?

— При большихъ корабляхъ, для ѣзды и возки.

— Чѣмъ такой ботъ лучше нашихъ?

— Тѣмъ, что ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.

— Какъ, противъ вѣтра? Это быть не можетъ! Только тогда повѣрю, когда самъ увижу. Нѣтъ-ли въ Москвѣ такого человѣка, который сумѣлъ-бы починить ботъ и показать мнѣ его употребленіе.

— Такой человѣкъ есть въ Москвѣ, только не знаю, гдѣ онъ, его надобно отыскать.

— Отыщи немедленно и призови ко мнѣ.

Тиммерманъ въ нѣмецкой слободѣ отыскалъ голландца Карштенъ-Бранта, корабельнаго мастера. Его изъ Голландіи вызвали при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, чтобы строить корабли; но сначала дѣло шло медленно, потомъ совсѣмъ остановилось, и онъ теперь жилъ въ Москвѣ



СПУСКЪ БОТИКА НА ЯУЗУ.

безъ дѣла. По приказанію Петра онъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту, придѣлалъ парусъ, спустилъ ботъ на Яузу и началъ лавировать.

Петръ съ жаромъ предался новому удовольствію; ѣздилъ съ Брантомъ, очень скоро понялъ, какъ управлять парусами, и наслаждался, когда могъ идти, почти противъ вѣтра; но ботъ не всегда слушался руля, и очень часто упирался то въ тотъ, то въ другой берегъ. Петръ спросилъ Бранта, отчего ботъ не слушается и носомъ упирается въ берегъ.

— Оттого—отвѣчалъ Брантъ,—что въ Яузѣ воды мало, узка!

Ботъ тотчасъ перевезли на Просяной прудъ, но и тутъ было тѣсно; негдѣ было плавать, а охота къ водѣ съ каждымъ днемъ усиливалась.

Самъ Петръ признается, что не одно только удовольствіе ѣздить безъ веселъ по водѣ заставляло его полюбить плаваніе; онъ думалъ о томъ, какъ выгодно было-бы для Россіи, если-бы торговля производилась водою, и какъ хорошо было-бы имѣть море и большіе корабли.

Любовь къ мореплаванію у Петра возрастала со дня на день; онъ спрашивалъ у своихъ приближенныхъ, нѣтъ-ли гдѣ по-близости большого озера?

Ему отвѣчали, что больше Переяславскаго нѣтъ, и оно отъ Москвы отстоитъ на 120 верстъ.

Петръ былъ въ большомъ затрудненіи, не зналъ, какъ ему туда

уѣхать; прямо сказать Натальѣ Кирилловнѣ, куда его влечетъ, нельзя было; она никогда не согласилась-бы отпустить его. Петръ наконецъ придумалъ; онъ объявилъ матери, что ему хочется ѣхать на богомолье къ Троицѣ; она согласилась, а Петръ, пробывши нѣсколько въ Лаврѣ, отправился дальше, къ Переяславскому озеру. Видъ большого, красиваго озера прельстилъ Петра; тутъ есть гдѣ боту расходиться; здѣсь ему довольно простора.

Петръ возвратился въ село Преображенское; онъ съ жаромъ разсказывалъ матери о видѣнномъ озерѣ и тутъ-же приступилъ къ ней съ просьбами позволить ему новую потѣху: строить съ мастеромъ Брантомъ корабли на Переяславскомъ озерѣ. Наталья Кирилловна дала свое согласіе, и молодой царь съ жаромъ принялся за свою новую потѣху. Вмѣстѣ съ Брантомъ онъ отправился въ Переяславль и до тѣхъ поръ не переставалъ хлопотать, пока не добылъ годнаго лѣса и не заложилъ начало тремъ лодкамъ и одному большому кораблю.

Царица не противилась этой новой потѣхѣ, но только и думала о томъ, какъ-бы привязать Петра къ дому, какъ-бы отвлечь его отъ его опасныхъ потѣхъ и отъ буйныхъ пирушекъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и къ которымъ привлекали его немало ближніе его бояре Борисъ Голицынъ и Андрей Матвѣевъ. Оба они были люди, по тогдашнему, образованные: Андрей Артамоновичъ хорошо зналъ древніе языки, говорилъ свободно по-латыни, много читалъ не только на латинскомъ и русскомъ, но и на новѣйшихъ европейскихъ языкахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ пиры и забавы и нерѣдко выпивалъ лишнее.

При книжной образованности, онъ все-таки сохранилъ много грубыхъ привычекъ. Такъ, однажды онъ вмѣстѣ съ Голицынымъ назвался на обѣдъ къ одному изъ бывшихъ въ Москвѣ иностранцевъ; привелъ съ собою еще нѣсколькихъ постороннихъ, хозяину вовсе незнакомыхъ гостей; всѣ ѣли и пили больше, чѣмъ слѣдовало; когда Матвѣеву, или Голицыну какое-либо кушанье особенно нравилось, они безъ дальнихъ церемоній брали цѣлое блюдо и съ своими челядинцами отсылали его домой, своимъ женамъ; по окончаніи обѣда, они сгребли съ блюда всѣ конфеты и унесли ихъ съ собою. Таковы были тогдашніе неразвитые собесѣдники Петра; не удивительно, что они увлекали его съ собою въ пиры, и онъ, по своей огненной природѣ, удовольствіямъ предавался съ такимъ-же жаромъ, съ какимъ отдавался труду и военнымъ играмъ.

Царица Наталья Кирилловна все это видѣла и придумала женить молодого царя, надѣясь этимъ способомъ остепенить его. Петру не было еще 19 лѣтъ, когда его обвѣнчали съ Евдокіей Лопухиной. Но новыя семейныя обязанности не привязали Петра къ Москвѣ; не прошло четы-

рехъ мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, какъ онъ покинулъ Преображенское и поспѣшилъ въ Переяславль, къ постройкѣ начатыхъ судовъ.

Между тѣмъ время шло; борьба за власть между Натальей Кирилловной и царевной со дня на день становилась упорнѣе; царица видѣла, къ чему клонятся желанія царевны Софіи и потому опасалась за своего



ПОРТРЕТЫ ЦАРИЦЪ ЕВДОКИИ ЛУКЬЯНОВНЫ И НАТАЛИИ КИРИЛЛОВНЫ.
(Изъ «Древностей Россійскаго Государства» Солнцева).

сына и всѣми силами старалась слѣдить за тѣмъ, чтобы Софія не сдѣлала какого-либо рѣшительнаго шага.

Стрѣльцы оставались спокойны; напрасно Шакловитый жаловался имъ, что потѣшные конюхи готовы придти въ Москву изводить царевну; что отъ нихъ уже приходили подосланные люди въ Кремлевскій дворецъ

высматривать, какъ бы удалить царя Іоанна Алексѣевича и царевну Софію и при этомъ истребить всѣ стрѣлецкіе полки, потому что, какъ скоро не будетъ защитницы стрѣльцовъ, ихъ изведутъ непремѣнно.

— Что же дѣлать?—спрашивали стрѣльцы.

— Надобно писать челобитную, въ которой просить царевну вѣнчаться на царство.

Стрѣльцы задумались; имъ не хотѣлось бунтовать, налагать руку на патріарха и на ближнихъ къ Петру бояръ, противъ которыхъ вооружалъ ихъ Шакловитый. Чтобы оживить преданность стрѣльцовъ, отъ имени царевны имъ выдали по пяти рублей на человѣка, съ наказомъ поговорить въ полкахъ, но и здѣсь тоже стрѣльцы оставались холодными.

Жалобы царевны на хитрыя козни Натальи Кирилловны, которая съ братьями и Голицынымъ поднимаютъ бунтъ и готовятся съ потѣшными конюхами напасть на Кремль, также долгое время оставались безъ послѣдствій.

Тѣмъ временемъ новое неудовольствіе возникло между Петромъ и Софіей; послѣ неуспѣшнаго похода въ Крымъ, Софія хотѣла осыпать наградами своего любимца Василія Васильевича Голицына, но Петръ наотрѣзъ отказался подписать представленія къ наградамъ. Царевна, царица и всѣ приближенные долго уговаривали молодого царя уступить, и онъ наконецъ согласился подписать указъ о наградахъ, но не принялъ ни Голицына, ни остальныхъ генераловъ, когда они явились, чтобы благодарить царя за полученныя награды. Царевна опять прибѣгла къ стрѣльцамъ и говорила:

— Царица снова замышляетъ бѣду; если мы съ братомъ Іоанномъ вамъ любы, то стойте за насъ, а если вы нами недовольны, то мы готовы оставить государство!

Стрѣльцы отвѣчали, что любятъ царя и царевну и будутъ исполнять ея волю; она ихъ отпустила съ приказаніемъ ждать повѣстки. Большинство стрѣльцовъ было, однако-жъ, иного мнѣнія; они открыто говорили:

— Повѣстокъ никакихъ намъ не надобно; если же кому изъ царскаго дома грозитъ бѣда, то пусть все идетъ законнымъ порядкомъ; пусть дьякъ по суду намъ укажетъ кого брать и кого порѣшить, мы тогда и пойдемъ; а безъ указу ничего дѣлать не будемъ, сколько бы ни били въ набатъ, пусть лучше дѣлаютъ розыскъ!

Около этого времени до Петра дошли слухи о томъ, что Шакловитый мутитъ народъ и стрѣльцовъ и что больше всего ему помогаетъ Стрижевъ. Петръ потребовалъ Стрижева къ себѣ въ Преображенское, но тотъ не поѣхалъ; тогда Петръ приказалъ привести его силою, и это не удалось:

Шакловитый не выдалъ его. Послѣ этого Петръ приказалъ арестовать самого Шакловитаго, когда онъ пріѣхалъ въ Измайлово; но не долго продержалъ подъ карауломъ и выпустилъ снова.

Софія изъ этого видѣла, что Петръ начинаетъ прибирать власть къ рукамъ и что вскорѣ начнетъ дѣйствовать рѣшительнѣе; она видѣла, что не долго ей остается царствовать, ежели она навсегда не вырветъ царскаго вѣнца изъ рукъ брата. Чтобы пріобрѣсть еще большую преданность стрѣльцовъ, она продолжала подкупать ихъ деньгами.

7 августа 1689 года царевна объявила, что намѣрена на богомолье въ Донской монастырь идти пѣшкомъ, а для безопасности приказала Шакловитому нарядить ей побольше стрѣльцовъ для охраны, подъ тѣмъ предлогомъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ, при ея шествіи въ Дѣвичій монастырь, почти въ ея глазахъ убили ея отставного конюха. Стрѣльцы собрались въ Кремль. Вдругъ разнеслась вѣсть, что въ хоромахъ на Верху нашли подметное письмо; въ немъ извѣщали царевну, что Петръ съ своими потѣшными нечаянно нападетъ на Кремль, ночью на 8 августа, съ тѣмъ, чтобы убить царя Іоанна Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ царевенъ.

Поднялась большая тревога, заперли Кремлевскія ворота, къ ночи князь Голицынъ собралъ до тысячи человѣкъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, съ боевыми патронами, и расположилъ ихъ въ разныхъ частяхъ Кремля. Приближенныхъ денщиковъ своихъ Голицынъ отправилъ въ Преображенское за тѣмъ, чтобы наблюдать, когда Петръ съ своими потѣшными выйдетъ, и куда онъ направится.

Собравшіеся въ Кремлѣ стрѣльцы, близкіе къ Шакловитому, одни хорошо знали въ чемъ дѣло и тайкомъ говорили своимъ пріятелямъ, что стрѣльцы собраны для рѣшительнаго нападенія на Преображенское, чтобы разомъ покончить съ строптивымъ родомъ Нарышкиныхъ.

Самые закоренѣлые враги Петра—Гладкій и Чермный твердили объ убійствахъ и грабежахъ; они съ наслажденіемъ воображали, какъ будутъ растаскивать патріаршую казну; ежели бы отъ нихъ зависѣло, они, не колеблясь ни минуты, немедленно отправились бы въ Преображенское, чтобы убить Петра и его мать и дядей. Но не всѣ стрѣльцы были такого мнѣнія; посреди полковъ, болѣе всего преданныхъ царевнѣ и Шакловитому, были люди, которые не рѣшались поднимать руку на семейство помазанника Божія. Это были стрѣльцы Стремяннаго полка—пятисотенный Елизарьевъ, пятидесятники Мельновъ и Ульжовъ, десятники Ладогинъ, Ѳеоктистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. Первый изъ нихъ даже пользовался довѣріемъ царевны, часто бывалъ у нея, присутствовалъ при ея выходахъ и постоянно исполнялъ всѣ ея приказанія. Но,

когда Шакловитый потребовалъ отъ него убійствъ, когда указалъ на необходимость истребить Нарышкиныхъ, тогда Елизарьевъ, какъ онъ самъ признавался, вспомнилъ Бога и условился съ товарищами не выдавать Петра, слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что Шакловитый предпринимаетъ, и при первой серьезной опасности, извѣстить царя и защищать его до послѣдней капли крови.

Вечеромъ 7 августа Елизарьева и товарищей его потребовали къ съѣзжей избѣ Стремяннаго полка. Тамъ Гладкій приказалъ имъ, съ нѣсколькими сотнями вооруженныхъ стрѣльцовъ, идти въ Кремль, да три сотни отправить на Лубянку и ждать тамъ набата. Турку и Троицкаго Гладкій послалъ въ Преображенское для наблюденія за Петромъ и его потѣшными.

Елизарьевъ отъ себя послалъ Мельнова въ Кремль посмотрѣть, что тамъ дѣлается; онъ возвратился черезъ короткое время и объявилъ:

— Кремль весь наполненъ вооруженными стрѣльцами, всѣ ворота крѣпко заперты; на моихъ глазахъ Гладкій стащилъ съ лошади постельничаго Плещеева, который пріѣхалъ отъ царя; его избили и полуживого потащили наверхъ къ Шакловитому.

— Дѣло начинается!—воскликнулъ Елизарьевъ и вмѣстѣ съ друзьями пошелъ въ ближайшую церковь, разбудилъ священника, приказалъ ему отворить царскія врата, и надъ святымъ евангеліемъ и животворящимъ крестомъ друзья поклялись спасти царя. Мельновъ и Ладогинъ поскакали въ Преображенское, а остальные остались въ Москвѣ, чтобы наблюдать за Шакловитымъ и, при первомъ движеніи въ Преображенское, напасть на него съ тылу. Часа черезъ полтора, на Лубянку пріѣхалъ Гладкій и, увидѣвъ Елизарьева съ небольшой кучкой преданныхъ Петру стрѣльцовъ, вмѣсто трехъ сотенъ, которыя должны были собраться тутъ, пришелъ въ бѣшенство и громовымъ голосомъ закричалъ:

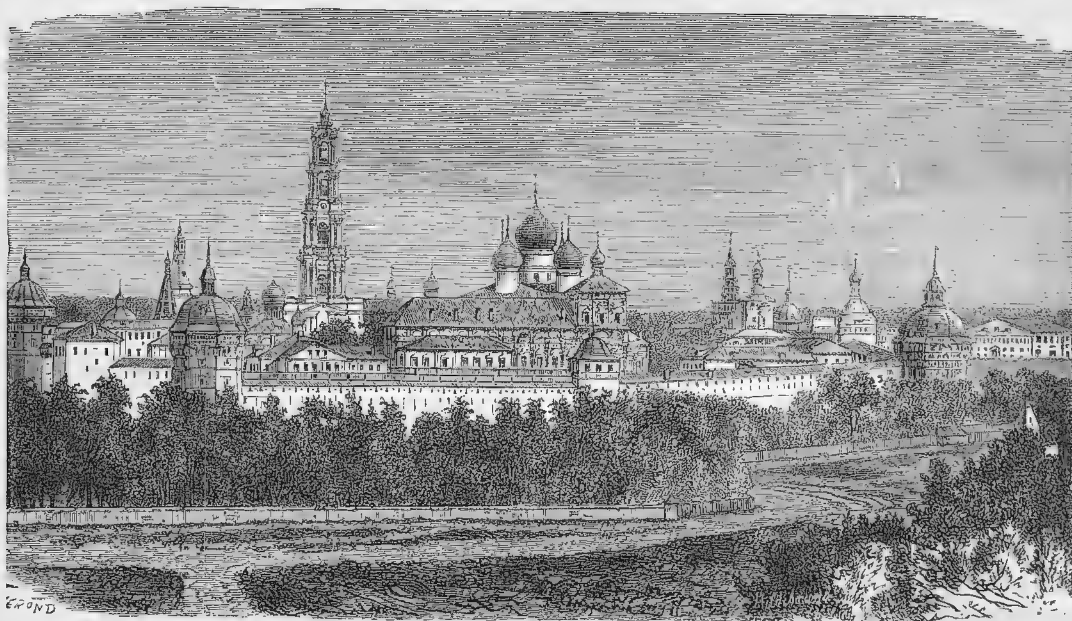
— Отчего вы не ѣдете къ заставамъ? Отчего стрѣльцы не въ сборѣ? Въ Кремлѣ всѣ готовы, а нашего полка нѣтъ никого. Бѣгите въ слободу, скликайте полкъ, да ждите набата, я къ Спасскому колоколу ужъ языкъ привязалъ; когда ударятъ въ набатъ, смотрите на насъ, что вамъ дѣлать и куда идти. Перваго спальника самъ Богъ прислалъ намъ; онъ въ нашихъ рукахъ; вотъ его сабля!

Съ этими словами Гладкій поспѣшилъ въ Кремль, а за нимъ Елизарьевъ съ товарищами, и не думая исполнять только что полученнаго приказанія.

Мельновъ и Ладогинъ, не передыхая, мчались въ Преображенское и прибыли туда около полуночи; тамъ все было темно; Петръ крѣпко спалъ, утомленный дневными работами. По требованію Мельнова и Ладо-

гина его разбудили; оба бросились передъ царемъ на колѣни и разсказали ему все, что дѣлалось въ Москвѣ, говорили, что Кремль переполненъ стрѣльцами, что они теперь вѣроятно уже идутъ въ Преображенское за тѣмъ, чтобы совершить задуманное злодѣяніе, убить великаго государя и государыню царицу.

Внезапно пробужденный отъ крѣпкаго сна, Петръ испугался и не выслушалъ даже всего разсказа; ему показалось, что стрѣльцы уже подступаютъ; онъ вскочилъ съ постели босой, въ одномъ бѣльѣ, выбѣжалъ изъ дворца, бросился въ конюшню, схватилъ первую попавшуюся подъ



ОБЩІЙ ВИДЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

руку лошадь, вскочилъ на нее и на неосѣдланной поскакалъ въ ближайшій лѣсъ. Туда вслѣдъ за нимъ принесли его платье; онъ одѣлся наскоро, лошадь осѣдлали, и, не теряя ни минуты, съ величайшею скоростію, поѣхалъ по дорогѣ въ Троицкую Лавру. Въ пять часовъ онъ проскакалъ 60 верстъ и въ 6-омъ часу утра, измученный усталостію и волненіемъ, прибылъ въ монастырь. Онъ до того утомился, что его сняли съ лошади; самъ онъ не могъ сойти; на рукахъ снесли его въ монастырь и положили на постель. Огорченный Петръ не могъ удержать волновавшихъ его чувствъ, онъ залился горькими слезами, разсказалъ настоятелю монастыря о злодѣйскомъ замыслѣ стрѣльцовъ и требовалъ защиты. Архимандритъ Викентій выслушалъ жалобы царя, успокоивалъ его и

сидѣлъ подлѣ его постели, пока нервное раздраженіе не окончилось, слезы не прекратились и истомленный царь не заснулъ. Въ ту же ночь, изъ Преображенскаго въ Лавру выѣхала царица Наталья Кирилловна, съ дочерью и невѣсткою, супругою Петра, въ сопровожденіи бояръ, царедворцевъ, потѣшныхъ и стрѣльцовъ Сухарева полка.

Царевна не знала о томъ, что дѣлается въ Преображенскомъ. Стрѣльцы ночевали въ Кремлѣ; царевна передъ утромъ вышла къ нимъ, поблагодарила ихъ за преданность и сказала:

— Ежели бы мы сегодня ночью не приняли предосторожностей, то на насъ напали бы потѣшные конюхи и всѣхъ насъ передушили бы.

Затѣмъ приказала распустить стрѣльцовъ по слободамъ и раздать имъ по рублю на человѣка.

Только утромъ узнали въ Москвѣ, что Петръ уѣхалъ изъ Преображенскаго; денщики сказали Шакловитому:

— Царя изъ Преображенскаго согнали; ушелъ онъ босой, въ одной сорочкѣ, неизвѣстно куда!

— Вольно же ему бѣжать, какъ сумасшедшему!—съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Шакловитый. Приверженцы Софіи пытались выказывать презрѣніе и совершенное равнодушіе къ отъѣзду Петра изъ Преображенскаго. Но Москва глухо волновалась; невольный страхъ, при видѣ начинавшейся междоусобной борьбы, наполнялъ сердца ужасомъ.

Для злоумышленниковъ Петръ, за крѣпкими стѣнами Лавры, окруженный вѣрнымъ войскомъ, былъ страшенъ: онъ самъ чувствовалъ силу свою и началъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

На другой день по пріѣздѣ въ Лавру, Петръ послалъ одного изъ своихъ вельможъ въ Москву спросить у сестры и у брата, что значитъ большое скопленіе вооруженной силы въ Кремлѣ ночью на 8 августа. Посланному отвѣчали, что собраны были стрѣльцы, какъ охранное войско для царевны, имѣвшей намѣреніе идти ночью въ Донской монастырь молиться.

Приближенные царевны видѣли, что вражда между нею и братомъ со дня на день принимаетъ болѣе грозный характеръ; люди дальновидные понимали, что царевнѣ не устоять въ этой борьбѣ противъ дѣятельнаго, сильнаго характеромъ и умомъ молодого царя, и потому многіе начали думать о своей безопасности. Между ними стрѣлецкій полковникъ Цыклеръ первый подалъ примѣръ; онъ тайно просилъ царя вытребовать его къ Троицѣ, говоря, что явно опасается Шакловитаго, потому и придти не можетъ. Царь Петръ послалъ въ Москву просить царя Іоанна и царевну Софію выслать къ нему въ Троицкій монастырь полковника Цыклера съ пятьюдесятью стрѣльцами. Долго продолжались переговоры, еще



ВЫХОДЪ ЦАРЯ ПЕТРА КЪ СТРѢЛЬЦАМЪ ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

долѣе колебалась царевна, опасаясь, какъ-бы не было худо вѣрному и преданному ей человѣку, но, наконецъ, отпустила Цыклера. Вслѣдъ за нимъ къ Троицѣ отправились преданные Петру стрѣльцы—Елизарьевъ, Ульяковъ, Турка, Капрановъ и Троицкій. Они передъ Петромъ бросились ницъ на землю и, нисколько не защищая себя, ясно и откровенно, со слезами и стонами разсказали, какъ сначала принимали участіе въ бунтѣ Шакловитаго, какъ потомъ одумались и, наконецъ, открыли шагъ за шагомъ весь заговоръ царевны и ея приближеннаго Шакловитаго; неуспѣхъ замысла царевны вѣнчаться на царство они объяснили тѣмъ, что стрѣльцы колебались и не рѣшались опять начать убійства и возмущенія.

Въ это время Софія, увидавъ, что дѣло принимаетъ дурной для нея оборотъ, послала боярина Троекурова съ порученіемъ примирить ее съ братомъ; но рѣчи боярина не произвели впечатлѣнія, и отвѣтомъ на нихъ было приказаніе, разосланное по всѣмъ стрѣлецкимъ и солдатскимъ полкамъ: «всѣмъ полковникамъ и урядникамъ, съ десятью выборными рядовыми отъ каждаго полка, явиться къ Троицкой Лаврѣ къ 18 августа, по важному государственному дѣлу»; о томъ же было дано знать Софіи и царю Іоанну Алексѣевичу.

Повинуясь уговору царевны, повѣривъ, что грамота, присланная отъ Петра, подложная, стрѣльцы не сразу повиновались Петру. Но августа 21 пришла отъ царя Петра новая грамота, и копіи съ нея были розданы

прямо въ полки, а не такъ, какъ въ первый разъ, черезъ стрѣлецкій приказъ; опять повторялось приказаніе: «выборнымъ отъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ явиться къ Троицѣ; въ случаѣ ослушанія, виновные подвергались смертной казни». Такое грозное повелѣніе встревожило стрѣльцовъ; они тотчасъ снарядились въ путь, какъ приказано было: пошло пять полковниковъ и 500 урядниковъ, со множествомъ рядовыхъ.

Петръ приказалъ ихъ впустить въ монастырь; вмѣстѣ съ матерью и патріархомъ, присланнымъ къ Петру Софіей, въ надеждѣ, что патріарху удастся примирить ее съ братомъ,—вышелъ Петръ къ стрѣльцамъ на встрѣчу на нижнюю ступень крыльца, громко объявилъ о зломъ умыслѣ Шакловитаго и приказалъ дьяку прочесть выписку съ допроса, снятаго съ пришедшихъ до того времени стрѣльцовъ. Послѣ чтенія выписки изъ допроса, патріархъ усовѣщевалъ стрѣльцовъ повиниться и откровенно признаться во всемъ, что имъ извѣстно, грозя, въ случаѣ несправедливаго показанія, лишить ихъ архипастырскаго благословенія. Стрѣльцы пали ницъ и завопили, что они ничего о Ѳедькиномъ зломъ умыслѣ не знаютъ, что они всегда готовы служить вѣрно своимъ государямъ, какъ служили прежде ихъ великимъ предкамъ; пусть только царь Петръ укажетъ воровъ-измѣнниковъ, они за нихъ не постоятъ и всегда готовы ихъ изловить. Но между пришедшими были и такіе, которые не ограничились общими обѣщаніями служить вѣрно, а подтвердили еще разъ все то, что прежде было извѣстно о замыслахъ Софіи, и стрѣлецъ Шошинъ добровольно признался, какъ, по приказанію Шакловитаго, онъ скакалъ ночью по Москвѣ и, выдавая себя за Льва Нарышкина, съ товарищами мучилъ и билъ стрѣлецкіе караулы, чтобы раздражить стрѣлецкіе полки и заставить ихъ мстить Нарышкинымъ и Петру.

Признаніе Шошина и другихъ стрѣльцовъ до того воспламенило всѣ стрѣлецкіе полки, что они готовы были тотчасъ идти на Москву и истребить приверженцевъ Софіи; но Петръ не хотѣлъ кровопролитія, и потому отправилъ только въ Москву по 10 человѣкъ отъ каждаго полка съ полковникомъ Нечаевымъ; онъ далъ имъ приказаніе арестовать Шакловитаго и далъ имъ грамоту, въ которой изложены были вины Шакловитаго, съ приказаніемъ предъявить ее въ стрѣлецкій приказъ и требовать содѣйствія всѣхъ, оставшихся въ Москвѣ, стрѣльцовъ.

Софіи между тѣмъ каждый день доносили о боярахъ, покинувшихъ Москву, о томъ, что всѣ полковники и урядники ушли; она видѣла, что всѣ ее покидаютъ, рѣшилась еще разъ попытаться примириться съ братомъ и сама поѣхала къ Троицѣ. Но въ селѣ Воздвиженскомъ, въ томъ самомъ, въ которомъ она за семь лѣтъ тому назадъ казнила Хованскаго, ее встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ и отъ имени Петра объявилъ ей,



СТРѢЛЬЦЫ КЛЯНУТСЯ ЦАРЕВНѢ СОФІИ ВЪ ВѢРНОСТИ.

(Картина И. Е. Рѣпина).

чтобы она въ монастырь не ходила. Софія вспыхнула и запальчиво воскликнула:

— Никто мнѣ не указъ, я все-таки пойду!

Но скоро изъ Лавры явился второй царскій посланный, князь Троекуровъ съ объявленіемъ: «Ежели она пойдетъ, то съ нею нечестно будетъ поступлено!»

Софія, раздраженная выше всякой мѣры, съ сердцемъ, полнымъ мести, возвратилась въ Москву; призвала къ себѣ самыхъ вѣрныхъ, старыхъ стрѣльцовъ, ночью вышла къ нимъ и горько жаловалась на нанесенное ей оскорбленіе.

— Чуть меня въ Воздвиженскомъ не застрѣлили, на меня наскакали люди съ самопалами и луками; я насилу ушла отъ нихъ. Нарышкины и Лопухины хотятъ извести царя Іоанна и до моей головы добираются. Служите намъ, а къ Троицѣ не уходите. Я вамъ вѣрю, вы насъ не выдадите? Кому-же и вѣрить, ежели не вамъ, старымъ! Но, пожалуй, и вы насъ покинете! Цѣлуйте крестъ, что вы насъ не оставите!

«Верховая дѣвица» изъ комнатъ вынесла крестъ, и сама царевна приводила стрѣльцовъ къ присягѣ. Стрѣльцы клялись въ вѣрности, но это не помѣшало имъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Наступило 1 сентября, день новаго года. Этотъ день былъ грустенъ для царевны и ея приверженцевъ; изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ Нечаевъ съ стрѣльцами. У Краснаго крыльца онъ отдалъ грамоту стрѣлецкому дьяку. Въ грамотѣ высчитывались вины Шакловитаго; въ ней Петръ требовалъ выдачи его, Медвѣдева и другихъ сообщниковъ ихъ. Дьякъ понесъ грамоту къ царевнѣ; но пріѣхавшіе съ Нечаевымъ стрѣльцы уже успѣли прочесть копіи съ грамоты въ стрѣлецкихъ слободахъ и тѣмъ произвели сильное волненіе. Полки громко говорили:

— Воля великихъ государей; ихъ дѣло знать, кто правъ, кто виноватъ, а мы за воровъ не стоимъ, и ежели сыщемъ ихъ, то исполнимъ по указу!

Царевна прочитала грамоту и велѣла Нечаева позвать на верхъ; она была очень сердита и лишь только увидѣла его, закричала:

— Какъ смѣлъ ты взять на себя такое порученіе?

Я не смѣлъ ослушаться воли государя; онъ мнѣ велѣлъ отвезти грамоту, и я исполнилъ приказаніе!

Царевна еще болѣе осердилась; взглядъ ея грозно сверкнулъ и, обращаясь къ окружающимъ, она сказала:

— Взять его и тотчасъ отрубить голову этому дерзкому!

Нечаева вывели, но не нашлось палача; или вѣрнѣе, палача не отыскивали; никто изъ стрѣльцовъ не захотѣлъ быть палачомъ; такимъ об-

разомъ Нечаевъ остался живъ, потому что потомъ царевнѣ не до того было, чтобы возобновить повелѣніе о его казни.

Сообщники Шакловитаго бѣжали; Сильвестръ Медвѣдевъ съ Гладкимъ, Стрижевымъ и Кондратьевымъ нѣсколько времени скрывались подъ Москвою, на боровской дорогѣ у одного разстриженнаго попа; но потомъ одни отправились дальше къ Смоленску, надѣясь добраться до Польши, другіе спрятались въ самой Москвѣ.



ЦАРЕВНА СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА.
(Съ современной гравюры Блотелинга).

Хотѣлъ бѣжать и самъ Шакловитый; онъ послалъ подъячаго стрѣлецкаго приказа, своего двоюроднаго брата, поискать нельзя-ли гдѣ-нибудь въ лѣсу близъ Москвы въ имѣніи Ляпина построить избу и спрятаться въ ней, пока за него упросятъ государей. Уже сдѣлали всѣ нужныя приготовленія къ бѣгству; но Шакловитый побоялся ѣхать верхомъ, опасаясь, что стрѣльцы, бродившіе по Кремлю и по городу схватятъ его; поэтому онъ и остался въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ прятался. Князь Голицынъ упалъ духомъ и выѣхалъ въ свой загородный домъ.

Царевна Софія одна не теряла присутствія духа; она вышла съ оправдательною рѣчью къ народу и стрѣльцамъ, пріѣхавшимъ изъ Троицкаго монастыря, и приказала Шакловитому написать ко всѣмъ чинамъ московскаго государства сказку для оправданія царевны Софіи и для обвиненія противной стороны. Послѣ предисловія Шакловитый изложилъ въ своей грамотѣ, какъ Софія, по неотступнымъ просьбамъ царей и всего русскаго народа, приняла на себя трудную обязанность правительницы и сколько добра она сдѣлала, и какъ теперь за все это Нарышкины и

потѣшные конюхи обижаютъ ее и брата ея Ивана Алексѣевича, какъ она о томъ подавала челобитную царю Петру, а отъ него нѣтъ никакого отвѣта, только комнату царя Ивана забросали полѣньями, а вѣнецъ его изломали.

Между тѣмъ въ Троицкомъ монастырѣ Петръ тревожился объ участи Нечаева; отъ него не было никакихъ извѣстій; тогда Петръ на помощь ему послалъ еще двухъ полковниковъ, одного за другимъ, съ грамотою къ царю Іоанну Алексѣевичу, требуя выдачи Шакловитаго и всѣхъ его сообщниковъ; чтобы яснѣе изложить вины его, послалъ окольничаго Матюшкина съ копіей со всѣхъ показаній стрѣльцовъ. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что Шакловитаго и его сообщниковъ готовъ выдать, но сперва находитъ нужнымъ самому со всѣмъ дворомъ побывать у Троицы и лично обо всемъ переговорить съ Петромъ.

Стрѣльцы роптали на нерѣшительность Софіи и на ея укрывательство.

Въ Нѣмецкой слободѣ шли толки о томъ, что сторона Петра возьметъ верхъ, и потому не лучше-ли примкнуть къ нему; иностранецъ, генералъ Гордонъ отправился къ Голицыну за совѣтомъ. Положено было прочитать грамоту, присланную уже за недѣлю передъ тѣмъ; собрали военный совѣтъ изъ всѣхъ полковниковъ и офицеровъ иностраннаго войска, вскрыли пакетъ и прочитали грозный призывъ Петра въ Троицкій монастырь. Голицынъ совѣтовалъ подождать, что скажетъ царевна, и отправился къ ней за приказаніемъ; она по обыкновенію строго запретила трогаться иноземнымъ полкамъ изъ Москвы: но Гордонъ и прочіе начальники боялись, какъ бы не упустить времени и какъ бы черезъ то не потерять головы; послѣ долгаго совѣщанія между собою, положено было ночью тайно выѣхать изъ слободы и отправиться въ монастырь. Такъ и сдѣлали; полки ѣхали всю ночь и къ полудню были уже у Троицы. Петръ ласково встрѣтилъ Гордона и Голицына, допустилъ ихъ къ своей рукѣ, спрашивалъ о здоровьѣ, благодарилъ за пріѣздъ и изъ собственныхъ рукъ далъ имъ по чаркѣ вина.

Такимъ образомъ сила Петра ежедневно возрастала; въ Лаврѣ собрались всѣ стрѣлецкіе начальники и иноземныя войска; въ Москвѣ оставались только рядовые стрѣльцы, да и тѣ были расположены къ Петру; они отыскивали заговорщиковъ, ловили ихъ и приводили въ Лавру.

Тутъ разнеслась вѣсть, что примиренія между Петромъ и царевной быть не можетъ, что царевна вовсе не поѣдетъ въ Преображенское, потому что Петръ не допуститъ ея къ себѣ на глаза. Стрѣльцы заволновались; огромною толпою собрались они въ Кремль и громко и настойчиво требовали выдачи Шакловитаго, чтобы отвести его въ Лавру. Со-

фія вышла къ нимъ и рѣзко объявила, что она Шакловитаго не выдастъ, а имъ приказывала идти по домамъ и въ царскія дѣла и ссоры не вмѣшиваться. Въ толпѣ, въ отвѣтъ на слова царевны, послышались грозные крики о набатѣ и кровопролитіяхъ; требованія стрѣльцовъ становились неотступнѣе; грозные крики сливались въ одинъ гулъ; звѣрскія лица сверкали гнѣвомъ; видно было, что эта толпа не уступитъ, и ежели ей не выдадутъ Шакловитаго, то она сама возьметъ его оружіемъ.

Бояре и приближенные Софіи испугались и уговаривали ее выдать Шакловитаго; въ ихъ воображеніи повторились картины страшныхъ убійствъ перваго стрѣлецкаго бунта,—и какъ тогда уговаривали царицу Наталью Кирилловну, для общаго спасенія, пожертвовать невиннымъ братомъ, такъ теперь уговаривали Софію выдать виновнаго Шакловитаго. Софія, наконецъ, сама убѣдилась въ необходимости уступить стрѣльцамъ и выдала имъ Шакловитаго; но Медвѣдева не нашли, онъ успѣлъ бѣжать. Шакловитаго повезли къ Троицѣ; вслѣдъ за нимъ изъ Москвы удалились послѣдніе бояре къ Петру; остался одинъ только князь Голицынъ въ своемъ загородномъ домѣ.

На допросѣ Шакловитый, привезенный къ Троицѣ, ни въ чемъ не признался; говорилъ, что никакого бунта не затѣвалъ, никакого злого умысла на царское здоровье не имѣлъ, а стрѣльцовъ собиралъ только для того, чтобы охранять царя и царевну отъ нечаяннаго нападенія Потѣшныхъ, что наряжалъ стрѣльцовъ въ Кремль для того только, чтобы сопровождать царевну, когда она пойдетъ въ Донской монастырь на богомолье: умысла-же съ стрѣльцами напасть на Преображенское у него никогда не бывало, и на жизнь Петра и Натальи Кирилловны у него и въ умѣ не было покушаться.

Но когда его подвергли пыткѣ, онъ во всемъ сознался, отрицая только умыселъ на жизнь Петра. Все признаніе Шакловитый собственноручно написалъ на восьми съ лишкомъ листахъ бумаги и кончилъ далеко за полночь. Князь Борисъ Голицынъ взялъ листы и понесъ къ себѣ съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ царю на другой день: но недоброжелатели его, т.-е. Нарышкинъ съ товарищами, предположили, что въ показаніяхъ Шакловитаго есть обличеніе князя Василія Голицына, дяди Бориса, и чтобы спасти его, онъ ночью вырѣжетъ или передѣлаетъ исповѣдь Шакловитаго. Нарышкинъ тотчасъ донесъ объ этомъ предположеніи Петру; онъ ночью потребовалъ Бориса Голицына къ себѣ и встрѣтилъ его грознымъ вопросомъ:

— Зачѣмъ ты не тотчасъ-же подалъ мнѣ признаніе Шакловитаго?

Голицынъ отвѣтилъ, что было уже очень поздно, и онъ до слѣдующаго утра хотѣлъ бумаги оставить у себя. Петръ ничего не отвѣчалъ на это

и принялъ оправданіе, но царица Наталья Кирилловна и Нарышкины съ этого времени не довѣряли Голицыну и косились на него.

Какъ-бы то ни было, но вслѣдъ за прочтеніемъ исповѣди Шакловитаго, князю Василію Васильевичу Голицыну былъ объявленъ приговоръ; у него отнято было все имѣніе въ казну, онъ лишился званія окольничаго и его вмѣстѣ съ сыномъ отправили на житье сначала въ Пустозерскъ, потомъ въ Колу.

Шакловитаго съ главными его сообщниками осудили на смерть. Петръ долго не соглашался подписать ихъ смертный приговоръ; самъ патріархъ принужденъ былъ уговаривать его и доказывать, что такой примѣръ необходимъ.

Сентября 11 казнили Шакловитаго и двухъ сообщниковъ его Петрова и Чермнаго; пятисотеннаго Муромцева, полковника Рязанцева и стрѣльца Лаврентьева били кнутомъ, отрѣзали имъ языки и сослали въ Сибирь.

Попался наконецъ и третій близкій къ царевнѣ человѣкъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, который было бѣжалъ къ западнымъ границамъ, къ Польшѣ. Его обвиняли въ соучастіи съ Шакловитымъ и въ томъ, что онъ занимался астрологіей, волхвованіемъ, предсказывалъ погибель царя Петра и старался погубить патріарха, чтобы самому сѣсть на его мѣсто. Медвѣдевъ ни въ чемъ не сознавался и даже послѣ пытки только сознался въ одномъ изъ своихъ предсказаній; онъ говорилъ стрѣльцамъ, когда уже царевна Софія теряла свою власть: «Не бойтесь, хотя сторона царя Петра теперь перевѣшиваетъ, но ея не станетъ; удача Петра много что продлится дней десять, а потомъ опять царевна возьметъ силу и ея сторона перетянетъ». Еще признался, что про патріарха говорилъ: «Онъ ничему не учился и рѣчей богословскихъ не знаетъ»; признался, что подъ портретомъ царевны написалъ полный царскій титулъ и называлъ ее вседержавнѣйшей самодержицей и написалъ въ честь ея похвальные стихи. Больше ни въ чемъ не признавался.

Медвѣдева разстригли, еще разъ пытали и казнили.

Такимъ образомъ весь заговоръ былъ открытъ, и всѣ виновные подверглись наказанію; оставалась главная виновница смутъ—царевна Софія; но это была сестра, и Петръ щадилъ ее, онъ только хотѣлъ вырвать изъ ея рукъ захваченную власть и лишить ее возможности вредить себѣ. Онъ написалъ письмо къ старшему брату своему, царю Іоанну Алексѣевичу: «Братецъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ съ супругою и младенцемъ, здравствуйте! Милостію Божію намъ обоимъ врученъ скипетръ правленія прародительскаго нашего Русскаго царства, какъ это извѣстно всѣмъ нашимъ братьямъ, окрестнымъ государямъ, но о томъ, чтобы третье



ПОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ МОСКВѢ.
(Съ фотографіи).

лицо соцарствовало съ нами на равныхъ правахъ, объ этомъ нигдѣ ни слова не говорится. Но сестра наша, Софья Алексѣевна, самовольно начала управлять царствомъ нашимъ; это для насъ непріятно, а для народа тяжело, это и тебѣ, государь, столько-же извѣстно, какъ мнѣ. Нынѣ-же злодѣи наши, Өедька Шакловитый съ своими товарищами, забыли клятву, намъ данную, замышляли убить насъ съ матерью и мутить царствомъ; во всемъ эти злодѣи сознались на допросахъ и въ пыткѣ. Теперь, государь-братецъ, настало время намъ обоимъ править царствомъ, самимъ Богомъ намъ врученное, потому что мы уже возмужали и нѣтъ надобности третьему лицу, нашей сестрѣ, писаться наравнѣ съ нашими двумя мужскими именами и равняться въ титлахъ и въ государственныя дѣла вступать наравнѣ съ нами. Я прошу тебя, брата моего, согласиться со мною, чтобы устранить ее отъ дѣлъ, потому что она безъ нашего согласія писалась наравнѣ съ нами и распоряжалась самовластно, и къ нашей обидѣ хотѣла вѣнчаться нашимъ прародительскимъ вѣнцомъ. Намъ стыдно, что третье лицо, помимо насъ, управляетъ царствомъ, когда мы сами уже достигли совершеннолѣтія. Тебя-же, брата, прошу, дай мнѣ свое отеческое позволеніе, для блага народа и спокойствія его, перемѣнить судей, отдать приказы людямъ правдивымъ, чтобы государство успокоить и тебя обрадовать. Когда-же, братецъ, мы съ тобою будемъ вмѣстѣ, тогда обо всемъ съ тобою переговоримъ и все рѣшимъ; я-же тебя, государя-брата, всегда какъ отца почитать буду. О всемъ остальномъ передастъ тебѣ на словахъ вѣрный бояринъ нашъ, князь Прозоровскій. Прошу у тебя отвѣта на это письмо и на мои словесные вопросы.—Писано печальнымъ братомъ вашимъ, царемъ Петромъ; желаю вамъ здоровья и бью челомъ!»

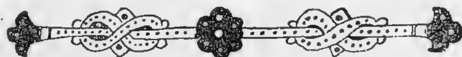
Іоаннъ во всемъ согласился съ братомъ и предоставилъ ему право вполнѣ распоряжаться, какъ почитаетъ за лучшее. Петръ издалъ указъ объ исключеніи имени царевны изъ всѣхъ актовъ, въ которыхъ оно употреблялось вмѣстѣ съ именами обоихъ царей. Въ Москву онъ отправилъ боярина Троекурова съ приказаніемъ Софьѣ удалиться въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ ей назначалось жить безвыходно. Царь Іоаннъ не противорѣчилъ брату и подтвердилъ указъ. Послѣ долгаго сопротивленія царевна переселилась въ монастырь. Для нея были отдѣланы и отлично убраны нѣсколько комнатъ, окнами на Дѣвичье поле; у нея было много прислуги и всѣ удобства жизни, необходимыя для особы, привыкшей къ роскоши. Она ни въ чемъ не нуждалась, только ей не позволено было выѣзжать за монастырскую ограду, ни съ кѣмъ посторроннимъ не видаться и не разговаривать; только по большимъ праздникамъ ей позволено было видаться съ тетками и сестрами.

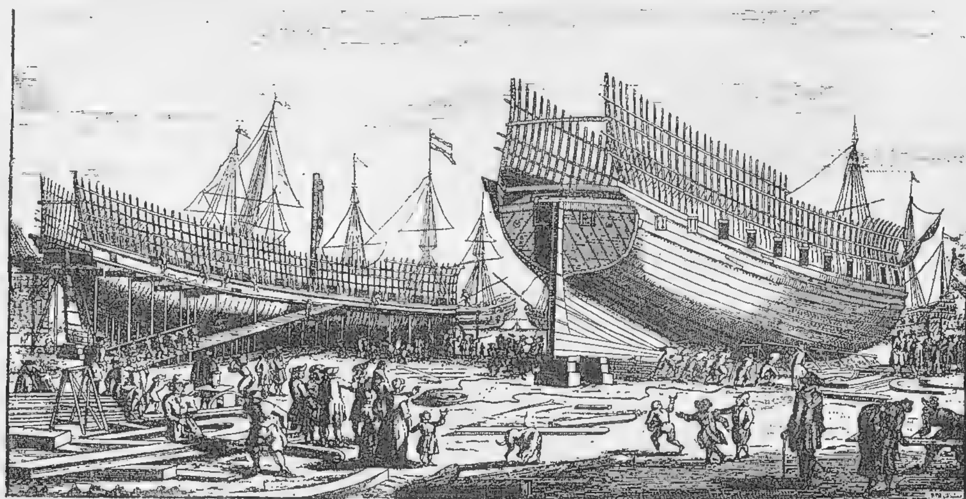
Такъ окончились домогательства властолюбивой Софіи; главныя ея орудія погибли, но съ ихъ смертью государство еще не успокоилось: пытки, доносы и казни, все по тому-же дѣлу, продолжались. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ по прежнему оставался царемъ по имени; онъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ занималъ первое мѣсто, но вся власть перешла



ЦАРЕВНА СОФІЯ ВЪ МОНАСТЫРѢ.
(Картина И. Е. Рѣпина).

къ его младшему брату—Петру. Но семнадцатилѣтній юноша не способенъ былъ управлять государствомъ, онъ еще доучивался способомъ, имъ самимъ избраннымъ; онъ военному искусству учился въ полѣ, вмѣстѣ съ своими Потѣшными; строилъ опять укрѣпленія, велъ правильныя атаки на нихъ, бралъ приступомъ, давалъ примѣрныя сраженія и постоянно на себя бралъ самую трудную и самую опасную роль.





ПОСТРОЙКА КОРАБЛЕЙ.
(Гравюра временъ Петра Великаго).

ГЛАВА VIII.

Новые министры Петра.—Лефортъ.—Забавы и пиры.—Характеръ Петра.—Потѣшные.—Сухопутные и морскіе походы.—Постройка кораблей въ Архангельскѣ.—Плаваніе по Бѣлому морю и опасность отъ бури.

После паденія Софіи, естественнымъ образомъ пали не только самые приближенные къ ней, но и всѣ, сколько-нибудь преданные ей бояре; Петръ замѣнилъ ихъ своими, болѣе или менѣе ему извѣстными лицами; въ это время возвысились Нарышкинъ, Борисъ Голицынъ, Лопухины, Долгорукіе, Ромодановскій и т. д.

Управленіе государствомъ Петръ въ это время предоставилъ своимъ министрамъ, ежели такъ можно назвать ихъ: ближнимъ боярамъ Льву Нарышкину и Борису Голицыну; самъ же всею душою предался своимъ любимымъ занятіямъ и все время проводилъ въ обществѣ Лефорта, котораго можно назвать любимцемъ Петра. Это былъ человѣкъ свѣтскій, съ хорошими манерами, необыкновенно живой, ловкій, веселый, откровенный, симпатичный; собою былъ онъ очень хорошъ; въ обществѣ умѣлъ всѣхъ оживить и развеселить; никто лучше него не умѣлъ устроить праздника или пиршества. Онъ не получилъ серьезнаго образованія, не зналъ ни одной науки основательно, ничему не могъ научить Петра, но обо всемъ имѣлъ понятіе и могъ увлекать разговоромъ. Онъ по развитію далеко стоялъ выше русскихъ и страстно любилъ нравы и обычаи цивилизованныхъ европейскихъ городовъ; онъ находилъ огромную разницу между ними и русскими городами, сравнивалъ ихъ, показывалъ не-



ФРАНЦЪ ЛЕФОРТЪ.

(Съ голландской гравюры 1698 г.)

достатки русскаго общества и черезъ эти сравненія пробудилъ въ Петрѣ недовольство всѣмъ окружающимъ и стремленіе къ улучшенію и къ иностраннымъ нравамъ. Петръ вмѣстѣ съ Лефортомъ бывалъ въ Нѣмецкой слободѣ, приглядывался къ жизни иностранцевъ, полюбилъ ихъ веселые пиры, сошелся съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ съ Карштенъ-Брантомъ на работахъ, и сердечно полюбилъ иноземцевъ; все у нихъ казалось ему лучше чѣмъ у русскихъ, начиная отъ костюма до языка, и самъ Петръ началъ учиться голландскому языку.

Во всѣхъ удовольствіяхъ Лефортъ былъ добрымъ товарищемъ Петру; вмѣстѣ они устраивали для забавы большія примѣрныя сраженія. Петръ съ жаромъ изучалъ все относящееся къ военному дѣлу и лично зналъ все, что долженъ знать солдатъ, матросъ, корабельный плотникъ, токарь, артиллеристъ, бомбардиръ, піонеръ, инженеръ, офицеръ и командующій войсками. Высшимъ частямъ военныхъ наукъ теоретически онъ учился у кого могъ, а практически узнавалъ на самомъ дѣлѣ. Никто лучше его не владѣлъ ружьемъ и топоромъ; изъ кости и изъ дерева онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ точилъ самыя тонкія вещи; онъ правилъ рулемъ и парусами, какъ самый опытный боцманъ; мѣтко бросалъ гранаты, наводилъ орудія, не ограничивался тѣмъ, что всѣмъ было извѣстно, придумывалъ разные огненные снаряды, устраивалъ понтоны, закладывалъ мины, взрывалъ на воздухъ нарочно для того построенныя укрѣпленія.

Дѣятельность Петра была изумительная; онъ не терялъ понапрасну ни одной минуты и часто, какъ самъ говорилъ, «ѣлъ хлѣбъ свой въ потѣ лица»! Но приходили такіе дни, когда Петръ среди всѣхъ своихъ занятій съ товарищами предавался шумному веселью. Тогда онъ обыкновенно зазывалъ всѣхъ не къ себѣ, а къ Лефорту, и тутъ они пировали. Впослѣдствіи, чтобы у Лефорта было больше мѣста для пріема гостей, онъ для него выстроилъ большія палаты на берегу Яузы; иногда всѣ гости собирались къ Льву Нарышкину, къ князю Борису Голицыну, къ Шереметьеву и къ генералу Гордону; во всѣхъ этихъ мѣстахъ веселились далеко за полночь; музыка гремѣла, танцующіе мелькали передъ окнами; иногда зажигали фейерверкъ, передъ домомъ гремѣли выстрѣлы изъ орудій, въ знакъ царскаго веселья, и грозному голосу пушекъ вторили взрывы хохота въ палатахъ.

Предсѣдателемъ въ этихъ пирахъ обыкновенно бывалъ думный дьякъ Зотовъ, прежній учитель Петра, въ шутку имъ прозванный князь-папою, патріархомъ Пресбургскимъ. Его обязанность состояла въ томъ, чтобы налитые кубки были выпиты, и примѣромъ своимъ онъ долженъ былъ поощрять собесѣдниковъ царя къ веселости. На этихъ пирушкахъ

многіе пили выше мѣры, такъ что теряли разсудокъ и не могли отоспаться дня по два; одинъ только Петръ, на пиру не отстававшій отъ остальныхъ, на другое утро, съ восходомъ солнца, опять принимался за работу.

Во время пировъ веселѣе всѣхъ бывалъ Петръ; онъ шутками и веселыми, забавными выдумками развлекалъ все общество; при этомъ онъ былъ такъ простъ, такъ ласковъ, что заставлялъ забывать разстояніе, существующее между царемъ и подданнымъ; выносилъ противорѣчія и, пока они оставались шутливы, никогда не сердился; но ежели споръ принималъ серьезный характеръ и противникъ упрямо держался своего мнѣнія, или выказывалась грубая лесть, Петръ выходилъ изъ себя. Особенно не терпѣлъ онъ, если хвалили невѣжество, или заступались за него, бранили науки и искусства, или нападали на его друзей; очень часто необдуманное, или съ намѣреніемъ сказанное во время пира слово приводило его въ такой гнѣвъ, что жилы надувались у него на лбу, глаза грозно сверкали, онъ дрожалъ: тогда всѣ пирующіе умолкали и съ трепетомъ ждали бѣды. Въ такихъ случаяхъ одинъ только Лефортъ не терялъ присутствія духа; онъ одинъ умѣлъ успокоить царя. Мрачное лицо Петра мало-по-малу прояснялось, гроза удалялась, и круговая чаша опять ходила изъ рукъ въ руки, опять слышались разговоры, смѣхъ—и громъ орудій по прежнему раздавался подъ окнами пирующихъ.

Особенно весело Петръ проводилъ святки и масленицу. На святкахъ онъ собиралъ своихъ приближенныхъ человѣкъ 80, и подъ именемъ славельщиковъ ходилъ по боярскимъ домамъ, бывалъ у генераловъ, купцовъ, славилъ Христа, пѣлъ, шутилъ, принималъ подарки и веселился по нѣскольку дней сряду. На масленицѣ ѣздилъ къ боярамъ и другимъ на блины, собственноручно дѣлалъ фейерверкъ и самъ пускалъ его. Первый фейерверкъ былъ сожженъ на рѣчкѣ Прѣснѣ въ 1690 году, въ среду на масленицѣ, въ присутствіи царицъ, царевенъ и всего двора; во время фейерверка пушечная пальба не умолкала, народъ съ криками восторга привѣтствовалъ ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, разноцвѣтные огни и замысловатыя огненныя картины, придуманныя самимъ Петромъ. Съ тѣхъ поръ каждый годъ на масленицѣ бывалъ фейерверкъ; именины царицы Натальи Кирилловны также постоянно оканчивались фейерверкомъ, не всегда искусно приготовленнымъ и потому нерѣдко причинявшимъ присутствовавшимъ ожоги и увѣчья.

Военныя потѣхи и примѣрныя битвы съ 1690 года принимали все большіе размѣры. Весною, когда вскрылась Москва-рѣка, Петръ снарядилъ на рѣкѣ флотилію изъ мелкихъ гребныхъ судовъ и посреди нихъ—ботъ, оснащенный Карштенъ-Брантомъ. Впереди въ лодкахъ на веслахъ

плыли стрѣльцы, за ними на парусахъ шелъ ботъ царя, а за царемъ, въ гребныхъ судахъ, плыли бояре, царедворцы и иностранцы. Въ одинъ день они проплыли болѣе 20 верстъ, ночевали близъ Угрѣшскаго монастыря, на другой день еще продолжали плаваніе и черезъ пять дней возвратились въ Москву; цѣлью этого плаванія было ознакомить стрѣльцовъ и прочихъ по командѣ быстро садиться въ лодки, выскакивать изъ нихъ и строиться.

По возвращеніи въ Преображенское, Петръ занялся обмундированіемъ стрѣлецкихъ полковъ на иностранный ладъ въ нѣмецкое платье; онъ училъ ихъ новымъ пріемамъ, училъ рейтарскіе полки и приготовлялъ войско къ маневрамъ и примѣрнымъ битвамъ, назначеннымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Предположено было взять приступомъ Семеновскій дворъ, который защищали потѣшные. Битва была жаркая, пороху жгли много; съ обѣихъ сторонъ кидали ручныя гранаты и горшки, начиненные горючимъ составомъ. При употребленіи гранатъ и горшковъ не могло обойтися безъ несчастій, и не только солдаты были ранены, но даже самъ царь подвергался опасности; онъ, по обыкновенію, не отставалъ, а былъ всегда впереди, въ первыхъ рядахъ; одинъ горшокъ съ горючимъ составомъ лопнулъ подлѣ него, опалилъ ему лицо, ранилъ его и многихъ офицеровъ, бывшихъ подлѣ него. Вѣроятно раны Петра были довольно значительны, потому что маневры прекратились и возобновились только послѣ трехъ мѣсяцевъ. Потѣшные очень запальчиво сражались съ стрѣльцами, и дѣло часто доходило до рукопашной схватки, отъ которой бывало много раненыхъ и случались убитые. Такъ въ одномъ примѣрномъ сраженіи Гордону нечаянно прострѣлили ногу выше колѣна, а лицо такъ обожгло, что онъ пролежалъ нѣсколько времени, а черезъ два года спустя, въ такой-же потѣшной битвѣ, князь Долгорукій былъ такъ жестоко раненъ въ правую руку, что умеръ отъ раны на девятый день. Петръ горько сожалѣлъ о потерѣ одного изъ своихъ приближенныхъ и выразилъ это въ письмѣ своемъ къ Апраксину, котораго увѣдомлялъ объ этой потерѣ.

И зимою Петръ не оставался безъ дѣла; онъ въ 1691 году построилъ самъ, безъ посторонней помощи, яхту, въ которой свободно помѣщалось 30 человѣкъ, весною спустилъ ее въ воду и катался на ней по Москвѣ-рѣкѣ. Царь всю ее построилъ и оснастилъ самъ.

Къ осени назначены были опять маневры, 2-й Семеновскій походъ; на этотъ годъ армія Петра еще болѣе увеличилась, и вся она была одѣта и обучена по-европейски, по артикулу самимъ Петромъ написанному. Въ теченіе всего лѣта готовились къ маневрамъ, къ страшному бою, какъ говорится въ современныхъ запискахъ. Составлены были двѣ арміи;

одна подъ начальствомъ генералиссимуса Фридриха, т. е. князя Өедора Юрьевича Ромодановскаго; она состояла изъ солдатскихъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова, Бутырскаго и трехъ или четырехъ конныхъ полковъ рейтаръ и гусаръ; вторая армія состояла изъ стрѣльцовъ тоже съ рейтарами и гусарами и находилась подъ начальствомъ Бутурлина; первая армія называлась нашею, а вторая непріятельскою. Въ началѣ октября открылась война между обѣими арміями; Пресбургъ, земляное укрѣпленіе, построенное самимъ царемъ, подлѣ села Преображенскаго, назначено было столицею генералиссимуса Фридриха. Сюда собрались всѣ полки и отсюда начался походъ.

Современникъ Гордонъ описываетъ этотъ походъ, какъ настоящую войну, и, говоря о войскѣ генералиссимуса Фридриха, къ которому принадлежали онъ самъ и Лефортъ, выражается съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ о противномъ, и называетъ его нашимъ. Нападенія съ той и другой стороны были жаркія, наступали наши и одержали верхъ надъ лѣвымъ непріятельскимъ крыломъ, взяли нѣсколько знаменъ и отбили войско непріятельское, но за то нападеніе стрѣльцовъ на наше лѣвое крыло было еще удачнѣе; Лефортъ, командовавшій имъ, не могъ удержать натиска, смѣшался и навѣрное отступилъ-бы, ежели-бы царь не послалъ ему на помощь нѣсколько ротъ съ своего праваго крыла, и только такимъ способомъ заставилъ враговъ отступать.

Претерпѣвая неудачу во всѣхъ пунктахъ, Бутурлинъ вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ съ парламентерскимъ флагомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ отборныхъ ротъ конницы, шагомъ подъѣхалъ къ нашему войску, какъ-бы для переговоровъ, съ тайнымъ намѣреніемъ врасплохъ напасть на нашихъ, произвести безпорядокъ и, воспользовавшись имъ, окончить сраженіе въ свою пользу. Когда Бутурлинъ съ своею конницею подъѣхалъ совсѣмъ близко, тогда отбросилъ парламентерскій флагъ, и его рейтары кинулись впередъ, но дорого поплатился за свой умыселъ: ротмистръ Петръ Алексѣевъ кинулся между Бутурлинымъ и генералиссимусомъ, защитилъ его, а нападавшаго взялъ въ плѣнъ. Рейтары [1]), потерявъ военачальника, обратились въ бѣгство; за ними погнались противники, и они только съ трудомъ успѣли спрятаться въ обозѣ.

Наступилъ вечеръ; генералиссимусъ Фридрихъ повелъ свое войско на ночлегъ въ лагерь; рядомъ съ нимъ по лѣвую руку ѣхалъ плѣнный Бутурлинъ. Въ лагерѣ Фридрихъ собралъ къ своему шатру всѣхъ участвовавшихъ въ сраженіи офицеровъ и благодарилъ ихъ за храбрость; подали вина, всѣ выпили въ честь побѣды при громкихъ восклицаніяхъ и

---

[1]) Конное войско.

при громѣ пушекъ; послѣ того пили за здоровье ротмистра Петра Алексѣева и за здоровье побѣжденнаго Бутурлина.

Послѣ этого побѣжденный просилъ своего побѣдителя быть въ отношеніи его милосердымъ и отпустить его къ своему войску, обѣщаясь впередъ быть ему во всѣхъ отношеніяхъ другомъ, помогать ему въ войнѣ и быть другомъ его друзьямъ и недругомъ его врагамъ.

Генералиссимусъ согласился, по своему милосердію, самъ вывелъ его изъ лагеря, дружелюбно простился съ нимъ, подалъ ему руку и при троекратныхъ выстрѣлахъ поручилъ ротмистру Петру Алексѣеву проводить его до стана. Непріятельское войско встрѣтило своего полководца пушечною пальбою; Бутурлинъ подарилъ Петру Алексѣеву шпагу и съ почестями отпустилъ его домой.

Ночью подошло подкрѣпленіе къ Бутурлину; онъ утромъ снова вздумалъ попытать счастія, послалъ въ лагерь Фридриха сказать, что опять хочетъ битвы: «Забылъ онъ оказанную ему милость,—отвѣчалъ генералиссимусъ;—но я на это не обращаю вниманія и войско мое готово къ бою!» Конница немедленно выдвинулась впередъ и съ той и съ другой стороны. Сражались два дня, взяли нѣсколько знаменъ, загнали непріятеля въ лагерь, взяли въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ и лошадей; наконецъ 9 октября было рѣшительное сраженіе. Оно окончилось тѣмъ, что генералиссимусъ такъ сильно отбивался и нападалъ на войско Бутурлина, что оно обратилось въ бѣгство; наши горячо преслѣдовали его, отрѣзали ему путь къ лагерю, загнали конницу въ прудъ, затоптали и какъ-бы порубили пѣхоту, отняли всѣ пушки, всѣ знамена и всѣ повозки.

По окончаніи сраженія долго не могли найти ни одного изъ двухъ главнокомандующихъ; побѣдители проискали своего около трехъ часовъ; оказалось, что генералиссимусъ Фридрихъ, слѣдуя своей храбрости, съ небольшимъ отрядомъ ворвался въ непріятельскій лагерь, овладѣлъ имъ и дожидался своихъ у шатра непріятельскаго главнокомандующаго. Соперника его Бутурлина тоже нашли, но на полѣ битвы между тѣлами мнимоубитыхъ.

Побѣдители вошли въ непріятельскій лагерь и выстроились передъ шатромъ въ два ряда; съ правой стороны отъ шатра стояла конница, а по лѣвую сторону—пѣхота. Отбитое оружіе и знамена положили на землю, между рядами. Генералисимусъ пошелъ въ свой шатеръ по непріятельскимъ знаменамъ; въ шатрѣ онъ сѣлъ на свое мѣсто, похвалилъ свое войско за храбрость, велѣлъ привести плѣннаго главнокомандующаго и офицеровъ, велѣлъ имъ стать передъ собою на колѣни и сдѣлалъ имъ строгій выговоръ за то, что онъ не сдержалъ даннаго слова и вновь за-

тѣялъ борьбу. Плѣнные кланялись въ землю, признавали вину свою и просили прощенія.

По окончаніи этой церемоніи генералиссимусъ оставилъ непріятельскій лагерь и отправился въ свой. Когда онъ показался на порогѣ палатки Бутурлина, его привѣтствовали пушечнымъ залпомъ; когда онъ поставилъ ногу въ стремя, раздался второй залпъ; третій грянулъ тогда, когда шествіе тронулось. Передъ генералиссимусомъ по землѣ волокли отбитыя знамена; за нимъ вели плѣнныхъ; главнокомандующій ѣхалъ верхомъ, а остальные всѣ шли пѣшкомъ. Прибывъ такимъ образомъ въ



УПРАЖНЕНІЕ ПЕТРА СЪ ПОТѢШНЫМИ.

свой лагерь, генералиссимусъ приказалъ накрыть обѣденные столы и щедро угощалъ всѣхъ начальниковъ; рядовымъ было выдано вино; когда пили за одержанную побѣду, дали три залпа изъ всѣхъ орудій. Послѣ обѣда генералиссимусъ снова вышелъ къ войскамъ, благодарилъ ихъ и хвалилъ за выказанное мужество, обѣщался раздать большія награды и отпустилъ всѣхъ ратниковъ по домамъ, а самъ отправился въ свой столичный городъ Пресбургъ.

Долгорукій и много другихъ были ранены въ этотъ второй Семеновскій походъ; а Долгорукій, какъ уже сказано выше, умеръ отъ полученной раны. Такъ серьезно описываются маневры при Петрѣ.

Но примѣрныя сраженія не могли наполнить всѣхъ помысловъ Петра; онъ опять обратилъ свое вниманіе на кораблестроеніе. Вслѣдствіе

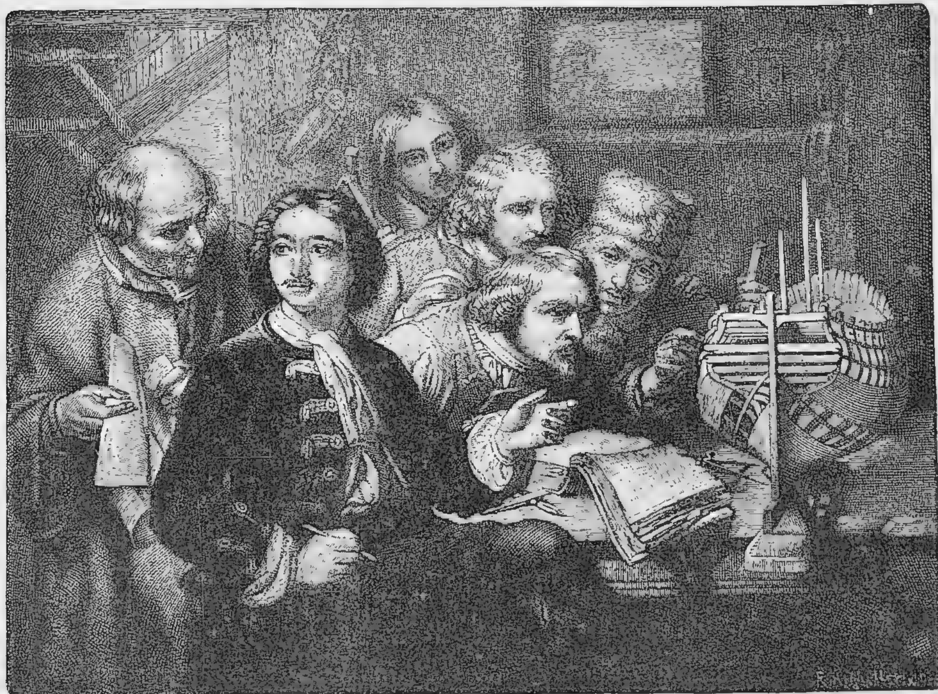
смутъ, въ послѣдніе два года, Петру невозможно было отлучаться на долгое время изъ Москвы, и это какъ-бы заставило его позабыть свою страсть къ водѣ; но онъ не забывалъ ея; свидѣтельствомъ тому служитъ собственноручно имъ построенная яхта и постоянная переписка съ Карштенъ-Брантомъ, который не переставалъ строить суда на Переяславскомъ озерѣ. Тамъ были окончены два небольшіе фрегата и три яхты. Для царскихъ пріѣздовъ, на южномъ берегу Переяславскаго, или Плещеева, озера были построены царскія хоромы—деревянный одноэтажный дворецъ съ окнами изъ слюды, расписанной разными изображеніями; для теплоты двери были обиты бѣлымъ войлокомъ; на крышѣ стоялъ двуглавый орелъ съ вызолоченной короной. Вправо отъ дворца находилась деревянная церковь, а влѣво, на мысу Гремячемъ, батарея. Прямо передъ дворцомъ, на озерѣ, саженяхъ во ста отъ берега, на сваяхъ построена была пристань. Лѣтомъ суда стояли у пристани; на зиму ихъ отводили въ Трубежъ къ мосту, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, что при корабляхъ. Тамъ они были безопасны отъ льдовъ.

Въ теченіе зимы 1691 года, Петръ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Переяславль; что онъ тамъ дѣлалъ, обнаружилось послѣ; онъ приготовлялъ лѣсъ и строилъ первый русскій корабль, который надѣялся окончить къ веснѣ 1692 года. Петръ взялъ съ собою своихъ 16 учениковъ, все по большей части солдатъ Преображенскаго полка, которыхъ самъ училъ корабельному искусству. Побывавъ въ Москвѣ для пріема персидскаго посла, Петръ приказалъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы перевести оттуда на Плещеево озеро всѣ шлюпки и баркасы, какіе можно было собрать въ Москвѣ. Царь затѣялъ, какъ можно торжественнѣе, отпраздновать спускъ новаго, перваго въ Россіи построеннаго корабля. Петръ пригласилъ всю свою избранную компанію на этотъ праздникъ въ Переяславль, и 1 мая 1692 года первый корабль, построенный по указанію и по рисункамъ Петра, частью его собственными руками, былъ спущенъ на озеро. Петръ съ величайшимъ удовольствіемъ показывалъ его своимъ приближеннымъ и разсматривалъ съ ними всѣ суда, прежде построенныя.

Въ концѣ іюля, къ величайшему удовольствію царя, пріѣхали царицы и царевны со всѣмъ своимъ дворомъ и прожили цѣлый мѣсяцъ въ Переяславлѣ. При нихъ было торжественное водоосвященіе, 1 августа, съ крестнымъ ходомъ, такъ, какъ это и до сихъ поръ тамъ дѣлается; всѣ находившіяся гребныя суда окружили самую большую изъ яхтъ; на нее взошло духовенство съ крестами, хоругвями, пѣвчими и самыми знатными посѣтителями; при колокольномъ звонѣ вся флотилія выплыла на самую середину озера и тутъ произошло торжественное водоосвященіе.



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ЭПОХУ ПОСЛѢ БРАКА СЪ ЕВДОКІЕЙ ѲЕОДОРОВНОЙ.
(Съ гравюры Смита, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Кнеллеромъ въ 1697 году).

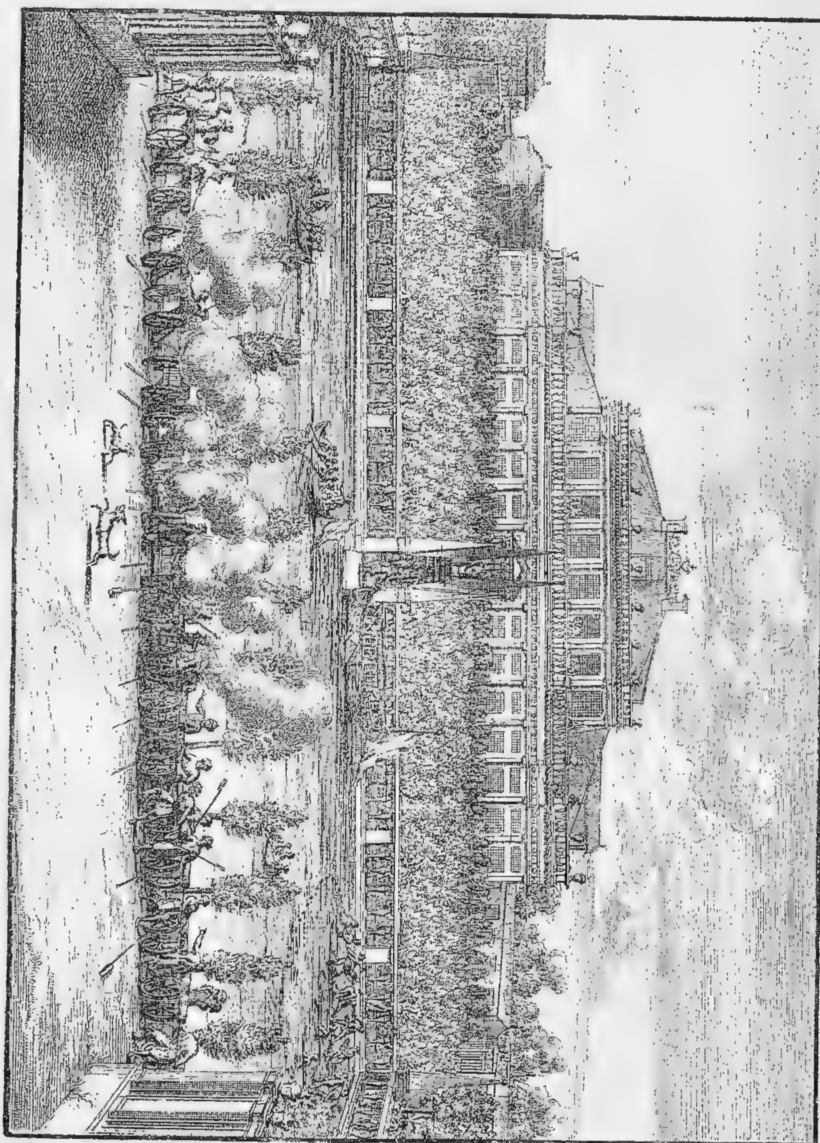


ПЕТРЪ ОБЪЯСНЯЕТЪ СВОИМЪ ТОВАРИЩАМЪ МОДЕЛЬ КОРАБЛЯ
(Съ гравюры Веннерга).

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, въ Переяславль пришли сухопутныя войска и начались маневры на водѣ и на сушѣ. Генералиссимусу Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому опять поручено было главное начальство, и къ прежнему титулу присоединенъ титулъ адмирала; всѣ военныя почести на водѣ и на сушѣ отдавались ему. Послѣ маневровъ начался нескончаемый рядъ веселыхъ пиршествъ. Царица Наталья Кирилловна была очень довольна своимъ путешествіемъ и вообще всѣмъ временемъ, проведеннымъ въ Переяславлѣ; она бы пробыла еще долѣе, если бы собственное нездоровье и желаніе видѣть своего внука, малютку Алексѣя Петровича, не привлекали ее въ Москву.

Вслѣдъ за матерью и Петръ возвратился въ Москву; его обезпокоила болѣзнь ея, но она вскорѣ выздоровѣла; тогда самъ царь опасно захворалъ, частью отъ простуды, частью отъ чрезмѣрныхъ физическихъ усилій, частью отъ неумѣренныхъ пировъ. Болѣзнь быстро усиливалась и Петръ слегъ въ постель; около половины декабря состояніе его было совершенно отчаянное, никто не надѣялся на его жизнь. Любимцы его были въ полномъ ужасѣ; они знали, что, въ случаѣ кончины царя, самая печальная участь ихъ ожидаетъ: во главѣ царства опять станетъ Софія, и ихъ ожидаетъ или плаха, или вѣчная ссылка. Лефортъ, князь

Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ и другіе приближенные къ Петру люди запаслись лошадьми, чтобы бѣжать немедленно, когда Петръ закроетъ глаза. Но крѣпкое сложеніе царя восторжествовало надъ болѣзнью. Около Рождества онъ началъ поправляться, а въ концѣ января



ДОМЪ ЛЕФОРТА ВЪ НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДѢ ВЪ МОСКВѢ.
(Съ рѣдкой современной гравюры Генриха де-Витть.

ужь могъ опять начать свою обычную дѣятельную жизнь; онъ въ это время разъѣзжалъ по Нѣмецкой слободѣ и, въ качествѣ шафера, приглашалъ гостей на свадьбу одного золотыхъ дѣлъ мастера; самъ распоряжался на пиру, очень весело и любезно всѣхъ угощалъ, но самъ почти

ничего не ѣлъ и вовсе не пилъ вина. Къ масленицѣ Петръ окончательно выздоровѣлъ, самъ сдѣлалъ фейерверкъ и самъ по обыкновенію спускалъ

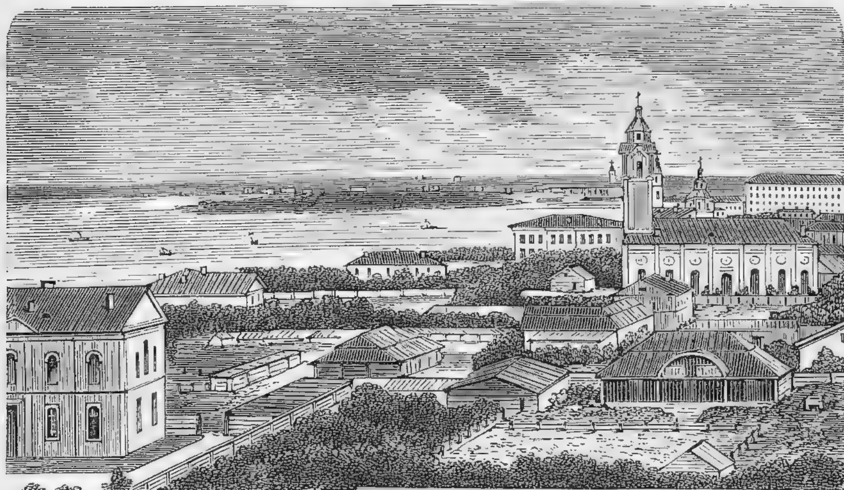


ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО БЛИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ.
(Фотографія съ натуры).

его. На этотъ разъ особенно удачно вышли двѣ огненныя картины: павильонъ съ вензелемъ генералиссимуса князя Ромодановскаго, потомъ

вспыхнулъ огненный Геркулесъ, раздирающій пасть льва. Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ особенно понравился Геркулесъ и, чтобы выразить свое удовольствіе Петру, въ награду за его искусство и труды, она подарила ему полный мундиръ сержанта Преображенскаго полка, къ великой радости Петра.

Въ началѣ великаго поста, Петръ опять отправился на Плещеево озеро и недѣли три катался на немъ; но это была его послѣдняя поѣздка; для него озеро стало мелко и недостаточно велико; онъ стремился къ морю, искалъ его, и взглядъ его остановился на Бѣломъ морѣ; его съ неотразимою силою влекло туда. Въ Переяславль Петръ съ этихъ поръ заѣзжалъ только мимоѣздомъ; флотилія стояла у берега Трубежа и посте-



ОБЩІЙ ВИДЪ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА.

пенно разрушалась; ее вытащили на берегъ и кое-какъ прикрыли старыми досками. Въ такомъ положеніи Петръ нашелъ свою флотилію, когда пріѣхалъ туда 25 лѣтъ спустя. Ему грустно было видѣть, какъ разрушалось то, что онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ и съ такимъ трудомъ строилъ; онъ далъ указъ переяславскимъ воеводамъ: «беречь остатки кораблей, яхты и галеры, ежели же не сбережете, то за это взыщется съ васъ и съ потомковъ вашихъ». Несмотря однако-жъ на указъ этотъ, воля его не исполнилась: изъ всей переяславской флотиліи уцѣлѣлъ одинъ небольшой ботъ, сохраненный крестьянами села Веськова; съ 1803 года онъ сохраняется въ особомъ зданіи и порученъ надзору старыхъ отставныхъ матросовъ.

Когда Переяславское озеро перестало нравиться Петру, онъ осмотрѣлъ Кубенское; оно оказалось мелко, тогда царь началъ неотступно по-

мышлять о Бѣломъ морѣ; началъ просить у матери позволенія ѣхать въ Архангельскъ; но она сразу не могла рѣшиться отпустить сына въ такой далекій и опасный путь; долго не рѣшалась она; но его настойчивость и пламенное желаніе видѣть море поколебали ее. Она дала Петру свое благословеніе на поѣздку въ Архангельскъ, но взяла съ него слово, что онъ на море только поглядитъ, но плавать по немъ не будетъ.

Въ то время въ Москвѣ находился архіепископъ холмогорскій Аѳанасій; онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Архангельскъ, чтобы приготовить все



ПЕТРЪ I ОТПРАВЛЯЕТЪ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ ПЕРВЫЕ КОРАБЛИ ЗА ГРАНИЦУ.

къ пріѣзду государя. Вслѣдъ за нимъ изъ Москвы тронулся царь съ многочисленною свитою.

До Вологды царь и его свита ѣхали въ каретахъ, колыскахъ, бричкахъ и телѣгахъ. Въ Вологдѣ они пересѣли на баркасы и поплыли по теченію Сухоны до Устюга Великаго, оттуда въ Сѣверную Двину; вся свита царская помѣщалась на шести баркасахъ; путешествіе было медленное, но не опасное. Архіепископъ Аѳанасій пріѣхалъ въ Холмогоры за нѣсколько дней до Петра и успѣлъ сдѣлать всѣ распоряженія къ пріему нежданныхъ и небывалыхъ гостей. Отъ пристани до собора въ Холмогорахъ выстроились стрѣльцы, все духовенство съ крестами и хоругвями ждало въ соборѣ, заряженныя пушки были на пристани.

Лишь только царскій баркасъ показался изъ-за Курострова, загудѣли

колокола и загремѣли пушечные и ружейные выстрѣлы. Государь съ своего баркаса отвѣчалъ выстрѣлами и причалилъ къ пристани; тутъ ждали его экипажи; въ нихъ онъ отправился въ соборъ; на паперти встрѣтилъ его архіепископъ съ духовенствомъ; вмѣстѣ вошли въ соборъ; царь приложился къ иконамъ, отслужили молебенъ, и Аѳанасій пригласилъ царя въ Крестовую палату, отвѣдать хлѣба-соли. Во время обѣда молодой царь разговаривалъ съ архіепископомъ и духовенствомъ и поразилъ всѣхъ своею простотою и знаніемъ не только военныхъ, но и гражданскихъ отношеній; онъ говорилъ о торговлѣ, ремеслахъ и разспрашивалъ о бытѣ сѣверныхъ рыбаковъ и мореходцевъ. Послѣ обѣда онъ долго ѣздилъ по Двинѣ на маленькой лодкѣ, ходилъ по городу, все осматривалъ и обо всемъ разспрашивалъ.

На слѣдующій день Петръ отправился въ своемъ баркасѣ къ Архангельску; здѣсь его тоже встрѣтили колокольнымъ звономъ и ружейною и пушечною пальбою. Онъ проплылъ мимо города и причалилъ къ Моисееву острову, гдѣ нарочно для него былъ построенъ деревянный домъ— государевы свѣтлицы. У пристани царя ожидала двѣнадцатипушечная яхта Петръ, нарочно приготовленная для морского путешествія.

На слѣдующій день Петръ съ своими приближенными перебрался на яхту и съ нетерпѣніемъ ждалъ попутнаго вѣтра, чтобы выйти въ море.

Въ это время въ Архангельскѣ окончилась нагрузка нѣсколькихъ англійскихъ и голландскихъ купеческихъ судовъ и они готовились поднять якорь, чтобы отправиться въ обратный путь; ихъ провожалъ настоящій голландскій военный корабль, подъ начальствомъ капитана Іолле Іоллесъ. Царь былъ на корабляхъ, осматривалъ ихъ съ жаднымъ вниманіемъ и выразилъ капитану желаніе выйти съ нимъ вмѣстѣ въ море. Капитанъ охотно согласился на желаніе царя и 4 августа рано утромъ суда снялись съ якоря; но при слабомъ вѣтрѣ еле добрались до устья Двины, гдѣ за совершеннымъ безвѣтріемъ должны были простоять цѣлый день. Въ день Преображенья, 6 августа, подулъ очень хорошій южный вѣтеръ, корабли распустили паруса и съ пушечною пальбою вышли въ море. Петръ былъ въ восторгѣ, онъ не переставалъ любоваться стройнымъ ходомъ корабля, его красивою, до сихъ поръ невиданною оснасткою и постройкою; ловкость, точность и искусство матросовъ поражали его. Время для царя летѣло быстро, и онъ не замѣтилъ, что отъѣхалъ отъ Архангельска болѣе нежели на 300 верстъ, и что Сѣверный Ледовитый океанъ уже близокъ. Но продолжать плаванія дальше нельзя было; онъ у Трехъ острововъ распростился съ капитаномъ, одарилъ его и, перебравшись на свою яхту, поѣхалъ обратно къ устью Двины, куда онъ пріѣхалъ на 5 день послѣ отъѣзда.

Возвратившись въ Архангельскъ, Петръ не терялъ понапрасну времени; онъ все осматривалъ, все узнавалъ; онъ съ рыбаками ловилъ рыбу; съ купцами толковалъ о торговлѣ; съ архіепископомъ о путешествіи по рѣкамъ, по морю и по сушѣ, о томъ, какъ выгодно было бы торговлю прибрать къ своимъ рукамъ, не вести ея исключительно черезъ иностранные корабли, а снарядить для этого свои собственные. Онъ осматривалъ всѣ барки и лодки, которыя приходили по Двинѣ съ товарами. Однажды въ небольшихъ лодкахъ привезли много глиняной посуды; Петръ тотчасъ пошелъ ихъ осматривать и ходилъ по узенькимъ доскамъ, настланнымъ сверхъ посуды; онъ какъ-то нечаянно заглядѣлся, поскользнулся, упалъ на горшки и перебилъ многіе изъ нихъ; хозяинъ испугался не того, что у него перебита посуда, а что царь упалъ, бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ: «Батюшка-государь, прости меня, я безъ вины виноватъ, не вели меня казнить! прости меня, неразумнаго».



ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕСТЪ, СДѢЛАННЫЙ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ, ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ.

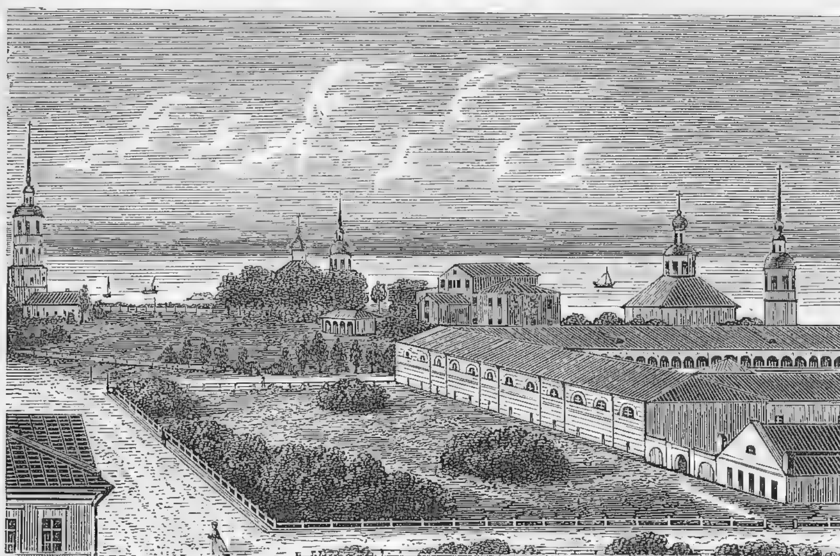
Петръ улыбнулся, успокоилъ испуганнаго, и щедро заплатилъ за разбитую посуду.

Жизнь въ Архангельскѣ не походила на жизнь прочихъ русскихъ городовъ; здѣсь было много иностранцевъ; на нихъ не смотрѣли, какъ на еретиковъ; ихъ вліяніе отозвалось и на русскихъ, которые уже начали принимать европейскіе обычаи; въ лавкахъ было много иностранныхъ товаровъ—сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, кружева, золотыя и серебряныя вещи; здѣсь все можно было достать, не хуже какого-либо европейскаго города; по рѣкѣ Двинѣ каждый день приходили барки, нагруженныя хлѣбомъ, поташемъ, смолою, саломъ, нефтью, рыбьимъ клеемъ, икрою, вяленою и соленою рыбою,—все предметы нашей торговли съ иностранцами. Въ Ахрангельскѣ жило около

20 семействъ голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ негоціантовъ. Царь познакомился со многими изъ нихъ и бывалъ у нихъ въ домахъ.

При видѣ иностранныхъ морскихъ флаговъ Петръ рѣшился придумать русскій; онъ въ образецъ избралъ нидерландскій, но расположилъ только цвѣта въ обратномъ порядкѣ, а именно: красный, синій и бѣлый; флагъ сшили, и Петръ съ пушечною пальбою въ первый разъ поднялъ его и поплылъ подъ нимъ по морю.

Петра занимала мысль, какъ бы отправить русскіе купеческіе корабли за-границу; онъ приказалъ для того снарядить два корабля, нагрузить ихъ всѣмъ тѣмъ, что болѣе всего требовалось за границей, и от-



ТАМОЖНЯ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ

пустить ихъ подъ русскимъ флагомъ, одинъ въ нынѣшнемъ, а другой въ слѣдующемъ году.

Петръ тутъ же задумалъ пріѣхать въ Архангельскъ на слѣдующій годъ, вмѣстѣ со всею своею компаніей, и пріучить своихъ солдатъ къ морскимъ эволюціямъ; но для этого одной яхты Св. Петра было недостаточно, надобно было приготовить еще суда, годныя для мореплаванія. Съ этой цѣлью онъ на островѣ Соломбалѣ, нѣсколько ниже Архангельска, устроилъ верфь и собственными руками заложилъ сорокапушечный корабль. Другой, такого же размѣра, приказалъ купить въ Голландіи и съ этою цѣлью написалъ письмо амстердамскому бургомистру Николаю Витсену, который до тѣхъ поръ всегда аккуратно и охотно исполнялъ различныя порученія Петра. Витсенъ былъ извѣстенъ въ

Россіи тѣмъ, что сдѣлалъ первую географическую карту сѣверной Азіи и вмѣстѣ съ описаніемъ посвятилъ ее русскимъ царямъ, въ 1687 году.

Въ знакъ своей особенной привязанности, Петръ подарилъ архіепископу Аѳанасію, въ домѣ котораго онъ особенно охотно бывалъ, свою карету и баркасъ, или стругъ, на которомъ приплылъ изъ Вологды, съ якоремъ, парусами, со всею оснасткою и со всѣми флагами, находившимися на немъ, въ томъ числѣ штандартъ съ государственнымъ россійскимъ гербомъ и флагъ іерусалимскій, съ нашитыми на немъ крестами; оба они до сихъ поръ хранятся въ Крестовой архіерейской церкви.

Наконецъ, сентября 18, Петръ объявилъ о своемъ намѣреніи пуститься въ обратный путь; распростился съ архіепископомъ, самъ перевезъ, послѣ напутственнаго молебна, архіепископа черезъ Двину, еще въ послѣдній разъ гонялся за бѣлугой и на ночь возвратился въ свой дворецъ.

Утромъ Петръ сѣлъ въ дощаникъ и при колокольномъ звонѣ и неумолкаемомъ громѣ пушекъ поплылъ по Двинѣ; народъ толпился на набережной, царь ласково кланялся ему.



КАПИТАНЪ ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ.
(Оригиналъ въ Петровской галлереѣ въ Эрмитажѣ).

Въ Москву царь прибылъ на девятый день.

Всю зиму царь приготовлялся къ морскому походу, назначенному весною; онъ въ каждую свободную минуту самъ точилъ блоки для кораблей, отливалъ пушки, выбралъ изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ самыхъ ловкихъ и расторопныхъ людей, чтобы изъ нихъ составить экипажъ для строящихся кораблей, составилъ планъ маневровъ, назначилъ въ адмиралы того-же Ромодановскаго, который былъ генералиссимусомъ; вице-адмираломъ Бутурлина, а Гордона произвелъ въ контръ-адмиралы; самъ же принялъ названіе шкипера и приказалъ даже въ офиціальныхъ бумагахъ не называть его иначе.

Свободное отъ занятій время Петръ проводилъ въ Нѣмецкой слободѣ или веселился съ своею компаніею, какъ прежде, но между веселыми пирами не забывалъ своихъ предположеній насчетъ торговли съ Европою. Онъ между прочимъ писалъ къ Апраксину о томъ, чѣмъ нагружать корабль и что ему привезти изъ Голландіи: «Купи мнѣ лимоновъ, и если

будетъ ихъ много, то половину посоли, а другую изготовь съ сахаромъ, по тѣмъ образцамъ, какіе я тебѣ оставилъ; если же ихъ привезутъ не много, то всѣ обрати въ лимонадъ. Да не забудь о рейнвейнѣ. Больше

ПИСЬМО ПЕТРА ВЕЛИКАГО КЪ ЦАРИЦѢ НАТАЛІИ КИРИЛЛОВНѢ.

мнѣ ничего не нужно, развѣ только привезутъ математическіе инструменты, то непремѣнно купи». Въ перепискѣ съ Апраксинымъ онъ подписывался шкиперомъ и требовалъ, чтобы и онъ къ нему обращался, какъ

къ шкиперу. Такъ въ одномъ письмѣ пишетъ: «Письмо твое я получилъ, только сомнѣваюсь, ко мнѣ-ли оно писано, потому что писано съ зѣльными чинами. Ты знаешь, я чиновъ не люблю, а какъ нашъ товарищъ, долженъ знать, какъ ко мнѣ писать надобно. Пиши только о дѣлѣ и просто»!

Со времени возвращенія Петра изъ Архангельска при дворѣ стали появляться женщины; жены и дочери иностранцевъ бывали на вечернихъ собраніяхъ и даже танцовали! Супруга Петра, несмотря на свои закоренѣлыя суевѣрія, иногда появлялась на этихъ собраніяхъ и принимала участіе въ нихъ.



ЗОЛОТОЙ ОКЛАДЪ ЕВАНГЕЛІЯ ЦАРИЦЫ НАТАЛЬИ КИРИЛЛОВНЫ 1693 Г. ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ ВЪ МОСКВѢ.

Петръ не ожидалъ печали, которая поразила его. Царица Наталья Кирилловна захворала, но ничего опаснаго не предвидѣли въ ея болѣзни; Петръ, ничего не подозрѣвая, готовился къ какому-то празднику и пригласилъ всю свою компанію въ домъ Лефорта. Но въ тотъ самый день рано утромъ изъ Кремлевскихъ палатъ прискакалъ въ Преображенское вѣстникъ звать царя къ умирающей матери. Онъ засталъ ее въ совершенно безнадежномъ состояніи, простился съ нею и принялъ ея благословеніе. Онъ глубоко былъ потрясенъ предстоящею потерей, онъ лишался матери, которая такъ горячо и такъ преданно любила его. Ей было всего 42 года, но постоянныя опасенія за жизнь сына, долгая борьба съ царевной Софіей, безжалостное избіеніе братьевъ на глазахъ ея потрясли ея здоровье, и она часто прихварывала, хотя всегда перемогалась и старалась свою болѣзнь скрывать отъ сына. Она скончалась 24 января 1691 года; на другой день, со всѣми обычными обрядами и

почестями, ее похоронили въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Трое сутокъ Петръ былъ въ полномъ отчаяніи, тосковалъ и плакалъ, на четвертые былъ уже спокойнѣе, былъ даже у Лефорта и вскорѣ принялся за дѣло.

Извѣщая Апраксина о понесенной потерѣ, онъ писалъ: «Ѳеодоръ Матвѣевичъ, бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю; подробнѣе о ней писать рука моя отказывается, а еще болѣе сердце. Я вспоминаю къ тому же слова апостола Павла: не скорбѣть объ умершихъ и слова Ездры: минувшаго возвратить нельзя. Роптать не смѣю, покоряюсь тайнѣ непостижимой и предаю все волѣ Божіей.

«Но теперь, какъ Ной, я отъ бѣды немного отдохнулъ, пересталъ сокрушаться о невозвратномъ и начинаю думать о живыхъ!» А это живое состояло въ томъ, чтобы приготовляли все нужное для постройки и оснастки новаго корабля въ Архангельскѣ.

Въ теченіе великаго поста въ Архангельскъ было отправлено 1000 самопаловъ, или ружей, и 2000 пудовъ пороха; въ то же время Петръ отослалъ выточенные имъ и вполнѣ обдѣланные блоки; въ Вологдѣ лежали совсѣмъ готовыя, вновь отлитыя 24 пушки. Извѣщая обо всемъ этомъ Апраксина, Петръ кланяется своимъ товарищамъ Яну и Никласу и велитъ сказать имъ, чтобы они къ его пріѣзду наготовили побольше пива.

Наконецъ прошла зима: время вторичнаго путешествія въ Архангельскъ настало; Лефортъ далъ прощальный пиръ Петру и всей его компаніи; царь выѣхалъ изъ Москвы послѣдній, но первый прибылъ въ Вологду; внимательно осматривалъ баркасы, назначенные для путешествія, исправлялъ оснастку и перевозилъ на нихъ пушки, заготовленныя зимою и привезенныя изъ Москвы. Мая 8, въ 10 часовъ утра подняли якори, отсалютовали со всѣхъ баркасовъ и медленно поплыли по рѣкѣ Вологдѣ.

Командиромъ флотиліи, состоявшей изъ 22-хъ баркасовъ, былъ Ромодановскій, но по приказаніямъ шкипера. Останавливались или ускоряли и замедляли шествіе по пушечнымъ выстрѣламъ. Погода стояла прекрасная, плаваніе было быстрое и счастливое. Флотилія безъ всякихъ приключеній добралась до Архангельска на десятый день плаванія.

Петръ опять поселился въ своемъ прошлогоднемъ домѣ на Моисеевомъ островѣ. Къ величайшему своему удовольствію узналъ онъ, что строящійся корабль готовъ къ спуску. На третій день послѣ пріѣзда отправился онъ на Соломбальскую верфь со всѣми своими приближенными, собственноручно подрубилъ подставки, и корабль счастливо и плавно сошелъ на Двину. Петръ угостилъ на немъ своихъ товарищей—плотниковъ Яна и Никласа и всю свою свиту.



ДРЕВНІЙ ДОМИКЪ ВЪ Г. ВОЛОГДѢ, ГДѢ ЖИЛЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Съ фотографіи).

Дѣла никакого пока не было; Петръ распорядился тѣмъ, чтобы приступили къ оснасткѣ корабля, а самъ хотѣлъ воспользоваться свободнымъ временемъ и съѣздить въ Соловецкій монастырь, чтобы поклониться мощамъ Св. угодниковъ Зосимы и Савватія. Для этой поѣздки снаряжена была яхта «Св. Петръ», на которой онъ и въ прошломъ году плавалъ по Бѣлому морю. Съ Петромъ поѣхалъ архіепископъ Аѳанасій, ближніе бояре, царскій духовникъ и нѣсколько солдатъ.

Яхта снялась съ якоря 30 мая, при очень легкомъ, попутномъ вѣтрѣ. Но 1 іюня подулъ сильный восточный вѣтеръ; царь велѣлъ распустить всѣ паруса и яхта полетѣла въ открытое море. Огромныя волны тяжело поднимались и съ грознымъ ревомъ разсыпались пѣной; все предвѣщало бурю. Къ вечеру яхта была въ 120 верстахъ отъ Архангельска; поднялась ужаснѣйшая буря. Паруса были убраны, но яхта стонала и трещала отъ страшныхъ порывовъ вѣтра и отъ могучихъ ударовъ волнъ; поминутно на нее набѣгали громадныя волны, заливали ее и бросали, какъ легкую орѣховую скорлупу. Самые опытные матросы поблѣднѣли и съ стѣсненнымъ сердцемъ говорили, что крушеніе неизбѣжно. Мало-по-малу, бояре, офицеры и солдаты потеряли голову, молились, плакали,

поручали свою душу Богу, или молили Его о помощи. Царь причастился Св. Таинъ запасными дарами и спокойно и твердо смотрѣлъ на яростное море; онъ взялся за руль самъ и твердо вступилъ въ борьбу съ мятежными волнами.

Его спокойствіе нѣсколько ободрило окружающихъ; кромѣ него на яхтѣ спокойнѣе всѣхъ оставался одинъ опытный морякъ, соловецкій работникъ и лоцманъ. Онъ смиренно подошелъ къ царю и сказалъ ему, что есть только одно средство спастись отъ крушенія: надобно войти въ Унскіе-Рога; но путь этотъ очень опасенъ и трудно найти проходъ между подводными камнями; тамъ разбиваются суда и не при такой бурѣ. Царь отдалъ ему руль и велѣлъ править къ Унской губѣ. Но, слѣдуя своей нетерпѣливой природѣ, не вытерпѣлъ, началъ вмѣшиваться въ управленіе и распоряжаться.

— Пошелъ прочь!—крикнулъ на него разсерженный Антипъ Тимофеевъ,—я знаю, что дѣлаю. Когда ты отдалъ руль въ мои руки, что же мѣшаешься въ мое дѣло?

Царь смиренно отошелъ отъ него прочь и больше не вмѣшивался. Антипъ искусно и счастливо провелъ яхту между рядами камней, которыми усѣянъ входъ въ Унскую губу, о которые дробились и пѣнились сердитыя волны моря. Бросили якорь и вышли на берегъ прямо въ Пертоминскій монастырь, чтобы благодарить Бога за избавленіе.

На берегу Петръ подошелъ къ лоцману, ударилъ его по плечу и, смѣясь, спросилъ:

— Помнишь-ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ?

Испуганный Антипъ упалъ къ ногамъ царя и воскликнулъ:

— Виноватъ, государь-батюшка, помилуй меня!

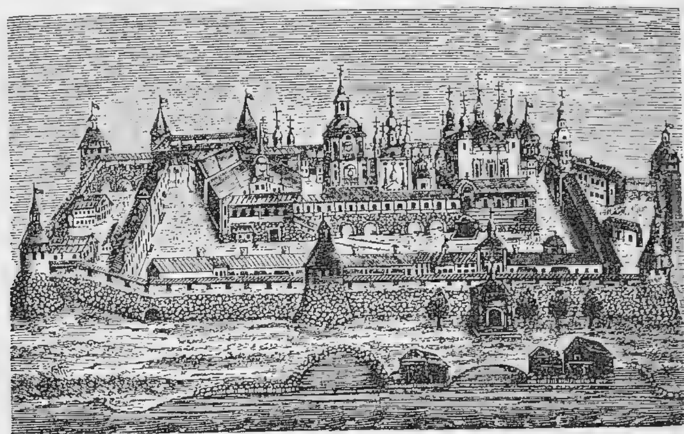
— Нѣтъ, не ты виноватъ, а я; зачѣмъ-же мнѣ было вмѣшиваться не въ свое дѣло!—Онъ поднялъ Антипа, поцѣловалъ его и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье. Въ монастырѣ царь осыпалъ милостями братію.

Петръ провелъ нѣсколько дней въ монастырѣ, пока буря не утихла. Желая оставить здѣсь памятникъ своего пребыванія, онъ собственноручно сдѣлалъ большой деревянный крестъ и самъ вырѣзалъ на немъ надпись по-голландски: *Dat kruys maken kaptein Piter.* van. a. Chr. 1694 (этотъ крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694); самъ на своихъ могучихъ плечахъ отнесъ его къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ на берегъ, и поставилъ его. Этотъ крестъ и теперь еще сохраняется въ Пертоминской обители, куда его перенесли въ 1802 году.

Буря утихла только 6-го іюня, царь продолжалъ плаваніе къ Соловецкимъ островамъ, безъ приключеній бросилъ якорь у монастырской

пристани. Архимандритъ Фирсъ, настоятель монастыря, впослѣдствіи поставилъ тамъ крестъ, который и до сихъ поръ хранится въ часовнѣ у Святыхъ воротъ. Трое сутокъ провелъ Петръ въ монастырѣ, подарилъ на украшеніе храма 1000 рублей, всѣхъ монаховъ отъ настоятеля до послѣдняго дьячка щедро одарилъ. Освободилъ Антипа отъ службы монастырской, подарилъ ему значительную сумму денегъ и возвратился въ Архангельскъ.

Іюля 20 Петра обрадовало извѣстіе, что въ Двинскомъ заливѣ показались три корабля: одинъ голландскій и два англійскихъ; голландскій былъ—давно ожидаемый военный 44 пушечный фрегатъ. Петръ пошелъ къ нему навстрѣчу, салютовалъ съ своей яхты, самъ ввелъ его въ устье



ВИДЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.
(Съ современной гравюры).

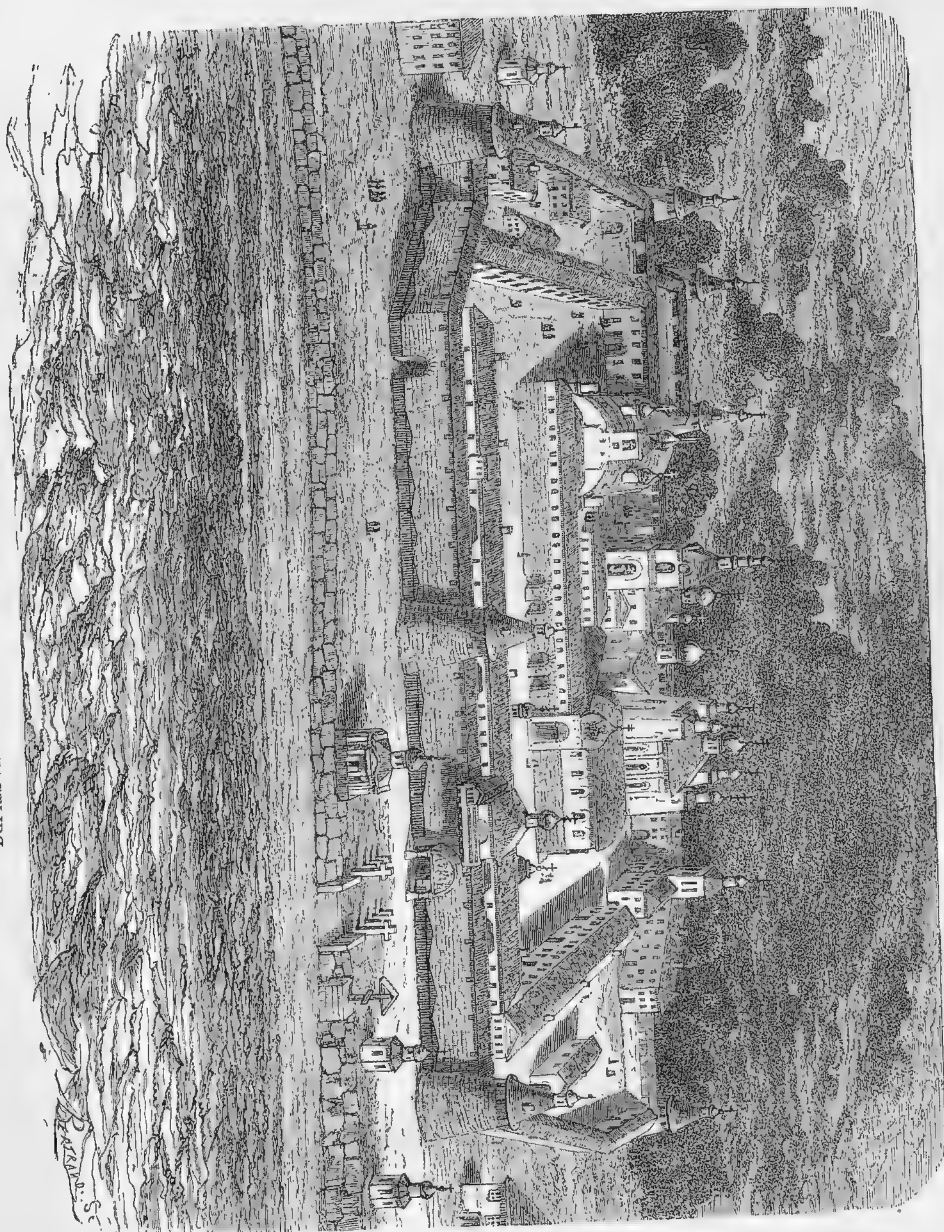
Двины и поставилъ въ безопасное мѣсто, близъ Соломбальскаго острова. Вся компанія Петра вслѣдъ за нимъ собралась на корабль и долго веселилась. Въ самый разгаръ пиршества, Петръ написалъ Витсену письмо, въ которомъ извѣщаетъ о своей радости: «Чего давно желали, нынѣ совершилось; пространнѣе писать буду съ настоящей почтой, а сегодня мы много веселились и пространно писать нельзя: при такихъ случаяхъ мы всегда приносимъ жертвы Бахусу [1], который своими листьями заслоняетъ глаза тѣмъ, которые хотятъ пространно писать». Новоприбывшій корабль еще въ Голландіи получилъ многознаменательное названіе *Santa Profetia* (Св. Пророчество), а построенный въ Архангельскѣ и тутъ-же оснащенный назывался Св. Павломъ.

Петръ, до прибытія голландскаго фрегата, изучалъ морскую службу

---

[1]) Богъ вина у древнихъ грековъ.

съ такимъ-же вниманіемъ, какъ изучалъ сухопутную. Онъ вздумалъ на голландскомъ военномъ кораблѣ пройти всю службу морскую и для этого



Общій видъ Соловецкаго монастыря.

избралъ опытнаго капитана Виллемсона. Однажды онъ приплылъ къ его кораблю, вошелъ въ каюту капитана, разговорился съ нимъ и сказалъ, что хочетъ на дѣлѣ пройти всю морскую службу. Капитанъ представлялъ ему

всѣ неудобства и трудности этого предпріятія; но Петръ настаивалъ. Капитанъ все-таки смотрѣлъ на это, какъ на шутку, и сказалъ:

— Хорошо, ежели ты хочешь учиться, то начинай съ должности каютнаго юнги.

— А какая это должность?—спросилъ царь.

— Вотъ какая: подай мнѣ трубку и принеси стаканъ водки! Надобно учиться служить другимъ, чтобы потомъ умѣть повелѣвать! Царь поспѣшно всталъ и исполнилъ приказаніе.

— Хорошо, — сказалъ Виллемсонъ,—теперь будь матросомъ, полѣзай на мачту и убери парусъ!

Петръ, безъ возраженія, полѣзъ на мачту и всѣ ужаснулись, когда онъ взобрался на самую верхушку ея и убралъ парусъ.

Капитанъ опасался продолженія уроковъ, но Петръ настоятельно требовалъ того—и прошелъ всю службу до офицерскаго чина.



КРУЖКА ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ СЪ ПОРТРЕТОМЪ ПЕТРА I, ХРАНЯЩАЯСЯ ВЪ СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Такимъ образомъ подготовленный Петръ былъ на своемъ новомъ фрегатѣ, какъ дома. Во время переѣзда изъ Голландіи въ Архангельскъ, на немъ случились нѣкоторыя поврежденія; Петръ, какъ хорошій корабельный мастеръ, все осмотрѣлъ и очень скоро все исправилъ.

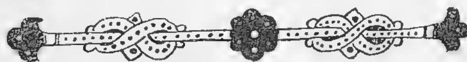
Оставалось попробовать новые корабли въ открытомъ морѣ; у Петра было теперь три корабля; команду «Св. Павла» онъ поручилъ вице-адмиралу Бутурлину, впрочемъ, при помощи знающаго и опытнаго морского

капитана. Въ центрѣ шелъ адмиральскій фрегатъ съ адмираломъ Ромодановскимъ; на немъ находился г. шкиперъ съ своими приближенными; шкиперъ управлялъ кораблемъ и говорилъ адмиралу, что дѣлать. Арьергардъ составлялъ «Св. Петръ», на немъ находился Гордонъ; самъ Петръ выдумалъ различные сигналы, чтобы управлять кораблями, написалъ ихъ значеніе и роздалъ списки и необходимые для того флаги по остальнымъ кораблямъ. Около этого времени изъ Архангельска должны были отправиться 4 нѣмецкихъ корабля съ грузомъ. Петръ воспользовался этимъ для своей морской экспедиціи, и рѣшился проводить ихъ до Ледовитаго океана. Съ большими затрудненіями, благодаря безвѣтрію и туманамъ, добрались Петровскія суда до Святого Носа, крайней точки берега Бѣлаго моря; далѣе мрачно волновался и грозно шумѣлъ Ледовитый океанъ. Невольные мореходцы, товарищи Петра, съ ужасомъ смотрѣли на него, ожидая, что онъ не остановится, а поплыветъ дальше; къ величайшему удовольствію ихъ съ адмиральскаго корабля, однако-жъ, раздались пять пушечныхъ выстрѣловъ —сигналъ: поворачивать назадъ, къ Архангельску. Иностранныя суда съ нашими на прощанье обмѣнялись салютами, пожелали другъ другу счастливаго пути и разстались. Царь-Шкиперъ возвратился въ Архангельскъ, пробывъ въ открытомъ морѣ болѣе десяти дней.

После морскихъ потѣхъ, молодой и живой царь спѣшилъ въ Москву, куда его манили новыя военныя удовольствія — маневры, до того обширные, что ихъ, по справедливости, можно назвать походомъ.



КРЕСТЪ,
ПОСТАВЛЕННЫЙ ПЕТРОМЪ I НА БЕРЕГУ БѢЛАГО МОРЯ ВЪ 1694 ГОДУ.







ПОЛТИНА ПЕТРА I, МОСКОВСКОЙ ЧЕКАНКИ, БЕЗЪ ГОДА.

ГЛАВА IX

Послѣднія потѣхи Петра.—Раскольники.—Мазепа.—Несогласія съ Польшей.

По возвращеніи въ Москву, Петръ дѣятельно занялся тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе планъ маневровъ, имъ начерченный и распредѣленный во время затишья на Бѣломъ морѣ. Петръ началъ съ того, что увеличилъ свое войско; забирали въ солдаты и волей, и неволей; изъ 20 городовъ вытребовалъ отъ воеводъ ратныхъ людей, для правильнаго обученія, какъ говорилось въ указѣ, на добрыхъ коняхъ съ пистолетами, явиться не позже 18 сентября; въ случаѣ неисполненія указа, виновные подвергались строгой отвѣтственности.

Мѣстомъ для маневровъ назначена была равнина, на правомъ берегу Москвы-рѣки, въ двухъ верстахъ отъ Симонова монастыря за деревнею Кожуховою. Еще до возвращенія царя изъ Архангельска, по его приказанію, было построено земляное, пятиугольное укрѣпленіе—«безымянный городокъ». По деревнѣ Кожухово и всѣ маневры назывались Кожуховскимъ походомъ. Сначала свое мѣсто въ крѣпости занялъ Польскій король—генералиссимусъ Бутурлинъ. Его армія торжественно прошла по цѣлой Москвѣ. Король занялъ крѣпость, осмотрѣлъ укрѣпленія и устроилъ за крѣпостью укрѣпленный лагерь для обоза; черезъ три дня послалъ сказать, что готовъ и ждетъ нападеній непріятеля.

Тогда двинулась изъ Семеновскаго черезъ Москву другая армія; во главѣ ея шутовской отрядъ: любимый царскій шутъ Яковъ Тургеневъ, съ цѣлымъ хоромъ пѣвчихъ; за нимъ шли отборные царскіе полки, съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами. Передъ Преображен-

скимъ полкомъ въ мундирѣ, почти солдатскомъ, шли сержанты Петръ Алексѣевъ, князь Ѳедоръ Троекуровъ и Иванъ Гуммертъ; все шествіе замыкала артиллерія и солдаты-рабочіе съ лопатами, заступами, кирками и мѣшками.

Нападающіе заняли деревню Кожухово, устроили переправу черезъ Москву-рѣку и учредили на правомъ берегу укрѣпленный лагерь съ изрядными выводами, т. е. укрѣпленіями, по всѣмъ правиламъ, тогда еще совершенно новаго въ Россіи, инженернаго искусства.

Петръ рѣшился брать крѣпостцу по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, при помощи апрошей, минныхъ галлерей, подкоповъ и прочихъ осадныхъ работъ; все съ цѣлью познакомить свое войско съ такого рода войною. Но неожиданный случай разстроилъ планы Петра. Лефортъ былъ именинникомъ и праздновалъ этотъ день по русскому обычаю, роскошнымъ обѣдомъ; по его примѣру пировалъ весь лагерь.

Послѣ обѣда всѣ военачальники вздумали сдѣлать примѣрный приступъ на крѣпость. Полки взяли фашины, доски, мѣшки съ землею для того, чтобы наполнить ровъ, двѣ крытыя повозки съ зажигательными снарядами, придуманные самимъ Петромъ для того, чтобы взрывомъ ихъ дѣлать проломъ въ непріятельскомъ валу. Фашины и взрывы употребили въ дѣло: ровъ завалили, но валъ остался невредимъ. Несмотря на это, Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій полки пошли на приступъ. Осажденные защищались отчаянно; бросали въ осаждающихъ гранатами, горючими горшками, поливали ихъ водою изъ мѣдныхъ трубъ, били палками, на которыхъ были привязаны пуки горячихъ пеньковыхъ, просмоленыхъ веревокъ. Многихъ ранили, опалили; въ томъ числѣ Лефорту обожгли лицо; осажденные два часа отбивались; но Потѣшные такъ неудержимо лѣзли впередъ, что стрѣльцы, наконецъ, подались и побѣжали въ городокъ, а за ними хлынули Потѣшные и овладѣли имъ, вытѣснили стрѣльцовъ, многихъ захватили въ плѣнъ, въ томъ числѣ и коменданта.

Но Петру такая поспѣшная побѣда не понравилась, онъ далъ стрѣльцамъ выговоръ, зачѣмъ такъ скоро бѣжали, отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ, вывелъ Семеновскій полкъ изъ крѣпостцы и велѣлъ польскому королю опять занять ее, исправить поврежденія и защищаться въ ней до послѣдней крайности; потомъ снова принялся вести подкопы и дѣлать мины; это было особенно трудно потому, что рвы были наполнены ключами, вода изъ которыхъ пробивалась въ подземныя галлереи и заливала ихъ. Петръ въ этихъ маневрахъ на опытѣ узналъ, какъ трудно вести инженерную войну, какъ часто она зависитъ отъ случайностей и какъ часто бываетъ неудачна. Но, какъ бы то ни было, частію осадными работами, частію приступомъ, безыменный городокъ опять попался въ

руки Потѣшныхъ, стрѣлецкіе полки опять укрылись въ укрѣпленный лагерь, но и здѣсь ихъ преслѣдовали и громили пушками; король не хотѣлъ сдаваться; нападающіе опять рѣшились на штурмъ, и, послѣ долгой и жаркой обороны, Потѣшные опять остались побѣдителями. Взяли въ плѣнъ короля и множество стрѣльцовъ.

Короля, со связанными назадъ руками, отвели въ шатеръ генералиссимуса; плѣнныхъ стрѣльцовъ со всѣми начальниками выстроили на полѣ въ одну линію. Прямо противъ нихъ, также въ одну линію, выстроились побѣдители, воткнувши передъ собою въ землю отнятыя у стрѣльцовъ знамена. Между рядами проѣхалъ главнокомандующій: ему свои и побѣжденные отдавали военныя почести.

Кожуховскій походъ былъ послѣднею военною потѣхою молодого царя.

Въ январѣ 1694 года было при дворѣ большое, шуточное торжество; царскій шутъ Яковъ Тургеневъ женился на дьячихѣ. Для праздника устроили особаго рода поѣздъ, состоявшій изъ бояръ, окольничихъ думныхъ и другихъ чиновъ людей; ѣхали они на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ; на поѣзжанахъ костюмы были смѣшные; надѣты были лапти, мочальные кули, лычныя шляпы, крашенинные кафтаны, опушенные кошачьями лапками, или сѣрыя, или разноцвѣтныя сермяги, опушенныя бѣличьими хвостами; нѣкоторые были въ соломенныхъ сапогахъ, рукавицахъ изъ мышиныхъ шкурокъ и въ лубочныхъ шапкахъ. За этими странными поѣзжанами ѣхала лучшая царская бархатная карета; въ ней сидѣлъ Тургеневъ съ женою, а за каретою чинно выступали знатные бояре. Свадьба праздновалась въ шатрахъ, раскинутыхъ на полѣ, между Преображенскимъ и Семеновскимъ селомъ.

Въ то время, когда молодой царь такимъ образомъ потѣшался съ своею компаніей, въ обществѣ распространялось глухое неудовольствіе на его, неприличное царю, поведеніе. Люди старыхъ понятій негодовали на нововведенія и жаловались патріарху. Онъ тоже съ недоброжелательствомъ смотрѣлъ на любовь Петра ко всему иноземному, и часто въ бесѣдахъ своихъ пытался отклонить его отъ этой привязанности.

Въ то время, какъ друзья Петра и многіе приверженцы новыхъ порядковъ сознавали, что въ Европѣ многое идетъ несравненно лучше, чѣмъ въ Россіи, и смотрѣли на нее, какъ на обѣтованную землю,—приверженцы старины смотрѣли съ неудовольствіемъ на каждаго иностранца, хулили все иноземное, желали, чтобы въ полкахъ и во всемъ государствѣ еретиковъ перестали назначать въ начальники, потому что, говорили они, вслѣдъ за патріархомъ: «какая отъ нихъ православному воинству можетъ быть помощь? Только гнѣвъ Божій на насъ накликаютъ. Когда право-

славные молятся у заутрени—еретики спятъ; когда христіане постятся—еретики ѣдятъ мясо и пируютъ. Гдѣ волкамъ начальствовать надъ овцами? Благодатію Божіею въ русскомъ царствѣ есть много людей благочестивыхъ, способныхъ къ ратному дѣлу».

Передъ смертью, патріархъ Іоакимъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ высказалъ эти мнѣнія, умолялъ Петра не обольщаться иностранными обычаями, не вводить ихъ въ Россію, не позволять строить лютеранскія кирки и римскіе костелы, ссылаясь на то, что русскихъ церквей нигдѣ нѣтъ въ другихъ государствахъ, и т. д.



ПАТРІАРХЪ АНДРІАНЪ.

Долгое время патріаршій престолъ оставался празднымъ; Петръ не рѣшался, кому отдать его; при своей страсти къ новизнѣ, при своихъ предположеніяхъ на будущее время, ему нужно было, чтобы патріархъ, ежели не содѣйствовалъ его видамъ, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ ему. Поэтому выборъ его остановился на смиренномъ и кроткомъ митрополитѣ Адріанѣ. Онъ не вмѣшивался въ свѣтскія дѣла, но за то тѣмъ строже слѣдилъ за духовенствомъ, поведеніемъ и нравами своей паствы; такъ какъ въ семействахъ господствовали несогласія и ссоры, то онъ требовалъ, чтобы браки заключались по обоюдному согласію, и постановилъ, чтобы священникъ по нѣскольку разъ отдѣльно, врозь, допрашивалъ жениха и невѣсту, по обоюдному-ли согласію они вступаютъ въ бракъ.

Во всѣхъ частяхъ управленія обнаруживались различные недостатки. все надобно было перемѣнить и исправить. Всѣ эти недостатки бросались въ глаза Петру, онъ сравнивалъ все окружающее съ тѣмъ, что узнавалъ или читалъ объ Европѣ и видѣлъ неизмѣримое разстояніе, какое существуетъ между Россіей и Западной Европой. За что онъ ни брался, во всемъ видѣлъ упущеніе: въ судахъ брали взятки и правымъ оставался только тотъ, кто могъ больше заплатить; военная дисциплина уже давно обратила на себя его вниманіе, и онъ уже кое-что сдѣлалъ для ея упорядоченія; науки, искусства и ремесла еще вовсе не существовали, или были еще на самой низшей степени развитія.

Сходясь съ иностранцами, Петръ старался сблизить ихъ съ своими

товарищами, имѣя постоянно въ виду, чтобы они перенимали отъ нихъ все хорошее. Но онъ не назначалъ иностранцевъ на главныя государственныя должности; онъ пользовался ихъ знаніемъ, но власти имъ отдавать не хотѣлъ. Вотъ почему всѣ главныя должности въ Россіи, во времена Петра, всегда занимали истинно русскіе люди. Изъ этого видно, что Петръ, при всей своей любви къ чужеземному, въ душѣ все-таки оставался русскимъ и хотѣлъ, чтобы русскіе, подобно ему самому, только учились у иностранцевъ.

Раскольники, подавленные при царевнѣ Софіи, лишившіеся своихъ главныхъ учителей, все-таки еще не переставали предаваться своимъ бреднямъ; по-прежнему крестились двумя пальцами и читали Вѣрую съ нѣкоторыми измѣненіями. Часть раскольниковъ, отъ притѣсненій православнаго духовенства, скрывалась на сѣверѣ, въ Вологодской и другихъ губерніяхъ; большія раскольническія общества, съ другой стороны, держались на югѣ, по рѣкѣ Дону.

Когда ихъ и здѣсь начали тѣснить и уговаривать принять новыя книги, они сотнями удалялись на рѣку Аграхань, во владѣнія шавкала Тарковскаго и на берега Терека. Потеря храбрыхъ казаковъ-раскольниковъ была очень чувствительна для Россіи, поэтому лишь только волненія въ Москвѣ успокоились, въ 1691 году, къ нимъ отправили грамоту, чтобы звать ихъ назадъ въ Россію, но безуспѣшно.

— Пусть къ намъ впередъ изъ Москвы или съ Дону никого и ни съ какимъ дѣломъ не присылаютъ,—отвѣчали раскольники царскому послу Басову,—намъ здѣсь хорошо; никто у насъ вѣры не отнимаетъ, живемъ, какъ хотимъ, а идти намъ назадъ въ свои домы, какая выгода?

Раскольничество распространилось и на сѣверѣ; скиты раскинулись по Вологодской и Новгородской губерніямъ, особенно въ Устюжскомъ уѣздѣ и въ лѣсныхъ чащахъ за Онежскимъ озеромъ, куда не было прохода ни пѣшему, ни конному изъ-за болотъ и трясинъ. Въ своихъ скитахъ раскольники предавались всѣмъ безумствамъ изувѣрства, мучили себя голодомъ, бичевали сами себя и другъ друга, сжигали себя и т. п. Имъ не довольно было добровольныхъ приверженцевъ: они силою старались обращать въ свой расколъ. Такъ въ іюлѣ 1693 года сотни двѣ раскольниковъ ворвались въ Пудожскій погостъ, Олонецкой губерніи, силою выгнали крестьянъ изъ церкви, овладѣли ею, избили поповъ и причетниковъ и съ дикими воплями принялись очищать церковь; водою, по-своему освященною умывали иконы, стѣны, крыши и кресты церкви, притѣсняли крестьянъ, били ихъ, заставляя пристать къ ихъ вѣрованіямъ, а когда на нихъ выслали стрѣльцовъ, раскольники заперлись въ 4-хъ избахъ и сожглись въ нихъ.

Кромѣ раскольниковъ были несогласія церковныя между приближенными къ царю людьми: нѣкоторые твердо стояли за православное вѣроисповѣданье, иные склонялись къ чуждымъ, иностраннымъ вѣроисповѣданіямъ и не уважали своихъ прирожденныхъ православныхъ догматовъ. Патріархъ и строгіе приверженцы старины не одобряли нововведеній и видѣли въ нихъ несомнѣнную гибель благочестія.

Такъ все колебалось и волновалось внутри государства; Петръ, по своей молодости и пылкости, еще не могъ твердою рукою управлять младенчествующею, неустановившеюся жизнью народа. Опытныхъ и твердыхъ совѣтниковъ у него еще не было.

Внѣшнія границы Россіи были шатки; объ нихъ шли споры съ Польшею, Турціей и Крымомъ. Малороссійскіе и украинскіе города, хотя и признавали верховную власть царей, но управлялись своимъ гетманомъ. На Днѣпрѣ Запорожская Сѣчь еще оставалась независимою, потому что москалей тамъ не любили и запорожцы всегда готовы были взяться за оружіе.

Когда борьба Петра съ Софіей уже приходила къ концу и Петръ находился въ Троицкой лаврѣ, въ Москву пріѣхалъ гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Степановичъ Мазепа, когда-то бывшій другомъ и приверженцемъ царевны Софіи и Василія Голицына. Но тутъ, вглядѣвшись въ положеніе дѣлъ въ Москвѣ, Мазепа рѣшился старымъ правленіемъ, Софіею и Голицынымъ, пожертвовать новому. Онъ отправился въ Троицко-Сергіевскую Лавру и представился молодому царю. Здѣсь его тоже встрѣтили похвальною рѣчью, за его преданную и вѣрную службу Россіи. Гетманъ былъ въ смущеніи и отвѣчалъ коротко, ссылаясь на болѣзнь, но далъ обѣщаніе служить великому царю московскому усердно, до послѣдней капли крови. Не думая долго, Мазепа рѣшился навсегда порвать всѣ отношенія къ старому правительству; при случаѣ, онъ жаловался на Голицына за то, что онъ, черезъ своихъ приверженцевъ, угрозами вытребовалъ себѣ богатые подарки деньгами и вещами; притѣснялъ его, Мазепу, и подвластныхъ ему казаковъ; онъ подалъ въ такомъ смыслѣ прошеніе и просилъ вознаградить понесенные имъ убытки изъ имѣнія Голицына. На эту челобитную смотрѣли, какъ на выраженіе полной преданности новому правительству, и всѣ просьбы Мазепы были удовлетворены. Въ Москву онъ пріѣзжалъ за грамотою, которая подтверждала-бы за нимъ всѣ прежде дарованныя гетманамъ права и преимущества; грамоту эту онъ получилъ. Хлопоталъ еще о томъ, чтобы русскіе не смѣли требовать даровыхъ подводъ, безъ царскаго указа, просилъ ограничить винокуреніе, потому что на винокурняхъ истребляютъ лѣсъ, котораго съ каждымъ годомъ становится меньше. Все это было разрѣшено гетману.

Мазепа своими хитрыми, льстивыми рѣчами до того околдовалъ Петра и его ближнихъ бояръ, что гетмана считали самымъ преданнымъ и вѣрнымъ царю человѣкомъ; тогда какъ въ душѣ онъ только и думалъ о томъ, какъ бы вырваться изъ-подъ опеки русскаго правительства и всецѣло передаться Польшѣ, или, еще лучше, основать самостоятельное государство. Всѣ дѣйствія Мазепы клонились къ тому, чтобы успокоить недовѣрчивыхъ царскихъ совѣтниковъ и понравиться молодому царю.

Враги Мазепы негодовали на то, что онъ и при Петрѣ остался такъ-же твердо на своемъ мѣстѣ, какъ былъ во времена Софіи и кн. Вас. В. Голицына.



МАЗЕПА.
(Съ рисунка неизвѣстнаго художника 1706 г.).

Съ Польшей отношенія Россіи были неопредѣленныя; по договору наши войска должны были помогать Польшѣ въ войнѣ противъ Турціи и Крыма, но всякій разъ Польша всю тягость войны оставляла на долю русскихъ, именно тѣмъ, что не высылала войскъ во время или вовсе не высылала ихъ. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ опытовъ, русское правительство начало остерегаться и не высылало своихъ полковъ по первому требованію польскаго короля и требовало настоятельно, чтобы при заключеніи мира съ Турціею и крымскимъ ханомъ, наши выгоды не были выпущены изъ виду.

Отъ московскаго двора былъ посланъ нарочный посолъ въ Вѣну, чтобы участвовать въ заключеніи статей мирнаго договора, но его вовсе не допустили до переговоровъ и онъ только подъ рукою узналъ, что при мирныхъ переговорахъ о выгодахъ Россіи и не упоминается. Изъ Москвы начали жаловаться на такое забвеніе, но договаривающіеся писали въ отвѣтъ, что при заключеніи мира, Россія не будетъ забыта. Такъ тянулось время, ничего рѣшительнаго не было, но двоедушіе Польши въ отношеніи Россіи на каждомъ шагу обнаруживалось.

Изъ Польши часто появлялись на русскихъ границахъ люди, которые старались увлечь малороссійскихъ казаковъ на сторону Польши. Русскіе на это жаловались королю; онъ оправдывался, какъ могъ; но

возмутительныя посланія отъ Польши въ Малороссію были на лицо и вызвали пограничныя строгія мѣры.

Мазепу начали подозрѣвать въ привязанности къ Польшѣ и даже неоднократно обвиняли въ частыхъ сношеніяхъ съ нею; но кн. Голицынъ оправдывалъ его. А между тѣмъ переписка между Мазепою и польскимъ королемъ была такая частая, что король изучилъ и почеркъ и образъ выраженія Мазепы и при случаѣ могъ подложное письмо отличить отъ настоящаго.

Когда Мазепа возвратился въ Малороссію, послѣ мѣсяца, проведеннаго въ Москвѣ, король польскій написалъ ему письмо, въ которомъ поздравлялъ его съ удачною поѣздкою и съ почестями, какими его тамъ осыпали.

Гетманъ не рѣшался еще на какую сторону ему склониться: отъ Петра и его министровъ, не расположенныхъ въ его пользу, онъ не многаго ожидалъ; слѣдовательно, ежели Петръ восторжествуетъ надъ Софіей, борьба съ которой была еще не кончена, будущность его сомнительна; ежели-же напротивъ Голицынъ и Софія восторжествуютъ, то положеніе гетмана еще хуже, потому что доносомъ Петру на Голицына, Мазепа нажилъ себѣ непримиримаго врага. Кромѣ того Мазепа думалъ, что несогласія между Петромъ и Софіей кончатся междоусобной войною, и онъ надѣялся воспользоваться ею для своихъ выгодъ, и болѣе чѣмъ когда-либо думалъ о томъ, какъ бы отдаться подъ покровительство Польши.

Вскорѣ послѣ возвращенія Мазепы изъ Москвы, къ польскому королю Яну III явился какой-то монахъ—Соломонъ; онъ принесъ отъ Мазепы письмо за гетманскою печатью. Въ этомъ письмѣ гетманъ просилъ короля взять Малороссію подъ свое покровительство и избавить ее отъ Московскаго властолюбія; просилъ немедленно прислать королевскія грамоты, чтобы поднять все Заднѣпровье, прибавляя, что онъ надѣется на помощь крымскихъ татаръ.

Король призвалъ къ себѣ Соломона, разговаривалъ съ нимъ, но не далъ рѣшительнаго отвѣта и отпустилъ его назадъ, давши на дорогу пропускной листъ, въ которомъ говорилось, что честной отецъ приходилъ въ Польшу за тѣмъ, чтобы собирать милостыню.

Переговоры между королемъ и Мазепой возобновлялись еще не разъ и послѣ этого, не приводя ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ.

Мазепа ждалъ королевскихъ грамотъ и помощи, а король возстанія, чтобы въ случаѣ несостоятельности ни той, ни другой сторонѣ не остаться одной, ежели-бы пришлось начать борьбу съ Россіей.

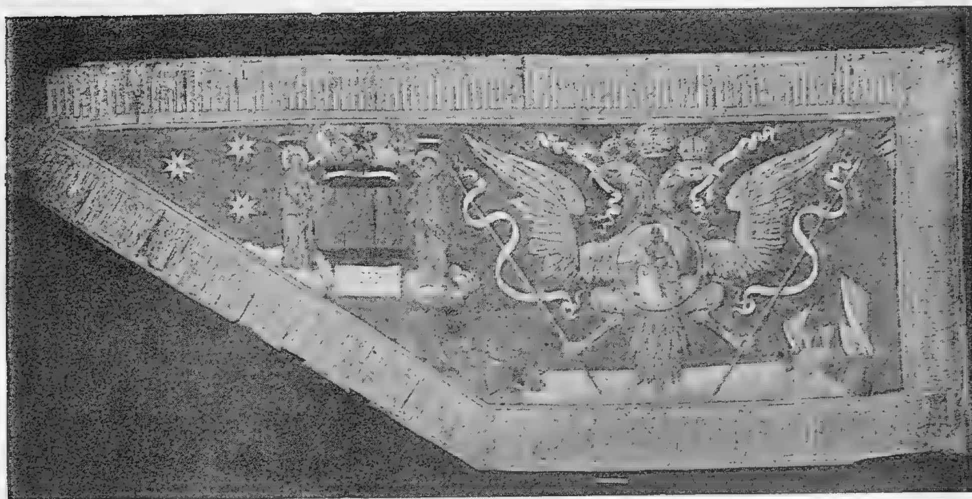
Между тѣмъ несмотря на осторожность Мазепы, вѣсть о его намѣ-

реніи измѣнить Россіи разнеслась, и появились доносы; одинъ изъ нихъ былъ отправленъ въ Москву. Войсковому писарю Кочубею тайно было поручено наблюдать за Мазепою. Въ Москвѣ однако на эти доносы смотрѣли, какъ на выдумку его недоброжелателей, несмотря на то, что Кочубей предостерегалъ правительство и не совѣтовалъ довѣрять Мазепѣ.

Мазепа умѣлъ умно и ловко выпутываться изъ всякихъ подозрѣній, выставляя себя невинной жертвой своихъ враговъ и польскихъ интригъ.

Вся вина во всѣхъ столкновеніяхъ двухъ государствъ падала, по мнѣнію русскихъ, на одну Польшу. Съ другой стороны, въ Малороссіи волновалась Запорожская Сѣчь; многіе казаки, вслѣдъ за войсковымъ писаремъ Петрикомъ, бѣжали къ Крымскому хану, безпрестанно присылали къ казакамъ возмутительныя воззванія, старались раздражить ихъ противъ русскихъ и обѣщаніями привлечь къ хану. Легковѣрные, жадные къ грабежу, люди бѣжали къ Петрику и вмѣстѣ съ нимъ и съ крымцами тревожили малороссійскіе города.

Народъ въ Малороссіи былъ недоволенъ, во-первыхъ тѣмъ, что московскимъ чиновникамъ раздавали помѣстья на Украйнѣ, и во-вторыхъ тѣмъ, что арендная плата и пошлина съ винокуренныхъ заводовъ была слишкомъ обременительна, и ропталъ на русское правительство.



ГЕРБОВОЕ ЗНАМЯ.
[Въ Московской Оружейной палатѣ].




МЕДАЛЬ НА ВЗЯТІЕ АЗОВА.
(Неизвѣстнаго художника).

ГЛАВА X.

Азовскій походъ.—Кончина царя Іоанна Алексѣевича и болѣзнь Петра.—Приготовленія ко второму Азовскому походу.—Покореніе Азова.

Царскія потѣхи при смутныхъ отношеніяхъ Россіи къ окружающимъ державамъ не нравились народу, и еще больше не нравилось предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ: какая польза отъ нихъ?—спрашивали—что толку отъ потѣхъ, отъ которыхъ люди понапрасну страдаютъ и гибнутъ? Приближенные къ Петру иностранцы, между ними преимущественно Лефортъ, слышали эти толки и видѣли, что пора молодому царю бросить подготовительныя занятія военныя, а окончить свое воинское образованіе серьезнымъ дѣломъ.

Петръ, съ своей стороны, рвался къ болѣе обширной дѣятельности; ему хотѣлось пробраться на Каспійское море и оттуда войти въ сношенія съ Персіею, и торговлю съ нею прибрать въ свои руки. Къ тому же надобно было усмирить татаръ, дать туркамъ урокъ, чтобы потомъ спокойно заняться дѣлами Каспійскаго моря. Изъ Турціи приходили извѣстія о притѣсненіяхъ христіанъ, изъ Малороссіи—о нападеніи татаръ; Мазепа неотступно просилъ выслать на нихъ войско; іерусалимскій патріархъ просилъ защиты отъ крымцевъ и турокъ; по договорамъ съ Польшею, война съ Турціею была почти обязательна. Всѣ эти причины заставили Петра начать военныя дѣйствія противъ турокъ. Опытъ Голицына показалъ, какъ опасно и трудно вести войну въ степныхъ мѣстностяхъ; поэтому рѣшено было напасть на Азовъ: путь къ нему облегчался двумя большими рѣками—Дономъ и Волгою. Но напасть на Азовъ

Петръ задумалъ врасплохъ; поэтому одну армію, подъ начальствомъ боярина Шереметева, направилъ къ Днѣпру; это войско состояло изъ стариннаго дворянскаго ополченія, преимущественно конницы; къ ней присоединились казаки подъ начальствомъ гетмана Мазепы.

Самъ же Петръ, въ званіи бомбардира, повелъ вторую армію, состоявшую изъ полковъ новаго строя, т. е. Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортовскаго, Бутырскаго и московскихъ стрѣлецкихъ полковъ. Видимое начальство надъ войскомъ этимъ поручено было тремъ генераламъ: Гордону, Головину и Лефорту. Гордонъ съ своимъ отрядомъ отправился изъ Тамбова, куда собрался частями сухимъ путемъ къ Азову; отряды Головина и Лефорта изъ Москвы поплыли по Москвѣ-рѣкѣ, перебирались на Оку и на Волгу, но суда были неудовлетворительныя и поэтому плаваніе сопряжено было съ большими затрудненіями и остановками отъ противныхъ вѣтровъ и непогодъ.

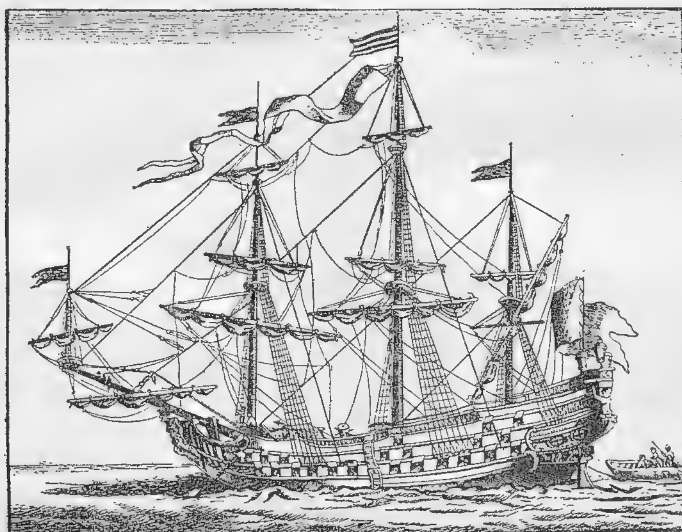

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ГОЛОВИНЪ.
(Рисунокъ П. Иванова).

Однако-жъ, послѣ различныхъ хлопотъ и затрудненій войско все-таки подступило, наконецъ, къ Азову, гдѣ уже находился Гордонъ съ своимъ отрядомъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ сильно безпокоились о томъ, что отъ царя нѣтъ никакихъ вѣстей; люди враждебные начали распространять всякіе нехорошіе слухи, такъ что полученное, наконецъ, письмо изъ-подъ Азова произвело всеобщую радость и крамольники опять притихли.

Новоприбывшее войско поставило батареи и осада началась 8 іюля; самъ Петръ собственноручно начинялъ бомбы, заряжалъ пушки и мортиры и въ теченіе двухъ недѣль не переставалъ обстрѣливать городъ; объ этомъ самъ записалъ въ своей книжкѣ: «Началъ служить бомбардиромъ съ перваго азовскаго похода».

Турки получили подкрѣпленіе въ Азовѣ, а наши войска нуждались даже въ съѣстныхъ припасахъ; водою ничего нельзя было подвозить, потому что у турокъ съ обѣихъ сторонъ Дона построены были крѣпкія каланчи и отъ одной къ другой протянуты крѣпкія желѣзныя цѣпи; тѣмъ дѣлали плаваніе по рѣкѣ невозможнымъ и, слѣдовательно, отрѣзывали осаждающимъ сообщеніе со своими складочными мѣстами. Каланчи необходимо было взять приступомъ: кликнули кличъ: нѣтъ-ли охотниковъ между Донцами идти на каланчи; въ награду назначалось по 10 рублей на человѣка. Охотники нашлись и двѣ каланчи были взяты.



ВИДЪ ВОЕННАГО КОРАБЛЯ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.
(Гравюра того времени).

Петръ обрадовался, онъ думалъ, что теперь подвозъ совершенно свободенъ и за паденіемъ этихъ передовыхъ укрѣпленій и самый Азовъ не будетъ долго держаться.

Но надежды Петра не сбылись и походъ въ этомъ, 1695 году, окончился ничѣмъ. 27 сентября рѣшено было отступить отъ Азова, оставивши сильные гарнизоны въ каланчахъ

Но молодой царь не упалъ духомъ; неудача не сковала его воли, напротивъ, онъ какъ бы одушевился новою, до сихъ поръ еще небывалою дѣятельностью; онъ все-таки водянымъ путемъ хотѣлъ вести войну. Онъ вызвалъ изъ-за границы новыхъ мастеровъ корабельныхъ, инженеровъ, минеровъ и другихъ опытныхъ военныхъ офицеровъ. Изъ Архангельска онъ вызвалъ иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ, хотѣлъ построить суда, которыя должны были отрѣзать Азовъ отъ помощи со



ЦАРЬ ІОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

(Гравюра Ф. Маттернова).

стороны турецкихъ судовъ. Корабли предполагалось приготовить къ веснѣ 1696 года. Задача трудная и только возможная при дѣятельности Петра.

Работы начались зимою; въ Преображенское, на лѣсопильный заводъ, привезли галеру, которую строили въ Голландіи для плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю. Здѣсь, по образцу этой галеры, начали выпиливать и пригонять части галеръ. Работа кипѣла и за зиму постройка судовъ сильно двинулась впередъ.

Адмираломъ этого, уже не потѣшнаго, флота назначался Лефортъ, а шкиперъ и бомбардиръ Петръ Алексѣевъ получилъ званіе капитана. Командованіе всей сухопутной арміи было предоставлено боярину Шеину.

Между тѣмъ старшій царь Іоаннъ Алексѣевичъ опасно заболѣлъ. Онъ съ самаго младенчества страдалъ скорбутомъ [1]); но въ послѣдніе годы жизни какъ-будто поздоровѣлъ, а именно съ тѣхъ поръ, какъ женился на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой. У нихъ было пять дочерей; Іоаннъ былъ счастливъ и велъ спокойную жизнь, исполненную почестей, безъ соединенныхъ съ ними тревогъ и отвѣтственности. Ему почти исполнилось тридцать лѣтъ, когда онъ неожиданно умеръ 29 января 1696 года въ 10 часовъ утра. Петръ былъ пораженъ этой внезапною кончиной; супруга и дочери царя рыдали.

Петръ въ этомъ году жестоко страдалъ отъ боли въ ногѣ, душевно тосковалъ о потерѣ любимаго брата, но ни физическія, ни нравственныя страданія не могли ослабить его дѣятельности. Весна приближалась; ко вскрытію рѣкъ требовалось, чтобы воронежскій флотъ былъ готовъ, но дѣло могло идти быстро только при безпрерывномъ, бдительномъ надзорѣ. Петръ это зналъ и несмотря на больную ногу выѣхалъ изъ Москвы съ небольшою свитою, преимущественно людей свѣдущихъ въ кораблестроеніи. Съ трудомъ добрался Петръ до Воронежа и поселился по близости отъ верфи, въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, сѣней, бани и кухни.

Дѣло закипѣло, и царь самъ съ топоромъ, циркулемъ или аршиномъ въ рукахъ, съ утра до вечера былъ на работахъ; при немъ и остальные не сидѣли, сложа руки. Собственноручно, почти безъ посторонней помощи Петръ построилъ самую большую и самую легкую на ходу галеру *Principium*. Съ первыхъ чиселъ апрѣля начали спускать корабли, одинъ за другимъ: всего было готово 2 корабля, 23 галеры и

---

[1]) Или цынга: болѣзнь, состоящая въ порчѣ крови: у цынготныхъ выпадаютъ зубы, разрыхляются десны, лицо блѣднѣетъ и пухнетъ, является одышка и ломота во всемъ тѣлѣ.

Min Her

Piter

ПИСЬМО КЪ ВИНІУСУ ОТЪ 15 ІЮЛЯ 1696 Г.

(Автографъ Петра Великаго).

4 брандера [1]). Въ лѣсахъ уже оканчивали постройку струговъ [2]); 30.000 человѣкъ трудились надъ ними; ко вскрытію рѣки болѣе 1500 различныхъ судовъ для перевозки тяжестей—снарядовъ, орудій и запасовъ были спущены въ воду.

Войска для составленія экипажа и для плаванія на этихъ судахъ



ЦАРИЦА ПРАСКОВІЯ ѲЕОДОРОВНА, СУПРУГА ЦАРЯ ІОАННА АЛЕКСѢЕВИЧА.
(Съ старинной литографіи Грей).

постепенно приходили изъ Москвы; они привезли съ собою большой царскій стягъ (знамя), нарочно вновь сдѣланный по указу Петра. Знамя это было камчатное, коричневаго цвѣта, четвероугольное съ откосомъ, вокругъ него шла кайма ярко-голубого цвѣта съ надписью, когда оно

[1]) Судно, назначенное для сожженія непріятельскаго флота.
[2]) Гребное судно съ плоскимъ дномъ.

сдѣлано; въ серединѣ на полотнѣ—двуглавый золотой орелъ; въ лапахъ онъ держитъ копья, увитыя хартіями съ различными надписями. На груди у орла—щитъ, въ его бѣломъ полѣ изображеніе Царя-царей, Господа-господей, окруженное молніями; подъ орломъ, ближе къ краю знамени представлено волнующееся море съ кораблями на парусахъ; въ откосѣ, рядомъ съ орломъ, въ облакахъ св. апостолы Петръ и Павелъ. Стягъ этотъ и до сихъ поръ сохраняется въ Московской Оружейной палатѣ.


КН. ѲЕДОРЪ ЮРЬЕВИЧЪ РОМОДАНОВСКІЙ.
(Съ портрета неизвѣстнаго художника въ Петровской галлереѣ Императорскаго Эрмитажа).

Войска собрались; начальство надъ ними приняли генералиссимусъ Шеинъ и генералъ Головинъ; во флотѣ на галерѣ Principium развѣвался адмиральскій флагъ Лефорта. Въ Москвѣ остались потѣшные генералиссимусы Ромодановскій и Бутурлинъ. Съ первымъ изъ нихъ Петръ переписывался, какъ съ государемъ, величая его царскими титулами; если Петръ писалъ не довольно подробно и довольно часто, или недостаточно титуловалъ потѣшнаго царя, то Ромодановскій ему посылалъ письмо съ выговоромъ за упущеніе, и Петръ отвѣчалъ: «Въ послѣднемъ письмѣ изволишь писать про вину мою, что я о вашемъ государевомъ лицѣ писалъ вмѣстѣ съ другими: въ этомъ прошу у васъ прощенія, потому что мы, корабельные мастера, не привыкли отличать чины и не искусны въ придворной вѣжливости».

Наконецъ, все было готово: морской караванъ и сухопутныя войска двинулись къ Азову; флотилія плыла около трехъ недѣль; во время этого переѣзда Петръ составилъ и написалъ нашъ первый морской уставъ. Капитаны судовъ, подъ опасеніемъ большого денежнаго штрафа, должны были наблюдать за сигналами командира флота и съ точностью исполнять приказанія. Строго запрещалось отставать отъ адмиральской галеры или измѣнять свой путь, потому что: «того требуетъ общая польза: военныя суда, плотно идущія, могутъ объѣхать всю вселенную, не опасаясь шторма, если же разлучатся, и ста саженъ проплыть не могутъ».

Когда адмиралъ увидитъ непріятеля и подниметъ красный флагъ, всѣ капитаны должны немедленно готовиться къ бою, подъ опасеніемъ смертной казни. Смертная казнь назначалась и тому, кто выдастъ своего товарища въ бою или въ сраженіи пойдетъ не своимъ путемъ, или не подастъ помощи тому кораблю, который бѣдствуетъ.



ПЛАНЪ АЗОВА И АЗОВСКОЕ МОРЕ.

(Гравюра начала XVIII вѣка).

Постройка флота принесла пользу: русскій флотъ загородилъ дорогу турецкому въ устьяхъ Дона, и Азовъ остался безъ внѣшней помощи.

На штурмъ, послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ прошлаго года, нельзя было рѣшаться; начались осадныя работы; но онѣ подвигались медленно; городъ осыпали бомбами и ядрами, а стѣны по-прежнему стояли нетронутыя, земляной валъ по-прежнему оставался надежною охраною. Турки мѣшали работамъ. Инженеры и артиллеристы, выписанные изъ

Австріи еще зимою, не являлись; Петръ и его генералы были въ нерѣшительности, не зная, что предпринять. Собрали большой военный совѣтъ и положили даже спросить мнѣніе солдатъ и стрѣльцовъ: что дѣлать? Тогда войско предложило построить огромный земляной валъ, наравнѣ съ городскимъ валомъ и такимъ образомъ, засыпавъ ровъ, овладѣть городомъ. Такой способъ нападенія былъ вполнѣ несовременный и пригодный только во времена полудикія; такъ нападали славяне и русскіе во времена Владиміра и до него. Но къ величайшему удивленію, царскій и военный совѣтъ приняли это предложеніе; положено было попытать это средство.

23 іюня приступили къ гигантской работѣ; 15,000 человѣкъ поочередно работали каждую ночь и каждое утро; валъ, видимо, разростался, становился выше; ровъ наполнялся грудами земли; валъ подходилъ такъ близко къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, что наши солдаты очень часто вступали въ рукопашный бой съ янычарами [1]).

Но такое предпріятіе стоило намъ не дешево; хотя работали ночью, но турки зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается у насъ, пользовались малѣйшею неосторожностію нашихъ солдатъ и мѣткими выстрѣлами поражали солдатъ и офицеровъ. Когда гигантскій валъ доходилъ уже до крѣпостныхъ земляныхъ укрѣпленій и за нимъ уже строили раскаты для 25 орудій, чтобы обстрѣливать каменныя укрѣпленія Азова, пріѣхали наконецъ нѣмецкіе (цесарскіе) инженеры, минеры и артиллеристы. Пріѣзжіе съ удивленіемъ смотрѣли на наши огромныя работы, но ожидали отъ нихъ мало пользы, совѣтовали ввести мины и показали, гдѣ удобнѣе и вѣрнѣе поставить батареи. Подъ командою вновь прибывшаго искуснаго артиллерійскаго полковника Граге дѣло пошло успѣшнѣе; бастіонъ пошатнулся и наши солдаты заняли его. Инженеры принялись вести подкопы; но войску не нравилась медленная война осадными работами. 2 полка малороссійскихъ и донскихъ казаковъ сговорились и начали штурмовать крѣпость, подъ начальствомъ своего отважнаго атамана Лизогуба; онъ быстро ринулся на земляной валъ, сбилъ турокъ, вслѣдъ за ними спустился внутрь крѣпости и чуть вмѣстѣ съ ними не ворвался въ каменныя укрѣпленія. Но солдаты и стрѣльцы оставались неподвижно въ лагерѣ и только издали смотрѣли на приступъ. Казаки не могли удержаться въ крѣпости, поэтому они отступили и засѣли на валу.

Турки опомнились отъ неожиданнаго казачьяго натиска и всѣми своими силами ударили на дерзкихъ казаковъ, засѣвшихъ въ бастіонѣ. Главнокомандующій, чтобы испугать турокъ, вывелъ все свое войско, какъ бы для

---

[1]) Отборное турецкое войско.

штурма, а генералъ Гордонъ съ своими гренадерами поспѣшилъ на помощь храбрымъ казакамъ. При помощи пѣхоты, казаки, послѣ шестичасовой битвы, отбили турокъ и снова прогнали ихъ до каменныхъ твердынь города, остались на валу, изъ бастіона вывезли четыре пушки и подарили ихъ Петру. Царь благодарилъ казаковъ за храбрость и всему войску приказалъ готовиться къ штурму. Но непріятель не дождался его;



ВЗЯТІЕ АЗОВА ВЪ 1696 ГОДУ.
(Снимокъ съ старинной гравюры).

18 іюля изъ Азова вышелъ старый турокъ, махая шапкой, чтобы мы прекратили пальбу; начались переговоры о сдачѣ, и условія, еще за двѣ недѣли передъ тѣмъ предложенныя, были приняты. Турки уступали Азовъ, со всѣми орудіями и снарядами, ежели имъ предоставлена будетъ свобода выйти изъ города въ полномъ вооруженіи съ женами и дѣтьми, да захватить съ собою столько пожитковъ, сколько можно унести на себѣ; русскіе обязались на своихъ судахъ перевезти ихъ Дономъ, до устья Кагальника. Всѣхъ плѣнныхъ и невольниковъ обязывались освободить безъ выкупа.

Наконецъ, русскія войска вступили въ Азовъ; запорожцы бросились грабить оставленное непріятелемъ. Ихъ буйства и звѣрской корысти нельзя было унять. Петръ далъ имъ волю, чтобы наградить ихъ за ихъ мужественный штурмъ; но грабить, кромѣ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, было нечего; городъ представлялъ печальную груду развалинъ; дома всѣ были разрушены бомбами; жители и солдаты все время прятались въ землянкахъ подъ валомъ. Солдаты и запорожцы рылись въ землѣ, отыскивая зарытыхъ сокровищъ, но нигдѣ ничего не находили. Изъ орудій гарнизонъ оставилъ только самыя тяжелыя; пороху оказалось много; зато ядеръ очень мало; мелкаго оружія—никакого, турки все годное унесли съ собою, оставили только изломанное, никуда негодное. Пушекъ, пищалей и мортиръ, все мѣдныхъ, нашлось не много, не больше 90 разнаго калибра. Многіе были недовольны слишкомъ легкими условіями сдачи, но Петръ былъ радъ; ему не оружіе и не плѣнные нужны были, а крѣпость и вмѣстѣ съ нею пунктъ на морскомъ берегу.

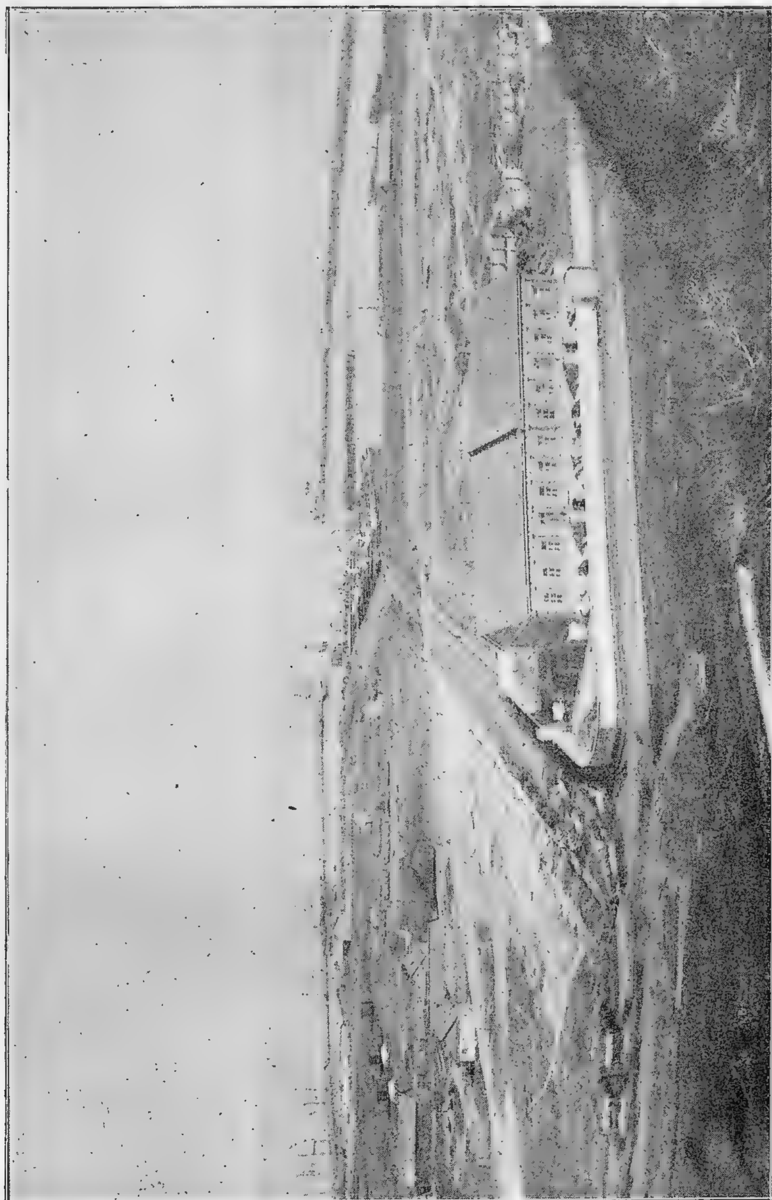
Въ Москвѣ вѣсть о покореніи Азова встрѣтили съ восторгомъ. 31 іюля всѣ значительные сановники московскіе обѣдали у перваго министра Льва Кирилловича Нарышкина; въ это время получено было письмо о сдачѣ Азова; извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи послали къ патріарху; святитель заплакалъ отъ радости, тотчасъ приказалъ ударить въ большой вѣстовой колоколъ и народъ со всѣхъ концовъ Москвы поспѣшилъ въ Кремль на молебствіе; Емельянъ Украинцовъ громко, во всеуслышаніе читалъ царскую грамоту о взятіи Азова, присланную на имя патріарха.

Взятіе Азова одинаково принято было съ радостью и приверженцами старины, и компаніею царскою; послѣ долгаго времени это было первое торжество надъ страшными турками. Но больше всѣхъ радовалась компанія Петра; на дѣлѣ теперь доказано было превосходство новаго вооруженія и новаго военнаго строя; доказывалось, что постройка кораблей не прихоть, а дѣло необходимое: безъ помощи флота никогда нельзя было-бы овладѣть Азовомъ, не даромъ царь вызывалъ иностранцевъ, не даромъ учился у нихъ и осыпалъ ихъ милостями.

На другой день послѣ взятія Азова, цесарскому инженеру Лавалю Петръ далъ повелѣніе въ мельчайшихъ подробностяхъ осмотрѣть крѣпость, всю мѣстность и составить планъ для того, чтобы вновь укрѣпить городъ, по всѣмъ правиламъ новѣйшей фортификаціи. Лаваль тотчасъ принялся за дѣло, и черезъ три дня планъ былъ готовъ и представленъ царю. Петръ осмотрѣлъ его, обсудилъ и нашелъ, что онъ вполнѣ годится, и немедленно распорядился, чтобы все войско принялось за работы, подъ руководствомъ инженеровъ, самъ-же, слѣдуя своимъ постояннымъ стрем-

леніямъ, принялся отыскивать мѣсто, годное для гавани, гдѣ-бы могъ помѣщаться будущій флотъ.

Прежде всего Петръ осмотрѣлъ устье Дона; оказалось, что объ немъ



ГАВАНЬ ВЪ ТАГАНРОГѢ.

нечего было и думать: вода въ немъ повышается и понижается отъ вѣтра; но и при этомъ оно такъ мелководно, что плаваніе по немъ неудобно; иногда-же воды въ немъ такъ мало, что проходить можно только на са-

мыхъ незначительныхъ лодкахъ. 26 іюля Петръ со многими генералами, инженерами на галерахъ отправился на поиски; но за мелководьемъ пришлось бросить якорь; простояли всю ночь и не дождались возможности выйти въ море.

Утромъ царь вмѣстѣ со всею своею свитою пересѣлъ въ плоскодонныя лодки, вышелъ въ море и повернулъ на сѣверъ, къ крымской сторонѣ, и въ 4 часа пополудни присталъ къ высокому, необитаемому мысу, Таганъ-Рогу, какъ казаки его называли; берегъ понравился Петру, онъ осмотрѣлъ его, самъ вымѣрилъ глубину залива и пошелъ дальше къ другому мысу, Очаковскому Рогу, и его осмотрѣлъ и близъ него промѣривалъ море; но первый мысъ ему больше понравился; по своему возвышенному положенію, по удобному и обширному мѣсту для гавани и наконецъ по значительному количеству прѣсной воды въ родникѣ, Петръ выбралъ мысъ Таганъ-Рогъ и поручилъ бывшему съ нимъ барону Боргсдорфу начертить планъ для крѣпости и военной гавани.

Возвратясь въ Азовъ, Петръ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что его уже начали укрѣплять. Полки, между тѣмъ, одинъ за другимъ выступали. Петръ наградилъ малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ хорошими подарками; далъ имъ 6 полевыхъ орудій и 15,000 рублей денегъ; кромѣ того всѣхъ старшинъ одарилъ особо. Въ Москву Петръ писалъ Виніусу, чтобы онъ выбралъ удобное мѣсто и построилъ тріумфальную арку, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить войско послѣ такого удачнаго похода. Виніусъ отвѣчалъ, что арку построитъ на концѣ Каменнаго моста, за Москвою рѣкою, но за нею дѣла много и она не можетъ быть готова раньше 18 сентября. По мнѣнію Виніуса для большаго торжества на аркѣ слѣдовало поставить трубачей съ литаврами, да во все время производить колокольный звонъ и пушечную пальбу въ заключеніе онъ просилъ царя не торопиться пріѣздомъ.

Пользуясь этою отсрочкою, Петръ изъ Воронежа поѣхалъ на тульскіе желѣзные заводы, гдѣ его присутствіе было столько-же необходимо и живительно, какъ вездѣ. На пути къ Воронежу, Петра встрѣтилъ Мазепа съ большимъ почетомъ, съ сладкорѣчивымъ привѣтствіемъ и въ подарокъ поднесъ ему саблю въ золотой оправѣ, на золотой цѣпи, всю осыпанную алмазами, яхонтами и рубинами.

Въ дальнѣйшемъ своемъ путешествіи Петръ остановился на желѣзныхъ заводахъ въ Тульской губерніи; онъ заказалъ здѣсь разныя корабельныя принадлежности; здѣсь-же при немъ изъ чугуна отливали различные припасы для будущаго флота, какъ-то: орудія, бомбы, ковали гвозди, скобки, желѣзные якори и т. п. Самъ царь и здѣсь, какъ вездѣ, попытался работать; онъ ковалъ самъ и приглядывался къ работѣ искус-

ныхъ и ловкихъ рабочихъ; въ казенной тульской слободѣ замѣтилъ онъ одного очень смышленаго и проворнаго кузнеца Никиту Демидова; онъ впослѣдствіи сдѣлался знаменитъ, какъ горнозаводчикъ.

Въ Москвѣ между тѣмъ приготовлялись къ новому, до сихъ поръ еще невиданному торжеству; народъ съ утра до вечера толпился у Каменнаго моста, гдѣ строилась тріумфальная арка.

Всѣ войска, возвратившіяся изъ похода и долженствовавшія участвовать въ тріумфальномъ шествіи, собрались въ селѣ Коломенскомъ; когда наконецъ всѣ войска были готовы и Петръ пріѣхалъ, торжество было назначено на 28 сентября. Всѣ жители московскіе толпились по улицамъ, по которымъ шло шествіе; стрѣлецкіе полки, выстроенные по всей дорогѣ въ два ряда, съ ружьями, копьями, литаврами и барабанами, съ трудомъ удерживали напоръ народа. Шествіе шло въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 18 конюшенныхъ, и послѣдній 19-ый съ пищалью, открывали процессію; думный дьякъ Зотовъ въ каретѣ на шестернѣ вороныхъ лошадей; въ одной рукѣ держалъ онъ саблю, въ другой щитъ—подарокъ гетмана Мазепы; за каретой—дьяки и пѣвчіе; бояре Головинъ и Нарышкинъ въ каретѣ о шести лошадяхъ, за ними двѣ коляски; далѣе вели 14 верховыхъ лошадей Лефорта и ѣхали двѣ коляски, каждая въ 6 лошадей; далѣе адмиралъ Лефортъ въ золотыхъ царскихъ саняхъ, запряженныхъ темно-сѣрыми лошадьми, за нимъ несли знакъ его достоинства, по сторонамъ шли копейщики, позади капитаны, а во главѣ ихъ Петръ Алексѣевъ, въ мундирѣ морского капитана, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ; за нимъ солдаты морского вѣдомства, по 8 человѣкъ въ рядъ, далѣе вице и контръ-адмиралы, тоже съ солдатами, далѣе везли морской значекъ и морское знамя и значекъ боярина Шейна, окруженные литаврщиками и трубачами; за ними 30 человѣкъ вершниковъ въ панцыряхъ и шишакахъ, далѣе пустая карета въ шесть лошадей и при ней два карла; далѣе конюшій и восемь верховыхъ лошадей, за ними хоръ музыки и двѣ роты трубачей везли большое царское знамя съ ликомъ Спасителя, у знамени воевода князь Львовъ; по сторонамъ шли солдаты съ копьями а позади, въ каретѣ о шести лошадяхъ сидѣли два священника въ полномъ облаченіи и два дьякона съ образомъ Спасителя и животворящимъ крестомъ; ближній бояринъ и воевода Шеинъ ѣхалъ верхомъ; его окружала свита изъ шести человѣкъ, съ обнаженными палашами, и слѣдовало нѣсколько военныхъ и статскихъ чиновъ, начальникъ артиллеріи, воевода и стольникъ Зерновъ; далѣе солдаты тащили по землѣ 16 знаменъ и вели плѣннаго татарина Аталыка; потомъ ѣхалъ генералъ Головинъ; около него тоже шесть человѣкъ съ палашами и нѣсколько военныхъ и статскихъ чиновъ; Преображенскій полкъ шелъ съ

копьями и мушкетами; за нимъ Семеновскій полкъ, иностранные инженеры, корабельные мастера и плотники, пять стрѣлецкихъ полковъ, генералъ Гордонъ со штабомъ и генеральскимъ значкомъ; за нимъ плѣнные турки въ бѣлыхъ одеждахъ, и опять семь стрѣлецкихъ полковъ.

Стрѣльцы, разставленные по улицамъ, привѣтствовали шествіе ружейными выстрѣлами, барабаннымъ боемъ и трубными тушами. Съ вершины тріумфальной арки строитель ея, Виніусъ, въ трубу говорилъ привѣтствіе въ стихахъ. Московскіе жители съ изумленіемъ смотрѣли на шествіе, какого еще до сихъ поръ не видывали, и болѣе всего удивлялись тому, что самъ царь всѣ почести предоставляетъ своимъ подданнымъ, а самъ такъ скромно, пѣшкомъ идетъ за колесницей Лефорта.

Награды розданы были въ старинномъ вкусѣ: Шеинъ получилъ медаль въ 13 червонцевъ, кубокъ съ крышкою, золотой кафтанъ на соболяхъ, увеличеніе жалованья и вотчину въ 305 дворовъ; Лефортъ—медаль въ 7 червонцевъ, кубокъ съ крышкою, золотой кафтанъ на соболяхъ и вотчину въ 140 дворовъ; остальные генералы, полковники и офицеры, смотря по чину, получили медали, кубки, кафтаны и вотчины. Рядовымъ солдатамъ и стрѣльцамъ досталось по золоченой копѣйкѣ.



Бояринъ А. С. Шеинъ.
(Съ совр. грав. портрета.)





МЕДАЛЬ НА ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА I ПО ЕВРОПѢ.

ГЛАВА XI.

Строеніе кораблей кумпанствами.—Посылка молодыхъ людей за границу.—Намѣреніе Петра самому ѣхать за границу.—Волненіе.—Замыселъ Цыклера и Соковнина.—Отъѣздъ Петра за границу.—Свиданіе Петра съ курфюрстинами Софіей и Шарлоттой.—Пріѣздъ въ Саардамъ и пребываніе въ немъ.—Отправленіе въ Амстердамъ.—Работы на верфи.—Причины поѣздки въ Англію.

Прошло около мѣсяца послѣ торжественнаго въѣзда войскъ и покоренія Азова. Петръ обдумывалъ свои дальнѣйшія предпріятія; тѣ изъ его совѣтниковъ въ боярской думѣ, которые полагали, что послѣ покоренія Азова всѣ издержки уменьшатся, и царь успокоится, будетъ жить въ Кремлѣ, подобно предкамъ своимъ, жестоко ошиблись. Въ пылкой душѣ Петра кипѣли замыслы, одинъ обширнѣе другого. Прежде всего ему надобно было нагнать страхъ на турецкаго султана, а это возможно было только при помощи флота; слѣдовательно, прежде всего надобно было устроить крѣпость и гавань на Азовскомъ морѣ и завести флотъ.

Петръ собралъ боярскую думу въ село Преображенское и предложилъ нѣсколько вопросовъ; первый состоялъ въ томъ, чтобы опредѣлить, кѣмъ населить опустошенный и кое-какъ поправленный Азовъ. Положили переселить въ него 3000 семей изъ низовыхъ городовъ, съ 400 всадниками изъ калмыковъ.

За первымъ послѣдовалъ второй вопросъ. Когда Азовъ будетъ населенъ, то надобно позаботиться о томъ, чтобы удержать его за собою, и жителямъ доставить возможность вести торговлю; но упрочить за Россіей Азовъ и начать торговое плаваніе на Азовскомъ морѣ можно было только при содѣйствіи флота. Петръ такъ ясно доказалъ необходимость флота,

что послѣ двухъ совѣщаній и послѣ того, какъ собраны были всѣ необходимыя справки, положено было: корабли построить, оснастить и вооружить къ 1698 году, на суммы всего русскаго народа, а именно: вотчинниковъ и помѣщиковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; посады, слободы и всякіе другіе собственники должны были участвовать въ этой общей повинности; лица духовнаго званія, патріархъ и монастыри съ каждыхъ 8,000 крестьянскихъ дворовъ должны были построить по одному кораблю; съ бояръ и со всѣхъ служащихъ государству лицъ, съ каждыхъ 10,000 крестьянскихъ дворовъ по кораблю; со всѣхъ торговыхъ людей, со всѣхъ слободъ и городовъ, вмѣсто одной десятой деньги, которую съ нихъ собрали въ прошедшіе годы, потребовано было выстроить 12 кораблей, со всѣми припасами.

Далѣе положено было изъ землевладѣльцевъ духовныхъ и свѣтскихъ составить отдѣльные кумпанства для постройки кораблей; тогда духовные составили 17, а свѣтскіе 18 компаній. Чтобы составить эти кумпанства, царскимъ указомъ въ Москву были вызваны всѣ вотчинники, имѣющіе сто крестьянскихъ дворовъ; мелкопомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двора. Всѣ дѣла по кораблестроенію отданы были въ особый приказъ, которымъ управлялъ окольничій Протасьевъ; онъ по этому случаю получилъ званіе адмиралтейца; его обязанность состояла въ томъ, чтобы сдѣлать правильную раскладку этой новой статьи сбора. Собравшіеся въ Москву вотчинники соединились въ кумпанства для постройки кораблей, духовные сошлись съ духовными, свѣтскіе съ свѣтскими; гости и другихъ званій люди изъ среды своей выбрали надежныхъ людей для сбора и для расходованія денегъ, собранныхъ на корабельную повинность. Изъ приказа по всѣмъ кумпанствамъ разосланы были списки предметовъ и матеріаловъ, нужныхъ для постройки и для вооруженія кораблей; къ нимъ приложены были чертежи корабельныхъ частей и ихъ размѣры. Каждая компанія обязана была, кромѣ русскихъ плотниковъ, содержать на свой счетъ иностраннаго корабельнаго мастера, переводчика, кузнеца, рѣзщика, столяра, живописца и лѣкаря съ аптекою. Заготовлять матеріалы должны были въ верховьяхъ Дона и по Волгѣ; преимущественно въ лѣсахъ уѣздовъ Воронежскаго, Усманскаго, Бѣлоколодскаго, Романовскаго, Сокольскаго и Козловскаго. Изъ Западной Европы, особенно изъ Венеціи, Голландіи, Даніи, Швеціи, положено было вызвать искусныхъ и опытныхъ корабельныхъ мастеровъ и распредѣлить ихъ по кумпанствамъ. Въ тѣ же засѣданія положено было, со временемъ, выкопать соединительный каналъ между Дономъ и Волгою, а именно между рѣками Иловлею и Камышинкою.

Ближайшій надзоръ за работами и заготовленіе матеріаловъ пору-

чено было Францу Тиммерману. Но царь чувствовалъ, что для приведенія въ исполненіе его великихъ замысловъ ему нужны люди, на которыхъ можно было положиться. Петръ зналъ, что вызвать изъ-за границы иностранныхъ мастеровъ можно; оттуда наѣдетъ много народу, но кто поручится, что пріѣдутъ люди дѣйствительно знающіе, которые честно будутъ строить; кто ихъ будетъ повѣрять? Для того, чтобы понимать во всякомъ дѣлѣ, что хорошо и что дурно сдѣлано, самому надобно быть знакомымъ съ дѣломъ. Петру надобно было имѣть побольше такихъ людей, которые могли бы наблюдать за работами, и онъ рѣшился послать за границу молодыхъ, способныхъ людей, которые бы учились архитектурѣ, корабельному искусству, инженернымъ и другимъ наукамъ. Петръ выбралъ для этой цѣли пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ и отправилъ ихъ за границу: 28 человѣкъ въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 человѣка въ Англію и въ Голландію.



ФРАНЦЪ ТИММЕРМАНЪ.
(Соврем. гравюра Шхонебека).

Но это еще не успокоило молодого и пылкаго царя; у него родилось опасеніе: хорошо-ли исполнятъ дворяне возложенное на нихъ порученіе, будутъ ли они ревностно учиться, поймутъ ли они то, чего отъ нихъ требуетъ польза Россіи? Къ тому же, Петръ замѣтилъ, съ какою неохотой предпринималось путешествіе. Чтобы какъ можно больше хорошаго вышло изъ отправленія ихъ за границу, надобно было самому Петру побывать вездѣ заранѣе, все узнать самому, чтобы потомъ быть въ состояніи оцѣнить, съ какою пользою молодые дворяне провели свое время въ иностранныхъ государствахъ. И Петръ рѣшился, съ своими надежными бомбардирами Преображенскаго полка, отправиться въ чужія земли, гдѣ болѣе всего развилось мореходство, чтобы на дѣлѣ изучить кораблестроеніе во всѣхъ видахъ до высшихъ, основныхъ началъ и ежели представится случай, то узнать и управленіе кораблемъ. Лефортъ много содѣйствовалъ порожденію и приведенію въ исполненіе этого плана; онъ указалъ Петру вѣрный способъ скорѣе и основатель-

нѣе двинуть впередъ еще дремлющія въ Россіи силы и пробудить ее къ новой жизни.

Чтобы не стѣсняться формами и церемоніаломъ, неизбѣжнымъ, ежели-бы онъ поѣхалъ за границу какъ русскій царь, чтобы свободнѣе вездѣ бывать и учиться, гдѣ и чему захочетъ, Петръ придумалъ снарядить большое посольство въ главнѣйшія государства Западной Европы и самому присоединиться къ нему подъ скромнымъ названіемъ урядника Преображенскаго полка, Петра Михаилова.

Великими, полномочными послами были назначены: адмиралъ, намѣстникъ новгородскій—Лефортъ, генералъ и воинскій комиссаръ, намѣстникъ сибирскій—Головинъ и думный дьякъ, намѣстникъ бѣлевскій—Возницынъ; имъ даны были вѣрющія полномочныя грамоты для утвержденія древней дружбы и любви между Россіей и западными державами Европы, для того чтобы согласиться, какимъ способомъ ослабить враговъ креста Господня—турецкаго султана, крымскаго хана и всѣхъ басурманскихъ ордъ. Расходы на издержки посольскія были увеличены противъ того, какъ бывали во времена предыдущихъ царствованій. Къ посольской свитѣ было прикомандировано 20 дворянъ и 35 волонтеровъ.

Обязанность дворянъ состояла въ томъ, чтобы безотлучно находиться при посольствахъ, исполнять всѣ порученія, присутствовать при аудіенціяхъ и т. д.

Волонтеры отправлялись на этотъ разъ съ исключительною цѣлью изучать морское дѣло; они составляли особый отрядъ, раздѣленный на три десятка, подъ начальствомъ командора, князя Черкаскаго. Это были бомбардиры Преображенскаго полка; они участвовали во всѣхъ потѣхахъ и во всѣхъ походахъ Петра; они вмѣстѣ съ нимъ строили суда на Переяславскомъ озерѣ, были и работали въ Архангельскѣ, въ Воронежѣ; они вынесли вмѣстѣ съ царемъ всѣ битвы подъ Азовомъ и первые были въ траншеяхъ и на приступѣ. Къ тремъ десяткамъ испытанныхъ бомбардировъ, по волѣ царя, волонтерами приписаны были маленькій сынъ князя Голицына, два сына Головина, Нарышкинъ и царевичъ имеретійскій Аргиловичъ. Десятникомъ перваго десятка былъ Гавріилъ Кобылинъ, второго десятка—Петръ Михайловъ (царь), въ третьемъ—Ѳедоръ Плещеевъ.

Петръ для памяти составилъ для посольства собственноручную записку, въ которой, между прочимъ, говорилось о прiисканіи за границей для русской службы искусныхъ морскихъ офицеровъ, боцмановъ, штурмановъ, матросовъ, о наймѣ корабельныхъ мастеровъ, о покупкѣ оружія и разныхъ принадлежностей для флота: полотенъ, блоковъ, большихъ и малыхъ пилъ и другихъ инструментовъ; бумаги для картушей,

свинцу, мѣдныхъ листовъ, кожи для помпъ, гарусу, т. е. шерстяной флаговой матеріи на знамена и вымпелы — бѣлаго, синяго и краснаго цвѣта и т. д.

Политическая цѣль посольства состояла въ томъ, чтобы съ Австріей заключить оборонительный и наступательный союзъ противъ турокъ, съ Бранденбургомъ, Голландіей и Англіей—торговый договоръ.



ФРАНЦЪ ЛЕФОРТЪ.
(Портретъ П. Шенка, гравюра Д. Сорникъ).

Управленіе государствомъ Петръ поручилъ тремъ знатнѣйшимъ вельможамъ: боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну и князю Петру Ивановичу Прозоровскому; предоставилъ имъ право управлять государствомъ отъ имени Петра, какъ-будто онъ и не оставлялъ Москвы.

Петръ не упустилъ изъ вниманія оборону южныхъ границъ Россіи, гдѣ надобно было ожидать нападенія турокъ. Къ Азову стянута была значительная армія и командованіе ею было поручено боярину А. С. Шеину; ему же поручено было передѣлать и укрѣпить Азовъ по плану

австрійскаго инженера Лаваля, построить за Таганъ-Рогомъ укрѣпленный фортъ, промѣрить рукава Дона и устроить корабельную гавань съ крѣпостью на Таганрогѣ. На низовье Днѣпра отправленъ былъ особый отрядъ, и значительное войско приказано собрать и придвинуть къ границамъ Польши.

Польскій король Янъ III Собіескій умеръ уже восемь мѣсяцевъ тому назадъ; но сеймъ не могъ рѣшиться, кого избрать на его мѣсто; народъ и дворянство спорили, непокорное войско шумѣло и грабило коронныя земли, потому что жалованья ему не давали. Сеймъ, утомленный раздорами непріязненныхъ партій, сталъ звать на престолъ французскаго принца, союзника Турціи; Петръ безпокоился, чтобы выборъ этотъ не состоялся, и, чтобы воспрепятствовать ему, рѣшился двинуть войска сначала къ границамъ, а потомъ и далѣе, ежели понадобится.

Позаботившись такимъ образомъ о внутреннемъ управленіи государства и внѣшней его безопасности, Петръ приказалъ посольству собираться въ путь. День отъѣзда былъ уже назначенъ на 23 февраля 1697 года. Наканунѣ отъѣзда Лефортъ давалъ прощальный вечеръ въ своемъ домѣ, съ музыкой и танцами.

Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда Петру доложили, что просятъ его выйти въ другую комнату, гдѣ его дожидаются два стрѣльца. Петръ вышелъ къ нимъ; они повалились предъ нимъ на землю ницъ и просили милости и пощады. Они донесли, что думный дворянинъ Иванъ Цыклеръ подговариваетъ стрѣльцовъ зажечь въ ту же ночь домъ Лефорта и на пожарѣ умертвить государя.

Петръ хладнокровно выслушалъ донесеніе, разспросилъ, гдѣ собрались заговорщики, и пошелъ назадъ къ пирующимъ. Тамъ онъ очень спокойно объявилъ, что есть дѣло, которое требуетъ его немедленнаго присутствія, но просилъ дождаться его и не прерывать веселья, выбралъ нѣсколькихъ сильныхъ и приверженныхъ къ себѣ людей, вмѣстѣ съ ними вышелъ и, не говоря имъ, въ чемъ дѣло, прямо поѣхалъ въ домъ Цыклера; неожиданно вошелъ въ комнату, наполненную заговорщиками, навелъ на нихъ ужасъ своимъ грознымъ видомъ и тутъ же приказалъ схватить и связать Цыклера и отвезти его въ село Преображенское, гдѣ и допросилъ его.

Цыклеръ еще прежде принадлежалъ къ приверженцамъ Софіи и, какъ человѣкъ честолюбивый, первый оставилъ ее, когда власть ея поколебалась; первый явился къ Троицѣ, надѣясь такой покорностью заслужить любовь Петра и его милости, но Петръ всегда чуждался его, и никогда нога его не переступала порога его дома, что очень оскорбляло Цыклера; при отъѣздѣ за границу, Петръ назначилъ Цыклера въ Азовъ

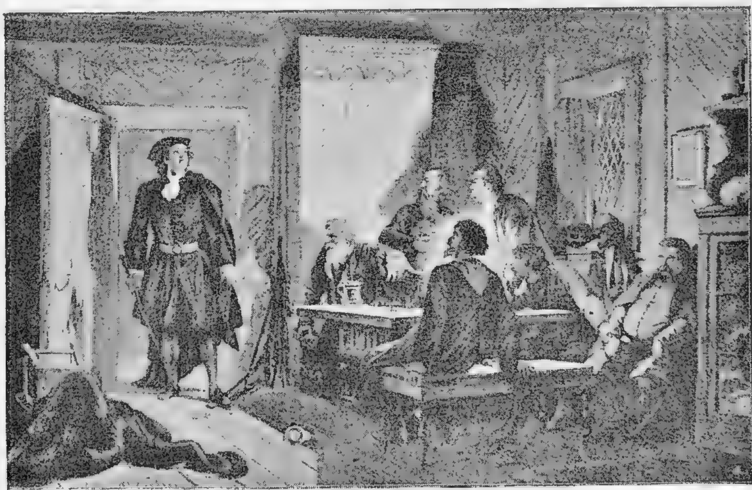


ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ СААРДАМѢ.

(Картина Ф. Фогеля).

на воеводство, что, по тогдашнимъ понятіямъ, равнялось вѣжливому изгнанію. Цыклеръ хотѣлъ отомстить за это; онъ воспользовался постояннымъ неудовольствіемъ стрѣльцовъ за то, что Петръ имъ предпочиталъ солдатъ, и задумалъ у нихъ искать себѣ сообщниковъ. Сообщникъ его Соковнинъ, какъ закоренѣлый раскольникъ, ненавидѣлъ всѣ новизны и присталъ къ партіи Цыклера, а вслѣдъ за тѣмъ и родственникъ его Пушкинъ, раздосадованный тѣмъ, что его племянника насильно отправили учиться за границу.

Все это обнаружилось мало-по-малу послѣ допросовъ и пытки. Раздраженный царь хотѣлъ страшнымъ примѣромъ остановить дальнѣй-



ПЕТРЪ I ВЪ ДОМѢ ЦЫКЛЕРА НАКРЫВАЕТЪ ЗАГОВОРЩИКОВЪ (23-го ФЕВРАЛЯ 1697 г.)
(Картина А. I. Шарлеманя).

шіе заговоры и бунты. Онъ созвалъ боярскую думу и приказалъ судить Цыклера, Соковнина и Пушкина; ихъ приговорили къ четвертованію.

Родственники ихъ были разосланы въ разныя далекія отъ Москвы города.

Должно-быть, родственники царицы, Лопухины, принимали какое-нибудь косвенное участіе въ этомъ заговорѣ, потому что и они безъ суда и безъ слѣдствія были отправлены въ ссылку.

Когда всѣ смуты были покончены, Петръ опять далъ приказаніе посольству собираться въ путешествіе.

Посольство поѣхало на своихъ лошадяхъ на Тверь, Псковъ и Ригу въ Пруссію. Изъ Пскова воевода написалъ рижскому губернатору, что посольство ѣдетъ, и требовалъ приличнаго пріема, какъ то положено по договору съ Швеціей. Губернаторъ Дальбергъ отвѣчалъ, что ему надобно

знать, какъ велико число людей, составляющихъ посольство, но что на всякій случай онъ велѣлъ приготовить подводы и содержаніе, а для исполненія назначилъ особаго пристава; но въ то же время присовокуплялъ, что въ Лифляндіи большой голодъ, и потому просилъ довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ.

За милю отъ Риги посольство дожидали три легкія кареты отъ губернатора, а за полмили—60 рейтаровъ и 6 каретъ, въ томъ числѣ одна золоченая. Начальникъ рейтаръ сказалъ поздравительную рѣчь, за нимъ вторую произнесъ начальникъ выборныхъ рижскихъ гражданъ (шварцгейптеровъ); они выѣхали на встрѣчу на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой сбруѣ, въ роскошной бархатной одеждѣ, въ парадныхъ мантіяхъ, съ бѣлыми страусовыми перьями на шляпахъ и съ обнаженными мечами въ рукахъ, съ знаменами, трубами и литаврами. Посольство торжественно въѣхало въ Ригу и помѣстилось въ трехъ нарочно для нихъ приготовленныхъ домахъ.

На слѣдующій день двое посольскихъ дворянъ представлялись Дальбергу и благодарили его за хорошій пріемъ; онъ отвѣчалъ ласково, обѣщая позаботиться о всѣхъ нуждахъ посольства, и извинялся въ тѣхъ неудобствахъ, какія посольство встрѣтило на дорогѣ, и которыя произошли единственно оттого, что въ Лифляндіи неурожайный и голодный годъ.

Петръ былъ доволенъ пріемомъ, но Двина вскрылась и продолжать путешествія нельзя было, надобно было недѣлю прожить въ полномъ бездѣйствіи. Со стороны губернатора пошли непріятности; онъ не доставлялъ съѣстныхъ припасовъ, не позволялъ посольскимъ людямъ свободно ходить по городу, за ними присматривали, какъ за шпіонами; самъ Дальбергъ не отдалъ визита посольству, и хотя ему извѣстно было, что царь находился въ свитѣ, онъ дѣлалъ видъ, что этого не знаетъ и не постарался доставить Петру ни малѣйшаго удовольствія, не позволилъ осмотрѣть крѣпости и достопримѣчательностей Риги. Онъ не позволилъ ему даже издали, въ зрительную трубу, посмотрѣть на крѣпость; отъ Лефорта онъ требовалъ, чтобы никто изъ русскихъ не выходилъ изъ домовъ и не позволялъ себѣ никакихъ вольностей. Лефортъ всѣми силами доказывалъ раздраженному Петру, что Дальбергъ имѣетъ право такъ поступать, потому что Рига пограничный городъ и губернаторъ долженъ заботиться о томъ, чтобы система ея укрѣпленій осталась тайною для такого опаснаго сосѣда, какъ Россія, но Петръ былъ оскорбленъ такою невнимательностію и Ригу прозвалъ п р о к л я т ы м ъ м ѣ с т о м ъ, а при первой возможности, въ рыбачьей лодкѣ съ нѣсколькими изъ своихъ бомбардировъ, переправился черезъ Двину и одинъ уѣхалъ въ

Курляндію, предоставивъ посольству пробираться далѣе, какъ оно знаетъ.

Пріемъ, сдѣланный посольству въ Курляндіи герцогомъ, былъ самый



ПОРТРЕТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, НАРИСОВАННЫЙ НЕИЗВѢСТНЫМЪ ГОЛЛАНДСКИМЪ ХУДОЖНИКОМЪ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЦАРЯ ВЪ СААРДАМѢ.

(Импер. публ. библ.).

радушный. Онъ лично отдалъ визитъ посольству и долго разговаривалъ съ Петромъ и послами о польскихъ и турецкихъ дѣлахъ. Посольство провело недѣлю въ Митавѣ, но Петру и здѣсь стало скучно: нечего

было осматривать, ни заводовъ, ни фабрикъ; онъ опять оставилъ посольство, простился съ герцогомъ, поблагодарилъ его за ласковый пріемъ и поѣхалъ въ Либаву; тутъ онъ въ первый разъ познакомился съ Балтійскимъ моремъ, какъ онъ говоритъ, и, для дальнѣйшаго путешествія своихъ бомбардировъ и своего, нанялъ купеческій корабль, приказавъ посольству продолжать путешествіе по твердой землѣ.

Но изъ Либавы тоже нельзя было тронуться; шумѣли вѣтры, и море бушевало во всемъ своемъ грозномъ величіи; дѣлать Петру и здѣсь нечего было, но онъ не скучалъ, а осматривалъ все, что можно было; заходилъ даже въ аптеку, гдѣ видѣлъ необыкновенное для него животное, о которомъ самъ пишетъ: «Здѣсь я видѣлъ диковинку, о которой у насъ говорятъ, какъ о небывальщинѣ: въ аптекѣ, въ склянкѣ со спиртомъ я видѣлъ саламандру (сулескандру); я ее вынималъ, осматривалъ, держалъ въ рукахъ; она точь въ точь такая, какъ описываютъ».

Только 2 мая подулъ попутный вѣтеръ, и Петръ на купеческомъ кораблѣ «Св. Георгій» вышелъ изъ гавани и черезъ два дня былъ уже у Фрингафа; отсюда далъ знать курфюрсту Бранденбургскому Фридриху III о своемъ прибытіи и о желаніи видѣться съ нимъ запросто. Курфюрстъ пригласилъ Петра къ себѣ въ Кенигсбергъ; здѣсь его называли московскимъ оберъ-командоромъ и заботились, чтобы ни онъ, ни свита его не терпѣли ни въ чемъ недостатка.

Въ ожиданіи прибытія посольства, Петръ осматривалъ Кенигсбергъ и занялся изученіемъ артиллеріи, подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей, Штейтнера-фонъ-Штернфельда; впослѣдствіи Петръ получилъ отъ него аттестатъ на имя Петра Михайлова въ томъ, что признаетъ его за отличнаго, осторожнаго и искуснаго огнестрѣльнаго художника, одинаково хорошо изучившаго теорію и практику.

Въ приготовленномъ для посольства домѣ ихъ дожидался роскошный столъ, а на порогѣ встрѣтилъ ихъ камергеръ курфюрста съ поздравительною рѣчью. Столъ былъ накрытъ великолѣпно, вездѣ блистало серебро, подавали и ужинали на серебрѣ, прислуживали придворные чиновники и пажи; тосты за здоровье провозглашалъ генералъ-кригскомиссаръ, а когда пили за здоровье царя, загремѣли трубы, литавры и раздались пушечные выстрѣлы.

Аудіенція у курфюрста великолѣпіемъ и торжественностію соотвѣтствовала встрѣчѣ. Русскіе послы были въ русскихъ парчевыхъ кафтанахъ, унизанныхъ жемчугомъ и дорогими каменьями, съ бриліантовыми пуговицами и съ алмазными двуглавыми орлами на дорогихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Курфюрстъ принялъ ихъ на тронѣ, подъ балдахиномъ, въ красной

бархатной одеждѣ, усѣянной брилліантами, въ шляпѣ съ перьями, съ рыцарскимъ знакомъ, тоже усаженнымъ брилліантами, на груди. По обѣимъ сторонамъ трона стояли маркграфъ Альбрехтъ и герцогъ Гольштинскій, далѣе оберъ-президентъ, министры и вельможи. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій курфюрстъ выразилъ желаніе заключить съ Россіей оборонительный и наступательный союзъ. Но Петръ не хотѣлъ нарушать своихъ отношеній съ ближайшими сосѣдями, Польшей и Швеціей, поэтому только словесно заключилъ оборонительный союзъ, а на бумагѣ дружественный договоръ, въ которомъ были постановлены правила свободной торговли между обѣими державами, позволеніе провозить товары изъ Россіи въ другія европейскія государства, а изъ Бранденбурга—въ Персію и Китай.

Петръ остался въ Кенигсбергѣ долѣе, чѣмъ предполагалъ: его задержали волненія въ Польшѣ, гдѣ французская партія усиливалась; чтобы противодѣйствовать ей, Петръ послалъ граматы своему послу, въ которыхъ ясно выразилъ, что всѣми силами будетъ противодѣйствовать избранію короля, находящагося въ дружбѣ съ Турціей и Крымомъ, враждебными Россіи.

Грамата Петра пришла за два дня до выборовъ и произвела желанное дѣйствіе: въ Польшѣ двѣ партіи избрали двухъ королей: одна партія избрала французскаго принца Конти; другая—курфюрста саксонскаго Августа; послѣдняго поддерживалъ русскій резидентъ. Петръ послалъ поздравительную грамату Августу и велѣлъ объявить польскимъ избирателямъ, что для защиты республики отъ Конти и его партіи къ Литовской границѣ придвинуто войско. Августъ съ своимъ войскомъ вступилъ въ Польшу, присягнулъ, принялъ католичество и далъ честное слово царю быть съ нимъ заодно противъ враговъ христіанской вѣры.

Устроивъ польскія дѣла, Петръ рѣшился продолжать свое путешествіе. Выѣхалъ онъ вмѣстѣ съ посольствомъ, но, по своему обыкновенію, оставилъ его въ дорогѣ и поѣхалъ впередъ одинъ.

Вѣсть о Петрѣ между тѣмъ предшествовала ему; двѣ образованнѣйшія европейскія принцессы—Ганноверская курфюрстина Софія и дочь ея курфюрстина Бранденбургская Шарлотта поспѣшили къ нему навстрѣчу, чтобы увидѣться съ этимъ великимъ человѣкомъ, молва о которомъ уже распространилась при всѣхъ дворахъ западной Европы. Онѣ не посмотрѣли ни на дурную дорогу, ни на неудобное помѣщеніе въ бѣдномъ мѣстечкѣ Коппенбургѣ и съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Петра.

Около 8 часовъ вечера прибылъ царь и остановился въ крестьянскомъ домѣ. Къ нему тотчасъ пришелъ камергеръ и просилъ пожаловать

къ курфюрстинамъ, но Петръ наотрѣзъ отказался идти: ему непріятно было быть предметомъ любопытства. Но приближенные и посланные не переставали уговаривать его; черезъ часъ Петръ наконецъ согласился идти, но только съ условіемъ, чтобы при свиданіи не было никого изъ придворныхъ, а только члены семейства.

Придворные, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, хотѣли взглянуть на царя хоть мимоходомъ и толпою собрались у входныхъ дверей дома, но это имъ не удалось: Петръ прошелъ дворами и вошелъ въ домъ заднимъ крыльцомъ.

Принцессы встрѣтили своего гостя въ комнатѣ подлѣ столовой и дружелюбно привѣтствовали его, но онъ такъ смѣшался, что, какъ застѣнчивый ребенокъ, рукою закрылъ себѣ глаза и на всѣ любезности принцессъ отвѣчалъ: «Я не могу говорить». Принцессы были поражены высокимъ ростомъ и наружностію Петра и вотъ что онѣ сами пишутъ: «Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица, осанка и движенія исполнены силы и благородства; умъ у него живой и оборотливый; отвѣты быстры и мѣтки. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми его одарила природа, хорошо было-бы, если-бы въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дурной: въ нравственномъ смыслѣ онъ вполнѣ представитель своей страны. Еслибы онъ получилъ лучшее воспитаніе, изъ него вышелъ-бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и умъ—необыкновенный».

Принцессы посадили царя между собою за ужиномъ и не переставали съ нимъ разговаривать; первоначальная застѣнчивость его исчезла, и онъ очаровалъ ихъ своимъ умомъ и находчивостью.

Особенно понравилась Петру живая, остроумная курфюрстина Софія Шарлотта; онъ на память обмѣнялся съ нею табакеркою.

Когда Петръ уже освоился и развеселился, принцессы уговорили его позволить придворнымъ войти въ залъ. Какъ скоро дамы и кавалеры наполнили залъ, царь приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ стать у дверей и никого не выпускать и самъ началъ угощать виномъ всѣхъ поочередно; онъ велѣлъ принести большіе стаканы, самъ наливалъ и подавалъ ихъ придворнымъ: мужчины принуждены были, въ угоду ему, выпивать по три и по четыре стакана, а дамы по одному; принцессы тоже пили вмѣстѣ съ нимъ, по его просьбѣ, по московскому обычаю, стоя, за здоровье царя, курфюрста и свое собственное.

Для большаго удовольствія и для того, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на Петра пѣніе, курфюрстины велѣли позвать итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, нарочно привезенныхъ съ собою, и заставили ихъ пѣть. Петръ слушалъ очень внимательно, поднесъ стаканъ



ВИДЪ ГОРОДА СААРДАМА.

вина лучшему пѣвцу, но объявилъ, что особенной любви къ музыкѣ у него нѣтъ.

— Можетъ-быть, вы лучше любите охоту?—спросила курфюрстина.

— Нѣтъ, отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я къ этой забавѣ не чувствую никакой склонности; но за то очень люблю плавать по морю, строить корабли и пускать фейерверки!—При этомъ онъ показалъ принцессамъ свои руки, покрытыя мозолями и огрубѣвшія отъ работы.

Послѣ ужина принцессы хотѣли посмотрѣть, какъ пляшутъ по-русски и велѣли позвать русскихъ музыкантовъ; но Петръ не хотѣлъ начать танцевъ, если сами принцессы не покажутъ ему, какъ онѣ танцуютъ; онѣ охотно согласились исполнить его желаніе и сами открыли балъ съ своими придворными, потомъ начали вмѣстѣ съ Петромъ танцовать русскую, Лефортъ объяснялъ позы и движенія. Русская пляска понравилась принцессамъ, и балъ продолжался до 4 часовъ утра. Петръ былъ очень веселъ и любезенъ; онъ взялъ принцессу Софію—Доротею (будущую королеву прусскую, мать Фридриха II), тогда еще десятилѣтнюю дѣвочку, за уши, приподнялъ и поцѣловалъ ее два раза и при этомъ измялъ ея головной уборъ; цѣловалъ также и брата ея Георга, бывшаго впослѣдствіи англійскимъ королемъ.

Изъ Коппенбурга Петръ далѣе поѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ; но

у рѣки Липпе опять оставилъ его и въ лодкѣ спустился далѣе, пробрался къ Рейну и по немъ, съ 18 человѣками волонтеровъ, поплылъ въ Голландію. Въ первой голландской гостинницѣ русскихъ разсматривали съ любопытствомъ, потому что вѣсть о приближавшемся великомъ посольствѣ царя русскаго уже дошла до Голландіи, и его тамъ ожидали съ нетерпѣніемъ. Петръ по каналамъ и по рукаву Рейна отправился къ Саардаму, или Заандаму—мѣстечко на сѣверо-западъ отъ Амстердама. Всѣхъ своихъ спутниковъ царь оставилъ въ Амстердамѣ, взявъ съ собою только шестерыхъ, въ томъ числѣ царевича Имеретійскаго, Гавріила и Александра Меншиковыхъ, своихъ любимыхъ преображенскихъ плотниковъ—бомбардировъ и съ ними поплылъ къ Саардаму на лодкѣ. Ночь 7 августа застала его неподалеку отъ мѣста назначенія, и онъ, къ величайшей досадѣ своей, долженъ былъ остановиться. На другой день на разсвѣтѣ царь поплылъ дальше; подъ городомъ въ Форзанѣ онъ замѣтилъ знакомаго; на лодкѣ ловилъ рыбу бывшій въ Россіи кузнецъ Кистъ: Петръ окликнулъ его; Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и остолбенѣлъ отъ удивленія, когда въ одеждѣ голландскаго плотника—красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ, съ круглой клеенчатой шляпой на головѣ, увидѣлъ передъ собою царя Московскаго. Удивленіе его еще усилилось, когда царь сказалъ ему:

— Ну, товарищъ Кистъ, я твой жилецъ и прошу тебя дать мнѣ у себя въ домѣ квартиру!

— Царь, я бѣденъ, жить тебѣ въ моей лачугѣ не пристало, да и свободной комнаты у меня нѣтъ.

— Все равно, отдай мнѣ чуланъ какой-нибудь: неужели ты одинъ занимаешь весь домъ?

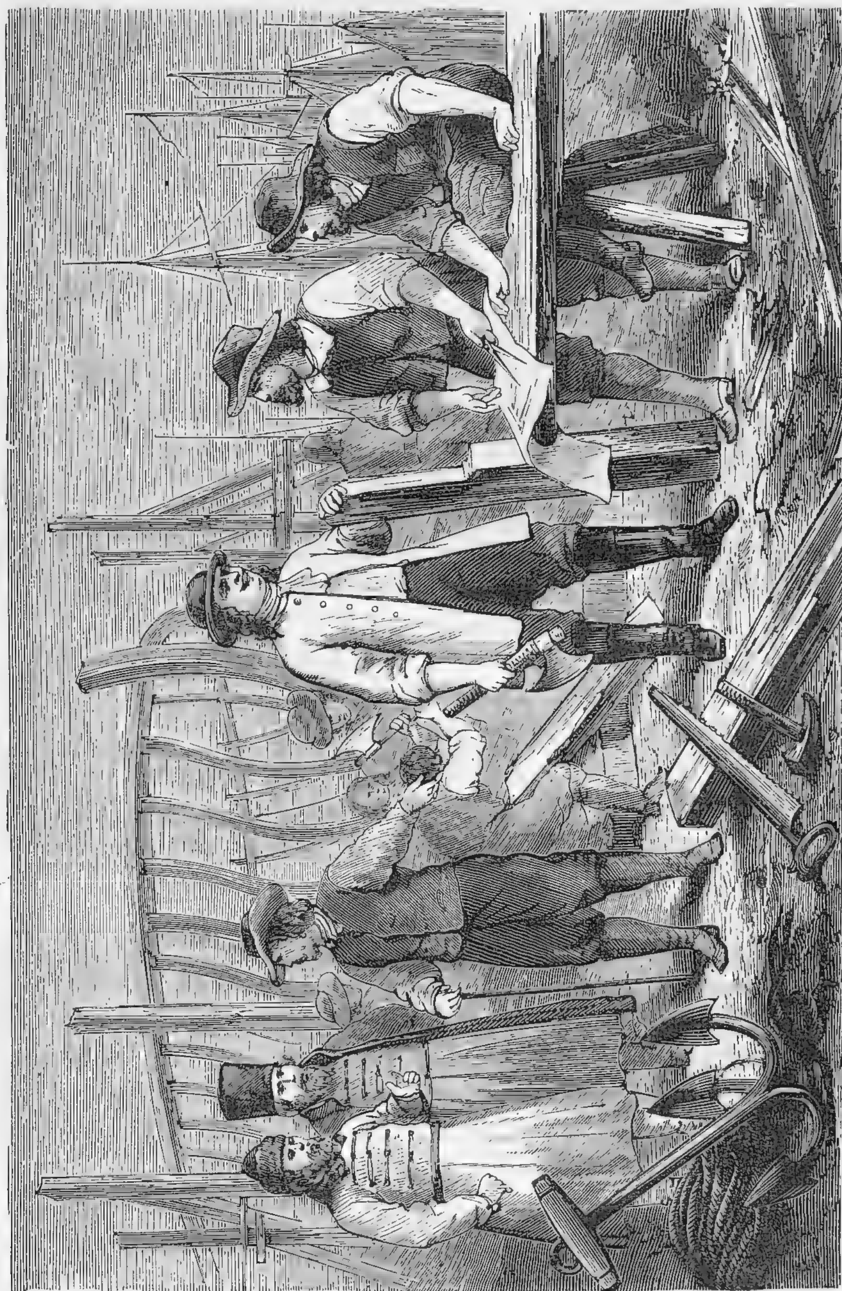
— Что у меня за домъ? просто хижина: въ одной половинѣ я самъ живу съ женою, а въ задней половинѣ живетъ у меня вдова поденщика. Петръ настоялъ на томъ, чтобы эта задняя часть дома была приготовлена для него, далъ задатокъ; Кистъ причалилъ и опрометью бросился домой, чтобы исполнить царскую волю; за семь гульденовъ онъ уговорилъ вдову очистить квартиру.

Царь съ своими спутниками пока вошелъ въ гостинницу Выдры. День былъ воскресный; народъ толпился на улицахъ. Русскій костюмъ царскихъ спутниковъ привлекалъ вниманіе, и въ народѣ слышались вопросы: «Кто они? Откуда? Какого званія? Зачѣмъ пріѣхали?»

— Мы простые плотники, ищемъ работы; за тѣмъ только и пріѣхали!

Изъ гостиницы Петръ отправился въ домъ къ кузнецу Кисту. Это былъ простой деревянный домъ въ два окна, раздѣленный перегородкой

на двѣ небольшія комнаты, съ изразцовою, разрисованною печкою, для приготовленія пищи; у Петра была глухая каморка для кровати и чуланъ



ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НА КОРАБЕЛЬНОЙ ВЕРФИ ВЪ СААРДАМѢ.

при входѣ въ сѣни, гдѣ онъ сохранялъ свои плотничьи инструменты. Домъ находился въ самой уединенной части Саардама. Петръ нашелъ,

что помѣщеніе очень хорошо, и первую ночь ночевалъ въ своемъ новомъ дворцѣ.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разсвѣта и въ понедѣльникъ рано утромъ отправился въ лавку, накупилъ себѣ плотничьихъ инструментовъ и въ то же утро записался плотникомъ на корабельной верфи Линста Рогге въ Бейтензанѣ, подъ именемъ Петра Михайлова.

Ежедневно, съ восходомъ солнца, отправлялся онъ на работу и не отставалъ ни въ чемъ отъ простыхъ плотниковъ; работалъ безъ отдыха и перерыва до полудня; тутъ онъ заходилъ въ какую-нибудь гостиницу, или харчевню, обѣдалъ или отправлялся къ какому-нибудь семейству саардамскихъ корабельныхъ плотниковъ, уѣхавшихъ въ Москву. Въ ихъ потомствѣ до сихъ поръ сохранились преданія о томъ, чтó дѣлалъ, чтó говорилъ у нихъ царь Московскій. У одной старухи онъ выпилъ стаканъ вина, у другой обѣдалъ; третья пришла къ молодому, красивому московскому плотнику разузнавать о своемъ мужѣ, той онъ отвѣчалъ:

— Онъ хорошій и прилежный мастеръ, я хорошо его знаю, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль.

Голландка недовѣрчиво посмотрѣла на царя и спросила:

— Развѣ ты тоже плотникъ?

— Да, я плотникъ,—отвѣчалъ царь.

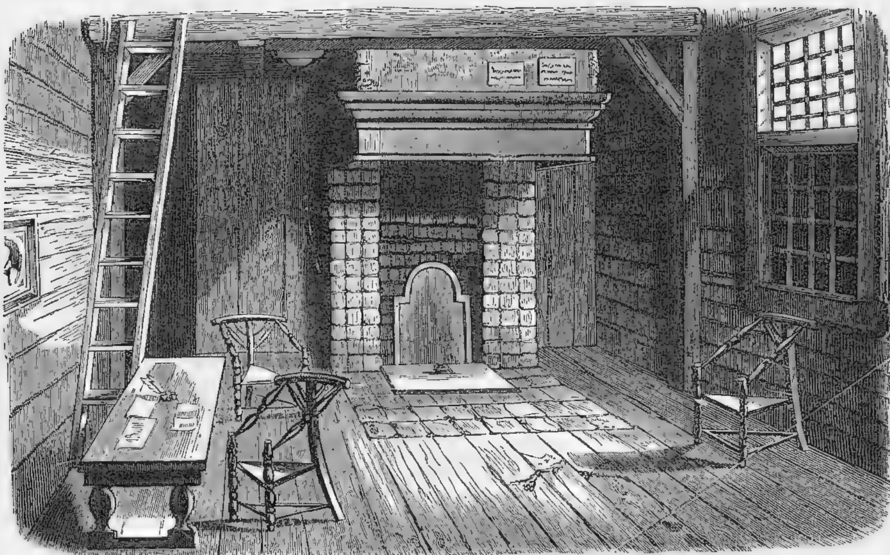
Чаще другихъ заходилъ Петръ къ вдовѣ умершаго въ Москвѣ искуснаго корабельнаго мастера Клауса Муша. Не задолго до пріѣзда чуднаго плотника, она получила отъ русскаго царя подарокъ въ 500 гульденовъ; она догадывалась, что и Петръ Михайловъ не простой плотникъ, и потому убѣдительно просила его при случаѣ сказать Московскому царю, что она его благодаритъ за помощь, оказанную ей: помощь эта облегчила ей тяжесть перваго устройства послѣ потери мужа. Петръ обѣщался слово въ слово передать царю ея благодарность и охотно остался у нея обѣдать.

Въ свободное отъ работъ время, русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ; все осматривалъ со вниманіемъ и вникалъ въ мельчайшія подробности; иногда его вопросы ставили мастеровъ въ недоумѣніе, иногда они не умѣли отвѣчать на его вопросы, или не хотѣли, и тогда отдѣлывались грубою выходкою отъ навязчиваго и любопытнаго плотника. Очень часто онъ самъ брался за дѣло и всегда показывалъ большую ловкость и переимчивость. Однажды онъ былъ на бумажной фабрикѣ, подъ фирмою Кохъ, осматривалъ все производство работъ, долго приглядывался къ пріемамъ мастера черпальщика и наконецъ попросилъ у него форму, взялъ ее, проворно изъ чана черпнулъ массы сколько нужно, стряхнулъ и выкинулъ превосходный листъ, безъ малѣйшаго не-

достатка. Мастеръ похвалилъ его за ловкость, а онъ подарилъ ему талеръ на водку. Съ такимъ-же вниманіемъ и любопытствомъ осматривалъ онъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальяльни и другія мельницы, наполнявшія Заанландскія деревни. Онъ помогалъ строить крупчатку для купца Кальфа; она существуетъ до сихъ поръ, подъ названіемъ крупчатки великаго князя.

На другой день послѣ пріѣзда въ Саардамъ Петръ купилъ для себя за 40 гульденовъ лодку, на которой катался каждый вечеръ послѣ работы.

Но пріемы иностраннаго плотника, его замѣчательная красота, при-



КОМНАТА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ СААРДАМѢ.

вычка повелѣвать, нетерпѣливыя движенія, гнѣвъ, по временамъ вырывавшійся у него во время противорѣчій, все показывало, что онъ не принадлежитъ къ тому сословію, въ которомъ онъ находился. Голландцы и особенно голландки не могли повѣрить, чтобы человѣкъ съ такою необыкновенною наружностью былъ простой плотникъ, и имъ хотѣлось узнать, кто онъ? Они начали наводить разспросы, съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ его шагомъ и очень часто надоѣдали ему.

Отъ женщинъ молва о томъ, что Петръ Михайловъ не простой плотникъ, распространилась, и вскорѣ дознались, кто онъ такой. Одинъ саардамскій плотникъ, отправившійся въ Москву, написалъ своему отцу, что въ Голландію отправляется великое русское посольство и въ его свитѣ находится самъ царь; что онъ много наслышался о Саардамѣ и навѣрное

побываетъ въ немъ; узнать его не трудно по примѣтамъ: онъ очень высокаго роста, у него голова трясется, онъ очень часто размахиваетъ правой рукой и у него есть небольшая бородавка на правой щекѣ. Отецъ плотника съ письмомъ этимъ пришелъ къ цирюльнику, и они вмѣстѣ читали и перечитывали его, соображая, ужъ нѣтъ ли царя посреди этихъ на дняхъ прибывшихъ плотниковъ; въ это время дверь цирюльни отворилась, и вошли шестеро иностранцевъ; одинъ изъ нихъ говорилъ съ жаромъ и размахивалъ правой рукой; остальныя примѣты тоже подходили, и цирюльникъ разгласилъ о своемъ открытіи. Но дѣло это казалось до того неправдоподобнымъ, что никто вѣрить не хотѣлъ, и многіе съ разспросами обратились къ Кисту: онъ хранилъ тайну и твердо отвѣчалъ, что у него въ домѣ живетъ простой плотникъ; но жена его, бывшая при разговорѣ, съ досадою слушала увѣренія мужа и воскликнула:

— Терпѣть не могу, когда ты говоришь неправду!

Молва росла, во всемъ находила пищу, а Петръ попрежнему работалъ на верфи; однажды, наработавшись до полнаго утомленія, онъ возвращался домой и по дорогѣ купилъ себѣ много сливъ, высыпалъ ихъ себѣ въ шляпу и шелъ, кушая ихъ, по дорогѣ. Къ нему пристала толпа мальчишекъ и начали просить у него сливъ; нѣкоторымъ онъ далъ по нѣскольку сливъ, другимъ ничего не далъ, онъ забавлялся тѣмъ, что первые радовались, дразнили вторыхъ, а тѣ сердились; но они начали бранить Петра, потомъ бросать въ него пескомъ, грязью и каменьями, и кидали такъ мѣтко и такъ много, что Петръ долженъ былъ спрятаться въ гостиницу Трехъ Лебедей; его разсердила дерзость мальчишекъ, онъ приказалъ тотчасъ позвать бургомистра.

Бургомистръ явился къ Петру и разспросилъ какъ все было, извинился передъ нимъ, посовѣтовался съ другими членами управы и обнародовалъ слѣдующее распоряженіе: «Бургомистры къ своему сожалѣнію узнали, что дерзкіе мальчишки осмѣлились бросать грязью и каменьями въ знатныхъ чужестранцевъ, которые у насъ гостятъ и хотятъ быть неизвѣстными; мы строжайше запрещаемъ такого рода своевольство, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.

Въ тотъ же день на мосту, черезъ который Петру надобно было идти, чтобы попасть въ домъ Киста, поставили караулъ, съ приказаніемъ не позволять народу толпиться и надоѣдать путешественнику; это еще болѣе подтверждало слухи, что въ Саардамѣ живетъ русскій царь.

Молва о царѣ-плотникѣ дошла и до Амстердама; одинъ богатый фабрикантъ, бывавшій въ Архангельскѣ и много разъ принимавшій царя въ своемъ домѣ, послалъ въ Саардамъ своего главнаго приказчика посмотрѣть, точно ли царь тамъ. Когда приказчикъ донесъ ему, что царь дѣй-

ствительно въ Саардамѣ, негоціантъ немедленно отправился туда самъ встрѣтилъ царя, взглянулъ на его матросскую куртку, снялъ передъ нимъ шляпу, низко поклонился ему и съ изумленіемъ воскликнулъ:

— Вы ли это, ваше величество?

— Вы сами видите, что я!—ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ его къ себѣ въ домъ и долго разговаривалъ съ нимъ. Потомъ вмѣстѣ пошли на верфь, и Петръ купилъ себѣ за 450 гульденовъ красивый и прочный буеръ и самъ придѣлалъ къ нему новый бугшпритъ. Моряки удивлялись съ какимъ стараніемъ и съ какимъ искусствомъ царь придѣлалъ бугшпритъ и какъ отлично исправилъ всю оснастку буера.



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОДЕЖДѢ ГОЛЛАНДСКАГО РАБОЧАГО ВЪ СААРДАМѢ.
(Съ гравир. портрета Маркуса).

Весь слѣдующій день Петръ провелъ на водѣ. Но любопытные голландцы всюду подкарауливали его и всюду слѣдовали за нимъ. Онъ рѣшился пристать къ берегу, причалить къ плотинѣ, отдѣлявшей Нѣмецкое море отъ залива, но и тутъ стояла сплошная толпа любопытныхъ. Петръ, однако-жъ, причалилъ, ловко выскочилъ на берегъ; толпа сомкнулась вокругъ него, и онъ долженъ былъ проталкиваться. Петръ разсердился, глаза его грозно сверкнули, а тутъ одинъ мѣщанинъ, Корнелій Марсенъ, съ разинутымъ ртомъ, выпученными глазами, неотвязнѣе прочихъ лѣзъ къ нему и не давалъ ему дороги; царь раза два отталкивалъ его, но тотъ все вывертывался и его глупая рожа опять торчала передъ Петромъ; онъ разсердился и далъ пощечину Марсену. Въ толпѣ раздался хохотъ и послышались слова: «Браво Марсенъ! Ты пожалованъ въ рыцари!»—и съ этихъ поръ его постоянно называли рыцаремъ Марсеномъ. Петръ протолкался черезъ толпу и заперся въ гостиницѣ, гдѣ и просидѣлъ до самаго вечера, и ушелъ къ себѣ домой только поздно вечеромъ, когда весь народъ уже разошелся.

Въ Саардамѣ приготовлялось любопытное зрѣлище: спускъ большого корабля, принадлежавшаго знакомому Петра, купцу Кальфу. Корабль подводили обыкновенно къ плотинѣ, посредствомъ машинъ поднимали его на саженную насыпь плотины, переталкивали черезъ валъ въ 150 футовъ ширины и по другую сторону спускали его опять въ воду; это была въ высшей степени трудная и опасная операція; ею преимущественно

занималась особая компанія, которой платили отъ 50 до 250 гульденовъ за корабль, смотря по величинѣ его. Городское начальство пригласило Петра присутствовать при этомъ любопытномъ зрѣлищѣ; ему сказали, что для него и для его приближенныхъ нарочно устроено мѣсто, огороженное палисадомъ, чтобы народъ не мѣшалъ ему, и что городская стража будетъ отгонять слишкомъ назойливыхъ. Кальфъ кромѣ того пригласилъ Петра на обѣдъ. Царь охотно согласился посмотрѣть на перетаскиваніе корабля, но отказался отъ обѣда.

Въ назначенный день, рано утромъ, народъ началъ стекаться къ мѣсту, и всѣ предосторожности магистрата оказались напрасными: палисадъ опрокинулся, городскую стражу разогнали и затолкали; несмѣтныя толпы народа, подвижными массами своими, наполнили не только улицы, но и дома, и крыши, и заборы; царь видѣлъ, что пройти нельзя и, къ величайшему сожалѣнію, рѣшился остаться дома. На слѣдующій день, Петръ, отправляясь въ Амстердамъ, опять едва протолкался сквозь толпу, пробираясь къ своей яхтѣ.

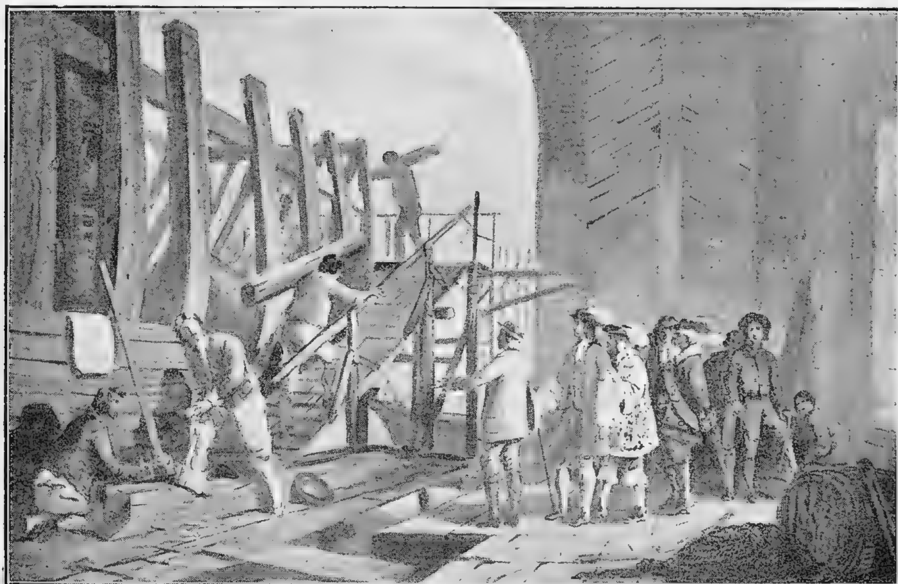
Присоединясь къ посольской свитѣ, Петръ присутствовалъ при всѣхъ торжествахъ, какими встрѣтили въ Амстердамѣ русское чрезвычайное посольство; Штаты не поскупились и назначили, сверхъ положенныхъ въ подобныхъ случаяхъ суммъ на пріемъ посольствъ, еще 10,000 гульденовъ.

Особенно понравилось Петру примѣрное морское сраженіе въ заливѣ Эй, подъ начальствомъ опытнаго адмирала Схея, заключившее всѣ торжества, данныя городомъ Амстердамомъ по случаю посѣщенія русскаго царя. Всѣ парусныя суда, какія можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи, при входѣ въ заливъ. Петръ, вмѣстѣ съ бургомистрами и послами, пріѣхалъ на богато-украшенной яхтѣ остъ-индской компаніи. Флотъ привѣтствовалъ царя залпомъ изъ всѣхъ орудій, а за тѣмъ начались морскія эволюціи съ непрерывною пушечною пальбою съ береговыхъ батарей и съ судовъ; по словамъ очевидцевъ, облака дыма заслоняли солнце, и отъ пушечнаго грома ничего нельзя было разслышать. Царь не вытерпѣлъ, не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ; онъ съ яхты перешелъ на военный корабль и постоянно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

Въ Амстердамѣ Петръ записался плотникомъ къ корабельному мастеру Герриту-Класу Полю, на верфи остъ-индской компаніи, и размѣстилъ своихъ волонтеровъ по разнымъ работамъ, для изученія корабельнаго дѣла. «Спальники,—писалъ Петръ Виніусу,—посланные мною раньше, выучились употребленію компаса, не побывавъ на морѣ, и собрались было ѣхать домой въ Москву, думая, что выполнили порученіе; но адмиралъ

нашъ и я объ этомъ разсудили иначе и приказали имъ на кораблѣ отправиться къ устью Эльбы, чтобы на дѣлѣ познакомиться съ моремъ и съ компасомъ во время плаванія».

Первыя три недѣли пребыванія Петра на верфи прошли въ подготовкѣ матеріаловъ, и только 9 сентября онъ собственноручно заложилъ фрегатъ въ 100 футовъ длиною, во имя апостоловъ Петра и Павла, и на слѣдующій день написалъ объ этомъ митрополиту: «Мы теперь живемъ въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ; живы и здоровы вашими молитвами; исполняя слово Божіе, сказанное Адаму, трудимся въ потѣ лица своего; дѣлаемъ это не изъ нужды, а для того, чтобы изучить морское дѣло,



ПЕТРЪ I ВЪ ЧИСЛѢ РАБОЧИХЪ НА ВЕРФИ ОСТЪ-ИНДСКОЙ КОМПАНІИ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

чтобы по возвращеніи оставаться побѣдителями надъ врагами имени Господня и освободить христіанъ изъ-подъ ига нечестиваго, чего я до послѣдняго дыханія своего не перестану желать».

Петръ работалъ, какъ простой плотникъ, и безпрекословно исполнялъ всякое приказаніе своего мастера. Однажды, одинъ знатный англичанинъ нарочно пріѣхалъ въ Амстердамъ, чтобы посмотрѣть на знаменитаго плотника; онъ пришелъ на верфь и просилъ мастера показать ему царя; въ это время Петръ сидѣлъ на бревнѣ и отдыхалъ; другіе плотники тащили тяжелое бревно; мастеръ крикнулъ ему:

— Петръ, плотникъ Саардамскій! что-же ты сидишь и не поможешь своимъ товарищамъ?

Петръ тотчасъ всталъ и подставилъ свое плечо подъ бревно, которое несли.

Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ рабочіе на верфи разсказывали своимъ женамъ и дѣтямъ о томъ, какъ Петръ работалъ, какъ искусно онъ владѣлъ инструментами, какую необыкновенную силу выказывалъ и какъ иногда утомленный садился на обрубокъ дерева, вытиралъ потъ, катившійся съ лица его, сидѣлъ опустивъ топоръ между колѣнями и разговаривалъ съ товарищами, шутилъ и разсказывалъ имъ разные занимательные случаи. Любопытные ежедневно приходили посмотрѣть на знаменитаго работника и поговорить съ нимъ; онъ разговаривалъ охотно, когда, обращаясь къ нему, говорили просто: Piter timmerman (Петръ-плотникъ), но отворачивался и не отвѣчалъ, когда обращались къ нему съ словами: Ваше Величество или Государь! Но онъ постоянно дорожилъ временемъ и избѣгалъ длинныхъ разговоровъ; послѣ короткаго отдыха опять принимался за дѣло.

Такъ проходилъ цѣлый день, но и ночью Петръ не отдыхалъ достаточно; съ каждою почтою изъ Москвы приходили кипы бумагъ, писемъ и дѣлъ; все надобно было прочесть, обдумать, рѣшить и на все отвѣчать. Онъ издали продолжалъ слѣдить за общимъ ходомъ дѣлъ, писалъ приказанія, и въ то же время находилъ время отвѣчать на веселыя письма своихъ ближнихъ бояръ и каждую пятницу отсылалъ свою корреспонденцію въ Москву. Иногда не успѣвалъ отвѣчать на частныя письма, тогда просилъ не печалиться, писалъ, что онъ здоровъ, а не пишетъ частью за недосугомъ, частью за отлучкой для знакомства съ тѣмъ, чего нѣтъ въ Россіи, частью за «хмѣльницкимъ» (за пирами). Волю свою боярамъ правителямъ онъ всегда выражалъ ясно, твердо, и очень часто рѣзко.

Въ Голландіи Петръ занимался не однимъ кораблестроеніемъ: съ бургомистромъ Витзеномъ и Лефортомъ ѣздилъ онъ въ Утрехтъ, чтобы повидаться и познакомиться съ голландскимъ штатгальтеромъ и Вильгельмомъ Оранскимъ, англійскимъ королемъ. Витзену было поручено все показывать царю и повсюду провожать его, а это было дѣло не легкое; Петръ все хотѣлъ знать, все видѣть; онъ подробно осмотрѣлъ китоловныя суда и все производство на нихъ, ни одинъ чанъ, ни одинъ котелъ для жира не ускользнулъ отъ его вниманія. Онъ ходилъ по госпиталямъ, по воспитательному дому, бывалъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ, ко всему руку прикладывалъ и всегда выказывалъ ловкость и проворность.

Онъ познакомился, при помощи Витзена, съ тогдашними знаменитыми учеными въ Голландіи. Особенно понравился ему знаменитый профессоръ анатоміи—Рюйшъ.

Разсказываютъ, что царь остановился, какъ пораженный громомъ,

когда въ первый разъ увидѣлъ знаменитый анатомическій театръ этого ученаго; съ любопытствомъ разсматривалъ его и, когда подошелъ къ стеклянному ящику, въ которомъ сохранялся трупъ набальзамированнаго Рюйшомъ дитяти, не могъ оторваться отъ него: дитя лежало, какъ жи-



НИКОЛАЙ ВИТСЕНЪ.
(Съ соврем. гравюры).

вое, съ улыбкой, точно будто спитъ и видитъ что-то хорошее во снѣ. Петръ не вѣрилъ, что дитя мертвое: Рюйшъ открылъ стеклянную крышку и только прикосновеніемъ царь убѣдился, что это трупъ; царь наклонился и поцѣловалъ дитя. Долго оставался Петръ въ этомъ привлекательномъ для него кабинетѣ и впослѣдствіи часто бывалъ у Рюйша, обѣдалъ у

него запросто и присутствовалъ на его лекціяхъ; ходилъ съ нимъ въ госпиталь Св. Петра, смотрѣлъ, какъ онъ изслѣдуетъ болѣзни, какъ обращается съ больными; онъ такъ часто ходилъ въ госпиталь, что для него была нарочно продѣлана отдѣльная дверь, съ цѣлью избавить его отъ назойливости любопытныхъ, преслѣдовавшихъ его повсюду. Слѣды этой двери до сихъ поръ существуютъ. Петръ и впослѣдствіи помнилъ о Рюйшѣ, переписывался съ нимъ и посылалъ ему рѣдкихъ животныхъ, какія ему случалось находить. Рюйшъ съ своей стороны писалъ ему, какъ удобнѣе сохранять пойманныхъ животныхъ, какъ кормить личинки насѣкомыхъ, или гусеницы, какъ накалывать бабочекъ и пересылать ихъ.

Во время своей поѣздки въ Лейденъ, Петръ познакомился съ другимъ знаменитымъ профессоромъ медицины Бургавомъ и также осматривалъ его анатомическій кабинетъ; въ немъ не было отвращенія къ трупамъ; онъ долго стоялъ передъ однимъ изъ нихъ, у котораго мускулы были раскрыты для того, чтобы насытить ихъ терпентиномъ.

Голландскіе провожатые не успѣвали удовлетворять любознательности своего великаго гостя; онъ съ жадностью хотѣлъ все знать, все видѣть. Каждый новый предметъ поражалъ его, онъ останавливался и спрашивалъ: «Что это такое? Я долженъ это видѣть!» Никакія отговорки, никакія убѣжденія, никакія опасности его не останавливали, онъ все разсматривалъ, все изслѣдовалъ, всему учился, все замѣчалъ. Даже ночью, во время путешествія, онъ не могъ оставаться безъ дѣла. Иногда темный контуръ какого-либо зданія или мельницы поражалъ его, онъ останавливалъ экипажъ, приказывалъ зажигать фонари, факелы и при свѣтѣ ихъ осматривалъ предметъ, возбудившій его вниманіе.

Петръ въ Амстердамѣ перепробовалъ много новыхъ для него искусствъ и мастерствъ; онъ даже пробовалъ гравировальное искусство и до сихъ поръ въ Петербургской Публичной Библіотекѣ сохранятся оттискъ гравюры, сдѣланной Петромъ, подъ руководствомъ художника Шхонебека; на гравюрѣ опять выражается господствующая мысль Петра: торжество христіанской религіи надъ мусульманской,—въ овальной рамкѣ изображенъ ангелъ съ крестомъ и пальмовою вѣтвью въ рукахъ, ногами онъ попираетъ рогъ луны и турецкіе бунчуки; оригинальный оттискъ этой гравюры сохраняется въ амстердамскомъ музеѣ, и на немъ современная надпись на голландскомъ языкѣ: «Петръ Алексѣевъ, великій русскій царь награвировалъ это иглою и крѣпкою водкою, подъ надзоромъ Адріана Шхонебека, въ Амстердамѣ, въ 1698 году, въ спальнѣ своей квартиры на верфи остъ-индской компаніи»; на гравюрѣ можно примѣтить поправки, сдѣланныя искусною рукою Шхонебека.

Изъ Москвы Петръ получилъ пріятныя для него извѣстія: постройка

кораблей кумпанствами быстро подвигалась; военныя предпріятія и постройка крѣпостей на югѣ шли успѣшно; изъ Швеціи получено въ подарокъ 300 пушекъ для зарождающагося флота, другія пушки тамъ заказаны; но этого еще недостаточно было для того, чтобы спустить флотъ; его надобно было оснастить, найти опытныхъ капитановъ и порядочныхъ матросовъ; на Петрѣ лежала трудная обязанность найти и закупить все нужное за границей, но для этого требовались большія деньги, а ихъ не доставало у Петра. Царь рѣшился просить помощи у Голландіи и послы его отправились въ Гагу; въ свитѣ отправился самъ царь, оставивъ на нѣсколько дней свои работы. Пословъ приняли торжественно, Петръ у богатой Голландіи не просилъ денегъ, а только просилъ дать ему опытныхъ и надежныхъ капитановъ и матросовъ, кромѣ того оружія, боевыхъ снарядовъ, полотна и канатовъ, обѣщаясь за все щедро заплатить впослѣдствіи. Купцы-правители осыпали посольство любезностями, обѣщаніями, но изъ своихъ торговыхъ видовъ не хотѣли ссориться съ Турціей и подъ предлогомъ, что ихъ финансы въ настоящую минуту разстроены войной съ Франціей, отказались помочь царю; но дали ему право самому отыскивать мореходцевъ, покупать оружіе и всякаго рода корабельные припасы, заключать контракты и сдѣлки съ голландскими купцами.



ТОРЖЕСТВО ХРИСТІАНСТВА НАДЪ ИСЛАМОМЪ.
(Оттискъ съ гравюры, сдѣланной Петромъ Великимъ въ Амстердамѣ).

Между тѣмъ постройка фрегата быстро подвигалась и приходила къ концу. Ноября 16 онъ былъ торжественно спущенъ, въ присутствіи пословъ и всѣхъ городскихъ властей. Но Петръ былъ еще недоволенъ знаніемъ, пріобрѣтеннымъ на верфи; онъ изучилъ кораблестроеніе практически, но ему хотѣлось имѣть болѣе обширныя, теоретическія знанія, и онъ обратился къ Витзену съ просьбою, найти ему такого учителя, который научилъ-бы его по чертежамъ строить корабли всякихъ размѣ-

ровъ и чтобы по рисунку можно было узнать, какой ходъ у него будетъ. Нашли такого учителя, но послѣ нѣсколькихъ дней занятій съ нимъ, Петръ убѣдился, что знаній у его учителя слишкомъ мало, что онъ не можетъ объяснить ему все такъ подробно и ясно, какъ-бы ему хотѣлось, и учитель, наконецъ, чистосердечно признался Петру, что онъ многаго на чертежѣ самъ не понимаетъ и показать ему не можетъ, и что на верфяхъ корабли по большей части строятся по привычкѣ, а не по наукѣ.

Петру стало грустно, что онъ предпринялъ такое дальнее путешествіе и все-таки не достигнулъ желаемыхъ результатовъ. Въ такомъ настроеніи духа посѣтилъ онъ купца Яна Тессинга въ его загородномъ домѣ; за обѣдомъ, несмотря на общее оживленіе, веселые разговоры и музыку, Петръ сидѣлъ хмурый и молчаливый; его старались развеселить, но напрасно; тогда хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Саардамскій мастеръ! скажи мнѣ, отчего ты сегодня такъ невеселъ?

Петръ не вытерпѣлъ и высказалъ мысль, его занимавшую, и сожалѣніе о неудовлетворительности знаній, имъ пріобрѣтенныхъ. За столомъ сидѣлъ одинъ англичанинъ, онъ услышалъ слова Петра и сказалъ, что у нихъ въ Англіи кораблестроеніе достигло высшей степени совершенства, что корабельная архитектура, какъ и всякая другая, имѣетъ свои опредѣленныя правила, что она подчиняется геометрическимъ вычисленіямъ и законамъ, и что полный курсъ кораблестроенія можно пройти въ самое короткое время по чертежамъ и вычисленіямъ. Это извѣстіе очень обрадовало Петра, и онъ тутъ же задумалъ предпринять путешествіе въ Англію.





ПЕЧАТИ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЕВРОПѢ ВЪ 1697 Г





МЕДАЛЬ НА СВИДАНІЕ ПЕТРА I СЪ КОРОЛЕМЪ АНГЛІЙСКИМЪ ВЪ 1697 Г.

ГЛАВА XII.

Путешествіе въ Англію и пребываніе тамъ.—Вѣна.—Непріятныя вѣсти изъ Россіи и возвращеніе изъ Вѣны.—Новое возстаніе стрѣльцовъ.—Сраженіе подъ Воскресенскимъ.—Розыски и жестокость Петра къ стрѣльцамъ.—Постриженіе царевенъ Марѳы и Софіи.—Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

ПОЛУЧИВЪ на остъ-индской верфи аттестатъ въ умѣньѣ строить корабли, Петръ отправился въ Англію, гдѣ ему также устроили торжественную встрѣчу.

По прибытіи Петра Великаго въ Лондонъ король Вильгельмъ III и царь обмѣнялись визитами и каждый разъ по нѣскольку часовъ разговаривали другъ съ другомъ. Петръ осматривалъ Лондонъ; былъ въ Королевскомъ Обществѣ Наукъ, гдѣ, какъ онъ самъ писалъ, видѣлъ всякія дивныя вещи, былъ въ арсеналѣ, въ Тоуэрѣ, на монетномъ дворѣ, на обсерваторіи; вездѣ все осматривалъ съ одинаковымъ любопытствомъ и вниманіемъ; былъ въ театрѣ; но все это его занимало слегка, главнымъ стремленіемъ его оставались корабли; онъ чаще всего бывалъ на корабельныхъ верфяхъ въ близлежащемъ городкѣ Дептфордѣ, на правомъ берегу Темзы, верстахъ въ трехъ отъ Лондона.

Каждый день ѣздить въ Дептфордъ ему наконецъ надоѣло и онъ совсѣмъ переселился туда, нанявъ себѣ квартиру въ домѣ мистера Эвелина; самое большое удобство новаго помѣщенія состояло въ томъ, что Петръ могъ проходить прямо на работу, не показываясь на улицахъ. Здѣсь Петръ около двухъ мѣсяцевъ съ половиною серьезно изучалъ корабле-

строеніе, какъ науку, подъ руководствомъ ученыхъ корабельныхъ инженеровъ; здѣсь онъ нашелъ то, чего искалъ въ Голландіи; онъ узналъ геометрическую пропорцію судовъ всѣхъ видовъ и размѣровъ.

Лишь только царь поселился въ Дептфордѣ и началъ чертить, вычислять и дѣлать проекты и планы судовъ, съ свойственнымъ своей природѣ увлеченіемъ, тайный агентъ нашъ при вѣнскомъ дворѣ донесъ, что ходятъ слухи, будто въ Москвѣ неспокойно, вспыхнулъ бунтъ, будто Софія опять взошла на престолъ, Василій Голицынъ возвратился изъ ссылки и принялся за управленіе государствомъ, и будто весь народъ уже присягнулъ царевнѣ.



ВИЛЬГЕЛЬМЪ III КОРОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНІИ.

Но извѣстія эти не смутили Петра; онъ продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ, учился и не вѣрилъ слухамъ, потому что каждую почту получалъ письма изъ Москвы и въ нихъ не было ни слова о предполагавшихся волненіяхъ.

Для отдыха, Петръ ѣздилъ то въ Вуличъ, главный складъ корабельныхъ принадлежностей, и на оружейный заводъ, смотрѣлъ, какъ отливали корабельныя пушки, стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль, металъ бомбы и учился морской артиллеріи. На монетномъ дворѣ изучалъ, какъ чеканятъ монеты, и съ истинною печалью говорилъ о томъ, какая дурная монета въ Россіи, и увѣрялъ, что безобразнѣе ея не видалъ въ цѣлой Европѣ; онъ рѣшился, по англійскимъ образцамъ, перечеканить русскую монету. Онъ бывалъ въ парламентѣ, въ Оксфордскомъ университетѣ и даже въ разныхъ религіозныхъ обществахъ, разговаривалъ съ епископами англиканской церкви и удивлялъ ихъ тѣмъ, что такъ непоколебимъ въ догматахъ православной вѣры; сколько они ни пытались, но не могли найти слабыхъ сторонъ въ его сужденіяхъ.

Когда яхта, подаренная Петру англійскимъ королемъ еще во время его пребыванія въ Голландіи, поступила въ полное его распоряженіе,

онъ тотчасъ попробовалъ ея ходъ; катался на ней по Темзѣ вмѣстѣ съ маркизомъ Кармартеномъ и остался ею очень доволенъ. Онъ рѣшился сначала отправить ее въ Архангельскъ, а оттуда по рѣкамъ и волокомъ довезти до Волги, а тамъ какъ-нибудь и въ Азовское море. Но этотъ планъ никогда не исполнился; яхта дальше Архангельска не пошла.

Не меньшее удовольствіе доставили Петру морскія примѣрныя сраженія. Однажды Петръ вечеромъ пріѣхалъ въ Портсмутъ, переночевалъ у губернатора, а утромъ на шлюпкѣ поплылъ осматривать военный флотъ, состоявшій изъ 12 большихъ судовъ, въ томъ числѣ 2-хъ 100 пушечныхъ кораблей. Лишь только царская шлюпка показалась, какъ ее встрѣтили пальбою со всѣхъ кораблей, а матросы веселымъ и дружнымъ крикомъ привѣтствовали царственнаго капитана. Осмотрѣвъ всѣ корабли, Петръ взошелъ на 80 пушечный фрегатъ и съ восторгомъ вглядывался въ стройный порядокъ и единство маневровъ; точность, съ какою матросы распускали паруса и выходили въ открытое море, восхищала его. Въ тотъ же день флотъ обогнулъ островъ Уайтъ, но вѣтеръ упалъ, и на ночь пришлось бросить якорь.



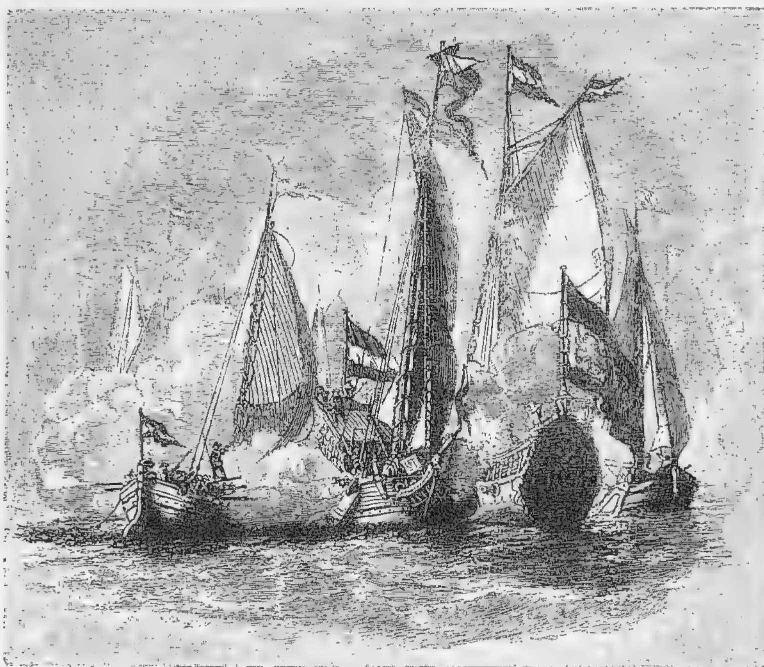
ПЕТРЪ I.
(Англійская гравюра В. Фетгорна 1698 г.).

Утромъ, при попутномъ вѣтрѣ, къ величайшему удовольствію Петра, можно было маневрировать, и примѣрная битва производилась съ величайшею точностію и искусствомъ, къ какому только способенъ такой превосходно устроенный флотъ, какъ англійскій.

Между занятіями въ Дептфордѣ и увеселеніями, Петръ не забывалъ однако-жъ цѣли своей поѣздки; онъ отыскивалъ людей, годныхъ для службы въ Россіи, и нашелъ около 60 человѣкъ. Чтобы составить съ ними формальные контракты и подписать ихъ, Петръ изъ Амстердама вызвалъ посла, боярина Головина; въ числѣ нанятыхъ людей были: маіоръ Фанъ-деръ-Стамъ, содѣйствовавшій ему въ пріобрѣтеніи чертежей корабельныхъ, Джонъ-Перри, особенно искусный мастеръ, для устройства

шлюзъ; онъ былъ нанятъ для того, чтобы устроить каналъ между Дономъ и Волгою, на мѣсто полковника Вренкеля, бѣжавшаго изъ Россіи, потому что, не умѣя, взялся за устройство канала; когда работы пошли неудачно, онъ бѣжалъ подъ именемъ и съ паспортомъ своего слуги; были литейщики, кузнецы, слесаря, инженеры; поступилъ еще на русскую службу профессоръ математики, окончившій курсъ въ Эбердинскомъ университетѣ; приглашенъ онъ былъ для устройства морской навигаторской школы въ Москвѣ.

Несмотря на всѣ старанія свои, Петру однако-жъ не удалось найти



МАНЕВРЫ ГОЛЛАНДСКИХЪ КОРАБЛЕЙ ВЪ ЧЕСТЬ ПЕТРА ВЪ 1697 Г.
(Съ гравюры Дависона).

горнаго инженера ни въ Голландіи, ни въ Англіи; а между тѣмъ изъ Москвы Виніусъ писалъ, что на Уралѣ найдена желѣзная руда отличнѣйшаго качества, и что разработка ея представитъ большія выгоды. Тогда Петръ рѣшился искать горныхъ инженеровъ въ Саксоніи.

Головинъ привезъ Петру пріятное извѣстіе о томъ, что отыскалъ и пригласилъ въ Голландіи нѣсколько морскихъ офицеровъ, а между ними одного изъ лучшихъ голландскихъ капитановъ, Корнелія Крейса.

Это былъ норвежецъ родомъ, съ дѣтства переселившійся въ Голландію; онъ уже совершилъ нѣсколько дальнихъ путешествій и занималъ



ЦАРЬ ПЕТРЪ I ДѢЛАЕТЪ ВЪ ДЕПТФОРДѢ ЧЕРТЕЖИ КОРАБЛЕЙ.

видное мѣсто въ голландскомъ флотѣ. Петръ по возвращеніи въ Амстердамъ лично познакомился съ нимъ и оцѣнилъ его нравственныя качества, отличное знаніе морского дѣла и, несмотря на его строптивый и горячій характеръ, уважалъ его за благородство и неподкупную честность. Кромѣ него въ Голландіи на русскую службу поступило болѣе 100 человѣкъ.

Одни задатки по найму столькихъ иностранцевъ и отправленіе ихъ въ Россію требовали значительныхъ денегъ, а между тѣмъ Петръ, при всей своей экономіи, съ трудомъ могъ покрывать свои ежедневные расходы по посольству. Къ счастью, тутъ случай помогъ царю: онъ неожиданно нашелъ средство пополнить свой недостатокъ въ деньгахъ.

Въ Россіи со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, т. е. со времени Самозванцевъ, во время частыхъ сношеній съ Польшей табакъ вошелъ въ употребленіе; напрасно духовенство и приверженцы старины старались истребить это зелье, напрасно рвали ноздри и рѣзали носы, табакъ всетаки появлялся то тутъ, то тамъ; явно его не продавали, а тайной продажи искоренить не могли, и русскіе за большія деньги покупали у иностранцевъ и посольскихъ людей *табаку, эту богомерзкую и проклятую бѣсовскую траву*, какъ называли его.

Передъ отъѣздомъ за границу, Петръ позволилъ явную продажу табаку и на ввозъ его назначилъ пошлину. Въ первый годъ пошлина шла на устройство табачныхъ лавокъ, а во второй уже въ казну; на третій положено было продажу табаку отдать на откупъ; торговля табакомъ оказалась такъ выгодна, что одинъ изъ русскихъ купцовъ тогда-же предложилъ взять торговлю на откупъ за 15,000 руб. сер.

При разговорѣ о торговлѣ съ маркизомъ Кармартеномъ, съ которымъ Петръ часто катался по Темзѣ, рѣчь зашла о табакѣ, и маркизъ предложилъ Петру взять торговлю имъ на откупъ и тутъ же далъ втрое больше, чѣмъ русскіе торговцы, а именно 20,000 фунтовъ стерлинговъ, что по тогдашнему курсу составляло 48,000 рублей серебромъ, и къ тому же обязался выплатить всю сумму разомъ, за годъ впередъ. Для Петра это было истинной находкой; онъ тотчасъ же заключилъ условіе, дозволивъ ввезти въ Россію 3000 бочекъ или полтора милліона фунтовъ табаку, и уничтожилъ всѣ прежнія постановленія, запрещавшія употребленіе его

Въ Англіи Петръ вполнѣ изучилъ корабельную архитектуру; онъ самъ говаривалъ:—«ежели бы я не побывалъ въ Англіи, на всю жизнь остался бы простымъ плотникомъ». Король Вильгельмъ III удивлялся дѣятельности и геніальности Петра, и на память о его пребываніи въ Англіи хотѣлъ сохранить черты его лица: онъ просилъ позволенія сдѣлать съ него портретъ. Петръ согласился и лучшій въ Англіи портретистъ, Год-



РАЗГОВОРЪ ЦАРЯ ПЕТРА СЪ КОРОЛЕМЪ ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ III.
(Съ картины Виктора Нелига).

фридъ Кнеллеръ, сдѣлалъ портретъ двадцатилѣтняго Петра. Онъ такъ вѣрно схватилъ мужественное, прекрасное лицо Петра, что впослѣдствіи, года три спустя, путешественникъ Ле-Брейнъ, нечаянно увидѣвши Петра въ домѣ голландскаго резидента, тотчасъ узналъ его по этому портрету. Петръ представленъ въ латахъ, съ горностаевою мантіею черезъ плечо, застегнутою драгоцѣннымъ, усыпаннымъ жемчугомъ и самоцвѣтными камнями запаномъ. Волосы представлены вьющіеся, короткіе, въ скобку, не по плечамъ, какъ онъ носилъ впослѣдствіи, усы, чуть пробивающіеся, лицо и глаза выразительные, даже бородавка на правой сторонѣ носа не забыта. Портретъ этотъ до сихъ поръ хранится въ королевскомъ загородномъ дворцѣ Гамптонъ-Кортѣ.

Петръ простился съ королемъ, поблагодарилъ его за ласковый пріемъ, еще разъ осмотрѣлъ монетный дворъ и на своей яхтѣ «Транспортъ-Рояль» отправился въ Голландію; свита слѣдовала за нимъ на другой яхтѣ, вмѣстѣ съ багажемъ. Передъ окончательнымъ разставаньемъ съ Англіей, онъ еще разъ останавливался въ Вуличѣ, еще пострѣлялъ изъ

пушекъ, въ Чаттамѣ осмотрѣлъ военные корабли и далъ прощальный пиръ англійскимъ капитанамъ и адмираламъ.

Заѣхавъ изъ Англіи въ Голландію, Петръ направилъ свой путь въ Вѣну; въ Голландіи переговоры насчетъ помощи въ войнѣ противъ турокъ не удались; Петръ узналъ, что штаты, вмѣстѣ съ англійскимъ королемъ, хлопочутъ о томъ, чтобы Австрія заключила миръ съ Турціей, не включая въ него Россіи, потому что выгода той и другой державы состояла въ томъ, чтобы Австрія была въ мирѣ съ Турціей и могла на свободѣ все свое вниманіе обращать на другія европейскія дѣла; ежели бы Россія начала дѣятельно войну съ Турціей, это было бы выгодно для всѣхъ европейскихъ державъ, потому что Турція занята была бы войною съ Россіей и такимъ образомъ не мѣшала бы имъ; вотъ почему Австрія хотѣла заключить миръ съ Турціей, помимо Россіи.

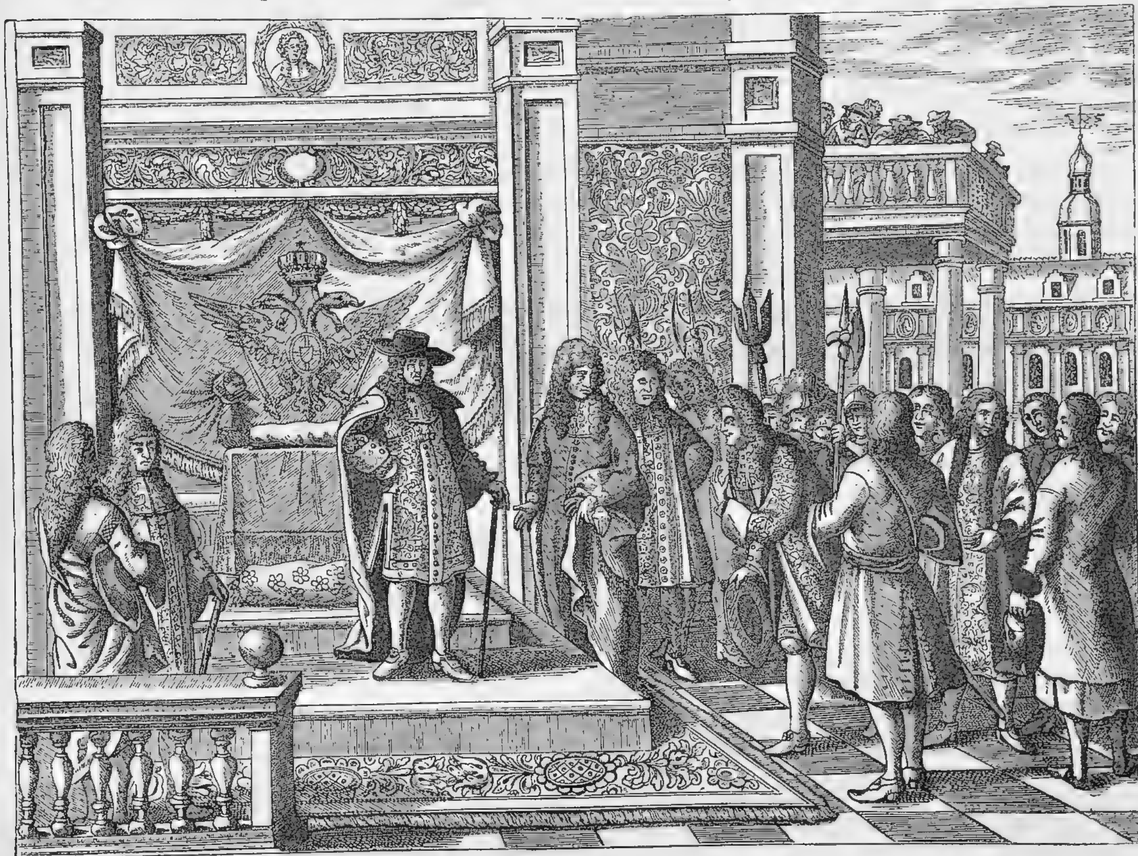
Путешествіе по Германіи было благополучно; добравшись до Вѣны, Петръ съ посольствомъ остановился въ двухъ миляхъ отъ города, чтобы торжественно въѣхать въ Вѣну. Тутъ начались переговоры о церемоніяхъ, и австрійцы выказали недостаточно уваженія къ русскимъ, хотѣли встрѣтить русское посольство какъ бы посольство всякаго незначительнаго владѣтеля Германіи. Кромѣ того, посольство (въ которомъ Петра не было: онъ уѣхалъ впередъ) задержала еще при въѣздѣ переправа австрійскихъ войскъ, чѣмъ Лефортъ былъ очень недоволенъ.

Лефортъ и его товарищи, по приказанію Петра, однако-жъ не спорили, но замѣтили только, что австрійскіе послы на будущее время будутъ принимаемы въ Россіи точно такъ-же, какъ русскіе въ Австріи.

Петръ повидался съ австрійскимъ императоромъ и послалъ письменные вопросы министрамъ, касательно мира съ Турціей, но пока дождался отвѣта, осматривалъ Вѣну и всѣ ея достопримѣчательности; онъ былъ даже въ оперѣ и во время представленія увидѣлъ императрицу и принцессъ; возвратившись домой, онъ объявилъ, что хочетъ познакомиться съ ними безъ особенныхъ церемоніальныхъ представленій. Лефортъ передалъ это желаніе, и императрица согласилась принять царя въ присутствіи оберъ-гофмейстерины и статсъ-дамъ. Мѣстомъ свиданія выбрана была зеркальная зала въ замкѣ Фаворитъ.

Императрица, окруженная принцессами, дожидалась Петра въ залѣ; когда оберъ-гофмейстерина доложила о его пріѣздѣ и дверь передъ нимъ распахнулась, императрица пошла къ нему на встрѣчу, ласково привѣтствовала его у самаго входа и возвратилась на свое мѣсто къ принцессамъ посреди залы. Петръ подошелъ къ ней, сказалъ ей привѣтствіе по-русски, Лефортъ переводилъ; потомъ Петръ заговорилъ съ принцессами, спрашивалъ сколько имъ лѣтъ и хвалилъ ихъ красоту. Весь раз-

говоръ ограничился вѣжливостями съ той и съ другой стороны. Но свиданіе это оставило сильное и глубокое впечатлѣніе въ императрицѣ; она начала думать о болѣе тѣсномъ, не только дружественномъ, но и родственномъ союзѣ съ Петромъ. Узнавъ, что царь намѣренъ для воспитанія отправить своего сына Алексѣя Петровича въ Берлинъ, просила, чтобы онъ прислалъ его въ Вѣну, обѣщаясь дать ему воспитаніе наравнѣ



РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ВѢНѢ У ИМПЕРАТОРА ЛЕОПОЛЬДА ВЪ 1698 Г.
(Съ современной гравюры).

съ своимъ сыномъ и, ежели ему впослѣдствіи понравится одна изъ принцессъ, отдать ее за него замужъ.

Переговоры о турецкомъ мирѣ тѣмъ временемъ начались; императоръ на письменные вопросы царя отвѣчалъ письменно, что не Австрія, а Турція ищетъ мира черезъ посредничество Англіи и Голландіи, и султанъ предоставилъ этимъ посредникамъ постановить условія мира; но императоръ до тѣхъ поръ не положитъ оружія, пока не заключитъ выгоднаго и прочнаго мира для себя и своихъ союзниковъ; что миръ мо-

жетъ состояться только на томъ основаніи, ежели каждой изъ враждебныхъ сторонъ предоставлено будетъ спокойно владѣть тѣмъ, что въ военное время захватила. Но Петръ не находилъ такое условіе выгоднымъ для себя; остаться при одномъ Азовѣ, значило не имѣть выхода изъ Азовскаго въ Черное море, поэтому онъ объявилъ, что можетъ помириться только тогда, когда крымскіе татары будутъ усмирены и когда крѣпость Керчь попадется въ полное владѣніе Россіи. На это императорскіе министры отвѣчали, что признаютъ справедливость требованій государя, но по многимъ опытамъ извѣстно, что турки добровольно не отдаютъ своихъ земель, городовъ и крѣпостей, поэтому на такого рода уступку съ ихъ стороны разсчитывать нечего; но мирные переговоры будутъ долго продолжаться, поэтому русскимъ вѣрнѣе всего до тѣхъ поръ напасть на Керчь и овладѣть, а тогда обладаніе ею и можетъ войти, какъ условіе, въ мирный договоръ.

Наступило, между тѣмъ, 29 іюня, день ангела Петра; послы пригласили къ себѣ все высшее вѣнское общество; гости явились въ пышныхъ придворныхъ бальныхъ костюмахъ; кавалеровъ и дамъ было около 1000 человѣкъ. Праздникъ начался концертомъ; пѣли и играли императорскіе каммермузыканты и итальянскіе пѣвцы и пѣвицы; когда смерклось, царь въ сопровожденіи всѣхъ гостей отправился черезъ садъ въ роскошно убранный домъ на берегу рѣки. Самъ пустилъ летучую ракету и ею зажегъ великолѣпный фейерверкъ, приготовленный на противоположномъ берегу. При громѣ орудій, при звукѣ мѣдныхъ инструментовъ неожиданно для самого царя вспыхнули буквы: V. Z. P. A. Vivat Zar Petrus Alexiewicz. Послѣ фейерверка начался балъ, который продолжался до самаго разсвѣта; самъ царь не отставалъ отъ другихъ и весело танцовалъ съ дамами и впослѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ праздникѣ.

Петръ въ сущности былъ недоволенъ неизмѣннымъ желаніемъ императора помириться съ Турціей, но обманутый торжественнымъ обѣщаніемъ не упускать выгодъ Россіи изъ виду, онъ назначилъ полномочнымъ въ конгрессъ посла Возницына и собирался ѣхать въ Венецію, чтобы изучить тамъ послѣднюю отрасль корабельнаго искусства, чего онъ не могъ узнать ни въ Голландіи, ни даже въ Англіи, а именно, методу, пріемы и теорію постройки галеръ, галеасовъ и другихъ гребныхъ судовъ, которыми особенно славилась Венеція. Но въ это время пришло изъ Москвы письмо, извѣщавшее его о томъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Петръ поспѣшилъ въ Москву.

Стрѣльцы съ первыхъ дней царствованія Петра находились во враждебномъ отношеніи къ его матери, къ его родственникамъ и къ нему

самому; поэтому и въ сердцѣ царя постоянно таилась вражда къ нимъ; въ воображеніи его часто мелькали сцены перваго стрѣлецкаго бунта, ему представлялись окровавленныя копья и растерзанныя тѣла Нарышкиныхъ и Матвѣева. Эта ненависть къ стрѣльцамъ не переставала выказываться то въ томъ, то въ другомъ случаѣ; въ нихъ все досадовало его: и костюмъ, напоминавшій старину, и приверженность къ расколу, и столкновенія между новыми солдатскими и потѣшными полками съ стрѣльцами; въ этихъ столкновеніяхъ не всегда стрѣльцы бывали зачинщиками, но Петръ всегда обвинялъ ихъ.



ПЕТРЪ I ВЪ ДОРОЖНОМЪ КОСТЮМѢ ВЪ СВИТѢ ВЕЛИКАГО ПОСОЛЬСТВА.
(Съ совр. гравир. портрета Оттенса).

Стрѣльцы съ своей стороны были недовольны: царь всегда выказывалъ къ нимъ недовѣрчивость и нелюбовь; даже въ потѣшныхъ, примѣрныхъ битвахъ солдатскіе и потѣшные полки назывались *нашими*, при нихъ находился царь, а стрѣльцы составляли *вражеское* войско и всегда терпѣли пораженіе. Стрѣльцы сами чувствовали, что приходитъ конецъ ихъ войску, что привольной, спокойной и веселой жизни ихъ не долго длиться. Они говорили:

— Нашъ конецъ подходитъ, мы люди пропащіе!

Этимъ образомъ мыслей воспользовались Цыклеръ и Соковнинъ, и хотя не успѣли увлечь всѣхъ стрѣльцовъ, но нѣкоторыхъ привлекли на свою сторону; и это, хотя неполное участіе стрѣльцовъ, опять подновило ненависть Петра къ нимъ, и онъ передъ отправленіемъ изъ Москвы распорядился, чтобы всѣ стрѣлецкіе полки выведены были изъ Москвы и распредѣлены по крѣпостямъ вдоль южной и западной границы Россіи. Въ Москвѣ всего оставалось шесть стрѣлецкихъ полковъ, а остальные всѣ были солдатскіе и потѣшные.

Когда партіи особенно сильно заволновались въ Польшѣ, по приказанію Петра остальные шесть полковъ должны были двинуться изъ Москвы къ Азову, на смѣну четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, занимавшихся тамъ крѣпостными работами. Четыре полка вышли изъ Азова, уступивъ свое мѣсто вновь прибывшимъ, и уже съ восторгомъ мечтали о томъ, какъ возвратятся въ Москву, назадъ въ свои слободы, къ женамъ и дѣтямъ, какъ займутся своей торговлей, ремеслами и какъ попрежнему тихо и счастливо заживутъ въ своихъ домахъ.

Но на дорогѣ они получаютъ предписаніе, вмѣсто Москвы, идти въ Великія-Луки, къ западнымъ границамъ.—Какъ, не побывавъ въ Москвѣ, не повидавшись съ семействами опять въ походъ? Это возмутило стрѣльцовъ, и около полутораста человѣкъ бѣжали изъ полковъ и явились въ Москву—челобитчиками. На вопросъ начальства, зачѣмъ они ушли изъ полковъ, они отвѣчали:

— Наша братья, стрѣльцы, нуждаемся въ кормѣ и отъ голоду оставляемъ службу и возвращаемся въ свои семейства.

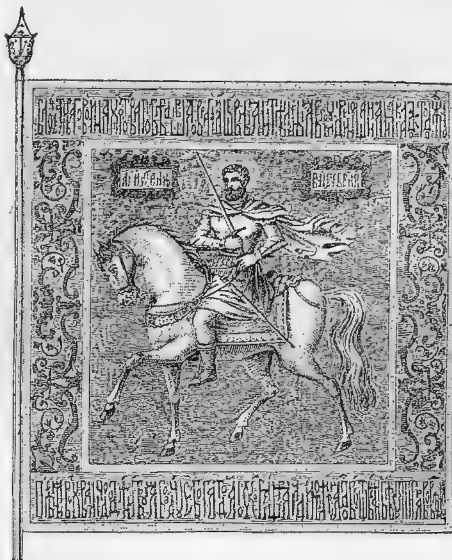
Въ отвѣтъ имъ назначенъ срокъ, 3 апрѣля, къ которому должны оставить Москву; а кормовыя деньги имъ приказано было выдавать вполнѣ, безъ всякихъ вычетовъ.

Между тѣмъ, въ Москвѣ ходили недобрые слухи и толки; раскольники шептались въ одномъ мѣстѣ, стрѣльцы толковали въ другомъ о томъ, что царь совсѣмъ покинулъ Россію, что уѣхалъ къ нѣмцамъ и тамъ совсѣмъ онѣмечится. Что въ Москвѣ теперь дѣлами правятъ бояре, что они хотятъ умертвить царевича и сами сдѣлать царемъ одного изъ своихъ; а стрѣльцамъ ужь никогда больше не видать Москвы.

Царевна Софія изъ своего затворничества слѣдила за тѣмъ, что дѣлается и что говорится въ Москвѣ; она видалась и переписывалась съ своей сестрой Мареою и вмѣстѣ съ нею горько оплакивала свои былые, счастливые дни владычества, и въ концѣ-концовъ, черезъ женъ стрѣлецкихъ, часто бывавшихъ въ Кремлѣ въ Верху, царевны послали грамоты къ стрѣльцамъ, приглашая всѣ ихъ четыре полка придти въ Москву и подать челобитную царевнѣ, чтобы она по-прежнему приняла управленіе царствомъ въ свои руки; далѣе извѣщали стрѣльцовъ, что отъ бояръ никакого добра ожидать нельзя, что они хотѣли было задушить царевича и что его только тѣмъ удалось спасти, что на него надѣли другое платье, а убили другого мальчика, на котораго надѣли одежду царевича. Къ тому-же отъ царя писемъ нѣтъ, неизвѣстно, живъ-ли онъ или мертвъ; остальнымъ-же стрѣльцамъ посланъ былъ указъ идти назадъ въ Москву.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ уже произошло нѣсколько стычекъ стрѣльцовъ съ Семеновскимъ и другими полками. Двинулись къ Москвѣ

и остальные полки и 10 іюня пришло въ Москву извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ; бояре собрались на совѣтъ, просидѣли всю ночь, разсуждая—что дѣлать, и положили: послать воеводу Шеина на ослушниковъ съ солдатами и съ ратными московскими людьми, стрѣльцовъ къ Москвѣ не пускать, заставить ихъ выдать бѣглецовъ и зачинщиковъ бунта, а остальныхъ отправить въ города, назначенные имъ для житья. Въ товарищи къ Шеину назначили Гордона и князя Кольцова-Масальскаго съ войскомъ. Шеинъ укрѣпился подъ Воскресенскимъ монастыремъ и, попытавшись сначала уговорить стрѣльцовъ добромъ, принужденъ былъ, при видѣ безуспѣшности своихъ попытокъ, вступить съ ними въ бой.



ЗНАМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Разбѣжавшихся передъ натискомъ Шеина мятежниковъ почти всѣхъ переловили и подъ крѣпкимъ карауломъ посадили въ монастырскія тюрьмы. Послѣ этого начались розыски, пытки и допросы; Шеину надобно было узнать зачинщиковъ возмущенія. Средства для этого употреблялись жестокія; всѣхъ допрашивали—сами-ли они собою начали бунтъ, или кто-либо подговорилъ и подстрекалъ ихъ. На пыткѣ всѣ признавались въ своихъ винахъ, но ни одинъ не выдалъ царевны, никто не сказалъ, что отъ нея были письма.

Когда Петръ получилъ извѣстіе о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ немъ опять воскресло все долго-затаенное негодованіе на своихъ коренныхъ враговъ—изъ дома Милославскихъ и ихъ орудія—стрѣльцовъ. Онъ рѣшился самъ ѣхать въ Москву, примѣрною жестокостію положить конецъ всѣмъ кознямъ своихъ враговъ и разомъ устранить всякое съ ихъ стороны противодѣйствіе; онъ въ волненіи стрѣльцовъ видѣлъ только неудовольствіе русскихъ на его сближеніе съ иностранцами и ихъ нежеланіе принять образованность западныхъ европейскихъ народовъ, поэтому онъ думалъ жестокимъ примѣромъ надъ стрѣльцами испугать всѣхъ приверженцевъ старины. Въ отвѣтъ на письмо Ромодановскаго, оставленнаго правителемъ Москвы, онъ отвѣчалъ темною угрозою: «Ваша милость пишетъ, что сѣмя, брошенное Милославскими, растетъ; прошу васъ быть твердымъ; строгостію можно загасить разгорающійся огонь. Мнѣ очень

жаль отказаться отъ необходимой поѣздки въ Венецію, но по случаю смутъ мы будемъ къ вамъ такъ, какъ вы совсѣмъ не ожидаете».

26 августа въ Москвѣ разнеслось извѣстіе, что царь пріѣхалъ, побывалъ кое-гдѣ, но не заходя во дворецъ, чтобы повидаться съ царицею, провелъ вечеръ у Лефорта и ночевать отправился въ Преображенское, гдѣ рѣшился прибѣгнуть къ кровавымъ мѣрамъ, чтобы запугать своихъ противниковъ.

Петръ видѣлъ недостатки своего народа; сравнивъ его съ западными образованными государствами, онъ поневолѣ ужаснулся той низкой степени развитія, на которой стояла Россія; за что онъ ни брался, все было въ Россіи или очень дурно, или не было и начато; въ русскихъ все поражало дикою необразованностію, начиная съ одежды и бороды, до языка; русскіе всѣмъ отличались отъ Западной Европы. Петру, по своей горячей,



ЗНАКИ, УСТАНОВЛЕННЫЕ ЗА ПРАВО НОСИТЬ БОРОДУ.

нетерпѣливой природѣ, хотѣлось-бы перемѣнить все разомъ; хотѣлось-бы, чтобы весь народъ мгновенно созналъ пользу образованія и, подобно ему самому, всѣми силами стремился къ ученію и къ тому, чтобы у иностранцевъ перенимать всѣ особенности ихъ жизни. Всякое противорѣчіе раздражало его; особенно озлобили его челобитныя стрѣльцовъ, въ которыхъ стрѣльцы клеветали на нѣмцевъ, на Лефорта, на самого царя и подъ видомъ покорности укоряли его въ потворствѣ нѣмецкимъ обычаямъ—бритьѣ бороды и куреніи табаку. Всю ночь Петръ читалъ челобитныя и восклицалъ съ негодованіемъ:

— Я самъ нѣмецъ! Я брѣю бороду! Постой же, я вамъ дамъ ваши бороды!

27 августа въ Преображенскомъ собрались, по обыкновенію, множество бояръ и всякаго званія люди. Петръ очень ласково разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, по невзначай бралъ за бороду и съ сло-



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ОБРѢЗЫВАЕТЪ ДЛИННЫЕ РУКАВА У КАФТАНОВЪ БОЯРЪ.

вами: «видишь, я безъ бороды и тебѣ неприлично являться такимъ косматымъ», обрѣзывалъ бороду; началъ онъ съ боярина Шеина и съ Ромодановскаго, не тронулъ только бородъ самыхъ старыхъ и всѣми уважаемыхъ бояръ—Тихона Никитича Стрѣшнева и князя Михаила Алегуковича Черкаскаго; они одни остались съ бородами. Многіе бояре горько горевали о потерѣ бородъ, другіе догадались, чего царь хочетъ, и въ день Новаго года на пиршество къ Шеину явились обритые, но остались и бородатые; но тутъ уже не самъ царь остригалъ имъ бороды, а царскій шутъ хваталъ то того, то другого за бороду и ножницами остригалъ ее, при громкомъ хохотѣ пирующихъ, которые утѣшались чужимъ несчастіемъ въ своемъ собственномъ горѣ.

Одно нововведеніе шло за другимъ: черезъ три дня у Лефорта былъ вечеръ съ музыкой и танцами; гостей набралось къ нему многое множество. Жители Нѣмецкой слободы на вечеръ явились съ женами и дочерьми; до 500 человѣкъ набралось на этотъ балъ и между ними не видно было ни одного съ бородою: бояре, царедворцы, люди приближенные къ царю или желавшіе угодить ему походили на иностранцевъ, переряженныхъ въ русскіе кафтаны.

Царь со всѣми видался, вездѣ бывалъ, не видался только съ царицею Евдокіей Ѳедоровной, которая печально проводила дни въ Кремлѣ и со страхомъ и надеждой ожидала свиданія съ Петромъ; онъ уже давно

охладѣлъ къ ней и только думалъ о томъ, какъ-бы избавиться отъ нея, по старинному русскому обычаю, а именно уговорить ее постричься. Но Евдокія на предложеніе подобнаго рода, присланное еще изъ Лондона, отвѣчала твердымъ отказомъ; Нарышкинъ, Стрѣшневъ и духовникъ, по порученію царя, уговаривали ее исполнить его волю, но она отвѣчала, что дождется возвращенія царскаго въ Москву, повидается съ нимъ и постарается уговорить его, попытается вернуть его любовь и сохранить свое мѣсто. Но царица не дождалась свиданія съ Петромъ; по возвращеніи въ Москву онъ прямо отправился въ Преображенское, пріѣзжалъ въ Москву только мимолетно и съ нею не видался. Наконецъ, такъ какъ Евдокія не хотѣла добровольно исполнить желанія Петра, онъ приказалъ своей сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ взять къ себѣ восьмилѣтняго сына; его перевезли въ Преображенское, а царицу Евдокію Өедоровну посадили въ простую карету и 23 сентября отвезли въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ въ іюнѣ слѣдующаго года ее постригли въ монашество подъ именемъ Елены. Неизвѣстно, что заставило царя и еще болѣе патріарха промедлить исполненіемъ этого обряда.



СОВРЕМЕННАЯ НАРОДНАЯ КАРТИНКА ИЗОБРАЖАЮЩАЯ КАКЪ ЦАРСКІЯ СЛУГИ ОБРѢЗЫВАЛИ БОРОДЫ.

Между тѣмъ, Петръ не упускалъ изъ виду главной цѣли—борьбы съ стариною; ему нужно было напугать своихъ противниковъ, страшнымъ примѣромъ отнять у нихъ охоту дерзко вступать съ нимъ въ борьбу. Стрѣльцовъ отовсюду привозили и ими наполнили всѣ окрестные съ Преображенскимъ села и монастыри; всего было до 1700 человѣкъ. Въ тотъ самый день, въ который за 16 лѣтъ тому назадъ казнили Хованскихъ, безъ допроса и суда, т.-е. 17 сентября, въ именины царевны Софіи, начались допросы съ пытками; въ 14 застѣнкахъ трудились палачи, и страдали болѣе или менѣе виновные стрѣльцы; пытки отличались необыкновенною жестокостію. Многіе не вынесли ихъ и въ неслыханныхъ мученіяхъ признались, что хотѣли идти въ Москву, раскинуть

станъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и предложить Софіи опять вступить въ управленіе. Стрѣльцы показали, что письма имъ отъ царевенъ Мареы и Софіи доставлены были черезъ стрѣлецкихъ женъ; ихъ потребовали и тоже пытали и отъ нихъ узнали всѣ вышесказанныя подробности.

Затѣмъ наступили страшные дни; дѣлались приготовленія къ не-



ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ӨЕОДОРОВНА.
(Съ портрета, принадлежащаго И. И. Воронцову-Дашкову).

слыханнымъ со временъ Іоанна Васильевича IV казнямъ; строили висѣлицы въ разныхъ мѣстахъ: у Новодѣвичьяго монастыря, у съѣзжихъ избъ возмутившихся полковъ, и въ разныхъ частяхъ города. Приготовленія къ такимъ многочисленнымъ казнямъ испугали московскихъ жителей: уныніе и страхъ были на всѣхъ лицахъ; каждый боялся, какъ-бы его не оговорили, какъ-бы не быть замѣшану, потому что у каждаго между стрѣльцами были родные и знакомые; патріархъ съ духовенствомъ поднялъ икону Богородицы и съ нею отправился къ царю, чтобы засту-

СНИМОКЪ СЪ ПИСЬМА ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ КЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Гсдарю моему радосте, ц҃рю петру алексѣевичу здравствуи светъ мои намножество лѣтъ просимъ млсти пожалуй Гсдарь буди кнамъ не замѣшкавъ а я при мсти матушкиной жива женишка твоя дунка челомъ бьетъ.

питься за обвиненныхъ, просить имъ помилованія. Но Петръ былъ раздраженъ и каждое вмѣшательство еще больше возмущало его; выслушавъ патріарха, онъ крикнулъ:

— Къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Уходи скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я больше твоего почитаю Бога и Пресвятую его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, умышляющихъ противъ него!

Петръ увидѣлся съ своими сестрами и самъ допросилъ ихъ; Марѳа призналась, что говорила Софьѣ о томъ, что стрѣльцы подходятъ къ Москвѣ и желаютъ ее видѣть на царствѣ; но вполнѣ отреклась отъ того, что писала стрѣльцамъ и передавала имъ письма отъ Софьи. Софья ни въ чемъ не призналась, говорила, что никакихъ сношеній съ стрѣльцами не имѣла, и на вопросъ о письмахъ отвѣчала: «Письма, о которыхъ стрѣльцы говорятъ, я не писала и въ полки не посылала». А что стрѣльцы говорятъ, будто шли въ Москву съ намѣреніемъ поставить ее по-прежнему правительницею, это придумали они не вслѣдствіе писемъ ея, а потому, что она такъ долго управляла государствомъ.

Разборъ кончился: тѣмъ стрѣльцамъ, которые содержались въ монастырскихъ темницахъ, сентября 30 была первая казнь: стрѣльцовъ, 201 человѣка, изъ Преображенскаго везли на телѣгахъ; въ каждой си-

дѣло по-двое съ зажженными свѣчами въ рукахъ; за телѣгами бѣжали жены, дѣти и матери осужденныхъ, съ отчаянными воплями и рыданіями. У Покровскихъ воротъ процессія остановилась, и имъ былъ прочитанъ смертный приговоръ за то, что пришли на Москву съ тѣмъ, чтобы истребить бояръ, перебить нѣмцевъ, разорить Нѣмецкую слободу, возмутить чернь и вмѣстѣ съ нею своевольничать.

Послѣ прочтенія приговора, телѣги опять двинулись, и приговоренныхъ повезли въ разныя мѣста для исполненія приговора; пятерымъ еще раньше, въ Преображенскомъ, были отрублены головы. За этой казнью слѣдовали другія: отъ 11 октября до 21 казнили 770 стрѣльцовъ. Многимъ изъ нихъ головы рубили въ присутствіи Петра и рубили его приближенные бояре; ослушаться не смѣли, зная, что за каждымъ противорѣчіемъ слѣдуетъ ужасная вспышка гнѣва, за послѣдствія котораго отвѣчать нельзя. Петръ, сидя на лошади, смотрѣлъ, какъ бояре упражняются въ ремеслѣ палачей, и сердился на того, у кого руки отъ страха тряслись. Болѣе всѣхъ отличался тутъ бомбардиръ Преображенскаго полка Алексашка (Меншиковъ); онъ впослѣдствіи хвалился, что отрубилъ 20 головъ. Передъ окнами царевны въ Новодѣвичьемъ монастырѣ повѣшено было 195 стрѣльцовъ, передъ кельею царевны, прямо передъ окномъ, висѣли трое; въ рукахъ они держали челобитныя, въ которыхъ просили царевну принять на себя управленіе государствомъ. Трупы казненыхъ оставались на висѣлицахъ, плахахъ и колахъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, заражая воздухъ міазмами; цѣлыхъ пять мѣсяцевъ передъ окнами царевны качались повѣшенные съ челобитными въ рукахъ.



ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ѲЕОДОРОВНА ВЪ МОНАШЕСКОМЪ ПЛАТЬѢ.
(Съ картины, находящейся въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ).

Это мрачная, печальная и кровавая страница изъ исторіи Великаго Преобразователя Россіи! но пройти ее молчаніемъ нельзя: безъ этого картина его дѣйствій была бы не полна!

Во второй день послѣ казни, Петръ созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ государственныхъ, чтобы судить царевну Софью за ея участіе въ заговорѣ стрѣльцовъ; неизвѣстно, что постановили государственные чины, но Петръ самъ рѣшился отнять у царевны всякую мысль о царствованіи,

а у ея приверженцевъ всякій предлогъ къ возмущенію. Софію положено было постричь въ монашество подъ именемъ Сусанны, на житье оставлена она въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ стражею сотни солдатъ. Сестры могли ее посѣщать только на Свѣтло-Христово Воскресенье и на Святой недѣлѣ, да въ храмовой монастырскій праздникъ, да еще въ случаѣ болѣзни инокини Сусанны. Петръ лично назначилъ довѣренныхъ людей, черезъ которыхъ можно было справляться о ея здоровьѣ, и на спискѣ этихъ лицъ собственноручно приписалъ: «Пѣвчихъ никакихъ въ монастырь не пускать, и старицы хорошо поютъ, лишь бы вѣра была; а то, въ церкви поютъ: Спаси отъ бѣдъ, а на паперти деньги на убійство даютъ».

Мареа была виновнѣе Софьи; она призналась, что говорила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и объ ихъ желаніи передать ей управленіе; Мареу также постригли подъ именемъ Маргариты въ Успенскомъ монастырѣ города Александрова, во Владимірской губерніи.

Печальныя событія въ царскомъ семействѣ и кровавая расправа съ стрѣльцами держали Петра въ постоянномъ раздраженіи, которое иногда переходило въ порывы бѣшенства. Такъ 14 сентября на пиру у Лефорта, Петръ началъ нападать на Шеина и бранить его за то, что онъ въ полковники и офицеры производитъ за деньги; Шеинъ защищался; Петръ выскочилъ изъ-за стола и выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы справиться, сколько офицеровъ и полковниковъ онъ произвелъ за деньги. Не узнавъ ничего, Петръ возвратился въ страшной ярости, эфесомъ шпаги ударилъ по столу такъ, что всѣ стаканы и тарелки задребезжали, и воскликнулъ:

— Вотъ, точно такъ я разобью и полкъ твой, а съ тебя сдеру кожу!

Князь Ромодановскій и Зотовъ попытались защитить Шеина; но ярость Петра отъ этого только усилилась; онъ бросился на нихъ, Зотова ударилъ эфесомъ по головѣ, такъ что онъ зашатался, а Ромодановскаго рубнулъ по рукѣ, сильно ранилъ и чуть не отрубилъ всѣхъ пальцевъ. Шеинъ навѣрное былъ бы убитъ на мѣстѣ, еслибы Лефортъ не удержалъ разгнѣваннаго Петра. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, блѣдные отъ ужаса; но молодой царскій любимецъ Александръ Меншиковъ, или какъ его звали, Алексашка, не потерялся, ласково и успокоительно заговорилъ съ Петромъ, умѣлъ успокоить его и минуту спустя, какъ ни въ чемъ не бывало, Петръ пригласилъ всѣхъ остальныхъ садиться и пропировалъ съ ними до утра.

Молодой сержантъ Преображенскаго полка, Александръ Даниловичъ Меншиковъ, былъ сынъ придворнаго конюха. Отецъ его, одинъ изъ первыхъ, записался въ Потѣшные, когда Петръ призывалъ къ себѣ охотниковъ. Конюхи и Потѣшные получали очень недостаточное содержаніе и



КАЗНЬ СТРѢЛЬЦОВЪ.

(Картина Сурикова, Третьяковская галлерея).

потому должны были изыскивать средства, чтобы удовлетворять свои нужды; они сами, подобно стрѣльцамъ, не могли заниматься ремеслами и торговлею, поэтому предоставляли это своимъ женамъ и дѣтямъ; вотъ почему разсказъ о томъ, что Меншиковъ былъ продавцемъ пироговъ, болѣе чѣмъ правдоподобенъ. Пока сынъ потѣшнаго конюха Алексашка самъ не поступилъ въ потѣшные, онъ торговалъ пирогами.

Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ сцену, случившуюся въ то время, когда Меншиковъ былъ уже очень знатнымъ и богатымъ человѣкомъ; въ этой сценѣ есть намекъ на дѣтство этого любимца Петрова и на первоначальныя его занятія.


КН. АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНЬШИКОВЪ.
(Гравюра Ж. Симона въ Лондонѣ).

Петръ однажды очень сильно разсердился на Меншикова и грозно сказалъ ему:

— Знаешь-ли ты, если захочу, то могу возвратить тебя тотчасъ-же въ твое прежнее состояніе? Заставлю, такъ ты у меня тотчасъ-же возьмешь свой кузовъ съ пирогами и пойдешь бродить по лагерю, между солдатскими палатками и будешь выкрикивать: «пироги подовые!» Помнишь, какъ встарину дѣлывалъ!.. Вонъ изъ комнаты!—и вытолкалъ его за дверь.

Огорченный немилостью государя, Меншиковъ поспѣшно отправился къ императрицѣ Екатеринѣ, второй женѣ Петра, разсказалъ ей свое горе и просилъ ея ходатайства; она пошла къ Петру, уговаривала и успокоивала его. Между тѣмъ, Меншиковъ гдѣ-то досталъ себѣ кузовъ съ подовыми пирогами, повѣсилъ его себѣ ремнемъ на шею и явился въ такомъ видѣ къ Петру. Тотъ взглянувъ на своего любимца, не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ:

— Слушай, Александръ! перестань балагурить и бездѣльничать, или ты будешь хуже всякаго пирожника!

Алексашка уже во время стрѣлецкаго розыска и казней былъ ближе другихъ къ царю; послѣ Лефорта онъ былъ царскимъ любимцемъ, но, подобно Лефорту, и на него пала ненависть за царскую привязанность. Наружность молодого сержанта была очень замѣчательная: онъ былъ

высокъ ростомъ, худощавый, черты лица у него были умныя, красивыя, и выразительные глаза горѣли огнемъ разума, пріемы у него были вѣжливые; онъ былъ строенъ и ловокъ; любилъ одѣваться нарядно и былъ необыкновенно чистъ и опрятенъ,—качество въ тогдашнее время очень рѣдкое между русскими,—даже иностранцы отдавали полную справедливость его опрятности. Меншиковъ нравился Петру не одною своею наружностію; онъ поражалъ всякаго своею ясною, отчетливою рѣчью; въ разговорѣ онъ былъ уменъ, ловокъ, оборотливъ и проницателенъ. Онъ имѣлъ удивительную наблюдательность и умѣлъ выбирать людей. Но у него были и большіе недостатки: онъ былъ очень честолюбивъ; для достиженія знатности и почестей онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать; въ немъ было столько же корыстолюбія, сколько и честолюбія; чтобы удовлетворить своей страсти къ деньгамъ, онъ часто употреблялъ безчестныя средства, бралъ взятки; онъ былъ вспыльчивъ и сердитъ; вообще недостатки его походили на недостатки Петра, но у него не было тѣхъ великихъ достоинствъ, какія мы находимъ у Петра.





МЕДАЛЬ НА УНИЧТОЖЕНІЕ СТРѢЛЬЦОВЪ.



ГРАВЮРА ИЗЪ «БРЮСОВА» КАЛЕНДАРЯ.

ГЛАВА XIII.

Московская бурмистерская палата—Гербовая бумага.—Смерть Лефорта.—Флотъ подъ Азовомъ.—Плаваніе его въ Керчи.—Первый русскій корабль на Черномъ морѣ и въ Константинополѣ.—Пребываніе Украинцева въ Константинополѣ и заключенный имъ 30-лѣтній договоръ о перемиріи.

Наконецъ, стрѣлецкіе розыски и казни прекратились; стрѣльцы уже потеряли свою силу, но въ государствѣ все-таки еще было неспокойно. На югѣ былъ грозный врагъ—турки, миръ съ которыми еще не былъ заключенъ. Внутри государства, по городамъ, селамъ, а больше всего, по большимъ дорогамъ отъ разбойниковъ не было проходу и проѣзду. Въ городахъ былъ безпорядокъ: никто не былъ увѣренъ, что его домъ и имущество въ безопасности; воеводы, вмѣсто того, чтобы смотрѣть за порядкомъ, чтобы разбирать тяжбы и жалобы, только о томъ думали, какъ-бы поскорѣе разбогатѣть, и потому обирали свои воеводства.

Доходы были очень небольшіе, а Петру для его различныхъ предпріятій нужны были большія суммы: онъ строилъ флотъ для Азовскаго моря, строилъ крѣпости; онъ учреждалъ новое войско въ замѣнъ стрѣлецкаго; онъ видѣлъ, что нужно учить народъ и дворянство и поэтому нужны книги и школы, а на все это надобны деньги, надобно увеличить государственные доходы. Съ этою цѣлью онъ еще въ Англіи отдалъ табачную торговлю на откупъ; но этого было недостаточно; чтобы доходы увеличились, надобно, чтобы народъ самъ сдѣлался богаче и больше могъ платить. Сдѣлаться богаче народъ можетъ только тогда, когда онъ мо-

жетъ сохранять то, что у него есть, когда онъ можетъ къ тому состоянію, какое у него есть, прибавлять новое пріобрѣтеніе, когда въ городахъ и въ управленіи будетъ порядокъ, когда ни разбойники, ни сильные бояре его обирать не будутъ. Петръ это зналъ и началъ понемногу исправлять безпорядки, какіе нашелъ въ своемъ царствѣ.



ШТЕМПЕЛЬ ГЕРБОВОЙ БУМАГИ 1724 г.

За границей ему понравилось городское управленіе посредствомъ ратуши,— совѣта, составленнаго изъ городскихъ жителей подъ предсѣдательствомъ бургомистра. Петръ рѣшился завести въ Россіи нѣчто подобное: онъ въ январѣ 1699 года велѣлъ въ Москвѣ учредить Бурмистерскую палату, въ которой разбирались бы всѣ дѣла, касающіяся торговыхъ и промышленныхъ людей; членовъ въ эту палату предоставлено было выбирать ежегодно изъ гостей [1]), изъ московскихъ слободъ и изъ гостиныхъ сотенъ, съ тѣмъ, чтобы президентомъ бывалъ одинъ изъ членовъ, на каждый мѣсяцъ новый. Промышленное и торговое сословіе въ прочихъ городахъ и посадахъ царства также могли выбирать изъ добрыхъ и правдивыхъ людей земскихъ бурмистровъ; всѣ дѣла, которыя они сами рѣшить не могли, всѣ оклады и подати, которые они собирали съ купцовъ и промышленниковъ, они должны были отсылать въ Москву въ Бурмистерскую палату. Она не зависѣла ни отъ какого другого приказа и съ докладомъ входила къ самому государю.



ШТЕМПЕЛЬ ГЕРБОВОЙ БУМАГИ 1726 г.

---

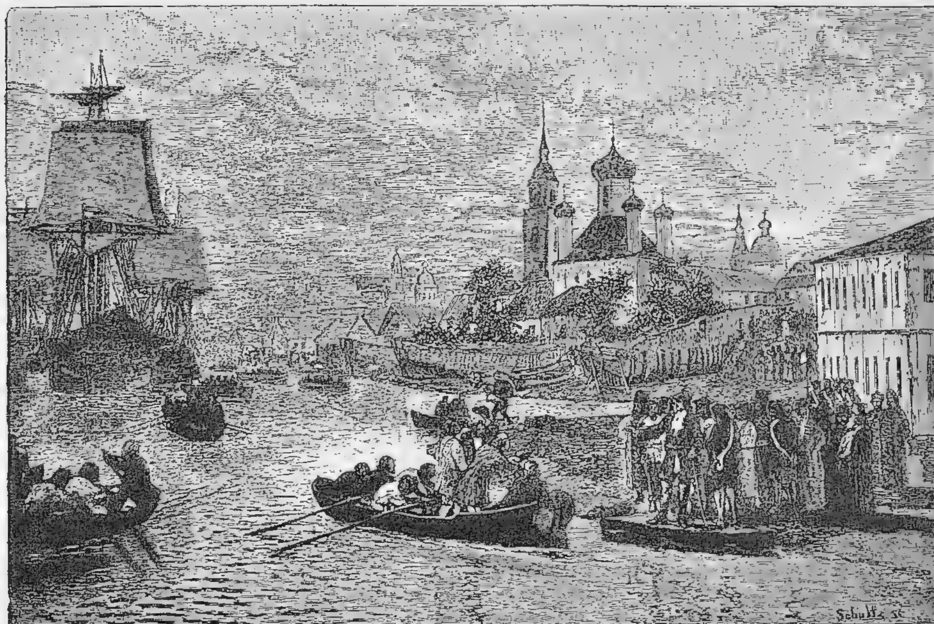
[1]) Купцовъ.

Для засѣданій Бурмистерской палаты въ Кремлѣ отведенъ былъ домъ съ крѣпкими погребами для храненія денежныхъ капиталовъ. Безъ царскаго указа, сверхъ однажды утвержденныхъ пошлинъ, палата не отпускала ни одного рубля. Дѣла и тяжбы съ иностранцами также приказано было разбирать въ Бурмистерской палатѣ. Такимъ образомъ, купеческое и промышленное сословіе избавилось отъ всѣхъ прежнихъ притѣсненій и лишнихъ поборовъ, и, когда Петръ потребовалъ двойного платежа податей, сословіе это безпрекословно, съ благодарностію согласилось на эту плату. Такъ Петръ достигнулъ однимъ учрежденіемъ двойной цѣли: исправилъ бытъ самаго производительнаго въ общественной жизни сословія и увеличилъ доходы государственные.

Около того же времени Алексѣй Курбатовъ, дворецкій боярина Шереметева, путешествовавшій съ нимъ по Италіи, человѣкъ умный и догадливый, показалъ Петру новую статью дохода. По возвращеніи въ Москву, онъ въ Ямскомъ приказѣ подкинулъ письмо, адресованное на имя государя, а именно: «поднести великому государю, не распечатавъ». Въ тогдашнее время такимъ образомъ обыкновенно бросали письма съ доносомъ. Петръ получилъ письмо это, распечаталъ его и вмѣсто доноса о какомъ-либо умыслѣ нашелъ планъ о введеніи гербовой бумаги, для увеличенія государственныхъ доходовъ. Мысль эта чрезвычайно понравилась Петру и онъ немедленно приказалъ въ цѣломъ государствѣ ввести употребленіе гербовой бумаги трехъ видовъ: 1) подъ большимъ орломъ, цѣною въ 10 коп. за листъ; 2) подъ среднимъ орломъ—по 1 коп.; 3) подъ меньшимъ орломъ—по 1 деньгѣ за листъ.

Введеніе гербовой бумаги Петръ считалъ очень важнымъ 1) для увеличенія государственныхъ доходовъ; 2) для уничтоженія ябедничества и подлоговъ, и 3) онъ посредствомъ гербовой бумаги хотѣлъ утвердить крѣпостные акты на имѣнія и дома. Какъ важна эта мысль казалась Петру, видно изъ того, какъ онъ за нее наградилъ Курбатова: онъ далъ ему званіе дьяка оружейной палаты, въ которой приказано было наблюдать за сборомъ съ продажи гербовой бумаги; сверхъ того пожаловалъ ему каменный домъ въ Москвѣ и значительное помѣстье.

Переговоры о мирѣ съ Турціей тянулись. Петръ могъ ожидать, что они прекратятся, и тогда вести войну придется ему одному, безъ союзниковъ, потому что Австрія и Польша уже подписали миръ. Надобно было приготовиться къ войнѣ, но Петръ хотѣлъ перенести ее съ суши на море и потому спѣшилъ постройкою флота. Послѣ обычныхъ праздниковъ, шутокъ и фейерверковъ на масленицѣ, Петръ наканунѣ начала Великаго поста отправился въ Воронежъ, чтобы осмотрѣть работы и рѣчной флотъ изготовить для спуска къ Азову съ наступленіемъ весенняго половодья.



ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ОСМАТРИВАЕТЪ КОРАБЛИ ПОСТРОЕННЫЕ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Наканунѣ отъѣзда въ Воронежъ, Лефортъ далъ прощальный вечеръ и ужинъ. Погода, несмотря на февраль, стояла теплая; гостямъ сдѣлалось жарко въ комнатахъ и пирующіе вышли на чистый воздухъ въ садъ и до полуночи гуляли и пировали подъ открытымъ небомъ. Наконецъ, гости распрощались съ своимъ щедрымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ; на другой день отправились въ Воронежъ и счастливо доѣхали до мѣста; между тѣмъ, Лефортъ на другой день почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ и слегъ въ постель.

Болѣзнь его, противъ ожиданія, быстро усиливалась и наконецъ открылось, что у Лефорта злая тифозная горячка, отъ которой онъ вскорѣ и скончался, на 40 году отъ рожденія.

Петръ ничего не зналъ ни о болѣзни, ни о кончинѣ своего любимца, по-прежнему строилъ суда и приготовлялъ ихъ къ спуску. Къ нему былъ отправленъ нарочный съ извѣстіемъ о кончинѣ Лефорта. Прочитавъ письмо Ромодановскаго, Петръ заплакалъ и въ горѣ воскликнулъ:

— Друга моего не стало. Онъ неизмѣнно любилъ меня и всегда былъ мнѣ вѣренъ.

Послѣ полученнаго извѣстія, Петръ тотчасъ поскакалъ въ Москву для торжественнаго погребенія Лефорта.

Похоронный обрядъ обставленъ былъ пышностью, еще въ то время небывалою при боярскихъ похоронахъ. Передъ выносомъ тѣла, царь при-

казалъ открыть гробъ и въ присутствіи всего двора и посланниковъ, громко рыдая, долго цѣловалъ мертваго въ лобъ и щеки. До самой лютеранской церкви онъ шелъ за гробомъ въ траурѣ, передъ первою ротою

Mein Herr Capitain

Pissal tuoia milos is Gnesoa Michil Jurauits
Repenin, Slaue bogh sto ti sdorouoi prechol
ou voronets gorrod, Daj bogh tebe sdorouo
na mnoghi liettou, j Sauersit, sto mi Pochinajm
Ja rad Buil, ad soudi scora jechet Bogh snat
Kach, na doroga rana moia boudet, Sdesena, e
Durnoi git vesde Poustoi, i Groussni, mnoghi
Poujale Pissi mene pro scoja sdorouo, i Kali
tuoja Catrega gottoua boudet, nassou Compagne
Precasali tuoie milos velicha Poclon na
Pissat
Je bin sain Dinner
Slaboda den jo mart 1696 Valejeit Lefort gener
admiral

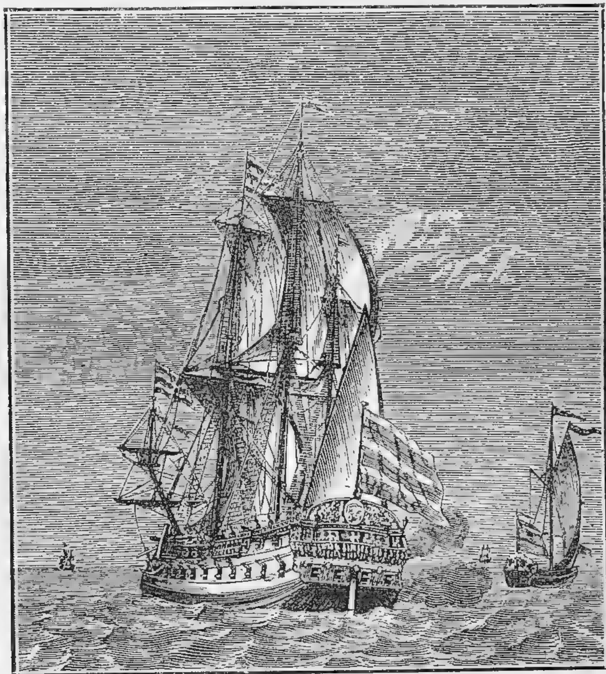
ПИСЬМО АДМИРАЛА ЛЕФОРТА ЦАРЮ ПЕТРУ 10 ГО МАРТА 1696 Г.

Преображенскаго полка, за нею слѣдовали полки Семеновскій и Лефортовъ съ погребальной музыкой и съ опущенными къ землѣ ружьями. Всѣ офицеры были въ глубокомъ траурѣ.

Въ Воронежѣ Петра встрѣтило другое печальное извѣстіе: лучшій

корабельный мастеръ, вывезенный изъ Англіи, Джонъ Денъ, не вынесъ суроваго климата и умеръ.

Къ веснѣ 1699 года постройка кораблей была окончена. Офицеры, капитаны и большинство матросовъ были иностранцы. При осмотрѣ кораблей оказалось, что многое не соотвѣтствуетъ требованіямъ: то нужно было передѣлать, другое дополнить, вооруженіе увеличить и т. д., но при лихорадочной дѣятельности Петра это не могло быть препятствіемъ. Работа шла торопливо и успѣшно, и флотъ былъ готовъ къ выступленію;



КОРАБЛЬ «МОЛЯЩІЙСЯ СВ. АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ», ПОСТРОЕННЫЙ ПЕТРОМЪ I ВЪ ВОРОНЕЖѢ ВЪ 1696 Г.
(Съ совр. гравюры Шхонебека).

27 апрѣля приказано было сняться съ якоря. Самъ Петръ былъ командиромъ 44-пушечнаго корабля, но безъ его воли ничего не дѣлалось. Изъ Воронежа флотъ выступалъ партіями и первое время плылъ медленно.

Близъ красиваго мѣстечка Коротояка, гдѣ стоялъ мужской монастырь, Петръ высадился на берегъ и угостилъ командировъ судовъ роскошнымъ обѣдомъ при пальбѣ изъ пушекъ; монахи въ первый разъ услыхали пушечные выстрѣлы и съ ужасомъ затыкали себѣ уши.

Также, и путешествуя по Дону, царь по-временамъ останавливался, выходилъ на берегъ, раскидывали шатеръ, и онъ по нѣскольку часовъ проводилъ на сушѣ. Однажды, передъ обѣдомъ, онъ зашелъ къ вице-

адмиралу Крюйсу и увидѣлъ, что онъ съ своими соотечественниками вскрываетъ наловленныхъ въ Дону черепахъ. Царь спросилъ

— Для чего это вы дѣлаете?

— Мы изъ этихъ черепахъ изготовимъ къ сегодняшнему обѣду отличное, очень вкусное фрикассе, похожее на цыплячье.

Петръ тотчасъ же далъ приказаніе наловить черепахъ для себя и изготовить ихъ къ обѣду; фрикассе подали, Петръ угощалъ имъ бояръ и радовался, что бояре съ такимъ аппетитомъ ѣдятъ мнимыхъ цыплятъ. Послѣ обѣда царь спросилъ у нихъ:

— Какъ вамъ понравилось фрикассе?

— Отличное кушанье, лучше этого и не ѣдали,—былъ отвѣтъ.

— А знаете-ли вы, изъ чего оно сдѣлано?

— Надо полагать, изъ молодыхъ цыплятъ.

— Постойте-же, я вамъ покажу перья этихъ цыплятъ,—и приказалъ принести черепа и лапы черепахъ.

Удивленіе было общее, и многіе смѣялись своей ошибкѣ; только Шеинъ и Салтыковъ были недовольны тѣмъ, что ихъ накормили нечистымъ мясомъ, и имъ даже сдѣлалось дурно.

Наконецъ, весь флотъ подошелъ къ Азову, его съ крѣпости привѣтствовали пушечною пальбою, въ отвѣтъ раздавалась пальба съ кораблей.

Петръ три года не видалъ Азова, не видалъ укрѣпленій, выстроенныхъ по плану инженера Лаваля, и, осмотрѣвъ ихъ, остался очень доволенъ.

Послѣ Азова Петръ на гребной флотиліи отправился осматривать Таганрогъ, и тамъ многое было сдѣлано; съ высотъ смотрѣли такія грозныя батареи, что онѣ вполнѣ защищали флотъ, какой-бы ни помѣстился у Таганрога. Гавань оказалась отличная, и флотъ могъ помѣщаться въ ней совершенно безопасно отъ морскихъ непогодъ.

Послѣ возвращенія въ Азовъ, Петръ думалъ о томъ, какъ-бы получше вывести крупныя суда въ море; пришлось ждать недѣлю, пока, наконецъ, не подулъ вѣтеръ, отъ котораго воды прибыло, и можно было переѣхать черезъ мели въ устьяхъ Дона. Самъ царь выводилъ корабли, какъ опытный и искусный лоцманъ; онъ въ продолженіе невольнаго бездѣйствія изучалъ русло и дно рѣки, и когда воды стало достаточно, начиная съ своего 44-пушечнаго корабля «Апостолъ Петръ», онъ, одинъ за другимъ, выводилъ всѣ корабли черезъ песчаныя мели. Когда Петръ увидѣлъ весь свой флотъ на водахъ Азовскаго моря, онъ выразилъ свою радость пушечною пальбою и пиромъ.

Для заключенія окончательнаго договора съ султаномъ, Петръ рѣшился послать въ Константинополь чрезвычайнаго посла; частію съ на-



ЦЕЙХГАУЗЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

мѣреніемъ показать туркамъ свой корабль, онъ посольство вздумалъ отправить моремъ: до Керчи рѣшился проводить посольскій корабль со всею своею эскадрою. Дѣла у Петра было много: онъ собственноручно писалъ инструкцію, по которой посолъ долженъ заключить договоръ, и приготовлялъ флотъ для выхода въ море. «Мы принялись за килеванье, конопаченіе и мазанье кораблей,—пишетъ Крюйсъ,—съ такою ревностью и съ такимъ проворствомъ, какъ будто работаемъ на амстердамской корабельной верфи».

Больше всѣхъ работалъ самъ Петръ; онъ цѣлый день не выпускалъ изъ рукъ топора и молота, самъ конопатилъ, мазалъ смолою, гораздо прилежнѣе самаго искуснаго и ловкаго работника. Наработавшись днемъ до усталости, ночью Петръ не отдыхалъ, а садился писать и обдумывать инструкцію или просматривалъ и исправлялъ морской и сухопутный артикулъ, давалъ указы и большую часть ночи работалъ, запершись въ своей каютѣ.

Для переѣзда посланниковъ въ Константинополь, онъ снарядилъ 46-пушечный корабль «Крѣпость»; кромѣ посольской свиты и офицеровъ, на кораблѣ было 16 матросовъ и 111 солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ.

Русская эскадра, сопровождаемая самимъ Петромъ, бросила якорь въ 10 верстахъ отъ Керчи, съ адмиральскаго корабля спустили шлюпку, подъ бѣлымъ флагомъ, въ нее сѣлъ офицеръ и поплылъ къ пашѣ, чтобы извѣстить его о пріѣздѣ русскаго посланника Украинцева. Паша съ своей стороны на двухъ лодкахъ отправилъ двухъ беевъ къ адмиральскому кораблю съ вопросомъ:

— Зачѣмъ пришелъ такой большой флотъ?

Имъ отвѣчали:

— Флотъ провожаетъ русскаго посланника къ султану.

Но турецкій правитель объявилъ, что почтетъ себя сумасшедшимъ, если пропуститъ хоть одинъ иностранный корабль черезъ проливъ въ Черное море; не смотря на долгія убѣжденія, онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался дать конвой для посланническаго корабля.

— Ежели такъ,—сказалъ Головинъ,—мы сами, со всею эскадрою проводимъ нашего посланника.

Турки съ величайшимъ любопытствомъ осматривали русскіе корабли; они ощупывали спасти и пушки руками, во многихъ мѣстахъ соскабливали смолу, чтобы посмотрѣть, изъ какого дерева построены корабли, и не хотѣли вѣрить, чтобы простые русскіе мастеровые умѣли сдѣлать такія большія ходкія суда. Къ тому-же они роптали на ложное донесеніе татаръ, посланныхъ въ Азовъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается; тѣ сказали,

будто русскіе корабли безъ пушекъ и черезъ Азовскія мели никакимъ образомъ переплыть не могутъ, а, между тѣмъ, эти-же самые корабли здѣсь передъ Керчью и вооруженные мѣдными пушками.

Послѣ долгихъ переговоровъ, туркамъ пришлось согласиться на впускъ русскаго корабля въ Черное море. Фрегатъ «Крѣпость» съ посломъ вы-



ПАМЯТНИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ВОРОНЕЖѢ.
(Съ фотографіи Серебрина).

шелъ изъ линіи нашего флота и сталъ въ виду турецкихъ кораблей, въ 5-ти верстахъ отъ Керчи.

Вице-адмиралъ Крюйсъ хотѣлъ воспользоваться свободнымъ временемъ и осмотрѣть, насколько удастся, укрѣпленія Керчи и турецкіе корабли; онъ съ позволенія царя, подъ предлогомъ закупки различныхъ

вещей, на двухъ шлюпкахъ поплылъ со свитою прямо къ Керчи. Турецкій адмиралъ, Гассанъ-паша, принялъ его очень учтиво, угостилъ кофе, и долго разговаривалъ съ нимъ, безуспѣшно стараясь напугать опасностью, какая ждетъ судно въ бурномъ Черномъ морѣ.

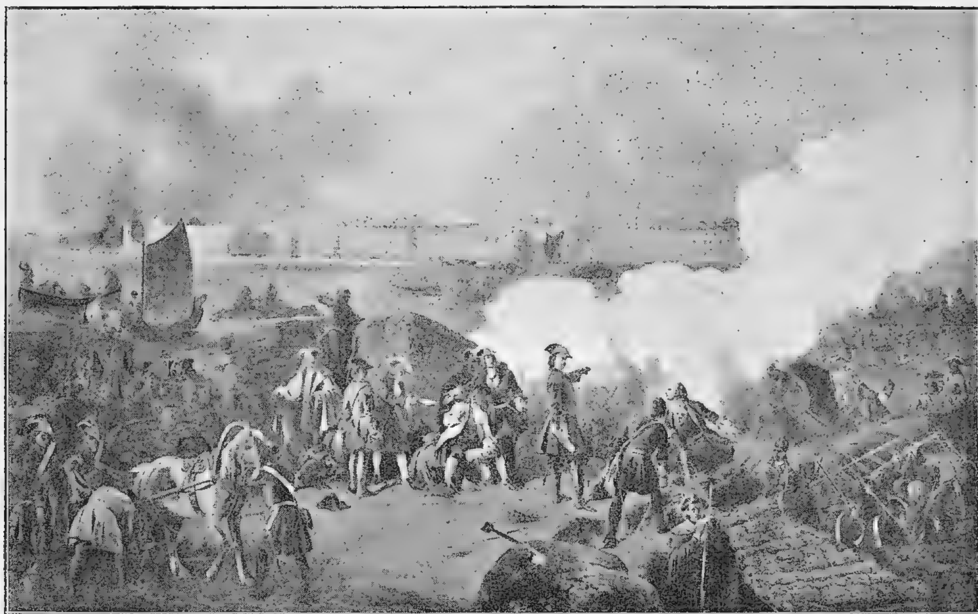
Крюйсъ накупилъ у Гассанъ-паши кофе на 80 червонцевъ, поплылъ съ своими товарищами къ Керчи, присталъ къ берегу и пошелъ прямо въ городскія ворота: но турки и татары перепугались и въ городъ его не пустили, а послали сказать Муртазъ-пашѣ (губернатору), что русскіе хотятъ войти въ городъ; паша тотчасъ прислалъ своихъ беевъ просить извиненія въ томъ, что онъ не можетъ пускать русскихъ военныхъ въ крѣпость, и обѣщался прислать на корабли все, въ чемъ русскіе нуждаются. Крюйсъ, однако-жъ, успѣлъ осмотрѣть стѣны и измѣрить фарватеръ. Онъ нашелъ, что стѣны очень стары, недостаточно толсты, что ихъ легко пробить шестифунтовыми ядрами. Въ этотъ-же день у турецкаго адмирала былъ русскій адмиралъ Головинъ и больше часу разговаривалъ съ нимъ; самъ царь присутствовалъ при этомъ свиданіи, въ видѣ боцмана адмиральской шлюпки, въ одеждѣ саардамскаго плотника.

Послѣ долгихъ споровъ съ турками, которые въ послѣдній разъ всѣми силами старались отложить отъѣздъ русскаго корабля въ Константинополь, а если можно то и совсѣмъ не пустить туда русскихъ моремъ,— русскій посолъ, Украинцевъ, своей непреклонной твердостью сломилъ сопротивленіе турокъ. 28 августа, при слабомъ вѣтрѣ на Крѣпости распустили паруса, и первый русскій военный корабль вошелъ въ Черное море! За нимъ потянулись турецкіе корабли; плыли вдоль южныхъ береговъ Крыма сперва очень медленно потому что тяжелые и неуклюжіе турецкіе корабли подвигались медленно, и часто вовсе останавливались. Приставъ уговаривалъ Украинцева зайти въ Балаклаву отдохнуть, но въ сущности для того, чтобы съ города взять порядочную дань на посольскіе кормы; но Украинцевъ не согласился, не доѣзжая до Балаклавы повернулъ въ открытое море и поплылъ прямо по направленію къ Константинополю.

Нетерпѣливый капитанъ Пембрукъ распустилъ всѣ паруса и вскорѣ скрылся изъ виду турецкой эскадры. Вѣтеръ былъ ровный и сильный; снасти скрипѣли, корпусъ корабля прыгалъ и качался на волнахъ, течь была порядочная, но подъ искуснымъ управленіемъ опытнаго капитана корабль летѣлъ стрѣлой.

Черезъ два дня показалась земля: это былъ берегъ Анатоліи въ 150 верстахъ отъ Босфора; капитанъ нѣсколько ошибся и не попалъ въ проливъ; но онъ тотчасъ поправилъ свою ошибку и въ полдень 2 сентября, безъ лоцмана, вошелъ въ Константинопольскій проливъ, прямо по самой

его серединѣ. До самаго вечера корабль шелъ, осторожно вымѣривая глубину, и при захожденіи солнца бросилъ якорь подъ греческимъ селеніемъ Ново, въ трехъ итальянскихъ миляхъ отъ Константинополя, чтобы дождаться пристава, далеко отставшаго вмѣстѣ съ турецкою эскадрою. Она пріѣхала сутками позже; приставъ тотчасъ отправился въ столицу, чтобы донести о пріѣздѣ русскаго посольства. Ко дню въѣзда султанъ за посольствомъ прислалъ свои кайюки и гребныя суда подъ село Ново. Украинцевъ долго не соглашался ѣхать въ Константинополь въ лодкахъ, но приставъ говорилъ, что не слѣдуетъ обижать султана, что, присылая



ВЗЯТІЕ КРѢПОСТИ НОТЕБОРГА 11 ОКТЯБРЯ 1702.
(Картина А. Коцебу).

свои собственныя лодки, онъ оказываетъ особенную почесть русскому посольству. Послѣ долгихъ переговоровъ Украинцевъ согласился ѣхать на лодкѣ съ тѣмъ однако-жъ условіемъ, что царскій корабль пойдетъ впереди. Въ назначенный день, къ русскому кораблю приплыло 50 богато украшенныхъ султанскихъ судовъ съ придворными чинами, для пріема пословъ. Украинцевъ съ своей свитой размѣстились въ суда и, предшествуемые кораблемъ, поплыли въ Константинополь; но за совершеннымъ безвѣтріемъ Крѣпость должна была бросить якорь, не доѣзжая одной мили до столицы. Гребныя суда съ посольствомъ причалили у серальской пристани, гдѣ посланника ожидала торжественная встрѣча и почетный караулъ изъ янычаръ.

На слѣдующій день русскій корабль ловко и красиво, съ пушечною пальбою вошелъ въ гавань и бросилъ якорь прямо противъ сераля. Появленіе его не на шутку встревожило султана; онъ не переставалъ спрашивать: какимъ образомъ такой большой корабль могъ выйти изъ мелководнаго донского устья и какъ онъ могъ одинъ безъ лоцмана проплыть черезъ Черное море и войти въ проливъ.

Турки горько упрекали голландскаго посланника за то, что голландцы учатъ русскихъ кораблестроенію, служатъ у нихъ на корабляхъ матросами и капитанами, будучи въ дружбѣ съ Турціей, вредятъ ей тѣмъ, что придаютъ силу враждебной ей Россіи. Посланникъ отвѣчалъ, что голландцы люди вольные и служатъ тому, кому хотятъ; Пембрукъ же выгнанъ изъ Голландіи и теперь воленъ идти, куда ему угодно.

Жители Константинополя часто пріѣзжали осматривать царскій корабль; самъ султанъ былъ на немъ. Знатоки особенно хвалили оснастку за ея прочность и красоту. Слухи о томъ, что царь сопровождалъ посольство въ Европу дошли и сюда; любопытные вглядывались въ каждаго матроса, въ каждаго солдата, каждаго дворянина посольской свиты: нѣтъ ли между ними царя?

Капитанъ Пембрукъ однажды не на шутку встревожилъ султана и весь Константинополь: онъ пригласилъ къ себѣ на корабль общество знакомыхъ французовъ и голландцевъ, угощалъ ихъ обѣдомъ, послѣ котораго появились вина въ огромномъ количествѣ и началась попойка, которая продолжалась до глубокой ночи. Всѣ были въ неестественномъ состояніи; хозяинъ вздумалъ повеселить своихъ гостей по военному и открылъ пальбу изъ всѣхъ орудій. Султанъ, его жены и министры ужаснулись; они подумали, что царскій флотъ подошелъ къ Константинополю и началось нападеніе.

Только 19 октября была торжественная аудіенція у султана; 4 ноября Украинцевъ отдалъ главному визирю свою полномочную грамоту, а черезъ двѣ недѣли начались переговоры о мирѣ. Каждый пунктъ оспаривали, рѣшали, перерѣшали нѣсколько разъ; турки не хотѣли уступать, русскіе тоже.

Переговоры тянулись около года, и наконецъ положили: заключить перемиріе на 30 лѣтъ. Уступки были сдѣланы съ той и другой стороны; Азовъ, Таганрогъ и Міюса съ прилежащими къ нимъ землями по Азовскому морю рѣшено укрѣпить за Россіей. Приднѣпровскіе форты и городки разрушить до основанія и мѣста, на которыхъ они стояли, отдать во владѣніе турецкаго султана съ тѣмъ, чтобы не строить новыхъ крѣпостей и не поправлять остатковъ старыхъ. По Днѣпру отъ Запорожской сѣчи до Очакова не строить ничего, оставаться пустымъ пространствомъ и только

на полпути позволено содержать перевозъ черезъ Днѣпръ; при этомъ перевозѣ можетъ быть деревня, обнесенная небольшимъ валомъ, рвомъ и палисадомъ, какіе приличны для защиты деревни, но съ условіемъ не придавать этому укрѣпленію вида крѣпости. Вся окраина Азовскаго моря отъ Перекопа до перваго вновь построеннаго укрѣпленія должна оставаться незаселенною. Съ противуположной стороны, къ Кубани, турки уступили русскимъ земли на 10 часовъ ѣзды.

Насчетъ татаръ, султанъ просилъ о продолженіи имъ дачи денежной не по праву, а изъ милости, безъ хана же миръ не можетъ состояться. Поляки попробовали было вмѣшаться въ переговоры о мирѣ и чуть не испортили дѣла: но твердость русскаго посла восторжествовала: онъ привезъ Петру вѣсть о заключенномъ на 30 лѣтъ перемиріи съ турками.



КОРНЕЛІЙ ИВАНОВИЧЪ КРЮЙСЪ.
(Съ совр. грав. портрета).




РУБЛЬ ПЕТРА I, 1704 ГОДА.

ГЛАВА XIV.

Отношенія Лифляндіи къ Швеціи.—Паткуль.—Переговоры съ Польшей.— Шведское посольство.—Наступательный союзъ.—Новый годъ съ 1 января. — Перемѣна костюма и монеты.—Война съ Швеціей.—Карлъ XII.—Миръ съ Турціей и объявленіе войны Швеціи.—Движеніе русскихъ къ Нарвѣ.—Пораженіе.—Петръ готовится къ дальнѣйшей войнѣ.—Свиданіе съ Августомъ.—Побѣда Карла XII подъ Ригой.

Въ то время, когда русскіе мирились на югѣ съ Турціей, на сѣверѣ готова была начаться другая война, война, имѣвшая самыя важныя послѣдствія не только для насъ, но и для всей остальной Европы, а именно: война съ Швеціей.

Въ сосѣдственной съ Россіей Лифляндіи, провинціи шведской, существовало большое неудовольствіе на шведовъ за то, что король отобралъ у дворянства большую часть земель и на владѣніе остальными требовалъ ясныхъ письменныхъ доказательствъ за печатями, которыхъ у многихъ дворянъ не имѣлось. Притѣсненія со стороны шведовъ возмутили ливонцевъ: одинъ изъ ливонскихъ дворянъ, энергическій и пылкій капитанъ Іоганъ Рейнгольдъ фонъ Паткуль, отправился къ шведскому королю съ намѣреніемъ защищать свои права и совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ силою отстаивать то, что имъ принадлежитъ.

Обвиненный шведами въ измѣнѣ, Паткуль бѣжалъ изъ своего отечества и, понимая, что Лифляндія не можетъ существовать самостоятельно, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ избавить ее отъ шведскаго ига, онъ задумалъ отдать всю Ливонію подъ власть Польши. Въ Польшѣ царствовалъ король, принцъ изъ саксонскаго дома, слѣдовательно къ нему Паткуля больше влекло, чѣмъ къ царю московскому. Паткуль отправился въ

Варшаву и подалъ Августу нѣсколько проектовъ; въ нихъ онъ указывалъ на средства завоевать Ливонію, для этого совѣтовалъ заключить союзъ съ Даніей, Россіей и Бранденбургомъ, но съ тѣмъ, однако, чтобы не дать Петру Великому слишкомъ много земель въ завоеванной странѣ.

Совѣты Паткуля нравились королю Августу, и онъ рѣшился слѣдовать имъ. Начались переговоры, сначала съ датскимъ королемъ Христіаномъ V, потомъ съ Петромъ. Паткуль въ этомъ дѣлѣ принималъ самое дѣятельное участіе: онъ добился заключенія письменнаго договора, по ко-



ОДЕЖДА БОЯРЫШЕНЪ И БОЯРИНА ПРИ ПЕТРѢ I.
(Изъ путешествія фонъ-Брюина).

торому ливонцы отдавались подъ власть Польши, а также письменнаго тайнаго согласія Петра вступить съ Польшей въ союзъ противъ Швеціи.

Петръ смотрѣлъ на начинающуюся борьбу съ Швеціей, какъ на начало новой жизни для Россіи; онъ предвидѣлъ, что съ той минуты, когда въ его рукахъ будетъ хотя бы клочекъ Балтійскаго берега, онъ войдетъ въ прямыя сношенія съ государствами западной Европы, и Россія пріобрѣтетъ между ними почетное мѣсто. Наступало новое столѣтіе, 1700 годъ; Петръ хотѣлъ, чтобы съ началомъ его и самое лѣтосчисленіе измѣнилось въ Россіи; до тѣхъ поръ года считали отъ сотворенія міра, а Петръ хотѣлъ, чтобы подобно остальнымъ европейскимъ государствамъ,

новый годъ считали отъ Рождества Христова, и не съ 1 сентября, какъ до сихъ поръ, а съ 1 января.

Съ этою цѣлью 20 декабря былъ изданъ указъ, чтобы новый годъ, по примѣру всѣхъ остальныхъ христіанскихъ державъ, считать съ 1 января, черезъ 8 дней послѣ Рождества Христова; чтобы въ этотъ день поздравляли другъ друга съ Новымъ годомъ и съ началомъ новаго столѣтія, чтобы на главныхъ московскихъ улицахъ дома были украшены сосновыми, еловыми и можжевеловыми вѣтками; когда же на Красной площади зажгутъ фейерверкъ и начнутъ стрѣлять изъ пушекъ и изъ ружей, то во всѣхъ крупныхъ строеніяхъ, какъ военныхъ людей, такъ и дворянъ и купцовъ, стрѣлять изъ ружей и пускать ракеты; кромѣ того повсюду, гдѣ мѣсто удобное, отъ 1 до 7 января, зажигать костры и смоляныя бочки.

Торжество окончилось только 6 января крестнымъ ходомъ на Іордань. Вопреки старинному обычаю, царь не шелъ за духовенствомъ въ царскомъ облаченіи, какъ это изстари велось, но въ мундирѣ стоялъ при своемъ полку на Москвѣ-рѣкѣ. Тутъ же находились новые солдатскіе полки, набранные, вмѣсто уничтоженныхъ стрѣльцовъ, 12,000 человѣкъ. хорошо вооруженные и красиво одѣтые. Лучше и красивѣе всѣхъ былъ царскій лейбъ-регументъ (Преображенскій полкъ) въ темно-зеленыхъ кафтанахъ съ золотыми галунами и пуговицами.

Боярамъ, царедворцамъ и служащимъ людямъ 4 января данъ былъ указъ явиться тоже въ новомъ костюмѣ, въ венгерскихъ кафтанахъ; ежели кто не успѣетъ себѣ сшить новой одежды къ 6-му января, тому давался срокъ до масляной. Къ лѣту же, всѣ обязаны были одѣться въ саксонскіе кафтаны. Придворные, приказные и знатнѣйшіе купцы явились 6-го января въ красивыхъ венгерскихъ костюмахъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ и любопытствомъ поглядывали другъ на друга; бородъ, какъ мы говорили, по большей части у молодыхъ людей уже не было, остались одни усы, и потому въ боярахъ въ короткихъ кафтанахъ, обритыхъ, причесанныхъ, никто не могъ бы узнать длиннобородыхъ и длиннополыхъ важныхъ и медленныхъ сановниковъ прошедшаго столѣтія.

Новизна одежды коснулась и дамъ, имѣвшихъ пріѣздъ ко двору; онѣ могли являться не иначе, какъ въ нѣмецкомъ платьѣ—въ робронахъ и фижмахъ. Первый примѣръ подали сестры царскія. Вскорѣ распоряженія о перемѣнѣ костюма распространились и на прочія сословія: на купчихъ, стрѣлецкихъ женъ, солдатокъ и женъ священниковъ и дьяконовъ.

Въ одно время съ перемѣной одежды, Петръ перемѣнилъ въ 1700 году и монету. До тѣхъ поръ единственной монетой въ обращеніи—были



УКОРОЧЕНІЕ КАФТАНОВЪ НА ЗАСТАВѢ.
(Съ голландской гравюры I. Филипсъ начала XVIII вѣка).

серебряныя копѣйки, т. е. кованныя пластинки неправильной овальной формы; на одной сторонѣ былъ грубо сдѣланъ скачущій всадникъ, на другой вытиснено имя государя, при которомъ чеканилась монета.

Чеканка въ старину не требовала большого знанія дѣла; она и при Петрѣ производилась не лучше того, какъ при Димитріи Донскомъ. Серебро плавили въ тигелѣ, отливали его въ видѣ прутьевъ, изъ нихъ тянули проволоку опредѣленной толщины, потомъ дѣлили ее на ровные куски, сообразно съ вѣсомъ, назначеннымъ правительствомъ, и наконецъ разсѣкали на мелкіе куски, по возможности ровные на глазомѣръ; чеканщики молоткомъ расплющивали кусочки проволоки въ видѣ неправильныхъ кружковъ, или пластинокъ, накладывали кружки на стальной пунсонъ (штамбъ), представлявшій скачущаго всадника, вдѣланный въ наковальню, прикрывали пластинку другимъ пунсономъ, на которомъ были вырѣзаны титулъ и имя царя, ударяли молоткомъ, и монета была готова. Кружки своею неправильною формою часто не закрывали всего пунсона, ихъ по большей части клали небрежно, оттого лошадь подъ всадникомъ выходила или безъ ногъ, или безъ головы, или безъ хвоста, или всадникъ безъ головы, а въ надписи не доставало нѣсколькихъ буквъ.

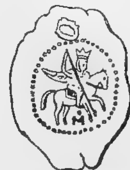
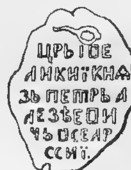
Иностранную серебряную монету иногда не переплавляли, а принимали за извѣстную цѣну въ казну, разрубали на части, къ каждой

прикладывали клеймо и пускали въ оборотъ почти вдвое дороже, чѣмъ слѣдовало.

Старинныя тяжелыя монеты съ теченіемъ времени постоянно перечеканивали на болѣе легкія. По мѣрѣ того, какъ дѣйствительная цѣнность монетъ падала, стоимость предметовъ возвышалась, такъ, напримѣръ, то, что прежде можно было купить за 10 копѣекъ, при Алексѣѣ Михайло-




КОПѢЙКА ПЕТРА I, 1721 ГОДА.

ГРИВНА ЦАРЯ ПЕТРА I.




ГРИВЕННИКЪ ПЕТРА I, 1706 ГОДА.




ДВА РУБЛЯ ЗОЛОТОМЪ, ПЕТРА I.




ЧЕРВОНЕЦЪ ПЕТРА I.

вичѣ стоило уже 150 копѣекъ оттого, что вмѣсто серебряныхъ копѣекъ начали чеканить мѣдныя; серебряныя куда-то исчезли, пропали, а въ обращеніи осталась одна мѣдная монета. Но царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ отмѣнить мѣдную монету, замѣнить ее серебряными копѣйками, рубленныхъ иностранныхъ монетъ не употреблять больше, и при Петрѣ ходили одни только серебряныя копѣйки. Но расчеты всѣ производились рублями, алтынами и деньгами, хотя рублей и алтына, какъ монеты, не существовало; напримѣръ, купецъ продавалъ товару на 264 копѣйки, а онъ покупателю говорилъ 2 рубля 21 алтынъ 2 деньги; деньга хотя и существовала, какъ монета, но ея было такъ мало, что она обыкновенно замѣнялась или кожанымъ знакомъ, или копѣйкою, разрубленною на двѣ или на три доли.

Отъ недостатка крупной и мелкой монеты торговля терпѣла при своихъ заграничныхъ оборотахъ, даже казна теряла, а простой бѣдный

классъ народа страдалъ больше всего; къ тому же монету обрѣзывали, оскабливали и тѣмъ уменьшали ея цѣнность.

Чтобы устранить всѣ ощутительныя неудобства отъ несовершенства русской монеты, Петръ далъ новое основаніе нашей монетной системѣ; онъ ввелъ въ нее и золото, и серебро, и мѣдь, но при этомъ наблюдалъ, чтобы и стоимость ея была довольно близкая къ дѣйствительной; началъ онъ съ мелкой размѣнной монеты. Для этого онъ приказалъ начеканить денежки, полушки и полуполушки; для каждой изъ этихъ монетъ, по образцу иностранному, была сдѣлана особая форма; изъ серебра дѣлали полтинники, полуполтинники, гривенники и позже рубли; изъ золота—червонцы одинокіе и двойные. Изъ одного фунта серебра чеканили монетъ на 15 рублей; изъ одного фунта мѣди—чеканили монетъ на 60 денегъ, или 30 копѣекъ; изъ этого видно, что одна мѣдная копѣйка была въ 45 разъ тяжелѣе серебряной.



КАРЛЪ XII.
(Портретъ кисти Крафта, 1717 г.).

Такимъ образомъ Петръ ничего не упускалъ, чтобы подготовить народъ свой къ сношеніямъ съ западными государствами и чтобы онъ не слишкомъ страдалъ отъ невыгоднаго сравненія съ ними.

При такихъ обстоятельствахъ начался 1700 годъ; Августъ торопился начать войну съ Швеціей и торопилъ Петра, но Петръ велъ еще войну съ Турціей и потому медлилъ. Августъ, несмотря на это, двинулъ свои саксонскія войска въ Ливонію и взялъ Дюнамюнде, но Ригѣ ничего сдѣлать не могъ: она была хорошо укрѣплена и не сдавалась. Второй союзникъ, датскій король, дѣйствовалъ успѣшнѣе: онъ занялъ Шлезвигъ-Гольштейнъ, и герцогъ бѣжалъ въ Швецію, искать помощи и покрови-

тельства. Петръ, третій союзникъ, на всѣ понужденія пословъ Августа отвѣчалъ: «Войска двину на другой день послѣ того, какъ получу извѣстіе о мирѣ съ турками». Но чтобы не остаться въ бездѣйствіи, для переговоровъ отправилъ посольство въ Швецію.

Августъ лично поторопился къ Ригѣ, но отъ этого осада не пошла успѣшнѣе. Наконецъ, 8 августа Петръ получилъ съ Украинцева вѣсть, что миръ съ Турціей утвержденъ; на другой день, 9 августа, Петръ приказалъ своимъ войскамъ выступать къ Нарвѣ и извѣстилъ о томъ своего союзника Августа; но тотъ уже охладѣлъ къ дѣлу, а датскій король еще болѣе, вслѣдствіе столкновенія съ такимъ противникомъ, каковъ былъ Карлъ XII.

Карлъ XII былъ ровно на 10 лѣтъ моложе Петра, и въ немъ съ самаго малолѣтства выказывалась исключительная натура. Онъ отличался удалью, безразсудною храбростью; онъ нарочно отыскивалъ опасности и тѣшился ими. Всю свою молодость Карлъ провелъ во всевозможныхъ дурачествахъ и потѣхахъ. Потѣхи эти отбили его на нѣкоторое время отъ всякихъ занятій.

Тѣмъ временемъ другъ Карла и женихъ его сестры, герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій Фридрихъ III, надѣясь на помощь Швеціи, ссорился съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ, Даніей. Данія не боялась ни Гольштиніи, ни Швеціи, потому что заключила наступательный союзъ съ Августомъ и Петромъ, и датскія войска вступили въ Гольштинію и заняли ее; Фридрихъ бѣжалъ въ Швецію къ Карлу и объявилъ ему, что отдаетъ себя и свою страну подъ его покровительство.

— Я буду вашимъ покровителемъ,—отвѣчалъ Карлъ,—хотя бы это мнѣ стоило короны!

Жребій былъ брошенъ: господствующая, но еще не сознанная страсть Карла проснулась; онъ жаждалъ завоеваній; ему хотѣлось военной славы; онъ хотѣлъ сравняться славою съ своими воинственными предками; онъ считалъ себя непобѣдимымъ съ своими храбрыми, испытанными солдатами. Государственный совѣтъ противился войнѣ, но Карлъ далъ своимъ войскамъ приказаніе двинуться изъ Помераніи въ Гольштинію. Въ это время пришло извѣстіе, что явился второй врагъ: король Августъ осадилъ Ригу. Извѣстіе это получилъ Карлъ на охотѣ; онъ не показалъ ни малѣйшаго волненія, улыбаясь, обернулся къ французскому посланнику и сказалъ:

— Скоро мы заставимъ короля Августа убраться во-свояси.

По возвращеніи въ Стокгольмъ онъ въ государственномъ совѣтѣ объявилъ:

— Я никогда не начну несправедливой войны, но справедливую



ЦАРЬ ПЕТРЪ I АЛЕКСѢЕВИЧЪ.
Съ гравюры Нейтъ 1698 г).

окончу только тогда, когда врагъ мой будетъ лежать на землѣ, безъ силы и вполнѣ побѣжденный: сперва я покончу съ однимъ, а потомъ потолкую и съ другимъ.

Карла удерживали въ Стокгольмѣ, но онъ вечеромъ 13 апрѣля 1700 года попрощался съ своею бабушкою, двумя сестрами и сказалъ, что ѣдетъ въ загородный дворецъ Кунглеръ. Ночью король дѣйствительно выѣхалъ изъ Стокгольма, но только не для увеселеній; онъ поспѣшилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Съ 15,000 войска совершенно неожидачно онъ переплылъ черезъ Зундъ и явился передъ Копенгагеномъ, почти совершенно беззащитнымъ. О сопротивленіи нечего было думать. Король согласился на миръ, призналъ полную независимость Гольштиніи и обязался заплатить герцогу за военныя издержки 260,000 талеровъ. Договоръ былъ подписанъ 8 августа, въ тотъ самый день, когда Петръ получилъ извѣстіе о заключенномъ съ турками мирѣ и двинулъ свои войска къ шведской границѣ.



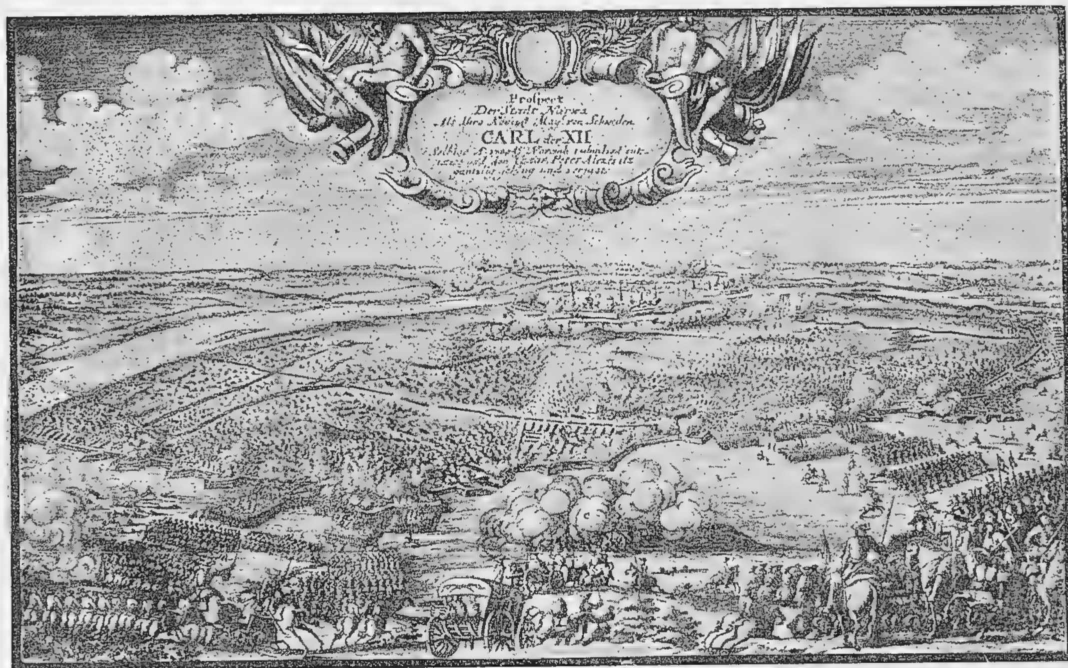
ВИДЪ НАРВЫ ВЪ НАЧАЛѢ XVII ГО СТОЛѢТІЯ.
(Съ современной гравюры Меріана).

Посланникъ Августа и датскій посланникъ всѣми силами старались отклонить Петра отъ намѣренія идти къ Нарвѣ, откуда открывался путь въ Ревель и дальше, въ Ригу, являлась возможность покорить всю Ливонію и утвердиться на финскихъ берегахъ. Но Петру именно этого и хотѣлось, и онъ не слушалъ своихъ союзниковъ.

Итакъ, капитанъ бомбардирской роты Петръ Михайловъ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ ротой Преображенскаго полка.

Петръ рѣшился идти прямо къ Нарвѣ; извѣстій о Карлѣ XII не было, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ говорили, что Нарва плохо укрѣплена и взять ее не трудно. Походъ былъ рѣшенъ, но затрудненій было много: военныхъ запасовъ оказалось недостаточно; войска, по причинѣ распутицы, подвигались медленно, и дорогое, невозвратное время уходило; подъ Нарвою собралось отъ 35 до 40,000 русскаго войска, изнуреннаго походомъ и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ: пушки оказались негодными.

Наконецъ 20 октября русскія батареи были готовы и открыли огонь по городу, а къ Ревелю отправленъ былъ отрядъ для наблюденія. Бомбардированіе Нарвы продолжалось, городъ нѣсколько разъ загорался; ожидали, что худо защищенный городъ немедленно сдастся; но при-



БИТВА ПОДЪ НАРВОЮ ВЪ 1700 ГОДУ.
(Снимокъ съ старинной нѣмецкой гравюры).

шло извѣстіе, что Карлъ XII высадился въ Пернау и подвигается къ Нарвѣ.

Петръ видѣлъ, что ему самому надобно немедленно спѣшить въ Новгородъ, чтобы двинуть оттуда продовольстіе войскамъ и, главное, чтобы лично увидѣться съ польскимъ королемъ Августомъ и условиться съ нимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. 17 ноября, въ день, назначенный для выѣзда государя, въ укрѣпленный лагерь прибылъ Шереметевъ съ извѣстіемъ, что шведы съ своимъ королемъ приближаются. Петръ поручилъ главное начальство надъ арміею герцогу де-Кроа, а самъ вмѣстѣ съ прежнимъ главнокомандующимъ Головинымъ уѣхалъ.

Карлъ быстро шелъ вслѣдъ за Шереметевымъ; на разсвѣтѣ 19 ноября съ 8,500 чел. войска явился передъ русскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ и ударилъ всею массою своихъ силъ на русскихъ, которыхъ де-Кроа растянулъ въ линію по одному человѣку, чтобы защитить разомъ весь лагерь. Испуганные русскіе солдаты смѣшались, и первая мысль у нихъ была, что нѣмцы-офицеры и начальники измѣнили; они крикнули: «Нѣмцы измѣнили!» и вмѣсто того, чтобы сражаться съ шведами, принялись бить своихъ офицеровъ. Крикъ: «Нѣмцы измѣнили!» отнялъ послѣднее мужество у солдатъ, и они побѣжали. Шереметевъ съ своею



БИТВА ПОДЪ НАРВОЙ 19 НОЯБРЯ 1700 г.
(Съ гравюры Роминъ-де-Хооге, изготовленной по заказу карла XII).

конницею бросился вслѣдъ за бѣгущими и вплавь началъ перебираться черезъ рѣку Нарову; при этомъ утонуло до 1000 человѣкъ. Карлъ обрадовался бѣгству конницы; онъ болѣе всего опасался, чтобы она не налетѣла на него съ тыла и не смѣшала его полковъ; теперь всѣ опасенія исчезли, и шведы съ большею силою погнали бѣгущую пѣхоту: она бросилась на мостъ, мостъ обломился, и множество народу перетонуло. Послѣ этого солдаты совершенно перестали слушаться, крики: «Нѣмцы измѣнили!» стали яростнѣе, и необузданная толпа съ ожесточеніемъ бросилась на своихъ офицеровъ. Увидѣвъ это, герцогъ де-Кроа закричалъ: «Пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами!» бросился бѣжать вмѣстѣ съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ шведамъ. Остались на своихъ мѣстахъ только два полка—Преображенскій и Семеновскій: они огородились полковыми повозками, рогатками и чѣмъ попало, и изъ-за этого укрѣпленія, не нарушая каре, продолжали стрѣлять до самой ночи. Кромѣ того отрядъ Вейде также твердо оставался на своемъ мѣстѣ

и отбивался. Самъ Карлъ былъ въ переднихъ рядахъ шведовъ и своимъ мужествомъ воспламенялъ войско; онъ лошадь свою увязилъ въ болотѣ, съ трудомъ высвободился самъ и пересѣлъ на другую; но и эту убили подъ нимъ; садясь на третью лошадь, онъ замѣтилъ: «Русскіе хотятъ меня, видно, упражнять въ верховой ѣздѣ». Сраженіе прекратилось только по случаю совершенной темноты.

Побѣда была еще не окончательно рѣшена; Преображенскій и Семеновскій полки и отрядъ Вейде твердо стояли на своихъ мѣстахъ; между шведами былъ безпорядокъ, такъ, напримѣръ, два отряда, въ метелицѣ не узнавъ другъ друга, долгое время сражались между собою и потеряли много людей. Ночью солдаты забрались въ русскій лагерь; въ оставленныхъ палаткахъ нашли много вина и такъ пили и пировали, что потеряли всякое сознаніе. Еслибы русскіе воспользовались этимъ мгновеніемъ, то могли бы вернуть то, что потеряли; но ими некому было распоряжаться; русскіе генералы не знали, гдѣ что дѣлается, гдѣ отрядъ Вейде, что Преображенцы и Семеновцы, долго-ли они могутъ продержаться.

Опасаясь, какъ бы со свѣтомъ не возобновилось сраженіе, и какъ бы русскимъ не слишкомъ потерпѣть отъ него, генералы Долгорукій, кн. Имеретинскій, Головинъ и Бутурлинъ начали съ Карломъ переговоры о свободномъ отступленіи русскихъ войскъ за Нарову, отдавши шведамъ артиллерію. Карлъ радъ былъ избавиться отъ русскихъ и согласился, сказавъ: «Я позволяю русскимъ сохранить оружіе въ награду за храбрость, съ какою защищались». Вейде съ своимъ отрядомъ послѣдовалъ примѣру русскихъ генераловъ. Шведы немедленно принялись наводить мостъ и къ утру онъ былъ готовъ; когда стройные и твердые полки Преображенскій, Семеновскій и отрядъ Вейде переправились, и, слѣдовательно, ихъ опасаться нечего было, шведы нарушили свое слово: задержали генераловъ военноплѣнными и отобрали все оружіе у оставшихся по сю сторону солдатъ, а со многихъ, вмѣстѣ съ аммуниціей, срывали одежду; нарушили они договоръ подъ тѣмъ предлогомъ, зачѣмъ русскіе увезли съ собою денежную казну, тогда какъ о ней не было и разговора.

Карлъ торжественно вступилъ въ освобожденную имъ Нарву и привелъ съ собою 79 человѣкъ знатныхъ русскихъ военноплѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ; ему досталась вся русская полевая и осадная артиллерія, много знаменъ, ружей, обозъ и весь лагерь. Побѣда была вполнѣ блистательная; она совершенно отуманила голову молодого, 18-ти лѣтняго побѣдителя. Онъ началъ смотрѣть на себя, какъ на непобѣдимаго героя, самимъ Богомъ посланнаго въ міръ, какъ великаго завоевателя.

Современные льстецы по всей Европѣ разгласили о неслыханной чудесной побѣдѣ Карла; въ честь его писали стихотворенія, цѣлыя похвальныя сочиненія, выбивали медали съ разными изображеніями и надписями. На одной медали былъ портретъ Карла съ надписью: «Истина превосходитъ вѣроятіе» (superant superata fidem). На другой—Карлъ низлагаетъ троихъ непріятелей, съ надписью: Наконецъ правое дѣло торжествуетъ». Кромѣ этихъ и другихъ медалей, были еще нѣкоторыя, выбитыя въ насмѣшку надъ Петромъ и съ кощунскими сближеніями съ исторіей апостола Петра: такъ, на одной сторонѣ медали былъ



ПАМЯТНИКЪ ВОИНАМЪ, ПАВШИМЪ ВЪ БИТВѢ ПРИ НАРВѢ (19 НОЯБРЯ 1700 ГОДА).
(Воздвигнутъ въ ознаменованіе двухсотлѣтія со дня битвы).

представленъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ ядра и бомбы летѣли въ Нарву, съ надписью: «Бѣже Петръ стоя и грѣяся». На другой сторонѣ было изображено бѣгство русскихъ изъ-подъ Нарвы; впереди скорѣе всѣхъ бѣжитъ Петръ, царская шапка падаетъ у него съ головы, шпага брошена; онъ платкомъ утираетъ слезы; надъ нимъ надпись: «Изшедъ вонъ плакася горько!»

Но Петръ не плакалъ, оружія не бросалъ, а такъ-же, какъ послѣ неудачи подъ Азовомъ, думалъ о томъ, какъ-бы лучше поправить дѣло. Первымъ распоряженіемъ его было привести въ порядокъ полки, въ конфузіи отступавшіе отъ Нарвы. Ожидая преслѣдованія шведовъ, Петръ велѣлъ на-скоро укрѣпить пограничные города: Новгородъ, Псковъ и Пе-

черскій монастырь, подъ Псковомъ. Работы закипѣли съ лихорадочною торопливостію; всѣ жители должны были помогать солдатамъ: священники и монахи, мужчины, женщины и дѣти должны были таскать землю, рѣзать дернъ.

Укрѣпивши Псковъ, Печерскій монастырь и Новгородъ, Петръ дѣятельно занялся приведеніемъ войска въ порядокъ и вооруженіемъ его. Послѣ нарвскаго пораженія осталось 23,000 войска; Петръ приказалъ набрать новыхъ 10 драгунскихъ полковъ, по 1000 человѣкъ въ каждомъ; приказаніе было исполнено, и весною они уже могли выступить въ Псковъ; набирали полки изъ охотниковъ. Артиллеріи не было; ее нужно было создать; но это было труднѣе, чѣмъ набрать солдатъ: людей было достаточно, а мѣди вовсе не было. Петръ нашелся; онъ далъ повелѣніе — со всего государства, во всѣхъ значительныхъ городахъ, съ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ и перелить ихъ на пушки и мортиры. Мѣдь такимъ образомъ нашлась; надобно было тотчасъ приняться за отливку пушекъ: выборъ Петра палъ на дѣятельнаго, знающаго дѣло надзирателя за артиллеріей, Виніуса. Одинъ только этотъ добрый, неутомимый, опытный старикъ могъ исполнить царскую волю и онъ ее исполнилъ превосходно: меньше чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ было сдѣлано 300 отличныхъ пушекъ и при этомъ экономіи соблюдено 10,000 рублей. Но Виніусу при исполненіи этого труднаго порученія пришлось много бороться съ невѣжествомъ мастеровъ, или съ ихъ пороками, пьянствомъ и буйствомъ. Чтобы на будущее время приготовить хорошихъ инженеровъ, артиллеристовъ, литейщиковъ и другихъ мастеровъ, Виніусъ учредилъ школу, въ которой обучалось 250 мальчиковъ.



МОГИЛА ГЕРЦОГА ДЕ-КРОА ВЪ РЕВЕЛЬСКОЙ КИРХѢ СВ. НИКОЛАЯ (ВЪ ЕЯ ПРЕЖНЕМЪ ВИДѢ).
(Съ весьма рѣдкой гравюры Зимса).

Когда всѣ полки послѣ нарвскаго пораженія собрались въ Новгородъ, царь начальство надъ войскомъ поручилъ Шереметеву; на мѣсто бывшихъ н ѣ м е ц к и х ъ (иностранныхъ) офицеровъ и полковниковъ, или бѣ-



АНДРЕЙ ВИНІУСЪ.
(Рѣдчайшій и самый цѣнный портретъ работы Вишера).

жавшихъ, или отдавшихся въ плѣнъ, или убитыхъ, назначилъ новыхъ, по большей части русскихъ. Шереметеву далъ приказаніе дѣлать частые и дальніе набѣги на Ливонію; преимущественно для этого употреблять

конницу, съ которою теперь, при застывшихъ болотахъ и покрытыхъ льдомъ рѣкахъ, повсюду гладкая и удобная дорога. Никакихъ отговорокъ Петръ не допускалъ: людей и лошадей довольно; ежели будетъ отговорка—болѣзнь, то и она не принимается, потому что болѣзнь нажита поспѣшнымъ бѣгствомъ изъ-подъ Нарвы.

Для дальнѣйшихъ предпріятій Петру нужно было лично переговорить съ королемъ Августомъ и условиться съ нимъ, какъ дѣйствовать; поэтому они съѣхались близъ Дюнабурга въ мѣстечкѣ Биржахъ, видались каждый день, вмѣстѣ обѣдали, ужинали, пировали и рѣшали дѣла; иногда пиры длились до утра и Августъ не всегда могъ являться къ обѣднѣ, но Петръ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи, ко всему присматривался, обо всемъ разспрашивалъ; одинъ изъ польскихъ сенаторовъ, обманутый вниманіемъ царя, въ которомъ думалъ, что замѣчаетъ склонность къ католицизму, заговорилъ о соединеніи церкви римско-католической съ православною, но Петръ выслушалъ его и отвѣчалъ:

— Господь, дѣйствительно, далъ царямъ власть надъ народами; но надъ совѣстію человѣка властенъ одинъ Христосъ, и соединеніе церквей можетъ совершиться только по волѣ Божіей».

Послѣ долгихъ переговоровъ съ польскими сенаторами оказалось, что Польша по прежнему не хочетъ принимать участія въ войнѣ. За то съ Августомъ былъ подтвержденъ старый и заключенъ новый договоръ, по которому Петръ обязался прислать къ нему отъ 15 до 20,000 хорошо вооруженной пѣхоты и денегъ на устройство хлѣбныхъ магазиновъ, а въ Витебскъ доставить 10,000 ф. пороху и въ теченіе 3-хъ лѣтъ королю выплачивать по 100,000 рублей въ годъ. За это король всѣми силами обязывался отвлекать войска отъ Ингріи и Кареліи и предоставить Петру тамъ дѣйствовать. Кромѣ того былъ еще тайный договоръ, по которому Петръ давалъ Августу 20,000 рублей на то, чтобы награждать тѣхъ изъ вліятельныхъ людей въ Польшѣ, которые привлекутъ и самую Польшу къ этому союзу. Даніи положено дать знать о новомъ союзѣ.

Карлъ XII перезимовалъ въ Дерптѣ, усилилъ свою армію до 25,000 человѣкъ и весною, оставивъ въ Дерптѣ сильный корпусъ подъ начальствомъ генерала Шлиппенбаха, двинулся къ Ригѣ такъ-же быстро и такъ-же неожиданно, какъ напалъ на Нарву. Вдоль Двины было поставлено саксонское войско короля Августа (который кромѣ польской владѣлъ и саксонской короной), чтобы помѣшать шведамъ переправиться черезъ рѣку, но Карлъ въ виду непріятелей, съ неимовѣрною отвагою не только переправился, но одержалъ вторую побѣду и этотъ разъ не надъ русскими, а надъ саксонцами. Онъ опять былъ въ нерѣшительности, куда направиться: въ Польшу, свергнуть Августа съ престола, или въ Россію докончить



ПОБѢДА КАРЛА XII НАДЪ САКСОНСКИМИ ВОЙСКАМИ ВЪ 1701 ГОДУ.
(Снимокъ съ старинной нѣмецкой гравюры).

пораженіе Петра, потому что до него дошли слухи объ усиліяхъ царя возсоздать разбитую подъ Нарвой армію и отнятую артиллерію; но ненависть къ Августу пересилила опасеніе, что презрѣнный непріятель ободрится. Карлу нужно было прежде всего наказать Августа; онъ смотрѣлъ на него, какъ на первую причину союза и войны; онъ неоднократно говаривалъ:

— Поведеніе Августа такъ позорно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія отъ всѣхъ благомыслящихъ людей.

Для Петра Августъ такимъ образомъ дѣлался неоцѣненнымъ союзникомъ; онъ отвлекалъ шведовъ отъ него и далъ ему время твердо преслѣдовать свою цѣль: ободрить свои войска, доставивъ имъ нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ побѣдъ, послѣ которыхъ они начали-бы больше довѣрять своимъ силамъ и меньше опасались непобѣдимости шведовъ.





МЕДАЛЬ НА ВЗЯТІЕ ШЛИССЕЛЬБУРГА.

ГЛАВА XV.

Первые успѣхи русскихъ въ войнѣ съ Швеціей.—Побѣда при Эрестфэрѣ и Гуммельсгофѣ.—Взятіе Маріенбурга.—Екатерина Алексѣевна.—Петръ въ Архангельскѣ.—Походъ къ Ладогѣ и къ Невѣ.—Взятіе Нотебурга.—Покореніе Ніеншанца.—Первая морская побѣда.

Когда Карлъ XII съ своими главными силами двинулся къ Ригѣ и оттуда вслѣдъ за саксонскими войсками, Шереметевъ въ концѣ 1701 года началъ наступать на шведовъ въ самой Ливоніи.

Послѣ неудачной попытки русскихъ напасть на шведскія войска, шведскій генералъ Шлиппенбахъ расположился на зимнія квартиры близъ мѣстечка Эрестфера; но чтобы развѣдывать, что дѣлается близъ русской границы, отправилъ отрядъ въ 600 человѣкъ съ маіоромъ Розеномъ; весь отрядъ былъ истребленъ и спасся только одинъ поручикъ, который принесъ печальную вѣсть въ шведскій лагерь; русскимъ отрядомъ командовалъ сынъ Шереметева.

Послѣ этой первой удачи, Шереметевъ и самъ двинулся, чтобы потревожить Шлиппенбаха въ его зимнихъ квартирахъ.

Подъ Эрестферомъ началась битва, которая продолжалась четыре часа. Шлиппенбахъ бѣжалъ изъ Эрестфера, за нимъ гнались русскіе болѣе тридцати верстъ отъ мѣста сраженія. Шведы потеряли больше 3000 чел. убитыми и 350 чел. плѣнными, въ томъ числѣ много полковниковъ и офицеровъ, 6 полевыхъ орудій и 8 знаменъ.

Петръ невыразимо обрадовался этой первой крупной побѣдѣ надъ шведами; онъ воскликнулъ:

— Слава Богу, мы можемъ наконецъ бить шведовъ!

Онъ призвалъ своего любимца Александра Меншикова и съ нимъ послалъ награды въ войско. Шереметева возвелъ въ генералъ-фельдмаршалы и послалъ ему орденъ Андрея Первозваннаго и свой портретъ, осыпанный брильянтами; всѣмъ офицерамъ далъ слѣдующій чинъ и денеж-



ГРАФЪ БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.
(Съ современнаго портрета).

ную награду на солдатъ, по одному рублю изъ вновь отчеканенной монеты.

Въ Москвѣ праздновали побѣду молебствіемъ въ Успенскомъ соборѣ, пушечною стрѣльбою изъ 100 орудій въ теченіе цѣлаго дня; шведскія знамена и штандарты развѣвались на кремлевскихъ стѣнахъ; на площадь для народа выкатили бочки съ виномъ, медомъ и пивомъ; вечеромъ былъ большой фейерверкъ.

Послѣ второй побѣды Шереметева надъ Шлиппенбахомъ при мызѣ Сагницъ Лифляндія осталась безъ защиты; Шереметевъ съ своимъ войскомъ началъ разрушать одинъ за другимъ замки, построенные еще ры-

царями Ливонскаго ордена, жители погибали подъ ихъ развалинами; деревни пылали, крестьянъ уводили въ неволю, слабыхъ, больныхъ убивали, чего нельзя было брать съ собою рубили, жгли и истребляли. Лифляндія была залита кровью и лежала въ развалинахъ: ужасное дѣло! сердце содрогается при описаніи его. Долѣе другихъ сопротивлялся русскимъ Маріенбургъ, старинный и хорошо укрѣпленный городъ на островѣ озера Пойнъ, или Маріенбургскомъ, пока, наконецъ, взятъ былъ штурмомъ.

31 августа Шереметевъ донесъ Петру, что онъ долженъ возвратиться въ Псковъ; весь край въ конецъ разоренъ, нигдѣ нѣтъ ни жителей, ни одного зерна хлѣба, ни одной былинки травы, все истреблено; лошадей не стало, не на чемъ возить пушекъ, люди обезсилѣли отъ голода, а плѣнныхъ столько, что не достаетъ возможности кормить ихъ и отсылать въ Россію. Желаніе Петра было выполнено, кажется, даже слишкомъ усердно!

Больше другихъ войскъ поживились при грабежѣ казаки, но они были недовольны; имъ было мало. Возвратившись въ свои деревни, они жаловались на трудность царской службы, на то, что попортили лошадей, что имъ досталось мало добычи, и царскаго жалованья недостаточно на содержаніе. Гетманъ Мазепа извѣщалъ объ этомъ Петра и жаловался на то, что у казаковъ русское войско отбирало пушки, ими захваченныя, и другую военную добычу, которую по стариннымъ правамъ они всегда увозили съ собою. Петръ велѣлъ разобрать жалобы и удовлетворить казаковъ. Поведеніе Мазепы въ это время было уже очень двусмысленно; какихъ совѣтовъ у него ни спрашивали, чтобы умиротворить казаковъ, какъ украинскихъ такъ и запорожскихъ, но онъ отдѣлывался пустыми словами, говорилъ, что самъ опасается неудовольствія казачьяго войска и проситъ, для своей личной защиты, усилить въ Батуринѣ стрѣлецкій гарнизонъ.

Штурмъ Маріенбурга для насъ имѣетъ особенное значеніе: вмѣстѣ съ военноплѣнными изъ города вышелъ лифляндскій пробстъ, Глюкъ, одно изъ главныхъ духовныхъ лицъ лютеранскаго народонаселенія Лифляндіи. Вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ попалась его воспитанница, семнадцатилѣтняя красавица, сдѣлавшаяся впослѣдствіи супругою Петра и императрицею—Екатерина Алексѣевна.

Происхожденіе Екатерины неизвѣстно; послѣ матери, служившей на мызѣ Рингенъ молочницей, она осталась трехъ лѣтъ на попеченіи крестнаго отца своего, пастора, и терпѣла крайнюю бѣдность. Въ домѣ пастора ее увидѣлъ проѣзжавшій черезъ Рингенъ пробстъ Глюкъ; пасторъ жаловался на бѣдность, на многочисленное семейство и на то, что

кромѣ своихъ дѣтей ему приходится содержать еще чужое дитя, и при этомъ указалъ на малютку. Глюкъ былъ тронутъ красотою худенькаго и печальнаго личика дѣвочки, взялъ ее къ себѣ въ Маріенбургъ, поручилъ ей прислуживать своимъ дочерямъ—одѣвать ихъ, водить въ кирку и наблюдать за чистотою въ домѣ.

Катерина съ дѣтьми пастора ходила въ кирку; туда же ходилъ и шведскій гарнизонъ слушать проповѣди. Одинъ красивый, бѣлокурый драгунъ засматривался на красавицу 17-лѣтнюю Катерину, которая одѣ-



ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I-Я.
(Съ гравюры Губракена, сдѣланной съ портрета Моора, 171 года).

валась лучше обыкновенныхъ служанокъ, потому что въ домѣ пробста почти занимала мѣсто дочери. Молодой солдатъ просилъ у Глюка руки его воспитанницы; Глюкъ отвѣчалъ, что онъ препятствовать не будетъ, ежели Катерина согласна и ежели маіоръ, ближайшій начальникъ драгуна, дастъ ему позволеніе жениться. Спросили маіора; онъ отвѣчалъ, что не только даетъ позволеніе жениться на красавицѣ Катеринѣ, но по этому случаю производитъ его въ капралы. Оставалось получить согласіе молодой дѣвушки; она, ни минуты не задумываясь, твердо отвѣчала, что согласна. Въ тотъ же вечеръ произошло обрученіе.

Русскіе между тѣмъ, подъ начальствомъ Шереметева, подступили къ Маріенбургу и остановились въ нѣсколькихъ верстахъ. Женихъ просилъ, чтобы поскорѣе совершить бракосочетаніе, потому что времена небезопасныя и можно ждать нападенія. Но во время обряда произошла тревога, надобно было о положеніи Маріенбурга дать знать Шлиппенбаху, и молодого драгунскаго капрала прямо отъ вѣнца отправили съ отрядомъ въ Ригу.

Впослѣдствіи увѣряли, будто фамилія родителей Екатерины была Скавронская, но вѣрнаго все-таки ничего неизвѣстно.

Какъ мы уже говорили, Шереметевъ осадилъ Маріенбургъ, довелъ его до крайности, и когда изъ него вышелъ гарнизонъ и большинство жителей, пробстъ Глюкъ, его дѣти и воспитанница Катерина вышли вслѣдъ за нимъ и молили побѣдителей о спасеніи жизни. Глюкъ несъ въ рукахъ передъ собою славянскую библію, представилъ ее Шереметеву и объявилъ, что онъ хорошо знаетъ славянскій и русскій языкъ и своими переводами можетъ быть полезенъ государю. Фельдмаршалъ ласково принялъ Глюка, обласкалъ его и, замѣтивъ Катерину, спросилъ, кто она такая? Глюкъ отвѣчалъ, что она его воспитанница и что на дняхъ выдана замужъ за одного шведскаго драгуна.

— Это ничего,—замѣтилъ Шереметевъ,—она останется въ моемъ домѣ, а другіе всѣ будутъ отправлены въ Москву.

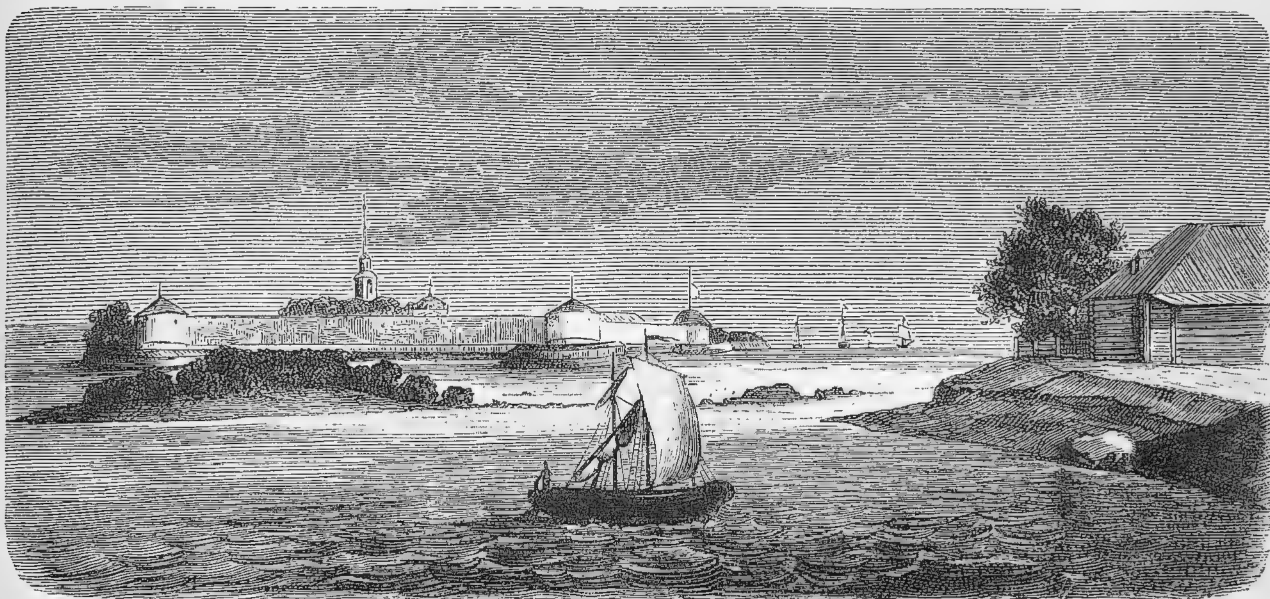
Полгода спустя, къ Шереметеву пріѣхалъ Александръ Меншиковъ, тогдашній любимецъ Петра, увидѣлъ Екатерину, былъ пораженъ ея красотой и, къ величайшей досадѣ Шереметева, взялъ ее къ себѣ въ домъ; тутъ однажды за обѣдомъ увидѣлъ ее царь и, какъ всѣ, былъ пораженъ наружностію и умомъ молодой дѣвушки, съ этихъ поръ сблизился съ нею и она стала просто извѣстна, какъ Катерина Васильевна. Въ 1703 году она приняла православное крещеніе; воспріемникомъ ея отъ купели былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и вотъ почему она съ этого времени называлась Екатериной Алексѣевной.

Пробстъ Глюкъ въ Москвѣ основалъ школу, занимался ею очень усердно, устраивалъ курсы, самъ преподавалъ и выбиралъ учителей; Петръ назначилъ жалованье ему, учителямъ и положилъ извѣстную сумму на учебныя пособія. Но Глюкъ не долго прожилъ. Послѣ его смерти Петръ и Екатерина Алексѣевна заботились о его вдовѣ и дѣтяхъ: сынъ поступилъ на службу, а младшая дочь была фрейлиною.

Война съ Швеціей шла своимъ чередомъ. Швеція попыталась нанести Россіи вредъ съ сѣвера, поэтому въ іюнѣ 1701 года семь шведскихъ военныхъ судовъ тайкомъ, подъ англійскими и голландскими флагами, пробирались къ Архангельску, но русскіе военные суда замѣтили

это, напали на нихъ и отбили; два шведскихъ корабля сѣли при этомъ на мель и достались русскимъ, какъ первая морская добыча; Петръ былъ очень доволенъ и писалъ Апраксину, что это чудесно, и поздравлялъ съ этимъ неожиданнымъ счастіемъ.

На слѣдующее лѣто Петръ ожидалъ новаго нападенія на Архангельскъ и потому, распорядившись движеніемъ войскъ въ Лифляндіи, самъ почти все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ: онъ укрѣпилъ берега, строилъ и вооружалъ корабли, и все поджидалъ нападенія; но пришло наконецъ извѣстіе, что въ шведскихъ портахъ не замѣтно никакого движенія, что вѣроятно нападенія вовсе не будетъ. Тогда Петръ



КРѢПОСТЬ ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

въ сентябрѣ явился въ Ладогу, чтобы оттуда начать завоеваніе Ингріи, или, что все равно, морского берега.

Чтобы овладѣть Невою, Петру прежде всего нужно было овладѣть крѣпостью Нотебургомъ, или стариннымъ Новгородскимъ Орѣшкомъ, а нынѣшнимъ Шлиссельбургомъ. Ожидать нападенія на Архангельскъ долѣе нечего было; Петръ поѣхалъ въ Соловецкій монастырь, далъ тамъ разныя льготы и преимущества архимандриту, отслужилъ напутственный молебенъ послѣ литургіи и выѣхалъ къ Нюхоцкой пристани, куда и прибылъ 16 августа. Здѣсь онъ прожилъ около недѣли, пока подошло войско, выгрузили съ кораблей орудія и военныя снаряды, но главное, пока не

поспѣла вновь продѣланная дорога къ Онежскому озеру. Это трудное дѣло онъ поручилъ сержанту Преображенскаго полка Щепотеву; нужно было, по непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ, прорубать дорогу на разстояніи 120 верстъ. Щепотевъ показалъ изумительную распорядительность и дѣятельность; онъ проложилъ дорогу, сдѣлалъ нѣсколько мостовъ отъ 60 до 120 саженъ въ длину, собралъ больше 2000 подводъ для багажа и перевозки тяжестей и наконецъ извѣстилъ Петра, что все готово и что на Онежскомъ озерѣ дожидаются баркасы для перевозки войска. Петръ съ 5 батальонами гвардіи, съ артиллеріей и съ двумя яхтами, которыя тащили волокомъ, прошелъ по вновь проложенной дорогѣ и 28 августа посадилъ войско на баркасы, на яхты и поплылъ по Онежскому озеру. Въ Ладогѣ Винiусомъ приготовлена была значительная артиллерія и болѣе чѣмъ нужно боевыхъ снарядовъ — пороху и ядеръ; для осадныхъ работъ приготовлены были кирки, заступы, лопаты и кульки.



КРАСНЫЯ СОСНЫ ПОДЪ ШЛИССЕЛЬБУРГОМЪ, МѢСТО, ГДѢ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ОБСУЖДАЛЪ ПЛАНЪ ОСАДЫ ШЛИССЕЛЬБУРГА.

Шереметеву Петръ еще ранѣе послалъ приказаніе—съ войскомъ, не медля ни минуты, идти къ Ладогѣ, потому что время очень благопріятное и терять его нельзя. Дождавшись прибытія Шереметева, Петръ поручилъ ему главное начальство надъ войскомъ и двинулся къ Нотебургу.

Русское войско принялось за земляныя работы и расположилось прямо противъ крѣпости; тутъ устроили двѣ батареи, пушки и мортиры были поставлены ночью, и въ праздникъ Покрова открылась жесточайшая канонада.

Петръ предвидѣлъ, что безъ штурма не обойдется; моста не было, поэтому онъ придумалъ сухимъ путемъ перетащить лодки и баркасы, прибывшія по Ладожскому озеру въ Неву. Черезъ лѣсъ, незамѣтно отъ крѣпости, сдѣлали просѣку, версты въ три длиною. Это было очень труд-

ное дѣло: царь находился почти неотлучно на работѣ и самъ съ топоромъ въ рукахъ работалъ, какъ простой солдатъ, подавая примѣръ другимъ; черезъ 24 часа послѣ начала работъ, 50 лодокъ уже были спущены на Неву, къ величайшему недоумѣнію шведовъ, которые не понимали откуда взялись лодки.

Петръ не терялъ времени; на другой день, взявши 1000 человѣкъ изъ своихъ любимыхъ гвардейскихъ полковъ, онъ съ ними переплылъ черезъ Неву и стремительно напалъ на береговое укрѣпленіе прямо противъ Нотебурга. Шведы побросали оружіе и разбѣжались послѣ первыхъ выстрѣловъ, а русскіе заняли укрѣпленіе тремя полками, подоспѣвшими вслѣдъ за гвардіей. Фельдмаршалъ на лодкѣ послалъ трубача съ письмомъ къ коменданту Нотебурга, предлагая ему сдать крѣпость, къ которой теперь ни откуда никакого подкрѣпленія не допустятъ. Комендантъ отвѣчалъ насмѣшкой, и осада продолжалась.



КН. МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.
(Съ совр. портрета).

Послѣ семидневной непрерывной стрѣльбы изъ пушекъ и мортиръ орудія такъ разгорѣлись, что изъ нихъ больше нельзя было стрѣлять; Петръ рѣшился покончить осаду штурмомъ. Вызвали охотниковъ; явилось много изъ Преображенскаго, Семеновскаго и другихъ полковъ. Въ двухъ башняхъ и стѣнѣ на юго-западной сторонѣ замѣтны были проломы, но всходъ къ нимъ былъ крутой, поэтому солдатамъ были розданы лѣстницы, а офицерамъ указаны мѣста приступа. Въ воскресенье, 11 октября въ крѣпости сдѣлался сильный пожаръ, часу во 2-мъ ночи; охотники въ лодкахъ дожидались сигнала. Въ половинѣ четвертаго часа три раза данъ былъ залпъ изъ пяти мортиръ; по этому сигналу лодки разомъ двинулись впередъ и бросились на крѣпость: однако первый приступъ былъ неудаченъ. Но Семеновскій отрядъ подъ начальствомъ Голицына не подавался; въ Преображенскомъ командиръ былъ раненъ первыми выстрѣлами. Нападенія и битва продолжались 13 часовъ; лѣстницы оказались слишкомъ коротки, и русскіе никакъ не могли ворваться въ

проломы. Шведы защищались упорно: стрѣляли картечью и раскаленными ядрами.

Князь Голицынъ увидѣлъ, что нѣкоторые солдаты побѣжали; чтобы предупредить общее разстройство, приказалъ отъ берега оттолкнуть всѣ лодки, съ цѣлію отнять у солдатъ всякую мысль о бѣгствѣ, и продолжалъ приступъ съ новыми усиліями. Наконецъ, послѣ 13 часовъ боя, Меншиковъ привелъ новыя, свѣжія войска. Комендантъ крѣпости потерялъ большую часть гарнизона, но не хотѣлъ положить оружія; тогда собственные солдаты потребовали сдачи, грозясь въ противномъ случаѣ застрѣлить его. Принужденный уступить, Шлиппенбахъ приказалъ бить въ барабаны, что значило, что проситъ пощады; на барабанный бой въ крѣпости самъ Петръ на своей батареѣ лично ударилъ въ барабанъ, стрѣльба затихла, начались переговоры о сдачѣ крѣпости.

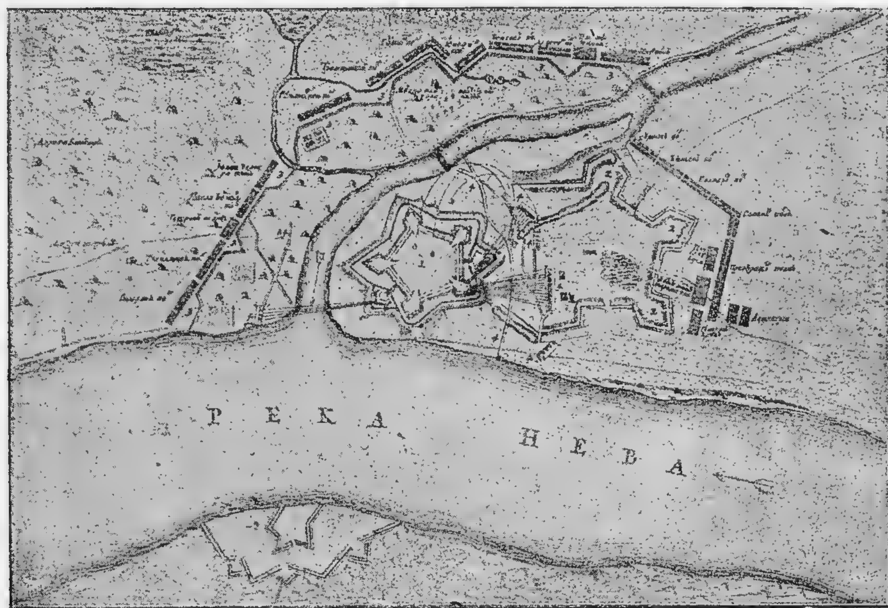
Черезъ три дня послѣ штурма, изъ Нотебурга по договору вышелъ гарнизонъ, съ музыкой и распущенными знаменами, съ пулями во рту, сѣлъ на русскія лодки и поплылъ внизъ по Невѣ. Въ тотъ же день фельдмаршалъ со всѣми генералами и офицерами и съ гвардіей вступилъ въ Нотебургъ, гдѣ, послѣ благодаренія Богу за побѣду, при троекратной пушечной и ружейной стрѣльбѣ, крѣпость была переименована въ Шлиссельбургъ; на западной башнѣ, извѣстной теперь подъ названіемъ царской, по приказанію царя, надъ входомъ прикрѣпленъ ключъ, поднесенный царю комендантомъ. Этимъ царь хотѣлъ выразить, что Нотебургъ есть ключъ, посредствомъ котораго для него отворился путь въ непріятельскую землю. Петръ послѣ этого каждый годъ въ день покоренія Шлиссельбурга, 11 октября, ѣздилъ туда и весело праздновалъ его.

Главный герой этого дня, князь Голицынъ, былъ произведенъ въ полковники Семеновскаго полка, ему даны помѣстья; офицеры и рядовые награждены, но за то были и наказанія: за попытку бѣжать отъ приступа изъ Преображенскаго полка казнили 8 человѣкъ, а изъ Семеновскаго 4.

Въ крѣпости найдено было 23 мѣдныхъ, 116 чугунныхъ пушекъ, множество гранатъ, бомбъ, ядеръ и картечи, солдатскихъ ружей, шпагъ, 270 бочекъ пороху, 172 латы и множество всякихъ воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ.

Губернаторомъ Шлиссельбурга назначенъ былъ любимецъ Петра, бомбардиръ-поручикъ Преображенскаго полка, Александръ Даниловичъ Меншиковъ; онъ съ этого времени становится лицомъ историческимъ, своимъ вліяніемъ и своими дѣйствіями пріобрѣтаетъ высокое званіе, огромное богатство и въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ остается другомъ и близкимъ человѣкомъ къ Петру.

Побѣду надъ шведами царь праздновалъ въ Москвѣ обычными пирами, выстрѣлами, фейерверками и т. д., но за праздниками не забывалъ дѣла; онъ Вишусу далъ приказаніе снабдить Шлиссельбургъ достаточнымъ количествомъ артиллеріи, военныхъ снарядовъ и лѣкарствами. Виніусъ, несмотря на свою старость, былъ обремененъ дѣлами: онъ передъ этимъ ѣздилъ въ Сибирь, чтобы отыскать и изслѣдовать сибирскія желѣзныя руды и устроить заводы; онъ это выполнилъ отлично и въ Москву возвратился съ большимъ запасомъ желѣза. Но по артиллерійскому и аптекарскому приказу былъ очень недѣятеленъ и, какъ совре-



ПЛАНЪ ОСАДЫ НІЕНШАНЦА.
(Съ гравюры того времени).

менники утверждаютъ, изъ корыстныхъ видовъ не заботился о царскомъ дѣлѣ...

Петръ впослѣдствіи самъ постарался поправить упущенія Виніуса, на котораго очень разгнѣвался. Къ 23 апрѣля царь призвалъ изъ Пскова къ Шлиссельбургу Шереметева съ 20,000 войска и началъ приближаться къ Ніеншанцу, укрѣпленію, построенному на сліяніи рѣки Охты и Невы, на правомъ берегу ея, тамъ, гдѣ теперь корабельная верфь. Съ трехъ сторонъ онъ былъ укрѣпленъ земляным валомъ, еще не конченнымъ вполнѣ, съ четвертой—стѣною.

Шереметевъ воспользовался валомъ и расположилъ свои войска такъ, чтобы валъ служилъ имъ защитой отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ.

Начались осадныя работы и, несмотря на сильную канонаду, русскіе подошли такъ близко, что устроили сильную батарею изъ 48 пушекъ и 16 мортиръ. Прибылъ и самъ Петръ, осмотрѣлъ укрѣпленія и написалъ Меншикову: «Городъ гораздо больше, чѣмъ говорили, но все-таки не больше Шлиссельбурга. Провалъ предъ нашими войсками, увѣряли, будто онъ ниже городского, но я нахожу, что онъ выше и насыпанъ по правиламъ фортификаціи, только не обложенъ дерномъ».

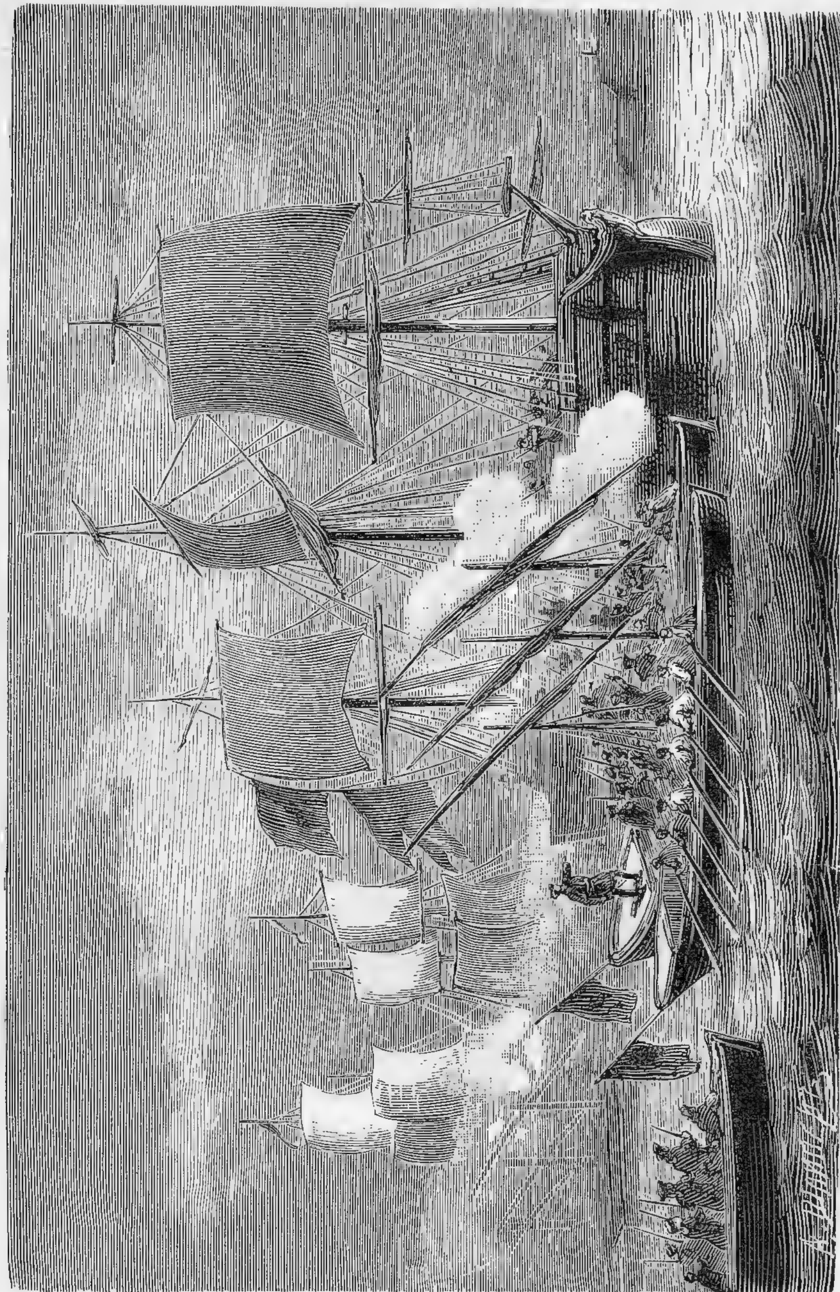
Не довольствуясь осмотромъ крѣпости, капитанъ бомбардирскій съ 7-ю ротами гвардіи сѣлъ на баркасы и лодки и поплылъ внизъ по Невѣ, чтобы осмотрѣть ея устье. Онъ проходилъ мимо Ніеншанца, откуда открылась жесточайшая канонада, не причинившая никакого вреда нашимъ лодкамъ. На взморьѣ царь устроилъ укрѣпленіе и оставилъ въ немъ три роты гвардіи, подъ командою урядника Щепотова, а самъ возвратился въ лагерь, гдѣ батареи были уже совершенно готовы.

Когда все было готово, чтобы начать бомбардированіе города, фельдмаршалъ послалъ въ крѣпость трубача съ предложеніемъ сдать крѣпость; но прошло 6 часовъ, а трубачъ не возвращался, тогда послали еще барабанщика, и полученъ отвѣтъ: «Крѣпость поручена мнѣ для обороны, а не для сдачи». Тогда начали стрѣлять въ городъ изъ пушекъ и бросать въ него бомбы; сначала съ крѣпостныхъ стѣнъ отвѣчали очень исправно, но къ утру выстрѣлы замолкли и на стѣнахъ забарабанили къ сдачѣ.

Вечеромъ того же дня Преображенскій полкъ вошелъ въ городъ, а Семеновскій занялъ укрѣпленія. На слѣдующій день было торжественное благодарственное молебствіе за покореніе крѣпости, а еще больше за пріобрѣтеніе давно желанной морской пристани. Крѣпость Ніеншанцъ тутъ же переименована въ Шлотбургъ.

Дня черезъ два пришелъ одинъ изъ поста, оставленнаго на взморьѣ, и донесъ, что на морѣ показались шведскіе корабли. Подойдя къ устью Невы, шведы выстрѣлили изъ пушки два раза; на выстрѣлы тотчасъ отвѣчали съ крѣпости двумя же выстрѣлами, надѣясь такимъ образомъ обмануть шведовъ, привлечь ихъ поближе и, ежели можно будетъ, воспользоваться ихъ ошибкою. Съ адмиральскаго корабля спустили ботъ и послали его къ берегу за лоцманами. Матросы, ничего не подозрѣвая, пристали къ берегу; солдаты вышли, но на нихъ кинулись спрятанные въ лѣсу караульные, поймали одного, а остальные ушли. Пойманный матросъ показалъ, что эскадрою изъ 9 кораблей командуетъ вице-адмиралъ Нуммерсъ; чрезъ три дня къ устью Невы подошли шведская шнява и большой ботъ; они бросили якорь подлѣ берега, потому что при ночной темнотѣ идти въ рѣку было опасно.

Капитанъ бомбардировъ и поручикъ Меншиковъ съ своими вѣрными гвардейцами въ тотъ же вечеръ сѣли на 30 лодокъ, тихонько



ПОБѢДА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ УСТЬЯХЪ НЕВЫ.
(Рис. Г. Пилотти, грав. А. Шлиперъ).

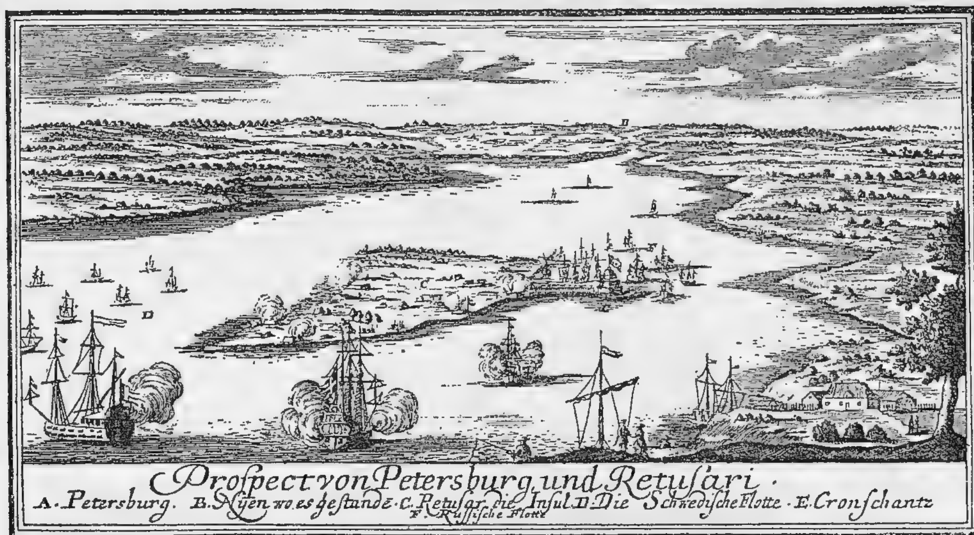
пробрались къ устью Невы, скрылись въ лѣсу и въ камышахъ за островомъ, который лежитъ противъ Екатерингофа, и дожидались ночи.

Ночь съ вечера была ясная, но потомъ на небѣ показались тучи и пошелъ дождь. Пользуясь темнотою, капитанъ распорядился нападеніемъ; 7 мая еще до свѣту половина лодокъ поплыла тихою греблею подлѣ Васильевскаго острова, подъ тѣнью нависшаго на воду лѣса и зашла съ моря въ тылъ шведамъ, а другая половина лодокъ спустилась на нихъ сверху по теченію. Наши лодки, какъ рой пчелъ, облѣпили два шведскіе корабля; началась стрѣльба изъ ружей, бросали ручныя гранаты. Петръ былъ вездѣ впереди, ободряя своихъ и показывая имъ примѣръ мужества.

Непріятельскія суда тотчасъ распустили паруса и, отстрѣливаясь, хотѣли отойти назадъ къ своей эскадрѣ, но движенія ихъ были затруднены узкимъ фарватеромъ; они не могли поворачивать и лавировать, какъ слѣдуетъ, чтобы избавиться отъ несносныхъ, не дававшихъ имъ хода лодокъ.

Несмотря на жестокую стрѣльбу изъ пушекъ, изъ ружей и сыпавшіяся съ судовъ гранаты, солдаты со всѣхъ сторонъ полѣзли на нихъ; послѣ жестокой рукопашной схватки, и шнява, и ботъ достались русскимъ, и 8 мая въ полдень ихъ привели въ русскій лагерь.

За эту, еще никогда не бывавшую морскую побѣду, пишетъ самъ Петръ, было благодареніе Богу сего 10 мая, съ троекратною стрѣльбою изъ пушекъ и ружей. Командовавшіе лодками, бомбардирскій капитанъ и поручикъ Меншиковъ удостоены ордена Св. Андрея Первозваннаго. Офицерамъ даны золотыя медали съ цѣпями, а солдатамъ малыя золотыя медали, безъ цѣпей. Эта первая морская побѣда невыразимо радовала Петра; онъ писалъ о ней своимъ товарищамъ и просилъ ихъ праздновать побѣду съ такою же радостью, съ какою онъ самъ ее праздновалъ.



ВИДЪ НА КРОНШТАДТЪ И НА НЕВУ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII СТ.
(Съ совр. гравюры Боденеръ).

ГЛАВА XVI.

Основаніе Петербурга.—Петропавловская крѣпость. Дворецъ Петра Великаго и другія строенія.—Встрѣча со шведами при рѣкѣ Сестрѣ.—Постройка кораблей на Свири, у Лодейнаго поля.—Основаніе Кроншлота и крѣпости на Котлинѣ островѣ.—Учрежденіе верфи и Адмиралтейства въ Петербургѣ.—Нападенія шведовъ на Петербургъ съ суши и съ моря.—Наводненія.

Устье и все теченіе Невы съ незапамятныхъ временъ принадлежали Россіи, а именно Великому Новгороду, и всѣ острова въ устьѣ, какъ напримѣръ Ѳоминъ островъ, нынѣшняя Петербургская сторона, и вообще вся мѣстность отъ Ладожскаго озера до Финскаго залива назывались Водьскою пятиною. Но по мирному договору, извѣстному подъ названіемъ Столбовскаго, вся эта мѣстность, какъ и многія другія, сдѣлались шведскою собственностію и русскія названія мало-по-малу истребились и замѣнены были чухонскими.

Селеній большихъ въ устьяхъ Невы не было, кромѣ нѣсколькихъ, разбросанныхъ въ лѣсахъ, болотахъ и топяхъ, рыбачьихъ хижинъ. Страна вся была пустынная, заросшая лѣсомъ и кустарникомъ; при юго-западномъ вѣтрѣ вода поднималась въ Невѣ и заливала всю мѣстность; жи-



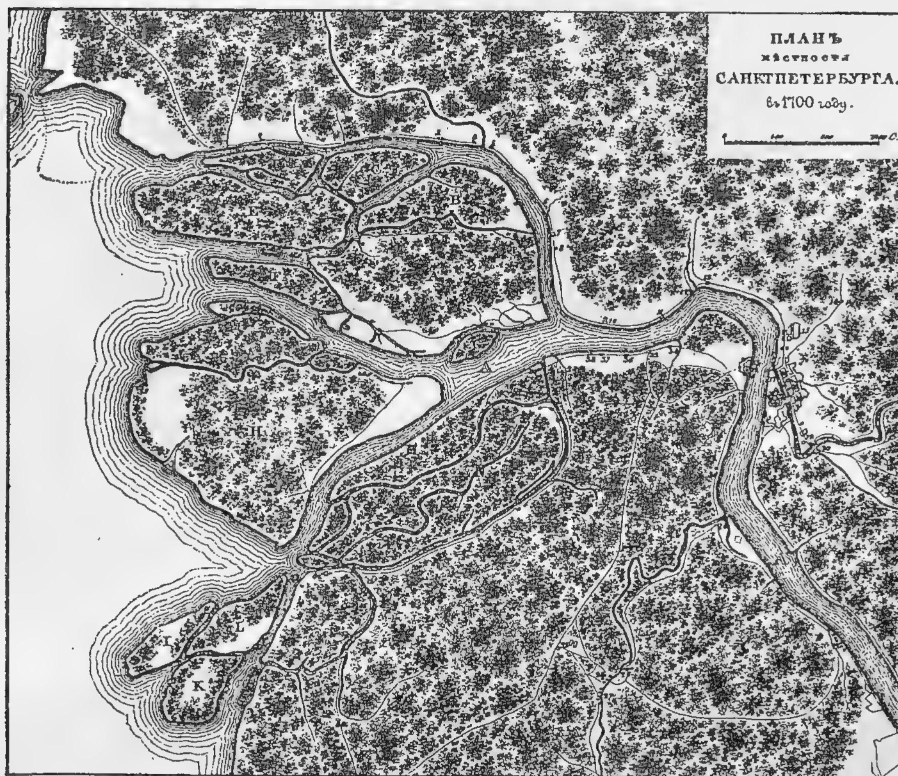
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ЗАКЛАДЫВАЕТЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

(Рисунокъ Г. Пилотти).

тели покидали свои бѣдныя хижины и гдѣ на лодкахъ, гдѣ пѣшкомъ спасались на Дудергофскія высоты.

Когда Ніеншанцъ достался русскому войску, тотчасъ составили совѣтъ и возникъ вопросъ: укрѣпить-ли Канцы (Ніеншанцъ), или отыскать мѣсто болѣе удобное и ближе къ устью Невы, слѣдовательно—къ морю.

Ніеншанцъ осмотрѣли внимательно, нашли въ немъ много неудобствъ и послѣ зрѣлаго обсужденія положено было срыть шведскія укрѣпленія и построить новую крѣпость ближе къ взморью. Для выбора мѣста Петръ



ПЛАНЪ МѢСТНОСТИ ПЕТЕРБУРГА ВЪ 1700 ГОДУ.

вмѣстѣ съ знатнѣйшими приближенными своими сѣлъ въ лодки и поплылъ осматривать острова, образованные устьями Невы; во время этого плаванія, у Петра родилась мысль въ этомъ уединенномъ, но удобномъ мѣстѣ заложить большой торговый городъ; болота и непроходимыя лѣса не испугали Петра; онъ говорилъ, что лѣсъ не можетъ быть препятствіемъ; его надобно вырубить и бревна пойдутъ на постройки, слѣдовательно лѣса не придется возить издалека.

Небольшой низменный островъ Заячій или Енисари, лежащій на

Большой Невѣ противъ нынѣшней Петербургской стороны показался Петру удобнымъ и онъ избралъ его для новой крѣпости.

Есть преданіе, что Карлъ XI подарилъ знатному шведскому вельможѣ, графу Стенбоку, участокъ земли въ устьѣ Невы. Графъ осмотрѣлъ свое новое владѣніе; оно ему понравилось по своей дикости и онъ построилъ мызу, назвавъ ее Lust-holm (увеселительный островъ), и населилъ ее шведами и окрестными финнами. Но не прошло трехъ лѣтъ, осенью вода поднялась въ Невѣ необыкновенно высоко, вышла изъ береговъ, затопила все селеніе и все перепортила. Графу стало досадно; онъ



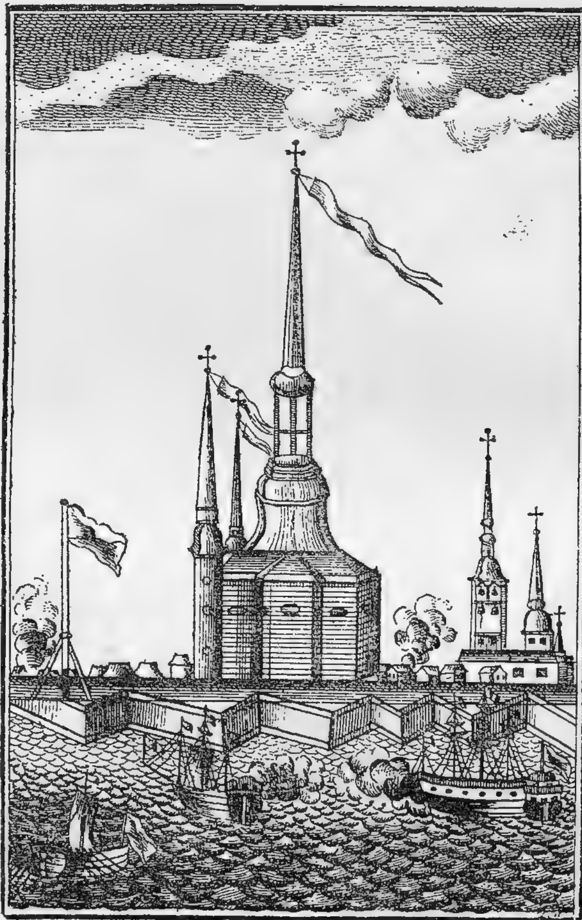
МЕДАЛЬ НА ОСНОВАНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

не захотѣлъ опять устраивать и поправлять вредъ, нанесенный водою, все покинулъ на произволъ судьбы и мѣсто назвалъ Teufels holm (чортовъ островъ) и навсегда покинулъ берега Невы.

Петръ избралъ Заячій островъ для крѣпости, какъ мѣсто, самою природой хорошо защищенное глубокими невскими рукавами, замѣнявшими обыкновенные крѣпостные рвы. Петръ собственноручно положилъ первое основаніе земляной Петропавловской крѣпости, въ день Св. Троицы 16 Мая 1703 года. Чтобы работы шли быстро и стройно, надобно было во-первыхъ много рукъ; для этого изъ Новгорода и ближайшихъ пограничныхъ уѣздовъ вызвано было множество плотниковъ и каменщиковъ; работали солдаты и согнанные отовсюду мѣстные жители; крѣпость сначала строили деревянную и только нѣсколько лѣтъ спустя вывели каменныя стѣны. Во-вторыхъ, чтобы работы шли стройно, царь крѣпостные бастіоны назвалъ по именамъ приближенныхъ; начиная съ правой стороны отъ нынѣшнихъ Петровскихъ воротъ были бастіоны: Государевъ, Нарышкина, Трубецкого, Зотова, Головкина и Меншикова, и надзоръ за работами каждаго бастіона былъ порученъ тому, чьимъ именемъ онъ назывался.

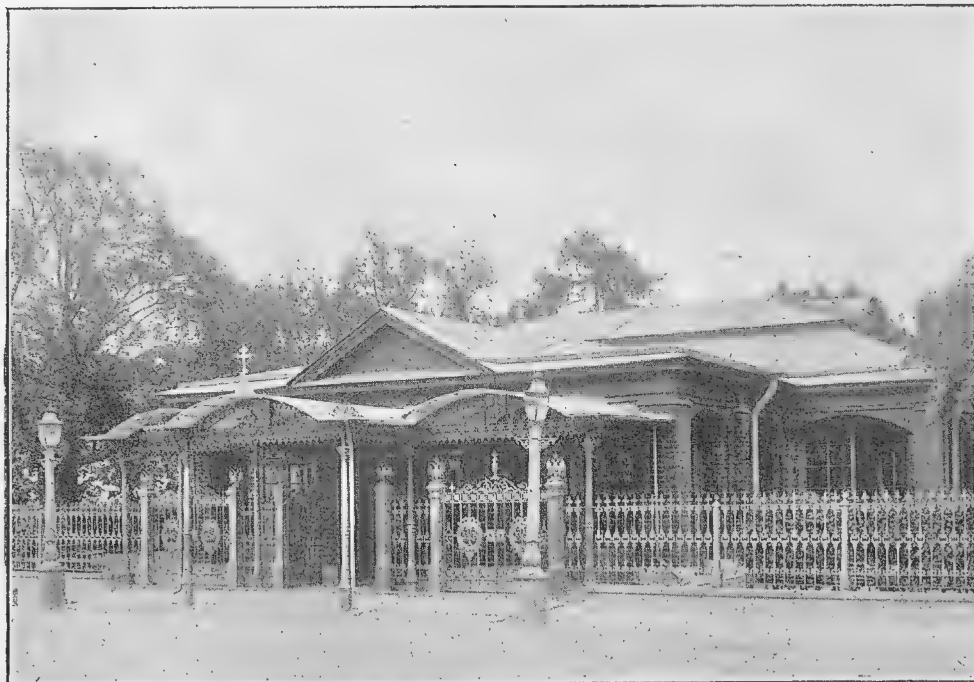
Работа закипѣла въ пустынной, молчаливой мѣстности; топоры стучали въ лѣсу: Петръ прорубалъ окно въ Европу; мѣстность болотистая, но удобная своею близостью къ морю восхищала его; онъ ее называлъ раемъ (парадизомъ). Препятствій къ исполненію его замысловъ было много; ни землекопныхъ, ни плотничьихъ орудій, ни телѣгъ, ни тачекъ не было достаточно, и согнанный народъ долженъ былъ многое дѣлать руками: на себѣ таскали бревна, горстями собирали землю въ полу своего кафтана и таскали ее, куда нужно было.

Въ день своего ангела Петръ заложилъ основаніе первой деревянной церкви, во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла. Черезъ десять мѣсяцевъ она была готова. Церковь была небольшая, но, по словамъ иностранцевъ, красивая; снаружи она была окрашена желтою краскою, подъ мраморъ. Колокольня была высокая, остроконечная; на ней повѣшено было нѣсколько колоколовъ и къ нимъ нарочно былъ приставленъ искусный звонарь, который каждый часъ ударялъ въ колоколъ, чтобы по числу ударовъ знать, который часъ; но сперва онъ долженъ былъ вызванивать какую-нибудь мелодію, чтобы привлечь вниманіе работающихъ.



ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ КРѢПОСТЬ.
(По Рубану).

Постройка деревянной крѣпости была окончена въ четыре мѣсяца и могла уже встрѣтить непріятельское нападеніе. По серединѣ крѣпости былъ прокопанъ каналъ, чтобы, въ случаѣ осады, не было недостатка въ водѣ. По обѣимъ сторонамъ его были выстроены четыре ряда домовъ, крытые, по примѣру финскихъ, дерномъ или берестою. На Государе-



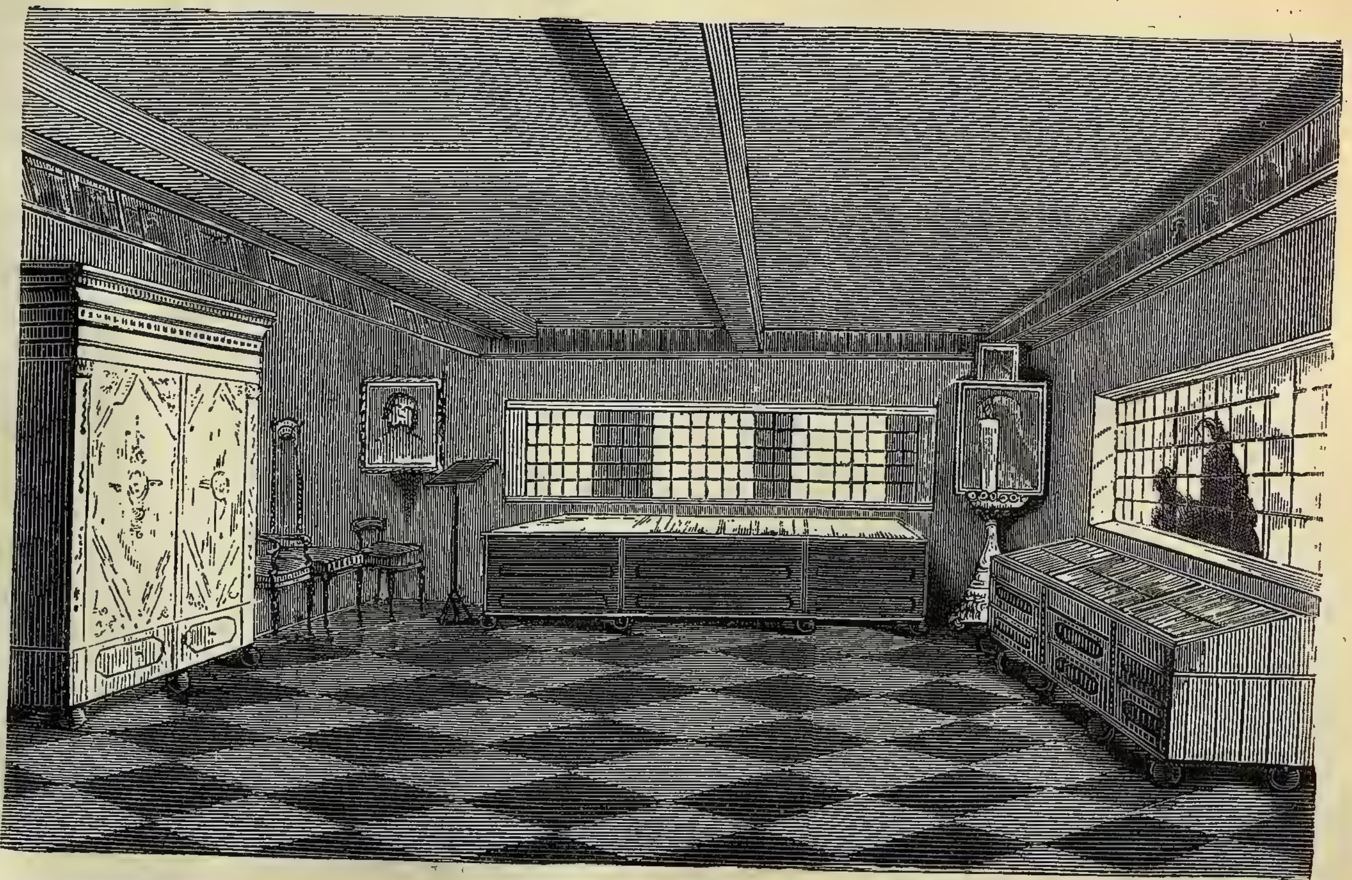
ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО НА ПЕТЕРБ. СТОРОНѢ.
(Съ фотографіи).

вомъ бастіонѣ, на высокомъ шестѣ развѣвался крѣпостной флагъ; по праздничнымъ днямъ, вмѣсто него поднимали царское желтое знамя съ русскимъ двуглавымъ орломъ, который въ клювахъ и въ лапахъ держалъ четыре моря: Бѣлое, Каспійское, Азовское и Балтійское; первые два принадлежавшіе изстари Россіи, а послѣдніе два,—пріобрѣтенные Петромъ.

На другой сторонѣ канала, противъ церкви стоялъ небольшой домъ коменданта и близъ него—дома гарнизонныхъ офицеровъ; по южную сторону церкви, тамъ, гдѣ теперь домъ коменданта, была большая гауптвахта, съ маленькою площадкою, называвшеюся плясовою; на ней наказывали солдатъ.

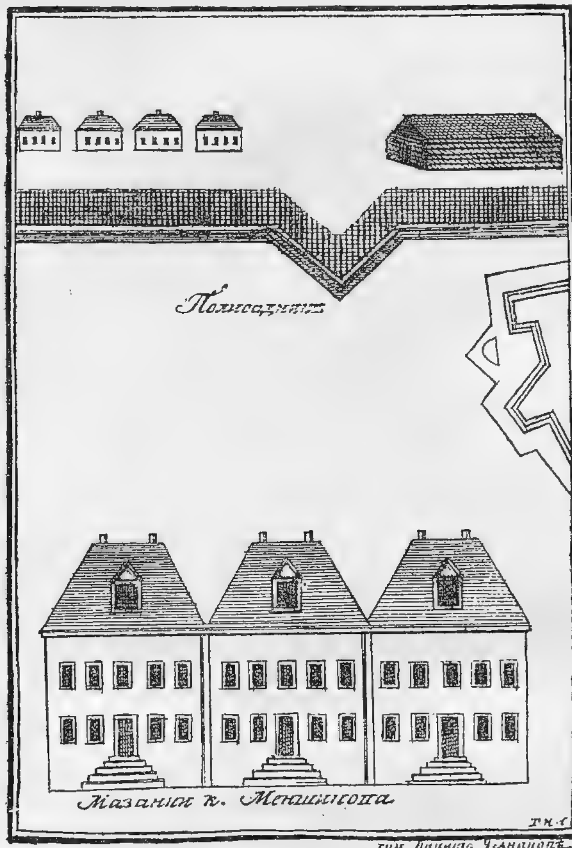
Кромѣ упомянутыхъ строеній были еще: домъ плацъ-маіора, арсеналъ, провіантскіе магазины, домъ для священника и церковнаго причта, для аптеки и докторовъ, казармы и еще нѣсколько другихъ строеній. Подъемный мостъ соединялъ крѣпость съ Петербургскимъ островомъ. Каждый день, послѣ утренней зари, какъ сигналъ для работъ, поднимали крѣпостной флагъ при пушечномъ выстрѣлѣ; въ 10 часовъ опять стрѣляли изъ пушки, чтобы люди шли обѣдать, а вечеромъ, послѣ вечерней зари, опять стрѣляли изъ пушки, чтобы рабочіе шли по домамъ.

Въ то самое время, когда строилась крѣпость, чтобы быть какъ



КОМНАТА ВЪ ДОМИКѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

можно ближе къ работамъ, Петръ въ 200 саженяхъ отъ крѣпости, на мѣстѣ, гдѣ стояла бѣдная рыбачья хижина, велѣлъ построить для себя царскій дворецъ, сохранившійся и до сихъ поръ подъ именемъ Домика Петра Великаго. Въ немъ всего только двѣ небольшія комнаты, раздѣленныя узкими сѣнями и кухнею. Внутри онѣ обиты полотномъ и просто выбѣлены, безъ всякихъ украшеній; въ комнатахъ та же простота. Снаружи домикъ былъ выкрашенъ на манеръ голландскихъ, подъ кирпичъ; крыша покрыта дощечками, въ видѣ черепицы; оконныя рамы изъ свинцовыхъ желобковъ. На крышѣ были укрѣплены по серединѣ — мортира, а по обоимъ концамъ конька — двѣ пылающія бомбы, но и та и другія — деревянныя, выкрашенныя.



ДОМЪ МЕНШИКОВА.

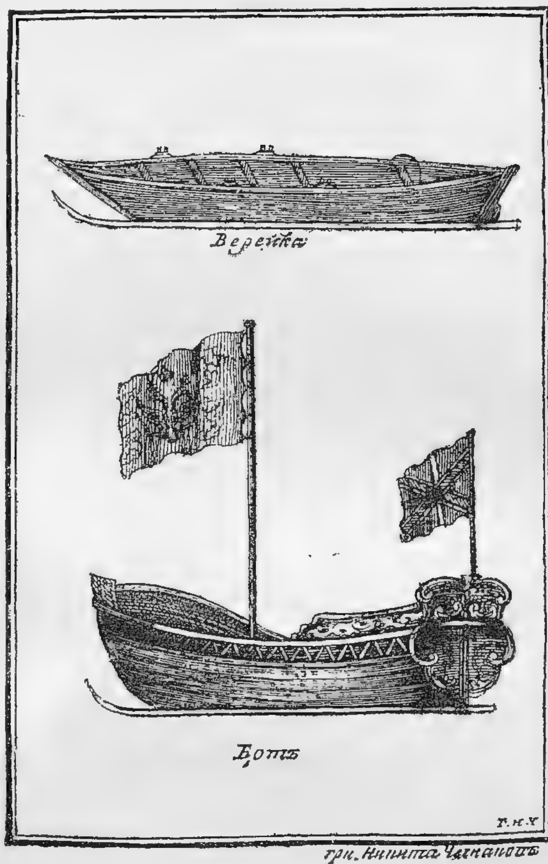
Недалеко отъ дворца Меншиковъ построилъ для себя болѣе обширный и великолѣпный домъ, но тоже деревянный; въ немъ Петръ принималъ иностранныхъ пословъ, отчего его иногда называли посольскимъ домомъ; въ немъ давались торжественные обѣды и пиры. Далѣе за домомъ Меншикова, на берегу Большой Невки построили себѣ дома Головкинъ, Брюсъ, Шафировъ, да разбросаны были шалаши рабочихъ и сараи для нихъ на зимнее время.

Подлѣ крѣпостного моста находилось еще зданіе, куда и царь, и всѣ вельможи, и простые рабочіе заходили выпить рюмку водки и закусить; это была гостиница Остерія, впослѣдствіи получившая названіе Австеріи четырехъ фрегатовъ; здѣсь продавали вино, пиво, медъ, табакъ и карты. За Остеріею, на сѣверъ, были наскоро построены лавки—торговые ряды.

Безъ флота удержать новаго завоеванія нельзя было, поэтому, лишь

только работы были распредѣлены и пущены въ ходъ, Петръ занялся устройствомъ флота: въ новгородскомъ воеводствѣ, на рѣкѣ Сясѣ устроена была верфь, съ которой въ 1703 году спустили три шнявы и до 300 различныхъ перевозныхъ барокъ.

Петербургъ какъ-бы выросталъ изъ земли по мановенію волшебника, но его надобно было защищать съ твердой земли и съ моря; вице-адмиралъ Нуммерсъ съ 9 кораблями стоялъ въ устьѣ Невы; на него нападать нельзя было за совершеннымъ недостаткомъ военныхъ судовъ. Шведскій генералъ Кроніортъ съ значительнымъ войскомъ стоялъ на рѣкѣ Сестрѣ; чтобы защититься отъ нападенія со стороны Невы, Петръ на мызу Васильевскаго острова въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Биржа, на Стрѣлкѣ поставилъ батарею; а самъ съ сухопутнымъ войскомъ и съ конницею пошелъ на Кроніорта. Этотъ свой окончившійся побѣдою походъ—Петръ собственноручно описалъ Ромодановскому, одному изъ своихъ приближенныхъ.



ТИПЫ ВЕРЕЙКИ И БОТА, ПЛАВАВШИХЪ ПО НЕВѢ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Когда больше нельзя было ожидать немедленнаго нападенія шведовъ, Петръ занялся постройкою кораблей; онъ поѣхалъ на берега Свири въ Лодейное поле, гдѣ строились подъ наблюденіемъ брата Александра Даниловича Меншикова фрегаты и другія военныя суда.

Петръ собственноручно заложилъ тамъ одну шняву и приказалъ додѣлать ее черезъ 13 недѣль послѣ него.

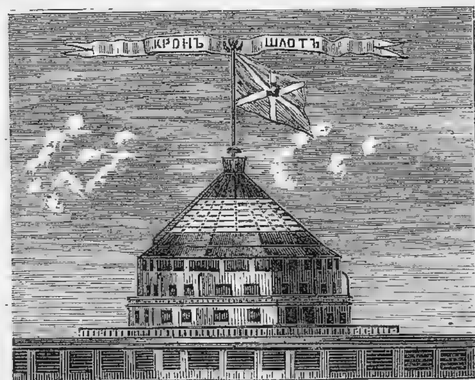
Съ 1 августа 1703 года начался спускъ судовъ, выстроенныхъ на верфи Лодейнаго поля; спущена шнява Wilkommen въ честь Меншикова, пріѣхавшаго въ тотъ день. Черезъ недѣлю спущенъ фрегатъ Штандартъ; Петръ, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, оснастилъ его и

пошелъ на немъ къ Петербургу; это былъ царскій фрегатъ и Петръ почти не разставался съ нимъ: плавалъ по Невѣ и только выжидалъ отступленія Нуммерса, чтобы выйти въ Финскій заливъ. Въ началѣ октября Петръ разъѣзжалъ на Штандартѣ по Ладожскому озеру, когда получилъ отъ Меншикова письмо, въ которомъ тотъ доносилъ ему, что Нуммерсъ, стоявшій въ устьѣ Невы, ушелъ, должно быть на зиму.

Это извѣстіе обрадовало Петра и онъ тотчасъ поплылъ къ Петербургу; по Невѣ уже шелъ ледъ; несмотря на это, Петръ сѣлъ на яхту и вышелъ въ море. Низменный островъ Котлинъ или Ретусари, находящійся въ 25 верстахъ отъ Петербурга, обратилъ на себя вниманіе Петра: несмотря на льдины, плывущія по рѣкѣ, царь съ лотомъ въ рукахъ внимательно измѣривалъ морскую глубину вокругъ острова. Онъ



ОСТРОВЪ КОТЛИНЪ.

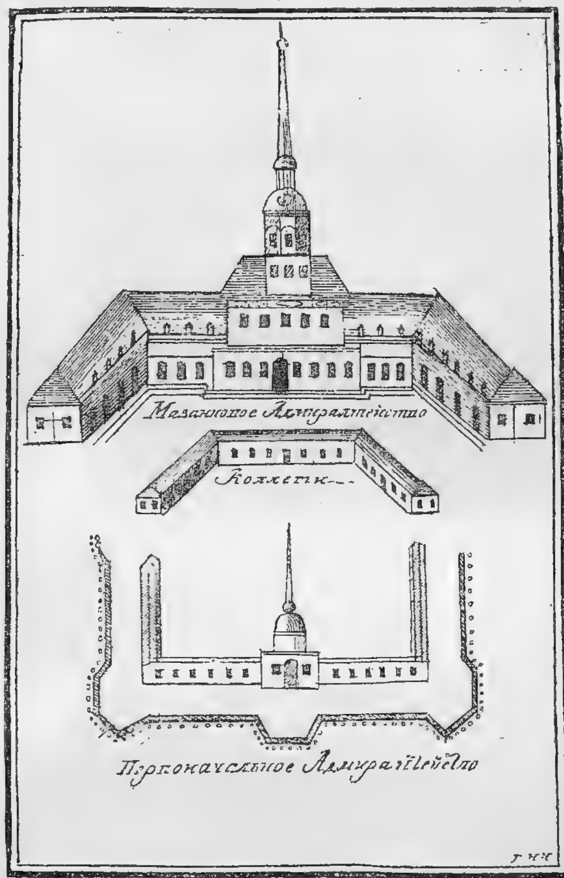


КРѢПОСТЬ КРОНШЛОТЪ.

нашелъ, что на сѣверѣ, со стороны Финляндіи, много мелей и камней, и поэтому плавать кораблямъ съ той стороны неудобно; но напротивъ съ южной—фарватеръ совершенно хорошій и удобный. Въ изобрѣтательномъ умѣ Петра явилась мысль укрѣпить островъ и посредствомъ этого затруднить доступъ къ Петербургу; на Котлинѣ выстроить сильную крѣпость и на пушечный выстрѣлъ отъ нея къ югу, на берегу выстроить другую крѣпость, такъ чтобы вполнѣ защитить Петербургъ съ моря, «какъ-бы Дарданеллами»,—говорилъ Петръ.

Затѣмъ забота о средствахъ защиты Азовскаго моря противъ турокъ призвала его въ Воронежъ, но это нисколько не изглаживало у него однажды появившейся мысли. Изъ Воронежа Петръ прислалъ Меншикову модель крѣпости, сдѣланной имъ собственноручно, чтобы яснѣе выразить свое намѣреніе. Онъ приказалъ, не теряя времени, приняться за дѣло: пока ледъ стоитъ на Невѣ, опустить въ назначенномъ мѣстѣ деревянную крѣпость, нагрузивъ ее землею и каменьями, и поставить на

нее нѣсколько пушекъ. Изъ огромныхъ деревьевъ, при сильномъ зимнемъ холодѣ, построены были ящики, вышиною въ 10 футовъ, наполнены каменьями и опущены въ воду. Въ началѣ мая 1704 года Петръ освящалъ новую крѣпость; съ митрополитомъ Іовомъ онъ пріѣхалъ на яхтѣ, осмотрѣлъ работы, остался доволенъ, при себѣ поставилъ батарею изъ 4 пушекъ и назвалъ морское укрѣпленіе Кроншлотомъ, или Коронымъ замкомъ. Въ продолженіе трехъ дней длилось торжество; на Котлинѣ островѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи построенъ былъ Кронштадтъ сдѣлана была батарея въ 60 пушекъ.

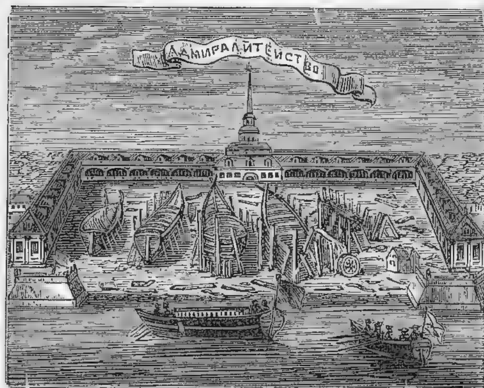


АДМИРАЛТЕЙСТВО.

Кроншлотскому коменданту даны приказанія самыя строгія: указано, какъ защищаться, какъ стрѣлять изъ пушекъ; приказано защищаться до послѣдняго человѣка. Указано не довѣрять незнакомымъ кораблямъ и пушечнымъ выстрѣломъ заставлять ихъ останавливаться, чтобы посылать подробно развѣдывать: какой корабль, откуда идетъ и зачѣмъ; осматривать каждый корабль, нѣтъ-ли гдѣ тайно запрятанныхъ людей, оружія или военныхъ припасовъ. Указано, какихъ почестей цитадели требовать отъ приходящихъ кораблей, но больше всего приказано опасаться непріятельскихъ брандеровъ и собственнаго огня.

Иностранцы не мало удивились, когда узнали отъ нашихъ посланниковъ, что у Петра на Балтійскомъ морѣ уже есть флотъ изъ 20 кораблей и фрегатовъ и 78 галеръ и судовъ меньшаго размѣра, а, главное, что въ 6 миляхъ отъ Петербурга, на островѣ Котлинѣ, есть укрѣпленіе, и на самомъ фарватерѣ построена крѣпость, со множествомъ пушекъ, и построена она зимою, въ жестокій морозъ, изъ дерева и камней, и теперь уже вооружена пушками.

Это писалъ Головинъ, должно быть, съ намѣреніемъ заманить въ Петербургъ иностранныя суда, потому что, въ дѣйствительности, морской силы у Россіи еще не было, и вмѣсто 20 кораблей и фрегатовъ былъ всего только одинъ Штандартъ и штукъ пятнадцать судовъ меньшаго размѣра. Извѣстіе, однако-жъ, подѣйствовало: мало-по-малу начали приходить иностранные корабли. Въ Петербургъ пришелъ первый фрисландскій купеческій флиботъ съ солью и виномъ, въ ноябрѣ 1703 года; Меншиковъ, по приказанію царя, радостно встрѣтилъ гостя, угощалъ шкипера въ губернаторскомъ домѣ и въ награду далъ ему 500 золотыхъ; а каждому матросу по 30 талеровъ; кромѣ перваго обѣщана была награда еще двумъ слѣдующимъ кораблямъ.



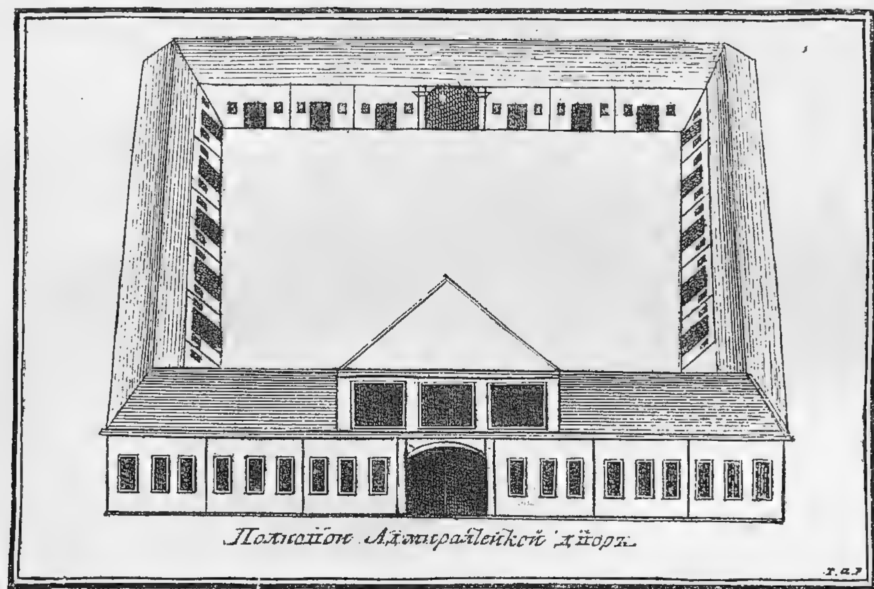
ВИДЪ АДМИРАЛТЕЙСТВА.

На Свири на верфи работа шла удачно и быстро; въ маѣ 1703 года спустили нѣсколько шнявъ, а къ концу сентября еще семь фрегатовъ. Петръ былъ доволенъ и заложилъ еще новый корабль, больше всѣхъ прежнихъ, длиною въ 116 футовъ, шириною въ 30 футовъ. Плаваніе отъ Олонецкой верфи до Петербурга шло очень медленно; свирѣпствовалъ жестокій вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ.

Петръ самъ испыталъ неудобство плаванія по Ладожскому озеру; онъ увидѣлъ, что, при перевозкѣ вновь построенныхъ на Свири судовъ, многіе могутъ погибнуть отъ бури и не дойти до своего назначенія. Поэтому Петру надобно было найти средство избѣжать этого неудобства. Для этого онъ рѣшился основать корабельную верфь ближе къ Финскому заливу, а именно въ С.-Петербургѣ... Онъ заложилъ Адмиралтейскій домъ на лѣвомъ берегу Невы, противъ Васильевскаго острова, длиною въ 200 саж. а шириною во 100 сажень. Черезъ годъ стали укрѣплять Адмиралтейство по чертежамъ, составленнымъ Меншиковымъ.

Между тѣмъ отъ Апраксина пришло донесеніе, въ которомъ говорилось, что при устьѣ Наровы показался шведскій флотъ въ 35 судовъ, а къ Нарвѣ ждутъ большое войско, подъ командой Шлиппенбаха; русское войско слабо, и онъ просилъ подкрѣпленія. Это извѣстіе встревожило Петра; онъ двинулъ къ Нарвѣ Преображенскій и Семеновскій полки, кавалерію и Рѣпнина съ нѣсколькими полками, туда же отправился и самъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ.

Въ Петербургѣ комендантомъ крѣпости и начальникомъ войскъ назначенъ былъ полковникъ Брюсъ. У Кроншлота, на Невѣ стоялъ флотъ изъ семи 24-пушечныхъ фрегатовъ, построенныхъ въ прошедшемъ году. Чтобы знать, что дѣлается въ окрестностяхъ, Брюсъ посылалъ казаковъ и татаръ развѣдывать; они напали на шведскій отрядъ, прогнали его, взяли плѣнныхъ, но наткнулись на 8-тысячный отрядъ, перебили плѣнныхъ и въ страхѣ прискакали въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что у нихъ по пятамъ идутъ шведы. Брюсъ приготовился къ встрѣчѣ и при первомъ



АДМИРАЛТЕЙСКІЙ ДВОРЪ.

появленіи шведовъ встрѣтилъ ихъ такимъ сильнымъ огнемъ, что они должны были отступить къ Охтѣ; тутъ они въ нерѣшительности простояли около мѣсяца, ничего не предпринимая.

Такъ-же неудачна была попытка шведскаго адмирала де-Пру напасть на Кронштадтъ.

Постоянныя неудачи подъ Петербургомъ встревожили шведовъ, у нихъ начали серьезно думать о томъ, что завоеванная Нева, пожалуй, останется за русскими; чтобы прогнать ихъ и отнять новыя крѣпости, снарядили сильный флотъ изъ 22 военныхъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Анкерштерна.

Теперь и съ морской стороны Кроншлотъ былъ не беззащитенъ: подъ его стѣнами стоялъ русскій флотъ, правда, гораздо меньше и слабѣе шведскаго, но ему помогали морскія и береговыя укрѣпленія; да чтобы

затруднить плаваніе и частію съ цѣлью обмануть шведовъ, поперекъ всего фарватера, передъ русскимъ флотомъ были устроены пловучія рогатки, которыя держались на якоряхъ и издали, съ моря походили на мачты, вбитыя въ землю, или мачты затопленныхъ кораблей, такъ что казалось будто никакого проѣзду нѣтъ. За этими-то пловучими рогатками и раскинулся нашъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Крейса, за годъ передъ тѣмъ возвратившагося изъ Голландіи.

На мызѣ Санктъ-Яна, противъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи по-



ЯКОВЪ ВИЛИМОВИЧЪ БРЮСЪ.

строена была крѣпость, заблаговременно построили сильную батарею изъ 28 пушекъ; а на Котлиномъ островѣ, на западной косѣ, расположились два полка—Толбухина и Островскаго съ 3 пушками. Главнымъ комендантомъ Кроншлота и Петербурга, съ званіемъ генерала за удачную защиту, по-прежнему оставался Брюсъ. 4 іюня показался сильный шведскій флотъ, остановился въ одной милѣ и выслалъ эскадру къ Кроншлоту, но съ батареи С.-Яна и съ русскихъ фрегатовъ встрѣтили шведовъ такою стрѣльбою, что эскадра торопливо поворотила назадъ и присоединилась къ большому флоту.

На другой день весь флотъ подошелъ на пушечный выстрѣлъ къ эскадрѣ Крейса и, бросивъ якорь, началъ осыпать наши корабли градомъ ядеръ и бомбъ, но безъ большого вреда.

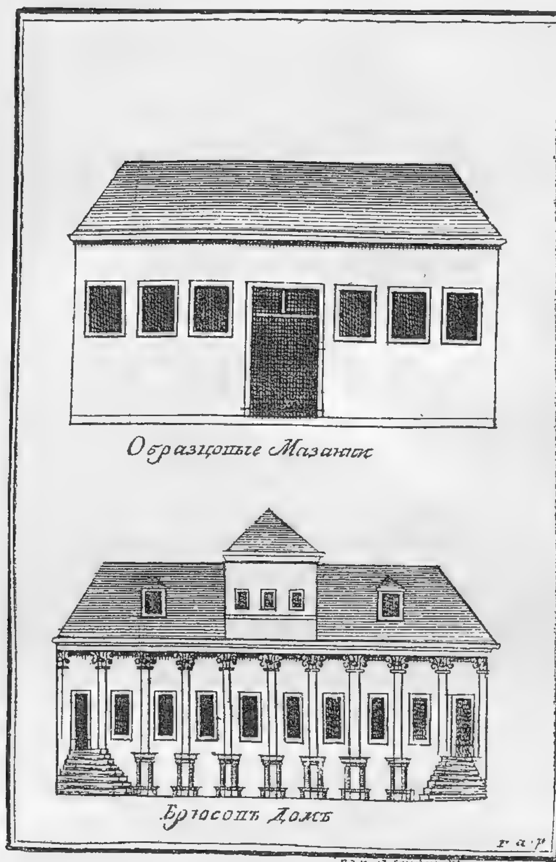
Простоявъ больше недѣли, шведскій флотъ принялся, наконецъ, подъ Кроншлотомъ дѣйствовать рѣшительнѣе. «Утромъ, въ прекрасную погоду,



БАТАРЕИ, КОТОРЫЯ СТРОИЛИСЬ РУСКИМИ ВОЙСКАМИ ПО БЕРЕГУ НЕВЫ, ПЛАНЪ ИЖОРСКОЙ КРѢПОСТИ И СОСНА НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ, КОТОРУЮ ПЕТРЪ ОСТАВИЛЪ «ДЛЯ ВѢДѢНІЯ ДРЕВНОСТИ ПРЕДКАМЪ, ЧТОБЫ ЗНАЛИ, ЧТО СІЕ МѢСТО БЫЛО ПРЕЖДЕ ПУСТОЕ, А НЫНѢ ЦАРСТВУЮЩІЙ ГРАДЪ».

весь флотъ распустилъ паруса и прямо пошелъ на нашъ, — пишетъ адмиралъ Крейсъ.—Мы стояли тихо, ожидая, что будетъ, поворотясь широкою стороною кораблей. На пушечномъ выстрѣлѣ шведы бросили якорь; впередъ выдвинули бомбардирскія суда. Въ 11 часу начали бросать бомбы и стрѣлять изъ пушекъ, но бомбы или перелетали черезъ мой фрегатъ, или не долетали до него, или падали подлѣ него въ море, отъ чего много тысячъ рыбъ выскакивали изъ воды; только одна бомба упала на галеру,

въ ящикъ съ патронами и взорвала ихъ, но другого вреда не причинила. До 2-го часа продолжалась канонада съ обѣихъ сторонъ, но тутъ вдругъ все смолкло; непріятельскіе фрегаты начали отступать. Я приказалъ на своемъ поднять красный флагъ, на Кроншлотѣ тоже подняли красный; адмиралъ Анкерштернъ на своемъ спустилъ шведскій флагъ и началъ



ДОМЪ БРЮСА И ОБРАЗЦОВАЯ ПОСТРОЙКА ОБЫКНОВЕННАГО ЖИЛОГО ДВОРА.

поднимать тоже красный, но дотянулъ его только до половины и опять спустилъ; я же своего не спускалъ до поздняго вечера.

Съ 11 до 15 іюня все было тихо; я увидѣлся съ комендантомъ Брюсомъ и отъ него узналъ, что шведы требовали сдачи Петербурга, но не посмѣли атаковать его и ушли ни съ чѣмъ».

Послѣ нѣсколькихъ жаркихъ стычекъ съ русскими, 15 іюля опять весь шведскій флотъ принужденъ былъ уйти въ море и такъ торопливо, что два корабля не успѣли поднять якорей, а обрубили канаты. Также неудачны были и сухопутныя нападенія шведовъ на Петербургъ.



ИЗОБРАЖЕНІЕ НАВОДНЕНІЯ 5 НОЯБРЯ 1721 Г.

(Съ нѣмецкой гравюры того времени).

Гораздо опаснѣе шведовъ для молодого Петербурга были наводненія. Петербургъ стоялъ на топкомъ болотѣ, почти въ уровень съ невскими рукавами: при сильныхъ западныхъ вѣтрахъ вода въ Невѣ тогда поднималась и выходила изъ береговъ гораздо сильнѣе и чаще теперешняго, потому что не было каналовъ для стока лишней воды, напиравшей въ устье, почва была не осушена и не поднята и болотистыя лѣсныя низменности не представляли никакого оплота отъ воды.

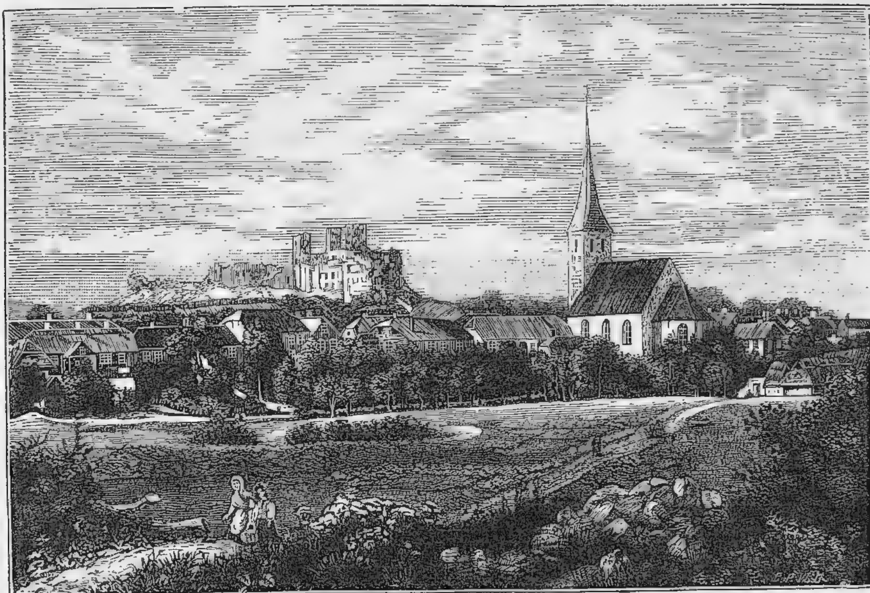
Въ Петербургѣ въ 1703 году было очень сильное наводненіе; Петръ въ то время былъ у Лодейнаго поля и хлопоталъ о спускѣ вновь построенныхъ кораблей; князь Репнинъ писалъ ему изъ Петербурга: «У насъ стоитъ сильная непогода, вѣтеръ съ моря; въ томъ мѣстѣ, гдѣ я стою съ полками, набиваетъ воды и она даже поднялась до моей палатки. Въ Преображенскомъ полку и у харчевень подмочило много сонныхъ людей, и перепортило много запасовъ и вещей. Постоянные жители увѣряютъ, что это повторяется каждый годъ осенью». Другіе пишутъ, будто въ то-же наводненіе утонуло много больныхъ и раненыхъ, помѣщенныхъ въ низменныхъ мѣстахъ.

Петербургъ, кромѣ наводненія, представлялъ не мало другихъ неудобствъ: отъ сырой мѣстности развивались болѣзни, свойственныя болотистой почвѣ; долгая, почти 20-лѣтняя борьба съ шведами, дороговизна по причинѣ отдаленности отъ богатыхъ и населенныхъ полосъ Россіи,—все это приводило въ недоумѣніе и даже ужасъ людей, близкихъ къ Петру: «Петербургъ не останется за нами,—говорили они,—придется его разорить». Умнѣйшій въ то время человѣкъ, князь Григорій Θедоровичъ Долгорукій, увидѣвъ Петербургъ 15 лѣтъ послѣ его основанія, не могъ удержаться отъ того, чтобы не написать о немъ Шафирову: «Губернаторамъ теперь, хотя и худо—но кому теперь жить легко?—но я полагаю, ни одинъ изъ нихъ, оставивъ свою губернію, не захочетъ ѣхать жить въ Петербургъ». Только самые преданные Петру люди, какъ, напримѣръ, Александръ Даниловичъ Меншиковъ, не раздѣляли этого мнѣнія, да самъ Петръ продолжалъ восхищаться своей новой крѣпостью.





ПЯТИКОПѢЕЧНАЯ МОНЕТА, ЧЕКАНЕННАЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.



ГАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЕЗЕНБЕРГЪ.

ГЛАВА XVII.

Разореніе Лифляндіи и Эстляндіи.—Покореніе Дерпта.—Осада Нарвы и штурмъ.—Петръ въ Воронежѣ.—Болѣзнь Петра и его прибытіе въ Полоцкъ.—Происшествіе въ монастырѣ.—Пораженіе Шереметева.—Положеніе русскаго вспомогательнаго отряда въ Саксоніи.—Паткуль.—Русскіе въ Гродно.—Отступленіе въ Кіевъ.—Меншиковъ въ Польшѣ.—Побѣда надъ Мандерфельдомъ подъ Калишемъ.

Полное обладаніе Петербургомъ могло быть обезпечено только тогда, когда шведы будутъ оттѣснены отъ береговъ Финскаго залива; это сознавалъ Петръ и потому, устроивъ все для защиты Петербурга, направилъ главныя силы на остававшіеся непокоренными города въ Лифляндіи и главное на Нарву.

Еще немедленно послѣ основанія Петербурга, фельдмаршалъ Шереметевъ, по приказанію Петра, продолжалъ свой походъ завоевателя и истребителя. Онъ взялъ Копорье и Ямбургъ: шведскіе коменданты обыкновенно сначала защищались, но потомъ сдавались и уходили къ Нарвѣ безъ знаменъ и безъ пушекъ. Послѣ покоренія Ямбурга, Шереметевъ просился на зимнія квартиры, чтобы отдохнуть самому и дать отдыхъ измученнымъ войскамъ, но Петръ приказалъ ему такъ-же, какъ въ про-

шедшемъ году, сначала пройти съ огнемъ и мечомъ несчастную завоеванную Эстляндію и Лифляндію. На это Шереметевъ отвѣчалъ:

— Идти въ походъ еще нельзя; городъ Ямбургъ еще не достаточно приготовленъ къ защитѣ; походъ не къ спѣху; еще лучшая пора не пришла; когда уберутъ съ полей хлѣбъ въ гумны и свезутъ сѣно въ сараи, когда все это покончатъ, тогда мы, при помощи Божіей, можемъ большую бѣду имъ сдѣлать.

Въ концѣ іюля все было готово и, послѣ совѣщанія съ Меншиковымъ, проектъ разоренія Эстляндіи и Лифляндіи былъ выработанъ, путь обозначенъ.

Шереметевъ съ своимъ войскомъ, какъ грозовая туча, понесся къ Везенбергу: его татары, калмыки, казаки и башкирцы, вмѣстѣ съ пѣхотой и артиллеріей, все истребляли направо и налѣво, все опустошали, жгли и рубили. Шведы бѣжали къ Ревелю, разметывая за собою мосты, а русскіе разъѣзды татаръ и калмыковъ гнались за ними, какъ гончія собаки.

Шереметевъ вступилъ въ Везенбергъ, большой красивый и богатый каменный городъ, съ королевскимъ замкомъ, множествомъ магазиновъ, лавокъ и погребовъ. Шереметевъ остановился въ королевскомъ замкѣ; до прихода русскихъ, жители сами сожгли провіантскіе магазины и выпустили все вино изъ бочекъ королевскаго и частныхъ погребовъ. Фельдмаршалъ и солдаты особенно разсердились за это и грабили и разрушали городъ четыре дня сряду; отъ богатаго города остались развалины и пепелъ, залитые кровью. Отсюда всѣ окрестности до самаго моря, къ Нарвѣ и къ Ревелю были разорены и пожжены; остались цѣлы только Нарва, Дерптъ, Ревель, Пернау и Рига. Въ концѣ сентября Шереметевъ изъ своего разрушительнаго похода возвратился въ Печерскій монастырь на зимнія квартиры; онъ привезъ съ собою множество плѣнныхъ и богатую добычу.

Въ концѣ апрѣля зимній отдыхъ для войскъ Шереметева прекратился; ему дано было приказаніе осадить и взять Дерптъ, старинный городъ, основанный великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, подъ именемъ Юрьева, 675 л. тому назадъ; черезъ 200 лѣтъ послѣ своего основанія Дерптъ подпалъ подъ власть рыцарей Ливонскаго ордена и превратился въ совершенно нѣмецкій городъ. Въ 1704 году Дерптъ былъ хорошо укрѣпленъ, по всѣмъ правиламъ фортификаціи; гарнизону было 5000 человѣкъ, артиллеріи достаточно для защиты стѣнъ и для вылазокъ. Самая слабая сторона Дерпта была при рѣкѣ Эмбахѣ, вдоль которой была только стѣна.

Шереметевъ осадилъ городъ и 13 іюня открылъ огонь со всѣхъ рус-

скихъ батарей; бомбардированіе продолжалось восемнадцать дней безъ всякаго успѣха; бросали каленыя ядра, производившія пожары: магазины, кирка и большая часть домовъ были попорчены; но комендантъ Скитте не думалъ сдаваться. Такое упрямство обезпокоило Петра; онъ самъ рѣшился ѣхать и удостовѣриться, все-ли сдѣлано со стороны Шереметева.

Петръ пріѣхалъ въ лагерь, ночью 3 іюля, осмотрѣлъ городъ и осад-

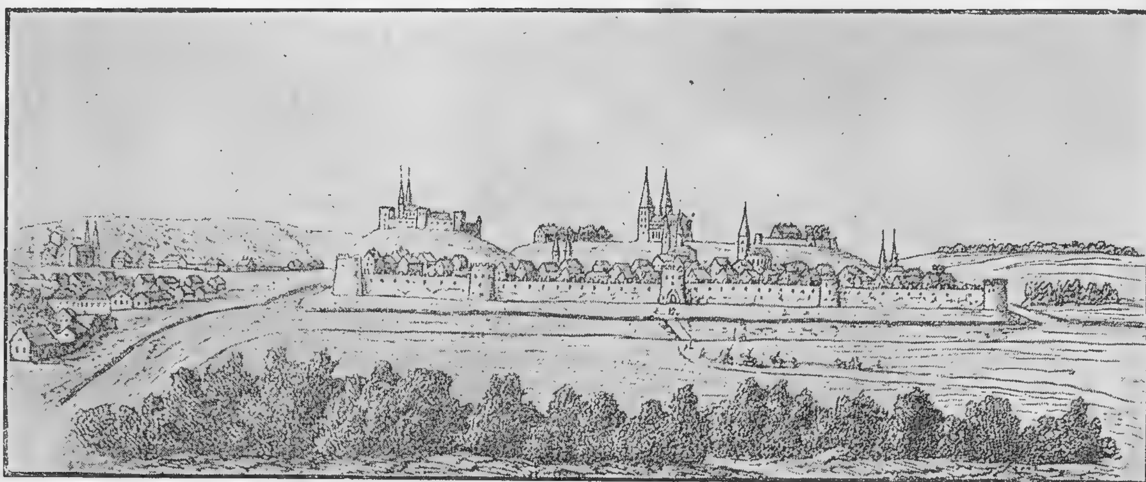


ГРАФЪ БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.
(Съ гравюры Антипьева).

ныя работы и нашелъ, что апроши ведены не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а тамъ, гдѣ удобнѣе и суше работать. Онъ приказалъ прежнія работы продолжать только для виду, а настоящее нападеніе начать со слабой стороны, а именно: за Эмбахомъ поставить батареи, а осадныя работы вести по болотистому берегу къ Нейтурму, т.-е. новой башнѣ.

6 Іюля открылся огонь съ удвоенной силой, и солдаты, работая по поясъ въ водѣ въ болотѣ, дошли до башни въ самое короткое время; въ стѣнахъ сдѣлались проломы въ трехъ мѣстахъ; ночью навели мостъ на

Эмбахъ, немного выше города, и посланъ былъ отрядъ, чтобы занять мѣсто у палисада. Шведы бросились изъ города, чтобы оттѣснить русскихъ, къ которымъ тотчасъ подоспѣло подкрѣпленіе, къ шведамъ тоже; у палисада въ короткое время столпилось до 2000 человѣкъ, и они бились всю ночь до разсвѣта. Тутъ русскіе отчаянно кинулись впередъ, оттѣснили гарнизонъ и заняли за палисадомъ одно укрѣпленіе. Нашли тутъ 5 пушекъ и одну мортиру, повернули ихъ и начали стрѣлять по городу. Шведы начали изъ воротъ отвѣчать картечью. Русскіе, несмотря на убійственный огонь, рванулись еще впередъ, овладѣли входомъ въ башню и готовы были ворваться въ городъ. Доведенный до крайности, комендантъ приказалъ бить въ барабанъ къ сдачѣ, но одинъ барабан-



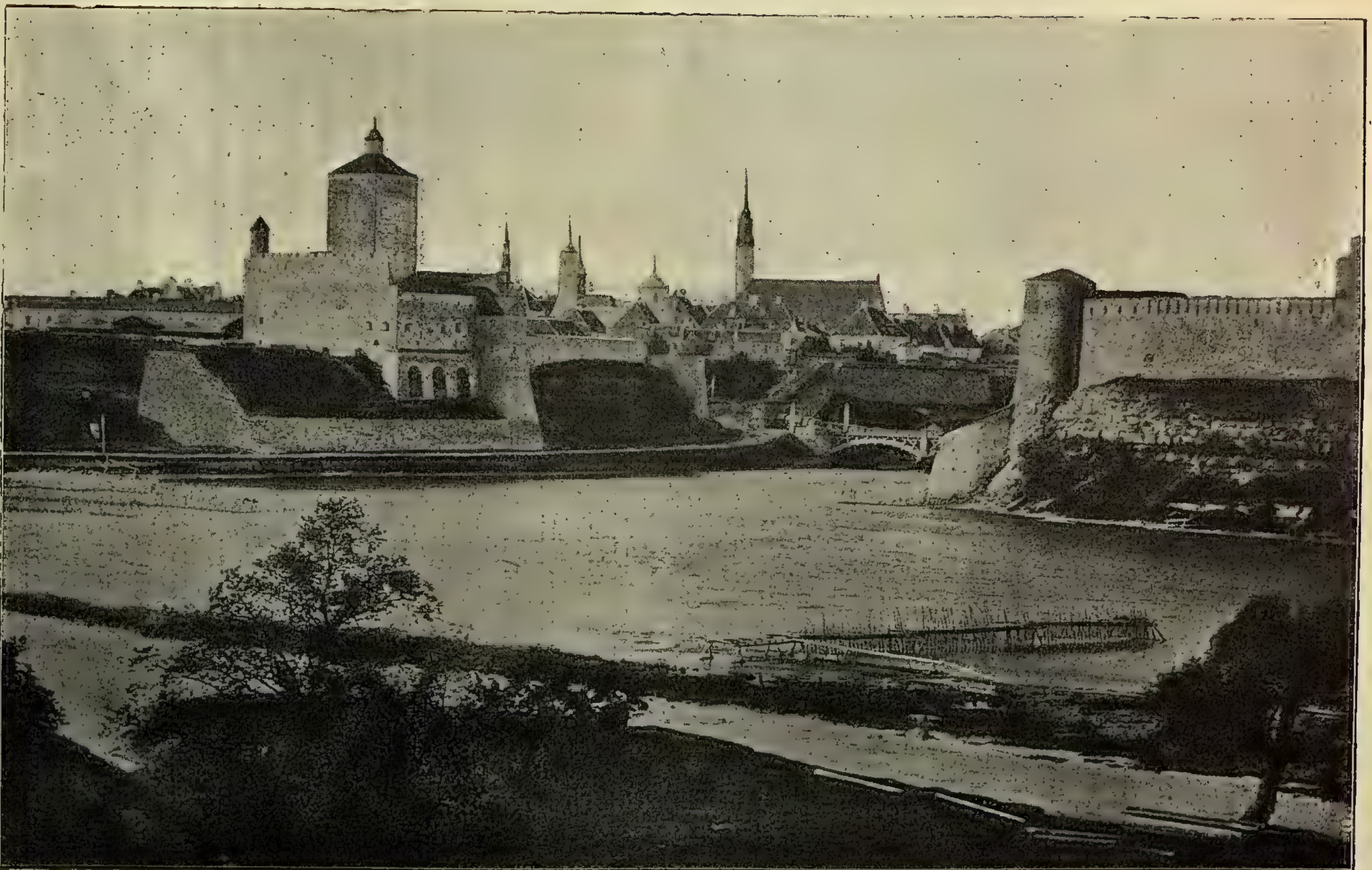
ЮРЬЕВЪ ВЪ XVII. СТ.

(Совр. гравюра).

щикъ былъ убитъ, вслѣдъ за нимъ другой, тогда приказано было трубить трубачу. Шереметевъ услыхалъ сигналъ и спѣшилъ прекратить нападеніе, но солдаты такъ разсвирѣпѣли, что только съ величайшимъ трудомъ можно было остановить кровопролитіе.

Шереметевъ, занявъ городъ, оставилъ въ Дерптѣ свой сильный гарнизонъ и съ войскомъ обратился къ Нарвѣ, куда Петръ торопилъ его.

Армія русская собиралась уже сюда со всѣхъ сторонъ. 30 мая русскіе переправились черезъ Нарову, по приготовленному заранѣе мосту, и заняли то самое мѣсто, гдѣ за четыре года передъ тѣмъ потерпѣли жестокое пораженіе. Комендантомъ Нарвы былъ тотъ самый Горнъ, который такъ удачно защищался въ 1700 году. Онъ и теперь не оставался въ бездѣйствіи: дѣлалъ постоянныя вылазки и тревожилъ русскихъ; иногда по



НАРВА СЪ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ.

(Съ фотографіи).

два раза въ день, утромъ и вечеромъ и очень часто ночью высылалъ по 700 человѣкъ и больше.

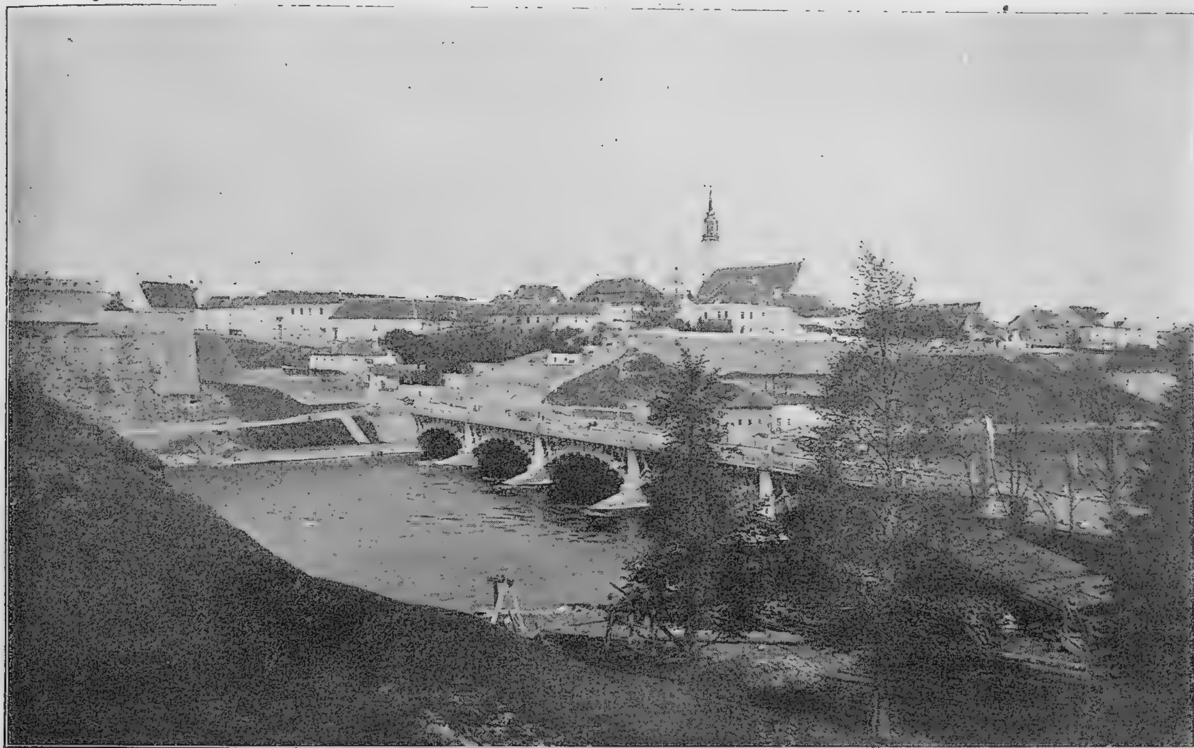
Но русскіе больше всего опасались не Горна, а внѣшней помощи, которая могла придти со стороны Ревеля; носились даже слухи, что самъ Карлъ съ войскомъ сѣлъ на суда и идетъ отъ Гданска. Посылали разъѣзды, но ничего положительнаго не узнали, нигдѣ не видно было ни одного шведа. Петръ придумалъ хитрость, чтобы вызвать изъ Нарвы большую вылазку, разбить ее и вмѣстѣ съ нею ворваться въ крѣпость.

Лишь во время одной стычки со шведами, когда русскимъ удалось забрать нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, Петръ узналъ отъ нихъ, что подъ Везенбергомъ стоитъ Шлиппенбахъ и не приближается потому только, что поджидаетъ конницу изъ Риги и Ревеля, но скоро придетъ на выручку Нарвы. Такая вѣсть обезпокоила Петра и онъ отправилъ къ Везенбергу сильный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ренне; тотъ быстро напалъ на Шлиппенбаха, оттѣснилъ его и окончательно такъ разбилъ, что онъ только съ трудомъ спасся въ Ревель съ 200 человѣкъ рейтаръ; онъ потерялъ пушки, обозъ и даже собственную верховую лошадь.

Осада шла вяло; между тѣмъ, изъ Москвы пріѣхалъ австрійскій генералъ Огильви, поступившій въ русскую службу, въ званіи фельдмаршала. Рекомендація у него была отличная и прежнія заслуги давали ему право на это высокое званіе. Петръ приказалъ всей Нарвской арміи выстроиться, сдѣлалъ ей смотръ вмѣстѣ съ Огильви и вручилъ ему команду надъ всѣмъ осаднымъ корпусомъ. Огильви осмотрѣлъ войско, осадныя работы и написалъ донесеніе, въ которомъ нашелъ все не такъ: и войско плохо обучено, и офицеры не знающи, и вооружены, и одѣты не такъ. Изложивъ это, онъ объ осадѣ тоже доносилъ, что ее ведутъ не такъ.

Донесеніе его было прочитано и разсмотрѣно Петромъ, но изъ всего сказаннаго въ немъ во вниманіе было взято только то, что надобно осаждать городъ изъ-за рѣки, съ праваго берега Наровы. Заложены были батареи; не доставало только пушекъ и мортиръ чтобы начать канонаду; ихъ ожидали изъ Петербурга, куда самъ царь уѣзжалъ, чтобы ускорить ихъ перевозку. Главнаго плана осады Петръ не измѣнилъ и работы велъ на Нарву на бастіоны Викторія и Гоноръ; здѣсь, какъ вездѣ, неутомимо работали солдаты Преображенскаго полка; дѣло было очень трудное; шведы не давали имъ покоя, постоянно стрѣляли изъ пушекъ и дѣлали сильныя вылазки; однажды чуть было не захватили въ плѣнъ большого отряда, уже окружили его, но изъ лагеря къ нимъ на помощь прибѣжали солдаты и выручили Преображенцевъ; изъ нихъ около 10 человѣкъ было убито и между ними ихъ отважный командиръ Карповъ.

Несмотря однако-жъ на все это, русскіе съ каждымъ днемъ прибли-



ВИДЪ НАРВЫ СЪ ИВАНГОРОДА.
(Съ фотографіи).

жались къ крѣпости и удерживались въ своихъ мѣстахъ. Наконецъ, привезли осадную артиллерію.

Бомбардированіе Нарвы началось 30 іюля, въ воскресенье и продолжалось десять дней.

На восьмой день бомбардированія, Огильви послалъ плѣннаго дерптскаго коменданта Скитте съ барабанщикомъ въ крѣпость съ предложеніемъ сдать Нарву, а Скитте для того, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, какъ поступили русскіе при сдачи Дерпта. Но Горнъ не захотѣлъ видѣться съ Скитте, на письмо на другой день прислалъ отвѣтъ, что безъ приказанія короля крѣпости сдать не можетъ и, отдавая письмо, проклиналъ и бранилъ русскихъ.

Въ совѣтѣ русскаго войска положено было взять Нарву приступомъ, потому что путь въ городъ, чрезъ проломы въ бастіонахъ Викторія и Гоноръ, открытъ; солдатамъ роздали штурмовыя лѣстницы.

9 Августа, послѣ 5 сигнальныхъ выстрѣловъ изъ мортиръ, войска пошли на приступъ. Шведы отчаянно защищались; взорвали подкопъ, нашихъ пало много, но мѣсто убитыхъ заступали живые и смѣло шли



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ОСТАНАВЛИВАЕТЪ ГРАБЕЖЪ ВЪ НАРВѢ.
(Картина Зауервейда).

впередъ; на нихъ съ высотъ скатывали штурмовыя бочки, давили ими однихъ, ихъ смѣняли другіе. Преображенскій полкъ былъ впереди и первый взлѣзъ на бастіонъ Гоноръ; за нимъ—двѣ другія колонны. Шведовъ опрокинули, и они побѣжали въ Старый городъ, затворивъ за собою ворота. Но комендантъ видѣлъ, что все пропало, и приказалъ барабанщикамъ бить сдачу; чтобы поскорѣе забарабанили, самъ кулакомъ ударилъ по барабану; онъ надѣялся получить капитуляцію, но солдаты, разгоряченные битвой не слышали и не хотѣли слышать барабана; яростно взбѣжали на высокую стѣну, разломали ворота Стараго города и гнали шведовъ до замка Иванъ-города, куда чуть не ворвались вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ. И только видъ богатой и легкой добычи въ лавкахъ и до-



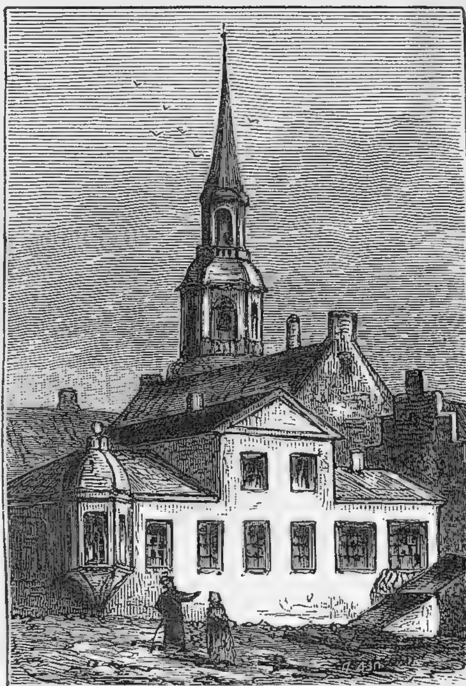
ВЗЯТІЕ КРѢПОСТИ НАРВЫ. (Картина профессора Коцебу).

махъ отвлекъ ихъ; они бросились грабить и убивать. Кровопролитіе было ужасное; никому не было пощады: ни мужчинамъ, ни женщинамъ, ни старикамъ, ни младенцамъ.

Черезъ два часа Петръ въѣхалъ въ городъ вмѣстѣ съ Огильви; видъ убійства и грабежа возмутилъ его; онъ приказалъ трубить по всѣмъ улицамъ, чтобы прекратить грабежъ и поставилъ караулъ у уцѣлѣвшихъ домовъ; одного солдата, который не обращалъ вниманія на трубные звуки и продолжалъ грабить, онъ заколол шпагой. Войдя въ одинъ изъ шведскихъ домовъ и бросая окровавленную шпагу на столъ онъ воскликнулъ:

— Не бойтесь, это не шведская, а русская кровь!

Коменданта Горна, взятаго въ плѣнъ, Петръ принялъ очень сурово за его дерзкія слова при отдачѣ письма.



ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ НАРВѢ.

Иванъ-городъ, послѣ покоренія Нарвы, держался еще съ недѣлю. Въ день штурма Нарвы предъ Иванъ-городомъ явился русскій офицеръ съ письмомъ отъ коменданта Горна, приказывавшаго Иванъ-городу сдаться, но на это отвѣчали:

— Комендантъ Горнъ теперь въ плѣну и приказывать не можетъ; а гарнизонъ Иванъ-города рѣшился защищаться до послѣдней капли крови.

Въ отвѣтъ на это русскіе объявили:

— Ежели крѣпость не отворитъ воротъ, то всѣ плѣнные, взятые въ Нарвѣ и всѣ жители безъ исключенія, до новорожденныхъ младенцевъ, будутъ истреблены.

— Государь воленъ дѣлать, что ему угодно,—отвѣчалъ комендантъ,—но я почитаю большимъ стыдомъ отдавать, по первому требованію, крѣпость, порученную королемъ моей защитѣ; если-же предложены будутъ выгодныя условія, тогда можно будетъ подумать о капитуляціи.

Огильви приказалъ сказать коменданту, что ему удивительно, какъ можно упрямиться съ голоднымъ гарнизономъ и не хотѣть воспользоваться царскою милостью, и, между прочимъ, велѣлъ спросить: на какихъ

условіяхъ комендантъ хочетъ сдать крѣпость? Онъ совѣтовалъ прислать трехъ офицеровъ въ русскую главную квартиру для переговоровъ и съ своей стороны обѣщался тоже отправить трехъ же офицеровъ въ Иванъ-городъ, какъ заложниковъ. Коменданту не хотѣлось сдавать крѣпости, онъ со слезами на глазахъ обратился къ военному совѣту и спросилъ·



КН. А. Д. МЕНШИКОВЪ ПРИ ВЗЯТІИ ИВАНЪ-ГОРОДА.
(Грав. работы Шхонебека 1704 г.).

— Скажите, что дѣлать?

Всѣ единогласно отвѣчали:

— Покориться, иначе гарнизонъ погибнетъ отъ голоду: на всѣхъ осталось не больше пяти мѣръ хлѣба.

15 августа шведы хотѣли вступить въ переговоры, но русскимъ некогда было, они пировали по случаю покоренія Нарвы; Меншикова царь объявилъ губернаторомъ; передъ его домомъ поставлена была новая мортира; ее до краевъ наполнили виномъ; самъ царь черпалъ изъ нея и пилъ за здоровье своихъ генераловъ и офицеровъ. На слѣдующій день начались переговоры; коменданту, гарнизону и тѣмъ изъ жителей, кому угодно, съ женами и дѣтьми, позволено было удалиться въ Ревель, но гарнизону отказано было въ оружіи, знаменахъ и пушкахъ. Гарнизонъ



ЗАМОКЪ ИВАНЪ-ГОРОДЪ.

вышелъ и отправился въ Ревель и Выборгъ, частію сухимъ путемъ, частію на судахъ, а русскіе спокойно вошли въ крѣпость и заняли караулы.

Вѣсть о покореніи Нарвы была принята въ Москвѣ съ восторгомъ; царь приказалъ отпраздновать это событіе обычными торжествами, какъ церковными, такъ и общественными.

Послѣ покоренія Нарвы, Петръ отправился въ Москву и занялся дѣлами внутренняго управленія, издавалъ законы касательно сохраненія жизни и здоровья русскаго народа: запретилъ продавать различныя лѣкарства и травы, которыя въ рукахъ невѣжественныхъ людей могли приносить вредъ; запретилъ продавать и носить ножи съ острыми концами, потому что во время ссоръ ими ссорящіеся нерѣдко наносили другъ другу раны и убивали; издалъ разныя постановленія для предохраненія городовъ и деревень отъ пожаровъ; выписалъ пожарныя трубы; въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ, запрещено строить деревянные дома и на мѣсто ихъ приказано строить каменные; пустопорожнія мѣста,

владѣльцы которыхъ не въ состояніи строить каменныхъ, должны были продавать и строиться на окраинахъ города. Къ этому же времени относятся разныя постановленія на счетъ монастырей и управленія монастырскими вотчинами. Запрещено подписываться уменьшительными именами. Заведены новыя школы.

Въ февралѣ Петръ отправился въ Воронежъ посмотрѣть, что дѣлается на его верфи; тутъ онъ спустилъ 80-пушечный корабль Старый-Дубъ, прожилъ здѣсь два мѣсяца, при себѣ спустилъ еще нѣсколько судовъ и приказалъ Апраксину къ слѣдующей веснѣ оснастить и вооружить до 24 судовъ. Верфь на Воронежѣ оказалась неудобною, по причинѣ мелководья: хотя построены были шлюзы, но отъ нихъ все-таки достаточной глубины нельзя было получить; Петръ осмотрѣлъ мѣстность и рѣшился верфь перенести почти къ самому устью Воронежа, и въ 3 верстахъ отъ Дона положено основаніе новой верфи и крѣпости Тавровой.

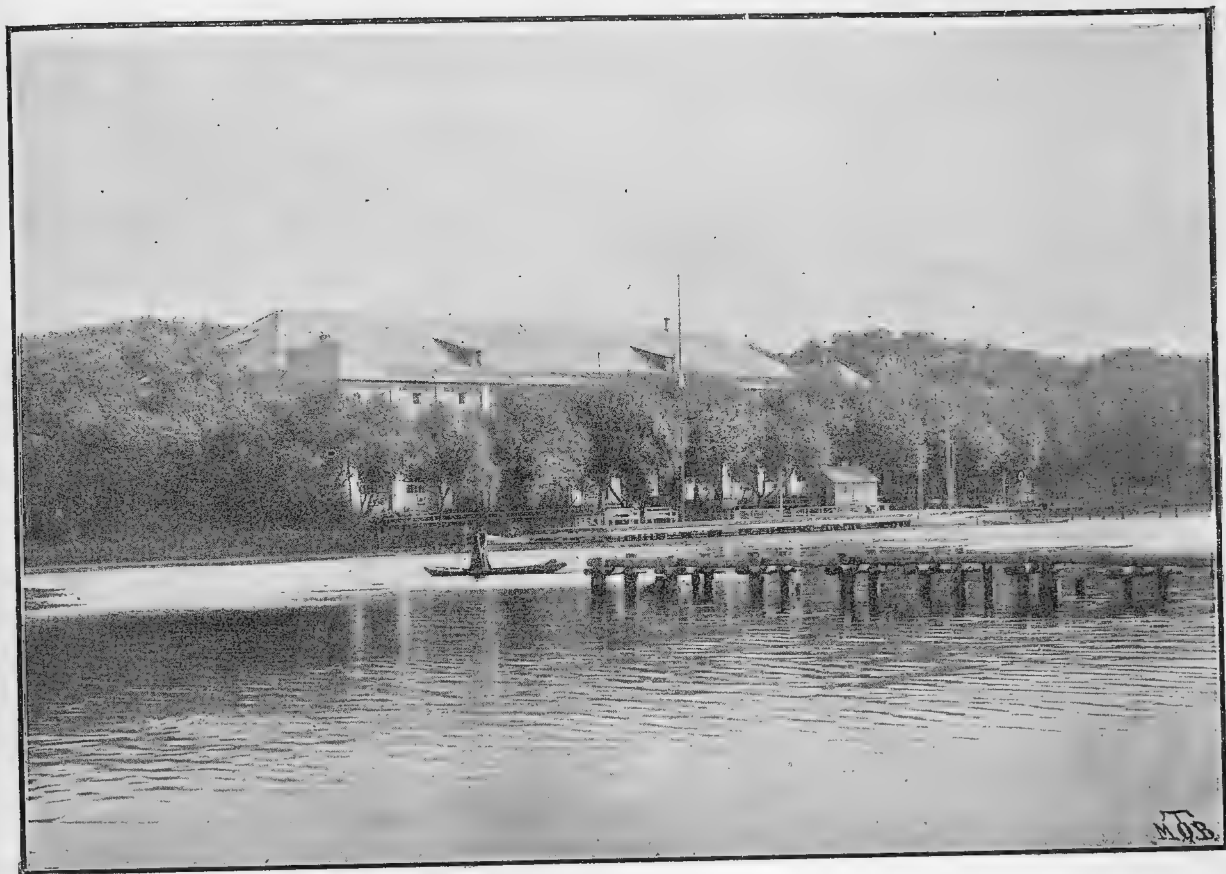
Въ концѣ апрѣля Петръ возвратился въ Москву и готовился тотчасъ же отправиться въ Полоцкъ, гдѣ было собрано большое, отлично вооруженное и за зиму хорошо обученное войско; но Петръ сильно захворалъ лихорадкой, долженъ былъ вернуться съ дороги и больной пролежалъ три недѣли.

Когда здоровье Петра поправилось, онъ пріѣхалъ въ Полоцкъ; первое время жилъ очень пріятно и весело; этому не мало содѣйствовало извѣстіе о счастливомъ отраженіи шведовъ отъ Петербурга. Но пребываніе въ Полоцкѣ окончилось непріятнымъ происшествіемъ. Петръ былъ раздраженъ противъ іезуитовъ, которые входили въ сношенія съ шведами и съ польской партіей противной королю Августу. Одинъ изъ монаховъ, бывшій прежде православнымъ, особенно сильно противодѣйствовалъ русскимъ: онъ бранилъ Петра и Августа, возбуждалъ простой народъ къ тому, чтобы разомъ напасть и перебить всѣхъ русскихъ солдатъ. Петръ зналъ многое, но молчалъ, не желая вмѣшиваться во внутреннія дѣла управленія своего союзника и не желая возбуждать подозрѣнія католиковъ, будто онъ тѣснитъ уніатовъ [1]) и ищетъ ихъ уничтоженія, хотя Меншиковъ неоднократно на этомъ настаивалъ.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Полоцка, Петръ съ своими приближенными вошелъ въ уніатскій монастырь, чтобы осмотрѣть его. Въ церкви онъ было хотѣлъ войти въ алтарь, но монахи загородили ему дорогу и не пустили, какъ противника ихъ вѣры. Петръ вспыхнулъ,

---

[1]) Уніатами назывались въ Западномъ краѣ православные, признавшіе надъ собою главенство папы.



ПЕТРОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

но сдержался, ничего не сказалъ и не пошелъ. Увидѣвши образъ, особенно богато украшенный, онъ спросилъ:

— Чей это образъ?

Монахи отвѣчали:

— Это образъ нашего священно-мученика Іосафата (Кунцевича), котораго ваши нечестивые еретики, единовѣрцы—умертвили.

Тутъ Петръ не вытерпѣлъ и приказалъ своимъ приближеннымъ схватить монаха и самъ вышелъ изъ костела. Монахи видѣли, что ихъ много, а царской свиты мало, и не сдались, начали кричать, вырываться, звали на помощь; сбѣжались вооруженные послушники и монастырскіе слуги; началась свалка, нѣкоторые изъ царской свиты были ранены, четверо монаховъ смертельно ранены; русскіе одолѣли. Вслѣдствіе этой схватки раздраженіе Петра дошло до крайней степени, и онъ велѣлъ повѣсить монаха, отличавшагося своими яростными выходками на русскихъ.

Чтобы предупредить клевету и ложь, Петръ описалъ это происшествіе; но тѣмъ не избавился отъ клеветы. Католики донесли папѣ объ этомъ происшествіи въ преувеличенномъ и превратномъ видѣ: Петра выставили, какъ яростнаго тигра, который безъ причины своими руками рубитъ монаховъ. Въ Россіи раскольники и противная Петру партія также по-своему разсказала это происшествіе, такъ, напримѣръ, каторжный колодникъ, бывшій солдатъ въ 1708 году, такъ разсказывалъ: «Когда Петръ былъ въ Полоцкѣ, день св. Петра и Павла пришелся въ пятницу, государь пошелъ въ монастырь и приказалъ монахамъ ѣсть мясо; они не согласились; Петръ позвалъ ихъ въ церковь молебенъ служить, и когда они начали служить, царь ни съ того, ни съ сего вынулъ палашъ и разрубилъ двухъ монаховъ, а третьяго ранилъ. Въ это время благочестивымъ людямъ было видѣніе: Іисусъ Христосъ явился въ облакахъ; въ одной рукѣ держалъ копье, въ другой огненныя стрѣлы и говорилъ съ гнѣвомъ: «Наступило время покарать его за такое дѣло!» но Богородица упросила Его подождать, чтобы покаялся».

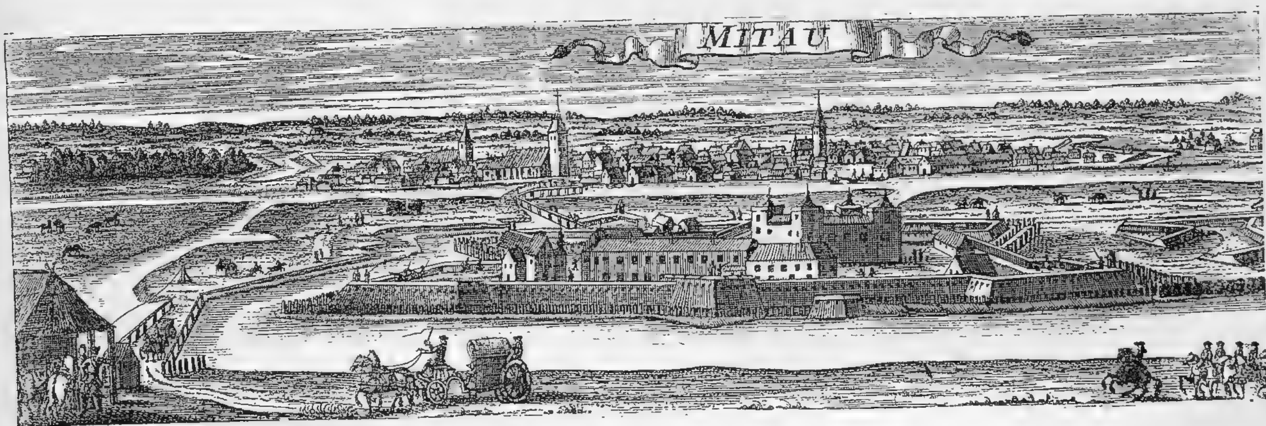
Передъ отправленіемъ изъ Полоцка, за нѣсколько дней, Петръ послалъ Шереметева въ Курляндію, противъ шведскаго генерала Левенгаупта, но далъ ему строгое приказаніе солдатъ держать въ дисциплинѣ, не позволять имъ ни жечь, ни грабить, ни разорять жителей, а только дѣйствовать противъ шведовъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ съ кавалеріею шелъ впередъ, а пѣхота и артиллерія отстали; не дождавшись ихъ, кавалерія старымъ обычаемъ нестройно, но стремительно, ударила на непріятельскую кавалерію, разбила ее и такъ распугала, что нѣкоторые бѣжали даже до самыхъ прусскихъ границъ. Генералъ Левенгауптъ отступилъ къ лѣсу; а русская кавалерія, вмѣсто того, чтобы тоже отступить и дождаться пѣхоты и артиллеріи и напасть вмѣстѣ съ нею на шведскую пѣхоту, бросилась грабить непріятельскій обозъ; между тѣмъ, наша пѣхота пришла, Левенгауптъ атаковалъ ее и разбилъ, а кавалерія, вмѣсто того, чтобы выручить своихъ, бросилась бѣжать; большая часть пѣхоты легла на мѣстѣ, ушли очень немногіе; знамена и пушки достались побѣдителю.

На донесеніе Шереметева о своей неудачѣ Петръ отвѣчаетъ съ благородствомъ и величіемъ, достойнымъ его: «Не извольте слишкомъ печалиться о бывшемъ несчастіи; постоянная удача привела многихъ людей къ погибели; но неудача хороша тѣмъ, что не даетъ забываться и придаетъ бодрость».

Петръ самъ выступилъ изъ Вильны, чтобы перерѣзать дорогу Левенгаупту въ Ригу; Шереметеву тѣмъ временемъ удалось счастливо перебраться черезъ Двину.

Петръ оставилъ Шереметева подъ Ригой, а самъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ отнимать у шведовъ Митаву. Послѣ семнадцатидневной осады, при которой одна вылазка была особенно сильная, чуть было не выбившая русскихъ изъ занятой позиціи, шведы сдали столицу Курляндіи и вслѣдъ за тѣмъ Баускъ.

Въ Митавѣ Петръ получилъ непріятное извѣстіе: начался бунтъ въ Астрахани; для усмиренія его изъ подъ Риги фельдмаршалу Шереметеву приказано было съ двумя эскадронами драгунъ и однимъ батальономъ пѣхоты, на подводахъ, спѣшить туда, на пути приказано было къ



ВИДЪ МИТАВЫ ВЪ СРЕДИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ
(Съ современной нѣмецкой гравюры).

нему присоединиться тремъ полкамъ изъ Петербурга, Смоленска и Москвы.

Такимъ образомъ въ западной арміи остался одинъ фельдмаршалъ, Огильви, но ему отъ этого было не свободнѣе; въ разсчеты Петра не входило, чтобы главное начальство надъ какою бы то ни было отраслью управленія, а тѣмъ менѣе войска, поручать иностранцу; поэтому, вслѣдъ за приказаніемъ Шереметеву спѣшить въ Астрахань, въ Вильно къ Огильви отправленъ былъ царскій любимецъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ; къ нему обращались всѣ русскіе генералы; отъ него требовали совѣта, приказаній, разрѣшеній и ходатайствъ передъ царемъ. Между нимъ и Огильви согласіе длилось не долго; у нихъ начались разногласія на счетъ зимнихъ квартиръ: Огильви хотѣлось помѣстить войско подъ Меречемъ, а Меншиковъ доказывалъ, что его надобно помѣстить въ Гродно, мѣстѣ укрѣпленномъ, гдѣ въ случаѣ нападенія можно долго держаться и съ небольшимъ отрядомъ, тѣмъ болѣе съ большою арміей. Спросили рѣшенія царскаго и онъ приказалъ для зимнихъ квар-

тиръ выбрать Гродно, куда и самъ вскорѣ поѣхалъ изъ Митавы. Въ октябрѣ сюда же пріѣхалъ Августъ; Петръ здѣсь сдалъ ему главное начальство надъ войскомъ, а самъ отправился въ Москву. Такимъ образомъ, Августъ могъ соединенными войсками дѣйствовать противъ шведовъ, и желаніе Паткуля, которому еще прежде данъ былъ вспомогательный русскій корпусъ, исполнилось.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи находился въ Дрезденѣ русскій корпусъ, посланный на помощь польскому королю противъ шведовъ. Начальникъ его, князь Голицынъ, жаловался на крайній недостатокъ: у солдатъ не было одежды, обуви, оружіе было плохое, нельзя было являться на службу, стыдно въ люди показаться; русскія деньги по курсу стояли очень низко, размѣнивали ихъ неохотно: «Не знаю, какъ мнѣ содержать этихъ бѣдныхъ людей,—писалъ кн. Голицынъ.—Польскій король безпрерывно упрекаетъ за дурное состояніе людей и за то, что отъ нихъ никакой помощи ожидать нельзя. Изъ Литвы идутъ жалобы на русское войско, и король опасается, что вмѣсто добра отъ русской помощи одна только вражда разгорится между обоими народами, а общій врагъ ихъ, шведы, воспользуются этой враждою. Провіанту мало выдаютъ и надобно ожидать полнаго голода, потому что въ Саксоніи вообще плохой урожай; артиллерія и обозъ въ самомъ отчаянномъ видѣ, новые телѣги и станки строить дорого, потому что здѣсь не то, что въ Россіи; нигдѣ ни кусочка дерева даромъ взять нельзя. Лошадей вовсе нѣтъ, всѣ перемерли отъ недостатка корма или отъ трудностей похода, такъ что ни обоза, ни артиллеріи не на чемъ везти». Въ заключеніе Голицынъ, да и Паткуль въ своихъ письмахъ спрашивали: дозволено-ли будетъ, въ случаѣ ежели бы положеніе солдатъ еще ухудшилось, всему вспомогательному корпусу перейти на службу къ другому государю, подразумѣвая подъ этимъ австрійскаго.

Августъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ и напротивъ увѣрялъ, что войско въ отличномъ порядкѣ и никогда въ такомъ видѣ не бывало, какъ теперь; а дѣло вотъ въ чемъ: вмѣсто того, чтобы выдать жалованье 40,000, присланное изъ Россіи, онъ приказалъ имъ купить башмаки, камзолы, чулки и прочія принадлежности костюма, а на провіантъ ничего не оставилъ; русскіе жаловались, что всѣ вещи для нихъ куплены въ тридорога; вмѣсто 40,000 до нихъ дошло только 33,000 и т. д.

Жизнь русскаго вспомогательнаго корпуса, какъ легко вообразить себѣ, въ Дрезденѣ была невыносимая; къ тому же надобно прибавить, что къ физическимъ страданіямъ присоединялись и нравственныя. Дрезденскіе жители презирали русскихъ солдатъ; никто не хотѣлъ съ русскими офицерами садиться за одинъ столъ, ѣсть съ ними съ одного блюда.

Положеніе Паткуля въ Дрезденѣ было не лучше: министры Августа не любили его и готовы были воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы погубить его. Тайно отъ нихъ онъ извѣщалъ Петра, что находится въ когтяхъ волчьихъ и потому долженъ выть по-волчьи, поэтому просилъ довѣрять не всему, что писано его рукою, потому что онъ иногда поневолѣ долженъ писать не то, что ему хочется, а то, что приказываютъ, и съ чѣмъ онъ вовсе не согласенъ. Такъ, онъ предостерегалъ насчетъ характера и образа мыслей короля Августа; говорилъ, что онъ въ Польшѣ держится слабо, на помощь рѣчи Посполитой надѣяться не можетъ, что собственныя его земли разорены, и онъ очень охотно отказался бы отъ войны, при первой возможности былъ бы готовъ помириться и теперь сильно сожалѣетъ о томъ, что не позаботился о дружбѣ и о союзѣ съ Бранденбургскимъ домомъ; да и самому царю необходимо возобновить и поддержать эту дружбу, потому что отсюда одна надежда, ежели Петру одному придется вести войну съ Швеціей, что можетъ всегда случиться.



ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ОГИЛЬВИ.
(Съ совр. грав. портрета).

По порученію Петра, Паткуль ѣздилъ въ Берлинъ. Ему поручено было укрѣпить дружбу съ королемъ прусскимъ, склонить его къ союзу съ Россіей и Польшей, въ случаѣ ежели бы Швеція не приняла прусскаго посредничества для заключенія мира, прочнаго и выгоднаго для воюющихъ державъ. Ежели шведы заупрямятся и мира не захотятъ, то новому союзнику, Пруссіи, царь предлагалъ принудить Швецію къ миру силою оружія, а въ вознагражденіе предлагалъ польскую Пруссію; ежели-же шведскій король прусскому предлагалъ больше выгодъ, то и царь съ своей стороны постарается превзойти его. Если-же король прусскій не можетъ или не захочетъ вступить въ наступательный и оборонительный союзъ съ Россіей, то уговорить его къ строгому нейтралитету.

Возвратившись изъ Берлина, Паткуль извѣстилъ Петра, что прус-

скій король готовъ неизмѣнно хранить къ нему дружбу и готовъ ему служить или посредникомъ у шведовъ, или союзникомъ противъ нихъ; министры его жаловались, что союзъ и прежде не состоялся лишь по проискамъ польскаго короля, который только и помышляетъ о томъ, какъ бы заключить отдѣльный миръ.

Паткуль увѣдомлялъ Петра, что онъ старался оправдывать Августа и всю вину слагалъ на его министровъ, а въ заключеніе писалъ, что король и министры прусскіе готовы примириться съ Августомъ и заключить съ нимъ союзъ, ежели онъ смѣнитъ всѣхъ своихъ злыхъ совѣтниковъ. Паткуль далъ за него слово, что это будетъ, и просилъ Петра, чтобы онъ при личномъ свиданіи съ Августомъ постарался уговорить его къ тому, въ противномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о союзѣ, и онъ, Паткуль, умываетъ руки и ни во что больше не вмѣшивается, пусть все идетъ, какъ Богу угодно.

Паткуль ненавидѣлъ саксонскихъ министровъ и такимъ образомъ, при содѣйствіи Петра, хотѣлъ избавиться отъ нихъ, потому что и они съ своей стороны платили ему такою же ненавистью и искали случая погубить его. Случай этотъ нашелся.

Паткуль, видя бѣдственное положеніе русскаго вспомогательнаго корпуса, искалъ возможности передать его на службу другому государю и много разъ писалъ объ этомъ Головину, наконецъ получилъ отъ него отвѣтъ, въ 1705 году: ежели всѣ усилія вывести русскія войска изъ Саксоніи будутъ неудачны, чего Боже сохрани, въ этой крайности предоставьте ихъ цесарю на возможно выгодныхъ условіяхъ, но только на годъ, не больше; возвратиться же въ Россію они могутъ черезъ Венгрію.

Не сказавъ Голицыну ни слова о полученномъ согласіи Петра, 15 декабря Паткуль въ Дрезденѣ заключилъ съ австрійскимъ посланникомъ договоръ, по которому русское войско переходило на службу къ Австріи на одинъ годъ для опыта, съ тѣмъ, чтобы его употребили на Рейнѣ, въ Нидерландахъ и только въ крайнемъ случаѣ въ Италіи.

Министры, управлявшіе Саксоніей въ отсутствіи короля, не соглашались отпускать русскаго войска, потому что тогда Саксонія останется почти безъ защиты; они отъ Паткуля требовали, чтобы онъ уничтожилъ договоръ; Паткуль не соглашался. Тогда прибѣгли къ крайней, насильственной мѣрѣ: Паткуля арестовали и отвезли въ крѣпость Зонненштейнъ; Голицынъ тутъ же протестовалъ, ссылаясь на народныя права, по которымъ посланника и генерала, находящагося въ русской службѣ, нельзя арестовать; но на протестъ его не было обращено вниманія. Самъ Паткуль и князь Голицынъ писали объ этомъ Петру, и онъ съ своей стороны находилъ этотъ поступокъ жестокимъ и противнымъ всѣмъ пра-

вамъ международнымъ. Саксонскіе министры не хотѣли выпускать изъ рукъ своей жертвы; для объясненій послали нарочнаго уполномоченнаго къ Петру; но доводы его не убѣдили царя, и онъ остался при своемъ мнѣніи. Ссориться съ Августомъ, своимъ единственнымъ союзникомъ, въ виду шведскихъ войскъ, Петру нельзя было, и потому онъ ограничи-



АВГУСТЪ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ И САКСОНІИ.
(Портретъ Сильфестера, грав. Ц. Вортманъ, 1723 г.).

вался одними словесными и письменными протестами, на которые саксонскіе министры тоже только отписывались.

Положеніе Августа въ Польшѣ было самое стѣсненное; всѣ польскіе магнаты, войско и народъ раздѣлились на двѣ партіи: на саксонскую, во главѣ которой стоялъ Августъ и польскій магнатъ Сапѣга, и шведскую, во главѣ которой стоялъ Карлъ XII и произведенный имъ въ короли и коронованный въ Варшавѣ Станиславъ Лещинскій.

При наступленіи осени, когда наши войска стягивались въ Гродно,

а Петръ находился въ Курляндіи, Карлъ XII стоялъ подъ Варшавою и содѣйствовалъ утвержденію Станислава Лещинскаго на престолѣ: но въ концѣ января Карлъ изъ Польши двинулся къ Гродно, не смотря на сильный морозъ. Петръ, совсѣмъ больной, изъ Москвы поспѣшилъ къ своему войску; съ дороги и изъ Москвы онъ писалъ фельдмаршалу Огильви и Меншикову, чтобы въ генеральный бой съ шведами отнюдь не вступать, а, для лучшаго обученія военному искусству, сражаться съ ними небольшими партіями: но главное—совѣтовалъ не дожидаться въ Гродно, пока Карлъ соединится съ своими отдѣльными корпусами — лифляндскимъ и курляндскимъ, а лучше отступать къ своимъ границамъ, гдѣ недостатка въ продовольствіи быть не могло.

Но фельдмаршалъ отступать не хотѣлъ, а предпочиталъ остаться или въ Гродно, или идти въ Польшу, чтобы соединиться съ Саксонскимъ войскомъ. Напрасно Петръ писалъ объ отступленіи и приказывалъ, его приказанія оставались безъ послѣдствій. Меншиковъ объ этомъ рѣшеніи извѣстилъ Петра и прибавилъ: ежели-бы два иностранныхъ генерала на военномъ совѣтѣ не пристали къ его сторонѣ и не удержали Огильви, то онъ непремѣнно выступилъ бы съ войскомъ въ Польшу; въ концѣ письма онъ просилъ Петра, какъ можно скорѣе пріѣхать и лично принять начальство надъ войскомъ.

Но Петръ не могъ пріѣхать, а вмѣсто него подъ Гродно явился самъ Карлъ съ войскомъ; онъ перешелъ Нѣманъ, прогнавши русскихъ драгунъ, которые хотѣли помѣшать его переправѣ. Онъ подступилъ къ стѣнамъ Гродно и вызывалъ русское войско на бой; но битвы не приняли и готовились защищаться отъ осады и приступа. Но за недостаткомъ тяжелой артиллеріи Карлъ не могъ приступить ни къ тому, ни къ другому, отступилъ отъ Гродно и расположился въ 70 верстахъ отъ него, довольствуясь тѣмъ, что посылалъ для развѣдыванья сильные разъѣзды.

Польскій король Августъ, находившійся въ Гродно во время приближенія къ нему Карла, не захотѣлъ дожидаться исхода, взялъ четыре русскихъ полка драгунъ и ушелъ къ Варшавѣ; и такъ, русскіе были отрѣзаны отъ границы и, главное, терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ фуражѣ. Меншиковъ еще раньше былъ вызванъ Петромъ въ Дубровну. Тутъ Петръ узналъ, что Карлъ расположилъ войска въ сосѣдствѣ съ Гродно и что, слѣдовательно, отступленіе для русскихъ, ежели не совершенно невозможно, то по крайней мѣрѣ очень опасно, и что самому ему туда проѣхать нельзя. Извѣстіе это очень огорчило царя, и онъ совершенно унылый уѣхалъ въ Смоленскъ.

Изъ Гродно не было никакихъ извѣстій; Петръ опять написалъ князю Рѣпнину для сообщенія Огильви: чтобы ни въ какомъ случаѣ не

дожидаться соединенія Карла XII съ двумя отдѣльными корпусами, а отступить, не теряя времени, куда удобнѣе; ежели нѣтъ лошадей, то взять у жителей; ежели тяжелая осадная артиллерія затруднитъ движеніе, то потопить ее въ Нѣманѣ, испортивъ сначала пушки. Въ Гродно не ждать понапрасну подкрѣпленія саксонскаго войска, ежели достовѣрно неизвѣстно, что оно приближается.

Прошла зима, отвѣта на это письмо царь не получалъ; наступилъ февраль и тутъ только Огильви написалъ, что исполнить царскаго повелѣнія до сихъ поръ не могъ, потому что рѣки подо льдомъ, переправа вездѣ удобная, и при малѣйшемъ движеніи русскаго войска угрожаетъ непріятельская конница.



КНЯЗЬ АНИКИТА ИВАНОВИЧЪ РѢПНИНЪ.
(Съ совр. грав. портрета).

Рѣпнинъ съ своей стороны писалъ, что Огильви нисколько не заботится о выгодахъ русскаго войска, что онъ въ ежедневной перепискѣ съ королемъ Августомъ, и что носятся слухи, будто, вмѣсто отступленія изъ Гродно къ русскимъ границамъ, фельдмаршалъ намѣренъ вести войско къ Варшавѣ. Петръ былъ крайне недоволенъ полученными извѣстіями, но сдержалъ свое негодованіе и убѣдительно просилъ и приказывалъ своему фельдмаршалу не терять времени въ напрасныхъ ожиданіяхъ, а изыскивать средства, какъ бы скорѣе и удобнѣе приблизиться къ русскимъ границамъ, отъ которыхъ отрѣзанъ. Въ то же время писалъ Августу о томъ, чтобы онъ позаботился доставить русской арміи провіанту, потому что онъ находится въ свободной мѣстности и ему легко доставить арміи все нужное, и прибавляетъ: «Ежели же, по случаю недостатка въ пищѣ, что нибудь дурное случится съ русскимъ войскомъ, то вашему величеству съ нашей стороны нельзя надѣяться на помощь». Августъ отвѣчалъ, что изъ Гродно выѣхалъ за тѣмъ, чтобы поскорѣе привести саксонскія войска на по-

мощь и вѣрнѣе доставлять провіантъ русскому, и просилъ царя прислать ему поскорѣе денежное вспомоществованіе, безъ котораго ничего нельзя предпринимать.

Петръ по многимъ опытамъ мало надѣялся на помощь саксонцевъ, поэтому самъ придумывалъ средства болѣе вѣрной помощи: онъ далъ приказаніе гетману Мазепѣ изъ Волыни съ казаками идти въ Минскъ, что было легко исполнить, потому что въ Брестѣ находился сильный казачій отрядъ. Онъ совѣтовалъ русскому отряду, ежели только достанетъ съѣстныхъ припасовъ, оставаться въ Гродно до половины марта, до того времени, когда ледъ пойдетъ на Нѣманѣ, потомъ отступать, и самъ съ 8000 отрядомъ и съ казаками обѣщался выйти на помощь. Чтобы затруднить движеніе шведовъ, царь приказалъ отъ Смоленска до Пскова вездѣ, гдѣ есть лѣса, дѣлать широкія засѣки въ триста шаговъ шириною, а гдѣ лѣсовъ нѣтъ, тамъ строить земляные валы, и оставить только топкія болота незащищенными, потому что они сами непроходимы и могутъ служить защитой.

Во время этихъ распоряженій Петръ получилъ извѣстіе, что 20000 саксонское войско на голову разбито въ началѣ февраля при Фрауштадтѣ, шведскимъ генераломъ Реншильдомъ, у котораго было не больше 12000 человѣкъ, при чемъ бились одни русскіе, и большая часть ихъ погибла, а саксонцы постыдно бѣжали.

Болѣе въ Гродно медлить нельзя было; Петръ послалъ приказаніе немедленно выступить оттуда; заблаговременно приготовить мостъ; изъ города никого изъ жителей не выпускать, чтобы не дали шведамъ извѣстія о выступленіи русскихъ; крѣпостныхъ пушекъ не трогать съ мѣстъ, пока войско не приготовится выступить; но ежели до тѣхъ поръ ледъ на Нѣманѣ не тронется, то заранѣе понадѣлать проруби, въ которыя побросать осадныя орудія; у жителей отобрать всѣхъ лошадей. Выступать позднимъ вечеромъ, когда смеркнется, чтобы всю ночь идти можно было; когда отойдутъ отъ города миль на десять, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ начнутся лѣса, тамъ войску раздѣлиться по полкамъ и идти въ разныхъ направленіяхъ, а не кучею, потому что шведамъ неудобно будетъ гнаться въ-разсыпную. При выходѣ изъ города конницу оставить назади, чтобы она защищала мостъ и отступленіе; не жалѣть ни артиллеріи, ни добра, ни оставленныхъ плѣнниковъ, ежели ихъ взять съ собою затруднительно, заботиться только о сохраненіи жизни людей.

Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ Петръ присылалъ еще нѣсколько другихъ, такого же содержанія, но Огильви все еще медлилъ, отговаривался, что шведскій король погонится за нимъ со всѣмъ своимъ войскомъ, и совѣтовалъ даже цѣлое лѣто продержаться въ Гродно.

Но Петръ настаивалъ на своемъ и наконецъ далъ последнее рѣшительное предписаніе, объявляя, что на дальнѣйшія проволочки и на неисполненіе приказанія будетъ смотрѣть какъ на измѣну.

Петръ изъ Минска уѣхалъ въ Петербургъ, сдавъ начальство Меншикову. Но и здѣсь въ своемъ любимомъ парадизѣ ему не было покоя; душа его томилась и тосковала о войскѣ, заключенномъ въ Гродно. Наконецъ, 24 марта, въ день Свѣтлаго Воскресенія, получено радостное извѣстіе: русское войско, воспользовавшись вскрытіемъ Нѣмана, по заранѣе приготовленному мосту вышло изъ Гродно и черезъ три дня, 27, встрѣтило отрядъ Меншикова. Предположеніе Петра оправдалось. Карлъ узналъ объ отступленіи русскихъ, но болѣе недѣли не могъ преслѣдовать ихъ за вскрывшимся Нѣманомъ и другими рѣками; когда же наконецъ устроили переправу и погнались за отступавшими, было уже поздно, и передвиженіе войскъ по засѣкамъ и болотистой мѣстности стало невозможно. Карлъ далъ своимъ войскамъ отдыхъ и повелъ ихъ въ Саксонію, чтобы покончить съ Августомъ.



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Рис. перомъ Е. Чемесова, грав. С. Панинъ, 1764 г.).

Петръ писалъ Меншикову, поздравлялъ его и сожалѣлъ о томъ, что не можетъ самъ пріѣхать къ войску, что болѣзнь задерживаетъ его въ Петербургѣ. Между тѣмъ русскіе отступали къ Кіеву съ намѣреніемъ защитить этотъ древній городъ; ни Меншиковъ, ни Огильви не знали о движеніи шведовъ въ Саксонію и полагали, что Карлъ со всѣмъ войскомъ идетъ за ними по пятамъ. Несогласія между Меншиковымъ и Огильви продолжались; одинъ жаловался на другого. Когда въ Кіевъ пришло извѣстіе о побѣдѣ Шереметева надъ астраханскими бунтовщиками и о взятіи города, Меншиковъ, въ знакъ радости, приказалъ стрѣлять изъ ружей, но Огильви запретилъ это, а между тѣмъ все-таки стрѣляли. Наконецъ, чтобы покончить эти несогласія, Петръ объявилъ 25 іюля, что главнокомандующимъ всей арміи опять назначается Шереметевъ, а

Огильви дается отдѣльный, самостоятельный корпусъ изъ 13 полковъ, какъ это сказано въ контрактѣ, съ нимъ заключенномъ. Два мѣсяца спустя, фельдмаршала совсѣмъ уволили отъ службы и отпустили съ большими подарками и почестями, чтобы не жаловался.

Меншиковъ осмотрѣлъ окрестности Кіева и нашелъ, что всего города ни защищать, ни укрѣплять въ случаѣ нападенія шведовъ нельзя, но есть очень удобное для крѣпости мѣсто—Печерскій монастырь; тамъ и мѣстность удобная и каменныхъ построекъ много, тогда какъ въ городѣ всего только одна каменная церковь—соборная.

Петръ поѣхалъ въ Кіевъ, осмотрѣлъ городъ и монастырь, во всемъ согласился съ Меншиковымъ и распорядился укрѣпленіемъ монастыря, а самъ поспѣшилъ къ сѣверо-западнымъ границамъ, чтобы воспользоваться отсутствіемъ Карла и обезпечить свой парадизъ отъ нападенія со стороны Финляндіи. Онъ лично повелъ войска къ Выборгу и осадилъ его; но осада пошла очень неудачно; онъ долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, потому что изъ-за грязной дороги и недостатка корму для лошадей осадная артиллерія остановилась на дорогѣ, и къ Выборгу подоспѣли только пять мортиръ; ихъ установили и въ теченіе четырехъ сутокъ день и ночь непрерывно въ городъ бросали бомбы; тамъ дѣлались пожары, но русскіе не могли взять города, и войско отступило къ Петербургу.

Почти въ то же самое время Меншиковъ съ кавалеріей пошелъ въ Польшу, противъ оставленнаго тамъ генерала Мандерфельда, и около Люблина долженъ былъ соединиться съ королемъ Августомъ. О томъ, что Августъ вошелъ въ сношенія съ Карломъ, чтобы заключить съ нимъ отдѣльный отъ Россіи миръ, никто не зналъ, и Августъ это глубоко скрывалъ.

Въ Люблинѣ Меншиковъ съѣхался съ Августомъ: король сдѣлалъ смотръ русскимъ полкамъ и остался ими очень доволенъ, былъ веселъ и разговорчивъ, но, оставшись съ Меншиковымъ наединѣ, горько жаловался на безденежье и просилъ у Меншикова денегъ взаймы, говоря:

— Я такъ обнищалъ, что ѣсть нечего; на Саксонію мнѣ надѣяться нечего: Карлъ собираетъ тамъ по 170,000 ефимковъ въ мѣсяцъ.

Увидѣвъ его бѣдность, Меншиковъ далъ ему взаймы своихъ собственныхъ 10,000 ефимковъ. Онъ объ этомъ написалъ Петру и тотъ на это отвѣчалъ ему: «Ваша милость пишетъ, что король тоскуетъ о деньгахъ; но ты самъ знаешь, отъ него безпрестанно только и слышишь: дай, дай, деньги, деньги; ты самъ знаешь, что значатъ деньги и какъ мало ихъ у насъ; впрочемъ, ежели король останется намъ преданъ въ нашемъ теперешнемъ положеніи, то его надобно постоянно обнадежи-

вать, что деньги будутъ при моемъ пріѣздѣ, а я съ своей стороны постараюсь уладить это дѣло самымъ непродолжительнымъ временемъ».

Между тѣмъ Меншиковъ присоединилъ короля съ саксонскимъ отрядомъ къ своему конному войску и пошелъ къ Пьетрокову; черезъ два дня послѣ него выступилъ король. Здѣсь къ королю тайно пріѣхалъ шведскій посолъ и представилъ ему статьи мирнаго договора съ Шве-



ВИДЪ ЗАМКА ВЪ ВЫБОРГѢ.
(Съ фотографіи).

ціей; Августъ безусловно на все согласился, и тотъ отправился назадъ въ Саксонію.

Меншиковъ, не подозрѣвая о готовящемся мирѣ, быстро шелъ впередъ; верстахъ въ 60 отъ Пьетрокова стоялъ авангардъ изъ 13 полковъ поляковъ и нѣсколькихъ шведскихъ; авангардъ Меншикова, состоявшій изъ иррегулярной конницы, калмыковъ, татаръ и казаковъ, напалъ на нихъ, смялъ и болѣе 600 человѣкъ изрубилъ; если-бы не подо-

спѣли драгуны, то ни одного не осталось бы въ живыхъ, пишетъ Меншиковъ: «такое повелѣніе имъ отъ насъ дано».

Меншиковъ разослалъ партіи, чтобы разузнать, гдѣ находятся главныя силы непріятельскія; ему донесли, что по направленію къ Калишу Мандерфельдъ сталъ на укрѣпленномъ мѣстѣ за рѣкою Просною, съ твердымъ намѣреніемъ дать генеральную битву.

«Мы догнали непріятеля,—писалъ Меншиковъ царю,—при Калишѣ; шведовъ было 8000 человѣкъ, а поляковъ 26,000; онъ насъ дожидался на очень крѣпкой и выгодной позиціи; кругомъ шли неприступныя болота и рѣки, черезъ которыя не было переправы. Однако-жъ мы, не смотря на такую крѣпкую позицію, съ помощью крѣпкаго Бога браней, созвали военный совѣтъ, все порядкомъ разсудили, устроили все, какъ слѣдуетъ, и дали непріятелю генеральное сраженіе; спѣшившіеся драгуны замѣняли пѣхоту; жестокій огонь ружейный и пушечный безостоновочно продолжался три часа сряду; однако-жъ, благодаря помощи Божіей и вашему счастью, на нашу долю досталась великая побѣда; на мѣстѣ непріятелей—шведовъ легло больше 5000 человѣкъ, да 1000 человѣкъ поляковъ. Не въ похвалу себѣ скажу: такой битвы еще прежде никогда не бывало, весело и пріятно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились; все поле было устлано мертвыми тѣлами. Поздравляю васъ съ преславною побѣдою и говорю: виватъ! виватъ! виватъ! Дай Богъ и впередъ вашему оружію такое счастье».

Плѣнныхъ офицеровъ, по просьбѣ Мандерфельда, Меншиковъ оставилъ у себя; плѣнный генералъ обѣщался, именемъ Карла, что на него и на прочихъ офицеровъ король вымѣняетъ взятыхъ при Нарвѣ нашихъ офицеровъ: генерала Вейде, Долгорукаго, имеретинскаго царевича и другихъ.

Петръ несказанно радовался этой побѣдѣ, но радость его скоро помрачилась: онъ получилъ извѣстіе, что союзникъ его, Августъ, покинулъ его, что шведы не остановятся больше въ Польшѣ и что вся тягость войны впередъ падетъ на Россію.



МЕДАЛЬ НА ВЗЯТІЕ НАРВЫ.





ПЕТРЪ I И КАРЛЪ XII.
(Съ соврем. гравюры).

ГЛАВА XVIII.

Начало борьбы Петра съ Швеціей безъ союзниковъ.—Приготовленія.—Попытки заключить миръ съ Карломъ.—Карлъ въ Польшѣ и Литвѣ.—Битва при Головчинѣ.—Битва при Добромъ.—Движеніе Карла въ Малороссію.—Битва при Лѣсной.—Доносъ Кочубея на Мазепу.—Казнь Кочубея.—Измѣна Мазепы.—Взятіе Батурина.—Избраніе новаго гетмана.

ПЕТРЪ не рѣшался вступать въ борьбу съ такимъ страшнымъ соперникомъ, какъ Карлъ XII, безъ союзниковъ; онъ хотѣлъ лучше помириться съ нимъ, нежели предоставить все начатое случайностямъ войны. Немедленно послѣ мира, заключеннаго между Августомъ и Карломъ, Петръ послалъ запросъ Августу, зачѣмъ онъ оставилъ союзъ? Августъ отвѣчалъ, что это единственное средство спасти Саксонію, его наслѣдственное достояніе, но союза съ царемъ онъ все-таки не нарушаетъ окончательно; какъ только шведскія войска выйдутъ изъ Саксоніи, которую теперь въ корень разоряютъ, и народъ немного оправится, онъ опять наберетъ войско, пойдетъ на шведскаго короля и постарается воротить польскую корону, отъ которой отказался.

Такой отвѣтъ былъ нерѣшительный; Августу нельзя было вѣрить, да и борьба съ Карломъ совсѣмъ его разорила, онъ отказался отъ польской короны, выдалъ остатокъ русскаго вспомогательнаго корпуса, выдалъ Паткуля и обязался заплатить большую сумму денегъ и прокормить всю шведскую армію въ теченіе зимы.

Петръ тогда обратился къ Польшѣ; она была раздѣлена на двѣ

враждебныя партіи: на партію короля Станислава Лещинскаго, поставленнаго шведскимъ королемъ, и на партію, враждебную ему, оставшуюся теперь безъ короля, но нерѣшительную, недовѣрчивую къ русскимъ и раздѣленную на мелкія партіи; Петръ хотѣлъ, пользуясь ею, возвести на престолъ своего короля, предлагалъ корону различнымъ польскимъ магнатамъ, но получалъ отказъ: никто не рѣшался вступать въ борьбу съ страшнымъ и непобѣдимымъ Карломъ. Къ тому же стоявшее въ Польшѣ русское войско было для нея обременительно: иррегулярныя войска грабили, для регулярныхъ требовали съѣстныхъ припасовъ больше, чѣмъ надобно было; польскіе паны жаловались, требовали вознагражденія, требовали вдесятеро больше того, что первоначально обѣщано было ежегодно давать.

Положеніе было очень трудное; только обѣщаніями, частными, тайными подарками и жалованьемъ можно было кое-какъ заставить недовольныхъ молчать, а у Петра денегъ мало было, раздавать нечего.

Въ этой крайности, предвидя большія издержки для наступающаго похода, Петръ приказалъ изъ царскихъ и монастырскихъ сокровищъ взять все наличное серебро, въ вещахъ и монетахъ, кромѣ самыхъ древнихъ и «курьезныхъ», или чѣмъ-нибудь особенно замѣчательныхъ, и перечеканить все въ монету, но въ оборотъ ея не пускать.

Шведскому войску теперь оставаться въ Саксоніи и Польшѣ не зачѣмъ было; Петръ предвидѣлъ, что оно пойдетъ въ Россію, и надобно было приготовиться для встрѣчи: поэтому отдано было тайное приказаніе во всѣхъ пограничныхъ мѣстахъ приготовиться бѣжать при приближеніи шведовъ; у каждаго селенія, гдѣ есть лѣса, неприступныя болота или неудобныя для движенія войска мѣста, заранѣе приготовить себѣ, для семейства и скота убѣжище; заранѣе зарывать хлѣбъ въ ямахъ въ землю, сѣно и солому отвозить въ лѣса и прятать тамъ, имущество также прятать, чтобы при первомъ появленіи непріятеля немедленно съ семействомъ и скотомъ уходить въ назначенное убѣжище, а избы предоставлять на волю непріятеля. Ежели скота и хлѣба спрятать некуда, то при приближеніи шведовъ все истреблять, чтобы только имъ не доставалось.

Москву и Кіевъ приказано укрѣпить, въ первой работниковъ должны были доставлять жители, а именно такъ: на пять дымовъ т. е. на 5 трубъ, одинъ работникъ; ежели дома маленькіе и пяти дымовъ нѣтъ, то соединяться по нѣскольку и на общій счетъ нанимать работника. Въ Кіевѣ, для укрѣпленія Печерскаго монастыря пригнать казаковъ и заставить ихъ работать.

Въ одно время съ внутренними распоряженіями насчетъ укрѣпле-

нія городовъ и устройства засѣкъ по дорогамъ, Петръ все еще не терялъ надежды заключить миръ; онъ обращался ко всѣмъ европейскимъ дворамъ попеременно, прося ихъ посредничества, предлагалъ большія выгоды деньгами, войсками, безпошлинной торговлей, уступкою Лифляндіи и Эстляндіи; чрезвычайные послы ѣздили въ Пруссію, въ Англію,



КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ АВГУСТЪ II.
(Совр. гравюра).

въ Голландію, во Францію и Австрію; вездѣ увѣряли въ готовности содѣйствовать миру, всякому государству хотѣлось воспользоваться предлагаемыми выгодами; но ни одно не хотѣло ссориться съ Карломъ XII; большая часть были заняты собственною войною. Были и попытки къ удовлетворенію царя, начинали переговоры съ Карломъ, старались убѣдить его пощадить подданныхъ, прекратить безполезное кровопролитіе. Но Карлъ былъ упоенъ удачей; войско его отдохнуло въ Саксоніи, было вновь хорошо вооружено, боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ было много,

всѣ прежнія лишенія были забыты, и довольные и счастливые солдаты гордились своимъ предводителемъ и считали его непобѣдимымъ. Да и самъ Карлъ не меньше ихъ считалъ себя покорителемъ, передъ которымъ все должно склоняться. На попытки начать мирные переговоры, сдѣланныя со стороны европейскихъ державъ, Карлъ высокомѣрно отвѣчалъ, что: «войнѣ съ Россіей тогда только будетъ конецъ, когда царь возвратитъ все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ всѣ военныя издержки, внесетъ деньги за все попорченное и разграбленное въ Лифляндіи и Эстляндіи» и что онъ, Карлъ, скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ. И такъ, всѣ дипломатическія средства были употреблены для того, чтобы пріобрѣсти посредниковъ, чрезъ которыхъ можно бы заключить миръ, съ тѣмъ, чтобы древнее достояніе русскихъ царей, начиная отъ Ладожскаго озера, все теченіе Невы съ обоими берегами осталось въ рукахъ Петра; но всѣ надежды на миръ рушились, надобно было приступать къ борьбѣ.

Петръ прежде всего рѣшилъ окончательно примириться съ Турціей, чтобы ничто не отвлекало его отъ борьбы со шведами: переговоры Толстого съ турками приняли удачный оборотъ; онъ употребилъ подарки, давалъ соболей, деньги и другіе драгоцѣнные предметы, такъ что наконецъ положено было подтвердить миръ и разграничить предѣлы государства. Ракъ какъ при этомъ къ Турціи отходили днѣпровскіе низовья, то, чтобы не возбудить неудовольствія запорожцевъ и украинскихъ казаковъ, договоръ составленъ былъ на бумагѣ, а пограничныхъ столбовъ и замѣтокъ нигдѣ не ставили; но для казаковъ было выговорено свободное плаваніе безоружнымъ до самаго Чернаго моря и свободное право ловить рыбу и промышлять за лѣсными и степными звѣрями. Но за то и Азовъ, и Таганрогъ, и прочія крѣпости и городки, построенные русскими, остались у нихъ въ рукахъ.

Карлъ еще зимою 1707 года вышелъ изъ Саксоніи и направился съ войскомъ въ Польшу; думали, что онъ быстро, по обыкновенію, пойдетъ впередъ, но онъ остановился на правомъ берегу Вислы и четыре мѣсяца оставался въ бездѣйствіи. Эта остановка была очень полезна для Петра; онъ лучше успѣлъ приготовиться къ встрѣчѣ нежданныхъ гостей. Шведы, привыкнувъ къ роскошному житью въ богатой Саксоніи, начали хозяйничать въ бѣдной, обобранной Польшѣ; грабежъ былъ повсемѣстный; Станиславъ Лещинскій жаловался, но на его жалобы не обращали ни малѣйшаго вниманія; шведы, въ томъ числѣ и король, презирали поляковъ и считали ихъ недостойными пощады.

Въ концѣ декабря, Карлъ двинулся съ береговъ Вислы; напрасно

хотѣли отклонить его отъ зимняго похода, совѣтовали остаться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ, — совѣты не нравились Карлу, и онъ всегда поступалъ вопреки имъ; несмотря на холодъ онъ пошелъ въ Литву. Морозныя ночи солдаты проводили на снѣгу, подъ открытымъ небомъ. Люди погибали, лошади падали и приходилось бросить часть обоза.



ПЕТРЪ I ВЪ РАТНЫХЪ ДОСПѢХАХЪ, ДЕРЖАЩІЙ ВЪ РУКАХЪ МЕЧЪ СЪ НАДПИСЬЮ: «УПОЮ МЕЧЪ МОЙ ВЪ КРОВЕ ИХЪ-НЕЧЕСТИВЫХЪ ШВЕДОВЪ».
(Съ портрета, находящагося у графа С. Д. Шереметева)

Раздраженные жители ненавидѣли пришельцевъ; при ихъ приближеніи, они разбѣгались, прятались въ лѣса и изъ-за деревьевъ стрѣляли въ шведовъ и убивали ихъ; самъ Карлъ чуть было не погибъ отъ такого выстрѣла; раздраженный этими невидимыми врагами, онъ приказалъ вѣшать крестьянъ и сжигать ихъ хижины. Шведы охотно исполняли этотъ королевскій приказъ. Однажды захватили пятьдесятъ человѣкъ та-

кихъ вооруженныхъ жителей; шведы придумали варварскій способъ для ихъ истребленія: заставили ихъ убивать другъ друга, пока послѣдній не былъ убитъ. Солдаты не щадили ни женщинъ, ни дѣтей.

Петръ встрѣтилъ новый 1708 годъ въ Москвѣ, осмотрѣлъ укрѣпленія и черезъ недѣлю выѣхалъ въ Гродно; на пути онъ узналъ, что Карлъ идетъ прямо на сѣверъ. Петръ распорядился, чтобы Псковъ запасся провіантомъ и дожидался нападенія.

Отрядъ въ 2000 русскихъ долженъ былъ защищать мостъ на Нѣманѣ, подлѣ Гродно; но при первомъ появленіи шведовъ, командиръ отряда, Мюленфельдъ, отступилъ, и шведы безъ выстрѣла заняли Гродно, откуда Петръ только-что уѣхалъ. Поступокъ Мюленфельда былъ признанъ за измѣну, его предали военному суду, но, не дождавшись рѣшенія, онъ бѣжалъ и передался шведамъ.

Петръ отправился въ Вильно, предоставивъ Меншикову и Шереметеву наблюдать за движеніемъ Карла. Въ Вильнѣ Петръ зорко слѣдилъ за тѣмъ, въ какую сторону двинется Карлъ; никто не зналъ пойдетъ-ли онъ Лифляндію, или на Новгородъ, на Смоленскъ, или на Украйну. И самъ Карлъ, казалось, былъ въ нерѣшительности; сначала онъ, казалось, намѣренъ былъ идти на Псковъ и Новгородъ, но потомъ двинулся на юго-западъ.

Петръ изъ Польши поспѣшилъ въ Петербургъ; его мучила лихорадка, и онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ заниматься дѣлами. Онъ о своей болѣзни писалъ Головкину: «Какъ говорится, гдѣ Богъ сдѣлалъ церковь, тутъ дьяволъ поставилъ алтарь: хотя я всегда здѣсь, какъ въ раю, былъ здоровъ, но теперь не знаю, какимъ образомъ изъ Польши привезъ лихорадку, хотя и очень внимательно пересматривалъ при отъѣздѣ платье и сани; я всю страстную мучился и самый праздникъ по болѣзни на заутрени кромѣ начала евангелія ничего не слыхалъ; нынѣ, слава Богу, мнѣ лучше, но еще никуда изъ избы не выхожу». Эта лихорадка вмѣстѣ съ болью горла и кашлемъ, которымъ многіе страдаютъ, кончилась сама собою...

Между тѣмъ, несмотря на болѣзнь, Петру не было покою; онъ долженъ былъ давать указы, дѣлать распоряженія, переписываться, заботиться объ укрѣпленіяхъ, о продовольствіи войска, о его передвиженіи.

Въ іюлѣ Карлъ пошелъ на востокъ, къ Борисову, чтобы переправиться черезъ Березину. У Борисова дожидался русскій отрядъ, чтобы помѣшать переправѣ: но Карлъ пошелъ внизъ по теченію, по непроходимымъ болотамъ и лѣсамъ и переправился въ пяти миляхъ отъ мѣстечка Головчина. Шереметевъ и Меншиковъ рѣшились задержать переправу черезъ небольшую, но болотистую рѣчку Бибичъ. Тутъ произошла



ЗАРѢЧЬЕ ВЪ Г. ЧАУСАХЪ, МОГИЛЕВ. ГУВ., СЛОБОДА ЗА РѢКОЙ БАСЕЙ.
На горѣ видна Николаевская церковь, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ была ставка императора Петра I, во время боя со шведами.

битва. Шведовъ было больше 30.000 человѣкъ пѣхоты и конницы, нашихъ было гораздо меньше; всего одна треть нашей арміи вступила въ дѣло, выдержала натискъ и въ порядкѣ отступила, послѣ трехъ часовой битвы. Послѣ этого русскіе со всей артиллеріей и пѣхотой отступили къ Горкамъ, а всей кавалеріи и конной пѣхотѣ приказано было раскинуться по Днѣпру отъ Шклова до Могилева, мѣшать переправѣ черезъ Днѣпръ и смотрѣть, куда направится Карлъ: къ Смоленску, или къ Украйнѣ.

Карлъ дѣйствительно вступилъ въ Могилевъ и засѣлъ здѣсь надолго: онъ дожидался корпуса Левенгаупта изъ Лифляндіи съ артиллеріей и съѣстными припасами, недостатокъ которыхъ уже чувствовался. Петръ наблюдалъ за нимъ изъ Горокъ и слѣдилъ за постепеннымъ умень-

шеніемъ непріятельскихъ силъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ.

Не дождавшись Левенгаупта, Карлъ въ августѣ выступилъ и пошелъ къ юго-востоку по рѣкѣ Сожѣ. Походъ былъ изнурителенъ по странѣ опустошенной и безлюдной; солдаты руками срывали на поляхъ колосья ржи, мололи зерна между камнями и изъ нихъ пекли лепешки. А тутъ еще безпрерывные дожди, негдѣ укрыться, негдѣ высушить одежды. Вслѣдствіе голода и сырости явились болѣзни; говоря о своихъ нуждахъ, солдаты говорили, что у нихъ для болѣзней припасено три доктора: докторъ водка, докторъ чеснокъ и докторъ—смерть. Вслѣдъ за Карломъ изъ Горокъ двинулся Петръ; онъ постоянно тревожилъ шведовъ своими легкими отрядами кавалеріи и не давалъ имъ переправиться черезъ Сожу. Карлъ повернулъ на сѣверъ, навстрѣчу къ главной русской арміи. Встрѣтились у мѣстечка Добраго, на рѣкѣ Черной Напѣ. 29 августа, произошло жаркое сраженіе, продолжавшееся два часа; непріятели потеряли 3000 убитыми, да кромѣ того было много раненыхъ и плѣнныхъ; русскимъ достались знамена и пушки.

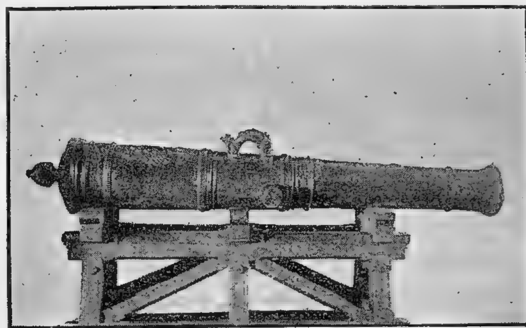
Русская армія, послѣ сраженія при Добромъ, пошла къ сѣверу, шведская за нею, но опять остановилась, все поджидая Левенгаупта; онъ не шелъ, а въ войскѣ голодъ усиливался.

Изъ Гаги русскій посланникъ писалъ Петру, что, какъ онъ изъ достовѣрнаго источника узналъ, Карлъ рѣшился идти въ Украйну; тамъ страна богатая хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ и лошадьми и никакихъ крѣпостей нѣтъ; между казаками шведскій король надѣется найти много знающихъ людей, которые его прямыми дорогами проведутъ до Москвы; прямой путь изъ Украйны открытъ въ Турцію, къ крымскому хану и къ полякамъ, партіи Станислава Лещинскаго, и слѣдовательно съ ними можно входить въ сношенія, и наконецъ въ Украинѣ найдутся казаки, которыхъ можно будетъ отправить въ Москву съ тѣмъ, чтобы взбунтовать простой народъ, недовольный нововведеніями, налогами и другими отягощеніями, придуманными Петромъ.

Левенгауптъ получилъ отъ Карла извѣстіе о движеніи его въ Украйну и приказаніе поспѣшить къ Стародубу съ съѣстными припасами и съ войскомъ для того, чтобы дѣйствовать соединенными силами. Левенгауптъ и его подчиненные были поражены, какъ громовымъ ударомъ: двѣ рѣки Днѣпръ и Сожь отдѣляли ихъ отъ главной шведской арміи, и еще больше: московскій царь съ войскомъ, котораго уже нельзя было считать такимъ ничтожнымъ, какъ при Нарвѣ.

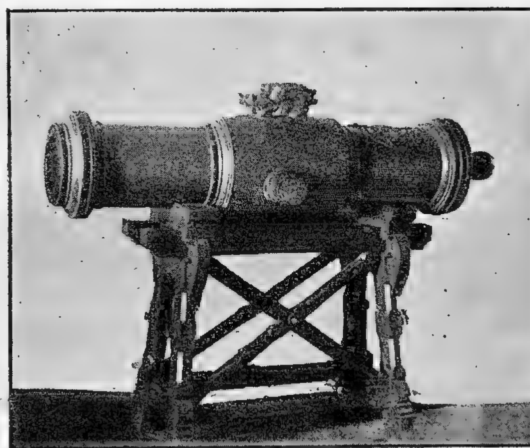
Оставалось одно,—постараться пройти тайкомъ, незамѣтно: Левенгауптъ у Шклова перешелъ Днѣпръ, подкупилъ жида и послалъ его въ

русскій лагерь съ извѣстіемъ, что шведы на правомъ берегу Днѣпра и еще не думаютъ переправляться; чтобы напасть на Левенгаупта, Петръ приказалъ своимъ войскамъ переправиться черезъ Днѣпръ; переправа была устроена и началась, но въ это время встрѣтился шляхтичъ Петровичъ, который объявилъ, что извѣстіе, полученное Петромъ, ложное, и что шведы уже давно перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Петръ остановилъ переправу и погнался за Левенгауптомъ уже настоящею дорогой. 27 сентября онъ настигъ шведовъ при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска, и 28 начался жестокій, кровавый бой, продолжавшійся до самаго вечера. На другой день къ Ромодановскому, Апраксину и Долгорукову курьеры повезли извѣстіе о побѣдѣ.



24 ф. пушка временъ Петра Великаго.
(Въ Артил. музеѣ).

У русскихъ подъ Лѣснымъ изъ 14,000 человѣкъ убито 1111 и ранено 2,856 человѣкъ; потеря шведовъ была гораздо значительнѣе и, что хуже всего, Левенгауптъ наконецъ присоединился къ королю безъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, безъ обоза и артиллеріи; вся шведская армія пріуныла; голодъ являлся со всѣми своими ужасами. Битва при Лѣсной для шведской арміи была роковою и въ нравственномъ отношеніи; шведы потеряли прежнюю самоувѣренность, тогда какъ на русскихъ побѣда эта имѣла самое хорошее вліяніе, эта побѣда, по словамъ Петра, можетъ назваться первою правильною побѣдою одного регулярнаго войска надъ другимъ, такимъ-же. Она была причиною всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго оружія; побѣда при Лѣсной истинно была матерью побѣды Полтавской.



Мѣдная гаубица 1701 г.
(Въ Артил. музеѣ).

Одновременно съ побѣдою при Лѣсной, Петра обрадовало извѣстіе

съ сѣвера: въ Ингерманландію вторгнулся генералъ Любекеръ съ сильнымъ корпусомъ; но русскіе не дремали; Шведовъ встрѣтилъ сильнѣйшій отпоръ, они были разбиты и должны были бѣжать, оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыми, множество плѣнныхъ и потерявъ всѣхъ лошадей, всѣ военные припасы, обозъ и артиллерію. Но радость Петра была омрачена непріятнымъ извѣстіемъ; ему донесли, что малороссійскій гетманъ Мазепа измѣнилъ и передался на сторону шведовъ.

Мазепа съ самаго начала царствованія Петра пользовался расположеніемъ и довѣренностію царя; онъ сильною рукою поддерживалъ гетмана въ постоянной борьбѣ съ казачьими старшинами и полковниками, привыкшими къ неповиновенію, къ тому, чтобы по произволу смѣнять своихъ гетмановъ, или, во время войны съ сосѣдними государствами, выдавать своихъ гетмановъ, какъ выдавали и полковниковъ и ближайшихъ начальниковъ. Но Петръ далъ Мазепѣ войско, всегда защищалъ его выгоды, не вѣрилъ доносамъ на него, считая ихъ клеветою, и доносчиковъ для суда и расправы выдавалъ гетману. За то и Петръ былъ увѣренъ въ преданности Мазепы и разсчитывалъ на его содѣйствіе въ начавшейся войнѣ, перенесенной въ Украйну.

Въ Малороссіи казаки были недовольны: зачѣмъ ихъ принуждаютъ строить крѣпость въ Кіевѣ, зачѣмъ русское правительство вмѣшивается въ ихъ внутреннее управленіе, отмѣняя старыя обыкновенія, зачѣмъ безпрестанно черезъ Малороссію туда и сюда ходятъ русскія войска, проводятъ рекрутовъ, берутъ подводы, чтобы возить провіантъ. Жаловались на притѣсненія, на то, что казаковъ при постройкѣ Кіево-печерской крѣпости по головѣ палкой бьютъ, что они должны идти на работу, оставивъ дома, женъ и дѣтей: некому убирать сѣно и снимать хлѣбъ съ поля и вмѣсто того, чтобы заботиться о своихъ нуждахъ, они на царской службѣ терпятъ зной солнечный, а дома москали ихъ дома разоряютъ, жгутъ, женъ и дочерей обижаютъ, скотъ отбираютъ и старшинъ бьютъ до полусмерти. Такими жалобами осыпали русскихъ; Мазепа зналъ все это и рѣшился воспользоваться общимъ неудовольствіемъ для своихъ выгодъ; но долго колебался, долго раздумывалъ и до самой послѣдней минуты былъ въ нерѣшительности.

Каждое новое распоряженіе Петра, касательно малороссійскаго войска, порождало въ гетманѣ и въ казакахъ подозрѣніе и толковалось не въ пользу русскихъ. Около этого времени переписка съ княгиней Дольской, черезъ посредничество которой Мазепа велъ переговоры съ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, сдѣлалась дѣятельнѣе, Мазепа однако хранилъ письма въ тайнѣ ото всѣхъ своихъ приближенныхъ. Но однажды, въ сентябрѣ 1707 года, Мазепа между множествомъ писемъ отъ княгини

Дольской получилъ письмо отъ самого Станислава Лещинскаго; войсковый писарь Орликъ, ничего не подозрѣвавшій, нечаянно распечаталъ его. Мазепа очень встревожился и воскликнулъ:

— О, проклятая баба, погубитъ она меня и всѣхъ насъ!



ИВАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ МАЗЕПА.
Современный портретъ въ замкѣ Грипсгольмъ).

Послѣ этого онъ долго просидѣлъ въ задумчивости и наконецъ, обратившись къ Орлику, сказалъ:

— Я въ большой нерѣшительности: не знаю, посылать-ли мнѣ это письмо къ царю, или нѣтъ? Теперь ступай домой, я за ночь подумаю, а завтра поговоримъ, молися Богу, твоя молитва доступнѣе къ Нему, потому что ты живешь, какъ истинный христіанинъ. Богъ видитъ, что́ я дѣлаю, то дѣлаю не для себя, а для моей отчизны и для всѣхъ казаковъ, для вашихъ женъ и дѣтей!

На другой день Мазепа призвалъ Орлика; тотъ засталъ его сидя-

щаго передъ столомъ, на корором лежалъ крестъ съ мощами; Мазепа долго говорилъ о состояніи Малороссіи, о нуждахъ народа, о постоянно увеличивающейся силѣ русскаго царя, о томъ, что борьба съ Швеціей навѣрное обрушится и на Малороссію, и ежели, чего Боже сохрани, шведы пойдутъ на Украйну, то казакамъ не по силамъ отбиваться отъ нихъ. Мазепа прибавилъ, что просилъ царя дать ему вспомогательное войско, тысячъ въ десять человѣкъ, но царь не даетъ, а велитъ самимъ защищаться, какъ знаютъ. Мазепа говорилъ Орлику, что благоразуміе требуетъ приготовиться на всякій случай: если царь не устоитъ противъ шведовъ, то нечего губить понапрасну Украйны, лучше пристать къ сильному Карлу, чѣмъ защищать побѣжденнаго. Мазепа заставилъ Орлика поклясться надъ Св. крестомъ и мощами, что не измѣнитъ; что до смертнаго часа останется нѣмъ, какъ рыба и не выдастъ гетманской тайны ни изъ-за награды, ни изъ-за страха. Станиславу Мазепа отвѣчалъ нерѣшительно, уклончиво, и изъ письма можно было заключить только одно, что Мазепа не будетъ мѣшать королямъ и ни въ чемъ не будетъ вредить ни интересамъ Станислава, ни шведскаго войска.

Орликъ остался вѣренъ, не измѣнилъ, но въ Малороссіи, наполненной людьми различныхъ партій, не занятыхъ, тайна, какъ-бы она хорошо ни скрывалась, не могла оставаться тайною; къ тому-же у Мазепы были личные враги, всегда готовые воспользоваться его ошибками, чтобы погубить его. Къ числу этихъ враговъ принадлежалъ войсковой судья Кочубей и искренній, преданный другъ его, полковникъ Искра. Кочубей прежде былъ друженъ съ Мазепою; они часто видались и Мазепа даже былъ крестнымъ отцомъ одной изъ его дочерей, Матрены; Мазепа часто видался съ семействомъ Кочубея и плѣнилъ его дочь, а свою крестницу, своимъ краснорѣчіемъ и образованностію.

Когда жена Мазепы умерла, посѣщенія его къ Кочубею стали еще чаще и разговоры съ Матреною еще продолжительнѣе; неизвѣстно, полюбила-ли молодая Матрена сѣдовласаго, но умнаго и живого гетмана, или ей захотѣлось сдѣлаться женою гетмана, только съ ея согласія онъ просилъ у отца и матери руки ихъ дочери. Старики ужаснулись того, что крестный отецъ хочетъ жениться на крестной дочери, и наотрѣзъ отказали гетману; но Матрена, никому ничего не говоря, бѣжала отъ родителей въ домъ Мазепы. Мазепа немедленно возвратилъ ее въ родительскій домъ; съ этихъ поръ началась дѣятельная переписка между гетманомъ и Матреною, а со стороны ея родителей—ненависть къ гетману и желаніе повредить ему Особенно возненавидѣла Мазепу мать Матрены и больше всѣхъ поджигала своего мужа. Мать начала притѣснять и даже дурно обходиться съ дочерью, мучила и запирала ее; та объ этомъ пи-

сала гетману, и онъ съ своей стороны на столько-же возненавидѣлъ старыхъ Кочубеевъ и между прочимъ однажды написалъ: «Не буду болѣе терпѣть отъ своихъ враговъ и непремѣнно отомщу имъ, сама увидишь, какъ».

Но Кочубей тоже не дремалъ: онъ нашелъ монаха-странника и съ нимъ послалъ доносъ къ царю о томъ, что Мазепа намѣренъ измѣнить; но въ доносѣ не было ничего рѣшительнаго, все основывалось на отдѣльныхъ словахъ, сказанныхъ Мазепою, на намекахъ, ни одного факта не было, ни одного вѣрнаго указанія не было.

Послѣ этого донесенія не дѣлали никакихъ розысковъ, это дѣло совсѣмъ заглохло; но въ Малороссіи не забывали о немъ. Ахтырскій полковникъ Осиповъ получилъ письмо отъ полковника Искры, который приглашалъ его, по очень важному царскому дѣлу, пріѣхать въ назначенное мѣсто. Они съ Искрою съѣхались и тутъ Искра подъ великою тайною, съ клятвами въ неизмѣнной преданности государю, говорилъ, что войсковой судья Кочубей узналъ, что гетманъ Мазепа вошелъ въ соглашеніе съ королемъ Лещинскимъ, чтобы извести царя, или, захвативши его силою, выдать шведамъ и полякамъ. Что Мазепа однажды уже совсѣмъ приготовился къ этому, казаки его сторожили съ заряженными ружьями, и умыселъ навѣрное удался-бы, ежели-бы государь пріѣхалъ въ то время въ Батуринъ; но вмѣсто себя онъ прислалъ Кикина и тѣмъ избавился отъ опасности. Дѣлая эти и тому подобныя показанія, Искра и Кочубей просили сохранить ихъ до времени втайнѣ, потому что у Мазепы есть кто-то при дворѣ, который ему обо всемъ тотчасъ доноситъ и слѣдовательно и это отъ него не скроется.

Ахтырскій полковникъ пустилъ это дѣло въ ходъ и подробно о своемъ разговорѣ донесъ въ Москву; въ отвѣтъ получилъ благодарность за ревность къ выгодамъ царскимъ и за преданность; но, чтобы дѣло это разобрать, приказано ему вмѣстѣ съ Искрой и Кочубеемъ ѣхать, какъ можно скорѣе, въ войско царское, чрезъ Смоленскъ, а до тѣхъ поръ все содержать въ величайшей тайнѣ, чтобы предупредить всякое покушеніе на зло и отвратить пролитіе невинной крови.

Почти одновременно съ этимъ письмомъ, царь собственноручно написалъ Мазепѣ; онъ его извѣщалъ о доносѣ Искры и Кочубея; смотрѣлъ на него, какъ на клевету и объявлялъ, что вытребовалъ къ себѣ Искру, и Кочубея, вмѣстѣ съ другими доносчиками, какъ-бы для того, чтобы отъ нихъ узнать всѣ подробности, а въ дѣйствительности затѣмъ, чтобы разобрать дѣло и ежели они окажутся виновными, то наказать клеветниковъ. Ежели сами полковники не поѣдутъ, то Петръ приказывалъ гетману ихъ поймать и доставить въ Смоленскъ. Гетмана Петръ утѣшалъ

и говорилъ, что какія-бы клеветы на него ни были, вѣра въ его преданность престолу и русскому народу никогда не поколеблется, и просилъ его не печалиться тѣмъ, что находятся люди, ненавидящіе и клевещущіе на него.

По царскому приказанію Искра, Кочубей и полковникъ Ахтырскаго полка пріѣхали въ Витебскъ; не доѣзжая мили до города, ихъ остановили на одномъ пустынномъ дворѣ; съ ними пріѣхало еще 8 человѣкъ преданныхъ имъ людей. На слѣдующій день къ нимъ ѣздили Головкинъ и Шафировъ для допроса; всѣхъ троихъ спрашивали врозь, и къ несчастію показанія ихъ были несогласны; всѣ ссылались на то, что слышали обо всемъ отъ Кочубея. При тогдашнемъ судопроизводствѣ, когда обвиняемые, или свидѣтели говорили не одно и то же, ихъ пытали; также было и въ этомъ случаѣ; Кочубея пытали не жестоко, изъ сожалѣнія къ его старости, а Искру изъ сожалѣнія къ его болѣзни; Искра во всемъ ссылался на Кочубея, а Кочубей подтвердилъ слухи, до него дошедшіе, на которыхъ онъ основывалъ свое предположеніе объ измѣнѣ Мазепы; что-же касалось главнаго обвиненія—покушенія на жизнь Петра, или его свободу, онъ сказалъ, что достовѣрно не знаетъ и тоже по слухамъ говорилъ.

Послѣ этого его пытали сильнѣе и онъ сознался, что все взвелъ на гетмана изъ ненависти къ нему. Затѣмъ спрашивали: не подучилъ-ли его кто-нибудь изъ царскихъ враговъ и приверженцевъ короля Станислава, или Карла; но въ этомъ Кочубей оставался твердъ, отказывался отъ всякаго посторонняго вліянія и повторялъ, что оговорилъ гетмана самъ, по личной къ нему ненависти.

Петру донесли о слѣдствіи, но Петръ не могъ повѣрить, чтобы личная месть заставила Искру и Кочубея начать такое дѣло; онъ былъ увѣренъ, что ихъ подкупили шведы или поляки для того, чтобы лишить царя такого вѣрнаго и преданнаго человѣка, какъ Мазепа; поэтому царь однимъ слѣдствіемъ не удовольствовался и приказалъ повторить и допросы и пытку на сколько возможно, чтобы дознаться, кто подучилъ Кочубея. Воля царя была исполнена, и ничего новаго не узнали.

Между тѣмъ Мазепа писалъ о волненіяхъ въ Малороссіи, о томъ, что на него казаки негодуютъ, что никто его не хочетъ слушаться, что ссылаются на то, будто его власти скоро конецъ, что Кочубей и Искра у московскаго царя въ милостяхъ, что одного изъ нихъ царь назначитъ гетманомъ, что они теперь для царя города завоевываютъ и когда окончатъ это дѣло, то вернутся и будутъ награждены.

Мазепа вслѣдствіе этого представлялъ, какъ необходимо обоихъ главныхъ виновныхъ прислать въ Малороссію и казнить ихъ для примѣра публично, да и самый розыскъ дѣла слѣдуетъ сдѣлать всенародно.



СРАЖЕНІЕ ПРИ ДЕРЕВНѢ ЛѢСНОЙ ВЪ 1708 ГОДУ.

(Картина проф. А. Коцебу).

Кончилось тѣмъ, что Петръ приговорилъ виновныхъ въ клеветѣ къ смертной казни. Послѣ этого, вслѣдствіе желанія Мазепы, Кочубея и Искру отправили въ Кіевъ, оттуда въ мѣстечко Боряцаговку, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви, гдѣ находился гетманъ съ казачьимъ обозомъ; здѣсь несчастные были казнены 14 іюля, въ присутствіи огромнаго количества казаковъ и при главныхъ предводителяхъ войска.

Послѣ казни Кочубея и Искры, полковники и старшины начали торопить Мазепу, чтобы онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ и, наконецъ, высказалъ свое намѣреніе; но Мазепѣ не того хотѣлось; ему было бы пріятнѣе всего отойти съ обозомъ и главными силами къ Батурину и выждать, въ чью пользу рѣшится великая борьба съ Швеціей, и тогда дѣйствовать въ пользу той стороны, которая останется побѣдительницею. Но на бѣду Карлъ совершенно неожиданно повернулъ и пошелъ прямо на Украйну; медлить нечего было; Мазепа это видѣлъ и негодовалъ: всѣ его расчеты опровергались. Старшины торопятъ, Карлъ идетъ, а царь пишетъ письмо, въ которомъ предлагаетъ, ежели здоровье позволитъ, самому гетману принять начальство надъ войскомъ и тревожить непріятеля, а когда онъ пойдетъ на малороссійскіе или великорусскіе города, то, соединившись съ главною арміею, ударить соединенными силами на шведовъ и ихъ союзниковъ—поляковъ.



КОЧУБЕЙ.

Мазепа отвѣчалъ, что ему никакъ нельзя отлучиться изъ Малороссіи, что тамъ безпорядки, неурядица въ Запорожьѣ, что онъ кромѣ того хилъ и боленъ, и что только личнымъ вліяніемъ и неусыпнымъ надзоромъ можетъ казачьи полки удержать въ повиновеніи. Мазепа такъ расписалъ внутреннее волненіе въ Малороссіи, что Петръ нашелъ для себя удобнѣе и выгоднѣе, чтобы Мазепа не шелъ на войну, а лучше старался о сохраненіи порядка и безопасности въ Малороссіи и всѣми силами препятствовалъ, чтобы враги не распространяли возмутительныхъ грамотъ въ Украйнѣ.

Послѣ побѣды при Лѣсной, Меншиковъ двинулся на югъ и послалъ приказаніе казакамъ идти къ нему навстрѣчу, чтобы дѣйствовать заодно.

Мазепа собралъ недовольныхъ и своихъ сообщниковъ и спрашивалъ ихъ: идти-ли навстрѣчу къ московскимъ войскамъ, исполнять-ли царскій указъ?—и всѣ единодушно отвѣчали, что идти не надобно. Мазепа кое-какъ опять отписался.

Соумышленники требовали, чтобы гетманъ послалъ къ Карлу рѣшительный отвѣтъ; опять всѣ поклялись сохранять глубокую тайну, позвали Быстрицкаго, управляющаго имѣніями Мазепы, и обязали его клятвою; Орликъ по-латыни написалъ грамоту къ Карлу и послалъ ее съ Быстрицкимъ и съ плѣннымъ шведомъ въ непріятельскій лагерь. Въ грамотѣ Мазепа выразилъ радость, что Карлъ явился въ Украйну, просилъ протекціи себѣ, запорожцамъ, всему малороссійскому казачеству и народу, освобожденія отъ тяжелаго русскаго ига, увѣдомлялъ, что, переходя на сторону шведовъ, онъ подвергается большой опасности, отъ которой защитить можетъ только быстрое приближеніе шведскаго войска, обѣщался приготовить на Деснѣ паромы для переправы.

Меншиковъ шелъ быстрѣе шведовъ; онъ рѣшилъ, между прочимъ, поѣхать въ Борзну повидаться съ гетманомъ, который сказывался больнымъ. Мазепа испугался; онъ думалъ, что намѣренія его открыты Петромъ и ночью, вскочивъ на лошадь, помчался въ Батуринъ; на другой день къ вечеру доѣхалъ до Коропа, переночевалъ, а на третій день къ вечеру былъ уже въ лагерѣ передового драгунскаго полка. Впередъ къ королю послалъ онъ Орлика и полковника Ломиковскаго, главныхъ своихъ сообщниковъ; Мазепа надъ евангеліемъ клялся имъ и другимъ полковникамъ, что присоединяется къ Швеціи не изъ личныхъ выгодъ, а для пользы Украйны и Запорожья. Въ селѣ Бихмачѣ принялъ онъ присягу шведскому королю, и по его желанію все знатное товарищество и старшины присягнули, что будутъ вѣрны ему, Мазепѣ, и будутъ признавать протекторство короля шведскаго.

Между тѣмъ, Меншиковъ ѣхалъ въ Борзну для свиданія съ гетманомъ, но на дорогѣ узналъ объ измѣнѣ Мазепы и о томъ, что онъ уже на той сторонѣ Десны. Меншиковъ возвратился къ войску и обо всемъ извѣстилъ Петра; измѣна Мазепы поразила его.

Но, какъ и всегда, онъ не потерялся, а только принялъ рѣшительныя мѣры; собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ положено было Меншикову спѣшить въ Батуринъ и овладѣть имъ, а вслѣдъ за тѣмъ приступить къ избранію новаго гетмана.

Мазепа вполнѣ былъ увѣренъ въ преданности себѣ стародубскаго полковника Скоропадскаго; чтобы поднять войско и привлечь его на сто-

рону шведовъ, писалъ убѣдительныя письма и воззванія къ Скоропадскому, представлялъ, какой гибели подвергается Малороссія, ежели восторжествуетъ Петръ, и потому уговаривалъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ



КНЯЗЬ А. Д. МЕНЬШИКОВЪ. (Совр. гравюра).

принять сторону Карла. Скоропадскому Мазепа совѣтовалъ истребить русскій отрядъ, занявшій Стародубъ, а ежели этого нельзя, то спѣшить къ Батурину и вмѣстѣ съ тамошнимъ гарнизономъ отстаивать его до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ все шведское войско. Но Мазепа не зналъ, что

Скоропадскій былъ дальновиднѣе его и уже вполнѣ присоединился къ русскимъ, считая поступокъ Мазепы безумнымъ.

Меншиковъ спѣшилъ къ Батурину, чтобы поспѣть туда раньше шведовъ. Въ Батуринѣ были приготовлены огромные запасы оружія, съѣстныхъ припасовъ, и находилась богатая казна Мазепы. Петръ посылалъ курьеровъ къ Меншикову и торопилъ его, но въ то-же время совѣтовалъ отступить, ежели бы шведы предупредили его. 31 октября Меншиковъ пришелъ къ Батурину; его здѣсь уже дожидался Голицынъ; онъ уже входилъ въ переговоры съ засѣвшими въ крѣпости Чечеломъ и Кенисекомъ и совѣтовалъ имъ, безъ дальнѣйшаго, покориться царю; но ему отвѣчали, что безъ гетманскаго указа царскихъ войскъ въ крѣпость не пустятъ, а гетмана надобно выбирать по старинѣ, вольными голосами, но пока шведы уйдутъ изъ Малороссіи, до тѣхъ поръ этого нельзя сдѣлать. Меншиковъ хотѣлъ по мостамъ прямо идти въ замокъ, но приверженцы Мазепы вывезли изъ замка пушки и навели ихъ на мосты. Меншиковъ отвелъ войска внизъ по рѣкѣ и выстроилъ ихъ на берегу, отыскивая мѣста для переправы; изъ замка вышло нѣсколько казаковъ и съ другого берега кричали: «Не ходите! Если пойдете силою, то бить будемъ!» Меншиковъ велѣлъ сказать имъ, чтобы прислали нѣсколько толковыхъ человѣкъ для переговоровъ, но ему отвѣчали бранью и уѣхали въ свои ряды. Тогда Меншиковъ на лодкахъ переправилъ человѣкъ пятьдесятъ гренадеръ; увидѣвъ ихъ на той сторонѣ, казаки, стоявшіе на мосту съ пушками, кинулись со страхомъ бѣжать и попрятались въ городъ, а Меншиковъ съ войсками безпрепятственно перебрался черезъ рѣку по мосту.

Твердая рѣшимость казаковъ, держаться до послѣдняго человѣка, поколебалась; ночью они прислали письмо, увѣряли въ покорности царской волѣ, готовы были отдать замокъ и просили только трехдневнаго сроку, чтобы свободно выйти изъ замка. Но на другой день, не дождавшись отвѣта отъ Меншикова, съ самаго ранняго утра начали стрѣлять по царскимъ войскамъ и зажгли предмѣстья. Меншиковъ все еще хотѣлъ покончить безъ кровопролитія: онъ написалъ, чтобы казаки свободно выходили изъ Батурина, что ихъ не тронутъ; письмо прочитали въ кругу начальниковъ; они закричали:

— Отвѣчать намъ некогда,—и хотѣли было тутъ же убить царскаго посланнаго, но одумались и выпустили его съ крикомъ:

— Мы здѣсь всѣ умремъ, а царскаго войска не пустимъ!

Батуринъ штурмовали съ двухъ сторонъ и взяли его; весь гарнизонъ и всѣ жители, кромѣ очень небольшого числа плѣнныхъ, были убиты; Меншиковъ нашелъ, что укрѣпленія ненадежны, и потому, когда

все было вывезено, что можно было взять, городъ и укрѣпленія были сожжены и до тла разрушены.

Взятіе и истребленіе Батурина, потеря магазиновъ и казны были для Мазепы страшнымъ ударомъ; впечатлѣніе, которое оно произвело на малороссіянъ, было столько же невыгодно для Карла и Мазепы, сколько выгодно для царя; значеніе шведовъ падало отъ очень простого разсужденія: «ежели царскія войска, почти въ виду непобѣдимыхъ шведовъ, могли взять и истребить Батуринъ, значитъ, они сильнѣе ихъ». Мазепа



РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА МАЗЕПЫ ВЪ БАТУРИНѢ.

упалъ духомъ; съ потерею Батурина онъ терялъ самыхъ лучшихъ и преданныхъ ему казаковъ: кто послѣ такого примѣра будетъ держать его сторону?

Петръ, между тѣмъ, разослалъ по Украйнѣ приказаніе старшинамъ собраться въ Глуховъ для избранія новаго гетмана, и уже 7 октября стародубскій полковникъ Скоропадскій былъ единодушно избранъ гетманомъ, на мѣсто измѣнника и предателя Мазепы. Изъ Кіева, Чернигова и Переяславля пріѣхали три архіерея и торжественно соборомъ предали Мазепу проклятію. Въ тотъ же день вынесли куклу, одѣтую въ платье Мазепы, всенародно сняли съ нея знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, разжаловали и отдали палачу; онъ навязалъ петлю на шею куклы, волочилъ ее за собою по улицѣ, по площади, до нарочно поставлен-

ной висѣлицы и повѣсилъ ее; въ тотъ же день были казнены Чечель и другіе приверженцы Мазепы. Проклятіе Мазепы было провозглашено въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царевича Алексѣя Петровича, всей царской думы и бояръ.

По всей Малороссіи читали объявленія малороссійскихъ архіереевъ объ измѣнѣ Мазепы, объ отлученіи его отъ церкви, равно какъ и всѣхъ его единомышленниковъ, и о томъ, что всѣ они прокляты церковью. Изъ Глухова Петръ послалъ указъ запорожцамъ, приглашая ихъ остаться вѣрными царю и признать новаго гетмана Скоропадскаго. Карлъ съ своей стороны посылалъ по Малороссіи манифесты о томъ, чтобы храбрые казаки ободрились и свергнули съ себя тягостное иго московское. Но Петръ на эти манифесты отвѣчалъ тоже воззваніями, въ которыхъ объяснялъ, что шведы хотятъ поработить Украйну польскому королю Станиславу Лещинскому, что сначала онъ обѣщаетъ имъ много, но потомъ также, какъ въ Польшѣ, Литвѣ и Силезіи, отберетъ у казаковъ церкви и превратитъ ихъ въ лютеранскія; король обѣщаетъ народу новыя права, вольности и льготы, но это только льстивыя слова; что же касается до возвращенія старыхъ правъ, то старые казаки помнятъ, какія это были права.

Такимъ образомъ, измѣна Мазепы не принесла Карлу ни малѣйшей пользы, а тутъ еще въ концѣ 1708 года наступили жестокіе морозы; было такъ холодно, что птицы замерзали на лету и мертвыя падали на землю. Положеніе шведскаго войска въ чужой странѣ было тяжелое.



ГЛАВА XIX.

Запорожцы.—Измѣна ихъ.—Взятіе и разореніе Сѣчи.—Осада Полтавы.—Полтавскій бой.-Отношенія Россіи къ западнымъ державамъ.—Осада Риги.—Тріумфальный въѣздъ побѣдителей въ Москву.—Гражданскія учрежденія и законы Петра.—Финансовыя распоряженія.—Раздѣленіе Россіи на губерніи.—Сенатъ.—Покореніе Выборга, Кексгольма, Риги, Пернау и Аренсбурга.—Отношенія Россіи къ Турціи.—Война съ Турціей.—Ненадежные союзники.—Приготовленія къ походу.—Екатерина Алексѣевна—супруга Петра.

ВЕСНА наступала и надобно было ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій. Мазепа въ это время очутился въ самомъ затруднительномъ положеніи; въ отношеніи къ Карлу онъ не выполнилъ своихъ обѣщаній, не поднялъ Малороссіи, одни только запорожцы, въ числѣ 8 тысячъ, послѣдовали за нимъ. Мазепа даже думалъ о двойной измѣнѣ; онъ прислалъ къ царю полковника Апостола съ предложеніемъ выдать самого шведскаго короля и всѣхъ его главнѣйшихъ генераловъ, да и самое войско отдать ему въ руки: но взамѣнъ требовалъ, чтобы царь не только возвратилъ ему утраченное гетманское достоинство, но и объявилъ полное забвеніе и прощеніе, какъ ему, такъ и всѣмъ его сообщникамъ; непремѣннымъ-же условіемъ при заключеніи этого договора было, чтобы



ПОЛТАВСКІЙ БОЙ—НАЧАЛО СРАЖЕНІЯ.

(Съ рѣдкой современной гравюры Шхонебека).

иностранныя державы гарантировали исполненіе его. Съ перваго раза царь и его министры не повѣрили словамъ полковника, но когда немного спустя они подтвердились новымъ посланіемъ отъ гетмана, тогда Головкинъ отвѣчалъ, что всѣ условія приняты, лишь бы Мазепа съ своей стороны выполнилъ ихъ, какъ нельзя лучше; даже на гарантію иностранныхъ державъ соглашались; но пока полковникъ и посланные Мазепою остаются въ русскомъ лагерѣ заложниками.

Дальнѣйшихъ слѣдствій эти переговоры не имѣли; но Апостолъ совсѣмъ остался въ войскѣ Петра и, между прочимъ, показалъ и отдалъ одно изъ писемъ Мазепы и Карла къ Лещинскому, гдѣ приглашали его поскорѣе съ войскомъ занять Малороссію, свое древнее достояніе, и тутъ же говорилось о томъ, что Лещинскій съ Мазепой останутся на Украйнѣ, а Карлъ съ подкрѣпленнымъ и оправившимся войскомъ пойдетъ на Москву. Петръ воспользовался этимъ письмомъ и обнародовалъ его; впечатлѣніе, произведенное письмомъ, было очень неблагопріятное: казаки не хотѣли быть подданными Лещинскаго, не хотѣли, чтобы древнее достояніе ихъ перешло опять къ Польшѣ и повлекло за собою всѣ тѣ же невзгоды, которыя были причиною ея отторженія отъ нея. Одни только запорожцы, несмотря на увѣщанія Петра, пошли вслѣдъ за Мазепой.

Тогда Петръ послалъ Меншикову приказаніе взять и разорить Сѣчь, что тотъ и исполнилъ. Большая часть запорожцевъ погибла въ схваткѣ съ царскими войсками; только немногимъ удалось бѣжать, въ плѣнъ взято 300 человѣкъ, пушекъ и боевыхъ снарядовъ взято много. «Предводителей я посадилъ подъ караулъ,—писалъ Меншиковъ,—а прочихъ казнилъ; надъ Сѣчею исполненъ твой, государь, указъ, она разорена до основанія, такъ же какъ и всѣ мѣста, чтобы вполнѣ искоренить это измѣнническое гнѣздо».

Въ Кіевѣ и Украйнѣ, благодаря предпринятымъ мѣрамъ, все было тихо, Сѣча лежала въ развалинахъ; турки, татары и поляки не двигались съ мѣста, все какъ-будто притаилось, выжидая, чѣмъ кончится борьба между Петромъ и Карломъ. Петръ, по обыкновенію, былъ боленъ лихорадкою и лѣчился на пути въ Азовъ, но надѣялся къ 15 мая быть уже въ войскѣ; о своей болѣзни онъ пишетъ: «лѣкарство мое сильно дѣйствуетъ, только я отъ него сталъ безсиленъ, какъ ребенокъ».

Между тѣмъ, въ началѣ мая непріятель напалъ на Полтаву; дѣлалъ нѣсколько приступовъ и каждый разъ отступалъ съ сильною потерею. Меншиковъ извѣщалъ Петра объ этомъ, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшить къ Полтавѣ и стянуть туда побольше войска, потому что, какъ съ одной стороны нападеніе шведовъ упорно, такъ съ другой стороны и защита не ослабѣваетъ.

Петръ изъ Азова могъ выѣхать только 27 мая, но изъ Харькова писалъ, что спѣшитъ, насколько возможно; но такъ какъ въ военномъ дѣлѣ каждый часъ очень важенъ, то велѣлъ пользоваться всякимъ случаемъ и дѣлать, что можно, не дожидаясь его. Но Меншиковъ дожидался; Петръ прибылъ къ арміи 7-го числа.

И такъ, Петръ былъ опять лицомъ къ лицу съ нарвскими своими побѣдителями и сталъ говорить о необходимости дать генеральную битву. Но ни русскіе, ни шведы, стоявшіе теперь другъ передъ другомъ, не походили на тѣхъ, какіе встрѣтились подъ Нарвой въ 1700 году. Войско Карла было изнурено страданіями долгой зимы; оно упало духомъ: Карлъ хотя и не проигралъ ни одной битвы и считалъ себя по-прежнему непобѣдимымъ, но блестящее, увѣренное въ себѣ и веселое войско его уменьшилось на половину въ сравненіи съ тѣмъ, съ которымъ онъ такъ недавно вступилъ изъ Саксоніи въ Польшу. Солдаты и офицеры одинаково тяготились; дисциплина ослабѣла. Карлъ по-прежнему кидался въ опасности, но теперь это никого не одушевляло, говорили: «онъ ищетъ смерти, потому что видитъ дурной конецъ!» Генералы совѣтовали перейти Днѣпръ и отступить въ Польшу. Министръ Пиперъ объ этомъ говорилъ Карлу, но онъ и слышать не хотѣлъ: «Это отступленіе,— говорилъ онъ,—будетъ походить на бѣгство!»



ШВЕДСКІЙ МИНИСТРЪ ГРАФЪ ПИПЕРЪ.
(Съ рѣдкаго совр. грав. портрета Шенка).

Напрасно министры нѣсколько разъ пытались отговорить Карла осаждать Полтаву. Шведскій король запальчиво отвѣчалъ:

— Еслибы Богъ послалъ ко мнѣ своего ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ.

Въ то-же время въ русскомъ войскѣ шли толки о томъ, какъ бы освободить Полтаву, безъ генеральной битвы; на военномъ совѣтѣ положено было земляными работами подходить къ городу, къ самой стѣнѣ. Но шведы не дремали: и они вели поперечную линію укрѣпленій и перерѣзали путь русскимъ; ни съ какой другой стороны нельзя было, земля-

ными работами, подходить къ городу: мѣшали болота и рѣки. Въ сношеніе съ городомъ входить тоже нельзя было; придумали письма посылать въ пустыхъ бомбахъ, пришлось употреблять этотъ опасный способъ, потому что другого не было. Посредствомъ такихъ пересылокъ узнали, что у осажденныхъ остается очень мало пороху и что непріятель уже подкопался черезъ валъ, и хотя осажденные отрѣзали его, но долго держаться не могутъ. Опять собрали военный совѣтъ и положили: такъ какъ другого способа снять осаду нѣтъ, то перейти рѣку и дать битву. 19 іюня русская армія пошла вверхъ по Ворсклѣ, переправилась черезъ нее, повернула по другому берегу назадъ къ Полтавѣ и 25 числа остановилась въ четверти мили отъ непріятеля такъ, чтобы шведы не могли принудить ее къ битвѣ раньше, чѣмъ построенъ будетъ окопъ.

Ночью, когда русскіе подступили къ шведамъ, Карлъ хотѣлъ лично осмотрѣть положеніе приблизившихся русскихъ. Онъ отправился съ небольшою свитою и наткнулся на казачій отрядъ, слишкомъ неосторожно выдвинувшійся впередъ; безпечные казаки лежали вокругъ огня и ужинали. Увидѣвъ ихъ, Карлъ не утерпѣлъ, схватилъ ружье, сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ одного казака; казаки мгновенно были на ногахъ и три ружейныхъ выстрѣла въ ту сторону, откуда былъ выстрѣлъ, были отвѣтомъ на вызовъ. Одна изъ пуль попала Карлу въ ногу и ранила его.

26 числа приготовлялись къ битвѣ съ той и другой стороны, размѣщали войска и обозрѣвали непріятельскую позицію. Въ центрѣ русской арміи былъ Шереметевъ, правымъ крыломъ командовалъ Ренне, лѣвымъ Меншиковъ, а всею артиллеріей Брюсъ. У шведовъ вмѣсто раненаго короля главное начальство надъ войскомъ принялъ фельдмаршалъ Реншельдъ; всею пѣхотой командовалъ Левенгауптъ, а кавалеріей—Крейцъ; по причинѣ недостатка въ артиллерійскихъ снарядахъ, артиллерія совершенно не имѣла значенія.

27 іюня, въ день битвы, шведы до свѣта бросились на русскую конницу съ яростію и овладѣли двумя еще недоконченными редутами, при чемъ Ренне былъ раненъ и начальство передалъ Боуру; но при этомъ шесть батальоновъ шведской пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ были отрѣзаны отъ главной арміи и должны были уйти въ лѣсъ. Между тѣмъ, русскіе также напали на шведское войско, еще при самомъ началѣ отрѣзанное отъ главной арміи; здѣсь шведы были вполнѣ разбиты; Шлиппенбахъ и Розенъ попались въ плѣнъ. Пользуясь смятеніемъ, русская пѣхота вышла изъ ретраншамента и стала въ боевой порядокъ; часть кавалеріи съ праваго крыла была проведена за пѣхотой и поставлена на лѣвое крыло. Русскіе рѣшились атаковать всю шведскую

армію, но шведы предупредили ихъ и съ своимъ обыкновеннымъ пыломъ ринулись на русскихъ.

Два часа кипѣлъ отчаянный бой. Петръ былъ вездѣ, гдѣ было опасно; одна пуля прострѣлила его шляпу, вторая попала въ крестъ на его груди, третья осталась въ арчакѣ сѣдла, полы кафтана были изодраны, но царь остался невредимъ. Карла съ больною, раненою ногою въ коляскѣ возили между рядами солдатъ, но вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску, и Карлъ очутился на землѣ. Солдаты увидѣли паденіе Карла, подумали, что онъ убитъ; вѣсть объ этомъ, какъ электрическая искра, пробѣжала по полкамъ, и ужасъ овладѣлъ и безъ того колеблющимися солдатами. Карлъ приказалъ посадить себя на скрещенныя пики и тутъ его глазамъ представилась печальная картина общаго замѣшательства; въ отчаяніи онъ воскликнулъ:

— Шведы, шведы, стойте!

Но шведы бѣжали и не обращали вниманія на голосъ своего короля. Прискакалъ Реншельдъ и торопливо крикнулъ:



ШВЕДСКІЙ ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ РЕНШЕЛЬДЪ.
(Съ совр. грав. портрета Вольфганга).

— Ваше величество, наша пѣхота потеряна! Товарищи, спасайте короля!

Съ этими словами онъ опять бросился къ своему войску и старался возстановить порядокъ, но попался въ плѣнъ, и тогда бѣгство сдѣлалось общимъ.

Битва была яростная, отчаянная, но она не продолжалась больше двухъ часовъ. Шведы бѣжали такъ скоро и безостановочно, что ни разу не остановились и ни разу не пытались сопротивляться; русскіе гнались за ними и поражали бѣгущихъ штыками и шпагами, брали въ плѣнъ. Шведскихъ тѣлъ на полѣ сраженія насчитали у редутовъ до 9,234 человѣкъ, а по полю и по лѣсамъ было еще множество. Русскія войска не всѣ вступали въ битву, только передняя линія принимала участіе, а вторая вовсе не трогалась съ мѣста.

По окончаніи битвы, къ Петру со всѣхъ сторонъ съѣзжались рус-

скіе генералы и офицеры; радостный царь передъ каждымъ изъ нихъ преклонялъ свой мечъ, обагренный кровью, и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Къ нему въ это время привели шведскихъ плѣнныхъ—принца Вюртембергскаго и Шлиппенбаха, Такельберга и Гамальтона. Петръ принялъ ихъ очень ласково, обѣщалъ быть къ нимъ милостивъ, приказалъ не отнимать у нихъ шпагъ и отвести ихъ въ русскія укрѣпленія. Когдаже пріѣхалъ Меншиковъ, Петръ встрѣтилъ его съ истинно-дружескимъ чувствомъ: онъ обнялъ его, цѣловалъ нѣжно въ голову и передъ всѣми выставилъ заслуги его въ этотъ день.

Все войско выстроилось и привѣтствовало Петра; передъ фронтомъ поставили походную церковь и нѣсколько шатровъ и принесли благодарность Богу—подателю побѣдъ. За тѣмъ Петръ побывалъ у раненыхъ, благодарилъ за службу и обѣщалъ всѣхъ наградить, распорядившись тѣмъ, чтобы раны ихъ были перевязаны и чтобы все было сдѣлано для облегченія ихъ страданій.

Во второмъ часу былъ готовъ обѣдъ; всѣ собрались въ палатки: радостный Петръ не питалъ никакой досады къ своимъ недавнимъ врагамъ; онъ пригласилъ къ своему обѣду всѣхъ плѣнныхъ генераловъ. Петръ съ улыбкою обратился къ нимъ и сказалъ:

— Вчера братъ мой, Карлъ, просилъ васъ на обѣдъ въ свои шатры, но такъ какъ ему не удалось сдержать своего королевскаго слова, то я считаю своимъ долгомъ выполнить его обѣщаніе сегодня и прошу васъ отобѣдать съ нами.

Петръ былъ очень ласковъ къ фельдмаршалу Реншельду, хвалилъ его за храбрость, подарилъ ему свою шпагу. Во время обѣда привели министра Пипера; когда онъ замѣтилъ общее бѣгство войска, онъ сначала слѣдовалъ за королемъ, но въ сумятицѣ потерялъ его и самъ, не зная куда бѣжать, пріѣхалъ прямо въ Полтаву и отдался въ плѣнъ; вмѣстѣ съ нимъ отдались и два королевскихъ секретаря. Его, вмѣстѣ съ товарищами, Петръ посадилъ также за свой столъ и угощалъ за обѣдомъ и каждому самъ подносилъ рюмку своей любимой водки. Во время тостовъ была безпрерывная пушечная стрѣльба.

Во время обѣда царь разговаривалъ съ шведскими генералами, разспрашивалъ ихъ о числѣ и составѣ войска до сраженія и, узнавъ, что у шведовъ всего было только 30,000 солдатъ, спросилъ, какъ они могли отважиться на битву съ такими незначительными силами? Реншельдъ отвѣчалъ:

— У насъ совѣтовъ не спрашивали, и мы, какъ вѣрные подданные и слуги королевскіе, только исполняли повелѣнія своего государя: впрочемъ, съ начала кампаніи, при вступленіи въ Украйну, у насъ было

гораздо больше войска; отъ холода, болѣзней, въ битвахъ и отъ разныхъ причинъ у насъ погибло до 33.000 человѣкъ.

Петръ выслушалъ этотъ отвѣтъ и, обратясь къ своимъ, воскликнулъ:

— Вотъ, какъ надобно служить своему государю!

Потомъ, наливъ бокалъ вина, поднялъ его и, обратясь къ своимъ, знатнымъ плѣнникамъ, сказалъ:

— Пью за здоровье моихъ учителей въ военномъ искусствѣ!

Реншельдъ спросилъ:

— Кого, ваше величество, изволите называть своими учителями?



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.
(Рисунокъ Н. Н. Каразина).

— Васъ, господъ шведовъ,—отвѣчалъ Петръ.

— Значитъ, ваше величество, очень не благодарны своимъ учителямъ, потому что худо ученики отблагодарили своихъ учителей.

Но пока русскіе радовались и пировали, гдѣ-же былъ шведскій король? Что сталось съ остатками его войска? Побѣда сначала такъ отуманила Петра и его генераловъ, что никто и не думалъ преслѣдовать бѣжавшую армію, и только вечеромъ Петръ отрядилъ Голицына съ гвардіею, а Боура съ драгунами въ погоню за Карломъ. Въ тотъ-же вечеръ Петръ собственноручно написалъ нѣсколько писемъ съ извѣстіемъ о преведикой побѣдѣ, дарованной самимъ Богомъ.

Утромъ, 28 числа, отправился и самъ Меншиковъ въ погоню за шведами. Остатки арміи Карла, бѣжавшей изъ-подъ Полтавы, были въ самомъ печальномъ положеніи: шведы бѣжали вдоль Ворсклы къ Днѣпру; измученнаго, истомленнаго Карла ночью внесли въ домъ въ Новосенжаровѣ и перевязали ему ногу; отъ усталости и душевнаго томленія онъ впалъ въ глубокій лихорадочный сонъ. Когда уже совершенно разсвѣло, его разбудили и сказали:

— Русскіе приближаются, ваше величество, не прикажете-ли идти дальше?

— Да, да, дѣлайте, что хотите,—отвѣчалъ Карлъ. И генералы распорядились: повозки запылали, лошадей роздали пѣхотнымъ солдатамъ и поспѣшно отправились вдоль по Днѣпру, къ маленькому городку Переволочнѣ, гдѣ надѣялись найти возможность переправиться; но вмѣсто города нашли только груду развалинъ и ни одного парома, ни одной лодки; не нашли ни одного человѣка въ опустошенныхъ окрестностяхъ. Вопросъ, какъ переправиться за Днѣпръ, тревожно повторялся повсюду; русскіе близко; какъ защититься отъ нихъ? Генералы, наконецъ, уговорили Карла одному переправиться на ту сторону Днѣпра, а армію оставить на лѣвомъ берегу. Кое-какъ на берегу отыскали двѣ лодки, связали ихъ между собою и поставили на нихъ коляску, такъ, чтобы переднія колеса приходились въ одной лодкѣ, а заднія въ другой, и такимъ образомъ поздно ночью переправили Карла на противоположный берегъ; Карлъ взялъ съ собою изъ всѣхъ своихъ вещей только любимый серебряный сервизъ и деньги, собранныя имъ въ Саксоніи. Мазепа нашелъ тоже лодку и въ ней переправился; онъ захватилъ съ собою два боченка съ золотомъ. Драбанты и свита королевская, казаки и запорожцы переправились вплавь, кто какъ могъ и какъ умѣлъ; запорожцы показали свое искусство и многимъ помогли добраться до берега; но многіе потонули.

Большая часть войска осталась, однако-жъ, на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ Левенгаупта; но о повиновеніи не могло быть и рѣчи; никто не слушался; одни только и толковали и думали о томъ, какъ бы переправиться на другую сторону, вслѣдъ за Карломъ; другіе, измученные, лежали на землѣ и спали мертвымъ сномъ.

Между тѣмъ къ шведамъ подоспѣлъ уже Меншиковъ со своими полками. Глядя на свое войско, Левенгауптъ съ глубокимъ огорченіемъ сознавалъ, что о сопротивленіи и думать нечего. Онъ отправилъ Крейца съ тремя товарищами къ Меншикову, чтобы договориться объ условіяхъ сдачи. Меншиковъ предложилъ имъ сдаться военно-плѣнными, выдать оружіе, военные припасы, но сохранить платье и частное имущество;



запорожцы и бунтовщики не могли пользоваться этимъ условіемъ. Предложеніе было принято. Такимъ образомъ окончила свое существованіе непобѣдимая армія Карла, наводившая ужасъ на сосѣднія съ Швеціей государства. У Полтавы и у Днѣпра въ плѣнъ взято 59 штабъ-офицеровъ, 1102 оберъ-офицера и прочихъ военныхъ чиновъ 16,947 человѣкъ.

Послѣ возвращенія Меншикова въ Полтаву, Петръ объявилъ большія награды по войску: фельдмаршалу Шереметеву пожалованы были большія вотчины, князю Меншикову титулъ второго фельдмаршала, генералу князю Репнину орденъ св. Андрея Первозваннаго и вотчины, фельдцейхмейстеру Брюсу—тоже; всѣмъ генераламъ даны ордена, помѣстья; офицеры были повышены чиномъ и всѣмъ штабъ и оберъ-офи-



СЦЕНА ИЗЪ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.
(Рисунокъ Н. Н. Каразина).

церамъ роздали золотые портреты царя съ алмазами и золотыя медали, смотря по чину, а солдатамъ—серебряныя медали и деньги.

Никто не остался безъ награды, какъ же было оставить безъ награды самого Петра? До сихъ поръ онъ по гвардіи состоялъ полковникомъ, а по морской службѣ капитаномъ. Всѣ министры, генералы, офицеры и вся армія послѣ Полтавской побѣды поднесли государю по сухопутной арміи чинъ генерала, а по флоту—чинъ шаутбенахта (вице-адмирала); царь принялъ чины и радовался поздравленію, съ которымъ его встрѣчали.

Когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о великой Полтавской побѣдѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ присутствовалъ при благодарственномъ молебствіи и созвалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ, знатныхъ офицеровъ и угощалъ ихъ въ Преображенскомъ, въ своихъ покояхъ и въ шатрахъ, нарочно съ этой цѣлью раскинутыхъ. Царевна Наталья Алексѣевна тоже дала обѣдъ, а по ея

примѣру и многіе вельможи. Пиры длились нѣсколько дней сряду. По вечерамъ жгли фейерверки; не въ домахъ, а на улицахъ для простого народа стояли накрытые столы; комендантъ, князь Гагаринъ, для народа



ПЕТРЪ I.
(Съ рис. Мартэна Мл. для гравюры Полтавской битвы).

и шведскихъ плѣнныхъ выставилъ столы съ кушаньемъ и выкатилъ бочки съ виномъ, водкою, медомъ и пивомъ; пушечная стрѣльба и колокольный звонъ не умолкали восемь дней сряду; во всѣхъ церквахъ по-

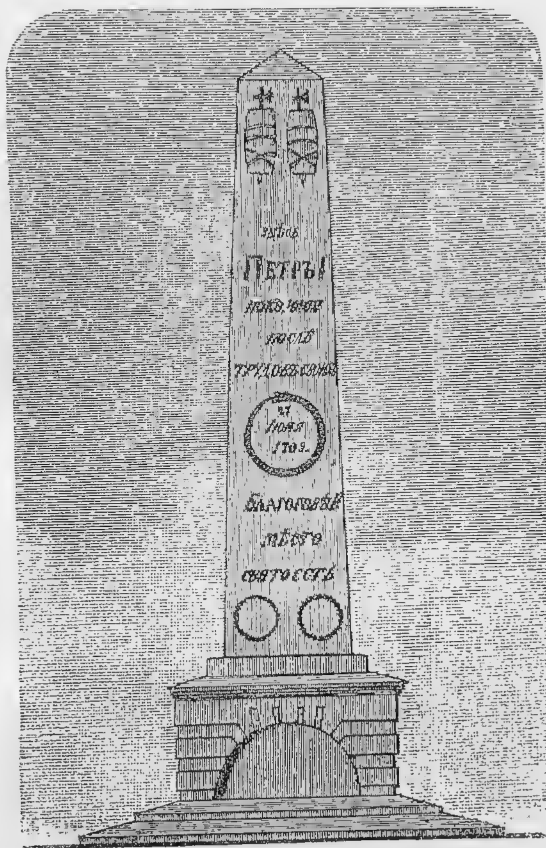


КОНЕЦЪ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.
(Рисунокъ Н. Н. Каразина).

зволено звонить, какъ въ Святую недѣлю, всякому, и не только мужчинамъ, но и женщинамъ и дѣвушкамъ.

Поздравленія отовсюду посыпались къ царю; но объ окончаніи войны

нечего было и думать. Карлъ ушелъ въ Турцію; его отсутствіемъ надобно было воспользоваться, чтобы укрѣпить за Россіей завоеванія Прибалтійскія. Петръ далъ повелѣніе войску изъ-подъ Полтавы идти: Шереметеву къ Ригѣ, а Меншикову въ Польшу; оставаться долѣе подъ Полтавой нельзя было по причинѣ невыносимаго запаха, распространявшагося съ поля сраженія, гдѣ трупы, недовольно глубоко закопанные, разлагались. Самъ Петръ отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился съ умнымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ; онъ въ Софійскомъ соборѣ произнесъ такую поразительную рѣчь, что Петръ былъ тронутъ; онъ никогда ничего подобнаго не слыхалъ. Царь приказалъ напечатать это похвальное слово вмѣстѣ съ переводомъ его на латинскій языкъ, чтобы во всей Европѣ его могли прочитать.

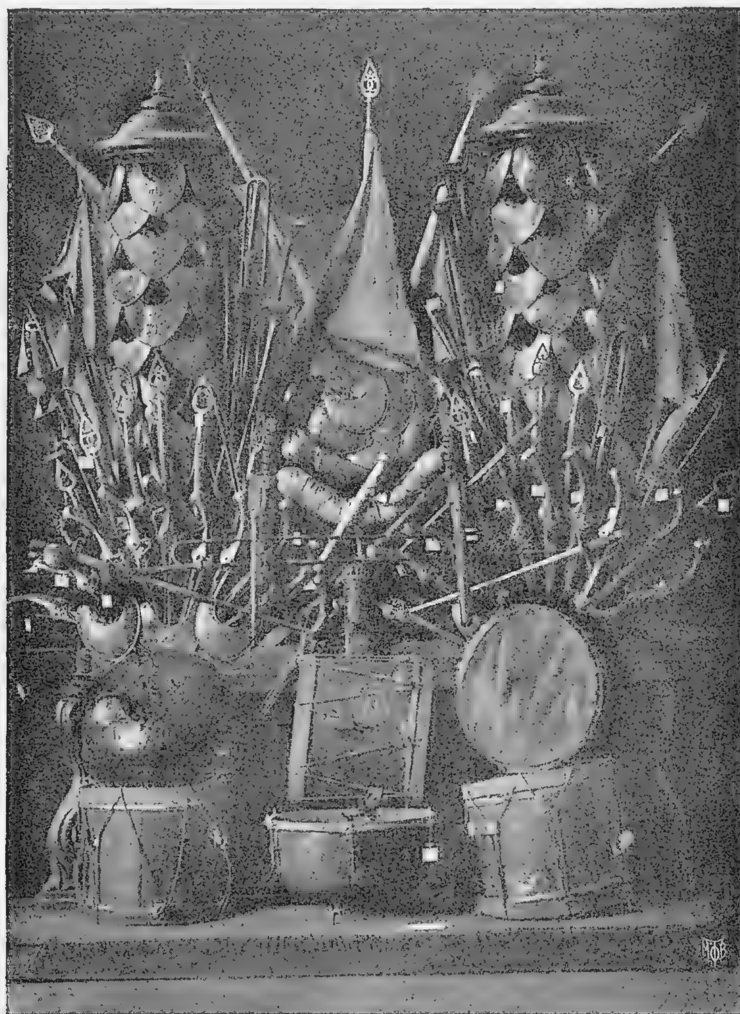


ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИКЪ НА МѢСТѢ ОТДЫХА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ПОСЛѢ БОЯ.

Петръ изъ Кіева намѣревался отправиться дальше, но здѣсь опять захватила его болѣзнь, и онъ писалъ Меншикову: «За грѣхи мои на меня здѣсь болѣзнь обрушилась; немедленно послѣ вашего отъѣзда 6 августа у меня сдѣлалась лихорадка. Но въ понедѣльникъ я принялъ лѣкарство и тѣмъ съ помощью Божіей прервалъ болѣзнь, хотя эта проклятая болѣзнь не покинула меня и если не ознобомъ и жаромъ, то тяжестію и другими припадками давитъ меня въ свои дни. За слабостію и болѣзнію полагаю, что раньше Успенія выѣхать изъ Кіева не могу».

Побѣда при Полтавѣ дала Петру не только выгоды въ отношеніи шведовъ, но и положеніе его относительно европейскихъ державъ значительно улучшилось. Въ Польшѣ опять появился Августъ съ 11,000 войскомъ саксонскимъ; при свиданіи съ Петромъ онъ осыпалъ сильнаго

союзника своими льстивыми рѣчами, и союзъ былъ вновь заключенъ, оборонительный и наступательный, но больше въ пользу Августу, нежели Россіи, потому что у Петра было только одно въ мысляхъ—удер-

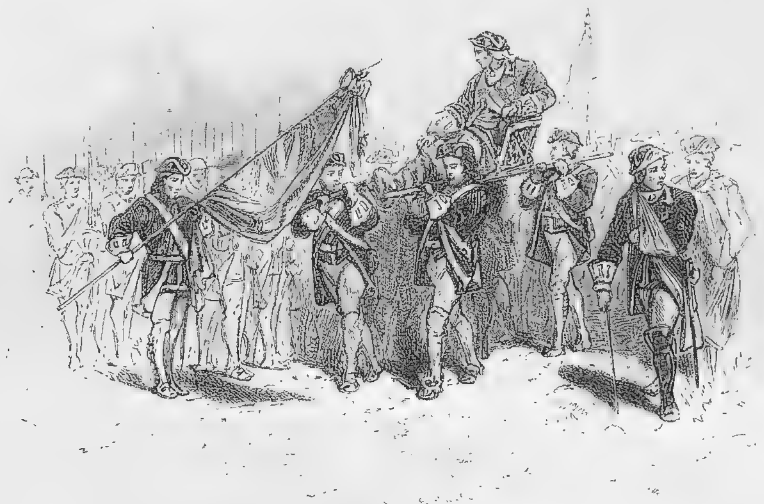


ТРОФЕИ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ.
ОФИЦЕРСКІЕ ЗНАКИ, ПИСТОЛЕТЫ, ТРУБЫ, ЛИТАВРЫ, БАРАБАНЫ И Т. Д.
(Въ Московской Оружейной палатѣ).

жать за собою устье и теченіе Невы, пріобрѣсть портъ на Балтійскомъ морѣ, и для достиженія этой цѣли онъ готовъ былъ приносить всевозможныя жертвы.

Въ Торнъ, гдѣ Августъ договаривался съ Петромъ, явился и датскій

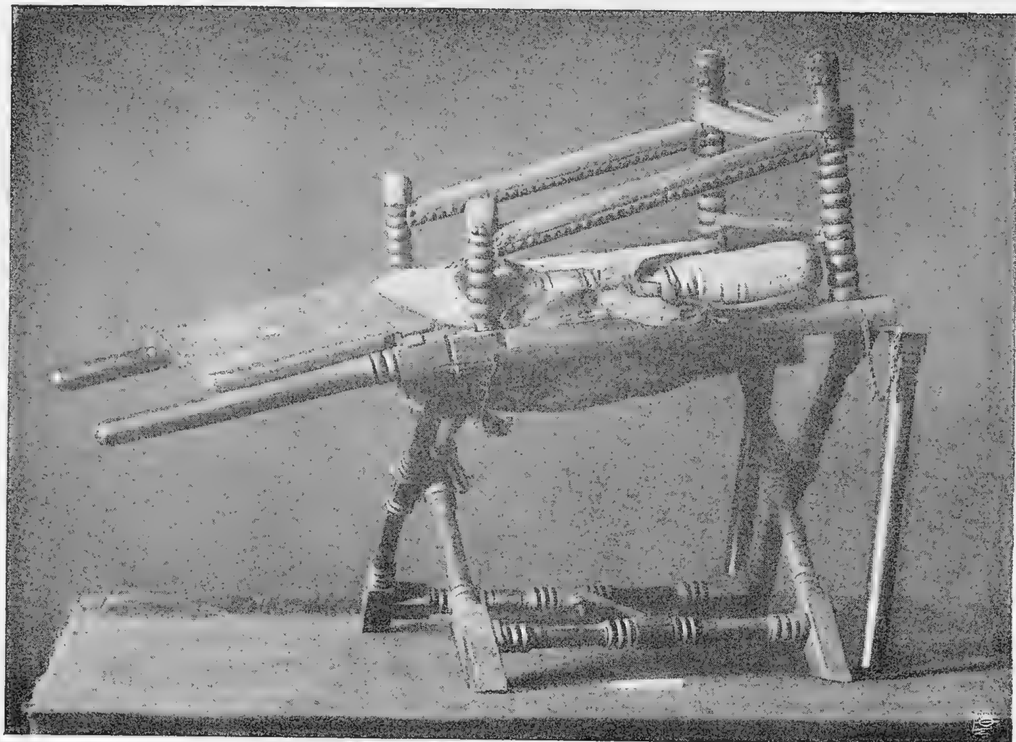
посланникъ, чтобы заключить или возобновить оборонительный и наступательный союзъ противъ общаго врага—шведовъ. Русскому посланнику Долгорукому удалось заключить этотъ союзъ очень выгодно для Россіи, но только тогда, когда пришло извѣстіе о Полтавской побѣдѣ, до тѣхъ же поръ Данія медлила и требованія ея были чрезмѣрны. Англія и Голландія во многомъ мѣшали заключенію этого договора, потому что они не хотѣли принять Россію въ великій союзъ сѣверныхъ народовъ Европы и боялись, какъ бы съ усиленіемъ Россія не сдѣлалась опасна для сосѣднихъ державъ.



КАРЛЪ XII ПОСЛѢ БИТВЫ.
(Рисунокъ Н. Н. Каразина).

Послѣ Полтавской побѣды эти два государства сдѣлались сговорчивѣе, а Франція прямо искала дружбы русскаго царя и предлагала свое посредничество для прекращенія войны.

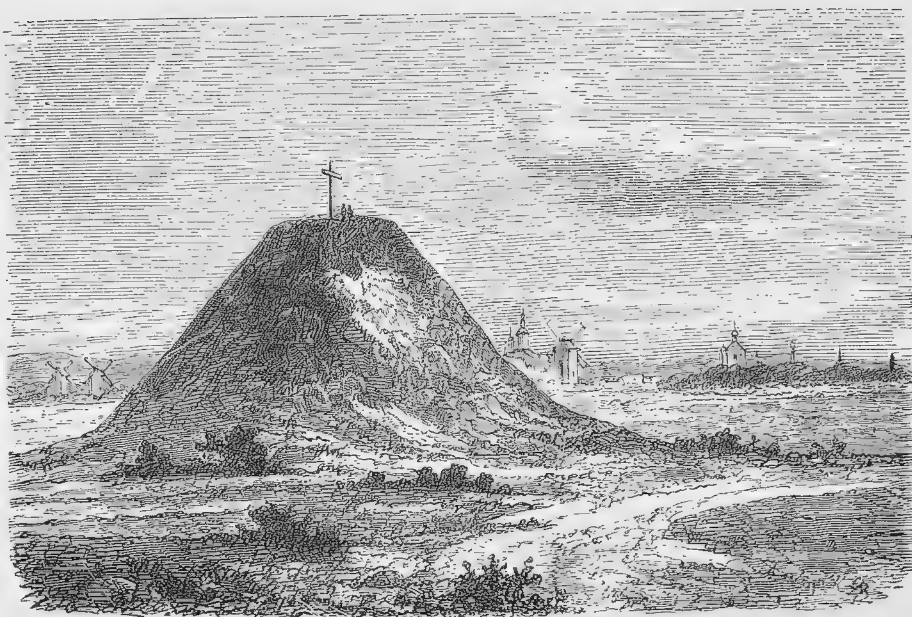
Пока министры Петра вели свои переговоры, царь уже спѣшилъ къ Ригѣ, гдѣ стояли полки Шереметева; послѣ прибытія въ лагерь, Петръ собственноручно направилъ въ городъ и бросилъ три первыя бомбы: благодарю Бога, что Онъ сподобилъ его «этому проклятому мѣсту учинить начало отмщенія». Но этими тремя бомбами пока ограничилась осада Риги; зима наступала. Петръ оставилъ передъ Ригою сильный осадный корпусъ, а войска съ Шереметевымъ ушли въ Курляндію на зимнія квартиры. Самъ Петръ поспѣшилъ въ свой парадизъ, такъ давно оставленный. Здѣсь онъ положилъ основаніе каменной церкви Сампсонія, въ память Полтавской побѣды, приказалъ бога-



НОСИЛКИ КОРОЛЯ КАРЛА XII.
(Въ Московской Оружейной палатѣ).

тымъ и знатнымъ людямъ строить каменные дома, потому что не сомнѣвался болѣе въ томъ, что Петербургъ останется въ его власти; на адмиралтейской верфи заложилъ 6 декабря корабль Полтава и на другой день отправился въ Москву, чтобы зимою заняться исключительно гражданскими дѣлами.

Наконецъ, къ 21 декабря въ Москвѣ все было приготовлено къ тріумфальному шествію; по дорогѣ къ Кремлю построено было семь тріумфальныхъ воротъ, украшенныхъ золотомъ и символическими картинами и покрытыхъ надписями. Тріумфальное шествіе было устроено великолѣпно; вотъ какъ современникъ описываетъ одну изъ тріумфальныхъ арокъ, поставленную московскими купцами: «Купцы великороссійскіе поставили торжественныя врата величайшему истребителю свейскія силы. Въ первой картинѣ, вмѣсто Феба, котораго баснописцы называютъ солнцемъ, на колесницѣ, влекомой огненными конями, представленъ самъ Петръ, монархъ нашъ, и надъ нимъ изображены знаки зодіака: рака и льва, для обозначенія мѣсяцевъ іюня и іюля. Это означаетъ: когда солнце вступило въ знакъ зодіака-рака, т. е.



ПРЕЖНІЙ ВИДЪ «КУРГАНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО» ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.

въ іюнь мѣсяцъ, тогда по непонятной дерзости Левъ шведскій пришелъ въ наше отечество, но, потерявши въ немъ всю свою львиную силу, ракомъ ушелъ обратно, съ великимъ посрамленіемъ. Надъ престоломъ изображена богиня правды въ видѣ молодой прекрасной дѣвы, съ вѣсами въ рукахъ. Близъ престола правды изображена вѣра христіанская въ образѣ дѣвы съ крестомъ Господнимъ въ рукахъ. Въ перспективѣ изображена Москва, а надъ нею парящій орелъ, на спинѣ котораго сидитъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. Смыслъ этого изображенія: стремленіе сердечное царственнаго отрока всѣми средствами помогать мужественнымъ защитникамъ отечества; оставшись въ своей наслѣдственной столицѣ, онъ посылаетъ въ шведскаго льва молніи въ видѣ собраннаго и вновь приготовляемаго въ Москвѣ войска. Во второй картинѣ представленъ виноградникъ въ видѣ лабиринта, съ хитро переплетающимися тропинками; это изображеніе хитрыхъ, измѣнчивыхъ и коварныхъ замысловъ короля свейскаго. Въ этотъ хитрый лабиринтъ входитъ Петръ объ руку съ дѣвою, въ рукахъ у которой зеркало и змѣя, означающая, что съ умомъ и свѣтлымъ правдивымъ глазомъ можно проникнуть во всѣ тайныя козни и обнаружить ихъ. Другія тріумфальныя арки и самое шествіе было исполнено такого же аллегорическаго значенія».

Послѣ окончанія празднествъ въ Москвѣ, Петръ, не теряя времени, приступилъ къ изысканію средствъ искоренять вкравшіяся и продолжав-



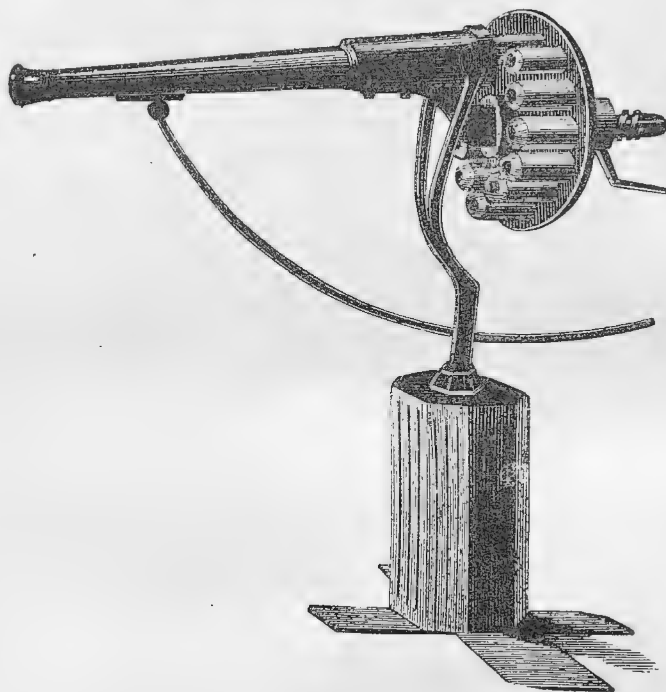
ПАМЯТНИКЪ НА «ШВЕДСКОЙ МОГИЛѢ» БЛИЗЪ ПОЛТАВЫ, ОТКРЫТЫЙ 11-ГО СЕНТЯБРЯ 1895 ГОДА.

шіяся злоупотребленія во внутреннемъ управленіи Россіи. Война постоянно отвлекала его отъ правительственныхъ распоряженій и заставляла его спѣшить на поле сраженія, предоставляя боярамъ управленіе государствомъ: они для совѣщаній должны были съѣзжаться въ Палату, но не всѣ являлись въ назначенные дни и оттого дѣлъ не подписывали и отговаривались: «я дѣлъ не рѣшалъ, потому что не былъ». Петръ еще въ 1707 году далъ указъ изъ Вильны, чтобы въ Палатѣ каждое дѣло было подписываемо всѣми членами—министрами, во избѣжаніе безпорядковъ.

Всѣ дѣла болѣе важныя посылались царю на утвержденіе; кромѣ извѣстныхъ намъ лицъ въ это время близкими къ нему были кабинетъ-секретарь Александръ Васильевичъ Макаровъ; онъ былъ не важенъ чиномъ, но важенъ своимъ вліяніемъ. Петръ ему довѣрялъ, онъ прочитывалъ всѣ дѣла и докладывалъ о нихъ; отъ него зависѣло задержать дѣло, или пустить его въ ходъ, и поэтому всѣ вельможи почитали его и даже старались жить съ нимъ въ ладу. Для дѣлопроизводства вмѣстѣ съ

Петромъ неразлучна была его походная канцелярія, начальникомъ которой оставался Зотовъ (князь-папа) подъ титуломъ ближняго совѣтника и президента ближней канцеляріи; но значеніе Зотова далеко уступало значенію Макарова, правой руки Александра Даниловича Меншикова; въ это время въ канцеляріи уже выдавался молодой человѣкъ Остерманъ, употреблявшійся для иностранной корреспонденціи.

Въ это же время пошелъ въ гору и Курбатовъ, который, какъ мы

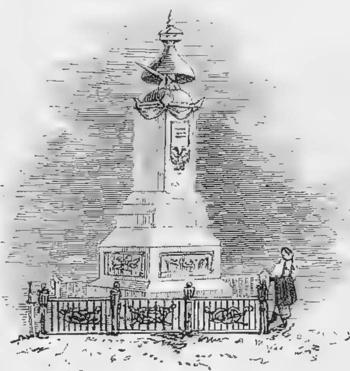


ПУШКА-РЕВОЛЬВЕРЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛТАВСКАГО БОЯ, НАХОДЯЩАЯСЯ ВЪ АРТИЛЛЕРІЙСКОМЪ МУЗЕѢ, ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ.

видѣли, давно уже обратилъ на себя вниманія царя и въ 1705 году стоялъ во главѣ всего финансоваго управленія въ Россіи. Онъ сознавалъ, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находится Россія, какъ война истощаетъ ея денежныя средства, и изыскивалъ мѣры, какъ бы увеличить доходы, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что лица, поставленныя Петромъ для управленія областей, нисколько не заботятся объ увеличеніи доходовъ казенныхъ и только думаютъ о собственныхъ выгодахъ, поэтому, опираясь на сильную протекцію милостивца своего, Александра Даниловича Меншикова, онъ писалъ царю письмо за письмомъ, въ которыхъ раскрывалъ злоупотребленія людей сильныхъ и указывалъ, что всѣ тяже-

лые налоги падаютъ не на знатныхъ, сильныхъ и богатыхъ людей, а на бѣдныхъ и безъ того изнуренныхъ.

Петръ далъ Курбатову приказаніе пересмотрѣть всѣ податныя дѣла и увеличить государевы доходы по возможности, безъ отягощенія народа. Курбатовъ исполнилъ его приказаніе, нашелъ много злоупотребленій и указалъ средства искоренить ихъ, насколько возможно. Онъ въ 1706 году уже указывалъ прямо на лицъ, занимавшихся скорѣе воровствомъ, чѣмъ сбереженіемъ царскаго интереса, и даже говорилъ о цифрѣ украденныхъ суммъ.



ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ВЪ ПОЛТАВѢ.

Курбатовъ не только слѣдилъ за кражею казеннаго добра, но и за злоупотребленіями: такъ, напримѣръ, городамъ дано было самоуправленіе, но бурмистры недостаточно справедливо распредѣляли налоги, и богатые и бѣдные одинаково должны были платить, при чемъ, само собою разумѣется, страдали послѣдніе. По представленію Курбатова, Петръ далъ постановленіе: въ члены городового управленія одинаково выбирать сколько изъ богатыхъ обывателей, столько же изъ бѣдныхъ, чтобы они защищали интересы и заботились о выгодахъ своихъ бѣдныхъ согражданъ.

Не на однихъ бурмистровъ жаловался Курбатовъ; онъ жаловался тоже и на губернаторовъ, которые не присылали въ московскую ратушу [1]) денегъ, собранныхъ по ратушамъ другихъ городовъ, при этомъ онъ не щадилъ людей сильныхъ из натныхъ, какъ, напримѣръ, Апраксина, котораго обвинялъ въ томъ, что доставлено только 10,000 р., тогда какъ у него навѣрно собрано около 70 тысячъ.

Знаменитый «прибыльщикъ» не ограничивался одними финансами; онъ также пріискивалъ средства увеличивать войско: пѣхоту и кавалерію, совѣтовалъ брать въ военную службу мелкопомѣстныхъ неслужащихъ дворянъ. Вообще Курбатовъ, полагаясь на заступничество Меншикова, продолжалъ дѣйствовать прямо и не щадилъ знатныхъ людей, даже такихъ, какъ страшный король Пресбургскій—Ромодановскій. Но все-таки его умѣли выжить изъ Москвы такъ, что и самъ Петръ не замѣтилъ, что выживаетъ его; Курбатовъ въ 1711 году отправленъ былъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ. Онъ считалъ это царскою не-

[1]) Ратуша—городская дума.

милостью и писалъ о томъ Петру, но тотъ отвѣчалъ, что ему надобно посадить вѣрнаго человѣка въ такое мѣсто, куда приходитъ много иностранныхъ кораблей, гдѣ можно увеличить доходы. Курбатовъ просилъ



ЗНАМЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА.

его, по крайней мѣрѣ, дать ему званіе губернатора; Петръ отвѣчалъ ему: «Построй три корабля и будешь губернаторомъ».



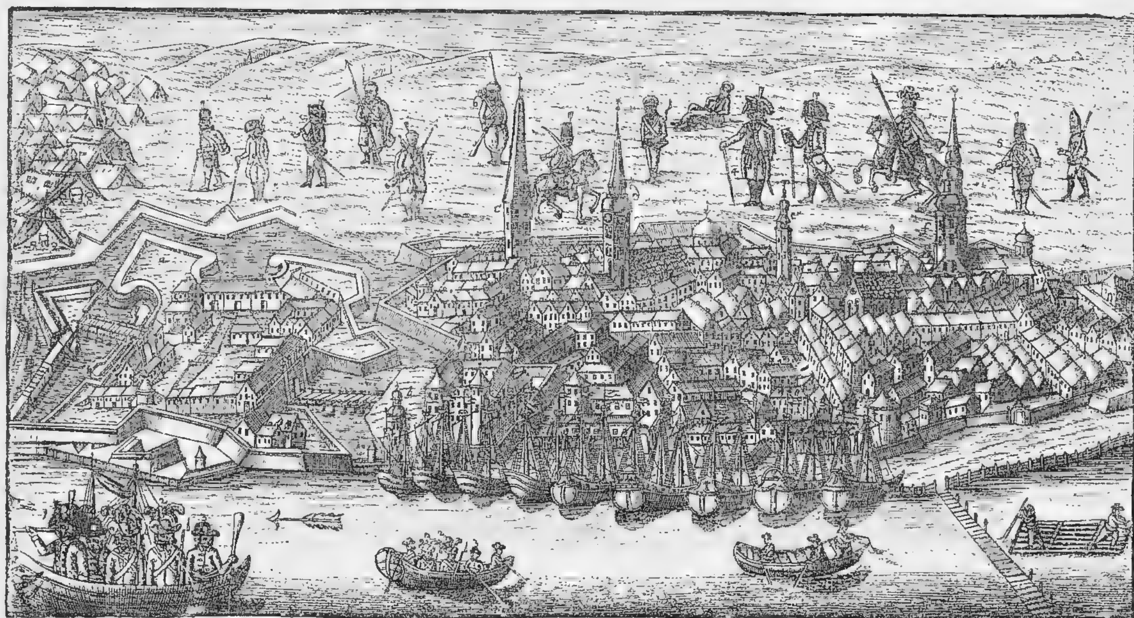


МЕДАЛЬ НА ПОБѢДУ ПРИ ПОЛТАВѢ.

Правительство, нуждаясь въ деньгахъ, принимало, по указанію прибыльщиковъ, всевозможныя мѣры для покрытія своихъ расходовъ по войнѣ: отдавали на откупъ многіе промыслы, наложили пошлину на усы

и бороду; съ богатыхъ и знатныхъ за ношеніе бороды брали отъ 100—60 р., съ болѣе бѣдныхъ отъ 30 и меньше. Заведеніе флота заставило Петра обратить вниманіе на лѣса; порубка корабельнаго лѣса запрещена была, подъ смертною казнію, позволено только брать тонкія вѣтви и молодыя дубовыя деревца на ободья, обручи, полозья; въ 1705 году было издано постановленіе о сбереженіи корабельнаго лѣса, и такіе лѣса стали называться заповѣдными; указаны были предметы, для которыхъ можно было брать дубъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ.

И такъ, извлекали изъ всего выгоду, чтобы имѣть деньги для вой-



ВИДЪ РИГИ.

(Съ гравюры XVII в.).

ны, но все ихъ недоставало, особенно недоставало такихъ хорошихъ денегъ, которыя можно было бы употреблять за границею, которыми платить жалованье войскамъ, находящимся внѣ государства: поэтому распорядились мѣдными деньгами давать десятую долю жалованья внутри государства, а изъ платежей въ казну принимать только пятнадцатую долю мѣдными, а остальное серебромъ, или золотомъ. За границу же все посылать только хорошими деньгами.

Кромѣ усиленныхъ поборовъ для войны, были и поборы для улучшенія внутренняго быта. Такъ, напримѣръ, въ 1709 году велѣно было мостить камнемъ московскія улицы; но такъ какъ всей Москвы разомъ вымостить нельзя было, то приказано было чинить всю деревянную

мостовую и выломанныя или украденныя бревна замѣнять новыми; также приказано было съ улицъ убирать всякія нечистоты и падаль; хозяевъ, передъ домами которыхъ найдутся такого рода безпорядки, подвергать наказанію, за первый разъ бить батогами, за второй—бить батогами и брать штрафу 5 рублей, а за третій—бить кнутомъ и брать штрафу 10 рублей.



ВИДЪ УЛИЦЪ ВЪ МОСКВѢ ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА I.

Чтобы по улицамъ не бродили толпы тунеядцевъ и нищихъ, слабыхъ и больныхъ помѣщали въ богадѣльни при церквахъ, а нищихъ приказано было по улицамъ ловить, отводить въ монастырскій приказъ, наказывать, а деньги, какія при нихъ найдутся, отбирать: половина изъ нихъ назначалась въ монастырскій приказъ, а другая половина отдавалася тому, кто приведетъ нищихъ. Также поручено строго наблюдать за тѣмъ, чтобы не подавали милостыни; ослушниковъ призывать въ монатырскій приказъ и брать съ нихъ штрафъ. Кто пожелаетъ подавать милостыню, можетъ подавать въ богоугодныя заведенія.

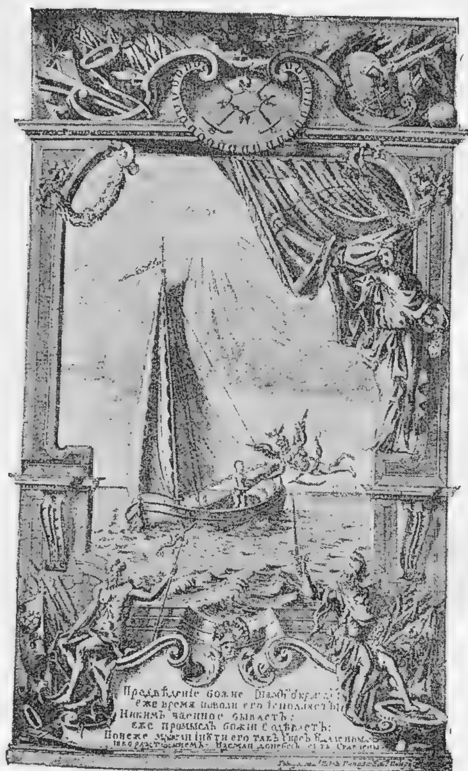


ФАКСИМИЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ АЗБУКИ СЪ ИСПРАВЛЕНІЯМИ ПЕТРА I.

По городамъ, селамъ, лѣсамъ и большимъ дорогамъ появлялись разбойничьи шайки, грабили и убивали проѣзжихъ, нападали на отдѣльно стоящія жилья и деревни, отгоняли лошадей и скотъ; въ Костромѣ разбойничья шайка въ полтора мѣсяца отогнала болѣе 300 крестьянскихъ и монастырскихъ лошадей, ужь не говоря о разграбленномъ имуществѣ и сожженныхъ домахъ. Страхъ разбойническаго нападенія выгналъ многихъ изъ своихъ

домовъ; противъ разбойниковъ царь отрядилъ, для искорененія ихъ, особыя команды, подъ начальствомъ полковника Козина.

Петръ зналъ, что безпорядки въ его государствѣ больше всего зависятъ отъ недостатка образованія, поэтому онъ заводилъ школы и для скорѣйшаго распространенія знаній велѣлъ печатать книги. При немъ привезли изъ Голландіи въ 1707 году три новоизобрѣтенныя имъ русскія литеры. Этимъ новоизобрѣтеннымъ шрифтомъ, какъ его назвали, гражданскимъ, начали печатать книги. Первая книга, такимъ образомъ напечатанная въ 1708 году, была: Геометріа славенскі землемѣріе. За нею слѣдовалъ письмовникъ, переведенный съ нѣмецкаго языка подъ заглавіемъ: «Приклады, како пишутся комплементы разные. Въ томъ же году Петръ приказалъ справщику типографіи Поликарпію составить русскую исторію, отъ начала княженія Василія Ивановича до послѣдняго времени; для образца царь приказалъ описать лѣтъ пять пространно и коротко и прислать ему на разсмотрѣніе. Въ январѣ 1709 года, передъ рѣшительною Полтавскою битвою Петръ писалъ начальнику монастырскаго приказа боярину Мусину-Пушкину, чтобы онъ собралъ и прислалъ изъ монастырей описаніе всѣхъ печатей, какія есть на жалованныхъ грамотахъ, начиная отъ начала русскаго царства, до временъ Іоанна IV. Печатались календари, приготовили къ печати басни Эзопа [1]), переведенныя на русскій языкъ. Но Петръ былъ недоволенъ печатью и переплетами книгъ; лучше удалась «Книга Квинта Курція, о дѣлахъ, содѣянныхъ Александромъ великимъ, царемъ Македонскимъ». Петръ самъ поправлялъ переводы и училъ, какъ переводить; такъ, въ февралѣ 1709 года писалъ онъ молодому



ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ИЗДАНІЯ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

[1]) Греческій баснописецъ.

Зотову: «Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли: разговоры переведены понятно и хорошо; но правила фортификаціи переведены очень темно и непонятно; въ табели—мѣра не обозначена, нѣкоторые листы мы исправили и вклеили въ книгу, а старые, ошибочные, вырѣзали и при ней же присылаемъ, чтобы сами сличили, гдѣ ошибки и неясности. Это для того, чтобы въ слѣдующихъ переводахъ остерегалися и не впали въ тѣ-же ошибки; особенно въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ учите, какъ что дѣлать, не слѣдуетъ иностранную рѣчь переводить слово въ слово, а надобно понять смыслъ и на своемъ языкѣ точно и ясно пересказать то, что нужно растолковать». Еще было дано приказаніе въ мартѣ 1705 года въ посольскій приказъ присылать всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, потому что государь приказалъ. Не только въ Россіи печатались книги гражданской печатью, но печатались и за границей, по указанію Петра.

КАЛЕНДАРЬ
или
МѢСЯЦОСЛОВЪ
На лѣто отъ рождества Господа нашего Іисуса Христа, 1722.
указующіи затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полныи мѣсяцъ съ четвертми.
Такожде время солнечнаго восхожденія и захожденія. долгоденствіе и долгонощіе на всякіи день.
учиненныи по меріdіану, и ширинѣ царствующаго санктъпітербурха.
Ѣ санктъпітербургскои Тѵпографіи, лѣта Господня, 1721.
Декемврія въ день.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ПЕРВАГО РУССКАГО КАЛЕНДАРЯ.

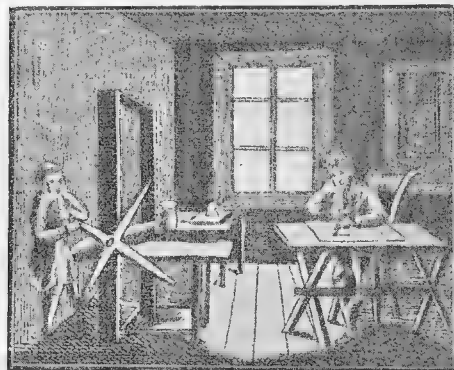
Чтобы распространять образованіе черезъ духовенство, Петръ въ 1708 году издалъ указъ, чтобы всѣ дѣти священниковъ, дьяконовъ учились въ греческихъ и латинскихъ школахъ; тѣхъ же изъ нихъ, которые не захотятъ учиться, не посвящать ни въ священники, ни въ дьяконы и на службу никуда не принимать, кромѣ самыхъ низшихъ должностей. Управленіе церковными имѣніями, по прежнему, находилось въ рукахъ Мусина-Пушкина, но онъ съ каждымъ годомъ урѣзывалъ доходы духовенства, такъ что оно находилось въ крайне недостаточномъ положеніи; вслѣдствіе этого между духовенствомъ былъ сильный ропотъ; монастыр-

скими вотчинами монастыри также пользовались очень ограниченно: должны были платить большіе поборы, такъ что архіереямъ на содержаніе дома оставалось недостаточно, и монастырскихъ школъ не на что было содержать.

Мусинъ-Пушкинъ обиралъ монастыри и духовенство по необходи-

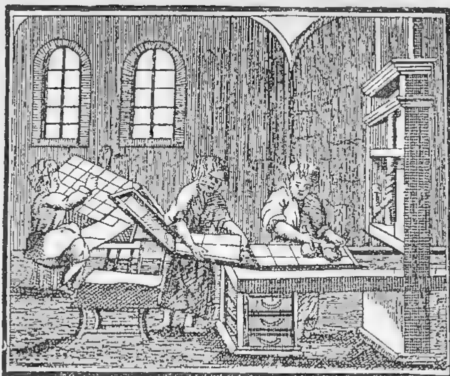


БУМАЖНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.



ГРАВИРОВАЛЬЩИКЪ ПЕТРОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

мости; для войны нужны были деньги, и на ропотъ нельзя было обращать вниманія; частныя лица и сословія должны были жертвовать своими выгодами для спасенія государства; тутъ нельзя было колебаться. Но



ТИПОГРАФІЯ ПЕТРОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

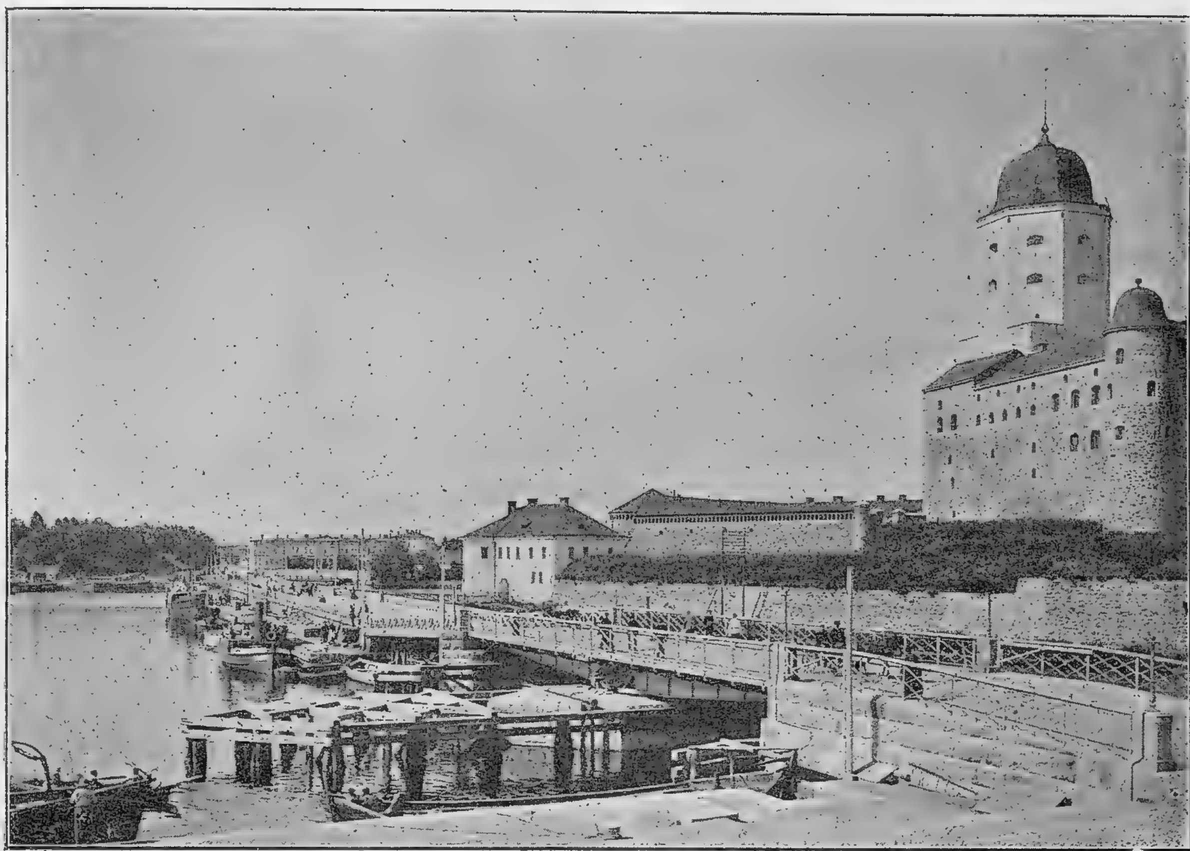


КНИЖНАЯ ЛАВКА ПЕТРОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.
(Гравюры начала XVII вѣка).

худо то, что при обрѣзываніи архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ страдали учрежденія истинно полезныя и благотворительныя: закрывались школы, заведенныя при архіерейскихъ домахъ. Такъ, напримѣръ, митрополитъ Новгорода Великаго, Іовъ, вполнѣ сочувствовалъ необходимости образованія для дѣтей духовнаго званія, онъ выпросилъ у Петра



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Гравюра Хенрикель-Дюпонъ съ портрета Поля Деларошъ)



ВИДЪ Г. ВЫБОРГА.

(Съ фотографіи).

позволеніе завести при своемъ домѣ греко-латино-славянскую школу и разрѣшеніе взять въ эту школу, сосланныхъ въ началѣ царствованія Петра, знаменитыхъ своею ученостію монаховъ греческихъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ и имъ поручить преподаваніе греческаго языка. Школа пошла отлично; ученики уже узнали греческій языкъ настолько, что знали грамматику и могли переводить; но въ Москвѣ стали завидовать Новгороду, и начальство греко-латинской академіи, или Заиконоспасской, исходатайствовало, чтобы въ монастырскомъ приказѣ дано было повелѣніе перевести изъ Новгорода знаменитыхъ греческихъ учителей въ московскую академію и учить имъ въ московскихъ школахъ греческому языку. Знаменитыхъ учителей взяли, и школа Іова, за недостаточностію средствъ, рушилась. Но у Іова была еще другая дѣятельность; у него были госпитали и гостиницы и домъ для пріюта брошенныхъ младенцевъ.

Столько же благородный труженикъ, хотя и въ другомъ родѣ, былъ Св. Димитрій Ростовскій; онъ окончилъ большой трудъ, написалъ Четіи-Минеи, которыя и до сихъ поръ имѣютъ такое важное вліяніе на чтеніе русскаго народа. Онъ не былъ человѣкомъ съ отсталыми, закоренѣлыми понятіями и не противодѣйствовалъ, подобно многимъ лицамъ духовнаго званія, реформамъ Петра. Такъ, однажды онъ находился въ Ярославлѣ, самомъ большомъ городѣ своей епархіи; когда послѣ обѣдни онъ вышелъ изъ собора, къ нему подошло нѣсколько молодыхъ человѣкъ съ бородами и сказали:

— Владыка святой, какъ ты намъ посовѣтуешь? По царскому указу намъ велѣно брить бороды, но мы за бороды готовы голову положить; пусть намъ лучше снимутъ головы, чѣмъ бороды обрѣютъ.

Вопросъ этотъ крайне изумилъ митрополита и онъ нѣсколько мгновеній молчалъ, не зная, что отвѣчать; потомъ спросилъ:

— Что отростетъ: борода-ли обритая, или голова?

Спрашивавшіе были озадачены и послѣ минутнаго молчанія съ смущеніемъ отвѣчали:

— Борода опять выростетъ, а голова—нѣтъ.

— Такъ вамъ лучше лишиться бороды, которая и десять разъ сбритая опять выростетъ, чѣмъ лишиться головы, которая можетъ вырости только въ день воскресенія мертвыхъ,—отвѣчалъ митрополитъ и пошелъ въ свою келью.

Но этимъ не кончилось сомнѣніе народное и митрополиту пришлось много разъ доказывать, что у человѣка образъ Божій заключается не въ бородѣ, а въ невидимой душѣ и что не борода краситъ человѣка, а добрыя дѣла и честная жизнь. Послѣ такихъ разсужденій Св. Димитрій Ростовскій написалъ разсужденіе Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣкѣ; это сочиненіе, по приказанію Петра, нѣсколько разъ было перепечатано и его распространяли въ народѣ. Митрополитъ не только дѣйствовалъ на тѣхъ, которые, заботясь о спасеніи души своей, за совѣтами приходили къ нему; на немъ лежала еще важнѣйшая и несравненно труднѣйшая обязанность: ему надобно было бороться съ раскольниками и онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: «Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ».

Такъ какъ расколъ преимущественно возникаетъ отъ невѣжества и отъ незнанія священной исторіи, то Димитрій Ростовскій сдѣлалъ первый опытъ: написалъ краткую священную исторію для народнаго чтенія, съ тѣмъ, чтобы она продавалась дешево. Онъ представилъ ее на судъ ученыхъ, но тѣ нашли неточности; на это митрополитъ отвѣчалъ, что это не исторія, а только конспектъ для будущей исторіи. А неточности въ лѣтосчи-



ВИДЪ РИЖСКОЙ ГАВАНИ ВЪ XVIII В.

сленіи не могутъ послужить причиною, или поддержкою для раскольниковъ, потому что они и безъ причины, во всѣхъ самыхъ лучшихъ и честныхъ намѣреніяхъ отыскиваютъ пищу для своихъ заблужденій.

Но стремленія и труды благочестиваго митрополита пресѣклись болѣзнію; онъ самъ говоритъ: «Рада душа въ рай—грѣхи не пускаютъ. Радъ писать—здоровье измѣняетъ. Чего мнѣ, безсильному, надѣяться? Страхъ смерти напалъ на меня. Лѣтопись моя останется; найдется ли кто послѣ меня, чтобы продолжать ее и окончить? Мнѣ ничего не жаль въ жизни; богатства не накопилъ, жаль только, что оставляю дѣло, далеко не конченное». Святой старецъ скончался 28 октября 1709 года на молитвѣ. По его желанію ему въ гробъ подъ голову и подъ все тѣло положили его черновыя бумаги. Кромѣ книгъ и рукописей у него ничего не осталось.

Мы видѣли, что тяжесть войны легла на всѣ сословія русскаго народа, а реформы возбуждали столько же неудовольствія и ропота, сколько и тяжесть отъ налоговъ; но ропотъ этотъ во всѣхъ слояхъ общества ограничивался жалобами и сѣтованіями; возстаніе только обнаружива-

лось въ окраинахъ Россіи: въ Астрахани и у Башкирцевъ. Расчетъ Карла XII и Мазепы на это общее неудовольствіе на Петра оказался ошибочнымъ; вторженіе перваго и измѣна второго не подняли всей недовольной массы народной, но еще больше скрѣпили ее и заставили употреблять крайнія усилія, чтобы защитить родину отъ иноземца и изгнать изъ отечества пришельцевъ.

Послѣ Полтавской битвы новый малороссійскій гетманъ просилъ царя подтвердить старинный договоръ и избавить Малороссію отъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ притѣсненій, какими обременены были жители въ послѣднее время. Петръ на все согласился; только не позволилъ ни выводить гарнизона изъ Полтавы, ни возобновлять Сѣчи, а для устраненія недоразумѣній между казаками и русскими и для удобнѣйшаго управленія народомъ постановилъ, чтобы при гетманѣ безотлучно находился русскій бояринъ. Въ дѣйствительности же Петръ, наученный опытомъ, не довѣрялъ гетману и приставилъ къ нему человѣка вѣрнаго, чтобы тотъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлается при гетманскомъ дворѣ; иначе сказать, при гетманѣ съ этихъ поръ были царскія г л а з а и у ш и.

Отрядъ казаковъ, бѣжавшій съ Карломъ въ турецкія владѣнія, послѣ смерти Мазепы въ апрѣлѣ 1710 года, выбралъ себѣ новаго гетмана—Орлика; написанъ и подписанъ былъ договоръ между казаками и Орликомъ. Онъ послалъ воззваніе въ Малороссію къ казакамъ, приглашая ихъ пристать къ нему, какъ къ законному гетману, выбранному казаками безъ принужденія. Но царь послалъ своего человѣка въ Малороссію, чтобы предупредить возмущеніе, и вмѣстѣ съ гетманомъ неусыпно старался о томъ, чтобы сохранить въ Украйнѣ тишину и б л а г о у с т р о й с т в о.

Около этого же времени, только немного раньше, для лучшаго управленія, всѣ великорусскія области были раздѣлены на 8 г у б е р н і й: Московскую, С.-Петербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую; въ каждую изъ нихъ былъ назначенъ губернаторъ: въ Московскую—Стрѣшневъ, въ Петербургскую—Меншиковъ, въ остальныя тоже бояре, въ вѣрности и преданности которыхъ царь не сомнѣвался; одною изъ главныхъ обязанностей управителей было —доставлять въ Москву п о л н ы й с б о р ъ н а л о г о в ъ и п о д а т е й, собранныхъ съ губерніи.

Но шведская война тянулась, предвидѣлась еще новая, болѣе разорительная; несогласія съ Турціей увеличивались и должны были кончиться войною. Расходы превышали доходы. Петръ былъ въ большомъ затрудненіи, онъ, однакожъ, полагалъ, и не безъ основанія, что доходы такъ незначительны частію оттого, что до казны не все доходитъ, что собирается съ народа. Это заставило его обратить особенное вниманіе на вну-

треннее управленіе государствомъ, усилить власть правителей и возложить на нихъ большую отвѣтственность, особенно во время его отлучекъ. Петръ по этому въ 1711 году 22 февраля учредилъ: «Правительствующій Сенатъ», для управленія государствомъ во время отсутствій царя. Новое правительственное учрежденіе состояло изъ десяти членовъ: графа Мусина-Пушкина, Стрѣшнева, князя Петра Голицына, князя Михаила Долгорукаго, Племянникова, князя Григорія Волконскаго, генерала-кригсъ-цальмейстера Самарина, Опухтина, Мѣльницкаго. Оберъ-секре-



СДАЧА РИГИ 8 ІЮЛЯ 1710

(Картина А. Коцебу).

таремъ назначенъ былъ Анисимъ-Щукинъ. 2 марта изданъ былъ указъ о правахъ и отвѣтственности Сената. Правительствующему Сенату всѣ подданные и всѣ прочія правительственныя лица и учрежденія должны повиноваться въ отсутствіи царя, какъ ему самому. Ежели Сенатъ въ чемъ-нибудь произнесетъ неправильное рѣшеніе, то въ отсутствіи царя никто не имѣетъ права на него жаловаться; если же по царскомъ возвращеніи принесенная на Сенатъ жалоба окажется несправедливою, то виновные подлежатъ смертной казни.

Въ то-же время Сенату данъ былъ точный наказъ дѣятельности; показано, на какія стороны управленія обращать особенное вниманіе. Всѣ члены Сената должны были обсуждать дѣла въ общемъ собраніи; всѣмъ членамъ даны равные голоса; каждый указъ должны были подписывать всѣ сенаторы; если хотя одинъ не согласенъ съ мнѣніемъ

остальныхъ и приговоръ считаетъ несправедливымъ, то указъ не можетъ быть обнародованъ; но при этомъ несогласный съ остальными сенаторъ долженъ подать свое мнѣніе отдѣльно, за собственноручною подписью. Для того, чтобы удобнѣе разсылать указы, и для того, чтобы свѣдѣнія о губерніяхъ, какія въ Сенатѣ потребуются, были доставлены скоро и точно, при Сенатѣ изъ каждой губерніи должны были находиться особые комиссары, которые и служили для передачи указовъ губернаторамъ и губернскихъ свѣдѣній Сенату; чтобы сношенія шли безостановочно и быстро, устроены были нарочныя почты.

Послѣ учрежденія Сената, Петръ писалъ Меншикову, что всѣ губерніи, въ томъ числѣ и его, одинаково подлежатъ вѣдѣнію Сената, и онъ наравнѣ съ другими долженъ подчиниться новому учрежденію, такъ какъ его губернія не составляетъ отдѣльнаго царства.

Между прочимъ Сенату нѣсколько разъ царь подтверждалъ, чтобы денегъ собирать какъ можно больше, потому что деньги— артерія войны. Устроивъ такимъ образомъ управленіе государства на болѣе прочныхъ основаніяхъ, Петръ спѣшилъ въ свой парадизъ Петербургъ, чтобы быть ближе къ театру войны и чтобы обезопасить свой новый городъ съ сѣвера. Съ моря и съ суши осадили Выборгъ, на этотъ разъ счастливѣе; Выборгъ сдался въ іюнѣ 1710 года, и, по словамъ Петра, Петербургъ могъ лежать спокойно: для него была пріобрѣтена подушка. Вслѣдъ за Выборгомъ сдался Кексгольмъ, и вся Карелія была такимъ образомъ покорена.

Шереметевъ еще въ 1709 году осадилъ Ригу; въ ней обнаружился голодъ и моровая язва; отъ нея одинаково страдали и осажденные и осаждающіе, но Рига не вынесла и сдалась. Шведскому гарнизону было позволено выйти изъ города; но жители, природные Лифляндцы должны были остаться и присягнуть царю на вѣрность; за это имъ было предоставлены прежнее свободное провинціальное управленіе и свобода вѣроисповѣданія. Городъ Рига сохранилъ свои земли, свои доходы, свое судопроизводство, свои преимущества и привиллегіи.

Было тогда-же объявлено: ежели Пернау сдастся царю и ежели студенты университета не будутъ сопротивляться, то царь сохранитъ университету всѣ его права и привиллегіи, будетъ заботиться о прінсканіи новыхъ и лучшихъ профессоровъ, распространитъ курсы и будетъ заботиться о томъ, чтобы всегда были въ университетѣ самые ученые профессора, тѣмъ болѣе, что его царское величество намѣренъ для образованія въ университетъ присылать молодыхъ людей изъ своихъ собственныхъ государствъ, почему и предоставлялась студентамъ свобода вѣроисповѣданія; но царь предоставлялъ себѣ право при университетѣ учре-

дить особаго профессора славянскаго языка. Въ августѣ 1710 года сдались Пернау и Аренсбургъ, главный городъ острова Эзеля, въ сентябрѣ Ревель; такимъ образомъ вся Лифляндія и Эстляндія отдалась русскимъ и уже нашлись люди, какъ, напримѣръ, Курбатовъ, которые совѣтовали Петру удержать эти области за собою, чтобы имѣть побольше берега Балтійскаго моря. Около этого времени Россія сблизилась съ Курляндіей посредствомъ женитьбы молодого герцога Курляндскаго на одной изъ царскихъ племянницъ, а именно, на Аннѣ Іоанновнѣ.

Такимъ образомъ улаживались дѣла на сѣверѣ; но на югѣ было со-



ВИДЪ РЕВЕЛЯ СЪ ВЫШГОРОДОМЪ, (СЪ СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ КАРТИНКИ), И ИЗОБРАЖЕНІЕ МУНДИРОВЪ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(Изъ собранія П. Я. Дашкова).

всѣмъ не то: отношенія наши къ Турціи со дня на день становились сомнительнѣе. Порта изъявляла неудовольствіе на то, что русскія войска, во время преслѣдованія шведовъ и Мазепы, перешли границу и вторглись въ турецкія владѣнія; въ то-же время визирь требовалъ, чтобы русскіе полки отодвинулись отъ турецкихъ границъ. Но посланникъ нашъ, Толстой, съ своей стороны совѣтовалъ войска не только не отодвигать отъ турецкихъ границъ, а напротивъ усилить ихъ, потому что въ Турціи дѣлаются приготовленія къ войнѣ: всѣ турецкіе сановники увѣрены, что московскій царь, покончивъ войну съ Польшей и Швеціей, обратитъ всѣ свои силы на Турцію, и поэтому хотятъ предупредить царя. Шведскій король, Карлъ XII, стоитъ у Бендеръ и не мало содѣйствуетъ недружелюбному настроенію Турціи въ отношеніи къ Россіи. Донесеніе свое

посланникъ подтвердилъ и позднѣйшими извѣстіями; но 14 августа муфтій далъ знать Толстому, что осенью турки ничего не предпримутъ, будутъ только приготовляться къ войнѣ, непріязненныя-же дѣйствія откроютъ не ранѣе весны, но объ этомъ заблаговременно извѣстятъ посланника. Толстой старался подкупить муфтія, чтобы протянуть дѣло и, ежели можно, выдать шведскаго короля и Мазепу, который былъ еще живъ; но муфтій обѣщался во всякомъ другомъ дѣлѣ помогать русскимъ, только выдавать никого не намѣренъ.

Карлъ, съ своей стороны, писалъ султану, предлагалъ ему союзъ съ Швеціей противъ Россіи, говорилъ о могуществѣ Россіи и о томъ вредѣ для Турціи, какой произойдетъ отъ возрастанія его, и какъ на самое спасительное средство указывалъ на союзъ съ Швеціей: «Въ сопровожденіи вашей конницы,—писалъ онъ,—я возвращусь въ Польшу, подкрѣплю оставшееся тамъ войско мое и снова съ оружіемъ проникну въ сердце Россіи, чтобы положить предѣлъ честолюбивымъ и властолюбивымъ замысламъ царя».

На письмо шведскаго короля Порта отвѣчала однако въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе 20 ноября диванъ [1]) торжественно объявилъ войну Россіи, Толстого посадили въ семибашенный замокъ, а великому визирю дано было приказаніе выступить весною съ огромнымъ войскомъ.

Извѣстіе это сильно смутило Петра; самое сильное желаніе его—покончить войну и заняться устройствомъ государства, опять не могло исполниться; владѣніе берегомъ Балтійскаго моря было еще не упрочено, до мира съ Швеціей было еще далеко, а тутъ новая война! Шведы, пожалуй, могли оправиться и, чего добраго, могли отобрать всѣ недавнія завоеванія на сѣверѣ: ихъ трудно удержать за собою, когда война вспыхнетъ на югѣ и оттянетъ туда всѣ военныя силы. Союзниковъ такихъ, на которыхъ можно-бы положиться, не было; всѣ союзники были такіе, которые готовы были покинуть Петра при первой опасности. Польша волнуется, Малороссія не спокойна, надобно ему самому спѣшить на югъ, чтобы личнымъ вліяніемъ возвысить мужество войска; оборонительной войны, имѣя въ тылу Польшу и Малороссію, вести нельзя было; лучше всего напасть прямо на Турцію, но для этого надобно въ самой Турціи отыскивать себѣ союзниковъ.

Съ Даніей, какъ мы уже видѣли, былъ заключенъ оборонительный и наступательный договоръ; тамъ начались военныя дѣйствія противъ шведовъ, но ихъ вели безъ всякой энергіи, и нельзя было ожидать, чтобы

---

[1]) Турецкій сенатъ



РЕВЕЛЬ.

(Съ гравюры Мартона).

датчане, съ своимъ флотомъ и сухопутными войсками, могли отвлекать враждебныхъ России шведовъ. Долгорукій уговаривалъ датскихъ адмираловъ напасть на шведскій флотъ, чтобы въ то же время съ другой стороны вывести въ море русскій и вмѣстѣ сразиться обоимъ флотамъ; но датчане не согласились, медлили и только совѣтовались между собою.

Англія и Голландія на словахъ были очень хорошо расположены къ Россіи, а на дѣлѣ тайно всякими способами старались вредить ей; Карла перестали бояться и теперь всякій думалъ только о томъ, какъ-бы Московское царство не слишкомъ выросло и не усилилось во вредъ остальнымъ европейскимъ державамъ.

Въ Польшѣ было общее неудовольствіе; во всѣхъ слояхъ общества жаловались на разореніе отъ русскаго войска, находившагося подъ начальствомъ генерала Гольца. Долгорукій видѣлъ, что ни Августъ, ни его дипломатическіе переговоры ни къ чему не поведутъ, и потому писалъ въ 1710 году царю, чтобы Гольцъ строже смотрѣлъ за солдатами, не позволялъ имъ грабить и притѣснять поляковъ. На жалобы Долгорукаго Сенатъ не сдѣлалъ никакого распоряженія. Польскій Сенатъ съ своей

стороны дѣлалъ представленія Долгорукому, требуя вывода русскихъ войскъ, вслѣдствіе статей договора: такъ какъ въ Польшѣ нѣтъ больше враговъ то и русскому войску нечего въ Польшѣ оставаться и изнурять ее своими требованіями и поборами. Вывода войска Сенатъ требовалъ такъ настоятельно, что до тѣхъ поръ ни о какихъ другихъ дѣлахъ и говорить не хотѣлъ. Долгорукій извертывался, какъ зналъ и какъ могъ.

Между тѣмъ въ Москву прибылъ изъ Польши чрезвычайный посолъ съ требованіемъ, по договору, отдать Польшѣ Ригу, Ревель и другіе завоеванные города въ прибалтійскихъ областяхъ; на это требованіе отвѣчали, что, по случаю начинающейся войны съ Турціей, ни Риги, ни Ревеля, ни другихъ прибалтійскихъ городовъ отдать не могутъ, потому что поляки не въ состояніи удержать ихъ за собою; у нихъ нѣтъ столько войска, чтобы содержать въ нихъ довольно сильные гарнизоны и снабжать ихъ достаточнымъ количествомъ артиллеріи и боевыхъ снарядовъ; но какъ скоро война съ Швеціей и союзной ей Турціей окончится, Рига и Лифляндія будутъ отданы Польшѣ. Заднѣпровскихъ крѣпостей, которыхъ Польша также требовала, нельзя было отдать также по причинѣ войны съ Турціей, потому что крѣпости эти слишкомъ близки къ Молдавской границѣ. Польскій посланникъ такимъ образомъ ничего не выигралъ изъ своихъ главныхъ требованій, но ему были сдѣланы второстепенныя уступки; и употребляли всевозможныя средства, чтобы сохранить хорошее расположеніе польскихъ пановъ: для этого не жалѣли ни денегъ, ни обѣщаній.

Петръ очень неохотно приступалъ къ новой, турецкой войнѣ; на душѣ у него было тяжело, ему даже по временамъ казалось, что смертный часъ ожидаетъ его въ этомъ дальнемъ походѣ, и, отправляясь въ Турцію, онъ хотѣлъ даже снять съ своей души всѣ тяжести, какія на ней лежали. Самая большая изъ этихъ тяжестей была: оставить по себѣ сиротъ безъ правъ и безъ покровительства. Какъ мы уже говорили, онъ думалъ, что въ турецкой войнѣ ожидаетъ его послѣдній часъ, и потому онъ хотѣлъ устроить не только государственныя, но и личныя свои дѣла; государственныя онъ упрочилъ устройствомъ отвѣтственнаго Правительствующаго Сената и разными постановленіями, а личныя дѣла, дѣла совѣсти онъ могъ только устроить передъ своею совѣстію и лицемъ Божіимъ.

И онъ это сдѣлалъ: при взятіи Маріенбурга, въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ попалась Екатерина Скавронская, лифляндская уроженка. Петръ познакомился съ нею въ семействѣ Меншикова; Екатерина поразила его своею красотою, находчивостію и умомъ. Знакомство, мало-по-малу, превратилось въ чувство болѣе глубокое и серьезное. Связь между Петромъ и Екатериною сдѣлалась очень прочною, но царь не хо-

тѣлъ еще преступать обычая своихъ предковъ, не объявлялъ о своей новой супругѣ; она послѣ принятія православнаго исповѣданія жила съ нимъ въ Петербургѣ и въ Преображенскомъ, подъ названіемъ Екатерины Алексѣевны Михайловой.



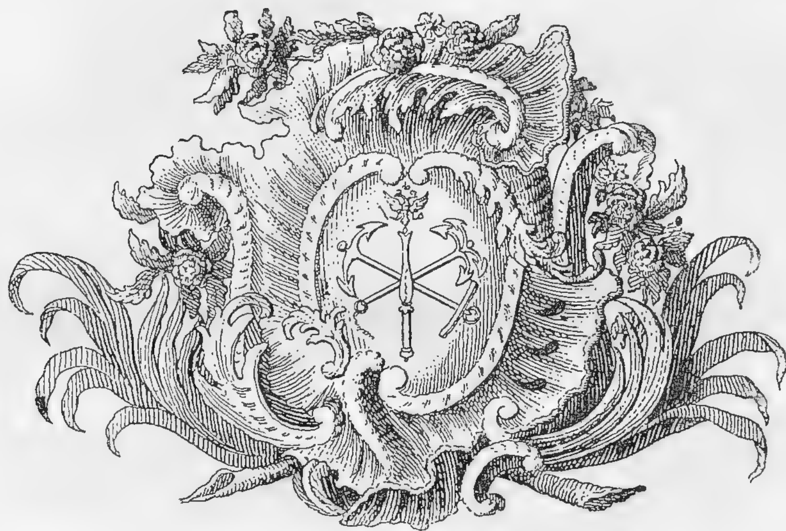
ГРАФЪ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ
(Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

Два сына Екатерины умерли; но были двѣ дочери: Елизавета и Анна; онѣ не пользовались титуломъ царевенъ, а Екатерина Алексѣевна не пользовалась правами законной супруги, и это домашнее дѣло тяготило Петра; передъ отправленіемъ въ дальній, неизвѣстный, можетъ-быть, темный, смертный путь ему надобно было исправить эту оплош-

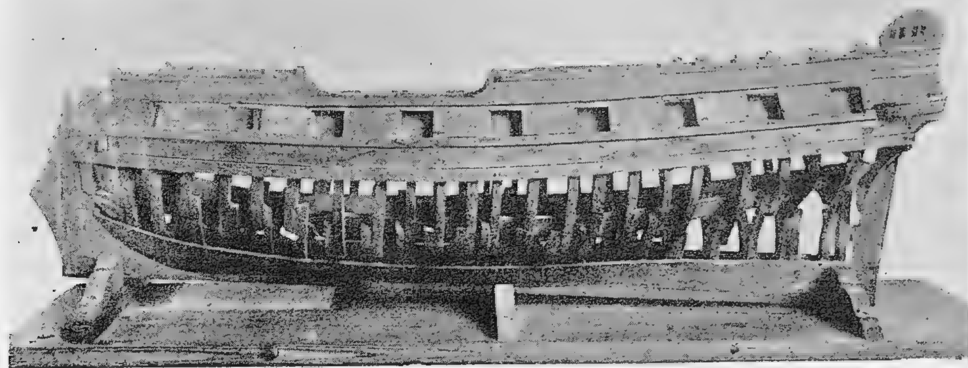
ность и передъ всѣмъ русскимъ народомъ признать ту, которую душа его такъ давно уже признала своею законною супругою.

6-го марта 1711 года Петръ снялъ съ себя это тяжелое бремя и передъ людьми и Богомъ Екатерину Алексѣевну назвалъ своею второю, Богомъ данною супругою, а дочерей призналъ царевнами.

Теперь Петръ съ большимъ спокойствіемъ приготовлялся къ походу въ Турцію; Екатерина Алексѣевна вмѣстѣ съ нимъ готовилась отправиться въ походъ какъ его признанная супруга. Охрана парадиза—Петербурга была поручена вѣрному и преданному другу и помощнику Петра, Александру Даниловичу Меншикову.



ВИНЬЕТКА ПЕТРОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ СЪ ГЕРБОМЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА.



МОДЕЛЬ КОРАБЛЯ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ РАБОТЫ ПЕТРА I.
(Морской музей).

ГЛАВА XX.

Объявленіе войны съ Турціей и отъѣздъ царя.—Его болѣзнь.—Переговоры и союзъ съ молдавскимъ господаремъ Кантемиромъ.—Шереметевъ въ Турціи.—Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.—Царь у Прута.—Положеніе русскаго войска, окруженнаго турками.—Переговоры и миръ.—Шафировъ и молодой Шереметевъ ведутъ окончательные переговоры о мирѣ.—Ихъ неудачи.—Новыя неудовольствія между Турціей и Россіей; новое объявленіе войны.—Нерѣшительность султана и неудовольствіе Карла.—Окончательный миръ.

25 февраля 1711 года въ московскомъ Успенскомъ соборѣ было прочтено народу объявленіе войны съ врагами имени Христова, нечестивыми турками. Передъ соборомъ въ полной походной аммуниціи стояли оба неутомимые гвардейскіе полки: Преображенскій и Семеновскій; царь поздравилъ ихъ съ походомъ; на ихъ новыхъ, красныхъ знаменахъ виднѣлся бѣлый крестъ съ надписью: «симъ знаменіемъ побѣдиши!». 6 марта самъ царь выѣхалъ изъ Москвы; но на дорогѣ заболѣлъ сильнымъ лихорадочнымъ пароксизмомъ; на этотъ разъ онъ былъ не одинъ: за нимъ ходила Екатерина Алексѣевна. Но за то на этотъ разъ лихорадка была необыкновенно сильна и длилась двѣ недѣли; однажды пароксизмъ продолжался полторы сутокъ и былъ такъ жестокъ, что Петръ думалъ послѣдній часъ его насталъ. Послѣ лихорадки онъ былъ до того слабъ, что, какъ маленькое дитя, долженъ былъ учиться ходить. На этотъ разъ лихорадка была такъ сильна частію и отъ душевнаго настроенія; Петръ былъ печаленъ; ему не хотѣлось войны, и онъ безъ обычной бодрости и увѣренности въ своихъ силахъ и въ помощи Божіей приступалъ къ ней; можно-бы сказать—мрачныя предчувствія мучили его.

Поправившись послѣ болѣзни, Петръ продолжалъ свое путешествіе и доѣхалъ до Яворова; тутъ расположеніе духа его нѣсколько измѣнилось; онъ получилъ изъ арміи и изъ Малороссіи пріятныя извѣстія. Шереметевъ писалъ, что русскія войска къ Днѣстру придутъ не позже 15 мая; а заднѣпровская Украйна, возставшая-было при первомъ появленіи крымскихъ татаръ, строгостію и сильными мѣрами опять приведена въ послушаніе и въ ней опять исполняются приказанія гетмана Скоропадскаго, а не Орлика, какъ это было; «крымскіе татары разбиты и съ большою потерею ушли въ Крымъ».

Въ Яворовѣ Петръ опять увидѣлся съ Августомъ и отъ него получилъ обѣщаніе на дѣятельную помощь, потому что близкое сосѣдство Польши и Турціи подвергаетъ польскія владѣнія опасности, и поэтому король обѣщался содѣйствовать планамъ Россіи 10,000 корпусомъ войскъ: но за эту помощь ему со стороны царя обѣщано было сто тысячъ рублей денегъ.

Другая, болѣе дѣйствительная помощь шла съ другой стороны; у русскихъ нашлись союзники въ самой Турціи. Христіане турецкихъ областей страдали отъ притѣсненій магометанъ и съ надеждой смотрѣли на сѣверъ, ожидая и надѣясь на спасеніе отъ единовѣрнаго имъ русскаго царя.

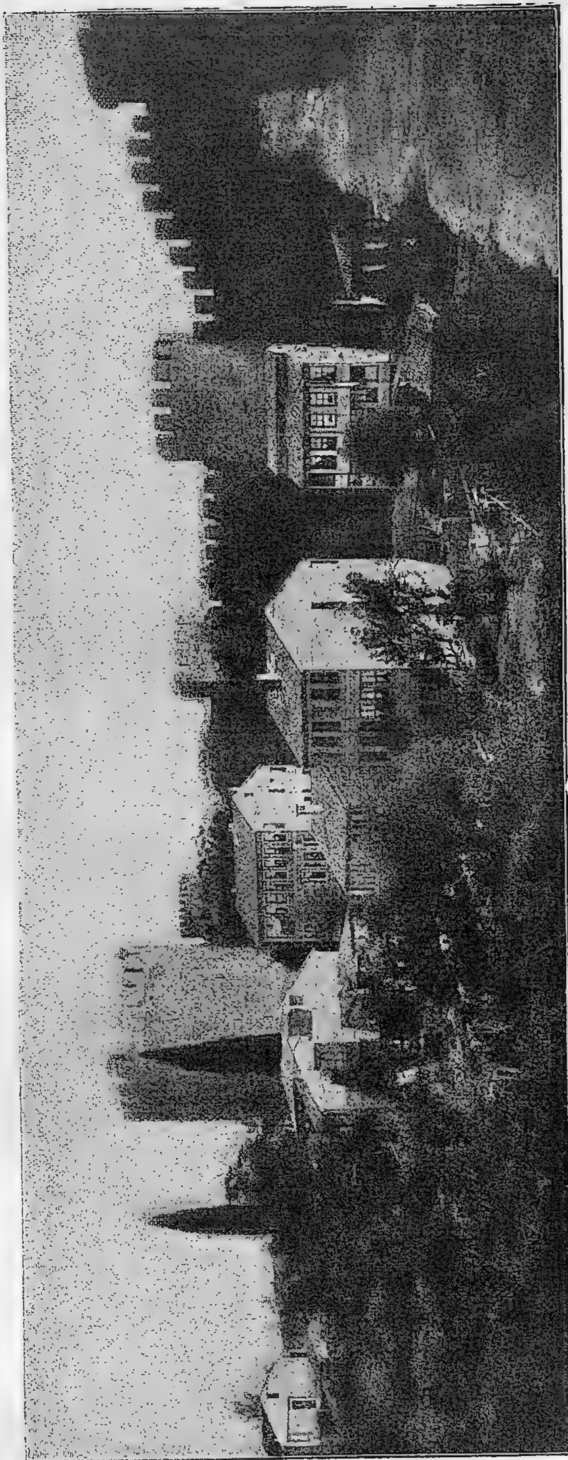
Молдавское и Валахское княжества были во главѣ христіанъ, недовольныхъ турецкимъ владычествомъ. При началѣ непріязненныхъ отношеній къ Россіи, турецкое правительство, не довѣрявшее молдавскому господарю Николаю Маврокордато, свергло его и на мѣсто его назначило Димитрія Кантемира, считая его вполнѣ преданнымъ Турціи.

Но Кантемиръ, подобно другимъ, склонялся на сторону единовѣрцевъ русскихъ и думалъ воспользоваться тѣмъ временемъ, когда полтавскій побѣдитель будетъ въ Турціи, чтобы что-нибудь выгадать; къ тому-же война должна была происходить въ его княжествѣ; онъ расчиталъ лучше русскихъ имѣть друзьями, чѣмъ врагами. Онъ сказалъ визирю, что хочетъ прикинуться приверженцемъ русскихъ, чтобы вывѣдать о ихъ силахъ, и потому просилъ позволенія войти съ ними въ сношенія; позволеніе было дано и Кантемиръ черезъ одного изъ своихъ повѣренныхъ вошелъ въ сношеніе съ Толстымъ, сидѣвшимъ въ семибашенномъ замкѣ, и въ то же время отправилъ другого къ царю въ Польшу. Оба войска сходились, положеніе Кантемира было затруднительное; подданные требовали, чтобы онъ высказался.

Кантемиръ заключилъ договоръ съ царемъ; въ немъ онъ, однако-жъ, подумалъ и о томъ, ежели-бы русскіе потерпѣли неудачу. Въ случаѣ успѣха были постановлены слѣдующія условія: 1) Молдавія получитъ

свои старинныя границы. Всѣ укрѣпленные города, до окончательнаго устройства княжества, будутъ заняты русскими войсками, но потомъ будутъ переданы молдавскимъ. 2) Молдавія никакой дани платить не будетъ. 3) Молдавскій господарь можетъ быть смѣненъ только въ случаѣ измѣны, или отступничества, но тогда на мѣсто его будетъ избранъ одинъ изъ членовъ семейства Кантемира. 4) Царь не заключитъ съ турками мира, по которому Молдавія должна опять возвратиться къ Турціи.

Кромѣ этого договора, съ Кантемиромъ былъ заключенъ второй, тайный, обезпечивавшій участь Кантемира и его семейства, въ случаѣ неудачи русскихъ въ Турціи. По этому договору Кантемиру царь обѣщался дать въ Москвѣ два дома, обезпечить его содержаніе ежегоднымъ жалованьемъ и дать ему столько помѣстій, сколько у него было въ Молдавіи. Было даже выговорено, что все данное царемъ останется за Кантемиромъ и въ такомъ случаѣ, когда онъ не захочетъ жить въ Россіи.



СЕМИБАШЕННЫЙ ЗАМОКЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Въ одно время съ Кантемиромъ христіанскіе подданные Валахіи и Сербіи и черногорцы, помимо своихъ правителей, вошли съ Петромъ въ сношенія, обѣщались возстать противъ турокъ и присоединиться къ русскимъ войскамъ, какъ только они приблизятся къ ихъ границамъ. Такія обѣщанія и обнадеживанія заставляли Петра поспѣшить въ Турцію; онъ приказалъ Шереметеву, не позже 15 или 20 мая, быть на берегахъ Днѣстра и приготовить тамъ, при помощи турецкихъ христіанъ, магазины, чтобы собравшееся тамъ войско не терпѣло отъ недостатка провіанта.

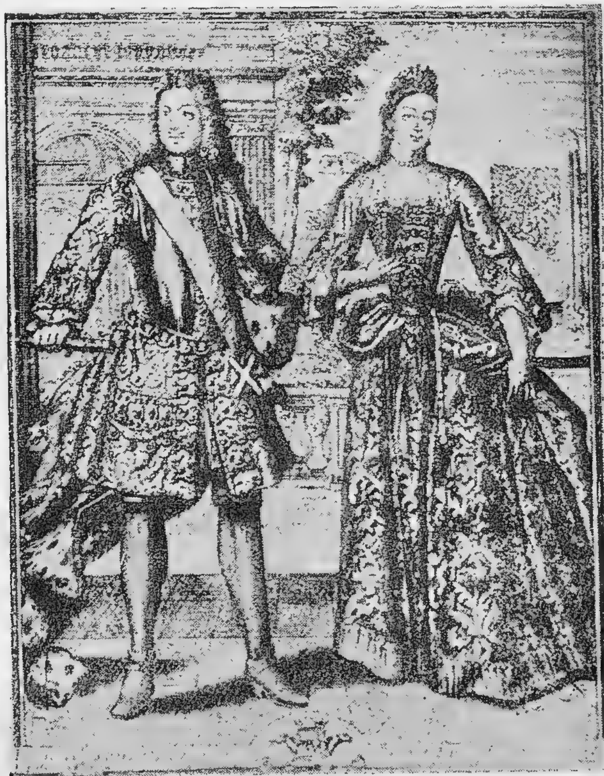
Шереметевъ перешелъ Днѣстръ; Кантемиръ волею, или какъ иные увѣряютъ, неволею объявилъ себя на сторонѣ русскихъ, и Шереметеву дано было повелѣніе спѣшить къ Дунаю, чтобы предупредить турокъ, разрушить мостъ и помѣшать имъ переправиться на эту сторону.

Передача Кантемира обрадовала Петра, и онъ самъ съ гвардіей и пѣхотой спѣшилъ къ передовой арміи Шереметева. Но тутъ начались неудачи: Шереметевъ извѣстилъ Петра, что онъ не могъ предупредить турокъ на Дунаѣ, и что они уже переправились черезъ него. Далѣе Шереметевъ жаловался на недостатокъ въ провіантѣ; магазиновъ не изъ чего было устраивать, хлѣба вовсе не было или было очень мало. Петръ съ своимъ войскомъ 12 іюня стоялъ на берегу Днѣстра; онъ упрекалъ Шереметева за то, что тотъ опоздалъ и позволилъ туркамъ раньше переправиться черезъ Дунай, и опять приказывалъ кавалерійскіе отряды отправлять для того, чтобы собрать съѣстныхъ припасовъ; ежели-же нѣтъ хлѣба, то собрать побольше скота, но при этомъ не велѣлъ грабить молдаванъ, а все покупать на деньги; главное-же, позаботиться о томъ, чтобы войску не пришлось голодать.

Шереметевъ оправдывался въ своей медленности тѣмъ, что продовольствія въ полкахъ было всего на мѣсяцъ, и для пресѣченія пути туркамъ, даже при усиленныхъ переходахъ, не было возможности раньше ихъ поспѣть къ Дунаю а, если-бы онъ отъ Днѣстра пошелъ прямо къ Дунаю, то владѣнія Кантемира остались-бы безъ защиты и были-бы разорены; въ концѣ письма Шереметевъ, однако-жъ, успокоивалъ Петра тѣмъ, что драгуны его еще не нуждаются: на мѣсяцъ у нихъ и хлѣба, и скота достаточно.

Ночью, на 24 іюня, Петръ достигъ Прута, соединился съ Шереметевымъ, оставилъ ему все войско и поспѣшилъ въ Яссы для свиданія съ Кантемиромъ. Туда-же пріѣхалъ изъ Валахіи Кантакузинъ съ объявленіемъ отъ народа готовности присоединиться къ русскимъ, какъ только они вступятъ въ Валахію. Кантакузинъ пріѣхалъ тайкомъ отъ господаря Бранкована, вполнѣ преданнаго туркамъ. Надежда на успѣхъ

еще увеличилась нерѣшительностію турокъ; султанъ поручилъ іерусалимскому патріарху снестись съ Бранкованомъ, и ежели царь согласенъ, то при его посредствѣ заключить миръ. Но Петръ наотрѣзъ отказалъ. Вмѣстѣ съ Кантемиромъ и съ Кантакузинымъ онъ отправился къ своему войску на Прутъ. На другой день, 27 іюня, праздновалась Полтавская побѣда, а на слѣдующій въ военномъ совѣтѣ разсуждали о томъ, какъ помочь недостатку провіанта. Положено было переправиться черезъ



ПЕТРЪ I И ЕКАТЕРИНА I.
(Съ рѣдкой гравюры изъ собранія П. Я. Дашкова).

Прутъ и по правому берегу идти до урочища Фальча; ниже этого мѣста идутъ почти непроходимыя болота и переправиться черезъ нихъ не было возможности; отъ Фальчи лѣсами войско должно было идти къ рѣкѣ Серету, за которою, по общей молвѣ, находились значительные турецкіе склады съѣстныхъ припасовъ по деревнямъ, около Браилова. Чтобы скорѣе, до прибытія арміи, завладѣть этими припасами, послана была кавалерія Ренне и Чирикова; вслѣдъ за нею двинулось и остальное войско, несмотря на то, что пришло извѣстіе: крымскій ханъ перешелъ Прутъ,

вслѣдъ за русскими, и идетъ по пятамъ ихъ. Въ русскомъ авангардѣ шелъ генералъ Янусъ; 7 іюля онъ далъ знать, что впереди у Прута стоитъ визирь съ турецкимъ войскомъ и что янычары уже переправляются черезъ рѣку. Петръ тотчасъ послалъ ему повелѣніе отступить къ главнымъ силамъ, и къ Ренну отправленъ нарочный съ приказаніемъ, немедленно, захвативъ сколько можно провіанту, спѣшить къ арміи. Янусъ тотчасъ отступилъ и, хотя турки тѣснили его, не давали возможности двигаться, яростно нападали, успѣлъ отвести свой отрядъ въ полномъ порядкѣ и безъ урону. Вслѣдъ за нимъ явились турки и немедленно напали на русскихъ; жаркая перестрѣлка и нападенія продолжались до поздняго вечера; къ ночи турки отступили и расположились на горѣ. Ночью въ русскомъ лагерѣ былъ военный совѣтъ; разсуждали о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ и лошадиномъ кормѣ, о томъ, что турецкое войско несравненно сильнѣе русскаго; турокъ вмѣстѣ съ татарами было 189,665 чел., а у русскихъ всего 38,246. Положено было отступать, и рано утромъ войско пошло вверхъ по Пруту; непріятельская конница преслѣдовала отступавшихъ. 9 іюля войско дошло такимъ образомъ до мѣста, носившаго названіе: Новое Станелище; здѣсь обозъ прислонился тыломъ къ рѣкѣ, а армія передъ нимъ растянулась въ одну линію. Къ вечеру явились турки и расположились въ одной верстѣ отъ русскихъ, прислонившись къ горѣ; на противоположномъ берегу Прута тоже были турецкія войска. Въ первый-же день турецкая пѣхота и конница дѣлали нападенія на русскихъ, но безъ всякаго результата; наконецъ, съ наступленіемъ сумерекъ, конница отступила, но всю ночь, не переставая, длилась канонада; при этой непрерывной стрѣльбѣ, турки окопались въ своемъ лагерѣ и поставили на земляной насыпи 300 пушекъ.

Положеніе русскаго войска было отчаянное; оно было измучено переходами, зноемъ и долгой битвой; съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного; ни ихъ, ни помощи ожидать было неоткуда. Но и визирь съ своей стороны находился въ очень затруднительномъ положеніи; отчаянное сопротивленіе русскихъ испугало его: турки потеряли до 7000 человѣкъ; янычары были недовольны и рѣшительно отказывались возобновить нападеніе на людей, которые сражаются такъ ожесточенно. Въ турецкомъ лагерѣ кричали и шумѣли; янычары громко и неотступно требовали, чтобы визирь исполнилъ приказаніе султана и заключилъ миръ; кромѣ того пришло еще непріятное для турокъ извѣстіе, что Ренне взялъ Браиловъ. 10 іюля плѣнные турки разсказали, что дѣлается въ турецкомъ лагерѣ, и объявили, что визирь только и помышляетъ, какъ-бы поскорѣе заключить миръ съ русскими. Это извѣстіе было для Петра

манною небесною; оно давало ему надежду, посредствомъ мирныхъ переговоровъ, выйти изъ своего отчаяннаго положенія.

Не думая долго, фельдмаршалъ Шереметевъ написалъ письмо и отправилъ его въ турецкій лагерь. Но отвѣта отъ визиря не было; тогда, опять отъ имени Шереметева, послано было второе письмо. На это вто-

ПЛАНЪ РАСПОЛОЖЕНІЯ РУССКИХЪ И ТУРЕЦКИХЪ ВОЙСКЪ ПРИ ПРУТѢ ВЪ 1711 ГОДУ.
(Съ современнаго плана, находящагося въ «Путешествіи» Ламотрея 1727 г).

рое письмо визирь отвѣчалъ, что онъ отъ добраго мира не отказывается, что онъ, какъ добрый мусульманинъ, выслушаетъ враговъ своихъ, и потому проситъ прислать уполномоченныхъ, чтобы начать переговоры. Того-же 10 іюля, въ турецкій лагерь отправленъ былъ подканцлеръ Шафировъ съ тремя переводчиками и съ подъячимъ; кромѣ того съ нимъ отправились для пересылокъ ротмистръ Артемій Волынскій и Михайла Бестужевъ, служившій волонтеромъ.

Положеніе русской арміи, вполнѣ окруженной сильнымъ турецкимъ

войскомъ, было отчаянное; Петръ готовъ былъ принять самыя невыгодныя условія мира, только-бы самому и всему войску не попасться въ плѣнъ. Шафирову дано было право обѣщать визирю и другимъ начальникамъ большія суммы денегъ. Между тѣмъ составили военный совѣтъ и на немъ положили: ежели непріятели ни подъ какимъ видомъ не согласятся на миръ, ежели непремѣнно потребуютъ, чтобы русскіе положили оружіе и безусловно отдались военноплѣнными, тогда оружіемъ проложить себѣ дорогу вдоль по рѣкѣ.

Шафировъ вернулся въ тотъ-же день и привезъ съ собою слѣдующія условія: 1) Отдать туркамъ Азовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ былъ взятъ; новопостроенныя крѣпости: Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новобогородицкъ, на устьѣ Самары, разорить, а пушки изъ Каменнаго Затона отдать туркамъ. 2) Въ польскія дѣла не вмѣшиваться, въ управленіе казаковъ не входить. 3) Свободная торговля между Турціей и Россіей, а царскому послу не жить въ Константинополѣ. 4) Королю шведскому предоставить свободный проѣздъ черезъ Россію и заключить съ нимъ миръ, ежели онъ того захочетъ. 5) Чтобы подданнымъ обоихъ государствъ никакихъ убытковъ и стѣсненій не было. 6) Всѣ прежнія непріязненныя отношенія предаются забвенію, и царскимъ войскамъ дозволяется свободно и безпрепятственно возвратиться въ свое отечество. Но, до исполненія всѣхъ договорныхъ пунктовъ царемъ, заложниками въ Турціи остаются подканцлеръ Шафировъ и сынъ фельдмаршала, полковникъ Шереметевъ.

Петръ безпрекословно согласился на всѣ условія и немедленно отправилъ Шафирова назадъ въ турецкій лагерь, чтобы окончательно написать условіе. Оно было написано и скрѣплено 12 іюля. Шафировъ далъ знать Петру, что онъ можетъ безпрепятственно выступать. Легко вообразить себѣ, съ какою радостью было встрѣчено извѣстіе о мирѣ. Никто не надѣялся на счастливое окончаніе отчаяннаго положенія, въ какомъ находилось войско. Очевидецъ пишетъ: когда трубачъ отправился съ первымъ предложеніемъ мира къ визирю, то Шереметевъ сказалъ, что только безумный могъ царю присовѣтовать такую попытку; если-же великій визирь приметъ предложеніе, то ему надобно отдать преимущество и назвать его безумнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ.

Войско радовалось, но Петръ глубоко тосковалъ: онъ надѣялся поднять все христіанское народонаселеніе Турціи, надѣялся побѣдить турокъ и если не прогнать ихъ изъ Европы, то, по крайней мѣрѣ, предписать имъ миръ. А между тѣмъ, чѣмъ кончились его надежды?—Онъ долженъ былъ заключить позорный миръ, отказаться отъ Азовскаго моря, отъ южнаго флота, на постройку котораго употреблены такія огромныя суммы

денегъ, потрачено столько трудовъ. Онъ упрекалъ себя за то, что самъ впалъ въ ту-же ошибку, въ которой упрекалъ Карла: съ незначительнымъ войскомъ проникнулъ въ чужое государство, не приготовилъ достаточныхъ средствъ продовольствія, шелъ впередъ и не обезопасилъ себѣ обратнаго пути; повѣрилъ слухамъ, что христіане поднимутся при его приближеніи и, какъ своимъ освободителямъ, будутъ доставлять съѣстныхъ припасовъ больше, чѣмъ нужно. Не такъ-ли точно поступилъ Карлъ, проникая въ Малороссію?

Въ Турціи отъ Шафирова тѣмъ временемъ съ каждымъ днемъ настоятельнѣе требовали исполненія прутскаго договора; онъ отговаривался и отписывался тѣмъ, что ему приказано было отвѣчать, а именно: что Азовъ будетъ отданъ и крѣпости разрушены, какъ-только Карлъ XII оставитъ турецкія владѣнія. Петръ боялся какъ-бы шведскій король опять не поднялъ на русскихъ Турцію. Положеніе Шафирова становилось затруднительнѣе и ему открыто объявлено было: «ежели Петръ не исполнитъ условій, то война будетъ объявлена, а заложниковъ предадутъ смерти»; Шафировъ съ трудомъ выторговалъ двухмѣсячный срокъ для исполненія перваго прутскаго пункта и написалъ объ этомъ въ Россію; но Петръ остался недоволенъ и отвѣчалъ, что срокъ слишкомъ коротокъ и что Азова отдать, пока Карлъ въ Турціи, невозможно. Но все-таки приступлено было къ очищенію Азова и къ разоренію Таганрога и другихъ крѣпостей. Петръ давалъ приказаніе разорять ихъ до фундамента, но его не касаться и весь матеріалъ бережно свозить въ назначенное мѣсто, чтобы найти его, когда понадобится. Онъ разсчитывалъ, покончивши войну съ Швеціей, обратить свои силы на югъ и отнять опять у турокъ города, уступленные имъ по крайней необходимости.

Переговоры шли. Тѣмъ временемъ въ Турцію пришло извѣстіе, что русскія войска остановились въ Польшѣ, что было противно прутскому договору и это еще болѣе запутало дѣло. Шафировъ писалъ царю о своемъ непріятномъ положеніи. Царь на это отвѣчалъ, что черезъ Польшу русскія войска не шли и не пойдутъ, кромѣ гвардейскаго полка, составляющаго конвой царскій; остальныя войска находятся на границѣ. Ежели шведскій король изъ Турціи пойдетъ черезъ Россію, то войска отодвинутся къ Кіеву и переждутъ тамъ, пока король не пройдетъ; если-же онъ направится въ Польшу, то войска наши останутся на своихъ мѣстахъ, а одинъ отрядъ пойдетъ въ Литву, чтобы наблюдать за движеніемъ короля. Письмо свое Петръ оканчивалъ извѣстіемъ, что партія, приверженная Августу, проситъ не выводить окончательно русскаго войска изъ Польши и находитъ даже, что семитысячный отрядъ, предположенный оставить въ Польшѣ, слишкомъ малъ, и требуетъ усилить его.

Однако-жъ, оставлять-ли отрядъ въ Польшѣ или нѣтъ—царь предоставлялъ рѣшеніе этого вопроса Шафирову. Двухмѣсячный срокъ для исполненія перваго пункта приходилъ къ концу; турецкое войско все еще было въ сборѣ; отъ Апраксина не было извѣстія о сдачѣ Азова; новый визирь, замѣнившій прежняго обвиненнаго въ измѣнѣ, требовалъ исполненія этого договора, или въ противномъ случаѣ грозилъ новой войной.

Между тѣмъ шведскій король не оставлялъ Турціи, русскіе не сдавали Азова, великаго визиря замѣнилъ султанъ другимъ—очень дурно расположеннымъ къ Россіи; положеніе русскихъ заложниковъ становилось сомнительнымъ. Новый великій визирь послалъ въ Азовъ уполномоченныхъ принять крѣпость; но они вернулись и объявили, что русскіе Азова не отдаютъ, пока шведскій король въ Турціи. Въ концѣ декабря Шафирову и Шереметеву было объявлено: такъ какъ миръ нарушенъ съ русской стороны, условія не соблюдены, то султанъ объявляетъ войну и самъ поведетъ войско въ началѣ весны; но миръ можетъ остаться неприкосновеннымъ, ежели царь согласится на слѣдующія четыре статьи: 1) Всѣмъ русскимъ войскамъ оставить Польшу и не вступать въ нее ни подъ какимъ предлогомъ, хотя-бы шведы пришли въ нее войною; ни корреспонденціи, ни союза царю съ польскимъ королемъ не имѣть. 2) Короля шведскаго отпустятъ, когда и по какому пути захотятъ; а для того, чтобы ему свободно доѣхать до своего королевства, съ нимъ заключить перемиріе на три года. 3) Отъ Украйны царь долженъ отказаться навсегда и она поступаетъ подъ покровительство высокой Порты. 4) Азовъ отдать, а Таганрогъ разорить немедленно.

Шафировъ сдружился съ англійскимъ и голландскимъ послами и черезъ нихъ началъ дѣйствовать на турокъ, доказывая имъ, что требованія неумѣренны и приняты быть не могутъ. Шафировъ извѣстилъ Петра, что мира съ турками быть не можетъ, ежели не выполнятъ условій. Турки слушали наущенія шведовъ и имъ уже не такъ важно было уничтоженіе Таганрога и возвращеніе Азова; имъ болѣе важнымъ казался выводъ войска изъ Польши.

Азовъ былъ возвращенъ, Таганрогъ разоряли, а между тѣмъ Карлъ по-прежнему оставался въ Турціи и по-прежнему домогался, чтобы непріязненныя дѣйствія между Россіей и Турціей возобновились; интриги Карла и французскаго посланника смущали турецкаго султана и ставили его въ самое невыгодное для Россіи настроеніе.

Миръ, хотя и былъ заключенъ, но очень непрочно; нашего посланника, Толстого, хотя и выпустили изъ Семибашеннаго замка, но выѣхать изъ Турціи ему не позволяли, равно какъ и заложниковъ не



ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Портретъ Н. Фростэ).

отпускали, до исполненія всѣхъ пунктовъ; такъ какъ первый былъ исполненъ, то требовали исполненія второго: вывода русскихъ войскъ изъ Польши. Довѣриться въ Константинополѣ Шафирову некому было; враги русскихъ были ловки и дѣятельны; Шафировъ боролся съ ними, сколько могъ, и явно и тайно; подкупалъ, кого можно было подкупать, и главнаго визиря, и муфтія, и мать султана, истратилъ огромныя суммы на подарки и добился того, что со стороны Порты начали поговаривать о высылкѣ Карла изъ турецкихъ владѣній. Вошли въ переговоры съ Польшею, чтобы опредѣлить условія на какихъ Карлу проѣхать черезъ Польшу: но поляки затягивали дѣло, и медлили отвѣтомъ. Шафировъ торопилъ и просилъ царя вывести войска изъ Польши, тѣмъ болѣе, что султанъ узналъ о томъ, что войска не выведены, и послалъ нарочнаго справиться, правда-ли, что русскіе все еще стоятъ въ Польшѣ.

Узнавъ, что русскихъ тамъ очень много—султанъ объявилъ Петру войну.

При этомъ турки обманулись въ своемъ ожиданіи; они думали, что Петръ при объявленіи войны тотчасъ пришлетъ къ нимъ просить мира, а между тѣмъ, никто изъ Россіи за этимъ не являлся, и только доходили слухи, что тамъ готовятся къ войнѣ, предоставляя туркамъ идти въ Россію. Съ шведскимъ королемъ у турокъ вышли опять разногласія и заключеннымъ въ Семибашенный замокъ дано знать, что турки вовсе войны начинать не намѣрены и готовы приступить къ переговорамъ о мирѣ, ежели царь пришлетъ уполномоченныхъ; но Шафировъ отвѣчалъ, что никакихъ уполномоченныхъ царь не пришлетъ, а ежели турки хотятъ переговариваться о мирѣ, то могутъ начать переговоры съ ними.

Султанъ войну объявилъ вопреки желанію всѣхъ министровъ и народа и такъ какъ пословъ отъ Петра не дождался, то выпустилъ русскихъ изъ тюрьмы и послалъ крымскаго хана въ Бендеры къ шведскому королю съ требованіемъ, чтобы онъ ѣхалъ прямо черезъ Польшу, въ сопровожденіи татаръ. Король началъ отговариваться, да и татары, наученные имъ, стали просить султана, чтобы ихъ не посылали, потому что боятся русскихъ и саксонскихъ войскъ. Раздосадованный султанъ требовалъ отъ короля и хана, чтобы непремѣнно ѣхали, или чтобы король явился къ нему въ Андріанополь. Ханъ испугался этого грознаго приказанія и вмѣстѣ съ бендерскимъ пашею неотступно приставалъ къ королю, чтобы онъ ѣхалъ или туда, или сюда. «По своему варварскому обыкновенію,—писалъ Шафировъ,—требовали сурово, а король, по своей удалой солдатской головѣ, сталъ имъ отказывать гордо; произошла ссора и присланный султаномъ конюшій грозилъ ему отсѣчь голову, но король, осердившись, выхватилъ шпагу и сказалъ, что султанскаго фирмана не

слушается, и ежели ему станутъ дѣлать насиліе, то готовъ сражаться и сумѣетъ защититься оружіемъ. Тогда турки перестали ему выдавать кормовыя деньги, сожгли всѣ амбары и припасы и окружили его войскомъ. Карлъ окопался и по военному обыкновенію приготовился къ защитѣ; велѣлъ перебить всѣхъ лишнихъ лошадей, между ними были и дорогія лошади, присланныя ему турецкимъ султаномъ въ подарокъ; мясо ихъ посолили для употребленія въ пищу во время осады. Султанъ узналъ объ этихъ приготовленіяхъ, приказалъ взять Карла силою и привезти его въ Адріанополь, если-же будетъ сопротивляться, то чинить надъ нимъ воинскій промыселъ».

Когда турки и татары приблизились къ шведскимъ окопамъ, Карлъ началъ стрѣлять въ нихъ изъ своихъ двухъ пушекъ и изъ ружей; много турокъ было побито. Турки поставили артиллерію и разнесли окопы; но Карлъ заперся въ своемъ домѣ и отстрѣливался изъ окошекъ; этого истинно-храбраго до послѣдней крайности человѣка не легко было взять; турки зажгли домъ; задыхаясь отъ дыма, Карлъ съ остатками своихъ приверженцевъ началъ перебираться въ другое строеніе, но его на дорогѣ окружили янычары, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, онъ попался въ плѣнъ; при этомъ онъ потерялъ четыре пальца, часть уха и кончикъ носа.

Карла отвезли въ Бендеры и посадили въ тюрьму. Шведовъ и поляковъ, окружавшихъ Карла и защищавшихъ его, большею частію изрубили; остальныхъ мужчинъ и женщинъ, не убитыхъ во время приступа, турки разобрали и продали на рынкахъ въ неволю.

Послѣ этого случая Толстой и Шафировъ опять приступили къ переговорамъ о подтвержденіи мира и согласились насчетъ всѣхъ требованій, только не согласились на новую границу между Россіей и Турціей и на то, чтобы по этой границѣ поселить измѣннически передавшихся шведамъ казаковъ. Послѣ долгихъ переговоровъ однако-жъ окончили несогласія съ Турціей, хотя и на невыгодныхъ для Россіи условіяхъ, но по крайней мѣрѣ обезопасившихъ южныя границы отъ нападенія, и дававшихъ Петру возможность обратить всѣ свои силы на сѣверъ, чтобы принудить Швецію къ миру.

Позорный миръ, заключенный у Прута, поставилъ Петра въ необходимость какъ можно скорѣе загладить его успѣхами на сѣверѣ; но для достиженія этого надобно было дѣйствовать заодно съ польскимъ королемъ Августомъ, и хотя по 2-му договорному пункту наши войска должны были очистить Польшу, но Петръ этотъ пунктъ понималъ буквально и считалъ позволеннымъ войска проводить черезъ Польшу и потому далъ своему сыну, царевичу Алексѣю наказъ, что ему дѣлать въ Польшѣ

во время своего отсутствія: 1) Собирать въ магазины провіанту на 6 мѣсяцевъ для 30,000 чел., считая на человѣка по 2 фунта хлѣба и по полуфунту мяса въ день. Магазины устроить по обоимъ берегамъ рѣки Варты. 2) Подлѣ магазиновъ приготовить плоскодонныя суда и плоты, чтобы хлѣбъ сплавить къ Штетину, какъ только вскроются рѣки. 3) Для устройства магазиновъ употреблять драгунъ изъ корпуса Боура, но подъ командою русскихъ офицеровъ, которымъ, подъ опасеніемъ смертной казни, запретить употреблять насиліе, при добываніи провіанта.

Петръ второй договорный пунктъ прутскаго мира понималъ такъ: чтобы ему до Польши не интересоваться, т.-е. изъ польскихъ владѣній себѣ ничего не присвоивать и въ ихъ дѣла, касательно внутренняго управленія, не вмѣшиваться; такъ онъ и поступалъ, а войска проводить черезъ Польшу считалъ своимъ правомъ и магазины для продовольствія своего войска въ Помераніи устраивать на польской землѣ тоже.

Впрочемъ и поляки ничего не имѣли противъ прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу и противъ пребыванія ихъ въ Польшѣ, лишь-бы кормились они на свой счетъ, потому что продовольствовать ихъ было имъ не по силамъ.

Въ Польшѣ по прежнему шла неурядица, были враждебныя другъ другу партіи; приверженцы короля Станислава Лещинскаго стояли за Швецію, а приверженцы Августа были болѣе склонны къ Россіи, но и эта приверженность была непрочная; на короля Августа полагаться нельзя было; по своему слабому характеру онъ готовъ былъ примириться съ Швеціей и оставить своего союзника.

Кромѣ того, неудовольствія между королемъ польскимъ и народомъ со дня на день увеличивались. Поляки требовали, чтобы король вывелъ свое саксонское войско; но король для вывода половины войска требовалъ и денегъ, и подводъ; народъ и дворянство не давали ни того, ни другого. Чуть-было не дошло до схватки; а ненависть между поляками и саксонцами возрастала. Саксонцы обходились съ поляками гордо и презрительно: съ каждаго двора тѣхъ округовъ, въ которыхъ стояли, брали поборы, по 32 злотыхъ въ мѣсяцъ. Отъ безпрерывнаго движенія войскъ то саксонскаго, то русскаго, то польскаго, разныхъ партій, Литва и Польша совершенно обнищали. Отъ Августа требовали неотступно, чтобы онъ вывелъ саксонское войско, и грозили, ежели оно еще останется, выгнать силою.

При видѣ такого настроенія въ Польшѣ, царь съ своей стороны дѣлалъ представленія королю Августу, чтобы онъ вывелъ свое войско не для пользы Россіи, но по причинѣ сильнаго неудовольствія въ Польшѣ,

вслѣдствіе котораго поляки готовы будутъ пристать не только къ королю шведскому, но даже и еще къ кому-нибудь похуже.

Неудовольствія между Августомъ и польскими его подданными возрастали и приняли характеръ междоусобной борьбы; только близость пограничнаго русскаго войска еще сдерживала негодованіе поляковъ, а то и самъ король, и всѣ его саксонцы погибли-бы въ Польшѣ; отношенія къ русскимъ войскамъ, находившимся въ Польшѣ и проходившимъ черезъ нее, были самыя дружелюбныя, несравненно лучше, чѣмъ прежде: указъ Петра не грабить и ничего не брать даромъ свято соблюдался; на русскихъ не было ни одной жалобы; ихъ встрѣчали и провожали одинаково дружелюбно.



КН. Г. Ѳ. ДОЛГОРУКІЙ.
(Грав. А. Грачовъ).

Но въ концѣ 1715 года часть русскаго войска, шедшаго въ Померанію была остановлена: Литовскій гетманъ прислалъ просить царя, чтобы онъ содѣйствовалъ умиротворенію Польши, чтобы онъ представилъ Августу о выводѣ его саксонцевъ, что въ противномъ случаѣ вооруженные коронные конфедераты силою принудятъ Литовское княжество соединиться съ недовольными и взяться за оружіе. Петръ согласился.

Дѣлать Августу было нечего, пришлось сблизиться съ могущественнымъ посредникомъ; но и это сближеніе для Августа было непріятно, потому что Петръ былъ на него сердитъ за его двоедушіе, за сношенія съ врагами и ихъ союзниками—съ шведами и французами. Августъ надѣялся посредствомъ личнаго свиданія успокоить разгнѣваннаго союзника и рѣшился ѣхать въ Данцигъ, гдѣ въ то время находился царь съ своими дипломатами графомъ Головкинымъ, вице-канцлеромъ Шафировымъ и Толстымъ, столько выстрадавшими въ Турціи; туда-же пріѣхалъ опытный посланникъ, князь Григорій Долгорукій. 24 марта, въ домѣ Головкина начались конференціи и постановлены были статьи, о которыхъ надлежало разсуждать. Главная забота польскихъ уполномоченныхъ состояла въ томъ, чтобы примирить царя съ королемъ, оставить безъ вниманія всѣ возникшія между ними подозрѣнія; обоимъ монархамъ возобновить добрыя отношенія между собою и питать другъ къ другу братскія чувства.

Головкинъ объявилъ, что царь согласенъ увидѣться съ королемъ и

съ этою цѣлью остался на мѣстѣ, а не поѣхалъ для назначеннаго имъ свиданія съ остальными союзниками, королемъ прусскимъ и датскимъ. Что касается до объясненія непріятностей, существующихъ между обоими монархами, то лучше всего разъяснить ихъ письменно. Царь соглашается содѣйствовать возстановленію внутренняго порядка въ Польшѣ по указанію, самимъ королемъ сдѣланному, но только съ условіемъ, чтобы главная причина неудовольствій между королемъ и подданными была устранена, чтобы король назначилъ срокъ, когда выведетъ саксонскія войска изъ Польши, и тотчасъ-же объявилъ-бы статьи, на основаніи которыхъ готовъ помириться съ конфедератами. Царь обѣщался позабыть всѣ свои подозрѣнія и неудовольствія и жить въ добромъ согласіи и въ дружбѣ съ королемъ, ежели получится удовлетворительный и откровенный отвѣтъ на письменно изложенныя имъ недоразумѣнія и неудовольствія и ежели король дастъ обѣщаніе, что впередъ ничего подобнаго не будетъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ въ январѣ 1717 г. собранъ былъ наконецъ однодневный сеймъ и при посредничествѣ русскаго царя, въ лицѣ полномочнаго посланника Долгорукаго, миръ между королемъ и конфедератами былъ подтвержденъ, а саксонскимъ войскамъ дано было повелѣніе очистить Польшу въ двухнедѣльный срокъ. Потомъ обѣ примирившіяся стороны приступили къ Долгорукому, чтобы и русскія войска, находившіяся въ Польшѣ, оставили ее. Долгорукій наполовину исполнилъ эту просьбу: часть войска ушла въ Украйну, а другая до весны осталась въ Польшѣ.



ТАБАКЕРКА, ВЫТОЧЕННАЯ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ ВЪ КАРЛСБАДѢ.
НАРУЖНЫЙ ВИДЪ КРЫШКИ. ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ КРЫШКИ.

ГЛАВА XXI.

Поѣздка въ Карлсбадъ.—Торгау и свиданіе съ Лейбницемъ.—Сраженіе при Гадебушѣ.—Побѣда при Швабштедѣ и Фридрихсштадтѣ.—Соглашеніе съ Меншиковымъ и секвестръ, наложенный на померанскіе города.—Походъ въ Финляндію.—Битва при Гангоудѣ.—Покореніе Финляндіи.—Буря у Березовыхъ островозъ.—Возвращеніе Карла XII.—Осада Стральзунда.—Бракосочетаніе герцога мекленбургскаго съ Екатериной Іоанновной.—Непріятное столкновеніе между союзниками у Висмара.

После возвращенія изъ турецкаго похода, Петръ, какъ мы уже замѣтили, утѣшалъ себя мыслію, что вознаградитъ свои прутскія неудачи на сѣверѣ. Но здоровье его сильно пострадало отъ безпокойствъ и трудовъ турецкаго похода. Ему надобно было хотя нѣсколько отдохнуть и подкрѣпить свои силы.

Онъ рѣшился отправиться въ Карлсбадъ и полѣчиться тамошними минеральными водами. Въ Торнѣ простился онъ съ своею супругой Екатериной Алексѣевной, находившейся теперь съ нимъ во всѣхъ походахъ, оставивъ ее тамъ подъ прикрытіемъ батальона Преображенскаго полка, и черезъ Дрезденъ и Фрейбергъ отправился въ Богемію на воды; но на пути осмотрѣлъ серебряные рудники въ Фрейбергѣ, спускался въ шахту, при свѣтѣ факеловъ осматривалъ галлереи и работу рудокоповъ.

Въ Карлсбадѣ Петръ провелъ три недѣли; цѣлебныя воды и спокойная жизнь благодѣтельно подѣйствовали на его здоровье; онъ опять

могъ приняться за свои обычныя дѣла. Изъ Карлсбада онъ поспѣшилъ въ Торгау, гдѣ его ожидалъ царевичъ Алексѣй, и гдѣ должно было совершиться бракосочетаніе царевича съ принцессою вольфенбюттельскою Шарлоттою Софіей. Петръ надѣялся посредствомъ женитьбы на иностранкѣ примирить царевича съ иностранными обычаями и пробудить въ немъ такое-же стремленіе къ западному образованію, какимъ онъ былъ проникнутъ самъ.

Тутъ-же въ Торгау Петръ нашелъ время принять германскаго ученаго Лейбница и долгое время разговаривалъ съ нимъ. На вопросъ царя, какимъ способомъ вѣрнѣе содѣйствовать распространенію наукъ и искусствъ въ Россіи, ученый Лейбницъ высказалъ свои мысли и указалъ средства. Петръ съ своей стороны обѣщался позаботиться о томъ, чтобы въ разныхъ точкахъ Россіи сдѣланы были наблюденія надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки компаса. Царь и ученый разстались, довольные другъ другомъ; Лейбницъ получилъ богатый подарокъ отъ Петра и впослѣдствіи чинъ тайнаго совѣтника юстиціи и пожизненный пенсіонъ.

Между тѣмъ, съ театра военныхъ дѣйствій приходили тревожныя извѣстія. Стральзундъ, осажденный союзными, русскими, саксонскими и датскими войсками, не сдавался; между союзниками не было согласія. Петръ поспѣшилъ къ датскому королю, чтобы условиться о томъ, какъ вести войну весною слѣдующаго года, такъ какъ наступавшая зима прервала на нѣкоторое время военныя дѣйствія. Петръ написалъ союзнымъ министрамъ слѣдующіе пункты: 1) необходимо овладѣть Стральзундомъ, или по крайней мѣрѣ островомъ Рюгеномъ; 2) договориться съ курфюрстомъ ганноверскимъ о Бременѣ и Верденѣ, чтобы ганноверскій дворъ не мѣшалъ, и 3) военныя дѣйствія начать не позже апрѣля.

Петръ отправился въ Россію, союзники всю зиму провели въ бездѣйствіи, а русскія войска стояли передъ Штетиномъ, тоже въ бездѣйствіи.

Такъ прошла не только зима, но и полъ-лѣта, несмотря на всѣ старанія русскихъ что-либо предпринять. Петръ досадовалъ, но сдѣлать ничего не могъ; отъ досады онъ ночей не спалъ, сердился, и здоровье его отъ безпрерывныхъ досадъ опять поколебалось; у него обнаружились прежнія болѣзни, но съ новою силою. Главное начальство надъ всѣмъ своимъ войскомъ онъ передалъ Августу, а самъ отправился въ Карлсбадъ на воды.

Въ Карлсбадѣ, по приказанію вѣнскаго двора, царя дожидался почетный караулъ, нарочно присланный батальонъ императорской гвардіи. Три недѣли лѣчился Петръ водами и почувствовалъ облегченіе.

Между тѣмъ, шведы сдѣлали отчаянное усиліе; шведскій фельдмаршалъ Стенбокъ собралъ послѣднія силы государства и выступилъ съ

18,000 войскомъ къ Мекленбургу. Петръ писалъ датскому королю изъ Теплица, чтобы онъ дождался соединенія съ русскимъ войскомъ, а до тѣхъ поръ ничего не предпринималъ, чтобы соединенными силами напасть на непріятеля; о томъ же самомъ онъ писалъ ему изъ Дрездена. Къ Меншикову писалъ: «Ради Бога, пользуйтесь, если представится удобный случай! хотя бы я не успѣлъ къ войску пріѣхать—не теряйте времени и съ Богомъ нападайте!»

Изъ Дрездена Петръ пріѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда, какъ обѣщано было датскому королю, къ войскамъ своимъ въ Мекленбургъ. 28 ноября



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ У КАРЛСБАДСКИХЪ СТРѢЛКОВЪ.
(Картина находящаяся въ домѣ стрѣлковъ въ Карлсбадѣ).

онъ пріѣхалъ въ главную квартиру, въ мѣстечко Лаго, оттуда въ Гистрой, куда приказалъ войску спѣшить. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что Стенбокъ двинулся къ Шверину и Гадебушу, чтобы атаковать соединенную саксонско-датскую армію, которая подъ начальствомъ датскаго короля и фельдмаршала Флеминга заслонила шведамъ дорогу. Русскія войска шли за шведами въ недальнемъ разстояніи. Петръ послалъ сказать союзникамъ, чтобъ они уклонялись отъ сраженія, пока не соединятся съ русскими. Казалось, шведскій полководецъ попался въ безвыходное положеніе; онъ былъ почти окруженъ; ему должно было или положить оружіе, или погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ, если только

всѣ союзныя войска соединятся. Петръ посылалъ одного гонца за другимъ, все съ просьбою подождать. «Но господа датчане, имѣя ревность не по разуму, какъ писалъ Петръ, и желая побѣдить одни, вступили въ сраженіе, когда русское войско было не болѣе какъ въ трехъ миляхъ, и потерпѣли полное пораженіе». Раздосадованный Петръ, узнавъ объ этомъ, отступилъ къ Гистроу. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ датскій король съ просьбою о помощи.

Въ началѣ 1713 года Петръ съ русскимъ войскомъ опять выступилъ, вслѣдъ за шведами. Ободренный побѣдою при Гадебушѣ, Стенбокъ пошелъ въ Гольштинію и сталъ при Фридрихштадтѣ; наступила оттепель и идти дальше нельзя было; но Стенбокъ, какъ искусный полководецъ, все употребилъ, чтобы защититься отъ нападенія наступавшаго русскаго войска. Онъ приказалъ открыть шлюзы и затопилъ всю болотистую мѣстность, такъ что она казалась однимъ озеромъ, а двѣ дороги, ведшія къ Фридрихштадту, шли по насыпи; онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ при Швабштедѣ построилъ укрѣпленія, въ крѣпости помѣстилъ 4,000 войска и считалъ свою позицію неприступною.

Но онъ не принялъ въ расчетъ мужества Петра. Обозрѣвъ мѣстность, Петръ предложилъ союзникамъ вмѣстѣ атаковать Фридрихштадтъ, они отказались наотрѣзъ, считая предпріятіе это не только дерзкимъ, но невозможнымъ; они даже за себя опасались, когда разбитые русскіе побѣгутъ, и не отступили только тогда, когда царь для нихъ подкрѣпленія оставилъ имъ четыре полка. Онъ рѣшительно и быстро пошелъ на Фридрихштадтъ съ своими неизмѣнными и неутомимыми гвардейскими полками; съ натиска овладѣли они батареями, завалили перекопы, выгнали шведовъ изъ Фридрихштадта, отняли у нихъ пушки, взяли 300 человѣкъ въ плѣнъ и при этомъ потеряли всего только 7 человѣкъ убитыми. Побѣдители остались въ Фридрихштадтѣ, а шведы отступили подъ стѣны Теннингена.

Стенбокъ попытался было пробиться назадъ въ Мекленбургъ, но это ему не удалось; тогда онъ вошелъ въ переговоры съ гольштейнскимъ курфюрстомъ и ему открыли ворота крѣпости Теннингенъ, куда онъ и укрылся со всѣми своими войсками; союзники осадили крѣпость.

Петръ передалъ начальство надъ войскомъ Меншикову, оставивъ ему подробное наставленіе, какъ дѣйствовать, и отправился назадъ въ Россію; по дорогѣ онъ заѣхалъ въ Берлинъ. Въ это время прусскій король Фридрихъ I скончался и на престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ I. Петръ лично увидѣлся съ новымъ королемъ, чтобы изслѣдовать, насколько онъ преданъ русскимъ, или не склоняется-ли на противную сторону. Король былъ очень ласковъ къ царю, старался ему

угождать, но ни къ чему полезному для союза царь не могъ его скло-



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ—КАМЕНЩИКЪ.
(Горельефъ Макса Гиллера).

нить, по двумъ причинамъ: 1) по причинѣ безденежья, и 2) по причинѣ окружавшихъ его сановниковъ, болѣе преданныхъ Швеціи, чѣмъ

Россіи и которымъ королю надобно было подчиняться, пока не осмотрится въ своемъ новомъ положеніи и не привыкнетъ къ нему.

Послѣ отъѣзда Петра изъ Помераніи передъ Теннингеномъ остался Меншиковъ и союзники, но ихъ какъ-бы вовсе не бывало, они вовсе не помогали Меншикову и всю тяжесть осады онъ долженъ былъ нести одинъ; осада длилась уже три мѣсяца. У осажденныхъ не было больше ни съѣстныхъ, ни боевыхъ припасовъ, и 3 мая Стенбокъ положилъ оружіе и сдался въ плѣнъ.

Послѣ уничтоженія этого послѣдняго шведскаго войска, Меншиковъ, а вслѣдъ за нимъ и союзники, двинулись въ беззащитную Померанію; взяли Рюгенъ, и князь Долгорукій требовалъ, чтобы осада Стральзунда была немедленно начата, но союзники не хотѣли слушать его представленій.

Русскій посланникъ всѣми силами настаивалъ, чтобы къ датскому двору не принимали хитраго и двоедушнаго министра гольштинскаго Герца, извѣстнаго своимъ противодѣйствіемъ всему сѣверному союзу и кознями въ пользу шведовъ, но это ему не удалось. Не успѣвшій сблизиться съ Петромъ Герцъ, обратилъ свое вниманіе на любимца царскаго, Меншикова. Его главною цѣлью было отторгнуть Россію отъ Даніи или помирить ихъ съ Швеціей, или, по крайней мѣрѣ, поссорить Данію съ Россіей и такимъ способомъ хоть одно изъ этихъ государствъ отторгнуть отъ союза.

Герцъ познакомился съ Меншиковымъ, очаровалъ его своими манерами и предложилъ ему, повидимому, очень заманчивый планъ: устроить удобный и судоходный каналъ черезъ шлезвигскія владѣнія, такъ, чтобы соединить Балтійское море съ Нѣмецкимъ и такимъ образомъ открыть для русскихъ кораблей свободное плаваніе изъ одного моря въ другое безъ того, чтобы заходить къ берегамъ Швеціи и проѣзжать по Каттегату и Зунду. Меншикову планъ этотъ очень понравился; онъ видѣлъ огромныя выгоды, какія это можетъ принести. Меншиковъ началъ очень часто видаться съ Герцомъ и, увлеченный его краснорѣчіемъ и доводами, уже вполнѣ соглашался съ нимъ, что хорошо было бы для Россіи войти въ тѣсный, дружественный союзъ съ Гольштейнъ-Готторпскимъ домомъ; зашла даже рѣчь о томъ, что не худо было бы женить молодого герцога на царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, когда они подрастутъ.

Когда Герцъ узналъ, что союзники намѣрены овладѣть шведскими городами Помераніи, то онъ предложилъ отдать эти завоеванные города не которому-нибудь изъ трехъ союзниковъ, но подъ секвестръ прусскому королю и гольштинскому администратору, съ тѣмъ, чтобы полгарнизона въ нихъ былъ прусскаго, а другая половина гольштинцевъ.

Меншиковъ разсудилъ такъ: ежели Пруссія города возьметъ подъ секвестръ, то она невольно приметъ участіе въ войнѣ и не можетъ отказаться отъ того, чтобы не принять въ ней болѣе дѣятельныхъ мѣръ и что вѣроятно выставитъ войско. Меншиковъ принялъ предложеніе; написали условія.


ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ НА ГИРШЕНШПРУНГѢ ВЪ КАРЛСБАДѢ.

Кабинеты лондонскій, ганноверскій, берлинскій и вѣнскій одобрили этотъ планъ. Но Данія не могла согласиться на то, чтобы Померанія отошла подъ секвестръ Пруссіи; такой договоръ прямо нарушалъ ея личныя выгоды, да и упорное сопротивленіе шведовъ еще лишало возможности отдавать не взятые города той или другой державѣ; Петръ тоже былъ недоволенъ самовольными распоряженіями Меншикова и писалъ ему предостерегательныя письма, а Меншиковъ опутанный хитрыми доводами краснорѣчиваго Герца, одинъ отъ себя заключилъ договоръ, что съ одними русскими войсками возьметъ Штетинъ и отдастъ его подъ секвестръ польскому королю, вмѣстѣ съ герцогомъ Гольштинскимъ; въ случаѣ же, если прусскій король захочетъ взять подъ секвестръ Штетинъ вмѣстѣ съ Гольштинцами, то имъ остается только заплатить польскому королю военные убытки, понесенные имъ во время осады.

Русскія войска дѣятельно осаждали Штетинъ; русскія ядра и бомбы производили гибельное дѣйствіе, городъ нѣсколько разъ загорался, стѣны рушились; гарнизонъ его держаться болѣе не могъ; тогда комендантъ рѣшился положить оружіе и сдать городъ, отдавши его подъ секвестръ королю прусскому и герцогу гольштинскому. Послѣ этого Меншиковъ поѣхалъ въ бранденбургскій городъ Шведъ, гдѣ при личномъ свиданіи съ королемъ заключилъ окончательный договоръ, не только объ

уступкѣ нейтральной Пруссіи и Гольштиніи подъ секвестръ, до окончанія войны, Штетина, но также и Рюгена, Стральзунда и Висмара.

Шведская армія въ Помераніи не существовала больше, крѣпости были покорены; здѣсь нечего было больше дѣлать, поэтому Меншиковъ съ русскою арміею двинулся къ границамъ Россіи, только корпусъ въ 6,000 человѣкъ остался въ Помераніи для наблюденія.

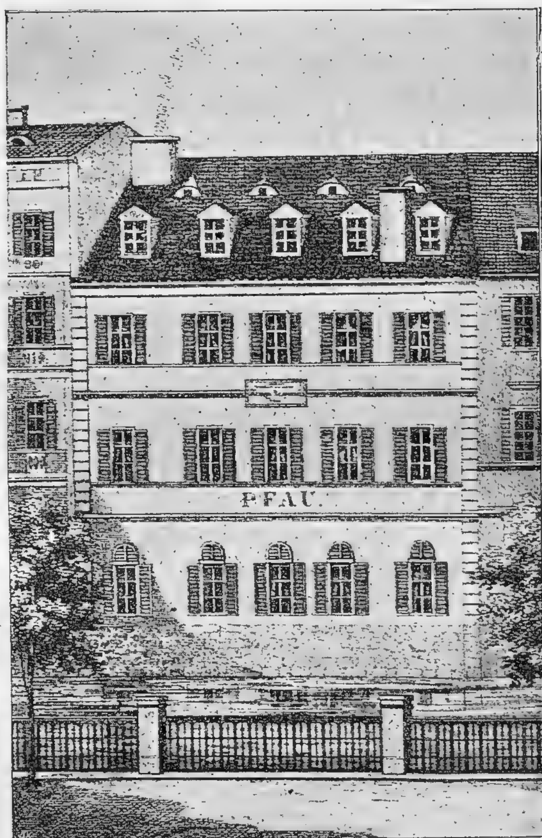
Прусскій король былъ въ восторгѣ; онъ получилъ то, чего такъ горячо желалъ. Но въ Копенгагенѣ негодовали; при датскомъ дворѣ было волненіе; датскіе министры говорили, что большаго зла Даніи невозможно было сдѣлать. Предостерегали Долгорукаго отъ коварства прусскаго двора; въ Даніи сердились, что Гольштинія при секвестраціи принимаетъ участіе, и требовали, чтобы ее вовсе отстранили; пусть лучше Пруссія одна удержитъ секвестрованные города. Раздраженіе Даніи на Голштинію было тѣмъ сильнѣе, что Герцъ предлагалъ и ей отдѣльный отъ Россіи миръ съ Швеціей. На секвестрацію при датскомъ дворѣ смотрѣли, какъ на обиду; говорили, что договоръ этотъ Меншиковъ заключилъ нарочно ко вреду Даніи, и король просилъ Петра не оставлять его, своего постояннаго и вѣрнаго союзника во всю шведскую войну, одного на гибель противъ враговъ, все еще сильныхъ.

Петръ отвѣчалъ, что онъ находитъ въ договорѣ о секвестраціи нѣкоторыя статьи, не только противныя интересамъ Даніи, но и прочихъ союзниковъ, и потому еще не утверждалъ ихъ. Статьи эти составлены безъ достаточнаго обсужденія Меншиковымъ, потому только, что наши войска оставаться не могли, а прусское правительство безъ этихъ предварительныхъ статей Штетина подъ секвестръ принимать не хотѣло. Что же касается до секвестраціи Стральзунда и Висмара, то условныя статьи будутъ написаны только послѣ соглашенія съ Даніей. Головкину поручено было пересмотрѣть статьи, исключить изъ нихъ все непріятное для Даніи и только тогда представить ихъ для утвержденія.

По окончаніи войны въ Помераніи, Петръ перенесъ свое оружіе на сѣверъ. Онъ намѣревался овладѣть Финляндіею не для того, чтобы навсегда удержать ее за собою, но для того, чтобы, при окончаніи войны и при заключеніи мира, было что отдать Швеціи и чтобы можно было удержать за собою то, чего Петру хотѣлось имѣть; нападеніе на Финляндію нужно было еще для того, чтобы заставить шведовъ поскорѣе желать и просить мира. Король датскій обѣщался въ одно время съ нападеніемъ на Финляндію, напасть на Норвегію, но не сдержалъ своего слова.

Петръ съ своею обыкновенною лихорадочною дѣятельностію началъ готовиться къ походу въ Финляндію. Въ 1713 году, въ концѣ апрѣля,

былъ готовъ галерный флотъ изъ 93 галеръ, 60 карбусовъ и 50 большихъ лодокъ съ 16,000 войска. Начальство было поручено генералъ-адмиралу Апраксину, а самъ Петръ шелъ въ авангардѣ, подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ; арьергардомъ командовалъ князь Голицынъ. Въ началѣ мая русскій флотъ явился передъ Гельсингфорсомъ; сильныя батареи защищали городъ; надъ гарнизономъ начальствовалъ генералъ Армфельдъ. Русскій флотъ два раза пытался пробиться мимо батарей, но всякій разъ былъ принужденъ отступить; тогда войска высадились и намѣрены были взять городъ приступомъ; но Армфельдъ не допустилъ до приступа, зажегъ городъ со всѣхъ концовъ и съ войскомъ отступилъ въ Борго.



Домъ «Pfau» въ Карлсбадѣ, нынѣ не существующій, въ которомъ жилъ Петръ Великій во время пребыванія въ Карлсбадѣ.

Русскіе не останавливались въ Гельсингфорсѣ, но пошли за Армфельдомъ къ Борго, который сдался русскимъ безъ большого сопротивленія.

Послѣ этого Петръ оставилъ Апраксина съ войскомъ въ Борго, самъ отправился къ Выборгу, чтобы поторопить кавалерію, и проѣхалъ къ Петербургу, чтобы поторопить вооруженіе флота и доставить помощь въ Финляндію. Вскорѣ вице-адмиралъ Крюйсъ приготовилъ флотъ къ выступленію и вышелъ въ море, чтобы прикрывать галерный флотъ отъ шведскихъ кораблей, явившихся въ Финскомъ заливѣ.

Царь между тѣмъ постоянно ѣздилъ изъ Кроншлота въ Петербургъ и обратно, присутствовалъ при пріемѣ и нагрузкѣ провіанта и въ концѣ іюля съ новымъ большимъ транспортомъ хлѣба и прочихъ съѣстныхъ и военныхъ запасовъ отправился къ Апраксину. Пользуясь временемъ, Апраксинъ изъ Борго перешелъ въ Гельсингфорсъ, вытѣснилъ изъ гавани нѣсколько военныхъ шведскихъ кораблей и укрѣпилъ гавань. Петръ

съ транспортомъ пришелъ 6 августа. Здѣсь все войско, находившееся въ Финляндіи, просило его неотступно принять титулъ полнаго сухопутнаго генерала; царь согласился и, осмотрѣвъ предварительныя гельсингфорскія укрѣпленія, приказалъ ихъ усилить и съ войскомъ пошелъ по направленію къ Або.

Либекеръ, начальникъ шведскаго войска въ Финляндіи, не осмѣливался вступать въ битву съ русскими; онъ передъ ними отступалъ, а мелкіе его отряды, при встрѣчѣ съ русскою конницею или погибали, или попадались въ плѣнъ. Жители бѣжали въ горы и по всему южному берегу русскія войска встрѣчали опустѣлыя деревни и покинутые жителями города. Або, главный городъ Финляндіи, достался безъ выстрѣла, въ немъ не было ни войска, ни жителей; пустые дома стояли съ отворенными дверями. Русскіе забирали, что имъ попадалось, по праву побѣдителей; на долю самого царя досталось дорогое пріобрѣтеніе: онъ осмотрѣлъ университетскую библіотеку и приказалъ ее отправить въ Петербургъ, бережно уложивъ книги и инструменты въ ящики.

Вскорѣ Петръ и самъ отправился въ Петербургъ, поручивъ Апраксину и Голицыну продолжать дѣйствія противъ шведовъ. Генералъ Армфельдъ заступилъ мѣсто Либекера и всѣ свои силы стянулъ къ Тавастгусу.

Апраксинъ поручилъ флотъ своему контръ-адмиралу, а самъ съ Голицынымъ сухимъ путемъ двинулся къ Тавастгусу. Войска сошлись; движенія Армфельда были стѣснены озерами; русскіе на плотахъ, наскоро сколоченныхъ, переправились черезъ рѣчку Пелкене и напали на шведовъ; послѣ трехъ часовъ упорной битвы шведы были окончательно разбиты. Блистательная эта побѣда покончила походъ этого года и вслѣдствіе ея почти вся Финляндія до Каяніи находилась въ рукахъ русскихъ.

Оставалось поразить шведовъ на морѣ такъ, какъ они были поражены на сухомъ пути. Петръ отправился въ Петербургъ и укрѣпилъ гавани: Ревель, Пернау, Ригу; чтобы въ случаѣ нападенія съ моря удачно отстаивать ихъ, вездѣ усилилъ гарнизоны и самъ разъѣзжалъ по этимъ городамъ. Въ новгородскихъ лѣсахъ стучали топоры, падали вѣковыя деревья, и въ теченіе всей зимы дѣятельно работали на верфяхъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ. Въ то-же время, по приказанію царя, посланники покупали готовые корабли въ Голландіи, Англіи и Франціи, нанимали матросовъ и шкиперовъ и принимали на службу морскихъ офицеровъ.

Начался 1714 годъ; на твердой землѣ въ Помераніи все еще продолжались переговоры; со стороны Даніи никакихъ военныхъ дѣйствій

не было; между датскимъ и саксонскимъ королями все еще продолжалось сильнѣйшее неудовольствіе: оба упрекали другъ друга въ поступкахъ, вовсе противныхъ выгодамъ сѣвернаго союза. Въ отношеніи русскихъ дружба ихъ была только на словахъ: на дѣлѣ ея не было, потому



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Портретъ кисти А. М. Матвѣева, въ Русскомъ музеѣ Императора Александра III-го въ С.-Петербургѣ).

что зависть къ усиливающемуся могуществу Петра заставляла ихъ опасаться, какъ бы онъ не вздумалъ утвердиться на нѣмецкой землѣ и для своихъ честолюбивыхъ или другихъ цѣлей, не воспользовался завоеваніями въ Помераніи. Вотъ почему союзники вмѣсто того, чтобы дружно содѣйствовать низложенію Карла и Швеціи, только мѣшали Петру и по возможности оттягивали войну.

Въ 1714 году Петръ одинъ несъ войну. Князь Голицынъ по прежнему оставался съ войскомъ въ Финляндіи и, пользуясь первою возможностію, послѣ прекращенія зимнихъ морозовъ выступилъ съ войскомъ изъ своихъ зимнихъ квартиръ въ Гельсингфорсѣ къ Вазѣ, гдѣ стоялъ Армфельдъ съ 10,000 войскомъ. Произошла битва 19 февраля; шведы потерпѣли жестокое пораженіе.

Между тѣмъ Петръ съ своимъ галернымъ и паруснымъ флотомъ вышелъ изъ Петербурга и Кроншлота. Галернымъ флотомъ начальствовалъ Апраксинъ, а на корабельномъ командовалъ самъ Петръ. Гребной флотъ пошелъ къ Ревелю, а самъ царь съ корабельною эскадрою направился къ Або. До отправленія въ море, Петръ Михайловъ вошелъ съ прошеніемъ въ морскую коллегію и просилъ о повышеніи его въ чинъ вице-адмирала, но коллегія знала, что царь несправедливости не любитъ, и потому отвѣчала:

«Коллегія не можетъ безъ причины обходить достойнѣйшаго чиномъ; передъ Петромъ Михайловымъ право на это званіе имѣетъ другой, его товарищъ по службѣ; если же контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ чѣмъ-нибудь особеннымъ отличится, то ему и будетъ данъ чинъ вице-адмирала». Петръ остался очень доволенъ такимъ рѣшеніемъ.

Русскій галерный флотъ, достигнувъ Тверемпндскаго залива, между Гельсингфорсомъ и Або, не могъ идти дальше; путь ему загородилъ весь непріятельскій флотъ: 16 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и 7 судовъ меньшаго размѣра; онъ расположился передъ мысомъ Гангоудомъ. Апраксинъ былъ въ затруднительномъ положеніи, онъ не зналъ, что дѣлать, и потребовалъ помощи русской эскадры или, чтобы Петръ присовѣтовалъ, что ему дѣлать.

Петръ поѣхалъ на совѣщаніе къ адмиралу Апраксину; всѣ случайности были взвѣшены, и согласились, какъ дѣйствовать. Петръ съ паруснымъ флотомъ сталъ такъ, что непріятель, обманутый движеніемъ, раздѣлилъ свои силы на три части. Этого ожидалъ и надѣялся царь; пользуясь удобнымъ мгновеніемъ, галеры начали пробиваться черезъ непріятельскій флотъ. Къ счастію наступилъ совершенный штиль, флюгера и паруса, какъ тряпки, повисли на мачтахъ. Лучшаго случая гребному флоту нечего было желать; передъ разсвѣтомъ 27 іюля самъ Петръ пріѣхалъ къ галерамъ, весла ударили по волнамъ, и вся гребная флотилія, несмотря на выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, безъ всякаго поврежденія, прошла мимо линейныхъ кораблей и фрегатовъ непріятеля и въ виду раздосадованнаго и изумленнаго шведскаго главнокомандующаго повернула къ мысу Гангоуду и напала на отдѣлившуюся отъ главнаго флота эскадру.

Петръ былъ во главѣ своихъ отважныхъ солдатъ; они съ своими галерами ускользали отъ шведовъ и опять нападали на нихъ оттуда, откуда ихъ не ожидали. Два часа кипѣла отчаянная битва; русскіе нападали съ возрастающею отважностію; шведы отчаянно защищались; каждое изъ отрѣзанныхъ судовъ приходилось брать приступомъ, ни одно не сда-



КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.
(Совр. портретъ).

валось добровольно; фрегатъ покорился послѣдній, командиръ его Эреншильдъ послѣдній оставилъ его и бросился въ шлюпку, чтобы искать спасенія въ бѣгствѣ; но русскіе зорко слѣдили за каждою непріятельскою лодкою и, несмотря на густой дымъ, стлавшійся по морю, схватили убѣгающаго и привели его къ побѣдителю. Петръ ласково встрѣтилъ побѣжденнаго, хвалилъ его за храбрость, сказалъ, что уважаетъ его за

отчаянное сопротивленіе, совѣтовалъ быть спокойнымъ на счетъ своей участи и заняться излѣченіемъ своихъ многочисленныхъ ранъ и тутъ же приказалъ перевязать ихъ и дать ему удобное помѣщеніе въ каютѣ.

Побѣда при Гангоудѣ обрадовала Петра; посредствомъ нея онъ освободилъ галерный флотъ, запертый шведскимъ флотомъ, и добылъ одинъ фрегатъ, десять галеръ и 116 пушекъ. Побѣда эта открыла путь къ Аландскимъ островамъ; овладѣвъ ими, Петръ навелъ ужасъ на Швецію, потому что Стокгольмъ находится только въ 15 миляхъ отъ острововъ. Шведскій адмиралъ Ваграннъ съ своимъ флотомъ отступилъ изъ Финскаго залива къ Стокгольму, чтобы защитить столицу отъ нечаяннаго нападенія.

Около этого же времени Шуваловъ взялъ Нейшлотъ, послѣднюю шведскую крѣпость въ Кареліи, и такимъ образомъ вся Финляндія находилась въ рукахъ русскихъ.

Петръ, послѣ побѣды при Гангоудѣ, съ галернымъ флотомъ дошелъ до Аландскихъ острововъ, пересѣлъ на корабль и повелъ свою эскадру къ Петербургу, чтобы побѣдой обрадовать столицу. Но его застигла буря; положеніе кораблей было въ высшей степени опасное; ежеминутно надобно было ожидать гибели; паруса и снасти были порваны; гибель казалась неизбѣжною, море готовилось поглотить одинаково и побѣдителей и побѣжденныхъ: ночь была черна; чтобы спастись, готовы были рубить мачты. Знали, что находятся на высотѣ Березовыхъ острововъ, но по причинѣ темноты опасно было приблизиться къ нимъ и бросить якорь. Одинъ Петръ нашелся, что дѣлать: приказалъ капитанамъ мачтъ пока не рубить, стараться держаться подъ вѣтромъ, а самъ бросился въ шлюпку и съ опасностью жизни направился къ берегу; борьба съ теченіемъ, волнами и вѣтромъ была долгая и отчаянная, но удалось достигнуть берега. Шлюпку вытащили, Петръ съ матросами взобрался на прибрежное возвышеніе; набрали хворосту и разложили костеръ. Яркое пламя вспыхнуло и послужило спасительнымъ маякомъ для кораблей, находившихся въ смертельной опасности. Они приблизились къ берегу и въ безопасномъ мѣстѣ, за вѣтромъ, стали на якорѣ. Здѣсь флотъ простоялъ до 4 сентября, но за противнымъ вѣтромъ потерялъ еще нѣсколько дней въ виду Кроншлота. Петръ вышелъ на берегъ въ Екатерингофѣ, гдѣ ждала его государыня Екатерина Алексѣевна. По приказанію царя приготовлено было торжественное побѣдное шествіе въ столицу. Пять галеръ великолѣпно разукрасили золотомъ, коврами и флагами, уставили на нихъ отнятые шведскіе трофеи и со всею плѣнною шведскою эскадрою, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ сопровожденіи остальнаго флота,

побѣдители вошли въ Неву; ихъ привѣтствовало войско, народъ и пушечные выстрѣлы съ крѣпости.

Шведскія знамена отнесли въ Петропавловскій соборъ, контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ съ горячею благодарностью выслушалъ благодарственный молебенъ, пошелъ въ Сенатъ и приказалъ доложить о себѣ князю-кесарю. Петръ вошелъ въ полное собраніе Сената, поклонился и подалъ написанный имъ рапортъ о гангоудской морской побѣдѣ. Кесарь хвалилъ Петра Михайлова за усердную службу отечеству и сказалъ:

— Здравствуй, вице-адмиралъ!



ГР. Ѳ. М. АПРАКСИНЪ.
(Съ совр. грав. портрета).

Петръ поблагодарилъ за повышеніе въ морскомъ званіи и, пригласивъ сенаторовъ на обѣдъ, вмѣстѣ съ ними отправился въ домъ князя Меншикова, гдѣ приготовленъ былъ пиръ; царь не забылъ пригласить плѣннаго Эренштейна и во время веселаго пиршества выставлялъ его подвиги и храбрость.

Осень наступила; но Петръ не терялъ времени; корабли на верфяхъ поспѣвали, онъ находилъ время то тутъ, то тамъ приложить собственную руку, додѣлать или исправить, въ чемъ замѣчалъ недоконченность или ошибку. Въ теченіе 1714 года русскій балтійскій флотъ увеличился нѣсколькими большими и меньшими кораблями; при спускѣ каждаго корабля Петръ радовался, какъ при рожденіи дитяти.

24 ноября Петръ обрадовалъ свою супругу Екатерину самымъ неожиданнымъ образомъ; онъ учредилъ орденъ Св. Екатерины, въ память освобожденія при Прутѣ. Въ этомъ случаѣ Екатерина, бывшая вмѣстѣ съ Петромъ, показала необыкновенную находчивость: когда всѣ отчаявались и готовились къ послѣдней отчаянной попыткѣ пробиться черезъ многочисленное турецкое войско, Екатеринѣ пришло на мысль предложить врагамъ миръ и подкрѣпить это предложеніе подарками. Мысль ея была принята, подарки изготовлены, сама царица отдала для этого всѣ свои лучшія драгоцѣнности, и мы видѣли, какой благополучный исходъ имѣло ея предложеніе.

Петръ помнилъ услугу Екатерины, оказанную ему въ такую отчаянную минуту, и въ благодарность учредилъ орденъ Св. Екатерины, названный также *орденомъ освобожденія*, и въ день ангела своей

супруги подарилъ ей орденскіе знаки, къ тому времени приготовленные, и самъ возложилъ ихъ на нее.

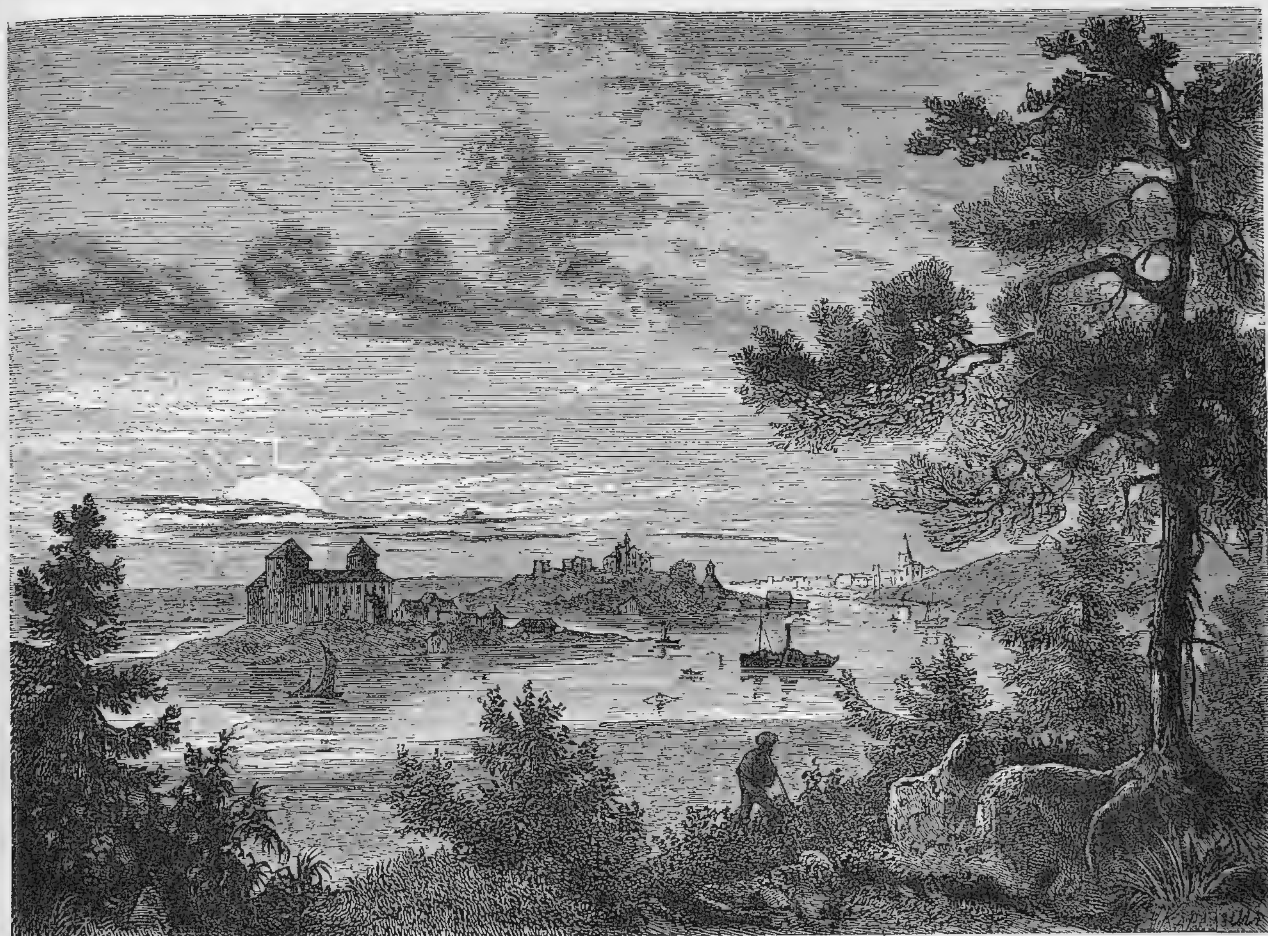
Наступила зима, Петръ по обыкновенію занялся дѣлами по внутреннему управленію и не упускалъ изъ виду того, что дѣлалось въ западной Европѣ, особенно же между членами сѣвернаго союза; тѣмъ болѣе, что шли переговоры съ Англіею, Франціею и Вѣнскимъ дворомъ. Да еще носились слухи о скоромъ возвращеніи Карла XII.

Въ ноябрѣ 1714 года слухи эти оправдались; Карлъ XII неожиданно явился въ Стральзундѣ; онъ покинулъ Турцію, гдѣ султанъ столько лѣтъ водилъ его пустыми обѣщаніями и обнадеживаніями, гдѣ наконецъ Прутскій миръ окончательно былъ принятъ и пребываніе Карла, послѣ происшествія подъ Бендерами, сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Не требуя и не ожидая почетнаго или охраннаго конвоя, Карлъ тайно оставилъ Турцію, подъ чужимъ именемъ, въ сопровожденіи одного только преданнаго человѣка, переодѣтый промчался черезъ Турцію, Венгрію, Австрію и Германію и ночью, 11 ноября, прибылъ въ Стральзундъ, послѣднее укрѣпленіе, остававшееся за Швеціей въ Помераніи.

Лишь только вѣсть о прибытіи Карла разнеслась по окрестнымъ владѣніямъ, гольштинскій правитель, Христіанъ Августъ, первый поспѣшилъ въ Стральзундъ поклониться своему родственнику и союзнику и представилъ ему своего уже прославившагося министра Герца. На Герца при всѣхъ дворахъ сѣвернаго союза смотрѣли непріязненно за его желаніе расторгнуть этотъ союзъ; ожидать отъ Даніи, Пруссіи и Россіи ему нечего было, а между тѣмъ, какъ человѣкъ честолюбивый, онъ жаждалъ дѣятельности и обширной власти; неожиданное появленіе Карла указало ему путь поднять свое значеніе.

Карлъ вытерпѣлъ много въ Турціи и въ Россіи, но его духъ не палъ, онъ хотѣлъ возвратить утраченное могущество, и каждый человѣкъ, готовый помогать ему, а еще болѣе готовый указать ему средства возвратить славу и прежнее величіе, былъ для него желаннымъ явленіемъ. Герцъ понималъ характеръ Карла и съ перваго свиданія съ нимъ, съ перваго продолжительнаго разговора умѣлъ овладѣть умомъ короля, указалъ ему возможность повернуть всѣ политическія отношенія европейскихъ державъ въ свою пользу и этимъ такъ очаровалъ его, что разстался съ нимъ уже первымъ министромъ и любимцемъ его. Герцъ тотчасъ приступилъ къ исполненію своихъ обѣщаній; онъ интригами своими приносилъ Карлу больше пользы, чѣмъ можно было ожидать отъ арміи шведской, истребленной продолжительною войною и многими пораженіями.

Появленіе Карла всѣхъ обезпокоило; вмѣсто того, чтобы воспользоваться несогласіемъ союзниковъ и при небольшой уступчивости съ своей



ВИДЪ ГОРОДА АБО.

стороны окончательно разстроить союзъ, Карлъ не хотѣлъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ Герца и хотѣлъ идти на-проломъ; онъ негодовалъ за секвестрацію городовъ Помераніи и помышлялъ только о томъ, чтобы наказать завоевателей. Онъ не захотѣлъ, несмотря на посредничество Франціи, входить въ мирныя сношенія съ сѣвернымъ союзомъ.

Долгорукій въ Берлинѣ и Головкинъ хлопотали о томъ, чтобы Пруссія открыто вошла въ сѣверный союзъ.

И наконецъ въ половинѣ мая, послѣ долгихъ переговоровъ,—союзный договоръ между королями прусскимъ, англійскимъ, датскимъ, саксонскимъ и царемъ русскимъ былъ подписанъ; положено было, чтобы отряды союзныхъ войскъ—англійскій, датскій и прусскій—осадили Висмаръ, а сами короли, датскій и прусскій—должны осадить Стральзундъ.

Немедленно послѣ своего возвращенія, Карлъ сдѣлалъ большой наборъ и усилилъ свое войско, какъ въ Швеціи, такъ и гарнизонъ Стральзунда, и лично защищалъ его. Союзники опасались Карла и находили, что войскъ у нихъ недостаточно для осады, и чтобы усилить ихъ, готовы были на помощь призвать русскихъ; но ни тотъ, ни другой короли не хотѣли содержать войско на свой счетъ и не хотѣли опять вводить его въ Померанію; переговоры въ Даніи съ Долгорукимъ, а въ Пруссіи съ Головкинымъ шли. Но сознавая свое безсиліе, сперва датскій король подписалъ договоръ, по которому требовалъ подъ Стральзундъ 15 баталіоновъ русской пѣхоты и 1000 человѣкъ кавалеріи, обѣщаясь дать имъ продовольствіе и зимнія квартиры. Лишь только прусскій король узналъ



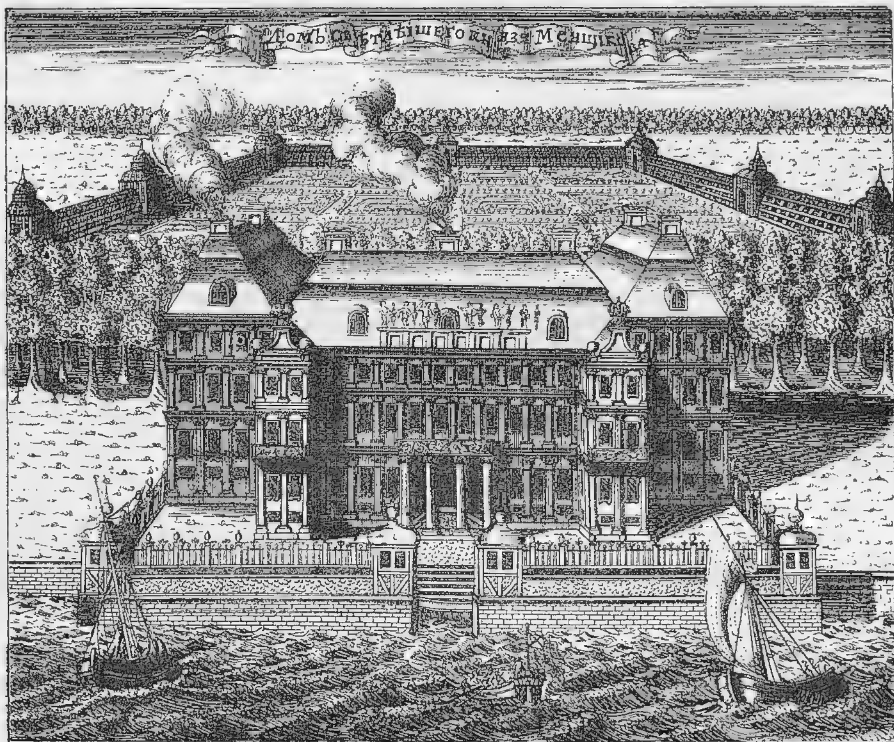
МЕДАЛЬ ПОБѢДЫ ПРИ ГАНГОУДѢ.

объ этомъ договорѣ, тотчасъ подписалъ такой-же, требуя тоже 15 баталіоновъ пѣхоты и 1000 чел. конницы, и тоже обѣщался содержать ихъ. Повелѣніе Шереметеву привести столько войска было послано, и Петръ между прочимъ писалъ ему: «если велятъ идти—иди, если не велятъ—оставайся, или иди назадъ».

Но въ это время удалось взять островъ Узедомъ и по этому случаю у союзниковъ было торжество. Стральзундъ защищался храбро и союзникамъ передъ нимъ пришлось бы долго простоять, но нашелся измѣнникъ, который показалъ способъ овладѣть имъ. Союзники воспользовались однимъ особенно сильнымъ отливомъ и по сухому дну морскому добралися до одной стороны внѣшняго укрѣпленія, недостаточно защищеннаго, овладѣли имъ, повернули найденныя на стѣнахъ 80 пушекъ на городъ и начали обстрѣливать его. Карлъ убѣдился, что долѣе держаться невозможно; ночью сѣлъ въ рыбачью лодку и, при сильномъ волненіи, посреди плавающихъ льдинъ и непріятельскихъ судовъ, переплылъ Балтійское море, и около половины декабря 1715 года ступилъ на родной берегъ Швеціи, послѣ шестнадцатилѣтняго отсутствія.

Шереметевъ нѣсколько разъ намѣревался, слѣдуя полученному приказанію идти къ Стральзунду, выступить, но всякій разъ получалъ отказъ; наконецъ послѣ взятія Стральзунда онъ окончательно остался въ Польшѣ и расположился на зимнія квартиры отъ Вислы до границъ Бранденбургскихъ.

Между тѣмъ Куракинъ, русскій посланникъ при англійскомъ дворѣ,



ДОМЪ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА НА ВАСИЛЬЕВСКОМЪ ОСТРОВѢ.
(Съ гравюры Зубова).

дѣятельно толковалъ о мирѣ съ Швеціей, при посредничествѣ Англіи; но условія Петра были тяжелы: объ отдачѣ Лифляндіи и Риги Польшѣ говорилось неопредѣленно, древнія же русскія владѣнія, отобранныя Швеціей въ смутное время, безоговорочно предполагалось возвратить Россіи; если англійскіе министры насчетъ Лифляндіи станутъ показывать слишкомъ большую недовѣрчивость, то Куракину предоставлено было право объяснить имъ, что Россія должна ее удержать за собою, какъ вознагражденіе за потерянные въ турецкой войнѣ города и области, вслѣдствіе того, что Польша не исполнила своего обѣщанія, не поддержала царя въ войнѣ, а, напротивъ, своими волненіями, смутами и двоедушными сно-

шеніями поставила русскую армію въ самое невыгодное положеніе. Къ скорѣйшему достиженію мира съ Швеціей черезъ Англію, Куракину поручено было употреблять всѣ средства убѣжденія и даже предоставлялось обѣщать въ подарокъ до 200,000 ефимковъ. Но никакія убѣжденія не помогли: не было средствъ убѣдить Карла XII къ миру или принудить его къ нему.

Петръ въ 1716 году задумалъ скорѣе окончить войну посредствомъ высадки на шведскій берегъ, и такимъ образомъ перенести войну въ самую Швецію. Планъ былъ отличный, но союзники, какъ обыкновенно, изъ личныхъ выгодъ и меркантильныхъ опасеній, мѣшали ему; начались нескончаемые переговоры; датчане боялись за Норвегію и не сводили глазъ съ осажденнаго Висмара, который долженъ былъ сдаться не столько по причинѣ силы осаждающихъ или вреда ими наносимаго, сколько отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Положено было, при личномъ свиданіи короля съ царемъ, условиться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Послѣ взятія Висмара начали толковать о томъ, гдѣ имъ увидѣться.

Въ концѣ января 1716 года, Петръ вмѣстѣ съ царицею и съ царевною Екатериной Іоанновной выѣхали изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы въ Данцигѣ совершено было бракосочетаніе царевны съ герцогомъ мекленбургскимъ, Леопольдомъ.

Первые шаги для заключенія брака были сдѣланы еще въ 1714 году, но предложеніе возобновлено въ 1716 и въ Петербургѣ былъ составленъ брачный договоръ, по которому Екатеринѣ Іоанновнѣ предоставлялась свобода вѣроисповѣданія, право завести свою часовню для отправленія церковныхъ обрядовъ; герцогъ обязывался выдавать ей ежегодно по 6000 ефимковъ на булавки, содержать ея личный штатъ, а въ случаѣ вдовства, герцогиня должна была получать по 25,000 ефимковъ на свое содержаніе и на содержаніе своего двора. Царь съ своей стороны обѣщался дать племянницѣ достаточное количество брилліантовъ, платья, бѣлья и экипажей. Далѣе обязывался всѣми силами содѣйствовать покоренію Висмара и Варнемюнде и послать для этого достаточное войско; если-же по какому-бы то ни было непредвидѣнному обстоятельству Петру не удалось-бы получить Висмара, то царь, въ видѣ приданаго, обязуется герцогу выплатить 200,000 рублей.

Петръ, въ сопровожденіи царицы, царевны и двора, прибылъ въ Данцигъ, гдѣ находилась главная квартира Шереметева; но пріѣздъ царя и свадебныя приготовленія были не на радость жителямъ Данцига. Онъ пріѣхалъ въ Данцигъ 18 февраля въ воскресенье, въ то время, когда, обыкновенно, на время обѣдни, запирали городскія ворота. Улицы были пусты, всѣ жители сидѣли дома или были въ церкви. Петръ отправился



ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

(Портретъ кисти Хубракена, гравированный Мооромъ. Внизу два клейма: одно съ видомъ морской баталіи, другое съ планомъ Петербурга.)

прямо въ церковь, безъ малѣйшаго шума вошелъ въ нее, сѣлъ рядомъ съ бургомистромъ на скамью и сталъ слушать проповѣдь. Въ церкви было холодно, и такъ какъ Петръ парика не носилъ, то его обнаженная голова озябла; дрожь пробѣжала по его тѣлу. Никому не говоря ни слова, Петръ преспокойно двумя пальцами взялъ напудренный, большой



КНЯЗЬ БОРИСЪ ИВАНОВИЧЪ КУРАКИНЪ.
(Съ совр. портрета).

парикъ бургомистра и надѣлъ его себѣ на голову къ общему удивленію всѣхъ присутствующихъ: но Петръ не обратилъ вниманія на изумленіе и досаду своего сосѣда и спокойно продолжалъ слушать проповѣдь. Когда обѣдня кончилась, Петръ снялъ опять парикъ и самъ положилъ его на голову своего сосѣда, кивнувъ ему въ знакъ благодарности головою. Оставшіеся приближенные царя объяснили бургомистру, что Петръ не

привыкъ церемониться; когда ему и прежде бывало холодно, то иногда бралъ парикъ у Меншикова и у другихъ.

Герцогъ Леопольдъ былъ ревностный почитатель Карла XII, но несмотря на это, надѣялся, подобно остальнымъ сосѣдямъ, поживиться на счетъ побѣжденнаго короля; вотъ почему въ брачномъ договорѣ была рѣчь о Висмарѣ. Вѣсть о томъ, что царь отдаетъ свою племянницу за герцога Леопольда, возбудила неудовольствіе союзниковъ и англійскаго двора. Посланники предупреждали Петра, что разводъ съ первой женой герцога мекленбургскаго недѣйствителенъ, и потому второй бракъ можетъ считаться незаконнымъ; предупреждали насчетъ характера и честныхъ видовъ герцога, но всѣ эти предостереженія пришли уже слишкомъ поздно, когда уже день бракосочетанія былъ назначенъ и съ женихомъ былъ заключенъ договоръ, съ обѣихъ сторонъ скрѣпленный.

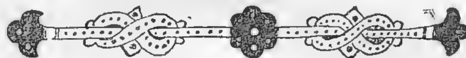
Бракосочетаніе было совершено въ присутствіи царя, царицы, придворныхъ съ обѣихъ сторонъ и множества иностранныхъ представителей; пиры, фейерверки и балы продолжались нѣсколько дней.

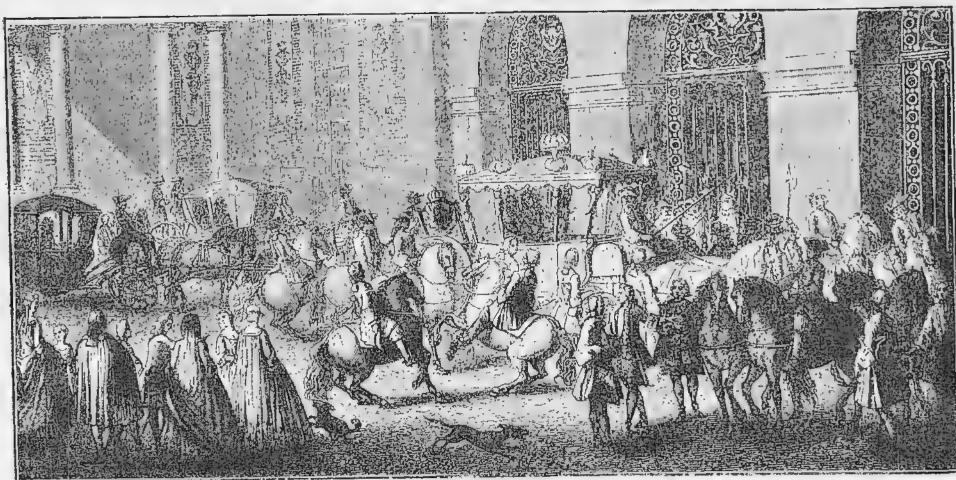
Свадебные пиры, однако-жъ, не отвлекали вниманія Петра отъ существеннаго. Онъ досадовалъ на невниманіе союзниковъ къ его любимому плану—высадкѣ на берегъ Швеціи, что они, вмѣсто того, чтобы воспользоваться временемъ и всѣми союзными силами ударить на Швецію, думали только о Висмарѣ. Чтобы выполнить обѣщаніе, данное Леопольду Мекленбургскому, а частію для того, чтобы въ государствѣ родственника имѣть безопасную гавань, Петръ приказалъ Рѣпнину идти къ Висмару и помочь союзникамъ поскорѣе овладѣть городомъ.

Рѣпнинъ спѣшилъ съ войскомъ, чтобы исполнить волю царя. Но союзники успѣли предупредить русскаго генерала: съ гарнизономъ Висмара вошли въ сношенія и городъ сдался; Рѣпнинъ пришелъ въ то самое время, когда союзныя войска уже вступали въ городъ, но его не пустили, подъ предлогомъ, что на это не получено формальнаго приказанія. Рѣпнинъ требовалъ, чтобы союзные генералы послали справиться къ своему правительству.

— Ежели вы не пошлете,—говорилъ онъ, — то я самъ пошлю; ежели-же вы моихъ людей не пустите въ городъ, то будете отвѣчать.

Несмотря однако-жъ на это довольно рѣзкое требованіе, Рѣпнина не пустили въ Висмаръ; отъ ссоры чуть не дошло до кровопролитія, но русскія войска должны были отступить.





ВЪѢЗДЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ПАРИЖЪ.

ГЛАВА XXII.

Переговоры съ Даніей о высадкѣ въ Шонію.—Неудача.—Поѣздка Петра въ Амстердамъ.—Неудовольствія съ Англіей.—Путешествіе въ Парижъ.—Приступъ къ началу мирныхъ переговоровъ съ Швеціей.—Условія съ Пруссіей насчетъ начала мирныхъ переговоровъ съ Швеціей.

Извѣстіе о непріятностяхъ при Висмарѣ досадовало Петра, но онъ подавилъ это чувство, потому что считалъ для себя несравненно важнѣе заботиться о высадкѣ въ Швеціи, нежели хлопотать о какой-нибудь второстепенной непріятности. При личномъ свиданіи съ прусскимъ королемъ въ Штетинѣ и съ датскимъ въ Альтонѣ, окончательно условились насчетъ высадки въ Швецію. Съ одной стороны русскія войска должны были направиться черезъ Зундъ и высадиться на восточный берегъ, въ то-же время и на западный берегъ сдѣлать высадку, подъ прикрытіемъ англійскаго флота. Казалось, все устроилось какъ нельзя лучше; оба союзника согласились уступить Висмаръ герцогу мекленбургскому.

Но непріятности, постоянное принужденіе сдерживать пылкіе порывы своего характера и, больше всего, безпрерывныя заботы и работа до того изнурили здоровье царя, что ему необходимо было отправиться на минеральныя воды въ Пирмонтъ.

Лишь-только курсъ лѣченія окончился, Петръ поспѣшилъ въ Ростокъ къ своей галерной эскадрѣ, приготовленной для перевозки пѣхоты въ Копенгагенъ, а оттуда въ Швецію. Конницу-же въ числѣ 5,000 человѣкъ послалъ сухимъ путемъ изъ Мекленбурга, черезъ Гольштинію, Шлезвигъ и Фіонію. Но между тѣмъ союзники опять заколебались: Долгорукій донесъ царю, что датскій король во время разговора съ нимъ замѣтилъ, что на помощь англійскаго флота разсчитывать нельзя, потому что англійскому королю непріятно (противно) допустить высадку въ Шонію.

— Отчего-же непріятно?—спросилъ посланникъ.

— Оттого, что англичане подозрѣваютъ царя, а подозрѣніе возбуждено вмѣшательствомъ его въ мекленбургскія дѣла, очевиднымъ предпочтеніемъ, оказаннымъ мекленбургскому герцогу и наконецъ появленіемъ сильнаго войска въ Ростокѣ.

Петръ написалъ Куракину, чтобы онъ какъ можно скорѣе заключилъ наступательный договоръ съ королемъ, потому что безъ англійскаго флота нельзя и думать о высадкѣ. Но несмотря на всѣ старанія Куракина переговоры не приводили ни къ чему.

Датчане начали еще больше прежняго опасаться за свои владѣнія въ Норвегіи; Карлъ съ 20,000 войскомъ напалъ на нее, и всѣ усилія Даніи клонились къ защитѣ Христіаніи, о высадкѣ перестали и думать.

Такъ прошелъ весь іюль и половина августа. Шведы между тѣмъ успѣли укрѣпить берега Шоніи. Чтобы не вполнѣ терять понапрасну силы, Петръ уговорилъ датскаго короля послать соединенный флотъ въ Зундъ, гдѣ скопилось до ста купеческихъ кораблей разныхъ націй, чтобы провести ихъ по Балтійскому морю до мѣста назначенія.

Датскій король согласился на желаніе царя и поручилъ ему начальство надъ соединеннымъ флотомъ. При страстной любви къ мореплаванію такое предложеніе было очень лестно для царя, и онъ, скучая бездѣйствіемъ, радостно принялъ команду.

Царскій штандартъ взвился на гротстеньгѣ русскаго линейнаго корабля «Ингерманландія» и соединенный флотъ привѣтствовалъ его обычнымъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Флотъ, въ сопровожденіи купеческихъ кораблей, вышелъ въ море, и англичане подивились стройности и точности маневровъ русскихъ, такъ недавно познакомившихся съ мореплаваніемъ. Знаніе и безстрашіе Петра еще больше удивляли ихъ, но и при этомъ удовольствіи оказалась горечь, опять со стороны датчанъ. Они неохотно исполняли приказанія своего главнокомандующаго; ихъ корабли отставали, «дѣлали все, какъ-будто лѣнивые наемники, которые исполняютъ чужое, а не свое дѣло», какъ выразился Петръ. Флотъ проводилъ купеческія суда до острова Борнгольма, дальше плаваніе было безопасно:



ПЕТРЪ І-Й.
(Гравюра Мюллера, съ портрета писаннаго въ Голландіи въ 1717 г.)

шведскій флотъ ушелъ въ Карлскрону, а Петръ возвратился въ Копенгагенъ.

Тѣмъ временемъ самое лучшее лѣтнее время было пропущено. Въ Копенгагенѣ очевидно хотѣли заставить Петра сдѣлать высадку въ самое неудобное, осеннее время. Но Петръ былъ остороженъ отъ природы, а многія военныя неудачи сдѣлали его еще осторожнѣе. 1 сентября онъ созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ:

— Такъ какъ наступаетъ осень, то предпринимать-ли высадку, тогда какъ дивизія Рѣпнина по медленности датчанъ еще не перевезена?

Всѣ единогласно отвѣчали:

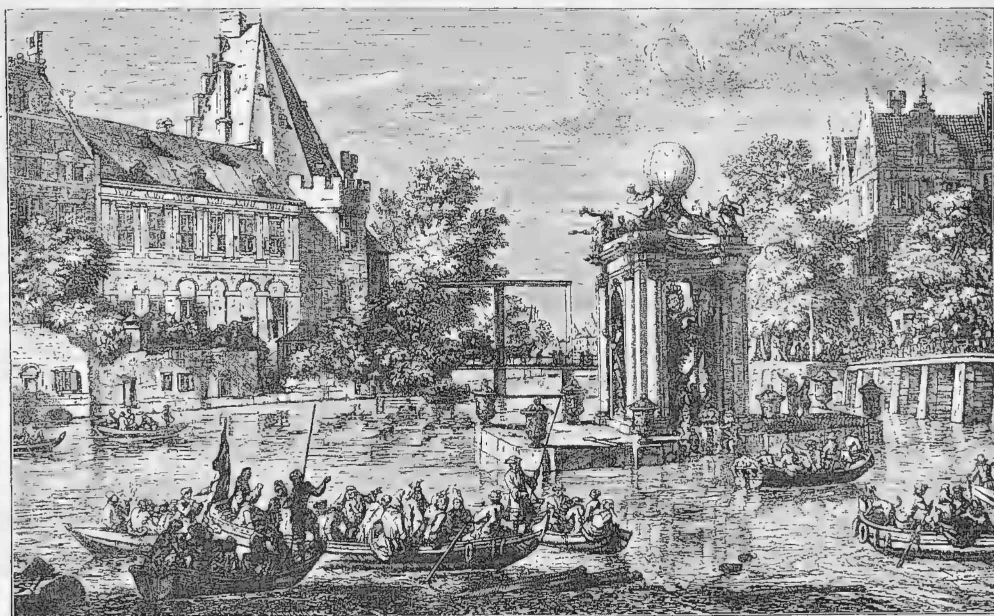
— Высадку надобно отложить до будущей весны,—о чемъ Петръ и объявилъ датскому двору.

Въ октябрѣ Петръ въ сопровожденіи царицы и ея свиты выѣхалъ изъ Копенгагена, оставилъ ее въ Шверинѣ, а самъ отправился на свиданіе съ прусскимъ королемъ. Неудовольствія ганноверскаго и англійскаго дворовъ возрастали; по причинѣ интригъ ихъ дипломатовъ высадка въ Шонію не удалась; Петру дѣлали непріятности на каждомъ шагу; союзъ съ Даніей былъ очень ненадеженъ; къ прусскому королю посылали также письма, чтобы вооружить его противъ царя, но при всѣхъ проискахъ одинъ только прусскій король оставался неизмѣнно преданнымъ Петру и довѣрялъ ему. При личномъ свиданіи, союзъ съ нимъ еще болѣе утвердился.

Англійскіе и ганноверскіе министры встревожились помѣщеніемъ русскихъ войскъ въ Мекленбургѣ и представляли прусскому королю необходимость избавить отъ нихъ германскія земли; неудачное исполненіе намѣренія высадиться въ Шоніи вполнѣ приписывали Петру, говоря, что это было только предлогомъ ввести войско въ германскія земли, чтобы утвердиться въ нихъ и завладѣть ими. Петръ представилъ королю дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и убѣдилъ его; но остальныя державы на всѣ предложенія, во всѣхъ случаяхъ твердили одно: «вывести войско изъ Мекленбурга».

Въ ноябрѣ Петръ выѣхалъ въ Гамбургъ, направляясь въ Голландію, съ намѣреніемъ оттуда проѣхать въ Парижъ, и къ 6 декабря Петръ прибылъ въ Амстердамъ, куда вслѣдъ за нимъ на другой день пріѣхали всѣ русскіе дипломаты.

Петръ намѣревался пробыть въ Амстердамѣ довольно долго и посѣтить знакомыя мѣста, сюда-же онъ ожидалъ царицу, которая по случаю нездоровья ѣхала очень медленно. Въ своихъ письмахъ, имѣя въ виду дурныя дороги и нездоровье Екатерины, Петръ неоднократно совѣтовалъ супругѣ отложить путешествіе, но прибавлялъ, что предоставляетъ все



ВЪѢЗДЪ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ АМСТЕРДАМЪ.
(Съ гравюры Мушерона).

на волю царицы. При проѣздѣ черезъ ганноверскія владѣнія, простой народъ надѣлалъ ей множество непріятностей; буйная толпа съ ругательствами и бранью окружила карету и, какъ самъ Петръ говоритъ, съ козелъ сбила кучера; всѣхъ людей придворныхъ отогнали побоями отъ кареты, посажали, какъ воровъ, на телѣги и повезли, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, не давая отдыху, по самой дурной дорогѣ; отъ чрезмѣрнаго утомленія, безпокойства и вынесеннаго испуга царица захворала въ Везелѣ; 2 января 1717 года у нея родился сынъ Павелъ и она объ этомъ приказала написать царю. Извѣстіе о рожденіи царевича очень обрадовало Петра; онъ было хотѣлъ ѣхать самъ, но у него сдѣлался сильный лихорадочный пароксизмъ, который уложилъ его въ постель; однако-жъ, онъ поздравилъ письмомъ царицу съ рожденіемъ сына, говорилъ, что радость оживила его и онъ уже чувствуетъ себя лучше. Но на другой день пришло извѣстіе, что новорожденный младенецъ умеръ, а мать сильно больна и очень слаба. Петръ печалился, былъ нетерпѣливъ, хотѣлъ ѣхать къ больной женѣ, но отъ душевнаго волненія собственная болѣзнь усилилась и продолжалась до 10 февраля; царица между тѣмъ оправилась гораздо раньше и была уже въ Амстердамѣ 10 февраля

Болѣзнь держала царя въ постели, но не лишала его возможности

заниматься дѣлами; онъ дѣлалъ распоряженія по внутреннему управленію Россіи, посылалъ указы въ Сенатъ, приказанія генераламъ, требовалъ, чтобы его извѣщали обо всемъ, что происходило въ государствѣ, и входилъ даже въ мелочи. Ему присылали для просмотра всѣ вновь отпечатанныя въ Россіи книги; молодые люди, отправленные за границу, чтобы учиться, должны были являться къ нему, и онъ самъ разговаривалъ съ ними, экзаменовалъ ихъ и поручалъ профессорамъ, извѣстнымъ по разнымъ отраслямъ знанія.

Иностранныя сношенія шли своимъ порядкомъ, и министры доносили ему обо всемъ, что дѣлалось въ Европѣ. Изъ Англіи получено было извѣстіе, что открылся заговоръ противъ короля Георга, въ которомъ, какъ оказалось, принималъ участіе и шведскій посланникъ.

Это было такое обстоятельство, что могло побудить Англію приступить къ союзу съ врагами Швеціи и начать съ нею войну; царь своему посланнику поручилъ разузнать объ этомъ, слѣдить, что дѣлается, и доносить ему обо всемъ, что узнаетъ, и при случаѣ сказать, что царь желаетъ дружбы съ королемъ англійскимъ и готовъ вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ общаго непріятеля. Чтобы привлечь его на свою сторону, Петръ готовъ былъ на всякія уступки.

Но въ Англіи, несмотря на явное недоброжелательство Швеціи, все-таки не хотѣли дѣйствовать за-одно съ Россіей и твердили по старому: ничего нельзя постановить, ничего нельзя предпринять, пока войска русскія будутъ оставаться въ Мекленбургѣ.

Между заботами объ управленіи своего государства и политическими отношеніями, Петръ находилъ время осматривать многое въ Амстердамѣ и показывать любопытныя вещи любознательной Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Онъ преимущественно познакомилъ ее со всѣми мѣстами, пріятными ему по воспоминаніямъ; поѣхалъ съ нею въ Саардамъ, гдѣ нашелъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ. Онъ узналъ, что прежній домохозяинъ его Кистъ впалъ въ большую бѣдность и служитъ въ чужой кузницѣ работникомъ. Петръ пошелъ туда и велѣлъ его вызвать. Узнавъ, что царь его спрашиваетъ, строптивый голландецъ съ досадой воскликнулъ:

— Что мнѣ до царя, не хочу его видѣть, онъ мнѣ еще долженъ за квартиру!

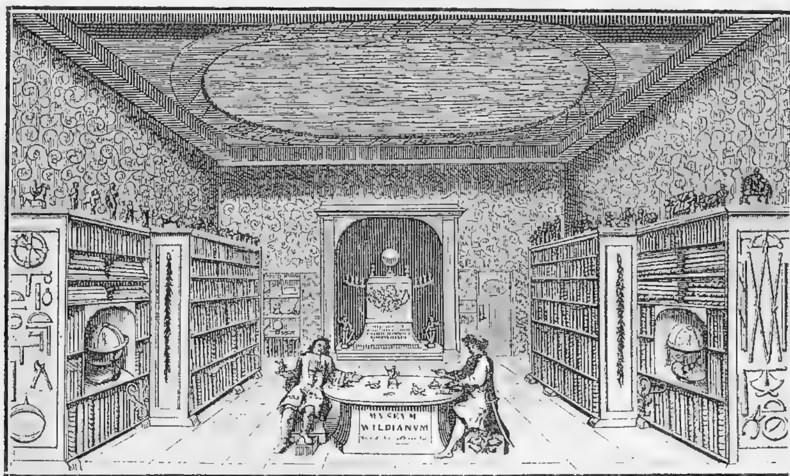
Петру донесли, что говоритъ старикъ; онъ стремительно вошелъ въ кузницу, обнялъ сердитаго старика и съ участіемъ разспрашивалъ его объ его положеніи; щедро заплатилъ ему старый долгъ, далъ денегъ, чтобы ему поправиться, и на память подарилъ ему серебряный кубокъ.

Онъ осматривалъ мастерскія, фабрики, бывалъ въ мастерскихъ живописцевъ, купилъ нѣсколько картинъ въ свой Петергофскій дво-

рецъ, купилъ анатомическій кабинетъ профессора Рюйша и его собраніе рѣдкостей.

Недовѣрчивость англійскаго двора ясно обнаруживалась изъ каждаго донесенія нашего посланника въ Англіи; на союзъ разсчитывать нельзя было, Петръ хотѣлъ попытаться съ другой стороны: нельзя-ли чего-нибудь добиться черезъ Францію, и 24 марта выѣхалъ изъ Голландіи во Францію; онъ оставилъ свою супругу Екатерину Алексѣевну въ Роттердамѣ, гдѣ простился съ нею; она возвратилась въ Гаагу, а царь отправился во Францію.

Во Франціи въ то время царствовалъ Людовикъ XV, семилѣтній



ПЕТРЪ I ВЪ КАБИНЕТѢ ГОЛЛАНДСКАГО СОБИРАТЕЛЯ РѢДКОСТЕЙ ВИЛЬДЕ.
(Съ соврем. офорта дочери Вильде).

мальчикъ, а вмѣсто него дѣлами управлялъ регентъ, герцогъ Орлеанскій. Петръ надѣялся, при личномъ свиданіи съ регентомъ, привлечь его къ себѣ, заключить союзъ съ Франціей и посредствомъ ея посредничества добиться давно желаннаго мира съ Швеціей.

Лишь только регентъ узналъ о приближеніи царя къ границамъ Франціи, онъ послалъ къ нему навстрѣчу маршала Тессе съ эскадрономъ лейбъ-гвардіи; въ Парижъ Петръ прибылъ 26 апрѣля, въ девять часовъ вечера, осмотрѣвъ по пути различные укрѣпленія, фабрики и заводы. Комнаты для царя и его свиты были приготовлены въ Луврѣ: но Петръ нашелъ, что помѣщеніе это слишкомъ великолѣпно, что ежели не онъ, то прислуга, не привыкшая къ роскоши, можетъ что-нибудь испортить, и требовалъ, чтобы ему отвели помѣщеніе попроще, въ домѣ какого-нибудь частнаго человѣка. Ему немедленно отвели отель Ледигьера (Lediguières), но и въ этомъ домѣ роскошь и великолѣпіе не соотвѣтство-

вали простотѣ царя; онъ приказалъ принести свою походную складную постель и для спальни выбралъ себѣ гардеробную, какъ самую простую комнату, гдѣ и поставили походную кровать его.

Колоссальное во всѣхъ отношеніяхъ явленіе Петра поразило впечатлительныхъ французовъ; они съ любопытствомъ смотрѣли на Петра и удивлялись ему; вотъ какъ его наружность описываютъ современники: «Онъ былъ высокъ ростомъ, отлично сложенъ, строенъ, худощавъ; глаза его поражали своею красотою и живостію, но по временамъ въ нихъ сверкало дикое пламя, и тогда невозможно было вынести блеска его пронзительнаго взгляда; въ такія мгновенія по лицу его пробѣгали судорожныя подергиванья. Иногда, когда онъ хотѣлъ показать ласку и привѣтливость, лицо его становилось необыкновенно ясно и очаровательно, но при всемъ томъ сохраняло величіе. Его движенія были порывисты и обнаруживали его пылкій характеръ, исполненный страстей. Онъ не стѣснялся свѣтскими приличіями и, напротивъ, всегда отдавался влеченію своего независимаго, оригинальнаго и дѣятельнаго духа; по его смѣлымъ и рѣшительнымъ движеніямъ и поступкамъ, онъ повсюду казался хозяиномъ и распоряжался вездѣ, какъ у себя дома. Когда толпа любопытныхъ или посѣтителей надоѣдала ему, онъ или удалялъ ихъ однимъ грознымъ движеніемъ руки, или словомъ; иногда же самъ поспѣшно уходилъ. Иногда, за какимъ-нибудь обѣдомъ, или во время разговора ему приходила въ голову какая-нибудь мысль, онъ прерывалъ разговоръ и выходилъ въ другую комнату, или останавливался на фразѣ, вынималъ записную книгу и записывалъ въ ней замѣчаніе; иногда вставалъ изъ-за стола, выходилъ изъ дома, садился въ первый попавшійся экипажъ и ѣхалъ осматривать то, о чемъ вспомнилъ, и очень часто, возвратившись, опять садился за столъ или продолжалъ начатый разговоръ».

Маршалу Тессе и гвардіи, приставленной безотлучно провожать его, было не легко угоняться за нимъ, и они скакали за царскимъ экипажемъ изъ конца въ конецъ Парижа. Одѣвался Петръ очень просто: онъ носилъ по большей части короткій кафтанъ изъ сѣраго сукна, широкій кожаный поясъ, на которомъ висѣла сабля; на головѣ короткій черный парикъ безъ пудры, не спускавшійся дальше шеи, бѣлую рубашку голландскаго полотна, безъ манжетъ. Онъ ежедневно вставалъ въ 4 часа, обѣдалъ въ одиннадцать и ужиналъ въ восемь часовъ, а къ десяти уже ложился спать.

На другой день послѣ пріѣзда Петра, регентъ, герцогъ Орлеанскій, сдѣлалъ ему визитъ; царь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу, обнялъ и поцѣловалъ его. Потомъ движеніемъ руки пригласилъ его въ кабинетъ, быстро повернулся и первый вошелъ туда; вслѣдъ за нимъ

туда же вошелъ регентъ и князь Куракинъ, какъ переводчикъ. Царь и регентъ сѣли въ кресла, а Куракинъ стоялъ; съ полчаса продолжался разговоръ; вслѣдъ за тѣмъ Петръ всталъ, простился съ регентомъ и про-



ПЕТРЪ I.

(Съ портрета Натье, 1718).

водилъ его до самаго того мѣста, на которомъ встрѣтилъ его: регентъ низко поклонился царю, а онъ отвѣчалъ легкимъ поклономъ головою.

Петру хотѣлось посковѣе все осмотрѣть въ этомъ любопытномъ го-

родѣ, уже тогда считавшемся центромъ европейскаго образованія; но царю пришлось нѣсколько дней просидѣть дома, въ ожиданіи королевскаго визита и прочихъ церемоній, о которыхъ самъ писалъ Екатеринѣ: «Объявляю вамъ, что дня два или три долженъ сидѣть дома для визитовъ и прочей церемоніи и поэтому еще ничего не видалъ, но съ завтрашняго или послѣ-завтрашняго дня начну все осматривать. Сколько по дорогѣ могъ замѣтить, то нахожу, что простой народъ находится въ большой бѣдности».

На другой день послѣ этого письма, 29 апрѣля маленькій семилѣтній король Людовикъ XV сдѣлалъ царю визитъ. Петръ встрѣтилъ его у кареты; королевскій воспитатель Вильруа, вмѣсто своего воспитанника произнесъ привѣтственную рѣчь царю. Петръ взялъ малютку короля за руку и рядомъ съ нимъ вошелъ въ комнаты, король находился у царя по правую руку. Въ кабинетѣ оба сѣли чинно и разговоръ продолжался около четверти часа, потомъ Петръ всталъ, взялъ маленькаго Людовика на руки, обнималъ и цѣловалъ его, смотрѣлъ на него съ нѣжностію и сказалъ:

— Я держу теперь Францію въ своихъ рукахъ!

Послѣ этого оба государя съ прежнею важностію вышли изъ кабинета и Петръ до кареты проводилъ своего гостя. На другой день Петръ отдалъ визитъ королю; когда карета подъѣзжала, царь замѣтилъ, что маленькій король бѣжитъ къ нему навстрѣчу съ лѣстницы, Петръ, не дожидаясь, чтобы экипажъ остановился, выскочилъ изъ кареты, побѣжалъ къ малюткѣ навстрѣчу, взялъ его на руки и по лѣстницѣ взнесъ въ залу; церемоніальное шествіе было такое же, какъ наканунѣ, съ тою только разницею, что въ этотъ день Петръ шелъ по правую руку.

Отдѣлавшись отъ церемоніальныхъ визитовъ, Петръ съ жаромъ началъ осматривать Парижъ; онъ ничего не оставлялъ безъ вниманія: заходилъ въ лавки, въ мастерскія ремесленниковъ, черезъ Куракина разспрашивалъ объ ихъ работахъ, осматривалъ ихъ и поражалъ своимъ знаніемъ дѣла, но при этомъ мало вниманія обращалъ на предметы роскоши, или на вещи только красивыя: но все, что касалось полезныхъ предметовъ, возбуждало его любопытство и вниманіе; онъ осматривалъ, вникалъ, хотѣлъ удержать видѣнное въ памяти и очевидно воспользоваться пріобрѣтаемыми знаніями. Онъ входилъ въ техническія подробности и всѣхъ удивлялъ своими вѣрными и точными замѣчаніями. Зоологическій садъ (jardin des Plantes) понравился ему, и онъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривалъ звѣрей и разспрашивалъ о нравахъ и привычкахъ животныхъ. Механическій кабинетъ обратилъ на себя особенное вниманіе Петра, и онъ нѣсколько часовъ провелъ въ немъ;

въ оперѣ просидѣлъ онъ только три акта, а въ тотъ же день все утро оставался въ галлереѣ плановъ и чертежей. Онъ присутствовалъ при су-



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Писалъ художникъ И. Натчіэ, грав. Э. Чемесовъ).

дебномъ преніи въ парламентѣ, и посѣщеніе это, по опредѣленію парламента, какъ случай необыкновенный, внесено было въ парлемантскіе

акты на память для потомства. Петръ посѣтилъ Сорбонскую академію; здѣсь показали ему нѣсколько славянскихъ книгъ и рукописей и обратили рѣчь на соединеніе церквей, представляя такой подвигъ великимъ; но Петръ отвѣчалъ, что это дѣло духовенства и что вопросъ этотъ можетъ рѣшить только патріархъ и Вселенскій соборъ.

При посѣщеніи монетнаго двора, по случаю посѣщенія Франціи такимъ государемъ, какъ Петръ, для него былъ приготовленъ сюрпризъ, крайне изумившій и обрадовавшій царя. Онъ по обыкновенію съ любопытствомъ осматривалъ все производство работъ монетнаго двора, всѣ станки и всѣ орудія, начиная отъ самыхъ мелкихъ, до самыхъ крупныхъ, потомъ просилъ, чтобы ему показали тиски и чеканы для медалей. Начальникъ монетнаго двора, показывавшій ихъ, предложилъ Петру, не хочетъ-ли онъ посмотрѣть самое производство работъ, приказалъ подать нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ кружковъ, приготовленныхъ для медалей, и велѣлъ мастеру приготовить штемпель медали.

— Какой прикажете?—спросилъ мастеръ.

— Все равно, какой-нибудь! Какой ближе, тотъ и годится.

Штемпель вложили, мастеръ положилъ на него золотой кружокъ и оттиснулъ медаль. Царь не спускалъ глазъ съ мастера и первый подошелъ, когда изъ тисковъ начали вынимать еще совершенно горячую медаль; но каково было удивленіе царя, когда онъ взглянулъ на нее! Съ одной стороны былъ его, превосходно сдѣланный, портретъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и съ надписью: Petrus Alexievitz Tzar Mag. Russ. Imperat., а на другой сторонѣ восходящее солнце, рѣка и парящая надъ нею слава съ двумя трубами и съ надписью Crescit eundo, т. е. шествуя возрастаетъ; внизу Lutet. Parisi. MDCCXVII.

Петръ долго не могъ отвести глазъ отъ этой медали, удивлялся и воскликнулъ:

— Это я, дѣйствительно я!

Потомъ, въ присутствіи же царя были выбиты еще нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ медалей, золотыя были розданы знатнѣйшимъ особамъ царской свиты, а серебряныя остальнымъ.

Петръ не оставилъ безъ вниманія и загородныхъ дворцовъ. Онъ былъ въ Сен-Сирѣ и осматривалъ тамошній знаменитый женскій институтъ, заведенный г-жею Ментенонъ; царь побывалъ во всѣхъ классахъ, приказалъ объяснить себѣ ходъ преподаванія и всѣ занятія дѣвицъ. Осмотрѣвъ заведеніе, царь захотѣлъ видѣть и учредительницу его. Госпожа Ментенонъ была больна и скорѣе отъ старости, чѣмъ отъ болѣзни, не вставала съ постели; она не хотѣла принимать посѣщенія царя, но его не легко было отклонить отъ однажды принятаго намѣренія. Царь

приказалъ сказать ей, что придетъ только на минуту, не помѣшаетъ ей.



ВСТРѢЧА ПЕТРА I СЪ КОРОЛЕМЪ ФРАНЦІИ ЛЮДОВИКОМЪ XV.

(Совр. гравюра).

Онъ тихонько, безъ шума вошелъ въ комнату и, отдернувъ занавѣску у постели, ласково поздоровался съ нею, сказавъ, что пріѣхалъ во Францію

съ цѣлью видѣть все примѣчательное, видѣлъ благодѣтельное заведеніе, устроенное ею для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, и не могъ покинуть его, не повидавшись съ его знаменитой учредительницей. Петръ сѣлъ подлѣ постели г-жи Ментенонъ и спросилъ:

— Чѣмъ она больна?

Она отвѣчала:

— Старостію.

— Да,—отвѣчалъ царь,—это болѣзнь общая всѣмъ тѣмъ, которые заживаются на свѣтѣ.

9 іюня царь оставилъ Парижъ; жители, постоянно бѣгавшіе за нимъ толпами, проводили его громкими восклицаніями. Петръ отправился на минеральныя воды въ Спа и пользовался ими въ продолженіе 4 недѣль; потомъ водою, изъ Маастрихта внизъ по Маасу, отправился въ Голландію и встрѣтился съ своей супругой въ Амстердамѣ.

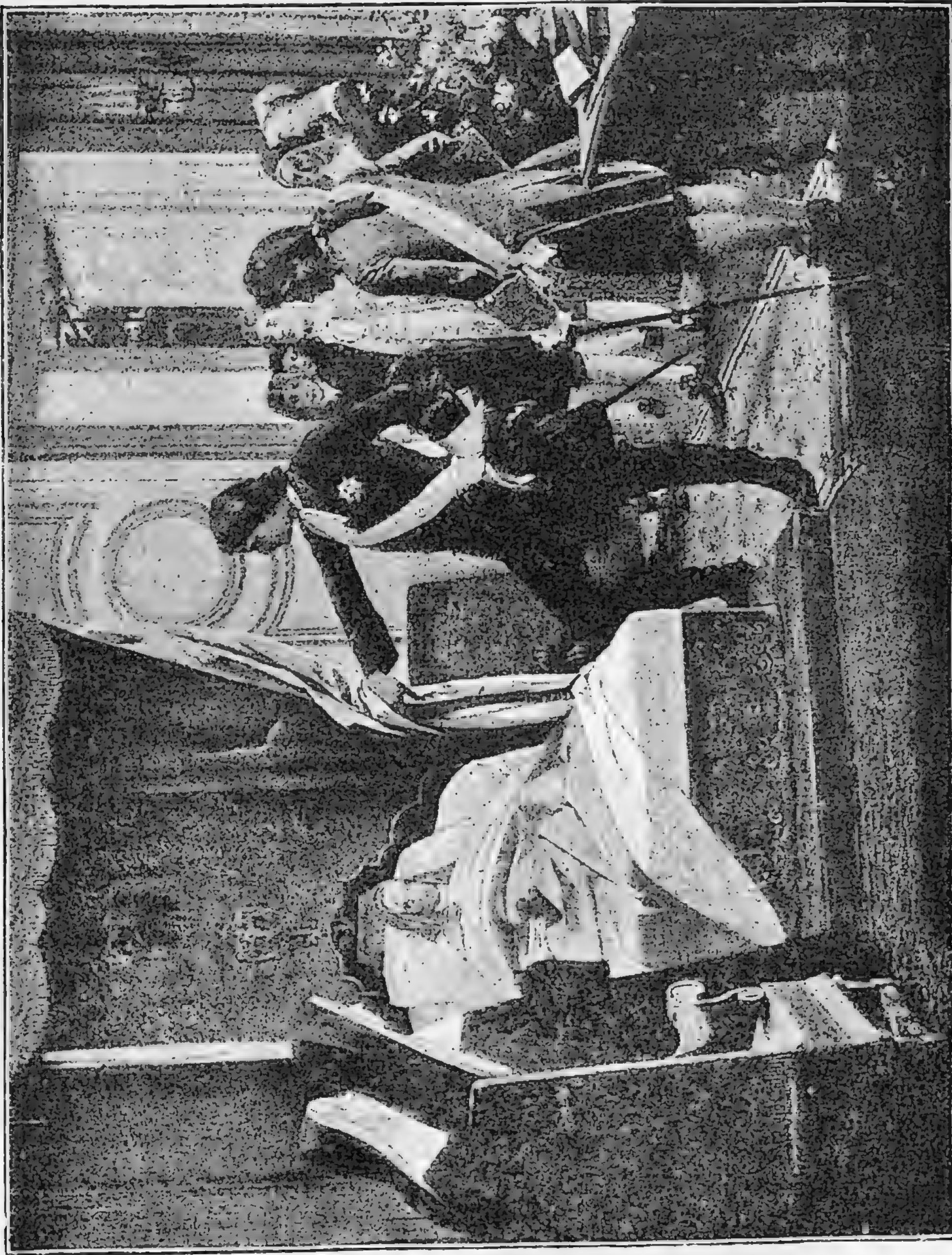
Хотя главная цѣль поѣздки Петра была отвлечь Францію отъ союза съ Англіей и, напротивъ, привлечь ее въ свою сторону, но она не удалась, однако Петръ пріобрѣлъ хорошее расположеніе регента и разстался съ нимъ и съ маленькимъ королемъ при самыхъ дружелюбныхъ чувствахъ, которыя впослѣдствіи обнаружились дружественнымъ торговымъ договоромъ, заключеннымъ въ августѣ того же года; къ нему же присоединился и прусскій король и сверхъ того всѣ три государя обязались всѣми силами стараться окончить сѣверную войну. Въ то-же время Куракинъ велъ переговоры о мирѣ съ Швеціей, но нерѣшительно.

Между тѣмъ, время начать новую кампанію приближалось, но Данія не показывала никакой поспѣшности, ни король, ни министры не показывали желанія возобновлять ея и потому молчали.

Непріятности съ Ганноверомъ и англійскимъ дворомъ изъ-за мекленбургскихъ дѣлъ продолжались; чтобы разомъ положить конецъ этимъ клеветамъ, Петръ далъ приказаніе русскимъ войскамъ выйти изъ Мекленбурга. Но отъ этого отношенія съ союзниками не поправились; охлажденіе между ними возрастало; Петръ намѣревался сохранить дружбу хотя одного союзника—короля прусскаго. Поѣздка во Францію чуть было не возбудила здѣсь подозрѣнія, но короля успокоили тѣмъ, что поѣздка эта предпринята изъ любопытства посмотрѣть на Парижъ и съ цѣлью полѣчиться минеральными водами въ Спа.

Долгая сѣверная война утомила не однихъ союзниковъ, и Англія всѣми силами желала содѣйствовать миру; въ 1717 году чрезвычайный посланникъ англійскаго короля Георга, адмиралъ Норрисъ хлопоталъ о заключеніи выгоднаго торговаго договора съ Россіей; но для этого прежде всего надобно было оружіемъ принудить Швецію къ миру, чего нельзя

было достигнуть при такомъ воинственномъ королѣ, каковъ былъ Карлъ. Русскіе требовали съ этою цѣлью отъ Англіи довольно значительнаго



ПЕТРЪ I У Г-ЖИ МЕНТЕНОНЪ, (Картина Горскаго.)

флота въ полное распоряженіе русскаго царя. Но на это англійскіе министры не согласились, и охлажденіе между дворами становилось все сильнѣе и сильнѣе.

Отношенія Россіи къ Австріи можно было скорѣе назвать дружескими, чѣмъ холодными, но Австрія, имѣя собственныя заботы, не вмѣшивалась въ сѣверную войну и только по временамъ выражала свое удовольствіе или неудовольствіе.

Оставивъ Пруссію, Петръ черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ отправился въ Россію и прибылъ въ свой любимый парадизъ, котораго не видалъ болѣе двухъ лѣтъ.





МЕДАЛЬ ВЫБИТАЯ ПО СЛУЧАЮ ПОСѢЩЕНІЯ ПЕТРОМЪ I ПАРИЖСКАГО МОНЕТНАГО ДВОРА
(Изъ Иверсена «Медали на дѣянія Петра великаго»).

ПОЧЕРКЪ ПИСЬМА ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА.

ГЛАВА XXIII.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.—Его воспитаніе.—Поѣздка подъ Нарву.—Новый учитель.—Поѣздка за границу.—Женитьба.—Пріѣздъ кронпринцессы въ Петербургъ.—Поѣздка Алексѣя на воды въ Карлсбадъ.—Рожденіе сына и кончина кронпринцессы.—Письменныя объясненія царя съ сыномъ.—Согласіе царевича на постриженіе.—Письмо изъ-за границы.—Отъѣздъ царевича, его бѣгство въ Вѣну и въ Неаполь.—Возвращеніе въ Москву.—Розыскъ.—Приговоръ суда и кончина царевича.

Царствованіе Петра съ самыхъ первыхъ дней было, какъ мы видѣли, далеко не обыкновенное; дѣтство его было окружено опасностями; молодость прошла въ безпрерывныхъ непріятностяхъ, въ борьбѣ съ сестрою, съ крамольными стрѣльцами. Самая женитьба его на Евдокіи Ѳеодоровнѣ была дѣломъ политическимъ, въ которомъ склонность обоюдная не имѣла мѣста. Молодой пылкій царь, любившій просвѣщеніе, жаждавшій новизны и стремившійся все старое замѣнить лучшими новѣйшими формами, не могъ найти семейнаго счастія съ женщиной необразованной и преданной предразсудкамъ старины. Однимъ словомъ, характеръ жены не пришелся по вкусу мужа, первая склонность прошла, и охлажденіе окончилось заточеніемъ царины Евдокіи Ѳеодоровны въ Суздальскій монастырь, гдѣ она приняла постриженіе, подъ именемъ сестры Елены.

Изъ трехъ ея сыновей только одинъ старшій, Алексѣй, остался въ живыхъ; это былъ прекрасный, сильный и здоровый мальчикъ; бабушка

Наталья Кирилловна любила своего внука и любовалась имъ, но она вскорѣ умерла и вліяніе ея кончилось. Отъ рожденія до девятилѣтняго возраста царевичъ постоянно оставался при матери и страстно любилъ ее; но къ несчастію холодность между отцомъ и матерью гибельно отразилась на сынѣ. Онъ привыкъ любить и уважать все то, что любила мать, и не любить того, чего она не любила; она не хотѣла и не могла скрывать своего раздраженія противъ Петра и явно выказывала его; она и ея приближенные при немъ осуждали нововведенія Петра и порицали его невниманіе къ царицѣ.

Когда царевичу исполнилось шесть лѣтъ, Петръ приставилъ къ сыну для обученія чтенію и письму Никифора Вяземскаго. Вяземскій былъ человѣкъ недальній и слабый, не умѣлъ заслужить ни уваженія, ни любви своего воспитанника. Не менѣе дурное вліяніе на царевича имѣли ближайшіе родственники царицы, Лопухины, столько же приверженные къ стариннымъ предразсудкамъ, сколько и сама царица.

Когда царица Евдокія была отправлена въ монастырь, царевичъ плакалъ, тосковалъ и требовалъ мать; тетка Наталья Алексѣевна утѣшала его, какъ могла, и ласками старалась смягчить ударъ, нанесенный дѣтскому сердцу. Чтобы дать царевичу хорошее воспитаніе, чтобы ознакомить его съ иностранными языками и съ науками, кахъ ихъ проходятъ въ Германіи, Петръ думалъ отправить сына на воспитаніе въ Дрезденъ и, чтобы подготовить его, помѣстилъ при немъ новаго учителя Нейгебауера. Но началась сѣверная война и помѣшала исполненію этого плана; Петра испугали успѣхи оружія Карла, и поэтому онъ рѣшился оставить сына въ Россіи и воспитывать его дома.

Новый наставникъ не долго пробылъ у царевича, вслѣдствіе неудовольствій его отставили въ 1702 году: при царевичѣ по прежнему оставались его воспитатели Вяземскій и Нарышкинъ. На мѣсто Нейгебауера Петръ пріискалъ другого воспитателя, образованнаго и умнаго иностранца Гюйссена, или Гизена.

Поручая Гюйссену воспитаніе сына, царь сказалъ ему:

— Самое лучшее, что я могу сдѣлать для себя и для своего государства—это воспитать себѣ наслѣдника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ; поручаю его вамъ.

Въ слѣдующемъ году Петръ призвалъ царевича, уже и раньше бывавшаго съ отцомъ въ походахъ, въ Нарву и ознакомилъ его съ военными трудами и опасностями; хотя и призвалъ его послѣ взятія города, но развалины и трупы довольно ясно говорили за себя. Должно быть во время этого пребыванія Петръ уже замѣтилъ въ царевичѣ черты характера, не соотвѣтствовавшія его требованіямъ, потому что говорилъ

ему наставленіе, въ которомъ ясно высказался его образъ мыслей: «Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣды отъ Него; но мы съ своей стороны должны напрягать всѣ силы, чтобы получить ихъ. Я взялъ тебя съ собою въ походъ, чтобы ты видѣлъ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть, но знай, ежели ты не будешь слѣдовать моему примѣру, то тебѣ отъ моей смерти мало радости будетъ. Ты долженъ любить все, что составляетъ благо и честь отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе, или свои, не долженъ щадить трудовъ для общаго блага. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, чего я желаю, то я отрекаюсь отъ тебя, не признаю тебя сыномъ, и буду молить Бога, чтобы Онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни!» Слова отца тронули царевича; заливаясь слезами, онъ цѣловалъ руки отца и клялся, что во всемъ будетъ подражать ему.



ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.
(Гравюра акватинта Гуена 1703 г.

Изъ Нарвы царевичъ отправился въ Москву и при торжественномъ входѣ русскаго войска поздравилъ отца съ побѣдою у тріумфальныхъ воротъ, а потомъ сталъ въ ряды Преображенскаго полка въ мундирѣ солдата.

Гюйссенъ занимался воспитаніемъ царевича и доносилъ, что онъ не по лѣтамъ уменъ, что учится хорошо, что прочиталъ шесть разъ библію, пять разъ по-славянски и одинъ разъ по-нѣмецки, перечиталъ всѣ книги, напечатанныя на славянскомъ языкѣ; по-нѣмецки и по-французски говорилъ, читалъ и писалъ хорошо. Гюйссенъ однако-жъ не очень серьезно смотрѣлъ на свою обязанность; онъ только старался ладить съ окружающими вельможами, не старался выказываться, ничего не домогался и заботился больше о своемъ спокойствіи, чѣмъ о воспитаніи царевича, и науками занималъ его слегка. Въ началѣ 1705 года Гюйссенъ получилъ другое назначеніе; онъ былъ отправленъ за границу съ дипломатическими порученіями, а молодой Алексѣй, оставшись безъ руководителя,

бросилъ науки, и только читалъ для удовольствія и читалъ много; по-временамъ ходилъ въ мастерскую нѣмецкаго токаря и учился этому искусству, и хотя точилъ хорошо, но упражненія этого не любилъ, какъ все, что требовало физическаго напряженія.

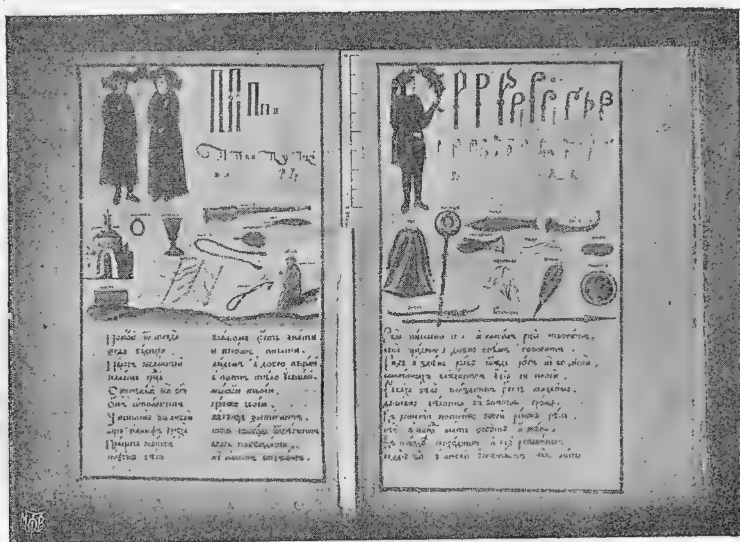
Онъ окружилъ себя людьми, недовольными существующимъ порядкомъ вещей. Но отчего именно недовольные окружали его? Оттого, что въ царевичѣ ясно обнаруживалась любовь къ спокойствію, отсутствіе той подвижности и той производительности, которыя поражали въ его отцѣ. Постоянные налоги, предпочтеніе иностранцевъ; долгая война, истощившая всѣ государственныя средства, тяжелымъ бременемъ упала на всѣ слои общества; даже духовенство лишилось своихъ имѣній и своихъ доходовъ, однимъ словомъ, недовольныхъ, начиная отъ самаго низшаго до самаго высшаго состоянія, было множество, и эти недовольные первые замѣтили слабости въ царевичѣ Алексѣѣ и вмѣсто того, чтобы искоренить ихъ, старались приблизиться къ нему и развить въ немъ качества, такъ отличавшія его отъ отца. Недовольные царемъ-преобразователемъ, надѣялись, что, ежели при немъ имъ жить тяжело, то послѣ него будетъ хорошо, что тогда все пойдетъ по-старому.

Духовникъ царевича Яковъ Игнатьевъ, ярый приверженецъ старины, по своему уму, стоялъ выше всѣхъ окружавшихъ царевича людей, въ томъ числѣ и Вяземскаго, и Нарышкина, и Колычева, и другихъ, и потому всѣ, вслѣдъ за нимъ, подтягивали одну хвалебную пѣсню старинѣ, и молодой царевичъ воспитывался подъ чувствомъ неудовольствія царскими распоряженіями и въ себѣ чувствовалъ протестъ противъ его требованій. Онъ не учился и только весело жилъ въ своей компаніи; пировалъ по-старинному, на-распашку, по-русски, какъ онъ говорилъ, и это въ такіе молодые года, когда воздержанность необходима; и здоровье его за это время сильно разстроилось.

Когда Петръ пріѣзжалъ въ Москву, царевичемъ овладѣвалъ паническій страхъ: какъ бы отецъ не узналъ о его лѣности, о томъ, что онъ ведетъ разгульную жизнь и что онъ очень часто выражается непочтительно объ отцѣ и его любимцахъ. Чтобы не допустить до экзамена, чтобы не обнаружить своего невѣжества, царевичъ прибѣгалъ къ хитростямъ и обману, а чтобы Меншиковъ и другіе любимцы не донесли, онъ льстилъ имъ и притворялся въ дружбѣ къ нимъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; когда отца не было, царевичъ жилъ спокойно и весело; но въ 1708 году, по приказанію отца, царевичъ поѣхалъ въ Жолкву; Петръ вызывалъ его за тѣмъ, чтобы побранить за нарушеніе приказанія, за то, что онъ тайно ѣздилъ въ Суздаль, для свиданія съ матерью, что было строго запрещено. Послѣ выговора, однако,

Петръ, слѣдуя своей методѣ воспитанія, приказалъ царевичу строить укрѣпленія въ Москвѣ, на случай нападенія шведовъ, и, чтобы пріучить его къ дѣятельности, сдѣлалъ его правителемъ въ свое отсутствіе. Но царевичу такая должность была не по сердцу: ему приходилось каждый день присутствовать то въ той, то въ другой канцеляріи министровъ. Царевичъ подъ разными предлогами уклонялся отъ дѣла и отъ ученья, которымъ Петръ хотѣлъ заставить его заняться. Петръ узналъ это и написалъ сыну грозное письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ:



БУКВАРЬ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА.
(Въ Московской Оружейной палатѣ).

«Оставивъ дѣло, ходишь за бездѣльемъ!» Царевичъ испугался и просилъ заступничества близкой къ царю особы, Екатерины Алексѣевны; она его успокоила тѣмъ, что отецъ вовсе не сердится больше.

Въ началѣ 1709 года царевичъ простудился, былъ опасно боленъ и потому оставался въ Москвѣ во время Полтавской битвы. Съ цѣлью поправить здоровье царевича, докончить его образованіе, познакомить съ иностранными обычаями и впослѣдствіи женить на одной изъ иностранныхъ принцессъ, Петръ отправилъ сына въ Дрезденъ.

Царевичъ, живя въ Дрезденѣ, хорошо-ли и прилежно-ли, неизвѣстно, но занимался, кромѣ языковъ, геометріей, стереометріей и фортификаціей.

Петръ между тѣмъ не забывалъ того, что намѣренъ былъ женить царевича на одной изъ германскихъ принцессъ; царевичъ не раздѣлялъ мнѣнія отца, онъ охотнѣе искалъ-бы себѣ невѣсту между русскими дѣ-

вицами древнихъ боярскихъ и княжескихъ семействъ, но съ отцомъ спорить и ему прекословить не смѣлъ и, оглядѣвшись при различныхъ дворахъ, царевичъ объявилъ, что больше всѣхъ ему нравится принцесса Шарлотта Бланкенбургъ-Вольфенбюттельская; однако приступалъ къ женитьбѣ съ отвращеніемъ и страхомъ. Въ апрѣлѣ 1711 года брачный контрактъ былъ подписанъ, приданое опредѣлено, условія назначены и кронпринцессѣ предоставлено право исполнять обряды своей евангелической лютеранской вѣры, въ которой она родилась и воспиталась, и для этого положено было учредить въ резиденціи одну капеллу. На содержаніе ея двора положено было отпускать по 50,000 ефимковъ или рублей и кромѣ того, какъ свадебный подарокъ, выдать ей лично 25,000 рублей.

Когда брачный договоръ былъ подписанъ, царь отправился въ турецкій, прутскій походъ, а царевичъ въ загородный замокъ Зальцдаленъ, близъ Брауншвейга, гдѣ и жилъ въ семействѣ своей невѣсты; здѣсь онъ ближе познакомился съ нею и ея родителями и писалъ о томъ, что герцогъ и герцогиня, родители его невѣсты, обходятся съ нимъ очень ласково.

По возвращеніи Петра изъ Турціи, бракъ царевича былъ совершенъ въ городѣ Торгау 14 октября 1711 года. Для этого торжества былъ въ большомъ королевскомъ залѣ приготовленъ помостъ о трехъ ступеняхъ. Посрединѣ поставленъ былъ красный бархатный балдахинъ; подъ нимъ столъ тоже покрытый краснымъ бархатомъ, а на немъ лежалъ крестъ и стояли брачные вѣнцы; по сторонамъ стояли четыре кресла, для жениха и невѣсты, для царя и польской королевы, и три стула, для дѣда, отца и матери невѣсты. На полу постлано было зеленое сукно, а стѣны убраны шпалерами и свѣчами; окна глухо завѣшаны.

Торжественное шествіе, при звукахъ военной музыки, медленно вошло въ залъ въ четвертомъ часу пополудни; впереди шелъ царь рядомъ съ царевичемъ; за ними герцогъ съ невѣстою и подлѣ нихъ королева польская съ отцомъ принцессы; шествіе замыкали придворные дамы и кавалеры. Послѣ того, какъ всѣ присутствующіе заняли свои мѣста, началось вѣнчаніе; священникъ все говорилъ по-русски и только обращенія къ жениху и невѣстѣ и вопросы имъ дѣлалъ по-латыни. Вѣнцы надъ головами держали приближенные придворные; надъ кронпринцессою— канцлеръ графъ Головкинъ. Послѣ окончанія обряда, царь обнялъ молодыхъ и поцѣловалъ, ихъ и они между собою поцѣловались. Въ 8 часовъ былъ торжественный свадебный обѣдъ, гдѣ на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ царевичъ съ своею молодою женою, подлѣ нихъ справа царь, а слѣва родители кронпринцессы. По желанію царя приглашены были придворные. Послѣ обѣда танцевали въ томъ самомъ залѣ, гдѣ было вѣнчаніе.

Въ тотъ-же вечеръ Петръ извѣстилъ Меншикова о совершеніи бракосочетанія и прибавилъ: «Свадьба была въ домѣ королевы польской, гдѣ и отъ васъ присланный арбузъ поставленъ былъ на столъ; на эту овощь, здѣсь совершенно незнакомую, очень дивились».

Но Петръ не хотѣлъ царевича оставлять безъ дѣла; онъ постоянно



ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.
(Гравюра на стали Гритбаха).

стремился къ одной цѣли—побѣдить въ немъ лѣность и отвращеніе къ дѣлу, поэтому на четвертый день далъ ему порученіе, что ему дѣлать во время его отсутствія. Въ половинѣ ноября, т.-е. черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы онъ долженъ былъ отправиться въ Польшу и тамъ по обѣимъ рѣкамъ Вартамъ собирать провіантъ и строить магазины для продовольствія тридцатитысячной арміи. Царевичъ отправился; пять недѣль спустя вслѣдъ за нимъ пріѣхала кронпринцесса, и они здѣсь прожили около полугода. Меншиковъ пріѣхалъ осматривать магазины и привезъ царевичу приказаніе спѣшить въ Померанію для военныхъ дѣйствій.

«Не могу не извѣстить васъ о сынѣ вашемъ,—писалъ князь Меншиковъ царю,—что онъ и кронпринцесса крайне большую нужду терпятъ, потому что здѣсь живутъ на собственный счетъ, имъ никакихъ кормовыхъ денегъ не отпускается, все, что было, пошло на столъ; также ни у царевича, ни у кронпринцессы нѣтъ ни лошадей, ни экипажей и не на что ихъ купить. Поэтому кронпринцесса послѣ отъѣзда нашего отправится въ Эльбингенъ, гдѣ будетъ ждать или возвращенія царевича, или иного распоряженія. Она очень проситъ о выдачѣ опредѣленныхъ ей денегъ, потому что очень нуждается на содержаніе двора своего. Видя совершенную нужду у нихъ, потому что кронпринцесса даже со слезами просила денегъ, я выдалъ ея высочеству 5,000 рублей взаймы изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ. А ежели-бы я этого не сдѣлалъ, то ей невозможно было-бы тронуться съ мѣста».

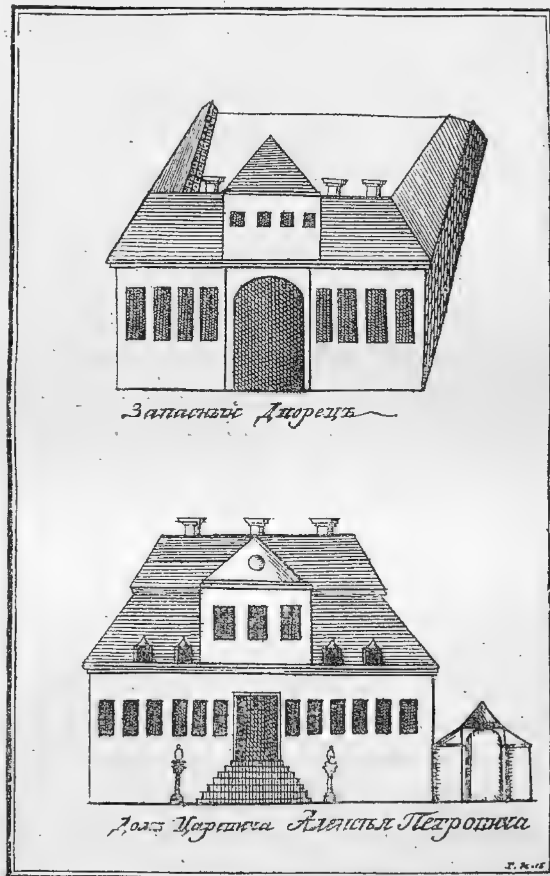
Долгое, почти трехлѣтнее, пребываніе царевича за-границей тревожило всѣхъ его приверженцевъ въ Москвѣ и Россіи, и тамъ шли толки между боярами, а еще больше между духевенствомъ; митрополитъ Стефанъ Яворскій даже молился въ Успенскомъ соборѣ о скоромъ возвращеніи царевича, единственной надежды Россіи.

Ропотъ народа на отсутствіе царевича и привязанность къ нему бояръ доходили до царевича и порождали въ душѣ его безумныя надежды, которыя по-временамъ высказывались въ минуты слишкомъ большой откровенности, вслѣдствіе лишне выпитаго вина, къ чему онъ, къ несчастію, былъ очень склоненъ.

Въ началѣ августа царевичъ съ супругою уже жили въ Петербургѣ въ особомъ дворцѣ на лѣвомъ берегу Невы, близъ церкви Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. При кронпринцессѣ была довольно большая свита, безотлучно находилась также другъ ея дѣтства, принцесса Остъ-Фрисландская; съ нею онѣ вмѣстѣ радовались и горевали. Вообще кронпринцесса отдѣлялась отъ русскихъ и своею религіей, и образомъ мыслей. Кронпринцесса ничего не сдѣлала, чтобы сблизиться ни съ народомъ, посреди котораго жила, ни даже съ мужемъ. Царевичъ не любилъ жены, и они часто ссорились между собою.

Долговременное пребываніе за-границей мало измѣнило царевича; онъ безпрекословно исполнялъ каждое порученіе отца, участвовалъ въ походахъ отца въ Помераніи и Финляндіи; царь слѣдилъ за царевичемъ; это было испытаніе послѣ окончанія заграничнаго ученія и это испытаніе было неудовлетворительно. Петръ съ ужасомъ замѣтилъ, что сынъ его исполняетъ его волю изъ одного страха, безъ всякаго внутренняго побужденія, что онъ чувствовалъ отвращеніе къ всякой, особенно военной, дѣятельности, которую Петръ считалъ необходимою.

Когда въ 1713 году Алексѣй возвратился изъ-за границы, отецъ однажды ласково спросилъ у него: не забылъ-ли онъ того, чему учился за-границей? «Не забылъ»,—отвѣчалъ царевичъ.—Петръ велѣлъ ему принести чертежи, имъ сдѣланные; Алексѣй пошелъ за ними, но на него напалъ страхъ, что царь прикажетъ чертить, а онъ не умѣетъ. Какъ ему быть? признавался онъ самъ; оставалось одно средство—испортить правую руку; онъ взялъ пистолетъ, зарядилъ его и лѣвою рукою выстрѣлилъ себѣ въ ладонь правой. Пуля скользнула не ранивъ, только порохомъ сильно опалило руку. Съ подвязанной рукой и съ чертежами явился онъ къ отцу и на вопросъ, какъ это случилось, отвѣчалъ уклончиво; а между тѣмъ отъ черченія отдѣлался.



ЗАПАСНЫЙ ДВОРЕЦЪ И ДОМЪ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА.

Послѣднее порученіе, данное царемъ Алексѣю, было приготовить лѣсъ въ Ладогѣ и Старой Руссѣ для постройки кораблей и галеръ и гребныхъ судовъ меньшаго размѣра. Но и въ этомъ, какъ во всемъ, царевичъ показалъ свою неохоту и небрежность къ любимымъ занятіямъ отца. Петръ съ глубокой горестью видѣлъ, что исправить сына нельзя; онъ сначала сердился на него, бранилъ его, даже билъ неоднократно, но потомъ утомился этой безпрерывной мелкой борьбой и пересталъ обращать на него вниманіе, пересталъ даже говорить съ нимъ; это былъ признакъ страшный для царевича: отецъ пересталъ браниться и бить, слѣдовательно онъ охладѣлъ къ нему и ожесточился. Но на царевича этотъ зловѣщій признакъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, онъ самъ уже давно охладѣлъ къ отцу и ожесточился противъ него; всѣ предпріятія, всѣ дѣла отца

были ему непріятны и у него было одно только желаніе быть какъ можно подальше отъ него.

Петръ глубоко страдалъ отъ того, что сынъ его такъ мало соотвѣтствуетъ его надеждамъ и требованіямъ, и мысль о томъ, чтобы отстранить его отъ престолонаслѣдія, все чаще и чаще стала у него навертываться; въ первый разъ намекъ на нее мы находимъ въ письмѣ, писанномъ у Прута въ Сенатъ, гдѣ говорится, чтобы въ случаѣ кончины царя выбрать изъ среды своей достойнѣйшаго, а не указывается на своего прямого наслѣдника.

Въ 1714 году царевичъ постоянно былъ нездоровъ; доктора нашли, что у него сильная чахотка и посовѣтовали ему ѣхать на воды въ Карлсбадъ. Царь согласился на просьбу сына. Кикинъ, бывшій денщикъ Петра который готовъ былъ прежде положить за него голову, теперь занималъ важную должность адмиралтейца и перешелъ совершенно на сторону царевича, былъ его главнымъ совѣтникомъ и поджигалъ его къ неповиновенію. Кикинъ думалъ, что поѣздка въ Карлсбадъ случай очень удобный для царевича; онъ можетъ подъ предлогомъ болѣзни продлить свое пребываніе за-границей и даже остаться тамъ, чтобы избѣжать столкновенія съ отцомъ.

Царевичъ показалъ Головкину письмо, полученное отъ отца съ позволеніемъ ѣхать въ Карлсбадъ, взялъ у него паспортъ на имя офицера, отправляемаго въ Германію, и объявилъ, что намѣренъ тотчасъ выѣхать; Головкинъ просилъ его повременить немного, чтобы предотвратить опасности, какія могутъ быть во время дороги и еще болѣе во время пребыванія въ Карлсбадѣ. Но царевичъ не только писать, но и говорить иностраннымъ министрамъ о своемъ отъѣздѣ не позволилъ и на другой день уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись. Но царь распорядился, чтобы Головкинъ написалъ Матвѣеву, русскому министру въ Вѣнѣ, чтобы тотъ попросилъ императора отправить въ Карлсбадъ вѣрнаго человѣка съ отрядомъ солдатъ, чтобы охранять царевича во время его путешествія и во время его пребыванія тамъ; о томъ же просили и прусскаго короля, а подозрительную Саксонію приказано было объѣхать.

Во время пребыванія и лѣченія въ Карлсбадѣ Алексѣй читалъ много церковныхъ лѣтописей и дѣлалъ изъ нихъ выписки; нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ имѣли отношеніе къ его собственной, скрытой борьбѣ съ отцомъ и потому казались ему особенно занимательными, и онъ ихъ для памяти записывалъ.

Приходило время возвратиться въ Петербургъ и царевичъ въ нерѣшительности пишетъ къ Кикину:—какъ быть? дѣлать-ли такъ, какъ говорено было, или нѣтъ? Кикинъ отвѣчаетъ, чтобы онъ просилъ позволе-

нія у отца, а самовольно не оставался, чтобы не навлечь на себя гнѣва— «проси позволенія, а ты своего дѣла не забывай!» Царевичъ рѣшился возвратиться въ Россію, но его тревожили мрачныя предчувствія. Онъ боялся удаленія въ монастырь.

При возвращеніи въ Петербургъ, Кикинъ спросилъ царевича: видался-ли онъ съ кѣмъ-нибудь изъ принадлежащихъ къ французскому двору; на отрицательный отвѣтъ, сожалѣлъ, что царевичъ ни съ кѣмъ не видался, говорилъ, что французскій король человѣкъ великодушный, даетъ пристанище иностраннымъ королямъ и не выдаетъ ихъ, что въ случаѣ надобности Франція мѣсто хорошее для того, кто хочетъ скрыться.

Во время отсутствія Алексѣя у него родилась дочь, которая по желанію кронпринцессы названа была Натальей; еще до рожденія дитяти, по распоряженію царя, къ ней приставлены были три русскія боярыни, первыя при ея дворѣ: первая—графиня Головкина, жена канцлера, вторая—генеральша Брюсъ и—Ржевская. Кронпринцесса была этимъ распоряженіемъ очень недовольна, жаловалась на стѣсненіе, на нарушеніе брачнаго договора, по которому она одна имѣетъ право составлять свой придворный штатъ; называла приставленныхъ дамъ надзирательницами за ея дѣйствіями и т. д. Но царь ей очень спокойно отвѣчалъ, что такъ положено во всѣхъ иностранныхъ дворахъ, чтобы при рожденіи принца или принцессы были свидѣтельницы, независимыя отъ постоянныхъ окружающихъ придворныхъ лицъ, чтобы закрыть ротъ тѣмъ, кто-бы вздумалъ толковать объ обманѣ или о подлогѣ.

Царевичъ изъ Карлсбада возвратился въ Петербургъ; семейная жизнь его была такая-же, какъ прежде, кронпринцесса имѣла причины жаловаться на невоздержность своего мужа, на его частые пиры и даже на невѣрность. Весь 1715 годъ принцесса хворала и была грустна, октября 12-го у нея родился сынъ, котораго по желанію матери назвали Петромъ и который впослѣдствіи царствовалъ подъ именемъ Петра II. А сама она тяжко заболѣла.

Петръ въ то время уже нѣсколько дней былъ тоже боленъ и не выходилъ изъ комнаты; но при вѣсти о приближающемся послѣднемъ часѣ кронпринцессы посѣтилъ ее; она была еще въ памяти и просила его не оставить дѣтей ея и наградить ея слугъ. 22 октября въ полночь молодая принцесса скончалась.

Царевичъ былъ очень опечаленъ смертію жены, онъ наконецъ узналъ ей цѣну, видѣлъ, что она добра и снисходительна, и сознавалъ свои вины въ отношеніи ея; да и какъ отецъ, онъ сожалѣлъ о томъ, что дѣти его остаются безъ матери, сиротами. Онъ нѣсколько разъ па-

далъ въ обморокъ, ломалъ себѣ руки и плакалъ надъ мертвою, какъ безсильное дитя. Послѣ похоронъ его ожидало еще новое горе; отецъ собственноручно отдалъ ему письмо, взволновавшее всѣ его неясныя опасенія. Письмо было подписано еще 11 октября до рожденія внука Письмо это выражаетъ тревожное опасеніе Петра за положеніе Россіи послѣ его смерти; въ началѣ написано: объявленіе сыну моему. Этимъ письмомъ Петръ еще разъ пытался въ царевичѣ пробудить чувство долга.

Въ началѣ Петръ указывалъ на Россію, стѣсненную шведами, на то, какъ силою оружія освободилась отъ нея, какъ одна за другою отобраны области, издревле принадлежащія Россіи, указывалъ, какъ своею неусыпною дѣятельностію образовалъ войско и доставилъ ему славу. Но при всей радости отъ побѣдъ внѣшнихъ, у него есть печаль, превышающая всѣ радости; печаль эта та, что некому послѣ себя оставить начинанія свои, что въ немъ, въ своемъ наслѣдникѣ, онъ не находитъ сочувствія къ своимъ преобразованіямъ; не потому, что Богъ не далъ ему ума, или лишилъ силъ физическихъ, потому что, хотя здоровье у царевича слабое, но не настолько, чтобы лишить его возможности что-нибудь дѣлать; но главное нѣтъ у него желанія. Военныя занятія ему противны; между тѣмъ военная сила есть основаніе благосостоянія народа; что, посредствомъ военной силы, Россія изъ тьмы вышла къ свѣту; нѣтъ надобности любить войну, но надобно показывать вниманіе къ войску, надобно заботиться объ образованіи и усиленіи его, чтобы оно могло служить защитою отъ вражескаго нападенія. Войны посредствомъ однихъ генераловъ вести нельзя, надобно самому показывать къ военному дѣлу вниманіе, надобно любить это дѣло, чтобы оно находилось въ хорошемъ состояніи. Примѣромъ приводилъ то, что въ государствѣ всегда процвѣтаетъ та отрасль, которая болѣе всего нравится правителю, что самому не для чего быть крѣпкимъ воиномъ, чтобы войско было сильно; такъ напримѣръ, при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, человѣкѣ слабомъ, при дворѣ были особенно хорошія и рьяныя лошади, потому что онъ любилъ ихъ, хотя самъ никогда на нихъ не ѣздилъ и ѣздить не могъ. Къ чему правитель показываетъ отвращеніе, къ тому и всѣ его подданные: ежели же это замѣтно въ ничтожныхъ вещахъ, то тѣмъ болѣе въ дѣлахъ важныхъ. «Не имѣешь охоты ничему учиться и потому ничего не знаешь. Не зная дѣла, нельзя требовать хорошаго исполненія его, потому что не знаешь мѣры, сколько исполнить можетъ человѣкъ, и потому не умѣешь наградить достойнаго и наказать небрежнаго. Слабостію ли здоровья отговариваться, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и это не причина: не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отнять

не можетъ... Хоть умершій король французскій самъ не много бывалъ на войнѣ, но любилъ ее и совершилъ столько славныхъ военныхъ подвиговъ, что его время называютъ школою военныхъ дѣйствій, и не только войну любилъ, но покровительствовалъ и мануфактурамъ, и торговлѣ, чѣмъ и прославилъ свое царствованіе. Все это представивъ, обращусь опять къ первому, къ тебѣ: я человѣкъ и смертенъ; кому же я оставлю посѣянное мною и уже частію выращенное? Неужели лѣнивому рабу евангельскому, который талантъ свой закопалъ въ землю (т.-е. все, что Богъ далъ забросилъ)? Припомню еще твой злой и упрямый характеръ. Сколько я бранилъ и билъ тебя за него, сколько лѣтъ не говорю съ тобою, и на тебя это не дѣйствуетъ, тебѣ бы только дома сидѣть и веселиться... Безумный радуется своей бѣдѣ, не зная, что изъ этого выйдетъ не только тебѣ, но и всему государству... Размысливъ обо всемъ этомъ съ горемъ, и видя, что тебя ничѣмъ склонить нельзя къ добру, я рѣшился написать тебѣ это послѣднее мое увѣщаніе и еще немного подожду твоего исправленія. Ежели же оно не будетъ, то знай, я тебя лишу наслѣдства, какъ членъ, пораженный гангреной, откину; не думай, что ты мой единственный сынъ, и что я это пишу только для того, чтобы напугать тебя: воистину (видитъ Богъ) исполню, потому что за мое отечество и подданныхъ не жалѣлъ и не жалѣю жизни своей, какъ же я пожалѣю тебя, недостойнаго? Пусть послѣ меня лучше чужой хорошій будетъ, нежели свой недостойный!»

Царевича смутило грозное письмо отца, писанное еще до рожденія внука, а теперь, ежели отецъ лишитъ наслѣдства его, то останется сынъ его; къ тому же вскорѣ по полученіи письма у Петра родился сынъ, тоже Петръ, слѣдовательно есть и прямой наслѣдникъ, братъ, сынъ мачихи, которая по словамъ приближенныхъ царевича, была къ нему ласкова, пока еще не было своего сына. Положеніе царевича становилось опасно, онъ за совѣтомъ обратился къ Кикину. Тотъ совѣтовалъ отказаться отъ престола, по слабости здоровья, жить вдали и выжидать, что будетъ. То же совѣтовалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій, человѣкъ близкій къ царю. «Давай сколько хочешь отреченій,—прибавилъ онъ,—это не запись съ неуступкою, какую мы встарину давали между собою». Ободренный Долгорукимъ, царевичъ черезъ три дня отдалъ письмо.

Онъ писалъ въ немъ, что въ волѣ отца лишить его наслѣдства; потому что и самъ видитъ, что не имѣетъ достаточной памяти, истощенъ болѣзнями, ослабѣлъ умомъ и не способенъ управлять народомъ: «для этого нуженъ не гнилой, но здоровый человѣкъ, и потому отъ наслѣдства отказываюсь, даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы у меня не было брата, но братъ, слава Богу, теперь есть, и дай Богъ ему здоровья!

На наслѣдство не претендую и впередъ претендовать не буду, въ чемъ Бога призываю въ свидѣтели и пишу это своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу; себѣ же прошу только пропитанія до смерти. Предавъ все это на ваше разсужденіе и волю милостивую, всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй».

Петръ былъ очень недоволенъ письмомъ сына; оно подѣйствовало не такъ, какъ отецъ ожидалъ, и не образумило, но еще болѣе ежесточило молодого человѣка. Петръ больше мѣсяца медлилъ отвѣтомъ, все волновался, все раздумывалъ, и какъ всякая непріятность для него оканчивалась болѣзнью, такъ и теперь тяжко захворалъ. Непріятность подготовила болѣзнь, а неосторожность и простуда вызвали ее. На этотъ разъ положеніе царя было отчаянное, ждали его смерти; министры и сенаторы нѣсколько дней не выходили изъ дворца и ночевали въ царскихъ покояхъ; 2 декабря царь пріобщился Св. Тайнъ, но съ этой минуты опасность миновала и царь началъ поправляться.

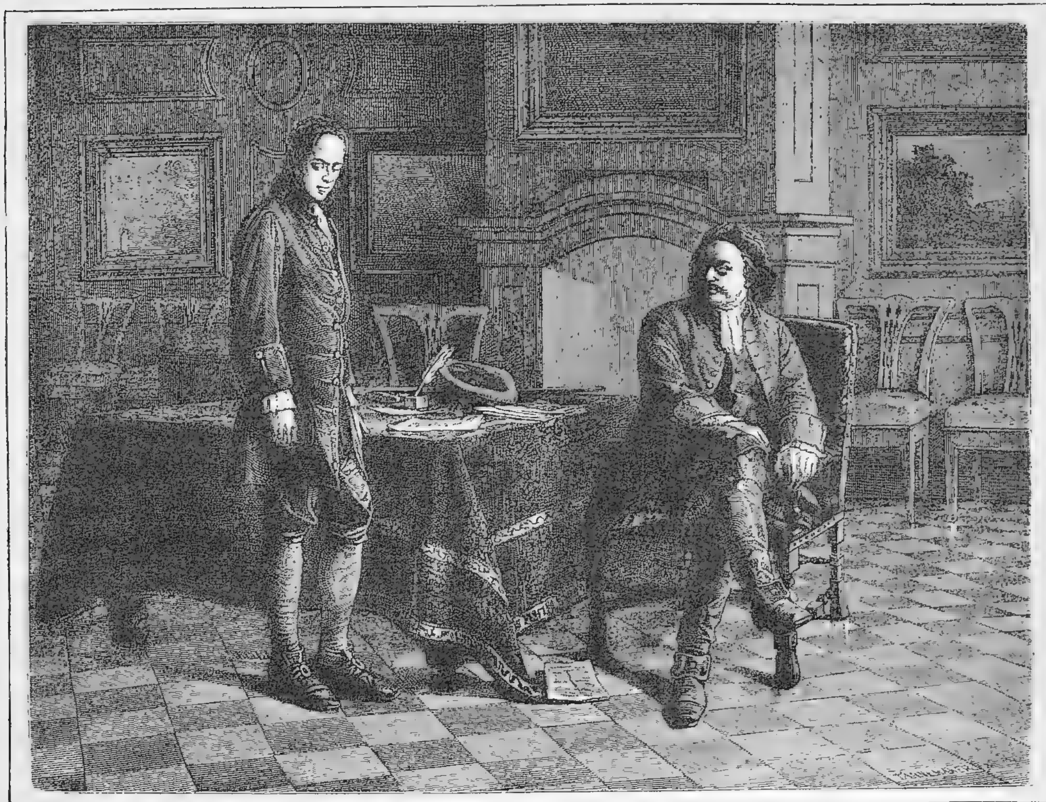
Во все время болѣзни царевичъ одинъ только разъ пришелъ освѣдомиться о здоровьѣ отца; любимецъ Алексѣя Кикинъ говорилъ ему:

— Отецъ твой вовсе не такъ опасно боленъ, а причащался и исповѣдывался нарочно, онъ притворяется опасно больнымъ.

Неизвѣстно, повѣрилъ-ли царевичъ словамъ этимъ, только въ эту болѣзнь онъ показалъ крайнюю холодность къ отцу.

19 января Петръ написалъ сыну второе письмо: «последнее напоминаніе еще».

«Изъ-за болѣзни не могъ я до сихъ поръ дать рѣшенія,—писалъ Петръ;—въ письмѣ своемъ говоришь ты только о наслѣдствѣ и предоставляешь мнѣ то, что и безъ тебя въ моей волѣ. Отчего же не отвѣчалъ на то, что я говорилъ о твоей неохотѣ къ дѣлу, на это я указывалъ больше, нежели на слабость здоровья. Также оставлено безъ вниманія и то, за что я столько лѣтъ недоволенъ тобою; изъ этого я заключаю, что для тебя отцово неудовольствіе не имѣетъ значенія, и это заставило меня написать тебѣ это въ послѣдній разъ: ты теперь меня не боишься, будешь ли ты хранить послѣ меня обѣщаніе мнѣ данное? Твоей клятвѣ вѣрить невозможно. Къ тому же по словамъ Давида: «всякъ человѣкъ ложь». Если бы ты впослѣдствіи и хотѣлъ сдержать слово, то тебя уговорятъ и принудятъ большія бороды, которыя теперь изъ-за собственнаго тунеядства у меня не въ чести и къ которымъ ты очень привязанъ. Помогаешь-ли ты мнѣ въ моихъ трудахъ и печаляхъ? Нѣтъ!.. Напротивъ, ты ненавидишь все то, что я дѣлаю для пользы моего народа, не жалѣя ни здоровья, ни жизни, и что ты послѣ меня разоришь. Вотъ почему оставаться такъ, какъ ты того желаешь, ни рыбой, ни



ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ И ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.
(Картина Н. Н. Ге въ Русс. Музеѣ Императора Александра III).

мясомъ, невозможно; или измѣни свой характеръ и сдѣлайся моимъ достойнымъ наслѣдникомъ, или будь монахомъ: потому что безъ этого духъ мой не можетъ быть спокоенъ, а особенно потому, что я такъ часто бываю нездоровъ. На письмо это дай немедленно отвѣтъ, или на бумагѣ, или на словахъ. Если-же этого не сдѣлаешь, то поступлю съ тобою какъ съ преступникомъ. Петръ».

Царевичъ опять обратился къ Кикину за совѣтомъ; тотъ говорилъ въ такомъ смыслѣ, что ежели можно постричься, то можно и разстричься: «вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ приколоченъ, его можно и снять»! И Кикинъ и Вяземскій говорили царевичу:

— Ежели другой дороги нѣтъ, то иди въ монастырь!

Но совѣтовали заявить духовнику, а черезъ него и архіереямъ, что идетъ въ монастырь не охотою и не по винѣ какой-нибудь, а для спасенія своего.

На другой день, 20 января, Петръ получилъ короткій отвѣтъ отъ

сына: «Милостивѣйшій государь батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнію не могу. Желаю монашескаго чина и прошу на это милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй».

И послѣднее средство не помогло! И монашество не испугало! И подлѣ царевича не нашлось ни одного истинно разумнаго и преданнаго человѣка, который бы посовѣтовалъ непокорному сыну покориться и исправиться.

Петръ горевалъ и собирался въ походъ за границу; но передъ отъѣздомъ пришелъ къ больному сыну, чтобы проститься съ нимъ и еще разъ спросить на что онъ рѣшается. Алексѣй былъ здоровъ, но притворился больнымъ и лежалъ въ постели, когда отецъ пришелъ къ нему прощаться. На вопросъ отца царевичъ отвѣчалъ, что не можетъ быть наслѣдникомъ по слабости здоровья и желаетъ въ монастырь. «Одумайся,— отвѣчалъ Петръ,—не спѣши, потомъ напиши мнѣ, что хочешь дѣлать; а лучше бы выйти на прямую дорогу, нежели идти въ чернецы. Подожду еще полгода». Царь уѣхалъ, а царевичъ въ тотъ же вечеръ, совсѣмъ здоровый, пировалъ съ пріятелями.

Семь мѣсяцевъ прошло незамѣтно. Петръ все дожидался отъ сына рѣшительнаго отвѣта, все надѣялся, что сынъ исправится и наконецъ примется за дѣло, но въ двухъ письмахъ его, полученныхъ въ теченіе полугода, о дѣлѣ не говорилось ни слова, и царевичъ писалъ только о своей болѣзни. Петръ послалъ къ сыну курьера съ третьимъ письмомъ, въ которомъ требовалъ рѣшительнаго исполненія своей воли и въ послѣдній разъ предлагалъ: или немедленно оставить Петербургъ и спѣшить къ войску, чтобы вмѣстѣ съ отцомъ заняться дѣломъ, или безотлагательно постричься въ монахи, извѣстивъ отца или о днѣ и часѣ своего выѣзда изъ Россіи, или о мѣстѣ, куда намѣренъ удалиться въ монастырь.

Письмо это застало царевича на мызѣ; колебаться болѣе нельзя было; Кикинъ еще заранѣе натолковалъ ему, чтобы въ случаѣ нужды онъ искалъ пріюта у австрійскаго императора, гдѣ уже были переговоры о пріѣздѣ Алексѣя и гдѣ по родственному чувству ему не откажутъ въ пріютѣ и въ жалованьи на содержаніе. Послѣ недолгаго колебанія и страха подъ бдительнымъ надзоромъ отца приняться за дѣло, ненавистное его апатической природѣ, онъ рѣшился бѣжать и искать убѣжища при иностранномъ дворѣ.

Послѣ полученія письма Алексѣй отправился въ Петербургъ, явился къ Меншикову и объявилъ ему, что рѣшился немедленно ѣхать къ отцу въ Кенигсбергъ и подчиниться ему.

Вовратясь отъ Меншикова домой, царевичъ приказалъ камердинеру укладываться такъ, какъ бывало и въ предыдущіе годы укладывался для путешествія за границу, но при этомъ не утерпѣлъ и проговорился, что ѣдетъ не къ отцу, а совсѣмъ. Камердинеръ Иванъ Аѳанасьевъ отвѣчалъ ему:

— Воля твоя, государь, только я тебѣ не совѣтую.

— Почему?

— Потому, ежели тебѣ удастся, то хорошо, а ежели не удастся, будешь на меня гнѣваться, зачѣмъ не остановилъ тебя.

Царевичъ проговорился о своемъ намѣреніи и другимъ, обязывая ихъ сохранять его слова въ тайнѣ, послалъ черезъ вѣрнаго человѣка матери 500 рублей, простился съ Меншиковымъ, пошелъ въ Сенатъ, чтобы проститься съ сенаторами, и шепнулъ князю Якову Долгорукому на ухо:

— Пожалуй, не оставь меня!

— Всегда радъ,—отвѣчалъ Долгорукій,—только не говори больше, на насъ другіе смотрятъ!

Сенатъ выдалъ царевичу на дорогу 2,000 р., а Меншиковъ отъ себя 1,000 червонныхъ.

Алексѣй выѣхалъ изъ Петербурга 26 сентября 1716 года; съ нимъ были только крѣпостная дѣвушка Афросинья, къ которой онъ сильно привязался за послѣднее время, съ своимъ братомъ и трое слугъ. По дорогѣ изъ Риги въ Либаву царевичъ встрѣтилъ свою тетку Марью Алексѣевну, которая возвращалась послѣ лѣченія изъ Карлсбада. Алексѣй остановился, пересѣлъ къ ней въ карету и долго разговаривалъ съ нею.

— Ѣду къ батюшкѣ,—сказалъ царевичъ.

— Хорошо дѣлаешь,—отвѣчала царевна:—отцу надобно угождать, это Богу пріятно; кому какая польза была бы, ежели-бъ ты пошелъ въ монастырь?

— Я и самъ не знаю: угожу-ли отцу: я себя не помню отъ горя, я радъ былъ бы куда-нибудь скрыться.—При этихъ словахъ онъ заплакалъ.

— Куда тебѣ отъ отца уйти? вездѣ тебя найдутъ,—замѣтила царевна.

Царевичъ замолчалъ и не открылъ того, что у него на сердцѣ лежало. Но царевна не считала нужнымъ таиться передъ племянникомъ и заговорила о томъ, что у нея тяжелымъ камнемъ душу томило; она начала упрекать Алексѣя въ томъ, что онъ позабылъ о матери, никогда не пишетъ ей ни слова, не посылаетъ ей ничего.

— Забылъ ты совсѣмъ мать!—воскликнула она.—Послалъ-ли ты ей что-нибудь послѣ того, какъ черезъ меня посылалъ?

— Послалъ—отвѣчалъ царевичъ, думая о тѣхъ 500 р., которые отправилъ ей передъ отъѣздомъ.

Царевна уговаривала Алексѣя написать матери, хоть нѣсколько словъ, но онъ отвѣчалъ:

— Я писать опасаюсь!

— Такъ что-же? еслибъ тебѣ и пострадать за мать пришлось, такъ не бѣда; не за чужого, а за мать!

— Какая въ томъ прибыль ей, ежели мнѣ пострадать за нее?— отвѣчалъ Алексѣй,—ей отъ этого лучше не будетъ. Жива матушка, или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Жива,—отвѣчала царевна и разсказала племяннику о предсказаніяхъ и видѣніяхъ насчетъ скорой смерти Петра и возвращеніи Евдокіи на престолъ. Поговоривъ еще немного, они разъѣхались.

Въ Либавѣ Алексѣй Петровичъ встрѣтился съ Кикинымъ. Такъ какъ царевичъ еще колебался, ѣхать къ отцу или нѣтъ, то Кикинъ напугалъ его тѣмъ, что Петръ очень сердитъ на него и теперь не позволитъ ему даже пойти въ монастырь, гдѣ онъ могъ бы прожить долго, спокойно и дождаться лучшихъ дней, а вызываетъ его къ себѣ для того только, чтобы замучить его трудной походной жизнію, которой слабое здоровье царевича не вынесетъ.

Кикинъ умѣлъ воспользоваться боязливымъ и лѣнивымъ характеромъ царевича и представить ему дѣло такъ, что ему оставалось одно спасеніе—бѣгство. Но въ то-же время его тревожило опасеніе, какъ бы участіе его въ этомъ бѣгствѣ не открылось, и потому уговорилъ царевича написать нѣсколько писемъ въ такомъ смыслѣ, чтобы выгородить себя, а напротивъ навлечь подозрѣніе въ соучастіи на Меншикова и князя Василія Владиміровича Долгорукаго.

Запасшись такими документами, на всякій случай, Кикинъ отправилъ царевича въ Вѣну, а самъ вернулся въ Петербургъ. Царевичъ, полный тревоги и опасеній, не зная какой пріемъ ожидаетъ его въ Вѣнѣ, прибылъ туда 10 ноября 1716 года. Поздно вечеромъ онъ явился къ вице-канцлеру Шенборну и, съ ужасомъ оглядываясь во всѣ стороны, размахивая руками и тревожно шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ взволнованнымъ голосомъ, что проситъ у цесаря защиты и покровительства, что его и дѣтей царь хочетъ лишить наслѣдства и погубить. Клялся, что у него никогда никакого злого умысла противъ царя не бывало и что онъ никогда съ умысломъ не сердилъ отца, что не виноватъ

въ своихъ недостаткахъ, что Меншиковъ такъ дурно воспиталъ его и неумѣренностями всякаго рода погубилъ его здоровье.

— Отецъ говоритъ, что я не гожусь для военныхъ занятій, но у меня есть умъ, нужный для управленія государствомъ, а меня хотятъ лишить престола и запрятать въ монастырь, но я этого не хочу, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь!—Съ этими словами, въ полномъ изнеможеніи, царевичъ упалъ на стулъ и воскликнулъ: —Ведите меня къ императору!— Потомъ просилъ стаканъ пива; ему подали мозельскаго вина, и Шенборнъ просилъ его успокоиться и подождать, пока о немъ доложатъ государю, а пока увѣрялъ его въ полной безопасности, и что его не выдадутъ. Царевичъ продолжалъ говорить еще, что мачиха, у которой есть теперь собственный сынъ, и Меншиковъ рѣшились уморить его, потому что здоровье отца видимо слабѣетъ и они не хотятъ допустить Алексѣя до престола, и т. п.

Царевичъ непремѣнно хотѣлъ лично увидѣться съ императоромъ, но Шенборнъ отклонялъ его отъ этого намѣренія и объяснялъ, что ему лучше всего не выставляться при дворѣ, а жить гдѣ-нибудь скрытно. Причины показались царевичу основательными и онъ 12 ноября тайно изъ Вѣны былъ перевезенъ въ мѣстечко Вейербургъ. Сюда присланъ былъ одинъ изъ министровъ, чтобы вновь разспросить царевича и обстоятельнѣе узнать его отношенія къ отцу, чтобы рѣшить, какъ дѣйствовать. Алексѣй повторилъ опять все, что говорилъ Шенборну при первомъ свиданіи, но еще менѣе щадилъ отца, царицу и Меншикова, выставилъ себя, какъ жертву недоброжелательныхъ людей, которые ему особенно за то завидуютъ, что народъ, духовенство и лучшія древнія боярскія семейства, недовольныя нововведеніями Петра, привержены къ нему и только ждутъ случая, чтобы доказать эту преданность. Но все-таки опять просилъ не выдавать его; что же касается до дѣтей, то, заговоривъ о нихъ, царевичъ залился слезами и сказалъ:

— Я увѣренъ, что отецъ пощадитъ ихъ, а самъ объ ихъ участи не позаботился и не оставилъ никакого распоряженія.

Въ Вѣнѣ рѣшились скрывать царевича; для этого его перевезли въ замокъ Эренбергъ, гдѣ онъ спокойно жилъ подъ именемъ политическаго арестанта.

Въ Россіи, между тѣмъ, исчезновеніе царевича произвело большое смятеніе: изъ Петербурга онъ уѣхалъ, а въ Кенигсбергъ не пріѣхалъ. Но Петръ не привыкъ предаваться безполезнымъ опасеніямъ и догадкамъ,—онъ дѣйствовалъ. По его приказанію, начали собирать свѣдѣнія, по какимъ мѣстамъ царевичъ проѣзжалъ, гдѣ останавливался. Слѣды нашлись, и молодой капитанъ гвардіи, Александръ Румянцевъ, съ тремя

офицерами добрался до Вѣны, 17 марта 1717 года. Неутомимымъ русскимъ посланнымъ удалось развѣдать, что въ замкѣ Эренбергѣ живетъ молодой русскій, пріѣхавшій недавно, подъ именемъ Коханскаго. Русскій посланникъ по этому поводу началъ дипломатическія сношенія, но ему отвѣчали, что австрійское правительство никакого Коханскаго не знаетъ. Румянцевъ для удостовѣренія тайно отправился къ Эренбергу и издали лично видѣлъ царевича; сомнѣній не оставалось, и требованія посланника сдѣлались настоятельнѣе.

Вѣнскій дворъ убѣдился, что пребываніе царевича въ Эренбергѣ извѣстно, и потому къ нему послали секретаря Кейля съ предложеніемъ или изъявить покорность отцу и отдаться ему на милость и немилость, или уѣхать куда-нибудь подальше, хоть въ Неаполь.

Царевичъ немедленно оставилъ Эренбергъ и вмѣстѣ съ секретаремъ Кейлемъ и съ Афросиньею, переодѣтою пажемъ, поѣхалъ въ Неаполь; но Румянцевъ не выпускалъ царевича изъ глазъ и скрытно слѣдилъ за нимъ до самаго Неаполя, куда онъ прибылъ 6 мая, а черезъ два дня уже былъ помѣщенъ въ крѣпкомъ замкѣ Ст. Эльмо. Петру изъ Вѣны послали уклончивый отвѣтъ.

Петръ отправилъ въ Вѣну чрезвычайнаго посланника, Толстого вмѣстѣ съ Румянцевымъ. Они пріѣхали въ Вѣну 26 іюля и были допущены къ частной аудіенціи. Карлъ VI выразилъ сожалѣніе, что посланная имъ объяснительная грамота показалась царю неясною, и обѣщался въ самомъ непродолжительномъ времени дать отвѣтъ ясный и точный, который разъяснитъ всѣ недоразумѣнія и вполнѣ удовлетворитъ царя. Начали въ Вѣнѣ толковать о примиреніи отца съ сыномъ, но Толстой очень положительно отвѣчалъ, что о примиреніи и рѣчи быть не можетъ; сынъ долженъ покориться отцу, возвратиться къ нему, и онъ можетъ, ежели найдетъ это возможнымъ, простить его, въ противномъ же случаѣ предастъ его проклятію и накажетъ его. Это было объявлено герцогинѣ Вольфенбюттельской, матери покойной кронпринцессы; она испугалась, чтобы проклятіе не пало на дѣтей царевича, очень встревожилась и обѣщалась сама написать царевичу, чтобы онъ повинился передъ отцомъ и спѣшилъ къ нему.

Толстой и Румянцевъ между тѣмъ вмѣстѣ съ русскимъ резидентомъ Веселовскимъ вели переговоры о выдачѣ царевича и даже объявили, что ежели желаніе царя не исполнится, то онъ будетъ добывать своего сына вооруженной рукой. Министры обсудили требованіе Толстого и въ своей конференціи положили, чтобы императоръ отъ себя написалъ письмо къ царевичу, уговаривая его добровольно возвратиться къ отцу, чтобы послалъ съ письмомъ вѣрнаго человѣка, но силою выдать царевича или противъ



ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.

(Съ совр. грав. портрета).

воли выслать не соглашался, потому что это противно всѣмъ народнымъ, и государственнымъ правамъ и можетъ назваться варварствомъ. Это рѣшеніе было объявлено Толстому; онъ встревожился, полагая, что Алексѣй, убѣдившись, что убѣжище его открыто, куда-нибудь уѣдетъ и его будетъ трудно найти, поэтому настаивалъ, чтобы курьера къ царевичу не посылали, а лучше отправили его самого въ Неаполь.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, Толстому и Румянцеву позволили ѣхать въ Неаполь; они прибыли туда 24 сентября и 26 уже видѣлись съ царевичемъ въ домѣ вице-короля. При свиданіи этомъ царевичъ высказалъ большой страхъ, ему казалось, что Толстой и Румянцевъ подосланы для того, чтобы умертвить его. Онъ чистосердечно признался, что изъ опасенія гнѣва отцовскаго уѣхалъ тайно и отдался подъ покровительство цесаря, потому что отецъ, лишая его престола, требовалъ отъ него немедленнаго постриженія, чего онъ вовсе не хотѣлъ. На вопросъ: согласенъ-ли онъ возвратиться къ отцу, онъ отвѣчалъ, что теперь на это не можетъ дать рѣшенія, потому что это дѣло важное и его надобно хорошенько обдумать. При второмъ свиданіи Толстой объявилъ, что императоръ отъ покровительства царевичу отказывается, что при настоящихъ обстоятельствахъ войны изъ-за него вести не намѣренъ, и потому на его помощь царевичу нечего надѣяться. Вице-король съ своей стороны подтверждалъ слова Толстого и тоже уговаривалъ царевича повиниться; тѣмъ болѣе, что изъ Вѣны дано было приказаніе употребить всю силу краснорѣчія, чтобы убѣдить царевича оставить предѣлы Австріи, и ежели не къ отцу, то выѣхать въ какое-нибудь другое государство.

Толстой стращалъ царевича войною съ Австріей и что Петръ оружіемъ добудетъ его, что несравненно для него невыгоднѣе, чѣмъ добровольная покорность, говорилъ, что самъ царь пріѣдетъ въ Неаполь и тогда опять не отвѣчаетъ за послѣдствія. Послѣ продолжительнаго колебанія, послѣ разныхъ угрозъ со стороны Толстого и вице-короля, Алексѣй наконецъ поколебался и обѣщался объявить условія, на которыхъ рѣшается возвратиться въ Россію.

Царевичъ объявилъ, наконецъ, что соглашается ѣхать къ отцу только съ слѣдующими условіями: чтобы все ему было прощено, позволено жить въ своихъ деревняхъ и чтобы ему позволено было жениться на Афросиньѣ. Толстой согласился на всѣ условія и прощеніе обѣщалъ клятвенно. Послѣ этого, Алексѣй написалъ отцу письмо, въ которомъ выразилось все тревожное состояніе его души и въ которомъ съ покорностію молилъ о прощеніи.

Наконецъ 11 октября царевичъ выѣхалъ изъ Неаполя, но неотступно

требовалъ, чтобы ему прислано было разрѣшеніе жениться на Афросиньѣ до пріѣзда въ Россію, и съ намѣреніемъ хотѣлъ медлить по пути, въ Римѣ и Венеціи, чтобы дождаться указа о женитьбѣ.

Толстой уговорилъ царевича проѣхать черезъ Вѣну ночью, не останавливаясь, чтобы не представляться императору. Когда въ Вѣнѣ объ этомъ узнали, то императоръ послалъ морскому генералъ-губернатору приказаніе подъ какимъ-нибудь предлогомъ задержать царевича и постараться увидѣться съ нимъ съ глазу на глазъ; если царевичъ объявитъ, что дальше ѣхать не хочетъ, то отвести ему удобное помѣщеніе и, въ случаѣ надобности, взять его подъ свое покровительство. Сначала Толстой не допускалъ генералъ-губернатора къ царевичу, но видя, что ихъ не выпускаютъ изъ города, согласился на свиданіе; но Толстой и Румянцевъ стояли съ обѣихъ сторонъ царевича, и свиданіе ограничилось обыкновенными вѣжливостями.

Послѣ этой аудіенціи путешественники отправились дальше и безъ приключеній пріѣхали въ Россію 31 января 1718 года. Афросинья, по случаю болѣзни, осталась на дорогѣ. Въ понедѣльникъ, 3 февраля, въ кремлевскія палаты собралось духовенство и свѣтскіе чины; явился царь; царевича ввели безъ шпаги. Отецъ обратился къ нему съ строгимъ выговоромъ; царевичъ бросился на колѣни, призналъ себя во всемъ виновнымъ и со слезами просилъ помилованія. Отецъ обѣщалъ ему полное прощеніе на двухъ условіяхъ: если торжественно откажется отъ своихъ правъ на престолъ и если откроетъ всѣхъ людей, принимавшихъ участіе въ его бѣгствѣ, или совѣтовавшихъ ему бѣжать. Царевичъ на все согласился и тутъ же подписалъ повинную. Послѣ этого царь вышелъ съ сыномъ въ другую комнату, и царевичъ открылъ ему своихъ сообщниковъ и совѣтниковъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе пошли въ Успенскій соборъ, и царевичъ передъ царскими вратами, положивъ руку на Евангеліе, громко отрекся отъ своихъ правъ на Русскій престолъ, далъ клятвенное обѣщаніе никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, не домогаться его и за истиннаго наслѣдника престола призналъ малолѣтняго брата своего, Петра Петровича, и цѣловалъ ему крестъ. Письменное отреченіе и присягу Алексѣй тутъ же подписалъ.

Въ тотъ же день былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ изложены были мѣры, принятыя Петромъ для приличнаго воспитанія Алексѣя, описано недостойное поведеніе его и бѣгство; подробно разсказано, какъ царевичъ искалъ покровительства Австріи, какъ его надобно было уговаривать, чтобы онъ возвратился къ отцу, какъ неминуемо онъ навлекъ бы на Россію новую войну, еслибы цесарь рѣшился защищать его оружіемъ. Упоминалось о клеветахъ, какія царевичъ

распространялъ на отца и на приближенныхъ его; за всѣ эти вины онъ подлежитъ суду и осужденію, но царь, по родительской любви своей къ этому недостойному сыну, прощаетъ его, но для того, чтобы не пропали труды его царствованія, не было искоренено все то, что онъ съ такимъ трудомъ насадилъ, Алексѣй лишается права на наслѣдство престола и настоящимъ наслѣдникомъ объявляется второй сынъ царя, еще малолѣтній Петръ, и всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ повелѣвается присягнуть новому наслѣднику и защищать его права. Если же кто-нибудь не захочетъ исполнять этого царскаго повелѣнія и будетъ продолжать смотрѣть на Алексѣя, какъ на наслѣдника, того будутъ преслѣдовать, какъ измѣнника отечества.

На слѣдующій день царевичу были предложены письменные пункты о его сообщникахъ, и онъ отвѣчалъ на нихъ, но къ несчастію, не съ полною откровенностію. Начался розыскъ по указанію Алексѣя. Кикинъ пытался бѣжать, но былъ пойманъ. Допросы, пытки и казни шли длинною вереницей; менѣе виновные, или только оговоренные, были сосланы въ разные отдаленные города. Въ одно время съ розыскомъ въ Москвѣ, шелъ другой розыскъ, въ Суздали; открылось, что заточенная въ иночество Евдокія не носила монашеской одежды, постоянно входила въ сношенія съ различными лицами духовнаго и свѣтскаго званія, постоянно порицала поступки Петра, старалась распространять и поддерживать недовольство въ народѣ и питала надежды возвратиться на престолъ, или какъ вновь признанная супруга царя, или какъ мать царствующаго Алексѣя. Всѣхъ, входившихъ въ сношеніе съ заточницею, всѣхъ ея приверженцевъ ловили, подвергали розыску съ пристрастіемъ и казнили. Инокиня Елена отправлена въ Ладогу, въ болѣе строгій монастырь. Царевна Марья Алексѣевна, сестра Петра, показывавшая постоянное участіе къ Алексѣю и къ изгнанной царицѣ Евдокіи, тоже должна была идти въ монастырь и принять монашество.

Московскій розыскъ кончился; Петръ спѣшилъ въ Петербургъ; время, назначенное для начала переговоровъ о мирѣ на Аландскихъ островахъ приближалось. Царица Екатерина писала Меншикову, чтобы онъ распорядился приготовить помѣщеніе для царевича, велѣлъ вымыть полы въ хоромахъ Марьи Алексѣевны, починить, что нужно, и вычистить. 18 марта Петръ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царевичемъ; въ это время еще ничего не было такого, по чему можно было-бы предвидѣть ужасный конецъ непріятностямъ, какія были между отцомъ и сыномъ. У царевича оставалось одно только постоянное и сильное желаніе—увидѣться съ Афросиньей и жениться на ней; объ этомъ онъ на колѣняхъ и со слезами просилъ царицу въ первый день Свѣтлаго праздника. Въ

половинѣ апрѣля Афросинья пріѣхала въ Петербургъ; ее немедленно допросили и показанія ея были такого рода, что дали совершенно другой оборотъ дѣлу; царевичъ являлся не только какъ непокорный сынъ, но и какъ возмутитель, который только и думаетъ о томъ, какъ бы достигнуть престола и, достигнувъ его, уничтожить все то, что отецъ сдѣлалъ. Оказалось, что онъ и въ чужой землѣ не выпускалъ русскихъ и Россію изъ глазъ и искалъ случая воспользоваться волненіемъ, порожденнымъ недовольствомъ, и явиться, опираясь на приверженность любителей старины, захватить верховную власть.

Эти показанія дали совершенно другой оборотъ дѣлу. Царевичу была выставлена вся вина неполноты его показаній. Алексѣй далъ новое, дополнительное показаніе и указалъ на лица, на которыя больше всего надѣялся. Петръ тяжело страдалъ. «Страдаю,—писалъ онъ,—а все за отечество, желаю для него пользы; враги строятъ мнѣ демонскія козни; труденъ разборъ моихъ поступковъ тому, кто дѣла этого не знаетъ; одинъ Богъ видитъ истину!»

Царь не рѣшался быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что далъ сыну обѣщаніе простить его, и, созвавъ знатнѣйшее духовенство, министровъ, сенаторовъ, генералитетъ, предоставилъ имъ разобрать дѣло, все по чистой правдѣ, не безпокоясь о томъ, будетъ-ли рѣшеніе пріятно, или нѣтъ. «Несмотря на лице, судите справедливо, не погубите своихъ душъ и моей, позаботьтесь, чтобы совѣсть наша осталась чиста въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно!»

13 іюня духовенство подало свое разсужденіе въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, выписывая примѣры и правила изъ Ветхаго и Новаго Завѣта относительно обязанностей дѣтей къ родителямъ и обратно... Одно было очевидно: что духовенство въ духѣ христіанскаго милосердія и, опираясь на слова Спасителя, указывало на прощеніе, но ни однимъ словомъ не упоминало о томъ, что только обѣщанное прощеніе привлекло царевича назадъ въ Россію.

Свѣтскіе чины дѣйствовали иначе; имъ нужно было убѣдиться, дѣйствительно-ли царевичъ виновенъ въ возмутительныхъ замыслахъ по отношенію къ отцу. Для этого Алексѣя приводили изъ крѣпости, въ которой онъ содержался, въ общее собраніе, къ допросу; приводили нѣсколько разъ и допрашивали со всѣми формами тогдашняго судопроизводства. Въ послѣдній разъ Алексѣя приводили къ допросу 24 іюня, и онъ почти слово въ слово повторилъ то, въ чемъ сознался при первомъ строгомъ допросѣ. Того-же числа Сенатъ, министры, генералы и гражданскіе чиновники, послѣ долгаго совѣщанія, послѣ того какъ взвѣсили всѣ обстоятельства по здравому разсужденію и христіанской совѣсти,

единодушно и единогласно приговорили царевича Алексѣя за всѣ вины и преступленія его, какъ противъ государя, такъ и противъ отца своего, къ смертной казни.

26 іюня, въ 8 часовъ утра въ крѣпость отправился самъ царь съ Меншиковымъ, сенаторами и министрами и прочитали царевичу смертный приговоръ; въ гарнизонѣ всѣ оставались до 11 часовъ и потомъ разъѣхались. А царевичъ былъ до того пораженъ неожиданнымъ смертнымъ приговоромъ, что тяжело заболѣлъ; «сначала съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, хотя онъ и пришелъ опять въ полную память, исповѣдался, причастился, и призвалъ къ себѣ насъ, (такъ писалъ Петръ въ рескриптахъ къ заграничнымъ дворамъ); мы къ нему пришли со всѣми нашими министрами и сенаторами, онъ передъ всѣми чистосердечно покаялся во всѣхъ своихъ преступленіяхъ и просилъ у насъ со слезами прощенія, которое мы ему и дали, какъ подобаетъ христіанину и отцу; послѣ сего 26 іюня, въ 6 часовъ пополудни жизнь свою христіански окончилъ».

30 іюня царевичъ былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ кронпринцессою.

ПОДПИСЬ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА.



АПОѲЕОЗЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЛАВА XXIV.

Съѣздъ на Аландскихъ островахъ.—Статьи мирнаго договора и споры изъ-за нихъ.— Смерть Карла XII и слѣдствія ея.—Нападеніе Апраксина съ флотомъ на берега Швеціи и опустошеніе ихъ.—Прекращеніе переговоровъ о мирѣ на Аландскихъ островахъ.—Петръ покинутъ союзниками.—Дипломатическія сношенія съ европейскими дворами и успѣхъ, достигнутый ими.—Вооруженное посредничество Англіи.— Восшествіе на престолъ принца Гессенъ-Кассельскаго.—Мирные переговоры въ Ништадтѣ.—Ништадтскій трактатъ.—Празднество по случаю мира съ Швеціей.— Петръ Великій, Императоръ и Отецъ отечества.

ЕЩЕ въ 1717 году въ Голландіи начались мирные переговоры съ Швеціей, посредствомъ Куракина и барона Герца, и положено было начать настоящіе переговоры на Аландскихъ островахъ; съ нашей стороны Герцу данъ былъ паспортъ на проѣздъ черезъ остзейскія провинціи, но положено было содержать это дѣло въ таїнѣ, пока не получится согласіе со стороны Карла XII на миръ.

Герцъ, проѣздомъ въ Швецію, былъ въ Ревелѣ и наконецъ изъ Швеціи, въ концѣ ноября, далъ знать, что Карлъ пришлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро узнаетъ, что русскіе уполномоченные уже въ Або. Уполномоченными съ русской стороны назначены были оберъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ и совѣтникъ царской канцеляріи, опытный дипломатъ времени Петра—Остерманъ.

Герцъ до начала переговоровъ хотѣлъ условиться въ церемоніяхъ, въ томъ, кому быть предсѣдателемъ, кому какое мѣсто занимать; но при такихъ щепетильныхъ и церемоніальныхъ отношеніяхъ самое дѣло могло пострадать, или по крайней мѣрѣ затянуться; объ этомъ наши уполномоченные написали царю; Петръ отвѣчалъ имъ:

«Для избѣжанія всякихъ церемоній предложите барону Герцу слѣдующій способъ: зимою для конференцій занять двѣ смежныя комнаты, а среднюю стѣну между ними вырубить; въ обѣихъ комнатахъ поставить по столу; съ одной стороны будутъ входить русскіе, съ другой шведы; лѣтомъ вмѣсто комнатъ можно поставить по намету; такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ будетъ полное равенство, всякій будетъ сидѣть, или въ своей комнатѣ, или въ своемъ наметѣ, безъ всякаго спора о предсѣдательствѣ; такимъ образомъ поступали при многихъ конгрессахъ. Надобно стараться, чтобы шведы согласились на это и съѣздъ состоялся, безъ потери времени, потому что время къ воинскимъ предпріятіямъ приближается».

Со стороны Швеціи уполномоченными были назначены баронъ Герцъ и графъ Гилленбургъ. Русскіе торопили шведовъ, отстраняли всѣ церемоніи, а между тѣмъ время шло, переговоры не начинались, насталъ апрѣль и ледъ мѣшалъ полномочнымъ собраться на Аландскихъ островахъ.

Непремѣнныя условія мира, которыя Брюсъ и Остерманъ должны были предложить шведамъ, заключались въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Провинціи: Ингрія, Ливонія, Эстляндія съ городомъ Ревелемъ и Карелія со всѣми городами, островами, мѣстами, округами и подданными, также городъ Выборгъ должны быть уступлены царскому величеству, въ вѣчное владѣніе. 2) Великое княжество Финляндію царь уступаетъ шведскому королю съ тѣмъ, чтобы границѣ быть отъ Выборга по рѣку Кюмень, оттуда до Нейшлота и далѣе до старой русской границы. 3) Шхеры подлѣ финскаго берега должны быть свободны для подданныхъ русскаго царя; также и шведскимъ подданнымъ свободный проѣздъ моремъ во всѣ области царскаго величества. Гаваней на финской сторонѣ съ обѣихъ сторонъ вновь не укрѣплять; для защиты-же своихъ владѣній каждому государю дозволено по своему произволу строить крѣпости, гдѣ заблагоразсудитъ на своей землѣ. 4) Торговля между обоими государствами свободная. 5) Королю Августу II оставляется спокойное владѣніе Польшей, Швеція признаетъ его королемъ, а миръ между Польшей и Швеціей уже заключенъ. 6) Въ мирный трактатъ включается король прусскій, съ уступкою ему Штетина съ округомъ. 7) Если король датскій готовъ возвратить Швеціи все, у нея завоеванное, то и его включить въ мир-

ный трактатъ. 8) Если король англійскій, какъ курфюрстъ Брауншвейгскій готовъ на благоразумныхъ условіяхъ примириться съ Швеціей, то и онъ въ шестимѣсячный срокъ имѣетъ право присоединиться къ мирному трактату.

Въ частныхъ письмахъ къ своимъ уполномоченнымъ Петръ предлагалъ имъ не щадить ни ласкъ, ни обѣщаній, ни подарковъ, чтобы склонить Герца принять на себя хлопоты, чтобы убѣдить Карла принять эти мирныя предложенія и дать ему знать, что Петръ, по заключеніи мира, готовъ вступить съ Карломъ въ союзъ и такимъ образомъ держать въ своихъ рукахъ судьбы сѣверныхъ державъ Европы. Намекалъ даже на то, что ежели Швеція добровольно уступитъ Россіи часть своихъ владѣній, то царь поможетъ ей потомъ вознаградить эту потерю въ другомъ мѣстѣ.



ГРАФЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ.
(Съ совр. портрета).

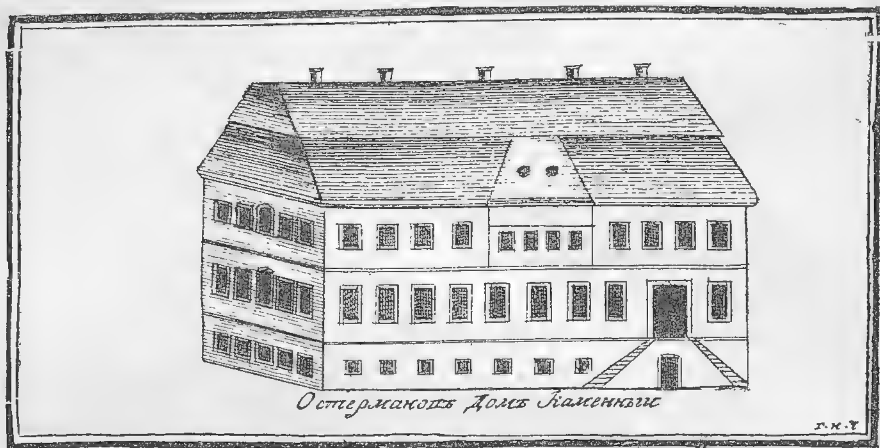
Наконецъ 12 мая начались конференціи. Шведскіе министры всячески затягивали переговоры, Герцъ ѣздилъ къ Карлу и возвратясь объявилъ, что король, взамѣнъ уступленныхъ Россіи Лифляндіи и Эстляндіи, хочетъ получить часть датскихъ владѣній. О Лифляндіи и Эстляндіи, которыхъ Карлъ раньше требовалъ было назадъ, не спорили больше, но тѣмъ ревностнѣе шведскіе уполномоченные отстаивали Ревель и Выборгъ. Брюсъ и Остерманъ прямо говорили, что о возвращеніи Выборга и думать нечего: этотъ городъ такъ близокъ къ Петербургу, что, оставивъ его въ рукахъ шведовъ, въ Петербургѣ нельзя быть спокойнымъ; каждый день можетъ быть нечаянное нападеніе. То же самое ежели оставить въ рукахъ шведовъ Ревель и Гельсингфорсъ—весь невскій фарватеръ будто отрѣзанъ отъ Балтійскаго моря.

Для Карла XII война была тяжела; народъ его, истощенный постоянными наборами и налогами, роптагъ, дворянство было недовольно; Герцъ видѣлъ одну возможность поддержать колеблющееся могущество Карла—заключить миръ съ сильнѣйшимъ изъ враговъ—съ Россіей и, ежели можно, при помощи ея вознаградить потери, понесенныя въ мирѣ

съ нею, въ другомъ мѣстѣ; вотъ, объ этомъ-то эквивалентѣ [1]) и толковалъ Герцъ послѣ свиданія съ королемъ.

Чтобы обо всемъ переговорить, Остерманъ поѣхалъ къ царю, а Герцъ къ Карлу; но Остерманъ возвратился на Аландскіе острова уже къ 31 іюля. На другой день пріѣхалъ и Герцъ, печальный и нерѣшительный; онъ убѣдился, что враждебная ему партія сильно работаетъ въ Стокгольмѣ, отвращаетъ короля отъ мира съ Россіей, представляя ему всѣ невыгоды.

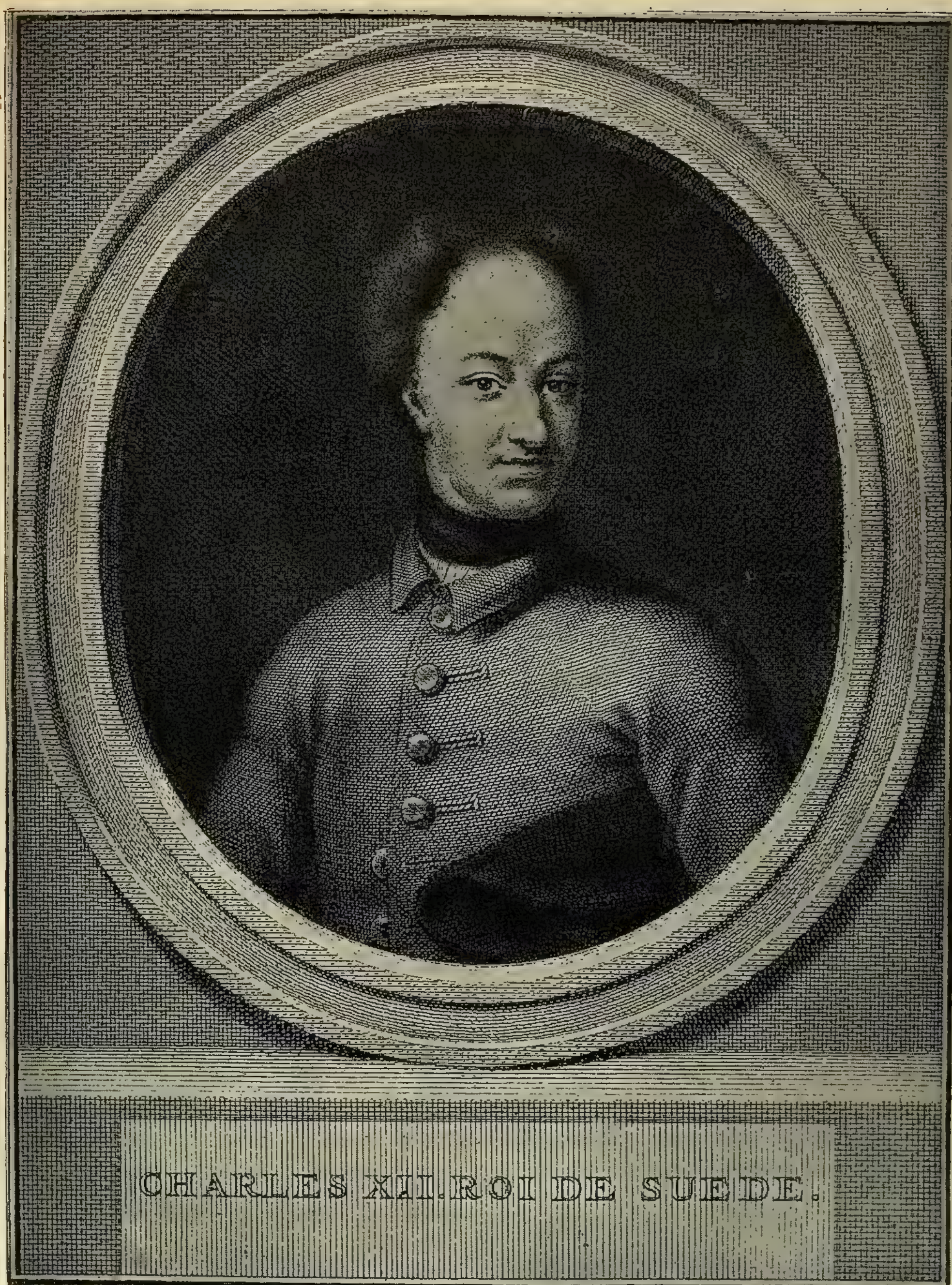
Въ городѣ въ частныхъ обществахъ раздраженіе противъ Герца возросло въ ненависть; повсюду кричали, что онъ продалъ Швецію и



ДОМЪ ОСТЕРМАНА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

русскимъ золотомъ потопилъ свою честь и совѣсть; на него, какъ на иностранца и какъ на преданнаго Карлу человѣка, смотрѣли съ недоброжелательствомъ и готовы были всю неудачу мирныхъ переговоровъ сложить на него. Отъ заключенія мира съ Россіей Карла отговаривали еще тѣмъ, что увѣряли, будто въ Россіи вспыхнулъ бунтъ и Петру теперь не до Швеціи: надобно будетъ силу оружія обратить на своихъ непокорныхъ подданныхъ; изъ Англіи внушали Карлу, что Турція недовольна и готова начать войну съ Россіей. Англичане и Польша всѣми силами старались поселить разладъ между царемъ и султаномъ, и ежели удастся, то позаботиться разладъ этотъ окончить войною. Пока переговоры тянулись такимъ образомъ, въ Швеціи произошло важное событіе. Карлъ XII, находясь въ окопахъ Фридрихсгалле въ Норвегіи былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ въ голову, а всѣ поборники мира и между про-

[1]) Вознагражденіе.



КАРЛЪ XII.
(Портретъ кисти художника Крафта).

чимъ Герцъ, впослѣдствіи казненный, арестованы. Самая смерть Карла очевидно была дѣломъ рукъ враждебной заключенію мира партіи. Стараніями той-же партіи на шведской престолъ, помимо племянника Карла герцога Гольштинскаго, избрана была сестра убитаго Ульрика — Элеонора.

Партія недовольныхъ торжествовала. Миръ съ Россіей не могъ состояться; осилило мнѣніе, что лучше лишиться всѣхъ германскихъ владѣній и этою жертвою купить миръ у всѣхъ сѣверныхъ союзниковъ, но продолжать войну съ Россіей, и такимъ образомъ заставить ее согласиться на возвращеніе Лифляндіи и Эстляндіи; чтобы успѣшнѣе заключить миръ съ остальными державами, надобно было протянуть время и оставить Россіи надежду, что мирные переговоры съ нею вслѣдствіе смерти Карла не нарушены.

Когда извѣстіе о смерти Карла XII пришло, Остерманъ уѣхалъ въ Петербургъ, а на Аландскихъ островахъ остался Брюсъ. Въ февралѣ 1719 года Гиллеборгъ отдалъ ему грамоту отъ королевы Элеоноры, съ просьбою отправить ее царю, и объявилъ, что королева надѣется утвердить дружбу между Россіей и Швеціей, желаетъ для этого не прерывать конгресса на Аландскихъ островахъ и вмѣсто Герца пришлетъ барона Лиліенштета, но добавилъ, что шведы не согласятся теперь на уступку Лифляндіи и Эстляндіи; и чтобы запугать русскихъ говорилъ, что всѣ сѣверныя державы уже ищутъ отдѣльнаго мира у королевы и что она съ ними скорѣе помирится, чѣмъ покойный король.

Петръ поручилъ Брюсу извѣстить Гиллемборга, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, Россія одна не можетъ переговариваться о мирѣ, и поэтому вмѣстѣ съ Остерманомъ на островъ ѣдетъ прусскій уполномоченный Мардефельдъ. Остерману были даны самыя опредѣленныя инструкціи для заключенія мира: Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія со всѣми городами, островами, берегами и округами, городъ Выборгъ до точно опредѣленной границы съ финляндской стороны, кромѣ того часть Кареліи, со включеніемъ Кексгольма, должны быть присоединены къ Россіи на вѣчныя времена. Если всего этого нельзя получить безъ взаимнаго обязательства, то царь согласенъ помогать Швеціи, но она должна съ точностію объявить, какая помощь и противъ кого ей нужна, или за уступку Остзейскихъ провинцій царь готовъ въ два года, въ четыре срока, заплатить милліонъ рублей деньгами или нужными Швеціи вещами.

Остерманъ прибылъ на Аландъ вмѣстѣ съ Мардефельдомъ 4 апрѣля 1719 года, но Лиліенштетъ не являлся; прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, пока не пріѣхалъ Лиліенштетъ, но тутъ возникли новыя проволочки и



ПЕРЕНЕСЕНІЕ ОСТАНКОВЪ КАРЛА XII ЧЕРЕЗЪ НОРВЕЖСКУЮ ГРАНИЦУ.

(Картина Г. О. Цедештрема).

новыя затрудненія всякаго рода. Подобное оттягиваніе дѣла раздражало Петра.

Онъ видѣлъ, что надобно дать еще урокъ неподатливой Швеціи. Пока велись мирные переговоры, онъ не дремалъ, а снаряжалъ флотъ. Насталъ іюль мѣсяцъ. Петръ придвинулъ свой корабельный и галерный флотъ къ Аландскимъ островамъ, узнавъ, что шведы все болѣе и болѣе противятся его мирнымъ предложеніямъ и только согласны уступить Россіи Ингрію и Нарву и можетъ быть незначительную часть Кареліи, и что они такъ возгордились оттого, что заключили оборонительный союзъ съ Англіей.



ПАМЯТНИКЪ КАРЛУ XII ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Русскій флотъ въ числѣ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и ста малыхъ судовъ направился къ шведскимъ берегамъ, безпрепятственно миновалъ шкеры, присталъ у мѣстечка Грина и, подъ начальствомъ генерала Ласси, распространилъ ужасъ по всей странѣ. Пѣшіе и конные русскіе отряды появлялись въ виду столицы. Русскіе сожгли и истребили 135 деревень, 40 мельницъ, 16 хлѣбныхъ магазиновъ, два города — Остгаммеръ и Орегрунъ, 9 желѣзныхъ заводовъ. Огромное количество желѣза, съѣстныхъ припасовъ досталось русскимъ. Чего нельзя было унести или увезти съ собою было или сожжено, или брошено въ море.

Генералъ Апраксинъ присталъ къ Ваксгольму, въ семи миляхъ отъ Стокгольма и также опустошилъ окрестную страну. Убытокъ, причиненный Швеціи этимъ набѣгомъ, оцѣнивался въ 12 милліоновъ талеровъ; добыча, захваченная и увезенная русскими равнялась болѣе чѣмъ милліону талеровъ.

Опустошеніе береговъ Швеціи хотя и испугало королеву и принудило ее предложить Петру Нарву, Ревель и Эстляндію, но не склонило ее къ миру. Русскій флотъ возвратился въ Ревель, а уполномоченные—на Аландскіе острова. Швеція ободрилась; сильный англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Норриса, до сихъ поръ стоявшій въ Зундѣ, чтобы покровительствовать англійскимъ торговымъ судамъ, двинулся въ

Балтійское море, у Карлскроны соединился съ шведскимъ и заслонилъ Стокгольмъ. Появленіе англійскихъ военныхъ кораблей измѣнило настроеніе шведскаго сената и народа; опять появилась надежда, что Россію можно принудить къ миру, болѣе выгодному для шведовъ.

Петръ далъ между тѣмъ указъ русскимъ министрамъ поторопить окончаніемъ переговоровъ, возобновить уже много разъ повторенныя мирныя условія и потребовать рѣшительнаго отвѣта, для котораго назначить двухнедѣльный срокъ. Если въ это время не послѣдуетъ отвѣта, или если шведы по прежнему будутъ настаивать на своихъ ни съ чѣмъ не сообразныхъ требованіяхъ, то прекратить съ ними переговоры и ѣхать въ Петербургъ. Но передъ отъѣздомъ царь велѣлъ сообщить Лиліенштету или какому другому изъ уполномоченныхъ, что онъ всегда готовъ возобновить переговоры о мирѣ и согласенъ покончить войну, тягостную для обоихъ государствъ, на условіяхъ однажды объявленныхъ.

Тѣмъ и кончились переговоры на Аландскихъ островахъ.

Шведскіе дипломаты между тѣмъ работали въ Западной Европѣ. Королева должна была поступать такъ, какъ хотѣла партія, возведшая ее на престолъ. 9 ноября Швеція заключила миръ съ курфюрстомъ Ганноверскимъ, или Георгомъ, королемъ англійскимъ, уступивъ ему Бременъ и Верденъ съ округами, и въ вознагражденіе получила милліонъ талеровъ. Вскорѣ послѣ мира съ королемъ англійскимъ заключенъ былъ наступательный союзъ противъ Россіи и всѣхъ другихъ непріятелей Швеціи. Англія обѣщалась помогать Швеціи деньгами, войскомъ и флотомъ, чтобы принудить царя къ миру на праведныхъ (справедливыхъ) условіяхъ. Примѣру Англіи послѣдовали и другіе союзники Петра, каждый изъ нихъ заключилъ миръ отдѣльно, стараясь только удержать полученное. Прусскій король получилъ Штетинъ и верхнюю Померанію, а съ своей стороны обязался заплатить два милліона рейхс-талеровъ. Августъ II тоже заключилъ тайный договоръ съ Швеціею, по которому признанъ былъ королемъ польскимъ, предоставивъ однако-жъ Станиславу Лещинскому титулъ королевскій и заплативъ ему милліонъ талеровъ. Даже датскій король не отсталъ отъ прочихъ; онъ тоже помирился съ шведской королевой, получилъ Шлезвигъ и право собирать пошлину съ шведскихъ кораблей, проходящихъ черезъ Зундъ, но возвратилъ за то Швеціи Висмаръ и Стральзундъ со всею Нижнею Помераніею и островомъ Рюгеномъ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за прекращеніемъ мирныхъ переговоровъ на Аландѣ и союзники, одинъ за другимъ, оставили Петра, и самый сильный изъ нихъ, Англія, сдѣлалась его новымъ непріятелемъ; но Петръ уже давно постигъ своекорыстныя дѣйствія Англіи и предвидѣлъ,

что вреда отъ нея ожидать можно такъ-же мало, какъ мало было пользы, когда она принадлежала къ сѣверному союзу, и, вслѣдствіе этого, не очень-то



ПЕТРЪ I.
Съ портрета К. Мора 1718 г.).

безпокоился ея флотомъ и вмѣшательствомъ и рѣшился одинъ вести войну, пока не вынудитъ условій для себя выгодныхъ и прочныхъ.

Царь дѣятельно готовился къ войнѣ, но не пренебрегалъ и дипломатическими путями, чтобы обезсилить своихъ враговъ или сдѣлать ихъ

менѣе опасными. Его посланники старались противодѣйствовать проискамъ англійскаго и польскаго дворовъ. Австрійскій императоръ, по случаю дѣла царевича Алексѣя имѣлъ непріятности, вслѣдствіе которыхъ негодовалъ на Петра; тонъ императора въ спошеніяхъ съ царемъ сталъ требовательный и рѣзкій; онъ, по согласію съ Ганноверомъ и Польшею, принялъ на себя роль посредника, который или добромъ, или силой хочетъ окончить войну на сѣверѣ.

Однако, Австрія, повидимому, хотѣла только попугать Петра, но серьезно войны не хотѣла, поэтому прежнія дружескія отношенія, хотя наружно, скоро были возстановлены.

Англія, Польша и французскіе агенты пытались поднять Турцію и заставить ее обрушиться на Россію; посланникъ Петра Дашковъ уладилъ это дѣло и пріобрѣлъ даже дружбу Турціи.

Съ Пруссіей дѣла тоже не вполнѣ испортились. Заключивъ мирный договоръ съ Швеціей и получивъ давно желанный Штетинъ въ вѣчное владѣніе, осторожный Фридрихъ-Вильгельмъ не захотѣлъ испортить своихъ отношеній и съ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ; помирившись съ Швеціей, онъ заключилъ въ Потсдамѣ 6 февраля тайный договоръ съ Петромъ, по которому обязывался сохранить строгій нейтралитетъ и черезъ свои земли не пропускать никакихъ иностранныхъ войскъ. Фридрихъ-Вильгельмъ сдержалъ свое обѣщаніе, и Швеція и Англія убѣдились, что пожертвованіемъ, хотя и купили миръ съ Пруссіей, но не пріобрѣли союзника.

Англійскій дворъ отыскивалъ союзниковъ и помощи для защиты изнуренной и разбитой Швеціи, но это не удалось нигдѣ—ни въ Вѣнѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Константинополѣ; негдѣ было найти надежное средство, чтобы защитить ее отъ нападенія Петра и доставить ей болѣе выгодныя условія мира.

Польша хотя явно не разрывала союза, существующаго съ Россіей, но Августъ не упускалъ случая тайно вредить ей. Ничего, однако, важнаго польскій король не могъ сдѣлать.

Между тѣмъ, въ Швеціи было тоже не спокойно. Между вельможами, овладѣвшими верховною властью, не было единства, но у всѣхъ одинаково были блистательныя надежды на помощь вооруженной силы Англіи, на ея огромный флотъ; а большое количество денегъ, собранныхъ отъ различныхъ державъ за уступки при заключеніи мирныхъ договоровъ, окончательно вскружили имъ головы. Въ Швеціи дѣлали сильныя приготовленія къ войнѣ, но въ нихъ не было ни порядка, ни единства, ни предусмотрительности. Одинъ планъ, одно распоряженіе смѣнялось другимъ. Народъ ропталъ и страдалъ; правители и дворянство

спорили между собою. Королева не имѣла никакой власти, ее осаждали со всѣхъ сторонъ то просьбами, то совѣтами, то предостереженіями; она въ рукахъ партіи была безсильнымъ орудіемъ. Если ей нельзя было вполнѣ снять съ себя всей тяжести правленія, то она, по крайней мѣрѣ, хотѣла облегчить ее по возможности; она рѣшилась королевскую корону отдать своему мужу, принцу Гессенъ-Кассельскому, Фридриху, или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ нимъ престолъ. Она объявила о своемъ же-



ГРАФЪ ЯКОВЪ ВИЛИМОВИЧЪ БРЮСЪ.
(Портретъ неизв. мастера въ собраніи А. П. Альбрехтъ).

ланіи сенату. Собрался сеймъ; послѣ долгихъ раздоровъ партій, борьбы и шума принцъ Фридрихъ былъ, наконецъ, признанъ королемъ, но онъ получилъ пустой титулъ безъ силы и власти.

Новый король видѣлъ бѣдственное положеніе Швеціи, видѣлъ, какъ ничтожна помощь союзниковъ, и съ сожалѣніемъ сознавался въ томъ, что жертвы, принесенныя въ Германіи, ни на волосъ не подвинули дѣла. Надобно было опять сдѣлать первый шагъ прямо. Онъ, по вступленіи на престолъ, отправилъ своего генералъ-адъютанта въ Петербургъ

съ извѣщеніемъ объ этомъ и съ цѣлью приступить къ мирнымъ переговорамъ. Но въ то же время въ водахъ Балтійскаго моря опять появился большой англійскій флотъ, состоявшій изъ 28 линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ, брандеровъ и транспортныхъ судовъ, съ цѣлью сдѣлать высадку въ Финляндіи или напасть на Ревель.



ЦЕСАРЕВНА АННА ПЕТРОВНА.
(Съ совр. портрета).

Но эти грозныя приготовленія не испугали Петра; онъ съ достоинствомъ принялъ королевскаго посла, отвѣчалъ, что отъ мира никогда не отказывался и всегда готовъ на него, но требуетъ, чтобы условія, имъ объявленныя, служили основаніемъ для начала переговоровъ, и что ему не страшны ни шведскія войска, ни соединенные флоты, что ничто не можетъ ни запугать его, ни заставить измѣнить своихъ условій. Петръ приказалъ показать шведскому посланнику Петербургъ, гдѣ онъ все осмотрѣлъ; потомъ самъ царь повезъ его на Котлинъ-островъ, показалъ ему флотъ, гавань, укрѣпленія Кроншлота, выводилъ его повсюду и, прощаясь съ нимъ, сказалъ съ улыбкою:

— Между непріятелями нѣтъ обыкновенія офицеру враждебной арміи показывать крѣпости, но я этого правила не держусь, и теперь шведамъ нѣтъ надобности тратить деньги на шпіоновъ, потому что посланникъ самъ все видѣлъ.

Помощь Англіи, какъ ожидать надобно было, оказалась не дѣйствительною. Высадку вовсе не предпринимали, а Норрисъ съ своимъ флотомъ сталъ на якорѣ въ виду Ревеля. Вслѣдъ за тѣмъ Норрисъ послалъ письмо главнокомандующему въ Ревелѣ; онъ писалъ, что по повелѣнію государя своего пришелъ съ эскадрою за тѣмъ, чтобы получить умѣренный и справедливый миръ между Швеціей и Россіей, предлагая свое посредничество.

На это Апраксинъ отвѣчалъ, что если королю угодно предлагать царю какія-нибудь дѣла, то послѣдовалъ бы всѣми принятому обыкновенію и прислалъ, или полномоченнаго министра прямо въ Петербургъ, или его, Норриса, снабдилъ нужными бумагами—кредитивомъ и полномочіемъ, тогда царь приметъ его дружелюбно и выслушаетъ, а не придвигалъ-бы флота къ нашимъ берегамъ.

Опять не удалось испугать Россіи, и вооруженное посредничество было отклонено. Въ это время бригадиръ фонъ-Менгденъ сдѣлалъ высадку

въ Швецію и сжегъ нѣсколько городовъ и деревень, а князь Голицынъ съ своими галерами напалъ при островѣ Гренгамѣ, 27 іюля, на шведскую эскадру, состоявшую изъ 5 большихъ и нѣсколькихъ меньшихъ судовъ; послѣ жестокаго боя, онъ овладѣлъ четырьмя непріятельскими фрегатами и въ виду всего соединеннаго флота съ торжествомъ отправилъ ихъ въ Петербургъ.

Англичане сами убѣдились, что имъ угоняться за нашими галерами не было ни малѣйшей возможности; тамъ, гдѣ ихъ крупные военные корабли не могли шевельнуться, наши стерляди (такъ Меншиковъ





МЕДАЛЬ НА НИШТАДТСКІЙ МИРЪ.

называлъ галеры) между шкерами шныряли, какъ живыя, и проходили тамъ, гдѣ казалось не было проѣзда. Ничто не спасало шведскихъ береговъ отъ этихъ страшныхъ непріятелей; они приставали тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ожидали, и приносили съ собою грабежъ, убійство и пожары. Весь народъ громко, единодушно требовалъ мира.

Петръ отправилъ своего генералъ-адъютанта Александра Румянцева въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями и съ правомъ заключить перемиріе. Его встрѣтили съ радостію, какъ желаннаго гостя. Дружескія отношенія начались освобожденіемъ всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Стокгольмѣ, а ихъ было около 200 человѣкъ. Шведскій сенатъ, король и королева объявили готовность приступить къ мирнымъ переговорамъ и просили назначить мѣсто для съѣзда, указывая между прочимъ на Або. Румянцевъ возвратился въ Петербургъ и передалъ желаніе шведскаго правительства. Но Петръ отвѣчалъ, что Або не годится для мирныхъ переговоровъ, потому что тамъ весь генералитетъ и всѣ провіантскіе склады.

Мѣстомъ для конгресса былъ выбранъ городъ Ништадтъ; министрами назначены опять тѣ же—Брюсъ и Остерманъ, съ титуломъ барона и тайнаго совѣтника канцеляріи, съ шведской стороны графъ Лиліенштедъ и баронъ Штремфельдъ.

Русскіе уполномоченные пріѣхали въ Ништадтъ 28 апрѣля 1721 года и нашли тамъ уже шведскихъ. Первый вопросъ шведовъ былъ, на какихъ условіяхъ царь намѣренъ мириться? Имъ отвѣчали:

— На аландскихъ.

— Объ аландскихъ теперь не можетъ быть и рѣчи,—отвѣчали шведы,—тогда у Швеціи было четыре врага, а теперь остался одинъ.

Русскіе уполномоченные отвѣчали, что во все время войны, Россіи союзники мало помогали; да и Швеціи на нихъ нечего разсчитывать; явный примѣръ—англичане, они въ прошломъ году не могли защитить Швеціи отъ набѣга русскихъ.

— Царское величество думаетъ удержать за собою Лифляндію и Выборгъ; если ихъ оставить за Россіей, то намъ придется погибнуть отъ голода; мы скорѣе обрубимъ себѣ руки по-локоть, чѣмъ подпишемъ такой мирный договоръ!—воскликнули шведы.

— Напрасно вы такъ думаете,—безъ Лифляндіи и Выборга царь мира не заключитъ, съ Швеціи и того довольно, что ей возвращается Финляндія.

Новое появленіе англійскаго флота, ушедшаго было изъ Швеціи, было сигналомъ, и генералъ Ласси съ своимъ гребнымъ, галернымъ флотомъ опять напалъ на беззащитные берега Швеціи и опять опустошалъ ихъ.

Такой новый урокъ сдѣлалъ ништадтскихъ уполномоченныхъ сговорчивѣе. Они уступали одинъ пунктъ за другимъ, но, согласившись на уступку Лифляндіи, шведы долго отстаивали Выборгъ, называя его ключемъ Финляндіи. Наконецъ, уступили и Выборгъ.

Русскимъ уполномоченнымъ пришлось съ своей стороны сдѣлать тоже нѣкоторыя уступки. Несмотря на то, что царь сблизился съ молодымъ герцогомъ Гольштинскимъ, согласился ему отдать руку своей старшей дочери Анны Петровны и обѣщался позаботиться объ утвержденіи его правъ на наслѣдство шведскаго престола, шведы по этому поводу показали невѣроятное упрямство; несмотря на всѣ убѣжденія и дипломатическія тонкости русскихъ представителей, шведы не подавались; чтобы не упустить времени и заключить миръ во всѣхъ отношеніяхъ выгодный, надобно было пожертвовать интересами принца и отказаться отъ этого требованія.

Война уже надоѣла Петру; онъ столько-же желалъ и даже нуж-



ВИДЪ ТРОИЦКАГО СОБОРА, ВЪ КОТОРОМЪ ШЕЛЪ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МОЛЕБЕНЪ ПО СЛУЧАЮ ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА СО ШВЕДАМИ.

дался въ мирѣ, сколько и Швеція; хотя матеріальныя средства Россіи еще далеко не были истощены, но у великаго преобразователя въ умѣ роились уже другіе планы и взоръ его уже обращенъ былъ въ другую сторону. Чтобы поскорѣе покончить переговоры, онъ рѣшился даже не стоять за Выборгъ, или за округъ его, и отправилъ въ Ништадтъ третьяго уполномоченнаго—Ягужинскаго, съ новыми инструкціями, по которымъ долженъ былъ уступить Выборгъ.

Но выборгскій комендантъ Шуваловъ провѣдалъ объ этомъ намѣреніи и извѣстилъ о немъ Остермана. Чтобы удержать за Россіей округъ, такой важный для безопасности Петербурга, и чтобы окончить самому мирные переговоры съ шведами безъ вмѣшательства третьяго лица, Остерманъ рѣшился употребить отчаянную хитрость. Ему извѣстно было, что шведы не будутъ стоять за Выборгъ, если ихъ хорошенько притѣснить; онъ объявилъ имъ, что получилъ отъ царя указъ, или окончить мирные переговоры въ 24 часа, или окончательно прервать ихъ, и тогда военныя дѣйствія начнутся вновь. Хитрость вполнѣ удалась: шведскіе представители, испугавшись того, что всѣ труды для достиженія мира пропадутъ даромъ, отступились отъ выборгскаго округа и отъ многихъ другихъ требованій, на которыя русскіе уже готовы были согласиться, подписали прелиминарный мирный договоръ 30 августа 1721 года и размѣнялись грамотами съ русскими.

Отправивъ Ягужинскаго, Петръ уже освоился съ мыслью объ уступкѣ Выборга и 3 сентября отправился въ Выборгъ, чтобы лично осмотрѣть новыя границы, которыя намѣревался назначить. Онъ находился на Лисьемъ носу въ своемъ загородномъ домѣ Дубкахъ, такъ прозванному по дубовой рощицѣ, посаженной самимъ Петромъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ капрала гвардіи Обрѣзкова, скакавшаго къ нему изъ Ништадта съ радостной вѣстью о заключеніи мира. Царь, не подозрѣвая содержанія пакета, распечатываетъ и читаетъ письмо Остермана, который извѣщаетъ о заключеніи мира и извиняется, что посылаетъ подлинный трактатъ, только-что подписанный, перевесть котораго не успѣлъ, и спѣшитъ увѣдомить царя, чтобы кто-нибудь другой не провѣдалъ о мирѣ раньше. Такъ какъ миръ состоялся не на тѣхъ условіяхъ, на какихъ царь намѣревался заключить его, то для яснѣйшаго уразумѣнія дѣла прилагалось краткое извлеченіе изъ статей мирнаго договора. Въ концѣ письма Брюсъ и Остерманъ поздравляли царя съ счастливымъ окончаніемъ долгой и изнурительной войны, въ которой онъ выказалъ столько твердости, храбрости и понесъ столько трудовъ. Подписались «Вашего царскаго величества всенижайшіе рабы—Яковъ Брюсъ, Андрей Остерманъ. Августа 30 дня въ четвертомъ часу пополудни.»

Ништадтскій договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Вѣчный и неразрывный миръ заключенъ между царемъ русскимъ и королемъ шведскимъ и ихъ преемниками. 2) Съ той и другой стороны полная амнистія; изъ нея исключаются только казаки, послѣдовавшіе за Мазепой. 3) Всѣ непріятельскія дѣйствія прекращаются въ четырнадцатидневный срокъ и еще скорѣе. 4) Съ шведской стороны уступаются въ полное и вѣчное владѣніе и неотъемлемую собственность Россіи: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Кареліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена, со всѣми принадлежностями, правами и доходами. Эти области должны быть присоединены къ русскому государству и должны навсегда остаться за нимъ. (Послѣднее условіе русскіе уполномоченные включили, чтобы устранить претензіи Польши). 5) Царь возвращаетъ Швеціи завоеванную имъ Финляндію, кромѣ той части, о которой говорено было выше. Сверхъ того, царь обѣщается заплатить королю два милліона ефимковъ. 6) Жители провинцій, уступленныхъ Россіи, пользуются тѣми же правами, какія имѣли при шведскомъ владычествѣ. Церкви и школы остаются въ томъ видѣ, какъ были подъ шведскимъ правленіемъ; исповѣданіе вѣры свободно. Кромѣ того, жителямъ потерпѣвшихъ отъ войны областей обѣщали вернуть ихъ имущества, военно-плѣнныхъ освободить безъ выкупа и т. п.

Въ отдѣльной статьѣ было постановлено, что обѣщанные Россіею



ЦАРЪ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ОБЪЯВЛЯЕТЪ НАРОДУ О ЗАКЛЮЧЕНІИ МИРА СО ШВЕДАМИ.

(Рис. А. Шарлеманя).

два милліона ефимковъ должны быть выплачены въ четыре срока по 500,000 въ каждый, послѣдній въ сентябрѣ 1724 года.

Петръ съ радостію прочиталъ договоръ, присланный ему Остерманомъ и Брюсомъ на Лисій Носъ въ Дубки (близъ Сестрорѣцка): лучшаго онъ и желать, и ожидать не могъ. Такъ какъ вечеръ наступилъ, Петръ переночевалъ въ Дубкахъ. Утромъ, когда придворные хотѣли ѣхать дальше къ Выборгу, онъ ихъ остановилъ и объявилъ о заключеніи мира и написалъ благодарственное письмо Брюсу и Остерману, а самъ сѣлъ на свою бригантину съ однимъ пажемъ, съ трубачами и поплылъ къ Петербургу, чтобы обрадовать столицу.

Въ Петербургѣ жители заволновались; издали слышались пушечные выстрѣлы и трубные звуки: царь возвращается неожиданно, плыветъ и каждую минуту стрѣляетъ изъ своихъ трехъ пушекъ,—что бы это значило?—спрашивали другъ друга,—зачѣмъ выстрѣлы, зачѣмъ трубы?—Народъ толпами сбѣгался на Троицкую пристань, всѣ работы были брошены, знать и служащіе бѣгутъ и скачутъ въ экипажахъ къ пристани; у всѣхъ одна мысль, одно предположеніе: миръ заключенъ!

И царь, сходя на пристань, радуетъ собравшихся этими словами; громкіе восторженные крики отвѣчаютъ ему. Петръ, а вслѣдъ за нимъ, всѣ находившіеся на набережной отправились въ Троицкій соборъ къ молебствію. Всѣ горячо благодарятъ Бога за дарованную побѣду. Приближенные царя знали, чѣмъ обрадовать царя: генералъ-адмиралъ, адмиралы, министры послѣ молебствія обступили царя и просили его принять чинъ адмирала Краснаго флага.

При выходѣ изъ церкви, на Троицкой площади уже приготовлено было возвышеніе и по площади разставлены кадки съ виномъ и съ пивомъ. Царь взошелъ на помостъ, зачерпнулъ стаканъ вина и, обращаясь къ народу, громко сказалъ:

— Здравствуйте, православные, и благодарите Бога! По Его милости окончилась война, продолжавшаяся 21 годъ; Всесильный Богъ положилъ ей конецъ и даровалъ намъ съ Швеціей счастливый и вѣчный миръ.

Послѣ этихъ словъ царь выпилъ стаканъ вина, а народъ какъ бы обезумѣлъ; плачетъ и восклицаетъ:

— Да здравствуетъ царь-государь!

Съ крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы, наскоро разставленныя на площади войска вторятъ имъ ружейными выстрѣлами. Снарядили 12 человѣкъ драгунъ съ бѣлыми перевязями черезъ плечо, съ знаменами и лавровыми вѣтвями въ рукахъ; передъ ними два трубача; они ѣздили по всѣмъ улицамъ на перекресткахъ, передъ церквами и на площадяхъ останавливались и провозглашали радостную вѣсть о мирѣ.

Дано было приказаніе по всей Россіи совершить троекратное празднованіе побѣды и молебствіе за окончаніе войны, длившейся три семилѣ-



(Съ рѣдкаго современнаго портрета, принадл. графу И. Т. Чернышеву).

тія, а на будущія времена 30 августа, день, въ который подписанъ былъ мирный трактатъ, назначался для ежегоднаго торжества.

Петръ веселился съ своею всегдашнею изобрѣтательностію; пиры

слѣдовали за пирами. 5 сентября праздновали именины царевны Елизаветы Петровны большимъ катаньемъ по Невѣ, роскошнымъ обѣдомъ и баломъ, даннымъ въ почтовомъ домѣ. 10 числа начался большой уличный маскарадъ на 1,000 человѣкъ, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Самый замѣчательный по своему богатству костюмъ былъ во время этого карнавала на князѣ-кесарѣ—Ромодановскомъ; онъ ѣхалъ на древней колесницѣ, въ одеждѣ древнихъ царей; длинная и широкая мантія его была подбита горностаемъ; на головѣ богатая корона, усыпанная драгоцѣнными камнями; въ рукахъ онъ держалъ скипетръ, тоже украшенный брильянтами. Князь Меншиковъ былъ въ простомъ и скромномъ костюмѣ гамбургскаго бургомистра; на герцогѣ Голштинскомъ былъ розовый атласный кафтанъ, обложенный золотыми галунами, за нимъ была свита, щегольски и роскошно одѣтая.

Первое мѣсто въ этомъ маскарадѣ занимала фигура бога Вакха; у него на плечи была наброшена тигровая кожа, а въ рукахъ онъ держалъ виноградную лозу съ зрѣлыми кистями. Многіе очень хорошо одѣты были страусами, пѣтухами и журавлями. Два крошечныхъ карлика съ подвязанными по колѣни бородами, одѣтые стариками, на веревкѣ вели двухъ великановъ, одѣтыхъ, какъ одѣваютъ маленькихъ дѣтей, когда они начинаютъ ходить. Нѣсколько человѣкъ съ длинными пушистыми бородами въ парчевыхъ костюмахъ древнихъ русскихъ бояръ, въ высокихъ собольихъ шапкахъ, ѣхали верхомъ на живыхъ медвѣдяхъ. Царскій шутъ былъ зашитъ въ медвѣжью шкуру; и онъ съ неподражаемою истиною подражалъ движеніямъ и пріемамъ настоящаго медвѣдя; его везли въ большой клѣткѣ, сдѣланной такъ, какъ у насъ дѣлаютъ клѣтки для бѣлокъ. Онъ былъ такъ естественъ, что всѣ думали, это настоящій медвѣдь, но онъ неожиданно выскочилъ изъ клѣтки, подбѣжалъ къ настоящему медвѣдю, вскочилъ ему на спину и поѣхалъ очень торжественно; только тутъ убѣдились, что одинъ изъ медвѣдей поддѣльный, а другой настоящій.

За маскарадомъ шли другія увеселенія: звѣриная травля, прогулка маскированныхъ по городу, балы и вечеринки у знатнѣйшихъ лицъ Петербурга. Петръ веселился, какъ юноша; онъ пѣлъ и плясалъ не только на полу, но на столахъ и скамьяхъ.

Въ такихъ удовольствіяхъ шло время и приближалось вторичное церковное торжество, назначенное на 22 октября. За день Петръ пріѣхалъ въ Сенатъ и объявилъ, что въ знакъ благодарности за милосердіе Божіе, выразившееся счастливымъ миромъ, онъ прощаетъ всѣхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть, или къ ссылкѣ, кромѣ отъявленныхъ разбойниковъ, уже попадавшихся въ нѣсколькихъ убійствахъ;



МАСКАРАДЪ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ФЕВРАЛѢ 1722 ГОДА, ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНІЯ НИШТАДТСКАГО МИРА.

(Съ рисунка акад. и проф. А. І. Шарлеманя).

всѣхъ государственныхъ должниковъ прощаетъ и освобождаетъ; всѣ недоимки накопившіяся отъ начала войны до 1718 года слагаетъ. Когда царь удалился изъ Сената, всѣ сенаторы и министры рѣшились поднести Петру титулъ Отца Отечества, Императора и Великаго.

Вѣсть о милостяхъ царя искрою пробѣжала по всѣмъ слоямъ общества и народъ ликовалъ; онъ забылъ всѣ тяжести войны и съ наслажденіемъ представлялъ себѣ, что теперь всѣ ужасы войны кончены.

На другой день была опять торжественная благодарственная церковная служба; Ѳеофанъ Прокоповичъ говорилъ длинную проповѣдь, въ которой называлъ Петра Отцомъ Отечества, Великимъ и Императоромъ. Въ это время къ царю подошли канцлеръ графъ Головкинъ и сенаторы; канцлеръ въ рѣчи, въ которой выставилъ всѣ заслуги Петра, отъ имени

всего русскаго народа, синода и сената просилъ его принять титулъ Отца Отечества, Петра Великаго и Императора Всероссійскаго. Сначала Петръ не соглашался принять этотъ титулъ, но сенаторы и всѣ присутствующіе громко три раза прокричали: виватъ! Въ церкви и внѣ ея народъ повторилъ троекратно: виватъ!

Трубы, литавры и барабаны загремѣли, и бѣглый огонь стоявшихъ



МАСКАРАДЪ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1722 ГОДУ ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНІЯ НИШТАДТСКАГО МИРА.
(Съ весьма рѣдкой современной гравюры, изъ собранія Д. А. Ровинскаго находящ. нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ).

на площади войскъ поддержалъ общее восторженное настроеніе; съ крѣпости, кораблей и галеръ, пришедшихъ изъ Финляндіи, раздавался громъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Послѣ молебствія Петръ отправился въ Сенатъ; здѣсь герцогъ Гольштинскій и всѣ иностранные министры поздравили его; императоръ объявилъ щедрыя награды всѣмъ отличившимся въ войнѣ и участвовавшимъ въ составленіи мирнаго трактата. Послѣ этого сѣли за столъ, накрытый на 1,000 человѣкъ; для народа былъ приготовленъ жареный быкъ цѣликомъ, начиненный дичиною и домашнею птицей, и были разставлены чаны съ бѣлымъ и краснымъ виномъ. Вечеромъ былъ балъ и фейерверкъ. Балы и фейерверки продолжались и въ слѣдующіе дни, маски ходили и ѣздили по улицамъ.

Шведскихъ военноплѣнныхъ между тѣмъ привозили изъ всѣхъ

частей Россіи и ихъ отпускали на родину; но многіе отказались и остались въ Россіи, къ которой привыкли, и вступили на службу.

Новый титулъ Императора Всероссійскаго былъ вскорѣ принятъ европейскими дворами. Пруссія и Голландія тотчасъ прислали Петру поздравленіе.

Между тѣмъ изъ Петербурга въ Москву отправили гвардію и нѣкоторые другіе полки, съ цѣлью отпраздновать третье торжество, по случаю ништадтскаго мира, въ Москвѣ. 10 декабря и Петръ отправился туда съ своимъ дворомъ и приближенными. Московскія торжества нисколько не уступали петербургскимъ, ни своимъ разнообразіемъ, ни пышностію, ни изобрѣтательною игривостью.



ПЕТРЪ I.
(Медальонъ Растрелли отца въ Петров. галлереѣ Имп. Эрмитажа).



РУССКІЙ ДВУХГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

ГЛАВА XXV.

Посольство въ Китай.—Походъ въ Хиву.—Походъ въ персидскія владѣнія.—Покореніе Дербента.—Переговоры съ Персіей.—Взятіе Баку.—Договоръ съ Турціей.—Покровительство православнымъ въ Польшѣ.—Отношенія къ Швеціи.—Отношенія Россіи къ Даніи и другимъ европейскимъ державамъ.—Послѣднее плаваніе Петра по Балтійскому морю.—Праздникъ по случаю привезеннаго ботика изъ Москвы въ Петербургъ.—Переговоры съ Франціей.

Обширные замыслы Петра не ограничивались тѣмъ, чтобы упрочить свои сношенія съ западомъ; на пріобрѣтеніе Балтійскаго моря онъ смотрѣлъ, какъ на способъ къ этому, но онъ зналъ, что главныя богатства свои Россія можетъ пріобрѣтать съ востока, что она, какъ-бы самою природою назначена на то, чтобы служить посредницею между востокомъ и западомъ, и потому при всѣхъ своихъ занятіяхъ, при всѣхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, при всѣхъ трудныхъ политическихъ и военныхъ предпріятіяхъ на западѣ, Петръ все-таки не упускалъ изъ виду востока.

Въ 1719 году Петръ отправилъ въ Пекинъ чрезвычайнаго посланника, преображенскаго полка капитана Измайлова. Онъ въ Пекинъ въѣхалъ торжественно съ большою пышностію и объявилъ ближнимъ людямъ богдыхана, что явился для того, чтобы подтвердить и возобновить дружескія отношенія, издавна существовавшія между русскимъ императорскимъ величествомъ и китайскимъ богдыханомъ.

Измайловъ постарался войти въ сношеніе съ іезуитами [1], утвердившимися въ Пекинѣ, и дѣйствовать черезъ нихъ. Онъ объявилъ имъ, что доставитъ ихъ ордену разныя привиллегіи въ Россіи, ежели они будутъ содѣйствовать его видамъ при пекинскомъ дворѣ. Іезуиты обѣща-



ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Съ портрета Беннера).

лись помогать. На аудіенціи богдыханъ объявилъ, что по существующимъ законамъ онъ хотя и не имѣетъ права принимать грамоты отъ чужихъ государей, но такъ какъ на русскаго государя смотритъ, какъ на равнаго себѣ, то грамоту принимаетъ. Потомъ объявилъ, что устроилъ нарочно пиръ, на который и приглашаетъ посланника. Спра-

[1]) Знаменитый католическій, монашескій орденъ.

шивалъ: знаетъ-ли Измайловъ астрономію и прочія науки и привезъ-ли онъ съ собою музыкантовъ? Измайловъ отвѣчалъ, что астрономіи не учился, а музыканты, которые играютъ на трубахъ и на скрипкахъ, у него есть. Потомъ разспрашивалъ, какимъ наукамъ и искусствамъ учатся въ Россіи. Переводчиками служили іезуиты.

Въ переговорахъ съ китайскими министрами Измайловъ требовалъ свободной торговли между обоими государствами, чтобы русскимъ купцамъ позволено было имѣть свои церкви въ Китаѣ и чтобы консулы и вице-консулы русскіе жили въ разныхъ городахъ Китая. Но китайцы не соглашались, выражая полное презрѣніе къ торговлѣ и къ торговцамъ, и Измайловъ наконецъ принужденъ былъ выѣхать изъ Пекина, не добившись ни одной изъ своихъ цѣлей.

Между тѣмъ до Петра доходили извѣстія, что въ Средней Азіи находится множество сокровищъ и что въ Эркети, на рѣкѣ Дарьѣ, добываютъ большое количество золотого песку. Петръ рѣшился развѣдать, что это за Эркети, нельзя-ли добраться до него сухимъ путемъ, или водою, да и вообще узнать получше прибрежья Каспійскаго моря, изслѣдовать, нельзя-ли найти судоходную рѣку, или по крайней мѣрѣ заставить Аму-Дарью обратиться по старому руслу къ Каспійскому морю.

Сенатъ сдѣлалъ всѣ распоряженія и осенью 1716 года кн. Черкасскій, снабженный подробнымъ наказомъ Петра, выѣхалъ Волгою въ Каспійское море, присталъ къ урочищу Тюкъ-Караганъ и заложилъ крѣпость. Далѣе поѣхалъ онъ моремъ, присталъ къ урочищу Красныя-Воды и опять заложилъ вторую крѣпость, но оба мѣста были дурно выбраны; не было по близости ни лѣса, на прѣсной воды, а въ заливахъ морскихъ вода гнилая и испаренія отъ нея вредныя. Съ Красныхъ-Водъ князь Черкасскій возвратился къ Тюкъ-Карагану и нашелъ между оставленными тамъ солдатами и матросами около 700 человѣкъ больныхъ и до 120 умершихъ. Въ началѣ 1717 года Черкасскій возвратился въ Астрахань; тутъ начали приходить извѣстія, что хивинскій ханъ очень недружелюбно смотритъ на появленіе русскихъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря и что хивинцы, бухарцы, кайсаки и каракалпаки собираются въ значительномъ количествѣ, чтобы силою отразить вторженіе русскихъ.

Вскорѣ разнесся оказавшійся справедливымъ слухъ о гибели князя Черкасскаго; хивинцы измѣнническимъ образомъ заманили его къ себѣ и казнили, а отрядъ его перебили. Впослѣдствіи хивинцы присылали къ намъ посла съ примирительными грамотами. Желая попугать хивинцевъ, Петръ велѣлъ засадить посла въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ умеръ, неизвѣстно по какой причинѣ: такъ какъ съ нимъ обращались ласково.

О смерти его написали подробный отчетъ за подписью канцлера и подканцлера и, прибавивъ къ грамотѣ требованіе о возвращеніи всѣхъ плѣнныхъ, послали ее въ Хиву съ однимъ изъ хивинцевъ, состоявшихъ при посланникѣ.

Что касается Персіи, то тамъ послѣ мудраго шаха Софи на престолъ взошелъ шахъ Гуссейнъ, человѣкъ слабый, преданный удовольствіямъ и нисколько не заботящійся о своемъ народѣ, предоставлявшій управленіе государствомъ своимъ любимцамъ и людямъ, случайно выдвинувшимся. Какъ при слабыхъ правителяхъ всегда бываетъ, такъ случилось и здѣсь: воинственное племя афганистанцевъ первое взялось за оружіе; предводитель афганцевъ, храбрый Миръ-Вейсъ разбивалъ всѣ персидскія войска, посланныя противъ него, и наконецъ объявилъ себя независимымъ отъ шаха.



ФОРМА РУССКАГО СОЛДАТА ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Такой примѣръ подѣйствовалъ и на другія покоренныя племена: надежда на освобожденіе изъ-подъ власти Персіи заставила подняться Курдистанъ, Хорасанъ и кавказскія области. Къ тому же возмутившіяся области сумѣли воспользоваться религіознымъ фанатизмомъ [1]) своей партіи и всей войнѣ придали характеръ религіозный; явились два проповѣдника, которые возвѣстили, что они присланы самимъ Богомъ за тѣмъ, чтобы освободить правовѣрныхъ отъ ненавистныхъ персидскихъ шаховъ—еретиковъ и возстановить истинную магометанскую вѣру. Кавказскія области возстали, соединились съ мятежниками, опустошили Ширванскую область, напали на Шемаху, разграбили ее и при этомъ не пощадили бывшихъ тамъ русскихъ купцовъ, перебили ихъ

[1]) Изувѣрствомъ.

всѣхъ, до 300 человѣкъ, и обобрали все ихъ имущество. Убытокъ, нанесенный русской торговлѣ при этомъ случаѣ, можно было оцѣнить въ нѣсколько милліоновъ рублей.

Такое нарушеніе народнаго права и постановленныхъ договоромъ статей не могло остаться безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за первою попыткою могли послѣдовать и другія, отчего вся русская торговля могла пострадать, тѣмъ болѣе, что волненіе на Кавказѣ возрастало. По приказанію правительства, астраханскій губернаторъ потребовалъ отъ персидскаго шаха вознагражденія за понесенные убытки и наказанія мятежныхъ кавказскихъ племенъ. Но персидскій шахъ самъ еле держался на престолѣ; онъ былъ окруженъ волненіями внутри государства. Турція съ жадностію смотрѣла на распадающуюся Персію и готова была ринуться на нее. Шахъ не имѣлъ ни силы, ни желанія исполнить требованіе русскаго царя и самъ просилъ его помощи противъ своихъ непокорныхъ областей.

Въ началѣ 1722 года пришло изъ Персіи извѣстіе, что афганцы, возставшіе противъ шаха Гуссейна, овладѣли его столицей Испаганью.

Турки могли воспользоваться положеніемъ Персіи и отхватить у нея берега Каспійскаго моря, что вовсе не входило въ разсчеты Петра, и онъ рѣшился дѣйствовать энергически. Генералу Матюшкину, завѣдывавшему постройкою судовъ на верховьяхъ Волги, дано было приказаніе приготовить ихъ къ 20 мая и доставить въ Нижній-Новгородъ. Отсюда императоръ вмѣстѣ съ императрицей Екатериной Алексѣевной и гвардія прибыли водою по Окѣ въ Нижній, а 30-го числа всѣ суда подняли якорь и поплыли внизъ по Волгѣ къ Астрахани.

18 іюля Петръ съ пѣхотою отплылъ изъ Астрахани, а конница пошла сухимъ путемъ къ Дербенту. Графъ Апраксинъ, какъ генералъ-адмиралъ, начальствовалъ надъ флотомъ, а государь на своей яхтѣ ѣхалъ въ передовомъ отрядѣ. Императрица съ придворными дамами осталась въ Астрахани. 27 іюля, въ день Гангеудской побѣды, флотилія была въ Астрабадскомъ заливѣ, и Петръ нетерпѣливо спѣшилъ первый вступить на берегъ; за мелководьемъ ни одинъ ботъ не могъ подойти къ берегу; матросы соскочили въ воду и на доскѣ понесли императора. Вступивъ на твердую землю, онъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность и приказалъ на береговомъ возвышеніи немедленно заложить укрѣпленіе.

Принужденный дожидаться кавалеріи, Петръ знакомился съ тѣми изъ окружающихъ его, которыхъ до сихъ поръ не зналъ; тутъ онъ узналъ молодого офицера Соймонова, разговаривалъ съ нимъ, при чемъ вполнѣ оцѣнилъ его умъ и расторопность.

Въ свободныя минуты Петръ забавлялся тѣмъ, что крестилъ въ



ПРІѢЗДЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ДЕРБЕНТЪ.

(Картина Ф. Рубо).

Каспійскомъ морѣ всѣхъ тѣхъ, кто еще не бывалъ на немъ. Такихъ оказалось много и самъ Петръ первый подчинился обряду крещенія; церемоніями распоряжался Соймоновъ, человѣкъ уже не разъ бывавшій на Каспійскомъ морѣ. Къ одной изъ рей былъ прикрѣпленъ блокъ, а черезъ него на канатѣ поднимали доску съ тяжелой гирей. На доску становился, или садился тотъ, котораго должно было крестить, и три раза погружали его въ воду.

Наконецъ кавалерія подошла. Оставивъ въ новомъ укрѣпленіи отрядъ



ПЕТРЪ I.
(Съ портрета Купецкаго, грав. Фогель).

для охраненія судовъ, Петръ сухимъ путемъ пошелъ къ Дербенту, разославъ напередъ манифесты, въ которыхъ приглашалъ окрестныхъ владѣльцевъ подчиниться безъ борьбы. Первый примѣръ показалъ владѣлецъ Таркъ, Адиль-Гирей; онъ представился императору и объявилъ, что и прежде любилъ русскихъ и впередъ будетъ служить имъ вѣрно. Петръ поблагодарилъ его; въ тотъ же день съ поклономъ явился султанъ Аксайскій съ двумя другими владѣтельными князьями. Они передъ императоромъ пали на колѣни и объявили готовность принять подданство;

12 августа русское войско съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ подошли къ Таркамъ и раскинули лагерь. За пять верстъ отъ города шевкалъ Адиль-Гирей встрѣтилъ императора, сошелъ съ лошади, низко поклонился ему, поздравилъ съ пріѣздомъ; потомъ подошелъ къ каретѣ императрицы и, поклонившись въ землю, поцѣловалъ ее. На другой день Петръ съ тремя драгунскими ротами ѣздилъ въ горы, осматривалъ развалины старинной башни и отправился по просьбѣ шевкала къ нему въ домъ. Сначала гостей приняли въ комнатѣ съ двумя фонтанами, потомъ хозяинъ повелъ ихъ во внутренніе покои, гдѣ жили его жены; эта комната была убрана коврами и зеркалами. Вошли двѣ жены шевкала со многими знатными женщинами, поклонились императору, поцѣловали его правую ногу, а потомъ, по ихъ просьбѣ, и руку его. Принесли скатерть и поставили передъ государемъ разныя кушанья и плоды, и самъ шевкалъ, наливъ въ бокалъ горячаго вина, поднесъ его императору. Петръ замѣтилъ, что у шевкала много прекрасной и цѣнной посуды; онъ спросилъ его, откуда получаетъ ее, и узналъ, что ее дѣлаютъ въ персидскомъ городѣ Мешетѣ. На прощанье шевкалъ подарилъ государю прекраснаго сѣраго аргамака въ золотой сбруѣ. На другой день жены шевкала были у императрицы, цѣловали у нея руку и ногу и поднесли шесть лотковъ винограду. Въ день Успенія Пр. Богородицы императоръ и императрица слушали обѣдню въ походной церкви Преображенскаго полка. По окончаніи литургіи самъ Петръ очертилъ то мѣсто, гдѣ стояла церковь и положилъ камень; императрица положила второй, и всѣ присутствующіе и войско послѣдовали ихъ примѣру и на томъ мѣстѣ, гдѣ совершалась передъ турками первая русская литургія, мигомъ набросали цѣлый кургамъ.

16 августа войско пошло дальше къ Дербенту. Къ султану утемишскому Махмуду послали трехъ казаковъ съ письмомъ; но султанъ велѣлъ умертвить посланныхъ и съ 10 тысячами войска неожиданно напалъ на русскихъ, но былъ вполнѣ разбитъ, и мѣстечко Утемишъ, его столица, и до шести окрестныхъ деревень, были сожжены. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ и на Дербентъ; онъ не сопротивлялся; дербентскій наибъ встрѣтилъ императора за версту отъ Дербента, палъ на колѣни и поднесъ Петру два серебряныхъ ключа отъ города. Жители Дербента приняли русскихъ ласково и гостепріимно, какъ Петръ говоритъ въ своемъ письмѣ къ Сенату: «какъ бы своихъ выручили послѣ долгой осады». Между тѣмъ, изъ Баку пришло тоже извѣстіе, что жители изъявили покорность, и императоръ отправилъ туда гарнизонъ. Этотъ походъ не представлялъ борьбы и походилъ бы на радостное шествіе, еслибы природа не представляла препятствій на каждомъ шагу. Зной, къ которому

войско не привыкло, томилъ его и приносилъ несказанныя страданія; недостатокъ корма для лошадей и воды для питья увеличивали страданія. Въ войскѣ появились болѣзни и смертность.

Петръ вошелъ въ сношенія съ Грузинскимъ царемъ Вахтангомъ и намѣревался уже отправить гарнизонъ въ Баку, но случилось неожиданное несчастіе, которое заставило отложить на время всѣ планы, роившіеся въ головѣ предпріимчиваго, геніальнаго государя. Въ виду Дербента стояло 13 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ; поднялась страшная буря и разбила ихъ; другія 30 судовъ, тоже съ хлѣбомъ, плывшія изъ Астрахани, также не вынесли бури и ихъ выбросило на мель, при Астраханскомъ мысѣ. Спасли очень мало; оказалось, что провіанту на войско осталось только на одинъ мѣсяцъ. Вновь доставлять провіантъ изъ Астрахани, по причинѣ осеннихъ непогодъ, было очень опасно, собрать провіантъ въ персидскихъ областяхъ нельзя было надѣяться; онѣ были опустошены возставшими племенами. Составили военный совѣтъ и, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, положили: дальнѣйшія предпріятія отложить до слѣдующаго года, а теперь, оставивъ достаточный гарнизонъ въ Дербентѣ, съ остальнымъ войскомъ идти къ Астрахани, соблюдая на пути всевозможную осторожность.

На мѣстѣ, гдѣ рѣка Астрахань отдѣляется отъ рѣки Сулака, Петръ заложилъ новую крѣпость св. Креста; крѣпость эта должна была прикрывать русскія границы, вмѣсто прежней Терской крѣпости, очень неудобной.

Одновременно съ движеніемъ русскихъ войскъ на берега Каспійскаго моря, русскому консулу въ Персіи приказано было дипломатическимъ путемъ добиться того, чтобы шахъ въ своемъ отчаянномъ положеніи принялъ помощь русскихъ противъ бунтовщиковъ и въ вознагражденіе за это уступилъ нѣсколько прикаспійскихъ областей.

Пока русскіе управлялись съ Дербентомъ, Петръ закладывалъ крѣпость Св. Креста и возвратился въ Астрахань; Испагань была взята бунтовщиками, Гуссейнъ, вмѣстѣ съ семействомъ, посаженъ въ тюрьму и лишенъ престола; уцѣлѣлъ только одинъ Тохмасъ, котораго и провозгласили наслѣдникомъ шаха Гуссейна. Тохмасъ былъ человѣкъ молодой и неопытный, поэтому русскій консулъ велъ переговоры съ вельможами и предложилъ имъ отправить въ Россію посла съ просьбою о помощи. Персіяне согласились и отрядъ полковника Шипова вошелъ въ Рештъ и поселился въ Караванъ-Сараѣ. Персіяне спохватились и рѣшили было выбить его оттуда, но были разбиты на-голову.

Въ то-же время Матюшкинъ дѣйствовалъ противъ Баку, взялъ его и оставилъ въ немъ сильный гарнизонъ, подъ начальствомъ князя Баря-

тинскаго, а самъ отплылъ назадъ въ Астрахань, чтобы извѣстить Петра о счастливомъ пріобрѣтеніи.

Императоръ и императрица изъ Астрахани выѣхали 13 ноября и черезъ Царицынъ и Воронежъ прибыли въ Москву 18 декабря; Петръ торжественно въѣхалъ въ столицу, какъ покоритель Дербента. Это было послѣднее торжество побѣдителя!

Успѣхи русскихъ въ Персіи не на шутку встревожили турецкое правительство; турецкое правительство послало протестъ и готовилось къ войнѣ съ Россіей.

Однако нашъ резидентъ [1]) въ Константинополѣ, при дѣятельномъ содѣйствіи французскаго посланника Де-Бонака, улаживалъ дѣла, а 80-тысячный русскій корпусъ, стоявшій на границахъ Турціи, еще большій вѣсъ придавалъ уговорамъ дипломатовъ. И Турція, наконецъ, поняла, что дружба съ Россіей ей выгоднѣе, чѣмъ война съ нею и дружба съ бунтовщиками.

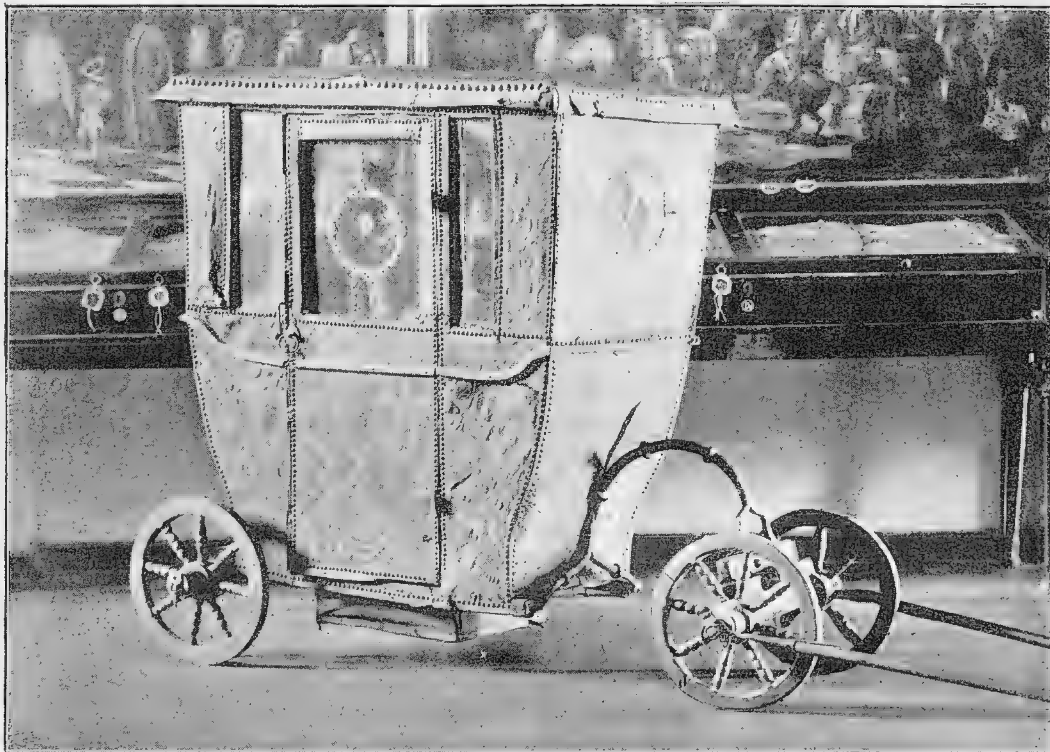
Послѣ многихъ споровъ и поправокъ состоялся наконецъ договоръ: Шемаха останется подъ властью Даудъ-бека, вассала Порты [2]); все пространство отъ Шемахи, по прямой линіи до Каспійскаго моря, раздѣляется на три равныя части; изъ нихъ двѣ, прилежащія къ Каспійскому морю, должны принадлежать Россіи, а третья, ближайшая къ Шемахѣ, остается во владѣніи Даудъ-бека, но подъ верховною властью Порты. Отъ Дербента на 22 часа пути внутрь страны будетъ поставленъ знакъ; отъ этого знака проведется прямая линія къ тому мѣсту, гдѣ по означенному выше способу пройдетъ граница между русскими владѣніями и шемахинскою областью; страна по правую сторону отъ этой линіи внутрь страны будетъ принадлежать Портѣ, по лѣвую къ морю—Россіи; наконецъ отъ того мѣста, гдѣ будетъ опредѣлена граница между русскими и шемахинскими владѣніями, проведется прямая линія къ мѣсту сліянія рѣкъ Куры и Аракса; здѣсь будетъ граница между Россіей, Турціей и Персіей. Шемахи укрѣплять не позволено, разрѣшено только въ томъ случаѣ, ежели жители не захотятъ болѣе повиноваться турецкому султану, но и въ этомъ случаѣ турецкія войска должны сперва предувѣдомить русскихъ о своемъ намѣреніи, и по окончаніи безпорядковъ, турецкія войска опять должны немедленно уйти. Императоръ обѣщался склонить шаха Тохмаса уступить турецкому султану всѣ области, выговоренныя въ договорѣ Турціи съ Россіей. Договоръ этотъ былъ подписанъ 12 іюня 1724 года и Турція изъ враждебной державы превратилась въ

---

[1]) Посланникъ.

[2]) Т.-е. государя, зависимаго отъ Порты.

дружественную. Между тѣмъ въ Петербургъ явились армянскіе депутаты съ просьбою защитить ихъ отъ притѣсненій персидскихъ мусульманъ. Петръ обѣщалъ имъ свое покровительство, потому что единовѣрцамъ-христіанамъ нельзя было отказать въ этомъ, такъ-же, какъ турки не могли отказать въ своемъ покровительствѣ своимъ кавказскимъ единовѣрцамъ. Армянамъ позволено было переселяться въ недавно пріобрѣтен-



ЛѢТНІЙ ВОЗОКЪ ПЕТРА I-ГО.

(Въ Оружейной палатѣ).

ныя нами провинціи Гилянь, Мазандеранъ и области Дербентскую и Бакинскую. Турки должны были согласиться на это, потому что сами дѣйствовали на тѣхъ-же самыхъ началахъ.

Не на востокѣ только Петръ явился покровителемъ единовѣрцевъ; на западѣ также ему нельзя было хладнокровно смотрѣть на притѣсненія, какія православная церковь терпѣла отъ католиковъ. Въ 1722 году въ Москву пріѣхалъ бѣлорусскій епископъ Сильвестръ кн. Четвертинскій и жаловался на притѣсненія и обиды, какія терпитъ православное духовенство отъ шляхты, которая силою хотѣла всѣ православныя церкви

превратить въ уніатскія [1]), такъ, напримѣръ, шляхтичъ Свяцкій началъ священника принуждать принять унію, но священникъ противился; тогда, по приказанію пана ему дано было нѣсколько сотъ ударовъ палками, пока онъ не согласился принять унію. Сильвестръ, встрѣтившись съ Свяцкимъ недалеко отъ Могилева, началъ его упрекать за безчеловѣчный поступокъ съ священникомъ; Свяцкій, вмѣсто отвѣта, выхватилъ саблю и дважды рубанулъ ею по рукѣ епископа. Пріѣхавъ въ Москву, Сильвестръ показывалъ еще не зажившія раны и разсказывалъ о томъ, что терпитъ православное населеніе Литвы отъ жестокихъ вводителей уніи.

Петръ принялъ подъ свое покровительство угнетенныхъ, написалъ о томъ королю польскому Августу и послалъ въ Могилевъ, какъ комиссара для разбора дѣлъ такого рода, Игнатія Рудаковскаго и съ нимъ одного монаха Заиконоспасскаго монастыря. Въ то-же время о заступничествѣ Петра просили и протестанты, находившіеся въ Польшѣ, которыхъ католики притѣсняли не меньше православныхъ. Петръ принялъ притѣсненныхъ подъ свое покровительство, потребовалъ отъ короля объясненія и приказалъ своему министру изложить жалобы всѣхъ разновѣрцевъ передъ сеймомъ и требовать удовлетворенія. Августъ не хотѣлъ ссориться ни съ могущественнымъ сосѣдомъ, ни съ народомъ; онъ имѣлъ свою цѣль и преслѣдовалъ ее,—ему, во чтобы то ни стало, хотѣлось утвердить престолонаслѣдіе за своимъ сыномъ,—и потому старался только о томъ, чтобы усилить свою партію, и на жалобы русскаго посланника не обращалъ вниманія, или отвѣчалъ уклончиво, что назначитъ комиссію для разбора этихъ дѣлъ и даже велѣлъ отдать нѣсколько церквей и монастырей православнымъ, несмотря на сильное сопротивленіе католическаго духовенства.

Рудаковскій торжествовалъ въ западной Россіи. Въ Пинскѣ онъ съ торжествомъ привелъ въ исполненіе королевское постановленіе о возвращеніи церквей и монастырей православнымъ. Эта первая удача ободрила Рудаковскаго и онъ предложилъ Петру разныя мѣры строгости, чтобы ускорить прекращеніе уніи.

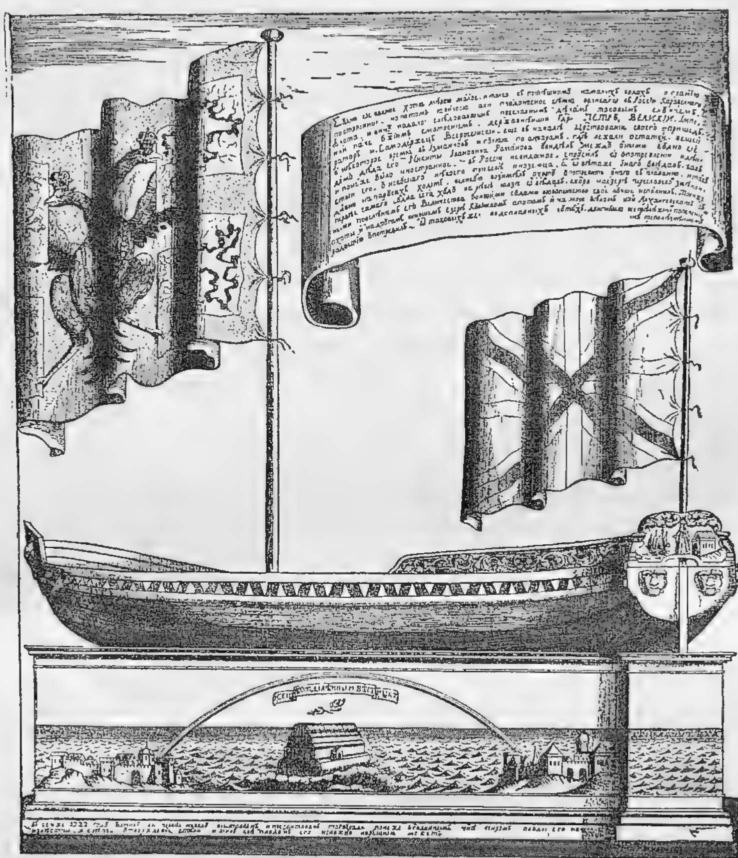
Послѣ заключенія Ништадтскаго мира, резидентъ Бестужевъ-Рюминъ писалъ, что въ Швеціи идетъ безладица, что она походитъ на Польшу: всякій дѣлаетъ, что на мысль приходитъ, подчиненные не слушаютъ начальниковъ, и никакого порядка нѣтъ. Бестужевъ старался примирить короля съ изгнаннымъ герцогомъ Гольштинскимъ. Но такое намѣреніе не могло нравиться королю, который думалъ о томъ, какъ-бы утвердить шведскую корону въ своемъ домѣ и по возможности уничтожить

---

[1]) Признающія своей верховной главой римскаго папу.

права герцога Гольштинскаго. Сенатъ съ своей стороны подозрительно смотрѣлъ на короля, опасаясь, чтобы онъ не домогался уничтоженія конституціи [1]), чего можно было дѣйствительно опасаться.

Бестужевъ воспользовался этимъ, чтобы возвысить вліяніе Россіи, и,



БОТИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

отправившись къ самому вліятельному человѣку въ Швеціи, къ президенту иностранной коллегіи графу Горну, объявилъ:

— Такъ какъ до русскаго императора дошло извѣстіе, будто король старается ниспровергнуть существующій образъ правленія и сдѣлаться самодержавнымъ, то мой императоръ приказалъ мнѣ обнадежить всѣхъ истинныхъ патріотовъ, что онъ, на основаніи седьмого пункта ништадт-

---

[1]) Конституція—такой образъ правленія, въ которомъ принимаютъ участіе представители народа.

скаго мирнаго договора, до этого не допуститъ и всегда поддержитъ патріотовъ и конституцію.

Такъ какъ въ числѣ истинныхъ патріотовъ первое мѣсто занималъ Горнъ, то это объявленіе привело его въ восторгъ. Патріоты благодарили Бестужева, доставили ему аудіенцію у короля и дѣла герцога Голштинскаго пошли гораздо лучше. Подано было требованіе для герцога Голштинскаго титула королевскаго высочества, что въ нѣкоторомъ смыслѣ обезпечивало его права на наслѣдство шведскаго престола; сеймъ согласился на это требованіе и не только призналъ за герцогомъ титулъ королевскаго высочества, но и за Петромъ признанъ былъ наконецъ титулъ императорскій. Извѣстіе, что государственные чины дали титулъ королевскаго высочества герцогу Голштинскому, сильно опечалило короля; однако сеймъ не измѣнилъ своего приговора.

Этимъ успѣхомъ удовольствовался русскій посланникъ и ни слова не говорилъ о правахъ на наслѣдство герцога Голштинскаго; тѣмъ болѣе, что сеймъ съ титуломъ королевскаго высочества давалъ герцогу пенсію. Бестужевъ предложилъ сейму оборонительный союзъ между Россіей и Швеціей. Предложеніе это было принято сеймомъ и сенату поручено было заключить его; онъ былъ подписанъ 22 февраля 1724 года. Россія обязывалась, въ случаѣ нападенія одной изъ европейскихъ христіанскихъ державъ, употребить всѣ старанія, чтобы примирить Швецію съ нападающимъ на нее народомъ, если-же дипломатическія сношенія ни къ чему не поведутъ, то прислать на помощь войско; Швеція съ своей стороны обязывалась поступать точно такъ-же въ отношеніи къ Россіи. Оборонительный союзъ этотъ былъ заключенъ на 12 лѣтъ. Союзъ этотъ составленъ былъ съ цѣлью сохранять и установить совершенное спокойствіе и миръ между сѣверными европейскими державами; къ трактату были еще присоединены два секретныхъ пункта: 1) касательно возвращенія Шлезвига герцогу Гольштейнъ-Шлезвигскому, чего обѣ державы обязались домогаться у датскаго и другихъ соприкосновенныхъ дворовъ, а 2) заботиться о томъ, чтобы по возможности успокоить внутренніе безпорядки и волненія въ Польшѣ и чтобы польская республика сохранила свою древнюю независимость, свои привиллегіи и прочія принадлежащія ей права.

Въ іюнѣ того-же 1724 года, Бестужевъ объявилъ о помолвкѣ цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ; извѣстіе это было принято въ Швеціи партіей герцога Голштинскаго съ большою радостію, но королевская партія смутилась, предугадывая дальнѣйшее вмѣшательство Россіи въ дѣло о правахъ на наслѣдство герцога на шведскій престолъ.

Такъ какъ Петръ и всѣ его современники сознавали, что могущество Россіи на Балтійскомъ морѣ, ея успѣхи въ войнѣ съ Швеціей, съ Турціей и съ Персіей зависятъ отъ ея флота, то императоръ хотѣлъ празднествомъ упрочить въ памяти народной тотъ случай, который впервые пробудилъ въ младенческой душѣ его любовь къ кораблестроенію, къ плаванію, сначала на озерахъ, потомъ на моряхъ.

Петръ давно уже думалъ о томъ, чтобы почтить ботикъ, послужившій поводомъ къ рожденію всего русского флота. По его приказанію ботикъ еще весною 1723 года былъ привезенъ изъ Москвы въ Петербургъ. Теперь его на галіотѣ, въ сопровожденіи 200 военныхъ галеръ привезли въ Кронштадтъ; здѣсь весь военный флотъ, пришедшій съ Петромъ изъ Балтійскаго порта приготовился встрѣтить своего родоначальника. Утромъ 11 августа генералъ-адмиралъ Апраксинъ, адмиралы Крюйсъ, Петръ Михайловъ и всѣ прочіе адмиралы и флагманы собрались на галіотъ и своими руками спустили ботикъ на море, при громѣ полуторы тысячь пушекъ, раздавшемся со всѣхъ судовъ флота. Адмиралы поставили на ботикѣ мачту и утвердили на немъ флагштокъ съ штандартомъ. Апраксинъ и Крюйсъ сѣли на почетномъ мѣстѣ, адмиралъ Михайловъ сталъ на кормѣ и взялся за знакомый руль; вице-адмиралъ Меншиковъ исполнялъ должность лоцмана, а остальные вице и контръ-адмиралы взялись за весла. Когда ботикъ приблизился къ линіи кораблей и на немъ развернулся штандартъ, опять раздался второй залпъ, такой-же оглушительный, какъ первый. По мѣрѣ того, какъ ботикъ подъѣзжалъ къ какому-либо кораблю, на немъ до самаго низа мачты спускали флагъ, или вымпелъ и стрѣляли изо всѣхъ орудій, а матросы, разставленные по реямъ и по борту, привѣтствовали ботикъ барабаннымъ боемъ и крикомъ ура! Ботикъ отвѣчалъ на привѣтствіе выстрѣлами изъ своихъ небольшихъ пушекъ. Такимъ образомъ ботикъ прошелъ по всей линіи кораблей и направился къ военной гавани. Императоръ передалъ руль генералъ-адмиралу, а самъ сѣлъ въ весла, рядомъ съ княземъ Меншиковымъ. По прибытіи въ гавань, раздался третій оглушительный залпъ, не только съ кораблей, но и съ крѣпостныхъ стѣнъ.

Императрица съ дворомъ, иностранные принцы, министры и знатнѣйшія особы дожидались ботика на берегу военной гавани. Здѣсь были раскинуты шатры изъ корабельныхъ парусовъ и въ нихъ, по приказанію императрицы и на ея счетъ, были накрыты столы. Пиршество продолжалось отъ 6 часовъ вечера до 4 ч. утра; только дамы уѣхали въ полночь. Музыка гремѣла безпрерывно и пушечные выстрѣлы съ корабля «Св. Екатерина» отвѣчали на тосты. Во время пира, Петръ всталъ съ своего мѣста, поднялъ полный кубокъ вина и воскликнулъ:

— Да здравствуетъ маленькій дѣдъ такихъ большихъ и славныхъ внуковъ!

Съ крѣпости и кораблей отвѣчали на этотъ тостъ и съ этого времени ботикъ получилъ названіе дѣдушки русскаго флота.

На слѣдующій день ботикъ съ торжествомъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и поставленъ въ кронверкъ Петропавловской крѣпости, для храненія на вѣчныя времена, какъ памятникъ основанія русскаго флота. Петръ вообще заботился о томъ, чтобы время не изгладило изъ памяти народной великихъ событій, имѣвшихъ вліяніе на послѣдующія происшествія народной жизни. Осенью 1723 года было особенно сильное наводненіе въ Петербургѣ, чуть не размывшее и не разрушившее перваго домика Петра Великаго. Чтобы этого и впредь не случалось и чтобы память о покореніи этой страны и основаніи столицы не исчезла, Петръ приказалъ вокругъ домика построить стѣны; впослѣдствіи эти стѣны были перестроены такъ, какъ онѣ теперь, и ихъ покрыли второю крышею, какъ бы колпакомъ.

Корабль «Ингерманландъ», на которомъ Петръ въ 1716 году плавалъ, командуя четырьмя союзными флотами, тоже приказано было не употреблять болѣе въ плаваніе, а оставить въ гавани на память этого событія, до совершеннаго истлѣнія.

Значеніе Россіи при Петрѣ до того возвысилось, что западныя державы или боялись ея могущества, или искали союза съ нею. Австрія, хотя еще не признавала за Петромъ титула императора, но искала союза съ нимъ и предлагала возобновить существовавшіе прежде между Россіей и Австріей торговые договоры.

Франція явилась посредницей между Россіей и ея врагами; она помогала при заключеніи Ништадтскаго мира, французскій посланникъ помогъ уладить несогласія между Турціей и Россіей по поводу завоеваній персидскихъ прикаспійскихъ областей; и нѣсколько разъ предлагался кровный союзъ между однимъ изъ принцевъ королевскаго бурбонскаго дома съ одною изъ дочерей императора. Посредничество ея для заключенія мира и возобновленія политическихъ сношеній съ Англіей не разъ также было предложено.

Англія сильнѣе всѣхъ враждовала съ Петромъ и военныя дѣйствія всегда готовы были начаться; во всякомъ случаѣ, Англія употребляла все свое вліяніе при другихъ европейскихъ дворахъ чтобы вредить русскимъ интересамъ.

Петръ дѣйствовалъ очень осторожно съ европейскими державами, не раздражая ихъ, но и не входя съ ними ни въ какія обязательства, которыя могли бы его вовлечь въ непріязненныя отношенія съ которою-

либо изъ нихъ; отъ мира съ Англіей не отказывался, но и не искалъ его. Съ Франціей оставался въ дружескихъ отношеніяхъ, съ Пруссіей



ПЕТРЪ I СЪ МИНЕРВОЙ

(Тип. Амикони).

также, но все-таки осторожно присматривался къ ея политикѣ, не обижаясь мелочными претензіями. Петръ даже въ Гольштинскомъ дѣлѣ по-

казалъ свою осторожность: онъ очень любилъ принца, но долгое время не рѣшался объявить его своимъ зятемъ и заступаться за его права на Шлезвигъ и на наслѣдство шведскаго престола.

Когда же послѣднее удалось провести на сеймѣ и титулъ королевскаго высочества былъ признанъ за герцогомъ Гольштинскимъ, тогда вся Западная Европа встревожилась. Англія, Данія и Ганноверъ соединились тѣснѣе прежняго, стараясь напугать прочія державы Европы опасностію, какая можетъ произойти для политическаго равновѣсія отъ слишкомъ тѣснаго союза Россіи съ Швеціей. Франція замыслила разстроить предполагаемый бракъ между дочерью императора и герцогомъ Голштинскимъ.

Герцогъ Бурбонъ, сдѣлавшійся регентомъ Франціи послѣ смерти герцога Орлеанскаго, возобновилъ свое предложеніе о супружествѣ съ одною изъ дочерей императора Петра. Но государь имѣлъ совсѣмъ другіе виды; у него съ давнихъ поръ таилась мысль породниться съ молодымъ королемъ Франціи, Людовикомъ XV; онъ прочилъ за него среднюю дочь свою Елизавету Петровну. Объ этомъ онъ писалъ еще въ 1721 году русскому посланнику въ Парижѣ и дѣло только оттого замолкло, что герцогъ Орлеанскій обручилъ малолѣтняго Людовика XV съ четырехлѣтнею испанскою инфантою, дочерью Филиппа V и Елизаветы испанской. Но молодой король, показывавшій самостоятельность во всѣхъ своихъ поступкахъ, явно былъ недоволенъ этимъ предполагаемымъ бракомъ, тѣмъ болѣе, что ждать совершеннолѣтія невѣсты было слишкомъ долго.

Узнавъ объ этомъ отъ своего посланника Куракина, Петръ тотчасъ написалъ ему, чтобы, не взирая на сватовство регента, онъ возобновилъ прежнее предложеніе о супружествѣ между королемъ и дочерью императора. Переговоры начались, но французскіе министры старались только протянуть дѣло, чтобы помѣшать браку Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ. Французскіе министры представились нерѣшительными и дѣлали видъ, будто не знаютъ, кого избрать для короля въ супруги, Анну Петровну или Елизавету Петровну, и попеременно указывали то на ту, то на другую. Такая хитрость не могла скрыться отъ прозорливаго императора; онъ рѣшительно объявилъ французскому посланнику при своемъ дворѣ, что старшую дочь свою, цесаревну Анну, назначаетъ въ супруги герцогу Голштинскому; если же французскій король дѣйствительно хочетъ вступить въ родственный союзъ съ его домомъ, то остается младшая дочь его Елизавета. Франція и послѣ этого рѣшительнаго отзыва не прекращала переговоровъ о родственномъ союзѣ. Но послѣ смерти Петра эти переговоры прекратились; Англія и Испанія сильно противодѣйствовали слишкомъ тѣсному сближенію Франціи съ Россіей.

Испанія негодовала за слухи, распространившіеся о томъ, что король французскій намѣревается разорвать родственный союзъ, предварительно заключенный съ испанскимъ домомъ; честолюбивой королевѣ Елизаветѣ испанской удалось сблизиться съ австрійскимъ Карломъ VI и заключить съ нимъ дружескій оборонительный и наступательный союзъ; обѣ державы начали хлопотать о томъ, чтобы къ этому союзу привлечь и русскаго императора.

Франція и Англія, предвидя опасность, заключили тоже союзъ и подкрѣпили себя новыми союзниками. Дипломатическіе переговоры велись очень дѣятельно и мало-по-малу всѣ европейскія государства раздѣлились на два большихъ союза; война казалась неизбѣжною. Россія могла извлечь большія выгоды изъ своего положенія, но преждевременная смерть императора Петра совершенно измѣнила положеніе дѣлъ.



ГЕРЦОГЪ КАРЛЪ ФРИДРИХЪ ГОЛШТИНСКІЙ.
(Съ совр. грав. портрета).



(Гравюра I. Хомана 1718 г).

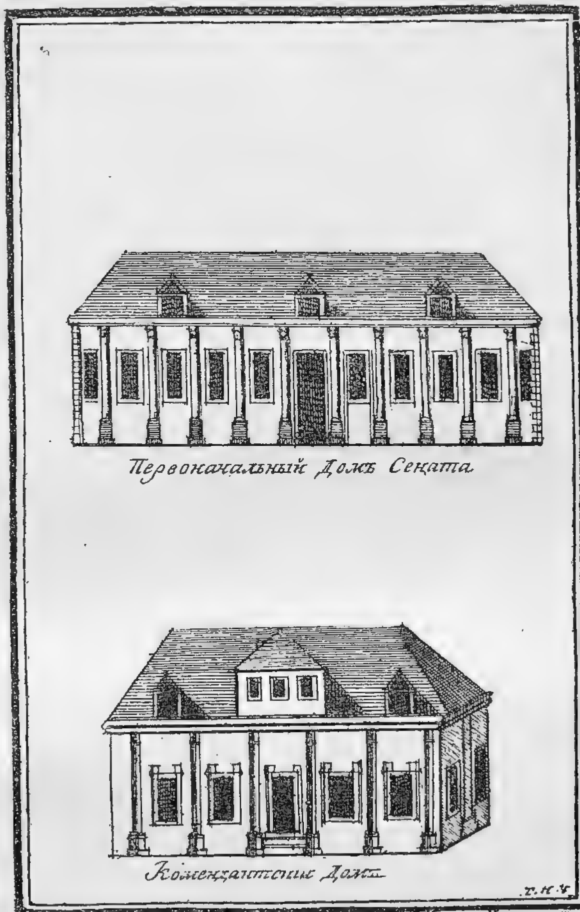
Сенатъ.—Коллегіи.—Преобразованіе въ сенатѣ.—Оберъ-прокуроръ. — Герольдмейстеръ.—Табель о рангахъ.—Дѣло Шафирова.—Избраніе въ разныя должности большинствомъ голосовъ.—Финансовое устройство.—Торговля и препятствія къ ея развитію —Промышленность.—Горнозаводская дѣятельность.– Городское устройство.—Крестьяне.—Полиція.—Школы.—Академія —Переводы книгъ.—Синодъ и положеніе духовенства.—Оберъ-прокуроръ синода.—Воспитательные дома.—Мѣры противъ суевѣрій.—Общественная жизнь.—День Петра Великаго.

Блистательный успѣхъ въ Сѣверной войнѣ заставилъ Западную Европу съ уваженіемъ смотрѣть на Россію и на великаго ея преобразователя. На возрастающую силу Россіи смотрѣли съ завистью, но поневолѣ должны были подчиниться ея вліянію и дать ей почетное мѣсто въ числѣ западныхъ европейскихъ державъ.

Но дѣятельность Петра обращена была не на одни внѣшнія отношенія съ сосѣдними государствами; для него это было только средствомъ упрочить благосостояніе своего народа, и подвинуть его на пути образованія: но какъ мы уже видѣли, для этого надобно было бороться съ невѣжествомъ, закоренѣлыми предразсудками и порочностью полудикаго

народа. Борьба эта была трудная, препятствія сильныя, враги многочисленные и хитрые, успѣхъ медленный и непрочный. Въ этой борьбѣ часто истощалось терпѣніе преобразователя, но не падалъ его геніальный духъ и всегда находилъ средства исправлять претерпѣнныя неудачи.

Больше всего Петръ долженъ былъ обращать вниманія на учрежденіе, стоявшее во главѣ управленія, какъ бы олицетвореніе царской власти на правительствующій сенатъ. Отъ самаго начала существованія вскорѣ обнаружились недостатки этого учрежденія, и Петръ постепенно придумывалъ средства исправлять его несовершенства. Указы, данные сенатомъ, исполнялись вяло или вовсе оставались безъ дѣйствія. Чтобы заставить исполнять указы сената, въ 1715 году при сенатѣ опредѣленъ былъ особый «генеральный ревизоръ, или надзиратель указовъ». Генеральный ревизоръ долженъ былъ, ежели замѣтитъ гдѣ упущеніе, штрафовать виновныхъ.



СЕНАТЪ И КОМЕНДАНТСКІЙ ДОМЪ.

Но генеральный ревизоръ вскорѣ жаловался на то, что указы, несмотря на его частыя замѣчанія, все-таки не исполняются, что сенаторы неявляются въ назначенные дни, а дежурные не являются, какъ положено, что штрафа не платятъ.

Такъ какъ все управленіе государственное находилось въ рукахъ правительствующаго сената, то по мѣрѣ надобности сенатъ бралъ дѣла изъ одного приказа и передавалъ ихъ другому, отчего происходили безпорядки, да и самыя дѣла въ приказы поступали случайно, какъ попало, залеживались и, что хуже всего, рѣшались подкупомъ—неправильно.

Это нужно было измѣнить; Петръ это сознавалъ и придумывалъ способъ, чѣмъ и какъ замѣнить приказы. Такъ какъ Западная Европа ему во всемъ служила образцомъ, то и въ этомъ дѣлѣ онъ у нея искалъ себѣ образца. Тамъ были коллегіи; ихъ надобно было учредить и въ Россіи. Знаменитый философъ Лейбницъ писалъ Петру: «хорошее правленіе можетъ существовать только въ коллегіяхъ, устройство которыхъ похоже на часовой механизмъ, въ которомъ одно колесо приводитъ въ движеніе другое». Это сравненіе понравилось Петру; онъ только и думалъ о томъ, какъ бы устроить механизмъ государственнаго правленія, въ которомъ одинъ подталкивалъ бы другого и одинъ наблюдалъ за другимъ; онъ видѣлъ, что все зло происходило оттого, что не было дружнаго взаимодѣйствія. Но гдѣ взять новыя колеса, чтобы привести въ движеніе старыя? Гдѣ искать, ежели не въ Европѣ? и нашимъ посланникамъ поручено было набрать за границей свѣдущихъ въ юридическихъ наукахъ людей, но, чтобы это не обошлось слишкомъ дорого, вѣнскому резиденту приказано было набрать изъ чеховъ, силезцевъ и другихъ славянскихъ земель приказныхъ людей (шрейберовъ), которымъ служба въ коллегіяхъ была бы знакома. Кромѣ того, поручено было купить и немедленно выслать юридическія сочиненія и юридическіе лексиконы на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и въ Прагѣ сыскать людей знающихъ, которые эти сочиненія перевели бы на славянскій языкъ. Кромѣ того, въ гражданскую коллегіальную службу принимать въ плѣнъ попавшихся шведовъ; а въ 1716 году за границу было отправлено до 50 молодыхъ людей для изученія нѣмецкаго языка и коллегіальнаго устройства; вмѣстѣ съ ними послали надзирателя, чтобы они занимались дѣломъ, а не гуляли.

Въ концѣ 1717 года число коллегій было опредѣлено—девять. 1) Иностранныхъ дѣлъ. 2) Камеръ, или казенныхъ сборовъ. 3) Юстиціи, или расправа гражданскихъ дѣлъ. 4) Ревизіонная: счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ. 5) Воинскій коллегіумъ. 6) Адмиралтейская. 7) Коммерцъ (Торговли). 8) Штатсъ-конторы: казенный домъ, или вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ. 9) Бергъ и Мануфактуръ. Въ каждую коллегію назначены были президентъ и вице-президентъ. Президенты должны были избирать совѣтниковъ и ассессоровъ, но съ тѣмъ, чтобы это не были ихъ родственники, на каждую должность по три человѣка.

По губерніямъ отправлены были довѣренные люди, которые также должны были, по примѣру столичныхъ, установить выборное правленіе и обязать избранныхъ ихъ присягою. Въ коллегіяхъ президентъ, вице-президентъ должны быть русскіе; кромѣ того и въ совѣтникахъ и ассессорахъ должны быть русскіе, а не одни иностранцы. Регламентъ, уставъ

для коллегій, написанъ былъ по образцу шведскаго. Съ 1720 года всѣ



ЗДАНІЕ ДВѢНАДЦАТИ КОЛЛЕГІЙ, НЫНѢШНІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ И ПАВИЛЬОНЪ, ВЪ КОТОРОМЪ ХРАНИЛСЯ ГОТОРПСКІЙ БОЛЬШОЙ ГЛОБУСЪ, НЫНѢ НАХОДЯЩІЙСЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.
(Лондонская гравюра съ акварели Аткинсона).

коллегіи уже были сформированы и болѣе или менѣе дѣйствовали.

Съ учрежденіемъ коллегій, президенты ихъ вошли въ число сена-

торовъ, но Петръ вскорѣ замѣтилъ ошибочность этого распоряженія и уже въ 1722 году отмѣнилъ его, потому что каждый президентъ коллегіи достаточно занятъ своимъ дѣломъ и не можетъ постоянно засѣдать въ сенатѣ, гдѣ также дѣла не терпятъ остановки и требуютъ присутствія всѣхъ членовъ; поэтому положилъ: 1) Чтобы, кромѣ двухъ военныхъ коллегій и иностранной, выбрать въ коллегіи другихъ президентовъ; кромѣ того членовъ сената выбрать изъ министровъ, бывшихъ при иностранныхъ дворахъ посланниками; такимъ образомъ сенатскіе члены могли смотрѣть за дѣйствіями коллегій и, не будучи съ ними связаны, безпристрастно судить ихъ. 2) Президенты иностранной и двухъ военныхъ коллегій не имѣютъ надобности ежедневно ходить, а только должны являться по особымъ причинамъ: a) когда надобны какія-либо справки; b) когда надобно публиковать новый уставъ; c) когда назначенъ генеральный судъ, или d) новое дѣло, требующее рѣшенія; e) когда самъ государь присутствуетъ. f) Ревизіонная коллегія присоединена къ сенату, потому что у нея одно назначеніе съ сенатомъ.

Вслѣдъ за этимъ изданъ былъ указъ объ обязанностяхъ сената, о томъ, какія дѣла подлежатъ суду и рѣшенію сената, и о томъ, что всѣ члены сената должны состоять въ чинѣ дѣйст. тайнаго и тайнаго совѣтника. Несмотря на строгія предписанія, Петръ все-таки не увѣренъ былъ, что дѣла въ сенатѣ будутъ идти такъ, какъ онъ того хочетъ, поэтому еще въ 1715 году назначенъ былъ генеральный ревизоръ указовъ сената; потомъ стали выбирать изъ штабъ-офицеровъ гвардіи ежемѣсячно такихъ надзирателей указовъ; они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы сенатъ исполнялъ свои обязанности по инструкціи 1718 года, и о всякомъ упущеніи доносить государю. Но и этого оказалось недостаточно для искорененія всѣхъ золъ, неразрывныхъ съ привычками закоренѣлаго самоуправства; Петръ въ 1722 году учредилъ при сенатѣ генералъ-прокурора, т. е. стряпчаго отъ государя и государства, тоже съ наказомъ наблюдать за тѣмъ, чтобы сенатъ исполнялъ свои обязанности. Такъ какъ это званіе есть око государево и стряпчій въ дѣлахъ государственныхъ, то ему слѣдуетъ поступать честно, потому что въ противномъ случаѣ съ него съ перваго будетъ взыскано.

Чтобы сенатъ не по одному имени, а дѣйствительно былъ способенъ управлять государствомъ, Петръ постановилъ: ежели въ сенатѣ случатся дѣла, которыхъ сенатъ самъ рѣшить не можетъ, то все-же долженъ разсуждать о нихъ, изложить свое мнѣніе и тогда только представлять государю на разрѣшеніе.

Чтобы молодые люди не уклонялись отъ государственной службы,

въ 1721 году Петръ учредилъ при сенатѣ должность герольдмейстера, у котораго должны были находиться списки всѣмъ дворянскимъ родамъ въ Россіи. Герольдмейстеръ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, воспитываются-ли молодые дворяне, и требовать, чтобы каждый изъ нихъ окончилъ хотя низшій курсъ ученія въ школѣ или дома и чтобы вступали въ службу, потому что безъ того будетъ недостатокъ служилыхъ людей въ войскѣ и во флотѣ. Отыскивать тѣхъ, которые подъ видомъ малолѣтнихъ скры-

О нопой дорогѣ въ монастырь.

Понеже для прошествія Императорскаго Величества и Его Государевой высокой фамиліи, такожъ и для богомольцовъ и бѣдныхъ прохожихъ къ монастырю, и ради монастырской повседневной потребы по непроходимому на шесть сотъ саженъ болоту проложена и управлена дорога, не занимая большой по берегу Невы рѣки дороги. А нынѣ всякихъ чиновъ люди проѣзжіе оставивъ оную большую по берегу дорогу, хотятъ ѣздить по вышеозначенной вновь здѣланной дорогѣ, которая монастырскимъ трудомъ и немалымъ иждивеніемъ проложена и управлена. Того ради чрезъ сіе указомъ Императорскаго Величества запрещается, чтобъ никому никакова чина по оной новопроложенной дорогѣ не ѣздить, понеже отъ многихъ ѣздоковъ каналы засыпаются, и оная дорога много вредится. А буде кто похочетъ оною ѣхать, то надлежитъ на содержаніе оной дороги проѣзжимъ всякаго чина людемъ платить, а именно: верьховому на одной лошади одинъ алтынъ, въ телѣгѣ на одной лошади пять копѣекъ, въ каретѣ на двухъ лошадяхъ гривну, на четырехъ лошадяхъ двѣ гривны, на шести лошадяхъ десять алтынъ. А съ богомольцовъ приходящихъ въ монастырь, и неимущихъ прихожихъ пѣшихъ ничего не брать.

Октября во 2 день.

УКАЗЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО 1718 ГОДА.

ваются гдѣ-либо и, не принуждая ихъ прямо поступать на службу, вести имъ списки, чтобы въ случаѣ надобности призвать имъ туда, гдѣ понадобятся.

Довольный пріобрѣтеннымъ въ Европѣ значеніемъ, Петръ боялся только одного, чтобы русскіе не залѣнились, не сложили рукъ въ бездѣйствіи, поэтому онъ безпрерывно хлопоталъ о гражданскомъ развитіи Россіи; но для этого надобно было, чтобы финансы государства были въ хорошемъ положеніи, а для этого необходимо было на всѣ мѣста посадить людей преданныхъ, знающихъ и безкорыстныхъ. Ихъ надобно было выбирать изъ людей, находившихся уже или находящихся еще на службѣ: но выбирать ихъ долженъ былъ герольдмейстеръ съ оглядкою,

въ небольшомъ числѣ, чтобы не оказалось недостатка въ арміи и флотѣ, а лучше приготовлять годныхъ людей для гражданскихъ должностей.

Еще при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ родилась мысль отдѣлить гражданскія должности отъ военныхъ, но мысль эта не приведена была въ исполненіе. При Петрѣ забота о томъ, какъ-бы не оказалось недостатка въ военныхъ людяхъ, заставила позаботиться о томъ, чтобы гражданскія должности окончательно отдѣлить отъ военныхъ и въ правахъ и преимуществахъ не поставить ихъ ниже военныхъ. По указанію Петра, въ январѣ 1722 года, двое сенаторовъ Головкинъ и Брюсъ и двое генералъ-майоровъ—Матюшкинъ и Мамоновъ сочинили табель о рангахъ. Въ этой табели чины гражданскіе расположены были параллельно съ чинами военными, начиная отъ чина генерала-отъ-инфантеріи, или кавалеріи, въ параллель съ которыми поставленъ высшій гражданскій чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Но въ то время чинъ не имѣлъ того значенія, какое онъ имѣетъ теперь; это была скорѣе должность, потому что дѣйствительные тайные совѣтники въ самомъ дѣлѣ были членами тайнаго совѣта, въ которомъ преимущественно обсуждали иностранныя дѣла.

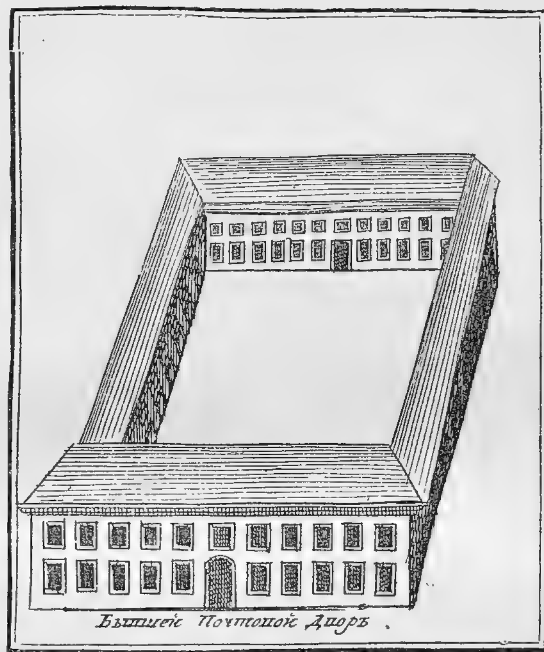
Потомки русскихъ или иностранныхъ дворянъ, находившихся на дѣйствительной службѣ, хотя и могли получать прямо мѣста первыхъ 8 ранговъ, но такъ какъ такіе скачки могли быть оскорбительны для военныхъ, которые долгою службою должны были подниматься по всѣмъ ступенямъ военной лѣстницы, то и безчиновный, получившій прямо должность, или чинъ, за него обязанъ былъ отслуживать показанный по табели о рангахъ срокъ.

Въ сенатѣ, несмотря на строгій надзоръ все-таки шли нелады, особенно когда императоръ былъ въ отсутствіи, такъ, напримѣръ, когда Петръ находился въ походѣ персидскомъ, между сенаторами шли неудовольствія, споры, доходившіе часто до грубыхъ и дерзкихъ выходокъ. Ссора между Шафировымъ и Меншиковымъ изъ-за денежныхъ выгодъ, прикрываясь то однимъ, то другимъ дѣломъ, возрастала съ каждымъ днемъ, и враждующіе, каждый съ своей стороны лично, или черезъ приближенныхъ своихъ, писали государю и жаловались на противника. Прокуроръ совѣтовалъ отложить всѣ ссоры до возвращенія государя и повергнуть ихъ на его рѣшеніе.

Но вскорѣ явный перевѣсъ склонился на сторону враговъ Шафирова; они нашли, что Шафирова можно обвинить въ лихоимствѣ; пользуясь своимъ положеніемъ сенатора, онъ выхлопоталъ, чтобы брату его при переходѣ изъ одной службы въ другую было выдано лишнее жалованье. Во всякое другое время на это не обратили-бы вниманія, но те-

перь враги воспользовались этимъ, и другіе сенаторы протестовали противъ этого дѣла. Шафировъ защищался, но защититься было трудно и дѣло дошло до дерзкихъ выходокъ и рѣзкихъ словъ съ обѣихъ сторонъ. Чтобы отвести опасность, Шафировъ писалъ государю, жаловался на оскорбленія имъ вынесенныя, а дѣло о братѣ представилъ какъ вещь ничтожную, не имѣющую значенія.

Но къ первой своей оплошности Шафировъ присовокупилъ другую, которая еще ухудшила его положеніе. Въ сенатѣ слушали дѣло о почтовомъ вѣдомствѣ, касавшемся лично до Шафирова; во время разсужденія вошелъ Шафировъ; ему объявили, что такъ какъ докладываютъ дѣло о почтахъ, то, по положенію, онъ не можетъ присутствовать при докладѣ, потому что оно лично до него касается и просили его выйти. Но Шафировъ отказался, говоря, что онъ, какъ сенаторъ, не подлежитъ этому закону и что надъ почтами онъ поставленъ самимъ государемъ. Канцлеръ гр. Головкинъ, оберъ-прокуроръ и Меншиковъ предложили сенаторамъ заставить Шафирова выйти, утверждая, что насчетъ почтъ вовсе нѣтъ такого императорскаго указа, на какой онъ ссылается.—Поднялся сильнѣйшій шумъ и Шафировъ, выйдя изъ себя, крикнулъ генералъ-прокурору, Скорнякову—Писареву:



ПОЧТОВЫЙ ДВОРЪ.

— Что ты тамъ говоришь?—ты мой главный врагъ и самъ ты воръ, а меня воромъ называешь и—письменно протестовалъ, будто я государя обманулъ.

Тутъ свѣтлѣйшій князь и канцлеръ сказали:

— Ежели оберъ-прокуроръ сената воръ, то и дѣлъ никакихъ дѣлать нельзя.

Меншиковъ, Головкинъ и Брюсъ, чтобы положить конецъ этой неприличной сценѣ, вышли изъ сената; Долгорукій, Голицынъ, Матвѣевъ и Шафировъ остались, чтобы слушать дѣло. Оберъ-прокуроръ объявилъ,

что такъ какъ Шафировъ при всѣхъ его назвалъ воромъ, то онъ присутствовать не будетъ. Черезъ нѣсколько дней, Меншиковъ, въ отсутствіи Шафирова, подалъ мнѣніе, что Шафировъ долженъ быть лишенъ достоинства сенатора за противозаконныя его дѣйствія. Сенаторы приняли и записали это предложеніе, но оставили рѣшеніе до пріѣзда государя.

Дѣло Шафирова приняло очень дурной оборотъ. Наряженъ былъ судъ и его обвинили за его неприличное поведеніе въ сенатѣ, за выдачу лишняго жалованья брату и кромѣ того за растрату государевыхъ денегъ для своихъ расходовъ, во время поѣздки во Францію,—за всѣ эти вины его приговорили къ смертной казни, чтобы, не взирая на всѣ услуги имъ оказанныя государству, не давать дурного примѣра другимъ и не порождать и мысли о томъ, что ссылаясь на прежнія услуги можно не повиноваться законамъ и нарушать ихъ для своихъ выгодъ.

Казнь была назначена на 15 февраля; Кремль съ утра былъ наполненъ народомъ; осужденнаго сенатора и подканцлера Шафирова на простыхъ дровняхъ привезли изъ Преображенскаго приказа, гдѣ онъ содержался. Ему прочитали приговоръ, взвели на эшафотъ, сняли съ него парикъ и старую шубу, въ которую онъ былъ закутанъ; онъ нѣсколько разъ перекрестился, поклонился на всѣ стороны, сталъ на колѣни и положилъ голову на плаху. Топоръ палача взвился на воздухъ и упалъ на дерево плахи рядомъ съ головою осужденнаго, но ея не коснулся. Тайный кабинетъ—секретарь Макаровъ провозгласилъ, что императоръ, помня прежнія заслуги Шафирова, замѣняетъ смертную казнь заточеніемъ въ Сибирь. Шафировъ со слезами на глазахъ, шатаясь поднялся на ноги и сошелъ съ эшафота.

Многіе сожалѣли о Шафировѣ, какъ о человѣкѣ честномъ, правдивомъ, хотя и горячемъ, но все-таки способномъ выслушать противорѣчіе и убѣдиться въ своей ошибкѣ. Петръ освободилъ Шафирова отъ ссылки въ Сибирь, но онъ содержался въ Новгородѣ подъ строгимъ карауломъ, безъ котораго не могъ ходить даже въ церковь; но вмѣстѣ съ нимъ было его семейство, и это облегчало его положеніе; однако онъ терпѣлъ крайнюю нужду; ему на содержаніе отпускали вмѣстѣ съ семействомъ по 33 коп. въ день.

Главный врагъ Шафирова—оберъ прокуроръ тоже не наслаждался паденіемъ его; Петръ нашелъ его поступки и дѣйствія въ сенатѣ противозаконными, разжаловалъ его въ солдаты, отнялъ у него всѣ имѣнія и, чтобы все-таки воспользоваться его знаніями, опредѣлилъ его при постройкѣ Ладожскаго канала смотрѣть за работами; но и здѣсь Писаревъ навлекъ на себя неудовольствіе государя.

Голицынъ и Долгорукій за незнаніе и несоблюденіе указовъ по дѣлу

Шафирова, были посажены подъ домашній арестъ и съ нихъ положено было взять по 1,500 р. штрафу на госпитали; но оба отпросились отъ штрафа, по причинѣ своей бѣдности и по ходатайству императрицы.

Петръ такъ строго наказалъ Шафирова именно для того, чтобы внушить уваженіе къ существующимъ законамъ и потому, что онъ несправедливо поступалъ и, находясь на такомъ видномъ мѣстѣ, не подавалъ примѣра безкорыстія и справедливости.

Чтобы не повторялись такія неприличныя сцены, какія были между



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.
(Литографія Вендрамини).

Шафировымъ и Писаревымъ въ сенатѣ, Петръ издалъ указъ, чтобы за брань, крики въ сенатѣ, синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ судахъ въ государствѣ положенъ былъ штрафъ за первый разъ 10 рублей, за повтореніе безчинства 100 рублей и арестъ; а кто провинится больше трехъ разъ, у того отнимается чинъ и онъ лишается половины имѣнія; кто-же осмѣлится руку поднять, тотъ казнится политическою смертью. Всѣ правители судебныхъ мѣстъ должны съ челобитчиками поступать учтиво: за брань они подлежатъ штрафу, если же поднимутъ руку на просителя, то подвергаются военному суду; вмѣстѣ съ этимъ указомъ вышелъ указъ о томъ, что никто не смѣетъ оправдываться незнаніемъ законовъ.

Петръ каралъ, гдѣ могъ, невниманіе къ закону и къ выгодамъ ка-

зеннымъ и долженъ былъ преслѣдовать эти пороки даже въ людяхъ, оказывавшихъ ему большія услуги, какъ Шафировъ и оберъ-фискалъ Нестеровъ, который принесъ много пользы Петру тѣмъ, что преслѣдовалъ взяточничество, но самъ не выдержалъ до конца и наконецъ провинился въ томъ-же, въ чемъ обвинялъ другихъ; послѣ пытки, въ которой признался во всѣхъ своихъ винахъ, онъ былъ казненъ. Но Петру гораздо больнѣе было видѣть, что человѣкъ, котораго онъ вывелъ изъ ничтожества, поставилъ почти объ руку съ собою, оказываетъ ему неблагодарность и, гдѣ можно, злоупотребляетъ своею властью и наживается, или на счетъ казны, или неправыми путями, и въ этомъ неоднократно бывалъ обличаемъ; только просьбы императрицы и ея заступничество избавляли его отъ заслуженнаго наказанія. Не проходило года, чтобы государь не сердился на Данилыча Меньшикова, и чтобы Екатерина Алексѣевна не заступалась за него и не вымаливала ему прощенія за его вины.

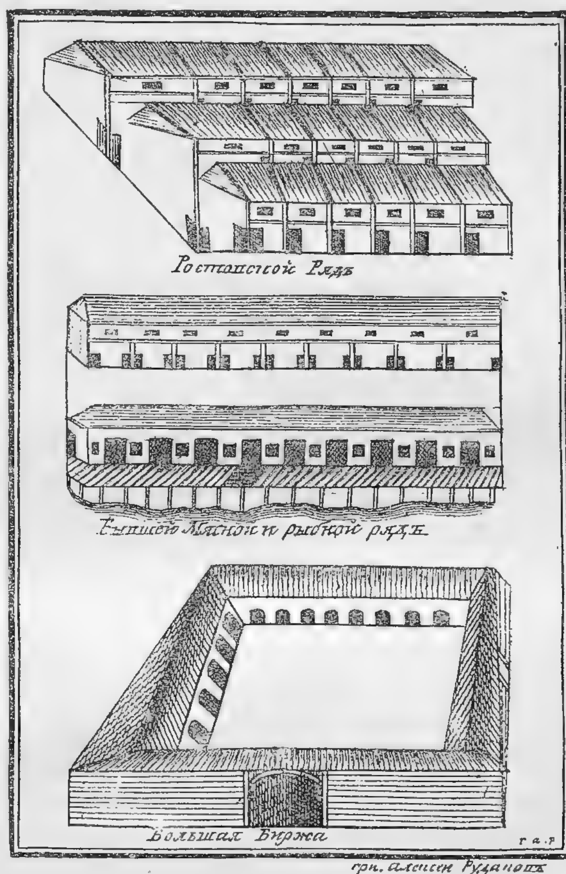
Несмотря на такія разочарованія, Петръ не терялъ надежды на совершенствованіе своего народа и одною изъ мѣръ къ тому считалъ выборы баллотировкою; при баллотировкѣ въ сенатѣ онъ самъ присутствовалъ и смотрѣлъ, чтобы она производилась правильно и безпристрастно.

Сначала русскіе не понимали важности права выбора, имъ предоставленнаго, тяготились имъ и старались освободиться отъ него, особенно въ областяхъ, гдѣ мало было дворянъ, и гдѣ пріѣзжавшіе въ отпускъ предпочитали спокойно прожить дома, отдохнуть и вмѣсто себя на выборы посылали своихъ приказчиковъ. Въ 1724 году Петръ запретилъ посылать на выборы въ комиссары вмѣсто себя приказчиковъ и приказалъ помѣщикамъ самимъ съѣзжаться ежегодно къ Новому году и выбирать на мѣсто прежнихъ комиссаровъ новыхъ; помѣщикамъ при этихъ выборахъ дана была власть судить старыхъ комиссаровъ, если на нихъ есть жалобы, и если они виноваты, то штрафовать ихъ и о томъ только доносить губернатору, или воеводамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда комиссара обвиняли въ дѣлѣ, заслуживающемъ смерти, или публичнаго наказанія, тогда его отсылали въ губернскій городъ, въ надворный судъ.

Для всѣхъ нововведеній и преобразованій, для построекъ и для войны требовались большія суммы, а недостатокъ въ деньгахъ чувствовался на каждомъ шагу. При устройствѣ сената первымъ долгомъ было ему поставлено: собирать денегъ какъ можно больше. Вслѣдствіе правильнаго сбора и вслѣдствіе расширенія владѣній, доходы дѣйствительно увеличились; въ 1710 году доходы государственные простирались до 3.134,000 рублей, а въ 1722 году они возросли до 7.859,833 руб. По-

душныя были не велики: съ крестьянъ дворцоваго и синодскаго вѣдомства и съ крѣпостныхъ подушныхъ брали по 74 копѣйки, а съ государственныхъ крестьянъ, кромѣ 74 коп., взыскивали еще по 40 коп. вмѣсто оброковъ, которые дворцовые, синодскіе и крѣпостные крестьяне платили своимъ вѣдомствамъ или помѣщикамъ. Заплативши эти 74 или 114 копѣекъ, крестьянинъ не зналъ никакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ поборовъ. Подушныя собирались въ три срока: зимою, весною и осенью: съ купцовъ и цеховыхъ брали по 20 коп. съ души.

Несмотря на то, что доходы увеличились, что Петръ былъ бережливъ, доходовъ было все-таки недостаточно; длинная шведская, персидская и турецкая войны требовали такихъ пожертвованій, послѣ которыхъ нельзя было скоро оправиться; кромѣ того сдѣлался сильный неурожай, который требовалъ не малыхъ расходовъ. Денегъ не было; ихъ надобно было добыть, и Петръ прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ.



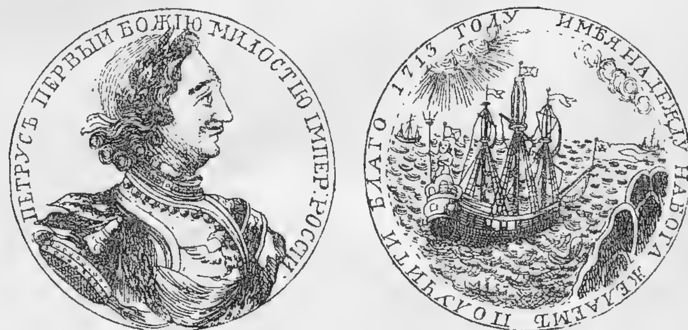
ТОРГОВЫЕ РЯДЫ И БОЛЬШАЯ БИРЖА.

Въ началѣ 1723 года государь приказалъ, по причинѣ денежной нужды, приказнымъ и другимъ подобнымъ имъ людямъ, вмѣсто денегъ, жалованье выдавать казенными сибирскими товарами; изъ этого правила были исключены иностранцы и мастеровые. Послѣ этого былъ данъ другой указъ о вычетѣ изъ жалованья по извѣстной части съ рубля, чтобы денежная нужда одинаково тяготѣла надъ всѣми лицами, находящимися на государственной службѣ, и чтобы всякій жертвовалъ изъ своего жалованья, сообразно съ окладомъ. Изъ этого постановленія исключались иностранные мастера, унтеръ-офицеры, солдаты и матросы.

Такими мѣрами Петръ старался пополнить недостатокъ въ деньгахъ,

и все-таки вездѣ оказывались недоплаты. Въ 1722 году въ сенатъ явился Меншиковъ, какъ президентъ военной коллегіи, съ четырьмя членами и донесъ, что полковые командиры изъ многихъ мѣстъ сообщаютъ, что жалованья нижнимъ чинамъ не выдаютъ: оттого они ропщутъ, терпятъ недостатки и бѣгутъ изъ полковъ.

При устройствѣ постояннаго войска было еще другое неудобство: гдѣ селить солдатъ?—по крестьянскимъ домамъ стоять имъ нельзя потому, что постой слишкомъ обременителенъ для крестьянъ. Въ сенатѣ положено было построить солдатскія слободы; сержантамъ каждому по избѣ, прочимъ унтеръ-офицерамъ избу на двоихъ, на троихъ рядовыхъ по одной избѣ. Такія слободы должны быть не больше роты; для оберъ-



МЕДАЛЬ НА «ЗАВЕДЕНІЕ КОММЕРЦІИ» ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

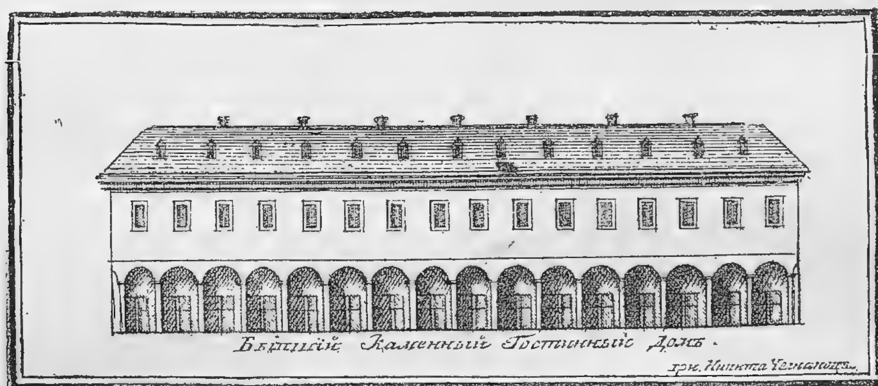
офицеровъ построить приличный дворъ о двухъ избахъ съ сѣнями и третья отдѣльная для прислуги, по серединѣ полка построить штабъ изъ 8 избъ, а девятую для больницы.

Торговая дѣятельность была еще въ младенчествѣ; но въ прибалтійскихъ портахъ уже появлялись иностранные корабли и привозили товары Западной Европы; чтобы ограничить произволъ торговцевъ и чтобы русскимъ купцамъ указать, гдѣ что въ Европѣ продается и по какимъ цѣнамъ, въ 1723 году приказано было напечатать прейсъ-куранты товарамъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ торговыхъ городовъ: «дабы знали, гдѣ что дешево или дорого». Въ заграничныхъ портахъ также начали появляться русскія суда; такъ, въ Стокгольмъ пріѣхалъ одинъ русскій корабль изъ Петербурга и нѣсколько русскихъ купцовъ изъ Ревеля и Або, но навезли все ненужную мелочь, немного полотна, каленыхъ орѣховъ и деревянныхъ ложекъ и чашекъ; наложивши товаръ свой на сани, купцы вывезли ихъ на стокгольмскія улицы, продавали ихъ и тутъ же, разложивши подъ таганчикомъ огонь, варили себѣ кашу. Узнавъ объ этомъ, русскій посланникъ позвалъ къ себѣ продавцевъ,

далъ имъ выговоръ, что привезли такую мелочь, и запретилъ впередъ съ такимъ товаромъ пріѣзжать; строго приказалъ на улицахъ не торговать, а нанять для этого квартиру, и по улицамъ каши не варить.

На Западѣ надъ русскими купцами смѣялись, на Востокѣ, въ Крыму и въ Турціи, ихъ обижали, отнимали товары и сажали въ темницы, и защитить ихъ некому было, потому что еще не во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ восточныхъ государствъ были русскіе консулы.

Пріобрѣтеніе морскихъ береговъ и гаваней должно было усилить торговлю; но обычаи, вкоренившіеся съ давнихъ поръ, препятствовали



КАМЕННЫЙ ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ.

ея развитію. Служилые люди искони привыкли кормиться на счетъ купечества и промышленниковъ: ихъ притѣсняли, у нихъ силой отбирали товары, ихъ грабили на большихъ дорогахъ и въ городахъ.

Чтобы найти покровительство при дворѣ, многіе купцы записывались въ истопники и сѣнные царевенъ и членовъ царскаго семейства: подъ покровительствомъ его они торговали безобидно и выгодно. Неудивительно было такое стремленіе, потому что купцы самые уважаемые и богатые были не безопасны. Такъ, исторія купца гостиной сотни Богомолова, торговавшаго драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, золотомъ и серебромъ, можетъ служить этому яркимъ примѣромъ. Онъ былъ очень богатъ, не только драгоцѣнными товарами, но и деньгами; у него взаймы брали другіе богатые купцы, промышленники и люди сановные; у него былъ большой каменный домъ подлѣ Вознесенскаго Варсонофьевскаго дѣвичьяго монастыря. Богомоловъ по торговымъ дѣламъ часто бывалъ въ домѣ князя Бориса Алексѣевича Голицына и продавалъ ему драгоцѣнныя вещи, и такъ бывалъ. Сынъ князя, молодой Сергѣй Борисовичъ, ходилъ часто къ Богомолову въ гости; увидѣвъ, что у старика Богомолова кромѣ

зятя въ домѣ нѣтъ близкихъ родственниковъ и что онъ хилъ и старъ, онъ привелъ однажды человѣкъ десять своихъ людей, выслалъ всѣхъ слугъ Богомолова и замѣнилъ ихъ своими, подъ предлогомъ, чтобы охранять домъ отъ постоя. Своимъ людямъ молодой князь не велѣлъ Богомолова выпускать изъ дому и никого чужого къ нему не пускать, даже зятю не позволенъ былъ доступъ къ нему. Въ церковь старика пускали послѣ долгихъ, слезныхъ моленій, да и то съ нимъ ходили два княжескихъ человѣка, и никому не позволено было съ нимъ говорить. Князь Сергѣй Борисовичъ, между тѣмъ, забиралъ всѣ деньги, всѣ пожитки и всѣ товары Богомолова и перевозилъ къ себѣ, также забиралъ всѣ записи и крѣпости на должниковъ и на заложенные ему дворы, лавки и товары, и когда все забралъ въ свои руки, то отправилъ старика Богомолова силою въ Богоявленскій монастырь, гдѣ онъ захворалъ отъ печали и умеръ, лишившись всего имѣнія и даже мѣста на кладбищѣ Варсонофьевскаго монастыря, которое купилъ себѣ заранѣе и устроилъ, надѣясь быть тамъ похороненнымъ.



Вѣдомости,

ѡ воєнныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся в московскомъ гдртвѣ, и во иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто ѿ Хрта ҂аѱг є, ѿ генваря, а ѡкончены декабремъ сегѡже года.

ЗАГОЛОВОКЪ ПЕРВЫХЪ ПЕЧАТНЫХЪ «ВѢДОМОСТЕЙ» ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Фабричная дѣятельность усиливалась въ Россіи, но не въ такой мѣрѣ, какъ то хотѣлось Петру; чтобы поднять ее, онъ давалъ фабрикантамъ льготы, указывалъ, какъ работать и чего добиваться, приказывалъ выписывать иностранныхъ мастеровъ, но велѣлъ у нихъ учиться своимъ, чтобы они впослѣдствіи замѣнили иностранцевъ. Но Петръ не ограничивался предписаніями; онъ промышленность двигалъ даже полицейскими мѣрами; такъ, напримѣръ, гдѣ валяютъ тонкіе войлоки, тамъ принуждалъ дѣлать шляпы и для обученія давалъ иностранныхъ мастеровъ; если шляпъ дѣлали мало или онѣ были плохія — на фабрикантовъ налагали штрафъ.

Правительство дѣлало все, чтобы поднять промышленность. Такъ напримѣръ, первый, кто устроитъ заводъ, освобождался отъ службы,

равно какъ и товарищи, присоединившіеся къ нему, въ первые полтора года послѣ учрежденія завода.

Для того, чтобы улучшить и усилить суконныя фабрики, Петръ позаботился о томъ, чтобы на Украйну выписаны были племенныя овцы, и овецъ, которыя находились въ казенныхъ овчарняхъ, приказано было раздать, для улучшенія породы, овцеводамъ даже тогда, еслибы они и не захотѣли принимать ихъ. Приказано было отправить молодыхъ людей за-границу для изученія правильнаго овцеводства. Приказано на русскихъ суконныхъ заводахъ покупать преимущественно русскую шерсть и установлена за нее цѣна, выше той, какая до тѣхъ поръ существовала.



ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ПЕРВОЙ ГЕОГРАФІИ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

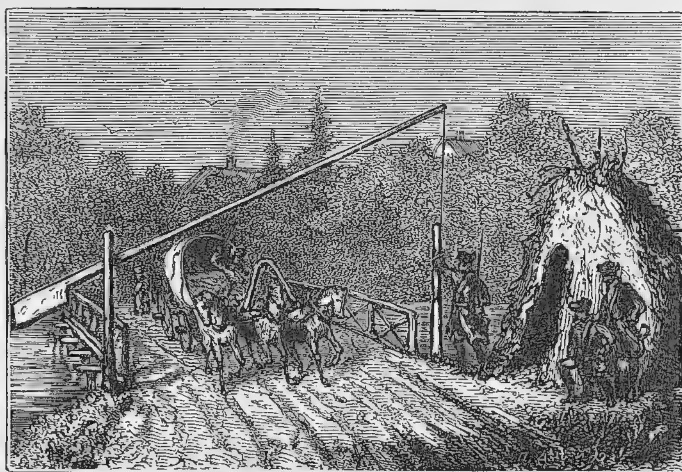
Полотняныя фабрики первыя усовершенствовались при Петрѣ; такъ, напримѣръ, на фабрикѣ Тамеса, или Тамсена въ Москвѣ было до 150 ткацкихъ станковъ, за ними сидѣли преимущественно русскіе работники и многіе мастера были уже изъ русскихъ, выучившихся дѣлу у выписанныхъ изъ-за границы мастеровъ. На этой фабрикѣ ткали полотна всѣхъ сортовъ, начиная отъ самаго грубаго до самаго тонкаго, дѣлались прекрасныя скатерти и салфетки, ткали отличный тикъ, канифасъ и хорошіе цвѣтные носовые платки.

Современникъ Петра, Берхгольцъ, говоритъ кромѣ этой фабрики еще о замѣчательной золотошвейной, въ домѣ барона Строганова, тамъ около 100 дѣвушекъ сидѣло за пяльцами и вышивали по штофу, по бархату и парчѣ самые замысловатые и красивые узоры, съ необыкновеннымъ искусствомъ.

Сильная заводская дѣятельность развивалась на Уралѣ; тамъ въ честь императрицы въ 1723 году былъ основанъ Екатеринбургъ и для горнозаводскихъ дѣлъ были выписаны изъ-за границы опытные горные инженеры. Имъ, равно какъ и русскимъ горнозаводчикамъ, даны были привиллегіи и разныя преимущества. Первый изъ русскихъ горнозавод-

чиковъ былъ Демидовъ; онъ разбогатѣлъ, и его горные заводы уже пользовались большою извѣстностью въ Россіи. Для управленія горною промышленностью и для расширенія ея, Петръ изъ олонецкихъ заводовъ отправилъ на Уралъ уже испытаннаго, дѣятельнаго и распорядительнаго генералъ-майора Геннингена. При немъ вскорѣ выдвинулся молодой, впослѣдствіи знаменитый человѣкъ, Василій Никитичъ Татищевъ; онъ особенно заботился о казенныхъ интересахъ и увеличилъ государственные доходы съ руднаго промысла.

По существовавшимъ постановленіямъ Бергъ-Коллегіи [1]), мастеро-



МОСТЪ НА ФОНТАНКѢ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

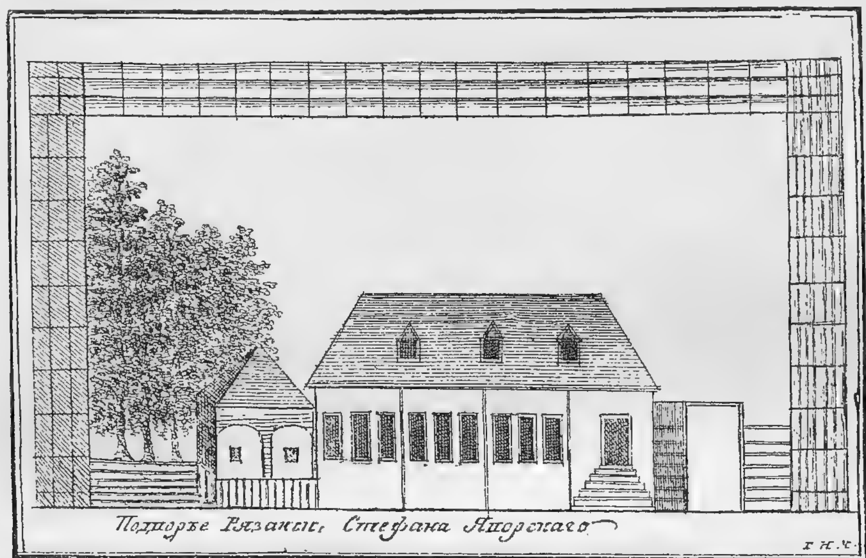
вые, работавшіе въ горныхъ заводахъ, освобождены были отъ податей и личныхъ повинностей. Горнозаводчики имѣли право пріобрѣтать населенныя имѣнія, хотя бы они не принадлежали къ дворянству. Золото, серебро, мѣдь и селитра покупались у горнозаводчиковъ прямо въ казну, по опредѣленнымъ цѣнамъ, и ихъ въ постороннія руки продавать не позволено было; казнѣ предоставлялась кромѣ того десятая часть съ чистаго дохода, получаемаго горнозаводчикомъ, на томъ основаніи, что все находящееся подъ поверхностью земли принадлежитъ государству.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра изъ-за границы возвращались молодые люди, учившіеся тамъ различнымъ ремесламъ, — столяры, слесаря, литейщики, граверы, инструментальные мастера. Петръ испытывалъ ихъ самъ, велѣлъ при себѣ работать и остался ими доволенъ; онъ приказалъ имъ построить дома и въ теченіе двухъ лѣтъ выдавать

[1]) т. е. коллегіи горныхъ дѣлъ.

имъ для содержанія жалованье, потомъ каждому выдать извѣстную сумму денегъ, чтобы устроить мастерскія, но далѣе, чтобъ кормились собственною работою; ихъ обязали принимать къ себѣ учениковъ, учить ихъ, но больше не надѣяться на помощь отъ казны.

Развитіе ремеслъ въ формѣ болѣе правильной заставило подумать о томъ, чтобы по образцу Западной Европы раздѣлить ихъ на цехи, и въ Петербургѣ былъ устроенъ образцовый магистратъ. Только въ концѣ 1724 года написана была инструкція для магистратовъ, которые должны

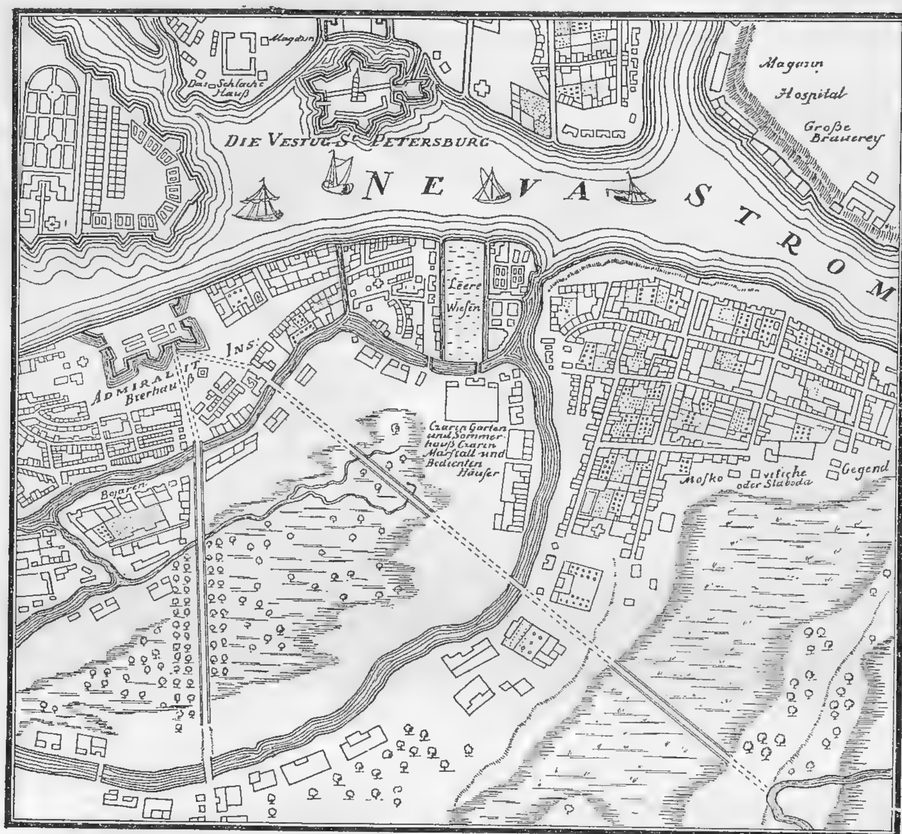


ПОДВОРЬЕ РЯЗАНСКОЕ И ДОМЪ СТЕФАНА ЯВОРСКАГО.

быть учреждаемы во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ. Въ нихъ должны были быть президентъ, два бургомистра и четыре ратмана. Магистраты зависѣли отъ Главнаго магистрата; назначеніе магистратовъ состояло въ томъ, чтобы разсыпанную по Россіи храмину купечества собрать и привести въ извѣстность. Магистраты должны были отвѣчать за безопасность городовъ отъ пожара и слѣдовательно заводить пожарныя команды съ инструментами. Магистраты должны были вести перепись всѣмъ гражданамъ города, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ и дѣтямъ, родившимся и умершимъ.

Всѣ городскіе граждане должны быть раздѣлены на три части, или гильдіи, исключая гостей и гостиной сотни. Къ первой гильдіи причислялись знатные купцы, городскіе доктора, аптекари, лѣкаря, судопромышленники. Ко второй гильдіи принадлежали мелкіе торговцы всякими съѣстными припасами и ремесленники. Къ третьей гильдіи относились

всѣ простолюдины, чернорабочіе. Отъ каждой гильдіи выбирались старшины, которые присутствовали въ магистратѣ. Подушные сборы должны были собираться съ согласія старшинъ гильдейскихъ. Магистратамъ вмѣнено въ обязанность заботиться о развитіи мануфактурной и ремесленной промышленности; магистраты должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы

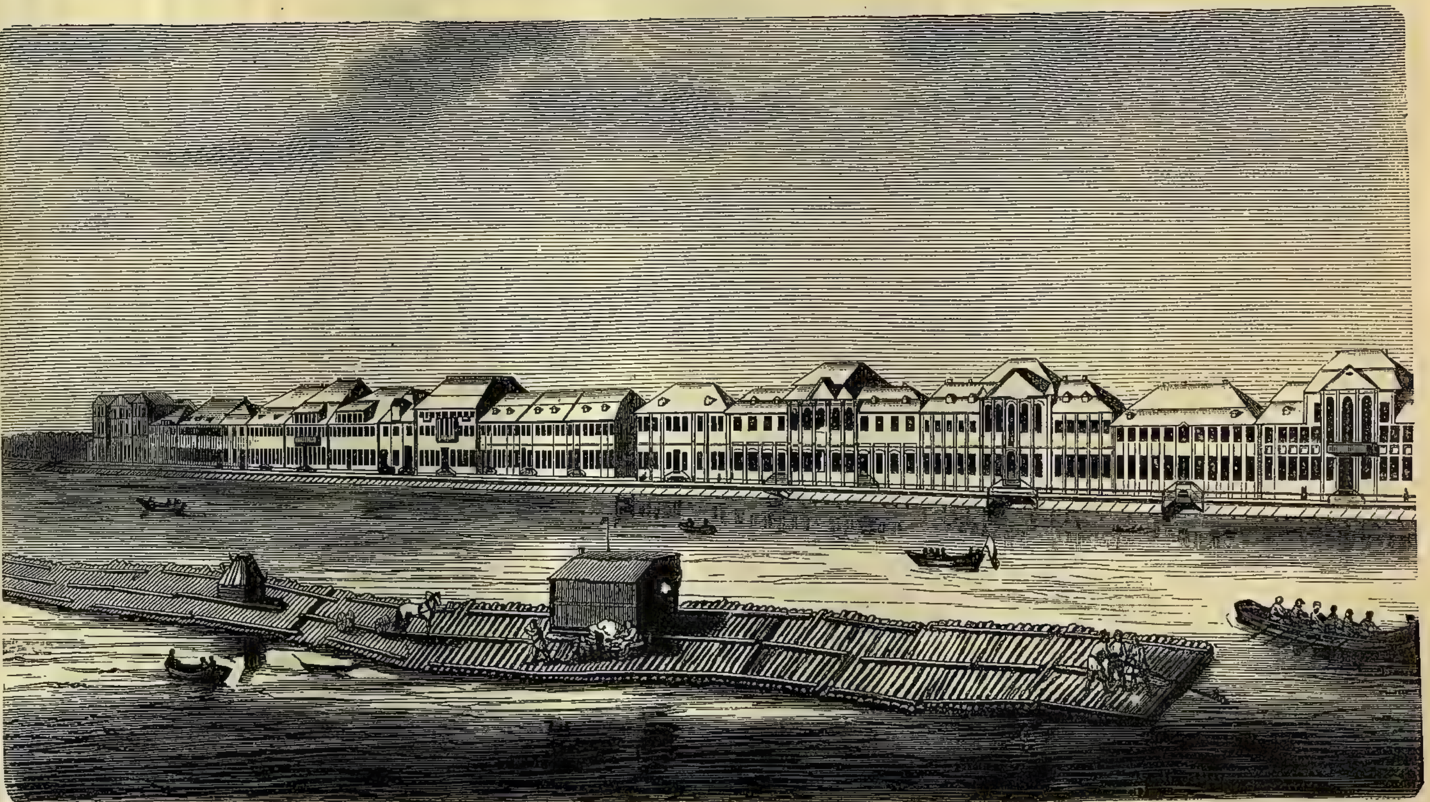


ПЛАНЪ С.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ 1718.

(Грав. Хоманъ).

въ городахъ не было лѣнивыхъ и праздношатающихся. На магистратахъ лежала обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣти всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ гражданъ учились читать и писать, ариѳметикѣ, и для этого учредить школы; для стариковъ, старухъ обѣднѣвшихъ, или неспособныхъ заработывать себѣ пропитаніе, магистраты обязаны были устраивать богадѣльни. Гдѣ можно, тамъ устроить ярмарки. Магистрату поручено было охранять гражданъ отъ обидъ и притѣсненій.

Надобно было позаботиться о нуждахъ самаго многочисленнаго класса народонаселенія, о крестьянахъ; для правильнаго сбора подушныхъ



НАБЕРЕЖНАЯ НЕВЫ ОТЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА ДО ЛѢТНЯГО САДА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

надобно было переписать ихъ, но это было очень трудно: они постоянно бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ, кочевали въ видѣ половниковъ, или селились въ лѣсахъ, или приставали къ другимъ вотчинникамъ. Состояніе помѣщичьихъ крестьянъ было очень печально; чтобы облегчить ихъ участь, осталось только одно средство: отстранить такихъ помѣщиковъ, которые могутъ употреблять свою власть во зло, отъ управленія крестьянами; въ этомъ смыслѣ данъ былъ указъ не допускать до управленія имѣніями людей слабоумныхъ, неспособныхъ ни учиться, ни служить государству. Такіе должны быть представлены Сенату и если окажутся дѣйствительно недостаточно умными, ни для наукъ, ни для государственной службы, то имъ не позволять ни жениться, ни выходить замужъ, ни управлять своими деревнями и крестьянами; учредить надъ ними опеку изъ родственниковъ и давать имъ на содержаніе кормовыя деньги.

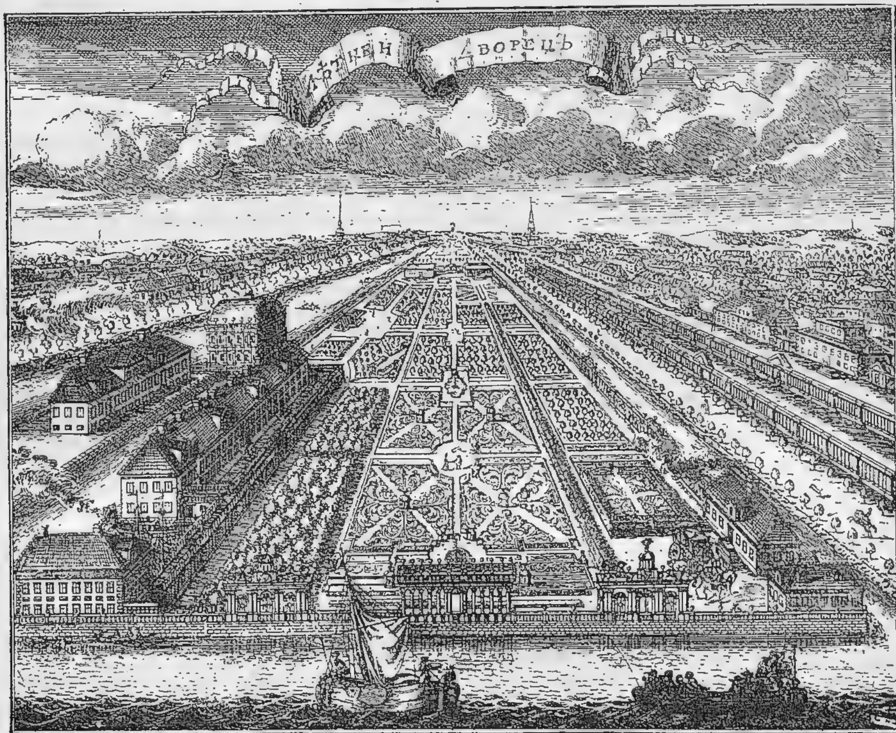
Торговля и промышленность въ каждомъ государствѣ зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи пути сообщенія; въ Россіи они были въ плохомъ состояніи. Такъ, напримѣръ, еще въ 1722 году, голландскій резидентъ для того, чтобы осенью проѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, употребилъ 5 недѣль: ежели человѣку на-легкѣ, безъ большой клади, надобно было ѣхать такъ долго, то сколько же времени должны были употреблять тяжело-нагруженные обозы, перевозившіе товары гужемъ?

Дороги кромѣ того, что были трудны для проѣзда, были еще небезопасны; разбои и грабежи были очень частымъ явленіемъ и вынудили очень строгія мѣры противъ нихъ: полиція повсюду отыскивала разбойниковъ, подъ Москвою и Петербургомъ ловили шайки, дѣлали слѣдствія и казнили безъ всякой жалости; все это мало, однако, помогало дѣлу.

Петръ заботился объ исправленіи дорогъ, о томъ, чтобы сдѣлать ихъ безопасными, но для торговли было важнѣе, что онъ устраивалъ внутреннія водяныя сообщенія; первый устроенный каналъ былъ Вышневолоцкій, построенный при содѣйствіи и подъ надзоромъ русскаго купца Михаила Сердюкова, и уже въ 1712 году первый русскій торговый караванъ изъ Волги пришелъ въ Неву, въ молодую столицу; Петръ былъ въ восторгѣ отъ этой первой удачи. Но плаваніе по Ладожскому озеру было опасное и почти гибельное для плоскодонныхъ судовъ; Петръ задумалъ провести каналъ по берегу озера отъ устья Волхова до истоковъ Невы; трудъ исполинскій—прокопать каналъ на разстояніи 104 верстъ отъ Новой Ладоги до Шлиссельбурга. Но трудность предпріятія не останавливала Петра; постройка канала началась 22 марта 1719 г. послѣ обычнаго молебствія; Петръ собственноручно наполнилъ тачку землею и отвезъ ее па то мѣсто, гдѣ должна была начинаться насыпь. Для работы

согнали 20,000 ч. Строеніе канала Петръ поручилъ искусному инженеру, генералъ-лейтенанту Миниху, но каналъ былъ оконченъ только спустя 7 лѣтъ послѣ смерти императора.

Постоянное столкновеніе съ необразованными, незнающими подданными раздражало Петра; онъ видѣлъ, что выписывать на каждую потребность людей нельзя, поэтому онъ больше всего заботился о томъ, чтобы образовать свой народъ. Онъ началъ съ своего семейства: онъ строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы дочери его, Анна и Елизавета, учились не



ВИДЪ ЛѢТНЯГО ДВОРЦА ВЪ 1717 Г.

(Съ гравюры Зубова).

только по-русски, но и по-французски и по-нѣмецки. Онъ посылалъ молодыхъ людей учиться за границу; посылалъ уже знающихъ людей туда-же, чтобы высмотрѣть, гдѣ есть что-либо полезное, изучить это и примѣнить къ Россіи. Такъ послалъ онъ горнаго инженера Татищева и поручилъ ему выбрать изъ русскихъ школъ мальчиковъ бойкихъ и отдать ихъ въ Германіи на разные горные заводы, чтобы научились дѣлу горнозаводскому.

Спеціальныя школы продолжали образовываться по мѣрѣ потреб-

ностей; такъ какъ измѣненное судопроизводство и устройство гражданскаго правленія не могло обойтись безъ знающихъ людей, то въ 1721 году Петръ учредилъ особую школу, гдѣ пріучали подъячихъ къ дѣлу, а именно учили ариѳметикѣ, бухгалтеріи, стилю писемъ и бумагъ и что еще хорошему подъячему знать должно, а безъ этихъ знаній въ службу не опредѣляли.

Въ 1724 году былъ изданъ указъ объ основаніи академіи; въ указѣ объяснялось, что въ западныхъ государствахъ Европы существуютъ три степени ученыхъ и учебныхъ заведеній: гимназіи, университеты и академіи. Но такъ какъ въ Россіи учрежденіе университета и академіи, безъ среднихъ учебныхъ заведеній, ни къ какой пользѣ вести не можетъ, и Россія не можетъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ такого рода заведенія устроены въ Европѣ, а должна дѣлать все сообразно съ своими потребностями, то академія, вновь учреждаемая, должна была заключать въ себѣ и среднеучебныя заведенія—и въ ней преподавались гимназическіе предметы и высшія науки, такъ что учрежденная при Петрѣ академія заключала въ себѣ зачатки трехъ различныхъ заведеній: гимназіи, университета и академіи.

По указу Петра Великаго академія должна была заниматься переводомъ книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Но до тѣхъ поръ, пока академія не выраститъ и не окрѣпнетъ, переводъ книгъ по прежнему предоставленъ былъ синоду. До какой степени Петръ заботился о переводѣ книгъ, видно изъ того, что онъ, гдѣ-бы ни былъ, на войнѣ, или за границей, или когда бывалъ боленъ, постоянно назначалъ что переводить, что при переводѣ сокращать, измѣнять или перерабатывать.

Искусствъ Петръ тоже не забывалъ, по его приказанію молодыхъ людей отправляли въ Римъ учиться архитектурѣ.

Мысль о томъ, чтобы написана была исторія Россіи, постоянно занимала Петра, но онъ видѣлъ, что приступить къ этому труду невозможно, за недостаткомъ матеріаловъ; по этому въ 1722 году онъ приказалъ изъ монастырей прислать въ Москву въ синодъ всѣ рукописи, заключающія въ себѣ лѣтописи и хронографы и т. д., велѣть сдѣлать съ нихъ копіи; копіи оставить въ синодальной библіотекѣ, а подлинники отослать туда, откуда взяты.

Для управленія духовными дѣлами сперва учреждена была духовная коллегія или синодъ съ назначеніемъ Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго, въ президенты духовной коллегіи. Ей вмѣнено было въ обязанность заботиться о положеніи духовенства въ Россіи и разбирать дѣла по жалобамъ, какія могутъ случиться между духовными лицами и мірянами. Учреждая духовную коллегію, Петръ въ своемъ указѣ



ЛѢТНІЙ ДВОРЕЦЪ ПЕТРА ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ ЕГО ВИДѢ.

называлъ это учрежденіе соборнымъ и говорилъ, что всѣ дѣла, рѣшаемыя соборомъ, могутъ быть рѣшены справедливѣе, чѣмъ при рѣшеніи однимъ лицомъ. Такъ какъ духовная коллегія, или синодъ, обнимала тотъ-же кругъ дѣйствія, какой предоставлялся патріарху, то синодъ какъ-бы заступилъ его мѣсто и назывался святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ.

Кромѣ правительственныхъ обязанностей, на синодѣ еще лежала обязанность воспитательная. Епископы должны были имѣть въ своихъ домахъ школы для приготовленія священниковъ, составлять книги по Закону Божію, искоренять суевѣрія и т. п. Кромѣ того синоду было предписано по мѣрѣ силъ бороться съ расколомъ и убѣждать раскольниковъ примкнуть къ истинной церкви.

Петръ хотѣлъ преобразовать монашество; онъ не хотѣлъ, чтобы монастыри служили притономъ людей лѣнивыхъ, которые, какъ тунеядцы, искали въ нихъ пристанища отъ казенныхъ повинностей и отъ царской службы, и придумывалъ средства, какъ-бы ограничить число монаше-

ствующихъ, а оставшимся дать занятіе приличное. Въ 1723 году данъ былъ указъ: впредь, безъ разрѣшенія синода, никого не постригать и о числѣ монашествующихъ ежемѣсячно присылать точную вѣдомость въ синодъ.

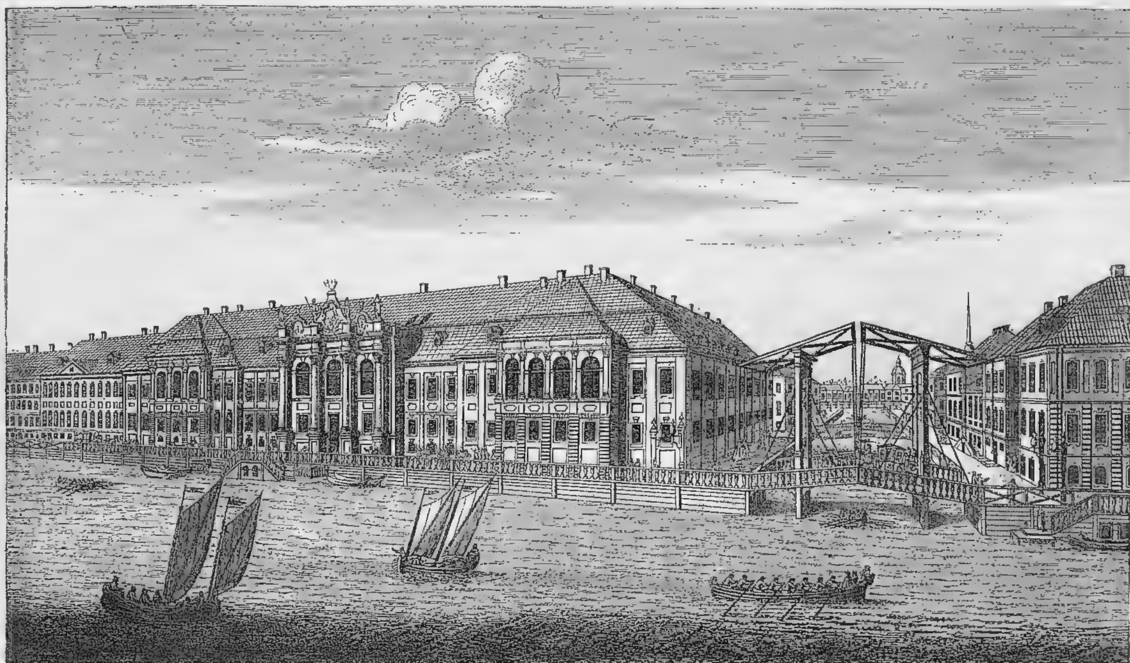
Въ январѣ 1724 года императоръ издалъ новый указъ, въ которомъ указалъ монашеству новый кругъ дѣятельности; онъ исторически изложилъ въ указѣ происхожденіе и развитіе монашества, указалъ, что каждый человѣкъ обязанъ приносить какую-бы то ни было пользу отечеству, и что даже стремленіе къ уединенію и молитвѣ не избавляетъ человѣка отъ этой обязанности, и вслѣдствіе этого предписалъ синоду раздѣлить всѣхъ монаховъ на двѣ категоріи и поставить имъ двѣ цѣли: 1) одни должны служить страждущему человѣчеству, 2) другіе образовать изъ среды себя властей церковныхъ, доступныхъ исключительно монашествующимъ. Первымъ монахамъ вмѣнялось въ долгъ ходить за больными, ранеными воинами, за нищими, которыхъ предполагалось помѣщать въ монастыри, по два и по три человѣка на монаха, призрѣвать покинутыхъ младенцевъ, заводить при монастыряхъ школы. Нѣкоторые монахи должны были обработывать земли, отведенныя къ монастырямъ, чтобы трудомъ своимъ промышлять себѣ хлѣбъ. Такимъ образомъ, по предположенію Петра, монастыри превратились-бы въ госпитали, богадѣльни и пріюты. То же самое предполагалось и для женскихъ монастырей: монахини должны были прислуживать бѣднымъ, дряхлымъ и больнымъ и кромѣ того воспитывать сиротъ, для чего отдѣлены были нѣкоторые монастыри; въ иные Петръ послалъ искусныхъ мастерицъ съ прядильнаго двора, чтобы учить молодыхъ монахинь прядильному мастерству. Для приготовленія ученыхъ монаховъ предполагалось учредить двѣ семинаріи, одну въ Петербургѣ, другую въ Москвѣ. Кромѣ того ученые монахи еще должны были писать книги для распространенія истинъ религіозныхъ въ народѣ.

Петръ принималъ также разныя мѣры для улучшенія положенія и для распространенія образованія среди бѣлаго духовенства. Такъ, онъ постановилъ, чтобы волею или неволею, но дѣти всѣхъ церковно-служителей поступали въ школу.

Общественный образъ жизни еще въ Москвѣ потерпѣлъ большія измѣненія съ той минуты, когда женщины перестали быть затворницами, когда старый русскій костюмъ замѣнился европейскимъ. Но перемѣна эта въ Москвѣ находила много противниковъ; вѣковыя привычки трудно сбрасывались въ мѣстахъ, гдѣ жили отцы и дѣды по старинѣ, гдѣ странно было видѣть модный европейскій костюмъ рядомъ съ душегрѣйкой и сарафаномъ старой боярыни.

За то въ Петербургѣ Петръ наслаждался своей новой европейской столицей; тутъ и костюмы все европейскіе, и дома построены безъ теремовъ, съ окнами на улицу; самый Невскій проспектъ, улица длинная, прямая, широкая, вымощенная плитами и камнемъ, не напоминалъ узкихъ кривыхъ улицъ Москвы. Плѣнные шведы проложили Невскій проспектъ, вымостили его, усадили длинной прямой аллеей съ лужайками по сторонамъ и каждую недѣлю мели его.

Прочныхъ построекъ было еще немного, но всѣ, какія были, но-



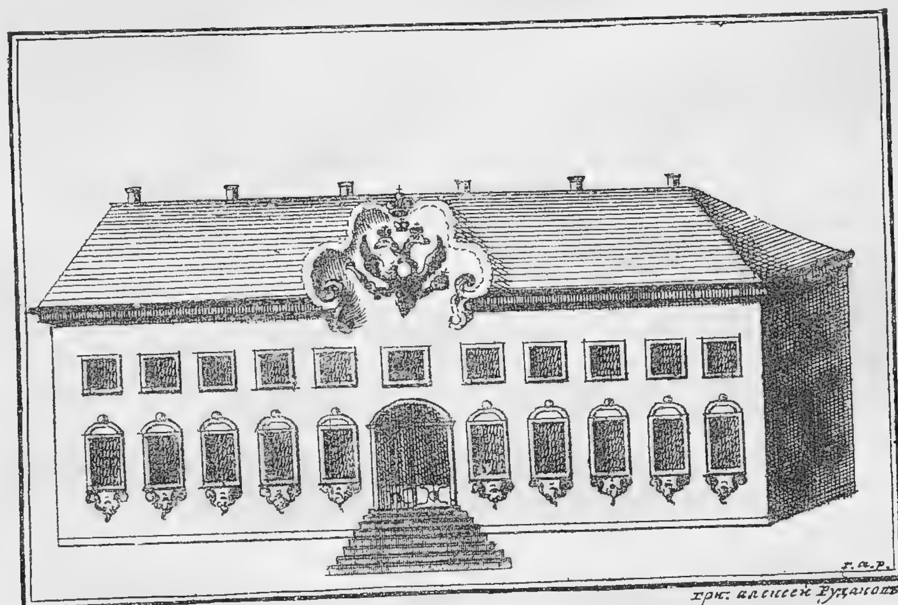
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.
(Съ гравюры Зубова).

сили отпечатокъ европейской архитектуры: у домовъ входъ бывалъ не со двора, а прямо съ улицы. Жители Петербурга составляли какъ-бы одно большое семейство, веселились и работали вмѣстѣ, подъ надзоромъ царя. Петръ отъ ранней молодости любилъ общественныя увеселенія и характеръ этотъ невольно сообщился жителямъ новой столицы.

Нѣмецкіе музыканты въ полдень играли на трубахъ и на флейтахъ. На Троицкой площади стояла аустерія, гостиница, куда, слѣдомъ за Петромъ, или и сами собою ежедневно приходили почетные члены города и правительственныя лица, чтобы выпить рюмку водки и закусить; здѣсь-же, передъ аустеріей, дѣлали обыкновенно фейерверки и иллюми-

націи. Тутъ-же, на открытомъ воздухѣ, устроенъ былъ досчатый сарай, и въ немъ давали театральныя представленія.

Въ торжественные праздники, около пяти часовъ пополудни, на Царицыномъ лугу выстраивались гвардейскіе полки, и самъ царь угощалъ ихъ виномъ и пивомъ. Въ саду у фонтана сидѣла царица съ своимъ дворомъ, и надобно сказать, что европейскіе обычаи здѣсь уже вполнѣ вытѣснили старые русскіе: дворъ великолѣпіемъ костюмовъ не уступалъ любому германскому двору. За то личный дворъ царя былъ простъ; у него всѣ придворные чины замѣнялись деньщиками. Въ саду угощеніе тоже было очень незамысловатое; пили вино и пиво; и то и другое гре-



ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЗАЛЪ.

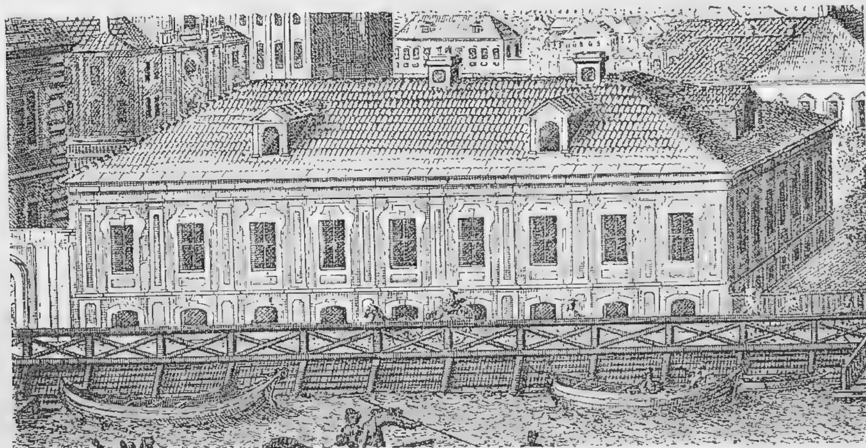
надеры приносили въ большихъ деревянныхъ чанахъ. Высшее духовенство участвовало въ этихъ праздникахъ и веселилось не меньше остальныхъ гостей. Лѣтомъ въ открытой галлереѣ сада, со стороны Невы, начинались танцы и продолжались до полуночи.

Въ день полтавской битвы, на площади Троицкаго собора обыкновенно раскидывали палатку съ походною церковью. Петръ надѣвалъ тотъ самый костюмъ, какой на немъ былъ въ день побѣды, т.-е зеленый кафтанъ съ красными отворотами, съ кожаною черною портупеей; на ногахъ—зеленые шерстяные толстые чулки и старые изношенные башмаки, въ правой рукѣ пика, подъ лѣвою мышкою старая шляпа.

Самое сильное угощеніе бывало въ день спуска корабля; тутъ

обыкновенно вино лилось рѣкою и Апраксинъ и Данилычъ (Меншиковъ) выпивали лишнее. Апраксинъ заливался слезами, а Данилычъ падалъ на стулъ, на скамейку и засыпалъ мертвымъ сномъ.

Одно изъ любимыхъ общественныхъ удовольствій въ парадизѣ было катанье по Невѣ. У жителей Петербурга, для удобнѣйшаго сообщенія по большой рѣкѣ, были парусныя и гребныя суда, полученныя по большей части изъ казны безденежно. Вся эта рѣчная флотилія называлась Невскимъ флотомъ; у нея былъ свой адмиралъ. По воскресеньямъ, или когда вздумается, въ извѣстномъ мѣстѣ выставлялся флагъ съ пу-



ДОМЪ АРХИТЕКТОРА ЛЕБЛОНА НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ.

шечнымъ выстрѣломъ. Немедленно весь Невскій флотъ распускалъ вымпела и флаги; паруса и весла сверкали на солнцѣ, и вся флотилія собиралась къ крѣпости; кто не являлся—платилъ штрафъ. Царь съ царицею и со всѣмъ дворомъ принимали участіе въ этомъ катаньѣ; у многихъ богатыхъ людей на лодкахъ бывалъ хоръ музыкантовъ или пѣсенниковъ; катанье продолжалось по нѣскольку часовъ и отмѣнялось только по причинѣ сильнаго восточнаго вѣтра.

Маскарады были тоже не только общимъ, но даже обязательнымъ для всѣхъ увеселеніемъ; распредѣлялось, кому въ какомъ костюмѣ являться. Изъ Петровскихъ вельможъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ отличался особенно Апраксинъ; нигдѣ не угощали такъ радушно, нигдѣ такъ много не пили; самъ хозяинъ внимательно слѣдилъ за гостемъ и, ежели тотъ не пилъ, подходилъ къ нему, кланялся въ поясъ, просилъ сдѣлать ему честь, не обидѣть его, и когда гость наконецъ склонялся на просьбу хозяина, то онъ радостно восклицалъ.

Столько-же обязательнымъ общественнымъ увеселеніемъ, какъ общее

катанье по Невѣ, были ассамблеи. Въ 1718 году были изданы правила, относительно собранія ассамблей. Это собраніе вольное, или ассамблея, учреждалось не только для забавы столичныхъ жителей, но и для дѣла, потому что тутъ можно было видѣться съ кѣмъ угодно и переговорить о дѣлѣ.

Хозяинъ дома, гдѣ назначалось быть ассамблеѣ, или письмами, или вывѣскою, или другимъ какимъ знакомъ давалъ знать, что домъ его готовъ принять гостей и къ нему можетъ идти всякій знакомый и незна-



ПОЛЬСКІЙ КАФТАНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.
(Въ Московской Оружейной палатѣ).

комый, мужчина и дама. Ассамблея начиналась въ 5 или въ 4 часа пополудни и продолжалась до 10 ч. вечера. Хозяинъ не былъ обязанъ встрѣчать и провожать гостей, или угощать ихъ; могъ даже не быть дома. Но онъ обязанъ былъ очистить нѣсколько комнатъ, приготовить столы, свѣчи, игры на столахъ, питье для тѣхъ, кто попроситъ. Каждый могъ пріѣзжать и уѣзжать когда угодно въ назначенное для ассамблеи время. Всякій на ассамблеѣ дѣлалъ, что хотѣлъ: могъ сидѣть, ходить, играть, курить и пить; вставанье, провожанье и всякія другія церемоніи строго запрещались, подъ опасеніемъ штрафа великаго орла, т.-е.

вмѣсто штрафа надобно было выпить огромный кубокъ вина. Только при первомъ появленіи и при отъѣздѣ—присутствующіе кланялись. Въ ассамблеи могли ходить, начиная съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ; туда-же допускались знатные купцы и начальные мастеровые люди; слугамъ и лакеямъ въ ассамблеи входить не позволялось; они должны были оставаться въ сѣняхъ. Дамы участвовали въ ассамблеяхъ, и тамъ иногда бывали танцы.

Такимъ образомъ Петръ воспитывалъ народъ свой! Онъ своею дѣя-

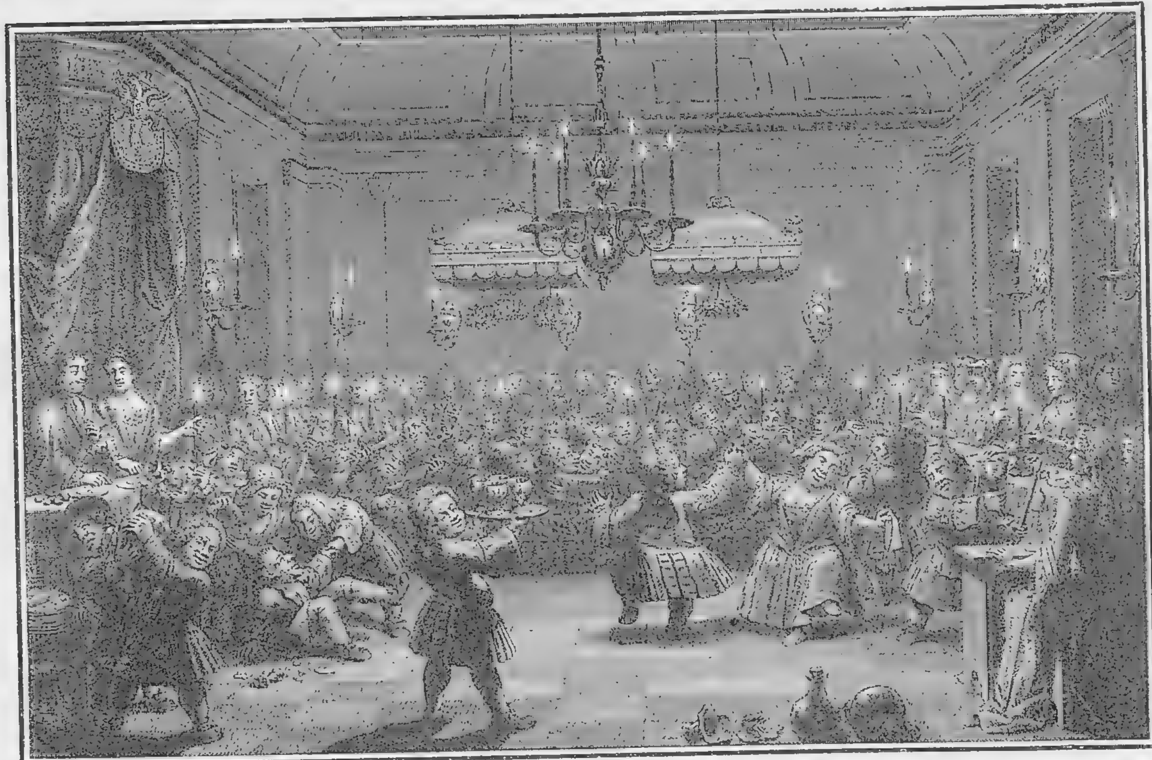


ШКИПЕРСКОЕ ПЛАТЬЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.
(Въ Московской Оружейной палатѣ).

тельностію хотѣлъ пробудить дѣятельность своего народа, онъ его училъ и заниматься, и веселиться. Ему хотѣлось, чтобы всѣ окружающіе работали и веселились отъ избытка силъ душевныхъ, какъ онъ.

Силы физическія соотвѣтствовали духовной энергіи Петра; для него утомленіе какъ-бы не существовало; онъ даже не нуждался въ продолжительномъ снѣ; онъ спалъ только короткое время и сонъ его часто прерывался; какая-нибудь мысль, какое-нибудь предположеніе мелькали у него; онъ вставалъ ночью, будилъ своего деньщика, приказывалъ зажечь свѣчку, подать себѣ аспидную доску и записывалъ на ней то, что ему

приходило въ голову. Послѣ этого опять тушилъ свѣчку и засыпалъ на короткое время. Онъ обыкновенно вставалъ и лѣтомъ, и зимою въ 3 или 4 часа и, не одѣваясь, въ холстинномъ камзолѣ и ночномъ колпакѣ садился къ своему письменному столу и занимался: набрасывалъ проекты указовъ, чертилъ планъ канала, пересматривалъ переводы или читалъ и поправлялъ вновь выходящій нумеръ газеты. Также рано вставали и ми-



СВАДЬБА КАРЛИКОВЪ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.
(Съ голландской гравюры Филиса).

нистры и уже въ пятомъ часу являлись съ докладами; Петръ слушалъ докладъ, давалъ рѣшеніе и въ то же время одѣвался; въ 5 или въ 6 часовъ онъ уже выходилъ изъ дому; позавтракавъ наскоро, онъ отправлялся въ Сенатъ, въ коллегіи или шелъ осматривать начатыя городскія работы, или постройку корабля, нерѣдко самъ бралъ топоръ, пилу или долото и работалъ вмѣстѣ съ простыми работниками. Около полудня онъ отправлялся въ аустерію и, выпивъ рюмку водки, закусывалъ чѣмъ-нибудь незатѣйливымъ. Обѣдалъ онъ обыкновенно въ часъ, и обѣдъ продолжался не больше получаса; онъ считалъ время, проведенное за столомъ, потеряннымъ и потому такъ тяготился парадными, продолжитель-



АССАМБЛЕЯ У ЦАРЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Картина проф. Хлѣбовскаго).

ными обѣдами. Послѣ обѣда онъ ложился отдохнуть и спалъ часа полтора или два. Послѣ сна онъ опять занимался дѣлами, выслушивалъ бумаги, составленныя и написанныя по замѣчаніямъ и указаніямъ, сдѣланнымъ поутру; иногда писалъ собственноручно указы и письма. Иногда и даже довольно часто назывался обѣдать къ кому-нибудь изъ своихъ приближенныхъ; онъ располагался, какъ у себя дома, ложился спать послѣ обѣда, занимался дѣлами въ кабинетѣ хозяина, принималъ гостей и проводилъ иногда и вечеръ тутъ-же въ разговорахъ съ министрами, генералами, морскими офицерами и иностранцами. Онъ любилъ играть въ шахматы и даже въ путешествіяхъ и походахъ возилъ съ собою шахматы и складную доску.

Но любимое его занятіе въ минуты отдыха было точеніе; онъ съ большимъ искусствомъ точилъ изъ слоновой кости и дерева различныя вещицы, которыя и до сихъ поръ хранятся въ кунсткамерѣ и въ петровскомъ отдѣленіи при Эрмитажѣ.

Петръ никогда не оставался безъ дѣла; даже во время путешествія сухимъ путемъ, пока перепрягали лошадей, онъ писалъ письма, или проекты, или указы и разсылалъ ихъ съ дороги; голова его безпрерывно работала; о морскихъ или водяныхъ поѣздкахъ и говорить нечего; тутъ онъ работалъ и писалъ, какъ дома, даже еще больше. Сколько онъ успѣлъ написать собственноручно—изумительно и показываетъ до какой степени находился онъ въ постоянно возбужденномъ состояніи; почти всѣ регламенты написаны имъ собственноручно вчернѣ, о приказахъ и письмахъ говорить нечего.





ГЛАВА XXVII.

Законъ о престолонаслѣдіи.—Коронація императрицы Екатерины.—Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго.—Болѣзнь Петра и его выздоровленіе.—Происшествіе у Лахты.—Дѣло Монсовъ.—Обрученіе герцога Гольштинскаго съ цесаревною Анною Петровной.—Болѣзнь Петра.—Его кончина.—Избраніе на престолъ Екатерины.—Похороны императора.

Петръ, какъ творецъ, смотрѣлъ съ любовью на новосозданное имъ государство; онъ зналъ, что воспитаніе его подданныхъ еще не окончено, онъ сознавалъ, что дальнѣйшая судьба Россіи зависитъ отъ того, кому послѣ него достанется кормило еще неустроенной, но сложной машины правленія. Его печалила мысль, что

нѣтъ подлѣ него твердаго, сильнаго законнаго наслѣдника; онъ опасался, что послѣ него просвѣщеніе опять заглохнетъ, и всѣ его труды, всѣ кровныя пожертвованія будутъ безполезны.

Старшій сынъ Петра—царевичъ Алексѣй—явился противникомъ



ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.
(Современный портретъ).

всѣхъ начинаній своего великаго отца, и Петръ изъ любви къ отечеству пожертвовалъ сыномъ. Наслѣдникомъ престола объявленъ былъ второй сынъ императора, царевичъ Петръ; но царевичъ не дожилъ даже до пятилѣтняго возраста и скончался. Петръ горько, неутѣшно плакалъ надъ его гробомъ; онъ вмѣстѣ съ сыномъ хоронилъ всѣ лучшія, свѣтлыя надежды на будущее.

Оставался шестилѣтній внукъ, Петръ Алексѣевичъ, младенецъ, прекрасный собою, нѣжный, слабаго сложенія; о характерѣ его еще




(Работа Вермута).




(Съ изображеніемъ одной Екатерины).




МЕДАЛИ НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I.

ничего нельзя было сказать; но Петръ не рѣшался назначить его наслѣдникомъ престола; вся партія царевича Алексѣя, теперь притихшая и

скрывшаяся, при малолѣтнемъ сынѣ его могла ободриться, захвативъ правленіе въ свои руки, отстранить всѣхъ сподвижниковъ Петра и опять-таки воскресить старину и погубить молодую Россію.

Забота о томъ, кому оставить послѣ себя престолъ, волновала великаго преобразователя, и онъ во время торжествъ, происходившихъ по случаю заключенія Ништадтскаго мира, издалъ уставъ о наслѣдіи пре-



ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I-КАПИТАНЪ КАВАЛЕРГАРДОВЪ.
(Рисунокъ Клюквина).

стола, въ которомъ высказались опасенія, волновавшія его. Въ уставѣ говорилось о томъ, что царевичъ Алексѣй примѣромъ своимъ доказалъ, какъ недостоинъ былъ наслѣдства, и только по милости Божіей Россія избавилась отъ бѣдствій, какія ожидали ее, ежели бы этотъ недостойный наслѣдникъ только вслѣдствіе своего первородства сдѣлался наслѣдникомъ русскаго престола. Далѣе доказывалъ изъ примѣровъ священнаго писанія и изъ русской исторіи, что отцы лишали своихъ дѣтей наслѣдства, если они того не стоили, и что, съ цѣлью отвратить такого рода несправедливости въ частной жизни, еще и прежде, въ 1714 году, былъ изданъ

указъ, по которому каждый частный человѣкъ можетъ свое имѣніе оставлять достойнѣйшему изъ своихъ потомковъ, не обращая вниманія на старшаго. Ежели такія права даны частному человѣку, то тѣмъ скорѣе ими долженъ пользоваться государь, настолько увеличившій свое государство, какъ это всѣмъ извѣстно. Поэтому Петръ постановлялъ, чтобы царствующій государь пользовался правомъ назначать себѣ на-



КАВАЛЕРГАРДЪ ПРИ ПЕТРѢ I, ВЪ 1724 ГОДУ.

слѣдникомъ кого захочетъ; ежели замѣтитъ, что выборъ сдѣланъ неудачно,—то отмѣнять свой выборъ, для того чтобы дѣти и потомки его не впали въ тѣ же вины и пороки, какъ выше сказано, и чтобы всегда чувствовали на себѣ узду.

Чтобы дать больше силы и законности новому уставу о престолонаслѣдіи, приказано было присягать ему; но присягали неохотно, не хотѣли цѣловать креста, во вредъ законному наслѣднику, внуку царствующаго государя; произошло волненіе, но его потушили.

Манифестъ этотъ отнималъ прирожденныя права у великаго князя Петра Алексѣевича, и онъ могъ получить наслѣдство только въ такомъ

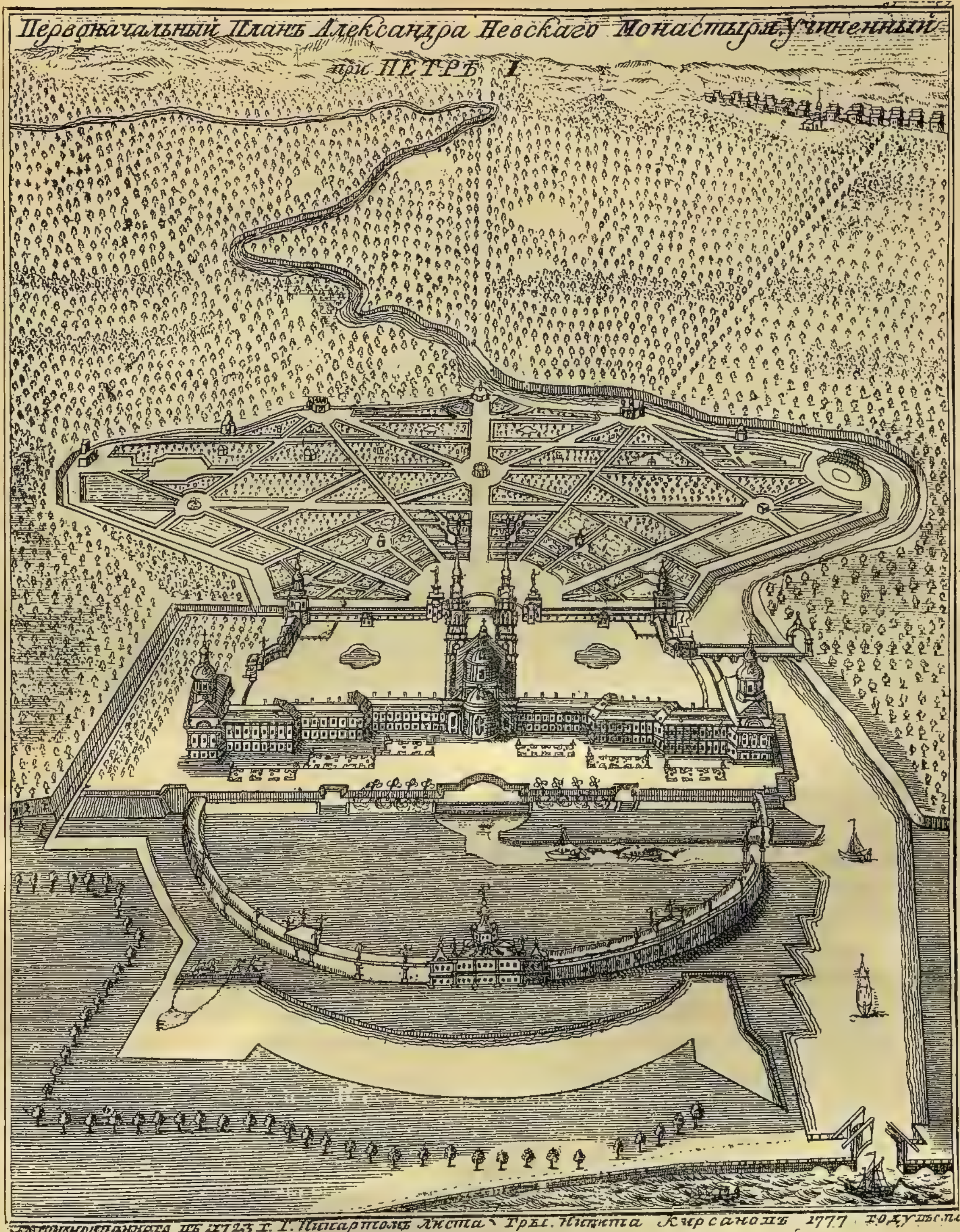
случаѣ, когда заслужитъ его и когда дѣдъ изъявитъ на то свою волю. Но если не изберетъ его, кого же императоръ назначитъ послѣ себя, неужели совершенно чужого? Въ церквахъ поминали царскую фамилію такъ, что великій князь Петръ Алексѣевичъ стоялъ ниже дочерей императора Петра. Объ этомъ съ безпокойствомъ толковали въ Россіи и при Вѣнскомъ дворѣ, который считалъ своей обязанностью защищать юнаго Петра, племянника по матери австрійскому императору, опасались, чтобы Петръ не передалъ правъ на наслѣдство одной изъ своихъ дочерей и



ЛИТАВРЫ БЫВШІЯ ПРИ КОРОНАЦІИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I ВЪ 1724 Г.

поэтому на супружество ихъ смотрѣли, какъ на предметъ первой важности.

Дѣло о предполагаемомъ бракѣ Анны Петровны все еще ничѣмъ не оканчивалось; оно тянулось въ нерѣшительныхъ переговорахъ; Петръ все еще не отказывался отъ своего намѣренія выдать свою младшую дочь за французскаго короля Людовика XV. Но все это еще не обезпечивало престолонаслѣдія; Петръ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, онъ видимо самъ былъ въ нерѣшительности. Въ 1723 г. Петръ рѣшился короновать Екатерину, и 15 ноября появился указъ такого содержанія: Такъ какъ въ западныхъ государствахъ и въ древней греческой имперіи былъ обычай короновать супругъ государей, то и Петръ въ награду за труды и услуги, оказанныя какъ лично ему, такъ и государству, и такъ какъ государыня, забывъ свое женское безсиліе, раздѣляла его военныя опасности и лишенія, то онъ намѣренъ наградить свою вѣрную супругу, особенно за мужество и твердость, оказанныя ею во время



ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.
(Гравюра Н. Кирсанова).

отчаяннаго положенія у Прута, какъ это извѣстно всей арміи и всему государству; поэтому «мы намѣреваемся данною намъ отъ Бога самовластію за такіе супруги нашей труды короновать ее» и т. д.

За болѣзнью государя коронація была на нѣкоторое время отложена, но уже 15 марта со всѣмъ дворомъ своимъ Петръ отправился въ Москву, гдѣ все было готово для коронаціи; собрались иностранные министры, принцы и всѣ русскіе государственные чины, начальники губерній и представители всѣхъ сословій. Для императрицы была учреждена почетная конная стража подъ названіемъ кавалергардовъ, въ роскошныхъ и красивыхъ мундирахъ, все изъ людей большого роста, всего 68 человѣкъ, на крупныхъ и красивыхъ вороныхъ лошадяхъ въ богатой сбруѣ.

За два дня передъ коронаціей по городу разъѣзжали герольды и возвѣщали о коронаціи.

Въ 10 часовъ утра началось торжество; показалось шествіе: впереди шла одна половина кавалергардовъ, за ними пажи съ гофмаршаломъ, далѣе церемоніймейстеръ съ жезломъ, за нимъ депутаты, высшіе военные и гражданскіе чины; за ними два герольдмейстера въ красныхъ бархатныхъ одеждахъ съ вышитыми гербами; они шли передъ императорскими регаліями, которыя несли на глазетовыхъ подушкахъ. Вслѣдъ за регаліями, за оберъ-гофмаршаломъ, шелъ императоръ и императрица, у обоихъ по ассистенту съ каждой стороны. Всѣ были въ шитыхъ золотомъ парадныхъ костюмахъ, даже самъ императоръ надѣлъ шитый серебромъ голубой шелковый кафтанъ, вышитый самою императрицей и подаренный ею. Платье императрицы было особенно роскошно; весь дворъ и войско были одѣты блистательно.

Духовенство встрѣтило процессію съ крестами и святою водою на паперти, и вслѣдъ за нимъ Петръ ввелъ императрицу въ Успенскій соборъ, взялъ ее за руку, возвелъ на чертожное мѣсто и посадилъ на тронъ, стоявшій рядомъ съ его трономъ. Духовенство и всѣ присутствующіе заняли свои мѣста. Пѣніе, колокольный звонъ и пушечная стрѣльба прекратились. Петръ взялъ скипертъ, всталъ, велѣлъ оберъ-гофмаршалу пригласить архіереевъ къ трону и сказалъ имъ, когда они подошли, что намѣреніе его короновать свою супругу имъ извѣстно изъ манифеста, поэтому проситъ ихъ приступить къ совершенію этого обряда, по чину церковному. Архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій подошелъ къ императрицѣ и спросилъ:

— Како вѣруеши?

Императрица прочитала Символъ вѣры; архіепископъ громко благословилъ ее:

— Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою!



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ПЕРЕВОЗИТЪ МОЩИ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.
(Картина проф. Басина, находящ. въ Исаакіев. соборѣ).

Прочіе тихо повторили то же. Начался обрядъ коронаціи. Императоръ, не выпуская скипетра изъ рукъ, взялъ порфиру, надѣлъ ее на плечи Екатерины, потомъ тоже принялъ изъ рукъ архіепископа корону, возложилъ ей на голову и далъ въ руки державу. Церковному пѣнію вторилъ колокольный звонъ и неумолкаемые ружейные и пушечные выстрѣлы. Духовенство и государственные чины поздравили императрицу, поклонившись ей три раза.

Императоръ и императрица положили на столъ скипетръ и державу, сошли съ трона и слушали литургію на обычномъ царскомъ мѣстѣ; когда пришло время, Петръ взялъ супругу свою за руку и подвелъ ее къ царскимъ вратамъ; она стала на колѣни, архіепископы Новгородскій и Псковской помазали ее мѵромъ, пріобщили Святыхъ Таинъ и подали ей антидоръ и вино. Послѣ обряда омовенія рукъ и лица, императрица возвратилась на свое мѣсто; архіепископъ Псковской сказалъ краткую рѣчь и поздравилъ ее отъ имени духовенства, всѣхъ государственныхъ чиновъ и народа

Изъ Успенскаго собора шествіе, прежнимъ порядкомъ, пошло въ Архангельскій соборъ, но императоръ не могъ дальше участвовать; онъ чувствовалъ нездоровье. Императрица шла подъ балдахиномъ, Меншиковъ за нею бросалъ въ народъ направо и налѣво золотые и серебряные жетоны, по этому поводу выбитые. Приложившись къ мощамъ царевича Димитрія, отслушавъ молебствіе и поклонившись гробамъ царей, Екате-



ГРОБНИЦА СВ. В. К. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

рина вышла изъ церкви и поѣхала въ богатой каретѣ въ дѣвичій Вознесенскій монастырь—поклониться гробамъ русскихъ государынь.

По возвращеніи въ Кремль, государыню еще разъ поздравили самъ императоръ и всѣ государственные чины. Въ Грановитой палатѣ приготовлены были великолѣпные обѣденные столы съ роскошью, какою поражали древніе обѣденные столы русскихъ царей. Изъ окна Петръ смотрѣлъ на разгульное веселье народа, который пировалъ за столами, терзалъ двухъ огромныхъ быковъ, изжаренныхъ цѣликомъ и начиненныхъ домашними и дикими птицами; фонтаны били краснымъ и бѣлымъ виномъ, его черпали ковшами, стаканами и чашками.



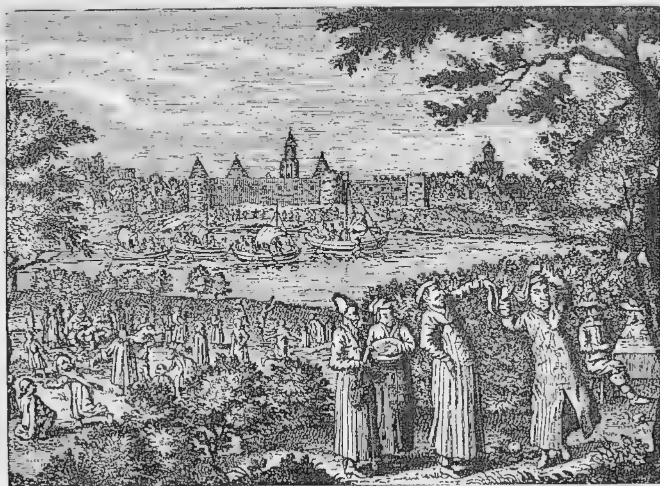
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА.
(Съ гравюры начала XIX вѣка).

Послѣ обѣда, всѣмъ гостямъ Меншиковъ роздалъ большія золотыя медали, выбитыя въ память коронаціи. Съ одной стороны были изображенія императора и императрицы, съ другой Петръ—надѣвающій корону на Екатерину.

16 іюня, Петръ, который продолжалъ чувствовать нездоровье, но тѣмъ не менѣе былъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо, отправился со всѣмъ дворомъ въ Петербургъ; ѣздилъ въ Кронштадтъ, Петергофъ, присутствовалъ при освященіи церкви въ Царскомъ Селѣ, осмотрѣлъ оружейный заводъ въ Сестрорѣцкѣ и наконецъ отправился осмотрѣть работы на Ладожскомъ каналѣ; здѣсь ожидала его радость: часть канала была готова; работа вездѣ оказалась прочная и совѣстливо исполненная; она радовала Петра; онъ даже пришелъ въ восторгъ, кинулъ шляпу вверхъ и воскликнулъ—у р а! Возвратившись въ Петербургъ, Петръ и въ сенатѣ, и дома императрицѣ не переставалъ хвалить Миниха и увѣрялъ, что такого дѣльнаго и знающаго иностранца еще не видывалъ. Лихорадочною дѣятельностію Петръ какъ будто старался заглушить свои физическія страданія, которыя со дня на день усиливались; онъ дѣлалъ внутреннія распоряженія по государству, какъ заботливый отецъ и правитель. Наступило 30 августа, день Ништадтскаго мира; въ этотъ день готовилось для Петербурга новое торжество. Въ память завоеваній своихъ,

Петръ построилъ монастырь на берегу Невы; теперь онъ намѣревался еще болѣе освятить этотъ монастырь—перенести въ него мощи Св. Князя Александра Невскаго, перваго побѣдителя шведовъ. Св. мощи торжественно везли изъ Владиміра и въ день третьей годовщины Ништадтскаго мира ихъ съ большою торжественностію перенесли въ новопостроенный монастырь въ честь Александра Невскаго.

Самъ Петръ на своей галерѣ со всѣми важнѣйшими сановниками встрѣтилъ священную галеру, за семь верстъ отъ Петербурга. Мощи благоговѣйно перенесли на богато-убранную галеру; самъ государь взялся за руль, а адмиралы и первыхъ чиновъ генералы взялись за весла; при



ВИДЪ СТАРОЙ ЛАДОГИ.
(Гравюра начала XVIII ст.).

неумолкаемомъ колокольномъ звонѣ и при пушечныхъ выстрѣлахъ галера остановилась у пристани.

Императоръ и важнѣйшіе сановники подняли святую раку и понесли ее подъ балдахиномъ въ монастырь; народъ бросился ницъ и молился усердно. Духовенство встрѣтило процессію передъ монастыремъ, а за оградою ожидала ее императрица съ цесаревнами, иностранными принцами, съ герцогинями Мекленбургскою и Курляндскою, которые присоединились къ процессіи и вмѣстѣ съ нею вошли въ церковь. Въ придѣлѣ, вновь освященномъ, переложили мощи Св. Угодника въ новую серебряную раку и поставили на приготовленное мѣсто. Торжество церковное и народное продолжалось трое сутокъ.

Между тѣмъ здоровье императора окончательно пошатнулось; призванъ былъ лейбъ-медикъ Блументростъ; онъ ужаснулся, увидѣвъ опас-



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ СПАСАЕТЪ УТОПАЮЩИХЪ.
(Рисунокъ Г. Пилотти).

ное положеніе государя, и не рѣшался лѣчить его одинъ: на консиліумъ пригласили изъ Москвы доктора Бодлоо и англійскаго хирурга Горна. Рѣшено было сдѣлать мучительную, но необходимую операцію; ее сдѣлали. Двѣ недѣли опасность была велика: государь находился между жизнью и смертью; доктора ни на минуту не отходили отъ постели больного; наконецъ болѣзнь должна была уступить употребленнымъ средствамъ и атлетической силѣ государя; онъ началъ поправляться и уже ходилъ по комнатамъ; казалось, что онъ окончательно вылѣчится отъ своей болѣзни. Но съ возвращеніемъ здоровья и силъ, возвратились заботы и жажда дѣятельности; Петру надобно было побывать въ Шлиссельбургѣ, на Ладожскомъ каналѣ и на Олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ, гдѣ собственноручно выковалъ полосу желѣза въ три пуда вѣсомъ. Сдѣлалъ еще путешествіе въ Старую-Ладогу, Новгородъ и черезъ Ильмень въ Старую-Руссу; осмотрѣлъ тамошнія соловарни и въ октябрѣ возвратился въ Петербургъ. Здоровье Петра, несмотря на угрозы отговаривавшихъ государя отъ поѣздки докторовъ, даже поправилось; онъ дня два спустя хотѣлъ еще осмотрѣть Сестрорѣцкій оружейный заводъ.

Государь на небольшой шлюпкѣ выѣхалъ 29 октября подъ вечеръ; погода была осенняя, холодная и мрачная; дулъ сильный вѣтеръ; волны бѣшено метались, государь продрогъ и приказалъ пристать къ берегу у

Лахты. Въ ту минуту, когда государь вышелъ на берегъ, большой транспортный ботъ съ солдатами и матросами, шедшій изъ Кронштадта, былъ выброшенъ на мель; волны били въ сѣвшій на мель ботъ, и гибель солдатъ и матросовъ была неизбѣжна. Государь тотчасъ принялъ мѣры, чтобы спасти погибающихъ; онъ послалъ имъ на помощь свою шлюпку, распоряжался съ берега, горячился, кричалъ, командовалъ и сердился на недогадливость и нераспорядительность посланной команды; выведенный изъ терпѣнія Петръ вскочилъ наконецъ въ маленькую лодочку и самъ поѣхалъ на мѣсто крушенія. Лодка остановилась въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ потопленнаго бота. Забывая о своемъ нездоровьи, Петръ видѣлъ только, что солдаты кругомъ него тонутъ; онъ выскочилъ изъ лодки въ воду по поясъ и оставался въ этомъ положеніи, пока не вытащилъ послѣдняго утопавшаго, и такимъ образомъ спасъ всѣхъ до одного.



ПЕТРЪ I ВЪ 1723 Г.
(Съ портрета Каравака, грав Вилль).

Петръ остался ночевать на Лахтѣ, но въ ночь у него сдѣлался сильный ознобъ; онъ не поѣхалъ въ Сестрорѣцкъ, пролежалъ нѣсколько дней больной на Лахтѣ и возвратился въ Петербургъ 2 ноября. Казалось, простуда не имѣла дурныхъ послѣдствій, а между тѣмъ прежнее нездоровье возвратилось съ новой силой; но больной по обыкновенію не обращалъ на него вниманія, и оно возрастало.

Различныя непріятности еще болѣе подтачивали его здоровье. Открылось, что любимецъ государя камергеръ Монсъ попался во взяточничествѣ, также и неисправимый Меншиковъ своимъ ненасытимымъ корыстолюбіемъ навлекъ на себя негодованіе императора; онъ принужденъ былъ отнять у него мѣсто президента военной коллегіи и удалить отъ себя; президентомъ военной коллегіи былъ назначенъ Репнинъ. Члены высшаго суда также были обвинены во взяточничествѣ. Петръ судилъ виновныхъ, наказывалъ ихъ, но самъ глубоко страдалъ при видѣ безчестности людей



ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.
(Литографія П. Иванова).

близкихъ, и, какъ всегда, непріятности, досада и тревога душевная имѣли сильное, разрушительное вліяніе на его здоровье.

Такъ прошло до 24 ноября, дня ангела Екатерины; этотъ день былъ послѣднимъ радостнымъ днемъ въ царской семьѣ; было торжественное обрученіе старшей дочери императора, цесаревны Анны Петровны, съ Герцогомъ Гольштинскимъ.

А между тѣмъ Петръ все еще не высказывалъ, кому онъ назначаетъ послѣ себя великое свое царство; одно было вѣрно—послѣ себя не хотѣлъ онъ отдавать его чужестранцу, принцу Гольштинскому, какъ это многіе современники предполагали, потому что при обрученіи его съ Анною Петровною, онъ и она подписали отреченіе отъ всѣхъ правъ на русскій престолъ и за себя и за своихъ потомковъ.

Праздники по случаю обрученія были продолжительные и замысловатые; Петръ участвовалъ въ этихъ пирахъ, но появлялся на короткій срокъ, только для того, чтобы не нарушать общаго веселья: онъ чувствовалъ себя все хуже.

Въ день Новаго года онъ еще выходилъ; но 16 января болѣзнь приняла характеръ серьезнѣе прежняго и очень опасный; лейбъ-медикъ Блументростъ не рѣшался одинъ отвѣчать за жизнь государя; онъ выпросилъ у императрицы позволеніе на консиліумъ созвать не только всѣхъ докторовъ, какіе были въ Петербургѣ, но еще отправить двухъ курьеровъ съ описаніемъ болѣзни за совѣтомъ къ двумъ знаменитѣй

шимъ докторамъ въ Европѣ, къ берлинскому доктору Шталю и къ лейденскому профессору Бургаву, но ни тотъ, ни другой не успѣли прислать своихъ спасительныхъ совѣтовъ: было уже слишкомъ поздно, и Бургавъ съ сожалѣніемъ восклицалъ:



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.
(Гравюра, находящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

— Какъ могли дать умереть такому великому человѣку, когда самое ничтожное средство могло спасти его!

Страданія государя были ужасны. Этотъ могучій душой и тѣломъ человѣкъ не могъ выносить страшной боли и жалобно кричалъ и извивался, какъ слабое дитя. Царь зналъ медицину и ясно понималъ свое положеніе; силы быстро оставляли его; боль увеличивалась, онъ уже не кричалъ громко, а только стоналъ. Онъ приказалъ поставить подлѣ своей

комнаты походную церковь и въ молитвѣ искалъ силы и утѣшенія. 22 января онъ исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ.

Во дворецъ собрались всѣ значительнѣйшія лица, имѣвшія доступъ къ государю; императрица на колѣняхъ вымолила прощеніе Меншикову,



ГИПСОВАЯ МАСКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.
(Петровская галлерея Импер. Эрмитажа).

и онъ вмѣстѣ съ другими смѣлъ войти и плакать у кровати больного, которому съ часу на часъ дѣлалось хуже. 26 января освободилъ онъ отъ каторги всѣхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ ней, кромѣ виновныхъ въ неоднократныхъ убійствахъ, разбойниковъ и осужденныхъ по двумъ первымъ пунктамъ. Вѣсть объ опасномъ положеніи государя пролетѣла по городу, народъ отъ мала до велика побросалъ всѣ занятія, хлынулъ къ церкви и на площадь ко дворцу; всѣ церкви день и ночь стояли открытыя и въ нихъ молебствія не прекращались ни на минуту; всѣ молились на колѣняхъ, со слезами и стонами.

Государю становилось хуже. Въ тотъ же день, послѣ полудня, надъ нимъ, по его желанію, совершили обрядъ елеосвященія. На другой день, 27 января, помилованы были всѣ осужденные на смертную казнь и на

вѣчную ссылку въ каторжную работу, но исключенные наканунѣ и теперь остались исключены отъ помилованія; Петръ также простилъ тѣхъ дворянъ, которые въ назначенные сроки не явились къ смотру и за то присуждены были къ тому, чтобы имена ихъ были вывѣшены на висѣлицахъ, а имѣніе отобрано въ казну.

Около двухъ часовъ силы совсѣмъ оставили Петра; онъ ясно созналъ, что послѣдній часъ его наступаетъ; у него мелькнула мысль о томъ, что онъ не распорядился наслѣдствомъ престола; онъ потребовалъ перо и бумаги. Дрожащею рукою началъ онъ писать, но выходили только неясныя черты, перо выпало изъ его ослабѣвшей руки, можно было только разобрать отдайте все... Онъ велѣлъ позвать старшую цесаревну Анну Петровну, чтобы продиктовать ей свою волю, но когда она пришла и наклонилась къ отцу, чтобы выслушать его, языкъ отказался служить ему...



ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА.
(Съ совр. грав. портрета).

Петръ однако-жъ былъ въ памяти и понималъ, что̀ вокругъ него дѣлается; каково же было его нравственное страданіе, при сознаніи, что оставляетъ Россію, не распорядившись ея судьбою!.. Постель больного окружали лица духовныя и приближенные люди; всѣ плакали, а Тверской и Псковской архіепископы говорили ему напутствіе въ иную, вѣчную жизнь; императоръ слышалъ и понималъ ихъ слова, потому что наклоненіемъ головы отвѣчалъ на нихъ. Онъ даже сдѣлалъ усиліе приподняться, но не могъ; его приподняли на подушкахъ, тогда онъ поднялъ руки къ небу и произнесъ еле внятнымъ, прерывающимся голосомъ:

— Вѣрую и уповаю!

Въ этотъ день государь еще разъ пріобщался и, когда читали причастную молитву, онъ съ трогательнымъ смиреніемъ, уже совершенно измѣнившимся голосомъ, чуть внятно проговорилъ:

— Вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!...

На дальнѣйшія утѣшенія отвѣчалъ только слабымъ знакомъ руки или головы.

Въ эту минуту всѣмъ показалось, что послѣднее мгновеніе пришло,

комната наполнилась придворными и министрами, всѣ съ рыданіемъ обступили кровать и, бросившись на колѣни, цѣловали его руки и обливали ихъ слезами; онъ взглянулъ на нихъ съ чувствомъ и, собравъ остатокъ силъ, прошепталъ: «послѣ!» Неизвѣстно, что хотѣлъ онъ сказать, но приняли это за желаніе, чтобы плачущіе оставили его комнату, и всѣ безмолвно вышли. Больше Петръ не сказалъ ни одного слова, и только стоны еще свидѣтельствовали, что онъ живъ и страдаетъ. Въ такомъ



МЕДАЛЬ, ВЫЧЕКАНЕННАЯ ПО СЛУЧАЮ ВСТУПЛЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I НА ПРЕСТОЛЪ.

положеніи онъ оставался пятнадцать часовъ; лѣвая сторона у него была уже парализована, а правою рукою онъ безпрерывно двигалъ взадъ и впередъ.

Императрица въ теченіе трехъ дней ни на минуту не отходила отъ умирающаго. Она то рыдала, то стонала безъ слезъ, мутными и мрачными глазами смотрѣла безъ цѣли, никого не узнавая; иногда жаловалась на немилосердную судьбу, иногда безъ чувствъ лежала по получасу.

Въ дворцовыхъ покояхъ собрались знатнѣйшіе сенаторы и министры и толковали о томъ, кому послѣ Петра, на выздоровленіе и жизнь котораго не оставалось надежды, назначить престолъ. Хотя Петръ и отмѣнилъ права первородства, по нисходящей мужской линіи, но онъ не назначилъ себѣ преемника, поэтому мнѣнія раздѣлились; приверженцы царевича, великаго князя Петра Алексѣевича—Голицынъ, Долгорукій и Репнинъ и одинъ изъ братьевъ Апраксиныхъ желали возвести

его на престолъ; другой Апраксинъ, Меншиковъ и Толстой были на сторонѣ Екатерины; въ ея коронованіи и мvропомазаніи они видѣли явный признакъ того, что Петръ великій ее назначалъ наслѣдницею своего царства. Увидѣвши, что надежды на жизнь императора исчезаютъ, къ Екатеринѣ явился гольштинскій министръ Бассевичъ, вызвалъ ее и пытался отвлечь ее отъ горестной картины страданій любимаго человѣка и обратить вниманіе на будущее, но Екатерина отвѣчала: «Оставьте меня, я неспособна ни о чемъ думать, поговорите съ Меншиковымъ, онъ преданъ мнѣ, я полагаюсь на него и соглашаюсь на всѣ его мѣры».

Толстой распоряжался: именемъ императрицы онъ велѣлъ привести на площадь преданные ей гвардейскіе полки и разставить ихъ; солдатамъ кромѣ того была обѣщана награда, ежели они поддержатъ сторону императрицы. Гвардейскіе офицеры увеличили число совѣщавшихся, и Толстой смѣлѣе прежняго говорилъ о томъ вредѣ, какой можетъ произойти, ежели престолъ наслѣдуетъ слабое дитя, что супруга великаго Преобразователя скорѣе можетъ идти по слѣдамъ его и исполнить его предначертанія.

Споръ о наслѣдствѣ продолжался нѣсколько часовъ, но присутствіе гвардіи, преданной императрицѣ, которую солдаты привыкли видѣть и въ походахъ, и въ празднествахъ рядомъ съ Петромъ, дало перевѣсъ ея сторонѣ. Къ императрицѣ опять вошелъ Бассевичъ и просилъ ее выйти къ совѣщавшимся министрамъ; послѣ долгаго колебанія она вышла, вся въ слезахъ, сказала нѣсколько словъ о правахъ своихъ на престолъ, данныхъ ей коронаціей и мvропомазаніемъ, о несчастіяхъ, какія могутъ хлынуть на Россію, во время малолѣтства Петра Алексѣевича, но окончила увѣреніемъ, что не намѣрена оспаривать его правъ на престолъ: «Я ему сохраню только престолъ, какъ священный залогъ, до той минуты, въ которую небу угодно будетъ меня соединить съ тѣмъ, кого скоро у насъ не станетъ!..» Всѣ были тронуты, но все еще не рѣшались, кого избрать; наконецъ канцлеръ Головкинъ объявилъ, что и онъ того же мнѣнія, какъ Толстой, что на престолъ слѣдуетъ возвести императрицу Екатерину съ тѣмъ, чтобы она царствовала также самодержавно, какъ царствовалъ Петръ. Призвали кабинетъ-секретаря и спросили, не оставилъ-ли государь завѣщанія; на отрицательный отвѣтъ, Апраксинъ объявилъ, что въ силу коронаціи императрицы и присяги ей, принесенной всѣмъ народомъ, сенатомъ и синодомъ, сенатъ провозглашаетъ ее императрицей и самодержицею, со всѣми правами, какими пользовался супругъ ея. Составили актъ и его подписали члены сената и другіе сановники.

Между тѣмъ Екатерина еще стояла на колѣняхъ подлѣ кровати Петра и ловила каждый вздохъ его. Въ началѣ шестого часа пополуночи 28 января глухіе стоны замолкли и послѣдній вздохъ страдальца вылетѣлъ; Екатерина пронзительно вскрикнула и безъ чувствъ упала на



ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ СОБОРЪ.

руки окружающихъ. Комната опустѣла, сенаторы и сановники опять вышли въ залу совѣщанія. Екатерину привели въ чувство и она, опираясь на руку герцога Гольштинскаго, вышла въ залу совѣщанія; обливаясь слезами, она обратилась къ сенаторамъ и поручала себя имъ, какъ вдова; поручала имъ своихъ сиротъ, особенно герцога Гольштинскаго, и высказала надежду, что сенатъ и государственные сановники будутъ его

такъ-же любить, какъ любилъ покойный императоръ, и выполнять его волю насчетъ предназначеннаго брака герцога съ цесаревною Анною Петровною. Когда она окончила рѣчь свою, генералъ-адмиралъ Апраксинъ бросился передъ нею на колѣни и объявилъ ей рѣшеніе сената; въ залѣ раздался кликъ: «да здравствуетъ императрица Екатерина!» на площади гвардія и народъ повторили восклицаніе.

Вмѣстѣ съ манифестомъ о кончинѣ императора Петра по Россіи отъ сената и синода былъ разосланъ манифестъ о восшествіи на престолъ супруги его Екатерины, предназначенной для этого коронаціей и присягой, принесенной ей народомъ, еще при жизни самодержца.

Столица и вслѣдъ за нею вся Россія плакала, стенала и молилась по случаю понесенной потери; весь народъ, какъ по приказанію, самъ одѣлся въ глубокій трауръ и не снималъ его въ теченіе цѣлаго года.

Тѣло покойнаго императора между тѣмъ набальзамировали и съ лица его снята была гипсовая маска; въ лицѣ еще сохранились черты невыразимыхъ страданій, но въ нихъ уже проявляется радостное спокойствіе, какое мы часто замѣчаемъ въ лицахъ только-что скончавшихся. Пока устраивали большой траурный залъ, тѣло императора выставили въ маломъ дворцовомъ залѣ, обтянутомъ золотыми ткаными обоями. Свободный доступъ былъ разрѣшенъ всякому; въ залѣ съ утра до поздняго вечера толпился народъ, всѣхъ возрастовъ, отъ стара до мала; всѣ горько плакали и припадая къ холодной рукѣ любимаго монарха рыдали, какъ рыдаютъ, прощаясь съ дорогимъ незабвеннымъ отцомъ; многіе рвали на себѣ волосы, били въ грудь и съ отчаяніемъ восклицали:

— Отецъ нашъ, оставилъ ты насъ!

Къ 13 февраля большой траурный залъ былъ готовъ. Онъ весь отъ потолка до полу и самый полъ былъ обитъ чернымъ сукномъ; по карнизамъ шелъ серебряный позументъ. Освѣщался онъ множествомъ горящихъ свѣчей. На потолкѣ былъ изображенъ андреевскій крестъ, отъ концовъ его спускались большія паникадила. Катафалкъ, о шести ступеняхъ, обитый малиновымъ бархатомъ съ золотомъ, подъ балдахиномъ, былъ приготовленъ для гроба. У стѣны, противоположной катафалку, скелеты въ саванахъ, сдѣланные изъ мрамора, держали зеленый пологъ съ надписью золотыми буквами: «плачь, Россія, о смерти Петра и благодари за то, что онъ оставилъ тебѣ въ утѣшеніе императрицу»; кромѣ этихъ украшеній въ залѣ было еще множество другихъ.

Тѣло императора лежало въ гробѣ, обитомъ золотымъ глазетомъ и серебряными позументами; на Петрѣ надѣтъ былъ кафтанъ, шитый серебромъ, манжеты изъ брабантскихъ кружевъ, сапоги со шпорами; при немъ была шпага, а на груди Андреевская звѣзда. При гробѣ на ступе-

нязъ катафалка постоянно стояли четыре офицера, а внизу двѣнадцать драбантовъ—въ черныхъ епанчахъ съ широкополыми шляпами съ крепомъ. Священникъ, въ полномъ облаченіи, день и ночь читалъ евангеліе.

Петропавловскій соборъ, еще неотстроенный, былъ назначенъ мѣстомъ погребенія, и поэтому въ строящейся каменной церкви построили деревянную, обитую внутри чернымъ сукномъ. День погребенія былъ



ГРОБНИЦА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I-ГО ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОМЪ СОБОРѢ.

назначенъ на 8 марта. Но за шесть дней до срока, въ траурномъ залѣ, подлѣ катафалка императора явился новый небольшой гробъ: шестилѣтняя дочь его, Наталія, дитя прелестное не только наружностію, но и замѣчательное по необыкновенному уму, радость и утѣшеніе родителей, скончалась, и гробъ ея былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ отца.

За два дня, по городу ѣздили герольды въ траурныхъ одеждахъ и объявляли о днѣ и часѣ похоронъ. Со всей Россіи съѣхались представители всѣхъ должностныхъ лицъ и всѣхъ сословій, множество частныхъ

людей пріѣхало, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ обожаемымъ государемъ.

На крѣпости вывѣшены были черные флаги, по Невѣ, вдоль мостковъ, стояло войско съ бѣлыми восковыми факелами въ рукахъ; народу было видимо-невидимо; Нева, набережная, окна и крыши домовъ были унизаны зрителями и у всѣхъ въ рукахъ были восковыя свѣчи. Послѣ третьяго сигнальнаго выстрѣла, гробъ вынесли съ церемоніей и поставили подъ балдахиномъ на великолѣпныя сани, обтянутыя чернымъ бархатомъ съ золотыми галунами и запряженныя восемью лошадьми въ



МЕДАЛЬ НА КОНЧИНУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

черныхъ бархатныхъ попонахъ, вышитыхъ золотыми государственными гербами.

Шествіе открывали унтеръ-офицеры гвардіи съ аллебардами. За маршаломъ шли литаврщики, трубачи, пажи и придворные кавалеры. За ними, въ епанчахъ съ длиннымъ крепомъ, иностранные купцы и депутаты завоеванныхъ областей; каждое отдѣленіе отдѣлялось гофъ-фурьеромъ верхомъ; за краснымъ военнымъ знаменемъ вели любимую лошадь государя, на которой онъ бывалъ въ сраженіяхъ; на ней была богатая сбруя, а на головѣ бѣлыя и красныя перья. Несли областныя знамена, и за каждымъ лошадь въ попонѣ, также желтый адмиральскій штандартъ, который императоръ распускалъ на ботикѣ, во время торжественнаго плаванія. За бѣлымъ знаменемъ съ изображеніемъ ваятеля, отдѣлывающаго статую Россіи,—вели лошадь подъ зеленой бархатной попоной съ разноцвѣтными перьями на головѣ; далѣе слѣдовали латникъ въ золотыхъ латахъ на конѣ, а за нимъ пѣшій траурный латникъ, съ опущеннымъ мечемъ, и знамя печали—черное. Несли гербъ государственный и гербы областей, шло духовенство съ крестами, при печаль-

номъ пѣніи пѣвчихъ, за духовенствомъ несли гробъ Наталіи Петровны, подъ балдахиномъ. Герольдмейстеры несли государственные мечи опущенные внизъ, ордена, короны царствъ, скипетръ, державу и императорскую корону. За тѣмъ сани съ гробомъ императора. Полковыя знамена преклонялись къ землѣ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ гроба, и замолкавшая похоронная музыка опять раздавалась. За гробомъ шла императрица съ лицомъ, закрытымъ черною мантіей, ее подъ руки вели Меншиковъ и Апраксинъ, шлейфъ несли камергеры, по сторонамъ шли драбанты, въ свитѣ ея—придворные. Такимъ же порядкомъ, но съ постепенно уменьшающейся свитой шли всѣ остальные члены царской фамиліи; послѣднимъ шелъ великій князь Петръ Алексѣевичъ со свитой. За нимъ придворные, знатныя дамы и дѣвицы, чиновники, дворяне и купцы. Шествіе замыкали унтеръ-офицеры гвардіи; у всѣхъ въ рукахъ были зажженныя свѣчи, исключая тѣхъ, которымъ надобно было нести что-нибудь, кого-нибудь поддерживать, или держаться за шнуры и кисти катафалка; народъ тоже шелъ съ зажженными свѣчами.



ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Черезъ каждую минуту раздавался пушечный выстрѣлъ; похоронное пѣніе, погребальная музыка, плачъ и рыданіе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ производили потрясающее дѣйствіе на присутствующихъ.

Гробъ поставили на приготовленное мѣсто; по окончаніи службы раздались три оглушительные залпа изъ орудій и ружей всего войска. Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ надгробное слово; оно было не длинно, но

говорилъ онъ его долго, потому что его поминутно прерывали отчаянные крики, плачъ и стоны присутствующихъ.

Гробъ Петра только черезъ шесть лѣтъ опустили въ каменный



ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ I ПЕРЕДЪ ИНЖЕНЕРНЫМЪ ЗАМКОМЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

склепъ, а до тѣхъ поръ онъ стоялъ на виду, покрытый порфирой и при немъ постоянно находилась почетная стража.

КОНЕЦЪ.



МЕДАЛЬ НА ПОКОРЕНІЕ ЛИВОНІИ И КАРЕЛІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ: стр.


ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

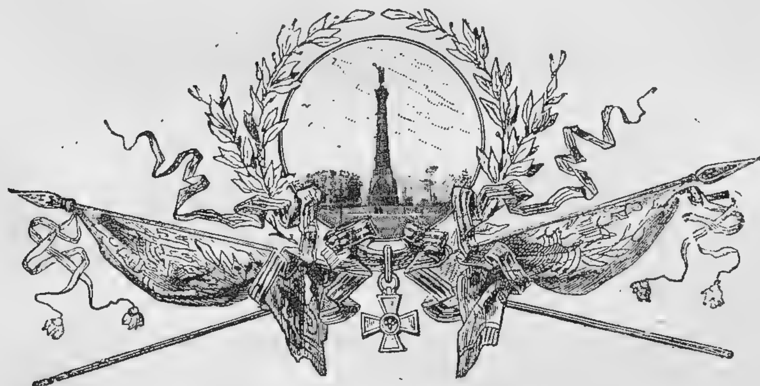


ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ

Повѣсть-хроника эпохи освободительной войны 1877—1878 гг.

А. И. КРАСНИЦКАГО

Съ картинами и иллюстрацiями.



Въ видѣ интереснаго описанія многочисленныхъ приключеній юнаго вольноопредѣляющагося, находившагося въ рядахъ русскихъ войскъ въ послѣднюю русско-турецкую войну, авторъ знакомитъ юныхъ читателей съ иллюзiею эт й войны, съ ея выдающимися героями, съ подвигами храбрыхъ воиновъ, сражавшихся „подъ русскимъ знаменемъ". Одинъ за другимъ проходятъ передъ глазами читателя выдающіеся эпизоды исторической войны за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова. Содержаніе разсказа основано на дѣйствительныхъ событіяхъ, а самый разсказъ ведется авторомъ съ такимъ интересомъ, что его прочтутъ съ одинаковымъ увлеченіемъ и дѣти, и юноши, и взрослые. Многочисленныя иллюстраціи воспроизводятъ не только приключенія героя разсказа, но и всѣ крупныя событія русско-турецкой войны, битвы и сраженія, а также портреты главныхъ дѣятелей.

Одинъ большой томъ in 8⁰ въ роскошномъ коленк. переплетѣ **3 р. 50 к.**

ИСТОРІЯ СУВОРОВА

Сочиненіе ПЕТРА УСОВА

съ 1 хромолитографіею

и 50 рисунками и портретами.

Геніальный русскій полководецъ безспорно является одной изъ героическихъ личностей всемірной исторіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одной изъ самыхъ оригинальныхъ. Военный геній, разносторонній умъ, глубокое знаніе людей и жизни, несокрушимая энергія духа, жаркая любовь къ труду, высокія качества души – все это чудно и странно уживалось въ одномъ человѣкѣ, въ связи съ характернымъ, здоровымъ, нѣсколько грубоватымъ юморомъ, сообщавшимъ какую-то особенную цѣльность его яркому образу. Авторъ „Исторіи Суворова" поставилъ себѣ цѣлью возможно разносторонне изобразить въ пересказѣ для юношества своеобразную и внушающую къ себѣ глубокій интересъ личность героя и столь-же своеобразную, полную всякихъ превратностей судьбу его. Г. Усовъ вполнѣ справился со своей задачей. Его исторія ярко и широко захватываетъ жизнь и подвиги знаменитаго полководца и рисуетъ характерными чертами его своеобычный духовный міръ.





ЖИЗНЬ ЗНАМЕНИТЫХЪ ДѢТЕЙ

Черты изъ дѣтства великихъ людей

ОЧЕРКИ

составленные по Фоа и др. М. НИКОЛЬСКИМЪ

Съ 17 портретами и рисунками.

Въ формѣ разсказовъ, но разсказовъ вѣрныхъ дѣйствительности, книга эта знакомитъ съ тѣмъ, какъ проводили свои юные годы главнѣйшіе дѣятели по разнообразнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній и труда, описываетъ факты и эпизоды изъ юныхъ лѣтъ многихъ выдающихся личностей, имена которыхъ съ благоговѣніемъ и гордостью помнитъ все образованное человѣчество, повѣствуетъ, какъ складывалась постепенно ихъ жизнь, какъ создавался фундаментъ ихъ будущихъ заслугъ, будущей славы. Въ жизни людей, о которыхъ здѣсь разсказано, въ ихъ душевной твердости и стойкости, въ ихъ неутомимыхъ трудахъ на пользу человѣчества, въ ихъ жаркомъ стремленіи къ самоусовершенствованію и самопознанію юные читатели найдутъ много возвышающихъ душу дѣяній, много примѣровъ доблести.

Цѣна каждаго тома 1 руб. 25 коп., въ оригинальномъ золототисненномъ переплетѣ 1 руб. 75 коп.



ИСТОРІЯ ВНѢШНЕЙ КУЛЬТУРЫ

ОДЕЖДА, ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ, ПОЛЕВЫЯ и ВОЕННЫЯ ОРУДІЯ НАРОДОВЪ ДРЕВНИХЪ и НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

240 великолѣпныхъ хромолитографированныхъ картинъ, 80 листовъ описательнаго текста, со многими политипажами.

Сочиненіе и рис. проф. Ф. ГОТТЕНРОТА.

Русскій переводъ С. КЛЯЧКО.

Въ цѣломъ рядѣ превосходно исполненныхъ и раскрашенныхъ рисунковъ, названное сочиненіе даетъ намъ богатый запасъ матеріаловъ, относящихся къ внѣшнему быту всѣхъ историческихъ народовъ. Въ немъ подробно разсматривается все то, что такъ или иначе можетъ характеризовать внѣшнюю сторону культуры въ различныя эпохи у разныхъ народовъ и что могло быть воспроизведено въ художественныхъ рисункахъ.

По богатству и характеру содержанія „Исторія внѣшней культуры" представляетъ громадный интересъ не только для художниковъ и для людей, профессія которыхъ имѣетъ какое-либо отношеніе къ искусству, но и для любителей исторіи, археологовъ, а также и для всякаго образованнаго человѣка, имѣющаго досугъ и средства заниматься этимъ предметомъ. Заключая въ себѣ массу вновь открытаго матеріала, разсѣяннаго по рѣдкимъ и дорогимъ изданіямъ, сочиненіе это является наиболѣе полнымъ, практическимъ и дешевымъ, чѣмъ все, что до сихъ поръ появилось въ этой области знанія.

Главное достоинство издаваемаго нами труда проф. Готтенрота заключается въ богатствѣ и художественности выполненія рисунковъ, которые, при всей своей художественности, нисколько не уклоняются въ область фантазіи, но основаны исключительно на фактахъ, добытыхъ строго научнымъ изслѣдованіемъ. Текстъ, приложенный къ таблицамъ изображеній и снабженный множествомъ политипажей, представляетъ изъ себя полную исторію изображенныхъ предметовъ и служитъ руководствомъ для систематическаго обзора ихъ.

Два великолѣпныхъ тома въ большую 4 д. л. . . . . 20 руб.
То-же въ двухъ роскошныхъ тисненныхъ золотомъ и серебромъ переплетахъ. . . . . 25 руб.

Допускается разсрочка.

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

Сочиненіе Г. МИШО, съ рисунками ГУСТАВА ДОРЕ.

Интересная, увлекательная карт. на той многовѣковой борьбы за вѣру и идею, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ „крестовыхъ походовъ", украшенная цѣлою серіею прелестныхъ картинъ и обработанная для юношества. Описана эта исторія такъ живо и увлекательно, что читается, какъ историческій романъ. Блестящій высокодаровитый карандашъ Доре, которому принадлежитъ большинство картинъ въ этой книгѣ, имѣлъ здѣсь богатое поле для развитія своей фантазіи, своего таланта, и создалъ здѣсь цѣлую серію прелестныхъ картинъ.

Большой томъ въ листъ in 4°, напечатанный на веле. бумагѣ, въ роскошномъ и богатомъ коленк. переплетѣ съ съ золототисненіями 6 р.

